

902.6
М 34

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ С С С Р

64

ПАМЯТНИКИ
СКИФО-САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ
В СЕВЕРНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1958

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. М

ПАМЯТНИКИ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Ответственный редактор

К. Ф. СМЕРНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1958

А. И. Мелюкова

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ЛЕСОСТЕПНОГО СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

ВВЕДЕНИЕ

Для решения спорных вопросов скифской этнографии и выяснения этнической принадлежности соседивших с собственно скифами племен очень важно выделить и изучить локальные варианты культур скифского времени, распространенных на обширной территории Северного Причерноморья. Эта работа особенно интенсивно ведется в течение последних 10 лет рядом археологов Москвы, Ленинграда и Киева. Благодаря новым исследованиям стало более очевидно, чем это было до сих пор, что никакой единой скифской культуры на обширных пространствах юга нашей страны не существовало. Культуры Северного Причерноморья отчетливо делятся на 2 больших группы — степную и лесостепную, из которых в каждой намечается еще несколько локальных вариантов. С собственно скифскими племенами связывается, вероятно, только культура степи, тогда как носители лесостепных культур, очевидно, не были скифами по своей этнической принадлежности.

Вопрос о том, к каким из известных в древности этническим массивам принадлежали эти племена, еще не решен. Некоторые советские ученые¹ склонны думать, что на большей части территории лесостепи жили предки древних славян, наряду с которыми на западных окраинах лесостепи, на верх-

нем и среднем Днестре, могли обитать фракийские племена.

М. И. Артамонов² придает большее значение фракийскому этническому массиву и предполагает, что в начале эпохи железа произошло переселение части фракийцев в более восточные районы, в области Среднего Поднестровья. Свидетельством этого переселения, по мнению М. И. Артамонова, следует считать появление и распространение в раннескифскую эпоху чернолощеной керамики, близкой к посуде, характерной для культур так называемого фракийского гальштага. Движение фракийцев в восточном направлении рисуется этому автору как отмеченное Геродотом переселение гелонов в страну будинов. Кроме того, М. И. Артамонов видит значительный фракийский элемент и в степных областях Причерноморья и Крыма, связывая его с остатками киммерийских племен. Основанием для этого служит также, главным образом, лощеная керамика, известная в небольшом количестве в памятниках степи и хорошо представленная в кизил-кобинской культуре Крыма.

Однако гипотеза М. И. Артамонова не получила признания среди большинства советских археологов. Ее разделяют лишь В. Д. Рыбалова³ и частично Г. И. Смирнов.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; О. І. Тереножкін. Праця І. В. Сталіна з питань мовознавства і деякі питання вивчення Скіфії. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 17.

² М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 169 и сл.

³ В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе право-

ва⁴. Остальные исследователи, занимающиеся скифской проблемой, не считают возможным присоединиться к этой точке зрения и полагают, что роль фракийцев в истории населения Северного Причерноморья сильно преувеличена М. И. Артамоновым. Совершенно очевидно, что для решения сложного вопроса об этнической принадлежности нескифских племен Северного Причерноморья имеют большое значение всестороннее и углубленное изучение локальных вариантов культуры лесостепной Украины и Молдавии скифского периода и сопоставление их с памятниками, принадлежавшими исторически засвидетельствованным фракийцам.

Из групп, выделяемых нами на территории лесостепи, в настоящее время наиболее изучена и освещена в литературе та, которая была распространена на правобережье Среднего Приднепровья. Благодаря работам А. И. Тереножкина⁵ и Е. Ф. Покровской⁶ доказано, что культура скифской эпохи образовалась здесь на местной основе, в корне отличавшейся от степной срубной культуры, легшей в основу собственно скифской культуры. Наряду с этим выяснено, что отдельные формы металлических изделий и лощеной керамики сложились на днепровском Правобережье в результате влияния племен Северного Кавказа, Дунайского бассейна и лужицкой культуры. Никаких более глубоких причин, свидетельствующих о единстве происхождения и исторического развития местных и фракийских племен, не устанавливается.

Значительно менее известны группы лесостепной культуры, расположенные к западу от среднего Днепра, в бассейне Южного Буга и Среднего Поднестровья.

На территории лесостепного Поднестровья выделяются две весьма отличающиеся

друг от друга группы памятников⁷. Одна из них находится в Молдавии, другая — в северо-западных районах Среднего Поднестровья и отчасти заходит на верхний Днестр. Последняя группа известна в литературе под наименованием западноподольской. Особенности погребальных памятников Западной Подолии были отмечены еще А. А. Спицыным⁸. Однако из-за недостатка материала он не мог выделить эти курганы в отдельную группу и включил их в число памятников Киевщины.

Специально курганам Западной Подолии посвящена работа Т. Сулимирского⁹. Более подробно об этой монографии Т. Сулимирского будет сказано ниже. Отмечу лишь, что характеристика курганов Западной Подолии, данная этим исследователем, до сих пор использовалась почти без изменений и дополнений в общих работах, посвященных этнографии Скифии или вопросу о скифах-пахарях. Поселения на территории Западной Подолии, одновременные курганам, стали изучаться только после Великой Отечественной войны. В послевоенный период был открыт, кроме того, ряд памятников предскифского времени, позволяющих несколько глубже, чем это было у Т. Сулимирского, наметить генезис западноподольской культуры скифской эпохи. Сколько-нибудь подробная характеристика этой культурной группы в целом, где были бы учтены материалы не только погребений, но и поселений, — в литературе отсутствует.

О молдавской группе памятников имеют еще менее подробные сведения. Отчасти это объясняется тем, что на территории Молдавии памятники интересующего нас времени стали изучаться лишь с 1946 г., при этом только немногие из них получили отражение в литературе. Самая краткая и предварительная характеристика молдавской группы памятников была дана нами в статье, написанной совместно с Б. Н. Граковым¹⁰.

бережной Украины. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 209 и сл.

⁴ Г. И. Смирнова. Археологические культуры лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Автореферат канд. диссерт. Л., 1954.

⁵ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 94 и сл.

⁶ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднепровья. Автореферат канд. диссерт. Киев, 1953.

⁷ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 82.

⁸ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 87 и сл.

⁹ T. Sulimirski. Scytowie na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.

¹⁰ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 82 и сл.

Из неопубликованных работ культурам правобережной лесостепной Украины и Молдавии посвящена диссертация Г. И. Смирновой¹¹. В ней центральное место занимают памятники Побужья и Могилев-Подольского района. В противоположность нам, Г. И. Смирнова объединяет в одну группу побужские и западнopoдольские памятники, хотя и признает существование особенностей в той и другой группах и то, что памятники Побужья не только территориально, но и по культуре занимают как бы промежуточное место между правобережным Средним Приднепровьем и Поднестровьем. Кроме того, Г. И. Смирнова выделяет еще одну группу памятников в районе Могилева-Подольского, в которой сочетаются признаки, характерные для Подолии, с одной стороны, и Молдавии — с другой. Однако нам представляется, что как для объединения западнopoдольских памятников с побужскими, так и для выделения в особую группу памятников Могилев-Подольского района пока нет достаточных оснований.

При большом сходстве в керамике раннескифского периода Западной Подолии и Побужья совершенно отчетливо выступают черты, отличающие одну группу от другой. Памятники Могилев-Подольского района отличаются от западнopoдольских только более заметным влиянием молдавской группы памятников.

Задачей настоящей работы является по возможности полная характеристика памятников двух основных групп культур бассейна среднего Днестра — западнopoдольской и молдавской и сравнение их с соседними культурами. Автором использованы материалы старых раскопок и результаты новых исследований, проводившихся в последние годы различными экспедициями ИИМК, ИА Академии наук СССР, Молдавского филиала Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа. Следует заметить, что в работу вошли материалы, полученные при раскопках и разведках до 1954 г. включительно. Результаты исследований последующих лет отражены лишь частично. К сожалению, общее количество источников пока еще недостаточно для того, чтобы дать исчерпывающую характеристику материальной культу-

ры племен, живших в скифскую эпоху на Днестре.

Для выяснения вопроса о происхождении той и другой культур пришлось остановиться на памятниках предскифского времени, ставших известными на среднем Днестре лишь благодаря работам последних лет. К предскифскому периоду отнесены памятники белогрудовского и чернолесского этапов, тогда как памятниками скифской эпохи считаются те, которые можно датировать временем не ранее второй половины или конца VII в. до н. э. Эта датировка начала скифского периода в культуре племен Северного Причерноморья была предложена Б. Н. Граковым¹². В последние годы ее поддерживали А. И. Тереножкин¹³ и ряд других исследователей¹⁴.

Существует и другая точка зрения, предлагающая начинать скифский период с VIII в. до н. э.¹⁵, но она нам представляется необоснованной. По письменным источникам, скифы, действительно, известны в Северном Причерноморье с VIII в. до н. э., но только во второй половине VII в. до н. э. в культурах степи и лесостепи наблюдаются существенные изменения, связанные, очевидно, с окончательным освоением железа, с одной стороны, и распространением металлических изделий скифских типов — с другой.

Конец скифского периода на среднем Днестре, как и в других областях Северного Причерноморья, относится к III в. до н. э. Позднее на территории лесостепи, в том числе и на Днестре, распространились памятники так называемой культуры полей погребений. Однако пока мы еще не можем определить, каковы были переход от одного периода к другому и характер взаимоотношений культуры обоих периодов.

¹² Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 38.

¹³ А. И. Тереножкин. Поселения в городищах в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 94.

¹⁴ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры раннего железного века в лесостепном правобережном Поднестровье. КСИИМК, вып. 2, 1953, стр. 36.

¹⁵ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 100 и сл. Раннескифскими названы памятники чернолесского типа. Этой же точки зрения придерживается Г. И. Смирнова (ук. соч.).

¹¹ Г. И. Смирнова. Ук. соч.

Прежде чем перейти к основному изложению, позволю себе сделать еще одно замечание. Группа памятников, расположенных в северо-западной части Поднестровья, в пределах Каменец-Подольской, Тернопольской, Станиславской и Черновицкой областей, а

также Могилев-Подольского района, в работе названа так же, как у Т. Сулимирского, — западноподольской. Памятники, находящиеся на территории лесостепной Молдавии, называются молдавскими.

Глава I

ЗАПАДНОПОДОЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

1. ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД

В эпоху средней бронзы на территории Прикарпатья, Западной Подолии и Вольни, а также далее на восток (возможно, — вплоть до Днепра) были распространены памятники так называемой комаровской культуры. Недостаточная изученность этих памятников пока не позволяет выделить локальные варианты комаровской культуры и определить границы их распространения. В настоящее время достаточно определенно выделяется только белопотоцкая группа памятников, известная главным образом на территории левобережья северо-западной части Среднего Поднестровья¹. В. Д. Рыбалова намечает еще 3 группы памятников комаровской культуры, расположенных за пределами изучаемой нами территории².

Исследователи, занимавшиеся изучением памятников комаровской культуры, полагали, что последние принадлежали родственным земледельческо-скотоводческим племенам. На основании находок в этих памятниках сосудов дунайского типа польские исследователи считали носителей комаровской культуры племенами фракийской принадлежности³. Работы советских ученых показывают, что комаровская культура в целом резко отличалась от одновременных культур Карпато-Дунайского района. Значительно больше сходных черт наблюдается в комаровской культуре с тщицеинской культурой (Юго-Восточная Польша), явившейся

в этой области подосновой лужицкой культуры⁴.

Если все известные в настоящее время памятники эпохи средней бронзы в северо-западной части Среднего Поднестровья принадлежат к одной, комаровской культуре и в основном к ее белопотоцкому варианту, то для периода конца бронзы и самого начала эпохи железа выделяются 2 категории памятников, относящихся к разным культурам. Одна из них по своему происхождению, видимо, связана с предшествующей местной комаровской культурой, тогда как вторая, по всей вероятности, не имеет местных корней. Эти категории памятников расположены в разных территориях, но граница между ними пока недостаточно ясно определяется. В настоящее время как будто намечается, что граница проходила в районе р. Збруча г. Черновиц. Одни из памятников известны восточнее от этой линии, в районе городов Каменец-Подольска и Могилева-Подольского в восточных районах Черновицкой области, тогда как другие — в западных районах Черновицкой области, в Тернопольской и Станиславской областях.

Памятники, выделяемые нами в первую группу, были открыты после Великой Отечественной войны в результате работ Трипольской экспедиции ИИМК и ИА (1948–1951 гг.), Средне-Днестровской экспедиции ИА и ЛОИИМК и Юго-Подольской экспедиции Государственного Эрмитажа (1950–1953 гг.). К сожалению, на большинстве памятников раскопок не производилось, и известны пока только по подъемному материалу. Наиболее ранние из этих памятников, судя по керамике, синхронны или близки времени к белогрудовским зольникам;

¹ О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 62 и сл.

² В. Д. Рыбалова. Ук. соч., стр. 212.

³ Leon Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 49 и сл.

⁴ И. К. Свешников. Підсумки дослідж культур бронзової доби Прикарпаття і захід Поділля. Львів, 1958, стр. 26 сл.

представлены поселениями открытого типа, известными по разведкам в Кельменецком районе Черновицкой области и в районе г. Могилева-Подольского.

Наиболее выразительный комплекс находок был собран Трипольской экспедицией на поселениях у с. Оселивка (урочище Муроване), у с. Кельменцы (урочище Гряды), у с. Вурдюги (урочище Громивка) и у с. Берново (урочище Гряды) Кельменецкого района⁵.

Все эти поселения расположены на берегах небольших и неглубоких оврагов, на значительном расстоянии от Днестра. На современной, сильно распаханной поверхности в урочище Гряды у с. Кельменцы были хорошо заметны следы больших зольных пятен, — очевидно, зольников, внутри которых находилось значительное количество фрагментов керамики и обломков костей животных. За пределами зольных пятен следы культурного слоя прослеживаются хуже. Среди керамики, собранной на этом и других названных выше поселениях, преобладают сосуды со слабо выделенной шейкой, украшенной невысоким оттянутым (реже — наlepным) валиком (рис. 1, 1, 6, 7, 9). Валик у большинства сосудов гладкий, и лишь на некоторых фрагментах он расчленен неглубокими, расположенными на значительном расстоянии друг от друга пальцевыми защипами. Под венчиком этих сосудов обычно имеются проколы, или сквозные, или сделанные только на наружной стороне, причем на внутренней им соответствуют едва заметные горошины. Поверхности сосудов шероховатые или, реже, хорошо заглаженные, но без лощения, коричневатого или желтовато-серого цвета. Глина содержит крупные примеси кварцевой дресвы и крупнозернистого песка.

Встречаются также баночные сосуды, близкие к описанным по орнаментации и глине. Валик на этих горшках обычно расположен на 4—5 см ниже края, под проколами (рис. 1, 2, 8). Край этих сосудов обрезан ровно или слегка закруглен. Глина такая же, как у описанных выше сосудов.

Кроме горшков со слабо выделенной шейкой или баночных, изготовленных из сравнительно грубого теста, на поселениях найдено небольшое количество фрагментов лощеной керамики. Все они принадлежат черпа-

кам или чаркам с невысокой шейкой и округлым туловом. У одних горшков ручки простые петельчатые (рис. 1, 14), у других они имеют невысокий, но широкий выступ в верхней части, заканчивающийся круглым в плане расширением (рис. 1, 13). Поверхности этих сосудов — коричневатого или сероватого цвета; лощение слабое. Глина их лучше промешана, примеси в ней менее крупные.

На поселениях в урочище Гряды у с. Кельменцы и в урочище Муроване у с. Оселивка найдены стенки лощеных сосудов более крупных размеров, но восстановить форму по этим обломкам не удастся.

Кроме керамики, на этих двух поселениях встречены невыразительные обломки кремневых орудий и сделанные из лопаточной кости лошади орудия в виде зубчатого штампа (рис. 1, 15, 16)⁶. На поселении в урочище Муроване у с. Оселивка обнаружены также часть каменной булавы, обломок каменного сверленого топора и небольшая бронзовая булава из тонкой проволоки с загнутой в ушко головкой.

С 1955 г. Западно-Украинская экспедиция Гос. Эрмитажа производит раскопки на поселении у с. Магала Черновицкой области⁷. Нижний слой этого поселения относится к описываемой группе памятников. В нем открыты остатки наземного жилища и расположенный рядом с ними зольник; собран большой комплекс керамики, изделий из кости и значительное количество бронзовых предметов. Материал, полученный в результате раскопок, дает возможность сопоставлять эти памятники Подолии с группой культуры Ноа конца II — нач. I тыс. до н. э., известной в Припрутской Румынии и недавно открытой в лесостепных районах Молдавской ССР. Вместе с тем в керамике наблюдается значительное влияние керамических форм, характерных для белогрудовской культуры, не прослеживающееся в керамике культуры Ноа Румынии и Молдавии.

⁶ Подобные орудия представляют обычную находку на поселениях эпохи поздней бронзы степного Северного Причерноморья. О. А. Кривцова-Гракова предполагает, что они употреблялись для выделки шкур. См. О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 131.

⁷ Г. И. Смирнова. Поселения позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. КСИИМК, вып. 70, М., 1957, стр. 104 сл.

⁵ Материал не опубликован. Хранится в лаборатории ИИМК.

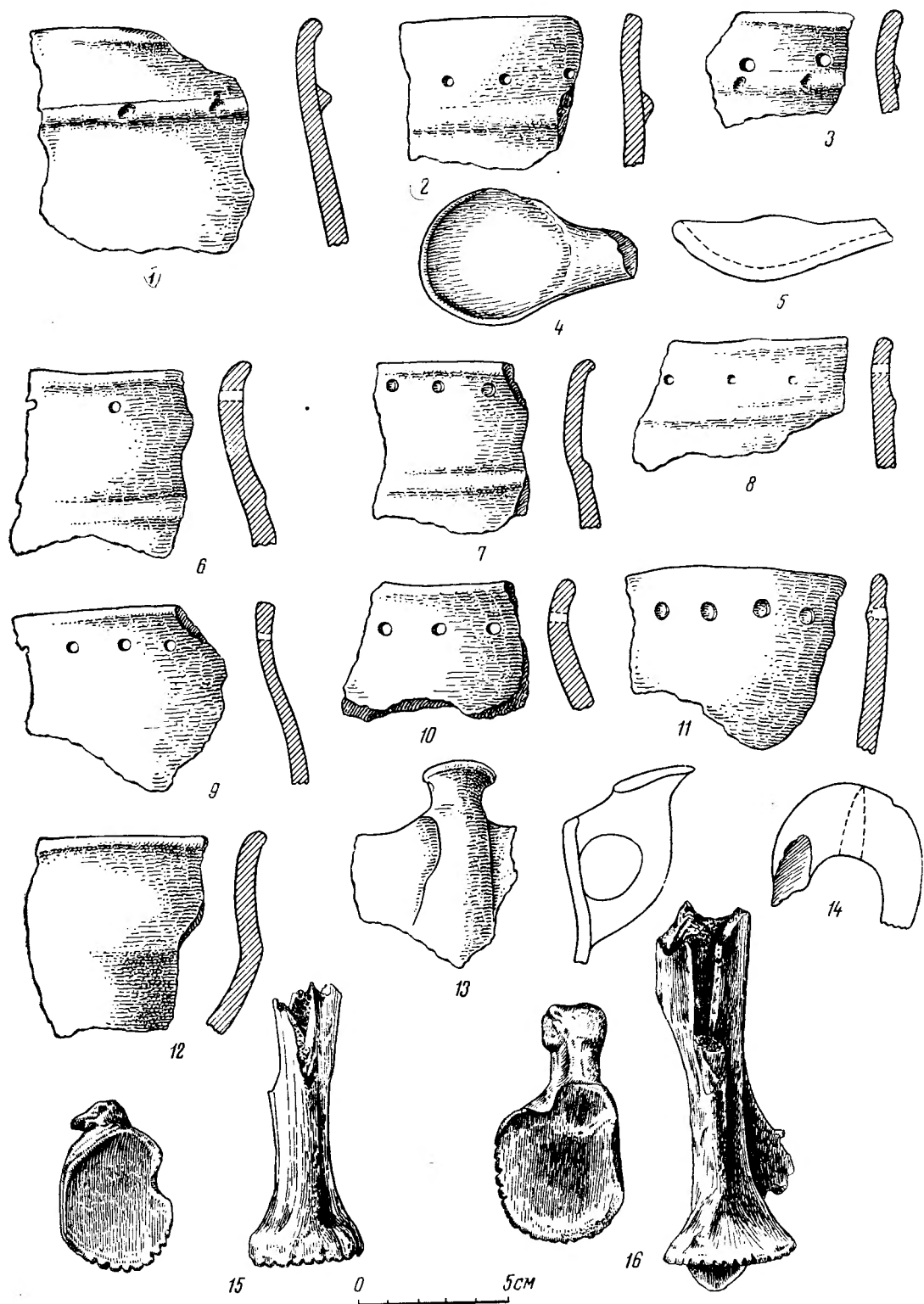

Рис. 1. Керамика и костяные орудия с поселений белогрудовского времени.

1—3, 10—12, 16 — с поселения в урочище Гряда у с. Кельменцы Черновицкой области; 4—9, 13—15 — с поселения в урочище Муроване у с. Оселівка Черновицкой области.

Поселение с близкой керамикой исследовано на Ю. Буге, у с. Сандраки⁸. Западнее г. Черновиц памятники этой группы пока неизвестны. На основании находок бронзовых изделий в нижнем слое поселения у с. Магала и керамического комплекса, описанные памятники относятся к концу эпохи бронзы и могут быть датированы XI—IX вв. до н. э. Возможно, что по своему происхождению культура эпохи поздней бронзы Подолии связана с комаровской культурой и именно с ее белопотоцким вариантом. На это как будто указывают формы кухонной посуды, представляющие собой дальнейшее развитие форм керамики комаровской культуры, одинаковые примеси в глине той и другой кухонной посуды, употребление там и здесь близких форм чарок. Вместе с тем близость памятников эпохи поздней бронзы Подолии к культуре Ноа Румынии и Молдавии свидетельствует о значительном южном влиянии на культуру поздней бронзы Подолии.

В районе г. Могилева-Подольского Юго-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова в 1952—1953 гг. было открыто несколько памятников, которые могут быть отнесены к переходному от белогрудовского к чернолесскому времени⁹. На одном из этих поселений, у с. Яруга (на винограднике), производились небольшие раскопки разведывательного характера. В процессе этих работ собран значительный комплекс керамики, в основном близкий к посуде правобережного лесостепного Приднепровья. Среди кухонной, сравнительно грубой посуды преобладают так называемые тюльпановидные горшки, украшенные налепным валиком в нижней части шейки и проколами под венчиком. Валик этих сосудов чаще гладкий, как на большинстве горшков с указанных выше поселений эпохи поздней бронзы; реже он украшен пальцевыми защипами или нарезками. Встречаются и прямостенные баночные горшки с таким же орнаментом.

Кроме нелощеной кухонной керамики, на поселении найдены фрагменты лощеной посуды. Судя по ним, можно думать, что на-

бор лощеной керамики был довольно разнообразным. Наибольшим количеством фрагментов представлены миски, преимущественно со слегка загнутым внутрь краем; он несколько скруглен, утолщен или, наоборот, немного суживается по сравнению со стенкой. По краю мисок иногда имеются невысокие лопастевидные выступы. Изредка верхняя часть стенок мисок украшена неглубокими каннелюрами или желобками. Несколько фрагментов принадлежат мискам, край которых является прямым продолжением стенки. Кроме мисок, среди лощеной керамики встречаются еще черпаки с простой петельчатой ручкой без выступа наверху, большие корчаги, иногда украшенные горизонтальными каннелюрами на тулове.

Нелощеная кухонная керамика с поселения у с. Яруга как будто ближе к посуде, характерной для памятников белогрудовского типа, тогда как лощеная, как мне представляется, имеет больше сходства с посудой чернолесского времени. Следует отметить, что такие сосуды, как миски, украшенные горизонтальными каннелюрами в верхней части стенок, и корчаги с таким же орнаментом, наиболее часто встречаются не в собственно чернолесских памятниках Среднего Приднепровья, а в памятниках раннего железного века, так называемого голиградского типа, распространенных к западу от р. Збруча и в Молдавии.

Кроме керамики, на поселении у с. Яруга обнаружены обломок каменного сверленного топора и обломок кремневого серпа, вполне аналогичные предметам, найденным в белогрудовских зольниках¹⁰ и встречающимся также в памятниках раннего железного века Поднестровья.

Памятники Подолии типа поселения у с. Яруга, где в кухонной керамике ясно выступают черты, характерные для белогрудовского этапа, на основании лощеной посуды могут быть отнесены ко времени не ранее первой половины VIII в. до н. э.

Памятники рассматриваемых районов Среднего Поднестровья, выделяемые нами в следующую хронологическую группу, известны в большем количестве, чем отмеченные выше; при этом они представлены не

⁸ О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Собківка, КСИА, в с. Сандраки. Археологія, IX, Київ, 1954, стр. 138, вып. 1, 1952, табл. II, 9—15.

⁹ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 111.

¹⁰ С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собківка. КСИА, вып. I, 1952, стр. 82, рис. 5; О. І. Тереножкін. Ук. соч., стр. 177, табл. II, рис. 15—20.

только поселениями, но и погребениями. Вещественный материал из этих памятников позволяет относить их к концу или ко второй половине VIII в.— VII в. до н. э. Поселения этого времени, как и в более ранний период, представляли собой неукрепленные поселки открытого типа. Небольших городищ, близких к Чернолесскому, Субботовскому и другим, известным на правобережье Среднего Поднепровья, здесь не обнаружено.

Поселения открытого типа располагались на мысах, склонах оврагов, чаще — на некотором расстоянии от Днестра, реже — на его берегу; они известны как в Черновицкой, так и в Хмельницкой областях (в районе Каменец-Подольска), и недалеко от г. Могилева-Подольского. На некоторых из них производились раскопки. В 1950 г. отрядом скифской археологии Трипольской экспедиции ИИМК и ИА АН УССР было исследовано поселение у с. Ленковцы (в урочище Гамария, за яром) Кельменецкого района Черновицкой области¹¹. Поселение занимало часть большого мыса, находящегося на крутом берегу Днестра. В результате раскопок были открыты остатки большого наземного жилища с глинобитным полом, ямами хозяйственного назначения и остатками глинобитного очага или печи. К сожалению, размеры и планировку жилища выявить не удалось, так как глинобитный пол был сильно поврежден распахиванием и ямами, вырытыми в более поздний период, во II—III вв. н. э. В культурном слое и на месте жилища найдены: большое количество фрагментов керамики, кремневые серпы, обломок каменного молота, костяной наконечник стрелы, костяные проколки, небольшая бронзовая спиралька, обломок бронзового проволочного кольца, глиняные пряслица и катушки.

В 1951 г. И. Г. Шовкопляс производил небольшие раскопки на поселении у с. Лука-Врублевская, в местности Дунаек. При раскопках открыты остатки наземного жилища с глинобитными очагами или печками. Комплекс находок, происходящих с этого поселения, лишь в деталях отличается от находок с поселения у с. Ленковцы¹².

¹¹ Материалы не опубликованы. Хранятся в лаборатории ИИМК. Отчет о раскопках находится в архиве ИА.

¹² И. Г. Шовкопляс. Курганный могильник предскифского часу на среднем Днестре. АП, т. IV, Київ, 1952, стр. 11 (примечание).

Керамика, аналогичная найденной при раскопках на указанных 2 поселениях, была собрана при разведках Трипольской экспедиции в ряде мест Черновицкой области¹³ и экспедицией ИА на левом берегу Днестра, недалеко от г. Каменец-Подольска. В районе г. Могилева-Подольского ряд близких по керамике памятников открыт разведками Юго-Подольской экспедиции под руководством М. И. Артамонова в 1952—1953 гг.¹⁴

Погребальные памятники конца VIII в.— VII в. до н. э. известны по раскопкам двух могильников; один из них находится недалеко от с. Лука-Врублевская Каменец-Подольского района, другой — у с. Мервинцы на левом берегу р. Мурафы, недалеко от г. Могилева-Подольского¹⁵.

Могильник у с. Лука-Врублевская был исследован Среднеднестровской археологической экспедицией в 1947—1951 гг.¹⁶ Он состоял из 8 курганов высотой до 1 м, с диаметром основания 7—17 м. Курганные насыпи были сделаны из камней различной формы и величины и лишь сверху покрыты тонким слоем земли. Под курганными насыпями обычно имелась одна могильная яма или одно погребальное место на уровне древнего горизонта; только в курганах № 4 и 6 было несколько могил.

Погребения на уровне древнего горизонта находились на каменных вымостках, сделанных из плоских плит. Ямы, вырытые в материке, по стенкам и полу были выложены каменными плитками, а сверху, возможно, были накрыты деревянным настилом. Все погребения, кроме двух (в курганах № 6 и 8), совершались по обряду трупоположения, причем там, где это можно установить, покойники были положены на правом боку в скорченной позе, головой на северо-запад или юго-юго-восток. Отмечены случаи захоронений в сидячем положении (курган № 4, погребение № 4).

¹³ Материал не издан. Хранится в лаборатории ИИМК. Происходит с поселений: у с. Нагоряне, урочище Две Говды; у того же села, урочище Кринички; у с. Бырново, урочище Брага.

¹⁴ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 111.

¹⁵ Там же, стр. 113 и сл.

¹⁶ И. Г. Шовкопляс и Е. В. Максимов. Дослідження курганного могильника передскифського часу на середньому Дністрі. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 89 и сл.; И. Г. Шовкопляс. Курганный могильник предскифского времени на среднем Днестре. КСИИ, вып. 2, 1953, стр. 41 и сл.

В курганах № 6 и 8 открыты трупосожжения. В кургане № 6 урна с пережженными человеческими костями и золой стояла вверх дном в небольшой ямке, обложенной каменными плитками. Урна с пережженными человеческими костями в кургане № 8 также находилась в небольшой ямке, но стояла вверх устьем и не была обложена камнями. В большинстве гробниц обнаружены коллективные захоронения (от двух до шести), причем, судя по беспорядочному положению костей, погребения совершались в разное время.

В кургане № 3 и в погребении № 4 кургана № 4 отмечено положение покойников в 2 яруса. Лишь в погребении № 6 кургана № 4, в курганах № 5 и 8 обнаружены одиночные скорченные погребения. Наличие коллективных захоронений указывает на то, что могилы представляли собой семейные усыпальницы, а весь могильник может рассматриваться как родовое кладбище.

Инвентарь погребений очень небогат; он состоит преимущественно из фрагментов посуды, близкой к керамике, найденной на поселениях. Лишь в некоторых погребениях встречены следующие вещи: обломок бронзового браслета, бронзовая игла с ушком, кольцо, точильные каменные бруски и пряслица.

У с. Мервинцы экспедиция под руководством М. И. Артамонова в 1953 г. раскопала 2 кургана¹⁷. Как и в Луке-Врублевцевой, при сооружении насыпей этих курганов использовался камень. В кургане № 1 насыпь состояла сплошь из камней с землей; в кургане № 2 насыпь была земляной, а под ней находился каменный кромлех шириной 1 м, диаметром 12 м. Оба кургана были ограблены, и поэтому ни о положении погребенных, ни о полном комплексе инвентарей, сопровождавших их, нельзя сказать ничего определенного. В кургане № 1 могила представляла собой неглубокую яму, вырытую в грунте (глубина — 0,3 м); в кургане № 2 в центре кромлеха находился каменный ящик, сделанный из нескольких вертикально поставленных плит, перекрытых такими же плитами. И в том, и в другом кургане найдена керамика, в которой ясно выступают черты, характерные для посуды предскифской

эпохи. Из кургана № 2 происходит тюльпановидный сосуд с гладким валиком со свисающими концами и проколами под венчиком¹⁸.

В кургане № 1 найдены лощеный кубок с вертикальными каннелюрами на плечиках и чарки с высокими ручками того типа, который исчез к концу VII в. до н. э. Однако, наряду с сосудами архаической формы, в этом же кургане оказался фрагмент чарки с орнаментом, сделанным зубчатым и S-образным штампом, аналогичный сосудам этого типа, характерным для памятников Молдавии и южных районов Среднего Приднестровья в раннескифское время¹⁹.

Кроме керамики, в кургане № 1 обнаружен обломок железных кольчатых удил, а в кургане № 2 — железный нож, сильно испорченный ржавчиной. Эти находки позволяют относить курганы у с. Мервинцы к несколько более позднему времени, чем курганы у с. Лука-Врублевцевая, и датировать, по крайней мере курган № 1, второй половиной VII в. до н. э.; курган № 2, может быть, более ранний.

В культуре населения последнего периода предскифской эпохи ясно прослеживаются черты, характерные для культуры предыдущего времени, с одной стороны, и черты, получившие дальнейшее развитие в более поздний, скифский период, — с другой. Вместе с тем памятники этого времени дают возможность отчетливее выявить особенности материальной культуры местных племен, отличающие их от соседних групп культур конца VIII в.—VII в. до н. э.

В керамике продолжали преобладать сосуды тюльпановидной формы, украшенные проколами под венчиком и наlepным невысоким валиком на шейке (рис. 2, 1, 3); но, в отличие от сосудов более раннего времени, валик на них обычно не гладкий, а украшен пальцевыми защипами. Сосуды с гладким валиком представлены единичными находками. Наряду с ними появились сосуды такой же тюльпановидной формы с невысоким валиком, расположенным не на шейке, а под венчиком (рис. 2, 2). Однако в комплексах керамики, происходящей с поселений этого времени, сосуды данного типа составляют незначительный процент, тогда как в более

¹⁷ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 115.

¹⁸ Там же, стр. 115, рис. 48.

¹⁹ Там же, рис. 47.

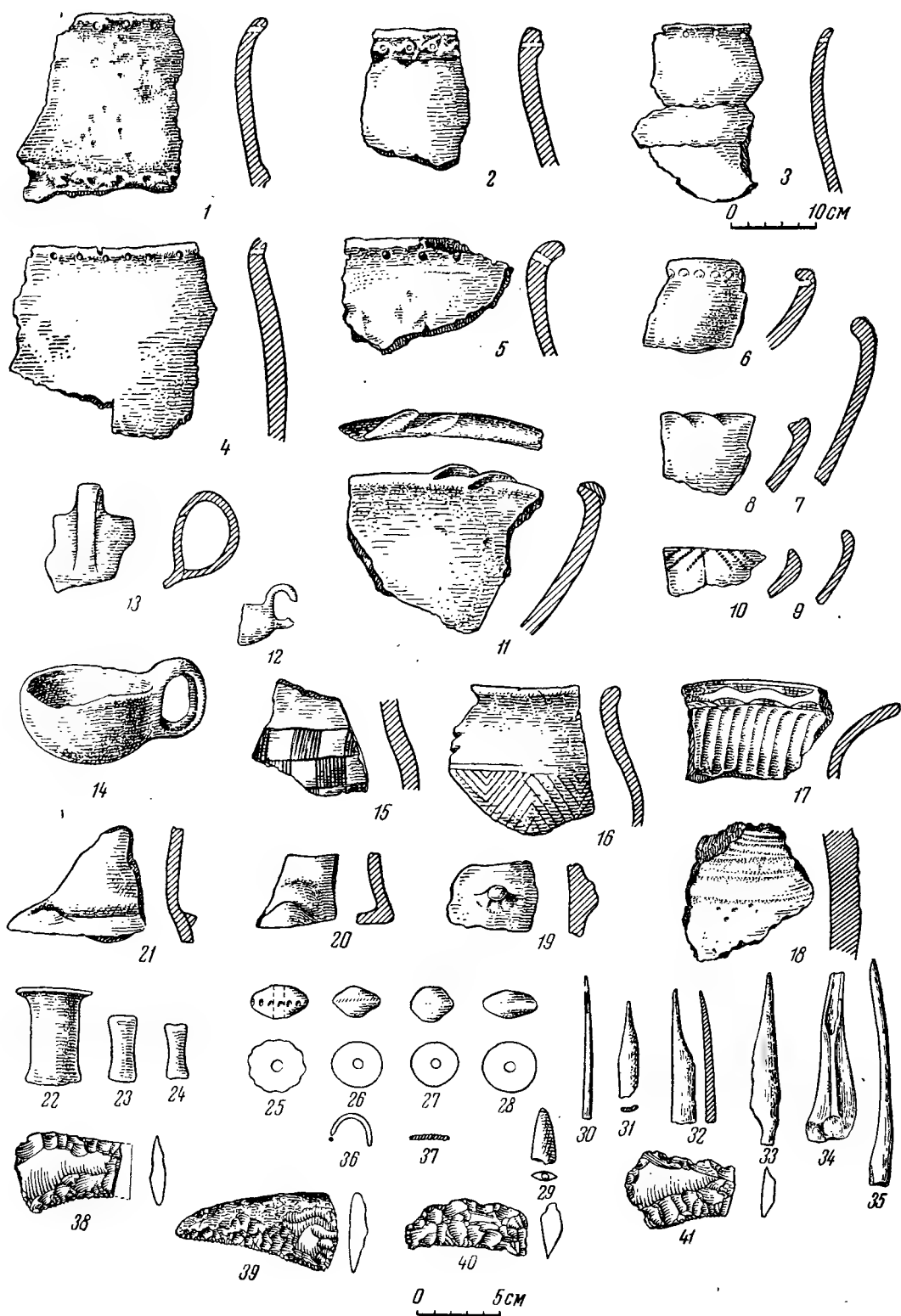

Рис. 2. Находки с поселения в урочище Гамар'я у с. Ленковцы Кельменецкого района Черновицкой области.

позднюю, скифскую эпоху они стали преобладать.

Вторым типом кухонной керамики являются баночные горшки; количество их, по сравнению с тьюльпановидными, невелико, но они встречаются как на поселениях (Ленковцы, урочище Гамария и др.), так и в погребениях (Лука-Врублевская)²⁰. Сосуды этого типа обычно украшались лишь сквозными проколами под венчиком (рис. 2, 4); реже они имели слегка утолщенный край с частыми пальцевыми защипами²¹. Изредка стенки баночных горшков орнаментировались валиком или неглубокими ямками, сделанными вдавлением пальца.

Кухонная керамика по-прежнему сделана из глины с примесью сравнительно крупных частиц, однако в глину добавлялась не толченая древа, а шамот или сланец. Поверхности кухонной посуды обычно хорошо заглажены, а у посуды с поселений близ сс. Ленковцы и Озаринцы поверхности были слегка лощеными.

Тьюльпановидные сосуды, украшенные валиком с пальцевыми защипами на шейке, характерны для памятников чернолесского типа, которые известны на Тясмине и Уманьщине²². Сосуды этой формы, найденные на рассматриваемой территории, отличаются от обычных чернолесских лучшей отделкой поверхности и примесью в глине. На городищах чернолесского типа в глине кухонных сосудов обычно имеется не шамот или толченый сланец, а примесь толченого кварца. Баночные горшки, встречающиеся на изучаемых памятниках, в предскифскую эпоху не имели широкого распространения на территории правобережного Среднего Приднестровья; они наиболее характерны для памятников второй, так называемой голиградской группы в северо-западной части Среднего Поднестровья, а также для Молдавии.

Не имеет аналогии в посуде чернолесских комплексов сосуд-урна из кургана № 6 у с. Лука-Врублевская²³. От обычной керамики он отличается иным профилем и неболь-

шими ручками-упорами на тулове. Наиболее близкие аналогии для этого сосуда имеются в соседней (к западу) голиградской группе памятников (рис. 3, 4).

Кроме сравнительно грубой кухонной керамики, с поселений и из погребений изучаемого нами района происходит довольно большой комплекс лощеной керамики, преимущественно столового назначения. Глина этих сосудов содержит мелкие частицы шамота или сланца, хорошо отмучена. Поверхности их всегда очень хорошо заглажены и до блеска залощены. Цвет сосудов различный — от светло-серого или желтовато-серого до черного.

Формы лощеной керамики отличаются большим разнообразием по сравнению с комплексом в памятниках более раннего времени. Наиболее полный комплекс лощеной посуды происходит с поселения у с. Ленковцы. Лощеная керамика, встреченная в других памятниках, отчасти повторяет формы посуды этого поселения, отчасти дополняет его комплекс.

Самыми распространенными типами лощеной керамики были миски и черпаки, близкие к описанным выше и относящимся к несколько более раннему времени. У мисок — загнутый внутрь край, который часто украшался либо косыми каннелюрами (рис. 2, 8), либо невысокими, также косо расположенными валиками (рис. 2, 11). На некоторых мисках встречается орнамент, нанесенный зубчатым штампом (рис. 2, 10) или имеющий форму горошин, сделанных вдавлением круглой палочки изнутри (рис. 2, 6).

Два последних типа орнамента не были известны на керамике более раннего времени. На мисках, относящихся к VII в. до н. э., этот орнамент встречается очень редко; он широко распространился в более позднее время.

У черпаков или чарок — по-прежнему полусферическое тулово или сравнительно высокая шейка со слабо отогнутым наружу краем и округлое тулово. Ручки этих черпаков, так же как и более ранних, имеют форму петли без характерного для чарок скифского времени столбика наверху (рис. 2 12—14).

Наряду с мисками и черпаками встречаются фрагменты лощеных сосудов иных форм. На поселении у с. Ленковцы найдено довольно много фрагментов сосудов средне-

²⁰ И. Г. Шовкопляс и Е. В. Максимов. Ук. соч., табл. I, 4, табл. III, 7.

²¹ Там же, табл. III, 7.

²² А. И. Терениожкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднестровье, стр. 96 и сл.

²³ И. Г. Шовкопляс и Е. В. Максимов. Ук. соч., стр. 103, рис. 12.

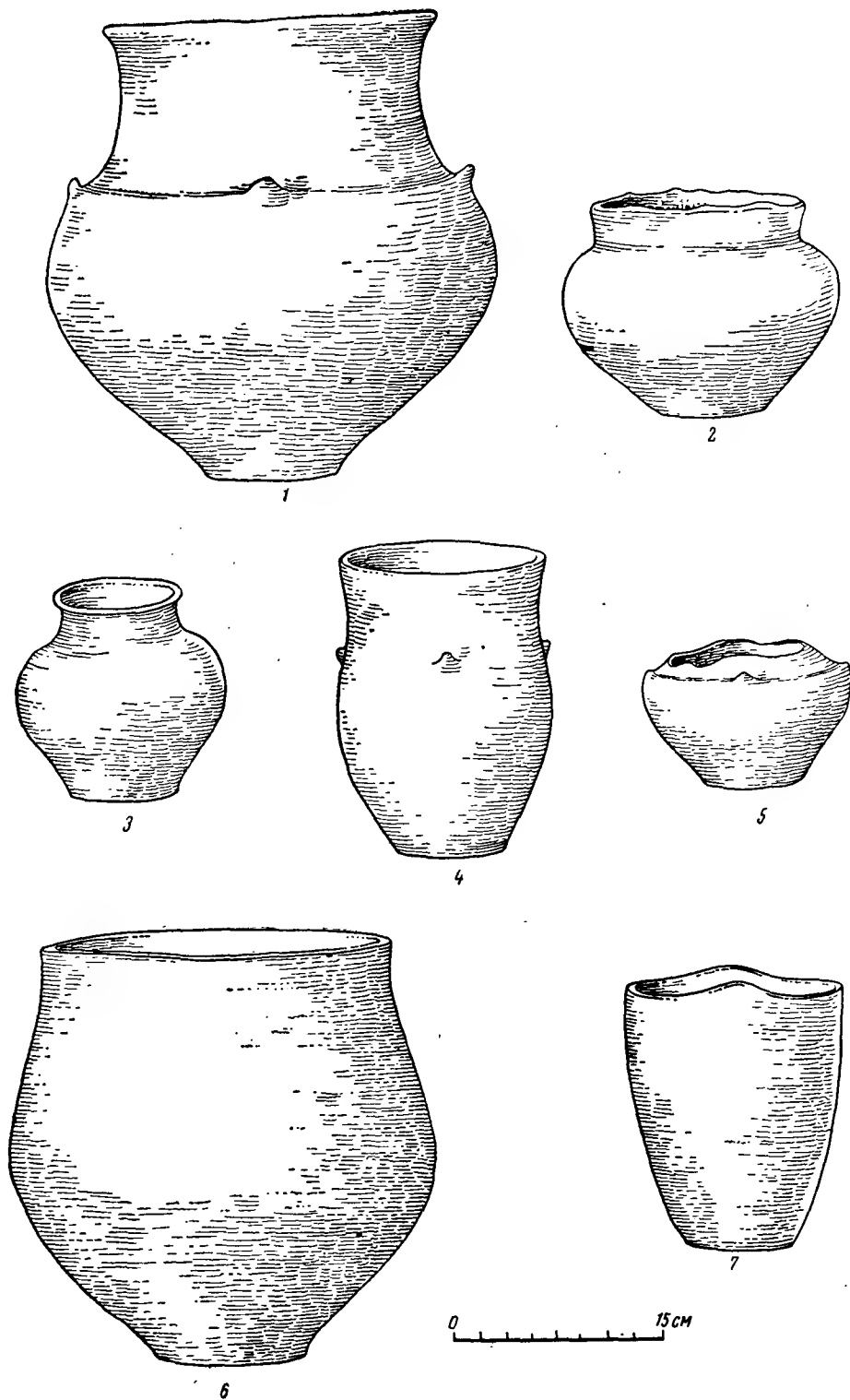

Рис. 3. Сосуды с поселений голиградского типа в северо-западных районах Среднего Поднестровья.

1, 2, 5, 7 — у с. Городница; 3 — у с. Новоселка-Костюковая; 4, 6 — у с. Иванье-Золотое.

го размера, имеющих сравнительно высокую шейку с ярко выраженными плечиками. На плечиках таких сосудов сделаны небольшие полукруглые налепные или выдавленные изнутри выступы (рис. 2, 20, 21), очевидно, орнаментального назначения. Реже попадаются фрагменты кубков с невысокой шейкой, слабо отогнутым наружу краем и округлым туловом (рис. 2, 15, 16). Наиболее широкая часть этих сосудов иногда украшена резным орнаментом или вертикально расположенными неглубокими каннелюрами.

Небольшим количеством фрагментов представлены сосуды типа виллановы с орнаментом в виде каннелюр на шейке (рис. 2, 5, 18). У одного сосуда край сильно отогнут наружу и украшен по внутренней поверхности вертикально расположенными каннелюрами и горизонтальной полосой резного орнамента в виде 2 рядов треугольников (рис. 2, 17).

Из кургана № 1 у с. Мервинцы происходит небольшой сосудик с короткой шейкой и сильно раздутыми боками, украшенными горизонтально расположенными неглубокими каннелюрами²⁴. Там же были найдены 3 черпака. Один из них²⁵ аналогичен описанным черпакам, происходящим с поселения; два другие²⁶ по форме и орнаменту близки к черпакам, которые хорошо известны в памятниках VIII—VII вв. до н. э. в Молдавии.

Лощеная керамика, как и более грубая кухонная, по своим формам большей частью аналогична посуде, происходящей с поселений чернолесского типа. К таким формам относятся большие сосуды с грушевидным туловом, миски с загнутым внутрь краем и черпаки, имеющие более или менее высокую шейку и петельчатую ручку. Почти без изменений эти формы керамики продолжали жить в раннескифский период, в VI в. до н. э. Близкие к указанным сосуды были широко распространены в Карпато-Дунайском районе, в памятниках раннегалльятского периода, а также на территории распространения лужицкой и висоцкой культур. Следует заметить, что ни на среднем Днестре, ни в правобережной украинской лесостепи как будто нет прототипов этой керамики; в той

и другой области они появились еще на белогрудовском этапе, но получили большее применение в чернолесский период и особенно в раннескифское время.

Некоторые из отмеченных форм лощеной керамики не имеют аналогий среди найденных в памятниках правобережного Среднего Приднепровья. К ним относятся небольшие сосуды с короткой шейкой и округлым туловом, украшенным вертикально расположенными каннелюрами, того же типа, что и найденный в кургане № 1 у с. Мервинцы. Подобные сосуды характерны для культур так называемого фракийского гальштата; они известны в памятниках голиградского типа северо-западных областей Среднего Поднестровья и в Молдавии (об этих памятниках будет сказано ниже), а также в Карпато-Дунайском районе²⁷.

Среди керамики, широко распространенной в этих же культурах, находятся более близкие аналогии для описанных выше сосудов с упорами на плечиках, сделанными при помощи выдавливания изнутри²⁸. Там же имеются аналогии для сосудов с широким, сильно отогнутым наружу венчиком, украшенным вертикально расположенными каннелюрами и полосами резного орнамента²⁹.

На территории висоцкой и лужицкой культур широко распространены близкие к найденным в памятниках восточных областей Среднего Поднестровья черпаки с полусферическим туловом и петельчатой ручкой³⁰.

Таким образом, комплекс керамики VIII—VII вв. до н. э., происходящий с изучаемой нами территории, отличается от керамики из чернолесских памятников наличием нескольких типов посуды, появившихся из соседних (к западу и юго-западу) областей и не получивших распространения в Среднем Приднепровье. Вместе с тем у населения восточных областей Среднего Поднестровья не было отдельных форм керамики, типичных для обитателей чернолесских городищ. Так, ни в од-

²⁷ Jon Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1932, табл. 15, 5.

²⁸ Jon Nestor. Ук. соч., табл. 15, 1, 3, 6.

²⁹ Там же, табл. 15, 2, 4.

³⁰ T. Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, табл. XIX, 6, 8; Z. Dugzewski. Grupa Górnolasko-malopolska kultury luzyckiej w Polsce. Kraków, 1939—1946, табл. LII, LIII.

²⁴ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 114, рис. 47, 1.

²⁵ Там же, рис. 47, 5.

²⁶ Там же, рис. 47, 2, 4.

ном из известных нам памятников Среднего Поднестровья не найдено сравнительно больших сосудов, украшенных по плечикам штампованным или резным орнаментом, подобных обнаруженным при раскопках Субботовского городища³¹, а также в курганах предскифского времени³².

Из остального инвентаря, найденного при раскопках поселений и погребений, глиняные пряслица и катушки, а также костяные проколки относятся к предметам, хорошо известным на обширной территории лесостепи и распространенным в течение длительного времени. Подобные найденным биконические и шаровидные пряслица, глиняные катушки, имеющие форму круглого стержня, расширенного с обоих концов, и проколки, сделанные из костей животных, встречаются в памятниках белогрудовского и чернолесского периодов, а также на поселениях скифского времени.

Среди находок, сделанных главным образом в памятниках белогрудовского типа, имеют близкие аналогии кремневые серпы, происходящие с поселения у с. Ленковцы (рис. 2, 38—41) и из других памятников, открытых в изучаемом районе³³. Отдельные находки кремневых серпов известны и на чернолесских городищах. Однако на территории лесостепного правобережного Приднестровья кремневые серпы в начале железного века вышли из употребления³⁴; в Поднестровье же, судя по постоянным находкам серпов в памятниках предскифского периода, они продолжали оставаться массовым орудием труда. Вероятно, это объясняется тем, что из-за отсутствия близких местонахождений железной руды металлургия не могла быстро развиваться. Длительное существование кремневых орудий в Поднестровье, очевидно, было обусловлено тем, что эти районы богаты кремнем. Кроме кремневых серпов, в Поднестровье продолжали употреблять и каменные молоты.

Что касается изделий из металла, то бронзовые предметы, происходящие из раскопок курганов у с. Лука-Врублевская и поселения у с. Ленковцы, мало выразительны. Кольца из круглой проволоки и игла с ушком из кургана № 3 у с. Лука-Врублевская могут быть сопоставлены с целым рядом близких предметов, относящихся к разному времени и различным культурам. Маленькая бронзовая спиралька с поселения у с. Ленковцы (рис. 2, 37) также едва ли может быть сближена с аналогичными предметами какой-либо одной культуры. Однако подобные украшения были особенно широко распространены в период бронзы и в гальштатскую эпоху на территории Карпато-Дунайского района³⁵. Бронзовый браслет из кургана № 5 у с. Лука-Врублевская³⁶ также является украшением простой формы, не дающим возможности говорить об особенностях бронзолитейного производства изучаемого района. По форме концов этот браслет напоминает бронзовые браслеты со змеинными головками, широко распространенные в эпоху гальштата в Средней и Южной Европе.

Обломок железных удилов, найденный в кургане № 1 у с. Мервинцы³⁷, принадлежит удилам того типа, который был распространен на территории Средней Европы в начале гальштатской эпохи³⁸. Близкие к ним удила были найдены Г. Д. Смирновым в одном из курганов у с. Сахарна Резинского района Молдавской ССР; от железных удили, обычных для Северного Причерноморья, они отличаются большими размерами колец и несколько иной их формой.

К числу интересных находок, сделанных на поселении у с. Ленковцы, относится костяной наконечник втульчатой стрелы с обломанным нижним концом. Наконечник имел листовидную форму с невысоким ребром посередине (рис. 2, 29). Подобные описанному костяные наконечники стрел характерны для

³¹ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднестровье, стр. 97, рис. 2.

³² Е. Ф. Покровська. Курганы передскифского часу в бассейне р. Тясмин. «Археологія», VIII, Київ, 1953, стр. 129, рис. 1, 2; стр. 133, рис. 3, 1.

³³ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 111.

³⁴ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднестровье, стр. 99.

³⁵ Ferenc von Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1934—1935, табл. 46, рис. 10, 19—21.

³⁶ И. Г. Шовкопляс и Е. В. Максимов. Ук. соч., стр. 92, рис. 2, 2, 3.

³⁷ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 114, рис. 47, 3.

³⁸ S. Gallus et T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Budapest, 1939, стр. 56; J. Harmatta. Le problème cimmérien. Archaeologiai Értesítő, ser. III, t. VIII/IX, Budapest, 1946, стр. 86 и сл.

предскифского времени; они известны по находкам на Субботовском и Лубенецком городищах правобережного лесостепного Приднестровья³⁹, а также по находкам в памятниках кизил-кобинской культуры Крыма⁴⁰ и на ряде поселений VII в. до н. э. в Молдавии⁴¹. По своему происхождению эти наконечники стрел, вероятно, восходят к втульчатым наконечникам, бытовавшим в эпоху бронзы на территории распространения срубной и андроновской культур. К началу скифской эпохи наконечники стрел данного типа прекратили свое существование. Вместе с типичными для раннескифского времени стрелами они были встречены только в одном кургане Малая Цимбалка на нижнем Днепре; этот курган может быть датирован первой половиной или серединой VII в. до н. э.⁴²

Описанные памятники свидетельствуют о том, что в предскифскую эпоху материальная культура населения этой области была близка к культуре племен правобережного Приднестровья. Эта близость явнее всего проявляется в керамике, в распространении сходных обрядов погребения, в существовании близких друг к другу приемов домостроительства. При этом характерно, что в том и другом районе с течением времени происходили одинаковые изменения в основных формах керамики и приемах ее орнаментации. Вместе с тем можно отметить и некоторые особенности в материальной культуре племен восточных районов Среднего Поднестровья. К числу таких особенностей относятся употребление камня для постройки насыпей курганов и погребальных сооружений, наличие в керамическом комплексе отдельных форм посуды, характерных для соседних голиградской и молдавской групп памятников, а также для других культур фракийского галыштата, существование железных удилищ среднеевропейского типа, массовое употребление кремневых серпов и каменных молотов. Эти черты, не свойственные культуре населения предскифского времени Сред-

него Приднестровья, позволяют предполагать существование в пределах одной культуры двух локальных вариантов. Где проходила граница между ними, — пока сказать невозможно, так как памятники конца эпохи бронзы и начала железного века в промежуточных районах и в первую очередь на Побужье еще не исследованы.

Локальные различия в культуре правобережного Среднего Приднестровья и восточных районов Среднего Поднестровья в настоящее время прослеживаются уже по памятникам белогрудовского этапа, известным в той и другой областях. Появление же этих различий, очевидно, относится к более раннему времени, к периоду средней или ранней бронзы. Однако этот вопрос можно будет решить после того, как выяснятся границы между локальными группами комаровской культуры и характерные для каждой из них черты.

Относительно хозяйства и общественного строя племен, живших в VIII—VII вв. на территории восточных областей Среднего Поднестровья, из-за недостатка материалов в настоящее время можно сказать лишь очень немного. Основу хозяйства здесь, как и в соседних областях лесостепи, составляло земледелие. Об этом свидетельствуют расположение поселений на удобных для занятия земледелием участках, отпечатки соломы и половы злаковых растений в глиняной обмозке, находки кремневых серпов и зернотерок. О характере земледелия судить трудно. Однако употребление кремневых серпов как будто свидетельствует о том, что техника земледельческого хозяйства была еще слабо развитой.

Наряду с земледелием население занималось скотоводством. О составе стада позволяют говорить кости домашних животных, найденные при раскопках на поселении у с. Ленковцы. По определению В. И. Цалкина, 37% костей принадлежали крупному рогатому скоту, 30% — свинье, 18% — лошади и 15% — мелкому рогатому скоту.

Кроме костей домашних животных, при раскопках поселения у с. Ленковцы найдено небольшое количество костей диких животных. Это указывает на занятие населения охотой. Благородному оленю принадлежат 90% костей диких животных, 8% — кабану и 2% — выдре. Обнаружено несколько костей собаки, которая, по всей вероятности,

³⁹ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднестровье, стр. 101, рис. 9.

⁴⁰ Доклад П. Н. Шульца в апреле 1953 г.

⁴¹ См. ниже, стр. 82, рис. 27, 1.

⁴² П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднестровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, табл. 1, рис. 8—14.

использовалась для охраны стад или при охоте.

Остатков металлургического производства пока нигде не встречено. Возможно, это объясняется недостаточной исследованностью поселений; не исключено, однако, что своего производства металлических изделий в предскифскую эпоху в изучаемом районе еще не существовало. Об этом, по-видимому, свидетельствует отсутствие местных форм металлических вещей среди находок, происходящих с поселений и из погребений. В противоположность этому на территории Среднего Приднепровья были найдены литейные формы и готовые бронзовые браслеты, характерные только для данного района⁴³. Литейные формы для изготовления кельтов и находки бронзовых предметов известны и в соседней голиградской группе памятников западных областей Среднего Поднестровья, о которых будет сказано ниже.

По находкам кремневых серпов, отщепов, нуклеусов и отбойников, сделанным на поселении у с. Ленковцы и на некоторых других, устанавливается существование местного производства кремневых орудий. Следует заметить, однако, что в технике изготовления кремневых серпов наблюдается упадок по сравнению с предшествующей эпохой. Более или менее тщательной обработке подвергалась только рабочая часть орудий, тогда как на остальной поверхности либо делались лишь грубые сколы, либо она оставалась совсем не обработанной.

Безусловно местным было производство изделий из кости и рога. Об этом свидетельствуют не только отмеченные выше частые находки готовых предметов — проколов и шильев, но и заготовки и обрезки костей, обнаруженные при раскопках на поселении у с. Ленковцы.

Было развито гончарное дело. На поселениях изготавливали разнообразную посуду, предназначенную для различных хозяйственных нужд. Как можно судить по описанию, сделанному выше, ассортимент посуды был достаточно велик. Формовку посуды производили вручную на плоской подставке или столе; для того чтобы дно сосуда не прилипало к столу, подсыпали мелкий песок.

После формовки поверхность сосудов сглаживали жидкой глиной. Судя по неровному цвету глины в изломе и на поверхности, посуду обжигали на кострах или в примитивных печах, при неравномерной температуре. Местным мастерам была хорошо известна техника лощения. При помощи лощения обрабатывали поверхность не только столовых, но часто и кухонных сосудов; поэтому можно думать, что техника лощения здесь была более развитой и получила более широкое распространение, чем у племен Среднего Приднепровья. Орудий труда, употреблявшихся в гончарном производстве, не найдено. Можно лишь предполагать, что при изготовлении посуды широко применялись орудия, сделанные из кости.

По находкам на поселениях глиняных катушек и пряслиц устанавливается существование прядения и ткачества.

Находки отмеченных выше отдельных форм керамики, местом происхождения которых являются соседние с изучаемым районом области, а также находка части удила среднеевропейского типа свидетельствуют о существовании связей между населением этих областей.

Отсутствие укреплений и каких-либо предметов вооружения в погребениях как будто указывает на то, что жизнь племен восточных областей Среднего Поднестровья была более мирной, чем в Среднем Приднепровье, где уже в VIII в. до н. э. возникли городища.

Судя по могильнику у с. Лука-Врублевская, который может рассматриваться как родовой, у местных племен не существовало еще сколько-нибудь глубокой имущественной дифференциации. По способу захоронений и набору инвентаря курганы мало чем отличались друг от друга.

Вторая группа памятников предскифского периода известна, как уже было сказано выше, на территории современных Тернопольской, Станиславской, а в западных районах — Черновицкой областей. Первые открытия этих памятников относятся к концу XIX и началу XX вв., когда в различных районах Западной Украины были сделаны случайные находки отдельных бронзовых предметов и кладов. К их числу принадлежит, например, Михалковский клад разнообразных золотых вещей, одна часть которого была подобрана в 1878 г. на размытой дороге, а другая най-

⁴³ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднестровье, стр. 102 и сл.

дена почти на том же месте при строительстве дороги ⁴⁴.

В 1894 г. случайно был обнаружен клад бронзовых предметов у с. Олешев Станиславской области ⁴⁵. Позднее был найден ряд кладов и отдельных бронзовых предметов.

Поселения стали известны лишь с 30-х годов XX в. В 1931 г. Т. Сулимирский произвел разведывательные раскопки культурного слоя на поле Выгошев у с. Голиграды ⁴⁶ и на поселении у с. Новоселка-Костюковая Тернопольской области ⁴⁷. В 1936 г. культурный слой начала железного века был открыт у с. Корнич Станиславской области ⁴⁸. В 1938—1939 гг. М. Смишко при раскопках трипольского поселения у с. Городница Станиславской области обнаружил остатки культурного слоя предскифского периода ⁴⁹.

Позднее, после Великой Отечественной войны, главным образом благодаря разведкам, проводимым Черновицким историко-краеведческим музеем и Трипольской археологической экспедицией ИИМК и ИА, стал известен еще ряд поселений интересующего нас времени в западных районах Черновицкой области ⁵⁰ (у сс. Репужинцы, Дорошивцы, Давыдовцы, Кливовин, Шишковцы, Каменка, Новая Жучка и в г. Черновицы). К сожалению, серьезных раскопок ни на одном из них не производилось.

Погребения еще менее известны, чем поселения. Только условно к этой группе памятников можно отнести погребение с трупосожжением у с. Улашковцы ⁵¹, курган с трупосожжением в с. Теребове ⁵², курган № 20 в с. Комаров ⁵³ и бескурганный могильник в с. Увисла ⁵⁴. Все погребения были

открыты польскими археологами до Великой Отечественной войны. После освобождения Западной Украины и присоединения ее к Советскому Союзу раскопок погребений этой группы пока не производилось.

В польской буржуазной литературе разбираются главным образом металлические изделия, относящиеся к этой группе памятников, тогда как о поселениях и погребениях имеются лишь беглые упоминания. На основании изучения металлических изделий В. Антоневич считал, что в бронзовом веке и в начале железного на территории современной Западной Украины жили киммерийские племена, которые затем были вытеснены лужицкими ⁵⁵. Л. Козловский ⁵⁶ и Т. Сулимирский ⁵⁷ связывают Михалковский клад и клады бронзовых предметов, найденные на территории западных областей УССР, с вторжением или продвижением фракийских племен. Так, Т. Сулимирский считает, что около 700 г. до н. э. произошло передвижение племен из Семиграда в северном направлении. Это «нашествие» сильно отразилось на материальной культуре местного населения, облик которой совершенно изменился. Отмечая находки предметов вооружения в кладах бронзовых вещей, Т. Сулимирский считал продвижение фракийцев военным вторжением. При этом он полагал, что фракийцы составили господствующую верхушку над местным населением подобно тому, как позднее, по его мнению, составляли подобную верхушку вторгшиеся на эту же территорию скифы.

Советские исследователи изучением указанных памятников почти не занимались. В некоторых работах общего характера имеются лишь указания на то, что группа памятников VIII—VII вв. до н. э. в северо-западных районах Среднего Поднепровья отличается от памятников предскифского периода правобережного Среднего Приднепровья ⁵⁸. Краткая характеристика главным

⁴⁴ W. Przybysławski. Dwa złote skarby w Michałkowie. Teka konserwatorska, II, Lwów, 1900, стр. 34, 35.

⁴⁵ Leon Kozłowski. Ук. соч., стр. 55.

⁴⁶ T. Sulimirski. Sprawozdanie z działalności lwowskiego ośrodki prehistorycznego. ZOW, 1935, № 2, стр. 38 и сл.

⁴⁷ ZOW, 1931, № 6, стр. 56.

⁴⁸ ZOW, 1937, № 7-8, стр. 118.

⁴⁹ Материал хранится в Львовском филиале Академии наук УССР.

⁵⁰ Единственным хорошо исследованным памятником этого типа является поселение у с. Магала (верхний слой). Г. И. Смирнова. Поселения позднебронзового века..., стр. 99 сл.

⁵¹ Leon Kozłowski. Wczesna, starsza i środkowa epoki brązu w Polsce. Lwów, 1924, стр. 54.

⁵² T. Sulimirski. Kultura wysocka, стр. 18.

⁵³ ZOW, 1938, № 7-8, стр. 133 и сл.

⁵⁴ ZOW, 1891, XV, стр. 22 и сл.

⁵⁵ W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, стр. 135.

⁵⁶ Leon Kozłowski. Wczesna, starsza i środkowa epoki..., стр. 62; его же. Zarys przedziejów Polski południowo-wschodniej, стр. 51 и сл.

⁵⁷ T. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. Wiener prähistorische Zeitschrift, XXV, Wien, 1938, стр. 129.

⁵⁸ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье, стр. 110; М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии, стр. 173 и сл.

образом поселений в северо-западной части Среднего Поднестровья содержится в диссертационной работе Г. И. Смирновой⁵⁹.

Сводка всего имеющегося материала этой группы памятников сделана И. К. Свешниковым⁶⁰. К сводке приложена подробная карта с указанием всех находок, мест поселений, погребений и кладов. Нашей задачей является по возможности полное сопоставление этой группы памятников с описанной выше.

Для нашей темы наибольший интерес представляют поселения, главным образом потому, что они дают в большом количестве массовый материал — керамику. В связи с тем, что в литературе имеются лишь краткие упоминания о поселениях, трудно решить вопрос о том, были ли они все открытыми, или часть из них имела укрепления. Б. А. Тимошук, производивший разведки под Черновицами, отметил наличие небольших валов и рвов на поселениях у сс. Новая Жучка, Каменка и Дорошівці⁶¹.

Нашими разведками у с. Дорошівці установлено, что невысокие земляные сооружения не имеют отношения к интересующему нас поселению, а были сделаны значительно позднее.

Также к более позднему, славянскому времени относится строительство земляного зала на поселении предскифской эпохи у с. Городница Станиславской области. Возможно, однако, что это поселение в древности было укреплено рвом и частоколом, так как в южной части городища был найден ров шириной до 3 м и глубиной 1,1 м. На дне рва обнаружены фрагменты посуды предскифского времени.

На поселениях у сс. Голиграды и Новоселка-Костюковая Т. Сулимирский обнаружил остатки жилищ земляночного типа, однако их форма и размеры остались неизвестными. Следы землянки приблизительно овальной формы были обнаружены на поселении у с. Крылос Станиславской области. При раскопках поселения у с. Городница М. Ю. Смишко, наряду с остатками сооруже-

ний трипольского времени, вскрыл несколько ям, в заполнении которых найдены фрагменты керамики, типичной для данной группы памятников.

На поселении у с. Магала открыты остатки двух наземных жилищ прямоугольной формы площадью 25—30 кв. м и одна овальная в плане землянка.

Керамика, происходящая с поселений, в целом резко отличается от описанного выше керамического комплекса; лишь отдельные типы сосудов являются общими для обеих групп памятников. Среди керамики здесь, как и в памятниках более восточных районов северо-западной части Среднего Поднестровья, выделяются 2 категории сосудов. В одну из них объединяются грубые горшки, сделанные из плохо промешанной глины с примесью крупного шамота, толченого сланца и мелкого речного галечника. Наружная поверхность их обычно шероховатая, иногда заглажена дощечкой или пучком травы; внутренняя поверхность обычно хорошо заглажена или слегка залощена.

Встречаются фрагменты, на наружной поверхности сплошь покрытые шишечками конической формы. У этих сосудов обычно выпуклое тулово (наибольший диаметр которого находится недалеко от дна) и широкое устье со слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 6). На большинстве сосудов этого типа нет орнамента, но встречаются фрагменты с орнаментом в виде круглых или овальных выпуклостей под венчиком, в виде невысокого валика с пальцевыми защипами или — реже — сквозных проколов. Вместе с ними попадаются также фрагменты баночных горшков или сосудов со слегка выделенной шейкой, чаще не орнаментированных или украшенных сосковидными налепами. Иногда на краях таких сосудов имеются фестоны или небольшие выпуклости (рис. 3, 7). На стенках баночных горшков встречаются полукруглые ручки-упоры (рис. 4, 5).

Значительно менее обычной формой посуды являются горшки, приближающиеся к тюльпановидным (рис. 3, 4). От тюльпановидных сосудов, характерных для описанной выше группы памятников, такие горшки отличаются иными пропорциями, а также тем, что на них нет проколов в сочетании с валиком с защипами. По плечикам их встречаются небольшие налепы округлой формы (рис. 3, 4). Только на поселении у с. Ново-

⁵⁹ Г. И. Смирнова. Ук. соч.

⁶⁰ И. К. Свешников. Памятники голиградского типа Верхнего Поднестровья (не опубликовано).

⁶¹ Эти сведения получены от Б. А. Тимошука, сотрудника Черновицкого историко-краеведческого музея.

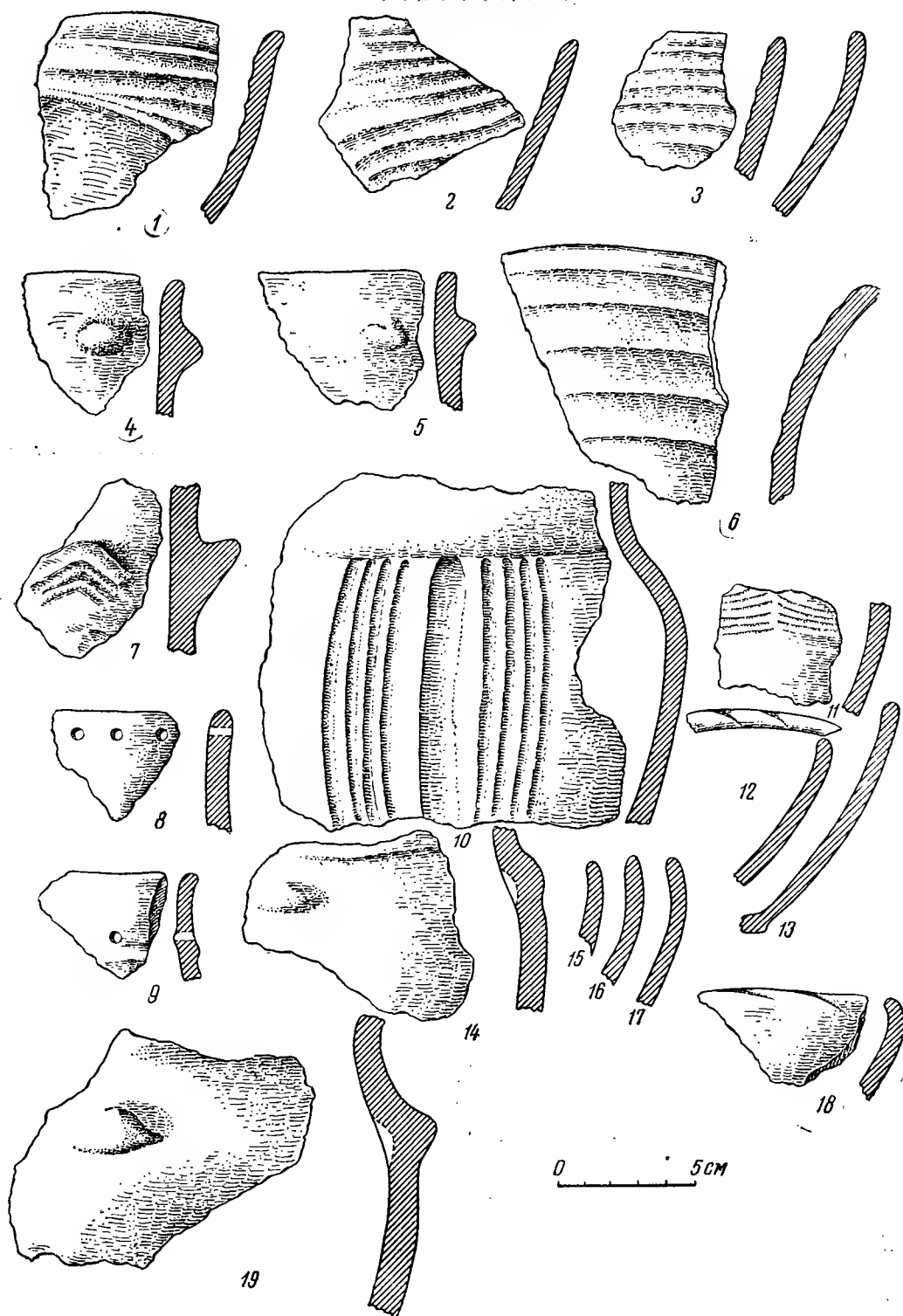

Рис. 4. Керамика с поселений голиградского типа.

1—6, 11, 13, 18, 19 — у с. Репужинцы; 7—10, 12, 14—17 — у с. Новоселка-Костюковая.

селка-Костюковая было найдено несколько фрагментов сосудов с невысоким гладким валиком и проколами (рис. 4, 8, 9) аналогичных горшкам, происходящим из памятников эпохи поздней бронзы Подолии.

Разнообразными формами представлена лощеная керамика. Она сделана из хорошо отмученной и промешанной глины с мелкими примесями шамота, песка или дресвы. Поверхности этих сосудов обычно залощены до глянцевого блеска и иногда производят впечатление покрытых лаком. Цвет поверхностей различный — от черного до розоватого или желтого. Нередко снаружи и изнутри поверхности имеют разный цвет. Наряду с сосудами хорошего лощения встречается такая же керамика, но со слабо лощеными или совсем не лощеными поверхностями, сделанная из такой же хорошо отмученной глины, как и лощеная посуда.

Наиболее обычными типами лощеной посуды являются большие сосуды — корчаги, которые называют сосудами типа виллановы (рис. 3, 1). У них высокое горло с отогнутыми наружу венчиком и раздутое округлое тулово. На шейке часто бывает орнамент в виде горизонтальных каннелюр. На наиболее широкой части тулова или по плечикам обычно имеются невысокие шишечки, обведенные каннелюрами. Иногда плечики сосуда украшены одними каннелюрами; в этом случае последние могут составлять треугольник. Значительно реже на сосудах этого типа встречается резной орнамент, который располагается на шейке.

Наряду с большими сосудами попадают фрагменты, а иногда целые горшки меньших размеров. У них также округлое тулово, но шейка их низкая, край не отогнут наружу и иногда оформлен в виде лепестков (рис. 3, 2, 3, 5). На тулове таких сосудов встречается орнамент в виде вертикально расположенных каннелюр в сочетании с невысокими гладкими валиками (рис. 4, 10) или в виде невысоких шишечек, выдавленных изнутри (рис. 3, 5; рис. 4, 14, 19).

Широко распространенной формой лощеной керамики являются миски. Среди них есть сосуды со слегка наклонным или загнутым внутрь краем (рис. 4, 15—17) и миски с прямым венчиком (рис. 4, 1—3). Среди тех и других известны сосуды больших размеров с толстыми стенками и сравнительно небольшие миски, часто очень тщательно сле-

данные и богато орнаментированные. На больших, сравнительно толстостенных мисках с наклонным внутрь краем встречается орнамент в виде косых каннелюр, расположенных по венчику (рис. 4, 12).

Тонкостенные миски часто украшались по краю поперечными нарезками, а на внутренней поверхности — группами углубленных полукруглых линий, образующих фестоны (рис. 4, 11). Дно некоторых из таких мисок также на внутренней поверхности украшалось прочерченным орнаментом.

Среди тонкостенных, тщательно сделанных мисок имеются сосуды, край которых не ровно срезан, а оформлен в виде лепестков, т. е. так же, как край некоторых горшков. Такие миски иногда имеют на внутренней поверхности прочерченный орнамент, аналогичный узору, описанному выше. Встречаются миски с ровно срезанным краем, украшенные каннелюрами, которые иногда покрывают не только наружную, но и внутреннюю поверхность (рис. 4, 1—3).

Редкой формой среди керамики этой группы являются ковши или черпаки. С поселения у с. Городница происходит весьма своеобразный сосуд этого типа. У него воронковидно расширяющиеся стенки, слегка отогнутый наружу край. В нижней части тулова с четырех сторон стенок имеются невысокие выпуклости, которые соединены друг с другом небольшим ребром. Дно ковша округлое. Ручка его петлеобразная с небольшим выступом наверху.

С поселения у с. Голитрады известны фрагменты нескольких черпаков. Один из них принадлежит к числу сосудов с полусферическим туловом. О форме других сказать трудно. В отличие от керамики из восточных районов бывшей Западной Подолии, комплекс посуды из памятников голиградского типа не может быть связан по происхождению с местной посудой эпохи бронзы.

Наиболее близкие аналогии вся описанная керамика имеет на территории Карпато-Дунайского района в памятниках, которые датируются обычно концом IX в. — VII в. до н. э. и относятся к предскифской эпохе. На территории Румынии и Венгрии на поселениях и в погребениях этого периода известны лощеные сосуды, украшенные каннелюрами и прочерченным орнаментом тех же типов, что и в памятниках северо-западных районов Среднего Поднестровья. Вместе с

ними встречаются близкие к описанным кухонные горшки с небольшими ручками — упорами на тулове или у венчика, сделанные из более грубой глины⁶².

Весьма сходная посуда — как лощеная, так и грубая — происходит также с нескольких поселений предскифского периода, в настоящее время известных на территории Молдавии. О последних памятниках специально будет сказано ниже.

Как уже было отмечено, лишь некоторые формы посуды являются общими для данной группы памятников и районов, расположенных далее на восток от северо-западной части Среднего Поднестровья. К таким сосудам относятся большие корчаги типа виллановы, миски со слегка загнутым внутрь краем, часто украшенным длинными косыми каннелюрами. Сосуды других форм встречаются за пределами описанной группы памятников лишь изредка. Так, выше уже была отмечена находка в кургане у с. Лука-Врублевская нелощеного сосуда с невысокой шейкой, яйцевидным туловом и 4 небольшими выступами, т. е. совершенно аналогичного сосудам, известным с поселений голиградской группы. На поселении у с. Ленковцы и в других памятниках были найдены фрагменты, аналогичные происходящим из голиградских комплексов лощеных сосудов с шишечками на плечах, часто выдавленными изнутри.

Кроме посуды, на поселениях найдены и другие глиняные предметы. С поселения у с. Городница происходят 2 льячки; одна из них имеет овальную форму ложки и небольшую, круглую в сечении, ручку, другая — в форме лодочки с небольшим носиком-сливом. На поселении у с. Голиграды обнаружено глиняное пряслице в виде плоского кружка с отверстием посередине. Подобные пряслища известны с поселений у сс. Новая Жучка и Дорошивцы.

Из Голиград и Городницы происходят глиняные катушки, очень близкие к тем, которые были встречены нами на поселении у с. Ленковцы Черновицкой области. На по-

селении у с. Городница были найдены 2 фигурки лошади. С поселения у с. Магала происходит глиняная погремушка и шестиконечная поделка с отверстием в центре. Кроме керамики и изделий из глины на том же поселении найдено много костяных проколов, бронзовые иглы, шилья, булавки и два железных ножа.

Из Новоселки-Костюковой происходят 2 бронзовые фибулы (одна целая, другая фрагментированная), которые принадлежат к типу фибул из *Peschiera* (prov. Verona; рис. 5, 5). Подобные фибулы были распространены на территории Карпато-Дунайского бассейна и Средней Европы в эпоху средней и поздней бронзы⁶³.

Находки льячек на поселении у с. Городница свидетельствуют о существовании местного металлургического производства. О том же говорит находка песчаниковой матрицы для отливки бронзового кельта так называемого семиградского типа, сделанная недалеко от поселения у с. Городница.

На основании изделий из металла и комплекса керамики, описанные поселения могут быть датированы концом IX — VII вв. до н. э. Скорее всего они были одновременны памятникам чернолесской культуры Среднего Приднепровья и близким к ним памятникам Подолии, т. е. относились к VIII — первой половине VII вв. до н. э.

К этой же группе памятников И. К. Свешников относит 4 могильника, упомянутых выше. Однако их принадлежность к этой группе культур пока определяется условно. О всех погребениях в литературе имеются только краткие сообщения, которые не дают сколько-нибудь полного представления о погребальном обряде. Мало известны также материалы, происходящие из погребений.

В двух случаях установлен курганный обряд погребений (сс. Комаров и Теребовля), в одном (в Увисле) — исследован бескурганный могильник. Остаются неизвестными формы и размеры курганов, а также расположение в них погребенных.

Г. Оссовским отмечено, что в могильнике в Увисле погребения находились на глубине 0,6 м от современного уровня и на расстоянии 10—20 м друг от друга⁶⁴. Все по-

⁶² D. Berciu. Ein hallstädtisches Brandgrab aus Balta-Verde. ESA, IX, 1934, стр. 165 и сл., рис. 8 (на стр. 173); M. Petrescu-Dămbolița. Cercetări arheologice în asezarea dela Tămăoani. Studii și cercetări de istorie veche, 1953, № 3-4, стр. 777 и сл., рис. 3—7; V. Christescu. Les stations préhistoriques de lac de Boian. «Dacia», II. București, 1925, стр. 276, рис. XXIX, XXX.

⁶³ N. Åberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, Teil I. Stockholm, 1930, стр. 20, рис. 36; V. Pârvan. Getica. București, 1926, стр. 771.

⁶⁴ ZWAK, XV, 1891, стр. 39.

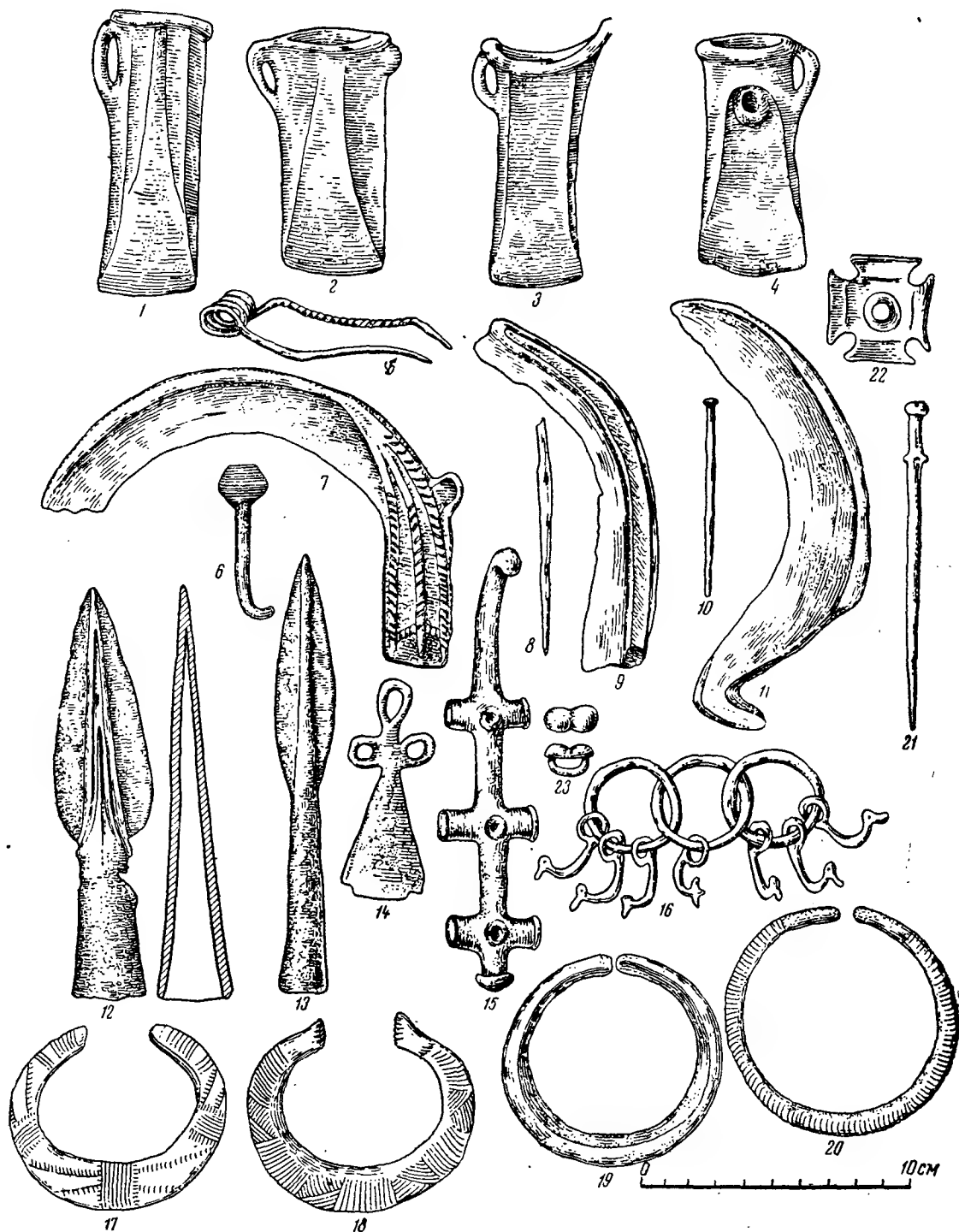

Рис. 5. Бронзовые изделия из северо-западных районов Среднего Поднестровья.

1 — случайная находка у с. Исаков; 2 — случайная находка у с. Личковцы; 3, 4, 6, 7, 9, 12, 17—20 — из клада у с. Грушка; 5 — с поселения у с. Новоселка-Костюковая; 8, 22, 23 — из клада у с. Голиграды; 10 — из погребения у с. Увисла; 11, 14 — из клада у с. Держев; 13 — находка у с. Олешев; 15 — находка у с. Медина; 16 — находка у с. Внцнь; 21 — из погребения у с. Улашковцы.

гребения были совершены посредством трупосожжения. Кальцинированные кости и зола ссыпались в урны. Г. Оссовский пишет, что в Увисле пережженные кости и зола находились в ничем не прикрытых урнах. Никаких других сосудов, кроме урн, в могильнике как будто не было найдено.

В кургане XX в Комарове Т. Сулимирский, кроме сосуда с остатками трупосожжения, нашел фрагменты сосудов комаровской культуры.

Урнами служили большие лощеные сосуды типа виллановы с шаровидным и грушевидным туловом.

Бронзовые предметы были найдены в погребениях в Улашковцах и Увисле. Из погребения в Улашковцах происходят бронзовая булава с полукруглой головкой и 4 выпуклостями на верхней части стержня (головка с косым ушком; рис. 5, 21) и бронзовое четырехгранное шило с заостренным концом и круглой в сечении верхней частью (рис. 5, 8).

Из погребения № 3 в Увисле происходит инвентарь, близкий к находкам в погребениях раннескифского времени. Обнаружены 2 булавки с небольшой слегка выпуклой головкой и утолщением в верхней части стержня (рис. 5, 10), височные кольца или серьги с конической головкой. Кроме бронзовых украшений, там же найдены каолиновые бусы и подвески из раковин. По всей вероятности, это погребение — самое позднее из описанных и может быть датировано либо концом VII в., либо началом VI в. до н. э.

Погребение в Улашковцах, несомненно, датируется предскифским временем на основании формы булавки и бронзового шила, которые в раннескифскую эпоху не встречаются. Булавки, близкие к описанным, известны из целого ряда памятников конца II — начала I тыс. до н. э.⁶⁵ Бронзовые четырехгранные шилья характерны для культуры эпохи бронзы степной полосы Северного Причерноморья⁶⁶.

Объединять эти погребения в одну группу с рассмотренными выше поселениями позволяют находки в них одинаковых с обнаруженными на поселениях форм керамики,

а также отличие их от более ранних захоронений комаровской культуры и от более поздних погребений раннескифского времени.

Клады и бронзовые предметы, относящиеся к изучаемой группе памятников, хорошо известны по публикациям Т. Сулимирского⁶⁷, Л. Козловского⁶⁸ и К. Журовского⁶⁹, поэтому я не буду останавливаться на их подробном описании. С интересующей нас территории происходят 6 кладов⁷⁰. Состав кладов разнообразен, но преимущественно в них входят орудия труда, оружие и украшения.

Совершенно особенным является клад из с. Грушка Станиславской области, находившийся в глиняном сосуде. В нем были не только целые, но и фрагментированные предметы, предназначенные, очевидно, для переплавки, а также слитки бронзы. Клад состоял из 13 целых и 19 обломков кельтов, 17 целых и фрагментированных серпов, ножа, 2 целых и 2 фрагментированных наконечников копий, 3 обломков кинжалов, фрагмента меча, 4 браслетов, 2 булавок, 6 спиралек, 2 блях, 13 обломков оковок пояса, 3 фрагментов браслетов, подвески, обломка шейной гривны, мелких кусков проволоки и 39 слитков бронзы весом 4,95 кг. Очевидно, клад принадлежал литейщику, что вместе с упомянутыми выше находками льячек и части формы для отливки кельта свидетельствует о существовании местного бронзолитейного производства. Возможно, также бронзолитейщику принадлежал клад из Держева. В нем найдены бронзовый серп и привеска, на которых литейные швы остались не сглаженными.

Однако, судя по формам вещей, входивших в клад из Грушки и другие клады, местные мастера не создали никаких своих форм орудий, оружия и украшений. Все бронзовые предметы имеют большое количество аналогий за пределами Поднестровья. Это свидетельствует о том, что они либо были

⁶⁷ T. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen, стр. 128.

⁶⁸ Leon Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej, табл. XV, XVI, стр. 50 и сл.

⁶⁹ K. Żurowski. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. Przegląd arch., VIII, № 2, 1949.

⁷⁰ Клады из Олешева, Залещик, Голиград, Грушки, Держева и Вицня.

⁶⁵ Cercetările arheologice din regiunea Hoghiz — Ugra și Teiuș. Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, vol. I, 1953, стр. 803, рис. 11, 14 и стр. 808, рис. 13.

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 140.

привозными, либо делались на месте по привозным образцам.

Большинство изделий считают семиградскими, венгерскими или карпато-дунайскими по происхождению; но, наряду с ними, имеются предметы лужицкого типа, а также такие, которые лучше всего известны по находкам в Северном Причерноморье или имеют очень широкую территорию распространения.

Из орудий труда в кладах и по случайным находкам известны кельты и серпы. Среди тех и других имеются различные типы. Кельты представлены 3 типами: в кладе из Грушки было 10 кельтов с дугообразно вырезанным краем втулки, острым высоким выступом с одной стороны и ушком — с другой (рис. 5, 3). Для отливки таких кельтов была предназначена литейная форма из Городницы. Эти кельты были распространены на территории Венгрии и Румынии, где они встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железного века⁷¹.

Из того же клада у с. Грушки происходят 2 кельта другого типа. У них ровный край втулки и небольшое ушко с одной из сторон, не поднимающееся выше края. Лезвие их широкое, дугообразное, бока несколько сужены (рис. 5, 2, 4). Аналогичные кельты известны по находкам в Румынии⁷². Форма для отливки таких кельтов происходит из с. Красные Окны (молдавское течение Днестра)⁷³. Т. Сулимирский считает кельты этого типа причерноморскими. На территории Северного Причерноморья они известны в большом количестве⁷⁴.

Кельты третьего типа отличаются от предыдущих главным образом тем, что они многогранны и в разрезе имеют форму шести- или восьмиугольника (рис. 5, 1). Подобные кельты считаются семиградскими и датируют эпохой раннего железа.

Серпы представлены также тремя различными типами. Один из них (с кнопкой у основания — рис. 5, 9) — венгерский по происхождению. Подобные серпы хорошо изве-

стны в Венгрии и Румынии, где они относятся к эпохе поздней бронзы⁷⁵.

К числу бронзовых предметов фракийских типов принадлежат серпы с ручкой и выступом у основания (рис. 5, 7). В Карпато-Дунайском районе они появились еще в III периоде бронзового века, но находки в Поднестровье К. Журовский датирует IV периодом бронзы. Третий тип — серпы с крючком у основания (рис. 5, 11), вполне аналогичные серпам, распространенным в Венгрии и Румынии в конце эпохи бронзы — начале железного века.

Оружие представлено обломками меча и 3 обломками кинжалов, найденными в составе клада из с. Грушки. Все они, по определению К. Журовского, — венгерские и датируются поздним периодом бронзового века⁷⁶.

Кроме того, известны наконечники копий 2 типов. Первый тип представлен 2 наконечниками из клада у с. Грушка (рис. 5, 12). Такие наконечники копий имеют листовидное перо и втулку, которая проходит через середину всего пера. Верхняя часть втулки от основания пера до острия покрыта 3 ребрышками. Наконечники копий этого типа известны в памятниках эпохи поздней бронзы Средней и Южной Европы⁷⁷.

Из клада у с. Олешев происходит наконечник копья иного типа⁷⁸. У него лавролистное перо и длинная втулка, которая, суживаясь, переходит в круглый стержень, идущий посередине пера (рис. 5, 13). Эти наконечники копий могут считаться характерными для Северного Причерноморья⁷⁹, хотя близкие к ним известны с территории Карпато-Дунайского района и из памятников лужицкой культуры⁸⁰.

Предметы конского убора представлены бронзовыми псалиями (Голиградский клад, Медина и Подсадки) и бляшками. Все псалии — одного типа. У них круглый в сечении стержень и 3 полые трубочки с выступа-

⁷¹ Ferenc von Tompa. Ук. соч., стр. 102 и сл., табл. 48, 26—29.

⁷² Jon Nestor. Ук. соч., стр. 136, рис. 28, 2.

⁷³ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, табл. XIX, 9.

⁷⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 30, 14; рис. 32, 12, 32.

⁷⁵ Jon Nestor. Ук. соч., табл. 16, 11, 15. K. Z u g o w s k i. Ук. соч., стр. 183.

⁷⁶ K. Z u g o w s k i. Ук. соч., стр. 190.

⁷⁷ Ferenc von Tompa. Ук. соч., стр. 104, табл. 51, 7.

⁷⁸ L. K o z ł o w s k i. Zarys pradžiejów Polski południowo-wschodniej, стр. 54, табл. XVI, 7.

⁷⁹ A. M. Tallgren. La Pontide préscythique. après l'introduction des métaux. ESA, II, 1926, стр. 161, рис. 94.

⁸⁰ Jon Nestor. Ук. соч., стр. 133, рис. 24, 7.

ми, поперечно расположенные (рис. 5, 15). На концах стержня обычно имеются полу-круглые или конусообразные головки, причем один конец их слегка загнут. Эти пса-лии принадлежат к так называемым в литературе фрако-киммерийским древностям. Они хорошо известны по находкам в ряде памятников Венгрии и Румынии, датире-мых предскифской эпохой⁸¹. А. А. Иессен относит их к VII в. до н. э.⁸²

К этому же кругу памятников принадле-жат крестовидные пряжки (рис. 5, 22), круг-лые бляхи с ушком на обороте и более слож-ные бляшки со ступенчатым верхом, также круглые в плане⁸³.

Из украшений, вкладах рассматриваемой группы лучше всего известны браслеты. Они представлены несколькими типами: одни близки к браслетам, распространенным в Венгрии и Семиградье, другие аналогичны лужицким. К первым относятся 3 типа: брас-леты из четырёхгранной в сечении проволоки со сходящимися концами (рис. 5, 19: 1 экзе-мпляр в кладе из с. Грушки); браслет с выпук-лой внешней и вогнутой внутренней поверх-ностями, причем на наружной стороне нане-сен орнамент из 5 групп вертикальных линий и косых нарезок (рис. 5, 17: клад из с. Груш-ки); 2 браслета (из клада у с. Вицинь), пло-ских с внутренней стороны и выпуклых сна-ружи, без орнамента; концы их не замкнуты. Эти браслеты, по-видимому, не одновремен-ны. Так, второй из указанных 3 типов, как пишет К. Журовский, встречается в эпоху средней и поздней бронзы; два другие могут быть датированы поздним периодом эпохи бронзы или началом железного века⁸⁴.

К браслетам лужицкого типа относятся 2 экземпляра из клада у с. Грушка. Один из них — овальной в сечении формы с широко расставленными концами; он украшен орна-ментом из заштрихованных треугольников, разделенных группами вертикальных линий; концы оформлены в виде копыт (рис. 5, 18). Второй браслет — круглый в плане с незамк-

нутыми концами (рис. 5, 20); на поверхности его имеется орнамент из вертикальных уг-лублений. Оба типа датируются концом эпо-хи бронзы.

Кроме браслетов, из украшений вкладах найдены бронзовые булавки, также относя-щиеся к различным типам, но имеющие ана-логии в тех же группах культур, что и брас-леты.

Из предметов, близких к вещам с терри-тории Карпато-Дунайского района эпохи раннего железа, отметим еще бронзовые под-вески. Одна из них — треугольной формы с 3 овальными крестообразными ушками на верхнем конце (рис. 5, 14; из с. Держева); две другие (одна — из клада у с. Вицинь, вторая — из Кудринца) состоят из 3 колец, соединенных вместе, к которым прикреплены проволоки, заканчивающиеся утиными го-ловками (рис. 5, 16).

Из Грушковского клада происходит под-веска луновидной формы с загнутыми внутрь концами и небольшим выступом в центре.

Наряду с упомянутыми предметами встре-чаются еще небольшие бронзовые спиральки, состоящие из ряда витков. Подобные спираль-ки известны на обширной территории как в Южной и Средней Европе, так и в памятни-ках Украины и Кавказа, датиремых эпохой бронзы и более поздним временем.

Клады бронзовых вещей, найденные в се-веро-западной части Среднего Поднестровья, не все абсолютно одновременны: одни отно-сятся к концу эпохи бронзы, другие датиру-ются началом железного века. Наиболее ран-ним следует считать клад литейщика из с. Грушки. Бронзовые предметы, входившие в него, могут быть датированы еще X—IX вв. до н. э. Однако то, что они были изношены и поломаны, заставляет относить клад к не-сколько более позднему времени. И. К. Свеш-ников датировал клад из с. Грушки концом IX в. — VIII в. до н. э. Наиболее поздним, по всей вероятности, является клад из Голи-град, содержащий псалии и бляшки кон-ского убора, которые относятся к VII в. до н. э.

В эту же группу памятников исследовате-ли включают клад золотых предметов, най-денный у с. Михалков Тернопольской обла-сти. Он состоял из 2 чаш, 5 браслетов, 12 фи-бул, 7 блях, шейной гривны, 2 диадем, около 3000 золотых бусин, кусочков листового золо-та, нескольких золотых слитков, обломка

⁸¹ D. Berciu. Ein hallstädtisches Brandgrab aus Balta-Verde. ESA, III, 1928, стр. 165; H. Dumitrescu. Objets inédits de dépôt en bronze de Spalnică au musée national des antiquités de Bucarest. «Dacia», V—VI, București, 1935—1936, стр. 195.

⁸² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 105.

⁸³ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч.

⁸⁴ K. Zirowski. Ук. соч., стр. 184.

золотой проволоки, янтарной и 3 стеклянных бусин и мелких обломков золотых предметов. Большинство ученых считает предметы этого клада сделанными во фракийских мастерских, но в трактовке фигурок зверей на зооморфных фибулах усматривают некоторое влияние кавказских, вернее, — кобанских изделий⁸⁵ и датируют клад VIII—VII вв. до н. э. Точных аналогий всем вещам клада до сих пор не имеется, но отдельные предметы, — такие, как бусы, браслеты, гривна, — близки к найденным в ряде золотых кладов, известных на территории Дунайского бассейна.

И. Нестор объединяет Михалковский клад с такими кладами золотых изделий, как Фокору, Дали и Михаени⁸⁶. Он считает все эти клады фрако-киммерийскими и связывает с культурами, бытовавшими в период раннего галштата на территории Большой и Малой Валахии, в Банате и Семиградье.

И. К. Свешников, основываясь на том, что в Михалковском кладе были поломанные предметы, слитки золота и исправленные в древности изделия, считает, что отдельные предметы могли поступать с юга в виде заготовок и затем подвергаться окончательной обработке на месте⁸⁷. Этому же автору принадлежит интересное сопоставление орнаментов золотых изделий Михалковского клада с орнаментальными мотивами бронзовых изделий, встреченных в кладах северо-западных районов Среднего Поднестровья и имеющих близкие аналогии в Карпато-Дунайском районе. Эти сопоставления и общепринятая датировка — VIII—VII вв. до н. э. — позволяют объединять Михалковский клад золотых изделий в одну группу с другими одновременными ему памятниками северо-западных районов Среднего Поднестровья — с кладами бронзовых вещей, поселениями и погребениями голиградского типа.

Как уже было указано выше, большинство металлических изделий, найденных в северо-западной части Среднего Поднестровья, близки к изделиям, распространенным в Карпато-Дунайском районе. На территории к востоку от изучаемых районов Среднего

Поднестровья эти изделия встречаются лишь в виде единичных находок; только некоторые из бронзовых изделий близки к широко распространенным на Украине. К ним относятся кельты с уплощенной рабочей частью и одним ушком, наконечники копий с лавролистным пером и гладкой втулкой, проходящей посередине пера. Последние послужили прототипом для железных наконечников копий раннескифского времени, распространенных и в степных, и в лесостепных областях Украины. Кроме того, эта же форма легла в основу бронзовых лавролистных наконечников стрел скифского образца. Появление в северо-западной части Среднего Поднестровья отдельных изделий, характерных для восточных областей Северного Причерноморья, объясняется, по всей вероятности, существованием взаимосвязей между населением тех и других районов.

Распространение в северо-западной части Среднего Поднестровья вещей венгерских или семиградских образцов указывает на существование более тесного контакта, чем временные связи торгового или иного характера, между этими областями. К этому следует добавить, что рассмотренный выше комплекс керамики, найденной на поселениях голиградского типа, как уже говорилось, имеет наиболее близкие аналогии в Карпато-Дунайском районе и не связан с местной посудой предшествующего периода. Это заставляет присоединиться к точке зрения польских исследователей, говоривших о продвижении племен в конце эпохи бронзы — начале железного века с юга в более северные районы.

Однако у нас нет никаких оснований вслед за Т. Сулимирским считать это продвижение только военным вторжением, закончившимся порабощением местных племен. Скорее, можно думать, что какая-то небольшая группа фракийского населения продвинулась из районов Днестро-Дунайского бассейна в более северные области Поднестровья и, по-видимому, отчасти вытеснила, отчасти ассимилировала местное население. Следует заметить при этом, что продвижению фракийских племен предшествовал длительный контакт населения северо-западных районов Среднего Поднестровья с племенами Карпато-Дунайского района и прежде всего Семиградья. Об этом свидетельствуют находки двуручных лощеных сосудов, широко распространенных в Поду-

⁸⁵ K. Cadaczek. Złoty skarby Michalkowskie. Kraków, 1907; W. Antoniewicz. Archeologia Polski, 1928.

⁸⁶ J. Nestor. Ein thrako-kimmerischer Goldfund aus Rumänien. ESA, IX, 1934, стр. 175 и сл.

⁸⁷ A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926, рис. 80, стр. 216.

наряду с местными формами керамики в памятниках комаровской культуры и, особенно, белопотоцкого ее варианта, а также находки металлических украшений, близких к известным на юге Европы⁸⁸.

Появление фракийского населения в северо-западных районах Среднего Поднестровья, по всей вероятности, способствовало распространению элементов фракийской культуры в восточном направлении. Совершенно естественно, что наиболее сильно это влияние сказалось в соседних областях, в восточных районах изучаемой нами территории Поднестровья.

2. СКИФСКИЙ ПЕРИОД

До последнего времени на территории бывшей Западной Подолии — в современных Тернопольской, Станиславской, Черновицкой и Хмельницкой областях были известны только курганы скифской эпохи. Правда, уже А. А. Спицын⁸⁹ отметил, что по целому ряду признаков эти курганы отличаются от так называемых скифских курганов лесостепного Приднепровья. Польский исследователь Т. Сулимирский⁹⁰ посвятил курганам Западной Подолии и близких к ней областей специальную работу. В ней он хорошо показал особенности этих памятников и черты, сближающие их с соседними и более отдаленными культурными группами. Однако отсутствие материалов, происходящих с поселений Среднего Поднестровья, лишило этого автора возможности дать сколько-нибудь полную характеристику материальной культуры племен, обитавших на указанной территории, и правильно осветить ее генезис.

Кроме того, в своих общих построениях Т. Сулимирский следовал за М. И. Ростовцевым; он считал, что курганы с типичными скифскими вещами, к числу которых прежде всего относятся оружие и предметы конского убора, известные на территории лесостепной Украины, в том числе и в Западной Подолии, — принадлежали скифам-завоевателям. Скифы-иранцы, по Т. Сулимирскому, в VI в. до н. э. вторглись в рассматриваемые области, подчинили местные племена и образовали господствующую верхушку над ними. Они

приняли многие черты местной культуры и в том числе — местный погребальный обряд, но также по многим признакам продолжали сильно отличаться от местного поработанного населения. Таким образом, Т. Сулимирский полагал, что в Западной Подолии существовали две различные культуры — одна у скифов-завоевателей, другая — у местных племен, которые были потомками носителей культуры голиградского типа. Если курганы, по мнению этого автора, принадлежали пришлым скифам, то памятниками, оставленными местным земледельческим населением, должны были быть поселения и рядовые могильники.

Как было сказано выше, такие памятники к моменту написания книги Т. Сулимирского почти не были известны. Начиная с 1948 г., на правом и левом берегах Среднего Поднестровья различными экспедициями ИИМК, ИА и Государственного Эрмитажа производятся исследования поселений скифской эпохи. Только Трипольской экспедицией ИИМК и ИА под руководством Т. С. Пассек с 1948 г. по 1951 г. было открыто более 60 поселений в Черновицкой области и преимущественно в Кельменецком районе. Значительное количество памятников стало известно благодаря работам экспедиции под руководством М. И. Артамонова в районе г. Могилева-Подольского. К сожалению, до сих пор только немногие из поселений, открытых в процессе разведок, подвергались раскопкам.

Материалы, происходящие с поселений, показали несостоятельность точки зрения Т. Сулимирского о существовании двух разнородных культур, принадлежавших двум различным слоям населения. На территории бывшей Западной Подолии и в примыкающих к ней районах, по крайней мере, в VI—V вв. до н. э. существовала весьма однородная культура, сложившаяся, очевидно, на основании слияния или смешения двух описанных выше культур предскифского периода. Курганы и поселения скифского времени, открытые в Тернопольской и Станиславской областях, т. е. там, где были известны памятники голиградского типа, лишь в деталях отличаются от памятников в восточных районах Черновицкой области. Очень своеобразны памятники района Могилева-Подольского, однако это объясняется тем, что они занимали как бы промежуточное место между памятниками Молдавии и правобережной Украинской лесо-

⁸⁸ О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, стр. 62—77.

⁸⁹ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 87 и сл.

⁹⁰ T. Sulimirski. Scytowie na zachodniem Podolu, Lwów, 1936.

степи, и в них, естественно, больше, чем в других среднестепных памятниках, сказилось воздействие этих культур.

В VI—III вв. до н. э., как и в более раннее время, население продолжало жить главным образом в подкрепленных поселках. Городища с культурным слоем, свидетельствующим о постоянной жизни на них, известны только в районе г. Могилева-Подольского. В более западных районах на правобережье Днестра пока открыты только 2 городища — у сс. Дарабани и Поливанов Яр Черновицкой области. Большие раскопки, произведенные Т. С. Пассек на одном из них, у с. Поливанов Яр, в связи с изучением культурного слоя трипольского времени, дали лишь единичные фрагменты посуды скифской эпохи и железную булаву с бронзовой головкой. Отсутствие здесь более или менее интенсивно насыщенного находками культурного слоя скифского времени свидетельствует о том, что городище не было постоянно обитаемо, а служило лишь убежищем, где скрывалось население в момент опасности. Постоянным местом жительства этого населения, очевидно, были обнаруженные недалеко от городища 3 поселения открытого типа.

Селища располагались на мысах или на берегах оврагов, поблизости от воды. Оба городища также находились на мысах. Городище у с. Поливанов Яр занимало мыс, образованный двумя крутыми склонами глубокого оврага⁹¹. Вал и ров предохраняли участок с напольной стороны; они были построены на наиболее узкой части мыса. Вал в настоящее время имеет высоту около 1 м. Он был сооружен почти так же, как и валы городищ скифского времени, известных в лесостепном Среднем Приднестровье. Для строительства вала использовались земля и глина, которая затем была сильно прожжена. От среднестепных городищ вал городища у с. Поливанов Яр отличается тем, что он облицован белым известняковым камнем по наружной стороне. Ров, находившийся перед валом, достигал ширины 2,5—3 м и глубины до 2,5 м. Относительно второго городища, у с. Дарабани, нельзя сказать ничего определенного, так как раскопок на нем не производилось.

Поселения скифского периода, как и в более раннее время, имели небольшие размеры, но часто располагались группами по 3—4 по-

селения на сравнительно небольшой территории. Это особенно хорошо прослежено в результате сплошной разведки в Кельменецком районе⁹².

Жилищами служили наземные дома, полуземлянки и землянки. Из-за отсутствия больших раскопок на поселениях трудно сказать, какой тип жилищ преобладал.

На Григоровском городище М. И. Артамонов отмечает легкие наземные дома с открытыми очагами⁹³. К жилым сооружениям типа землянок он относит яму диаметром 2,1 м и глубиной 2 м, на дне которой находились остатки очага. Однако небольшие размеры ямы позволяют сомневаться в ее жилом характере; скорее, она была очажной, как и аналогичные ямы, известные на поселениях в Молдавии⁹⁴.

На поселении у с. Иванье-Пусте в Тернопольской области Т. Сулимирский обнаружил остатки наземных жилищ, имевших глинобитные пол и очаги⁹⁵. Однако никаких сколько-нибудь подробных сведений об этих жилищах не сохранилось. Можно лишь предполагать, что они были близки к жилищу, открытому нами на поселении предскифского времени у с. Ленковцы.

На поселении Пидмет у с. Нагоряне Кельменецкого района Черновицкой области И. Г. Шовкопляс доследовал 3 полуземлянки прямоугольной формы, частично размытые водами Днестра. Внутри землянок находились остатки печей, сделанных из камня и глины⁹⁶. Форму и размеры этих жилищ восстановить не удалось из-за плохой их сохранности.

Круглая в плане землянка диаметром 5 м, с дополнительным помещением возле нее, была обнаружена на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище Кельменецкого района Черновицкой области⁹⁷. Следов печи или от-

⁹² Разведки производились Трипольской экспедицией ИИМК и ИА в 1949—1951 гг. Материал хранится в ИИМК.

⁹³ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 102.

⁹⁴ А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 59 и сл.

⁹⁵ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 101.

⁹⁶ Г. Г. Шовкопляс. Поселения ранне-скифского часу на среднем Днестрі. «Археологія», IX, Київ, 1954, стр. 99 и сл.

⁹⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 69.

⁹¹ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 61.

крытого очага внутри землянки не обнаружено. По всей вероятности, очаг находился где-то рядом с жилым помещением и был наземным.

В Тернопольской области на поселении в урочище Голдры у с. Сухостав И. К. Свешников обнаружил 3 землянки, одна из которых (лучшей сохранности) в плане имела форму квадрата с закругленными углами и размеры 3×3 кв. м. Вторая землянка по форме приближалась к прямоугольнику с закругленными углами; размеры ее — $3,3 \times 2,4$ м. О планировке третьей землянки судить трудно, так как большая часть ее была разрушена карьером⁹⁸. Каждая из 3 землянок имела ступенчатый вход. Следы открытого очага в виде скопления углей и золы были найдены на дне одной из землянок. Во второй землянке обнаружены остатки глинобитной печи. Кроме того, на уровне древней дневной поверхности открыты еще 2 очага.

При раскопках и разведках на поселениях было собрано большое количество фрагментов керамики. Другие находки встречались значительно реже; они известны только из тех памятников, которые подвергались раскопкам.

По керамическим комплексам поселения делятся на 2 группы. В первую из них объединяются памятники, в которых обнаружена керамика, близкая к описанной выше, происходящей с поселений предскифского времени типа Гамарии у с. Ленковцы. Из поселений, подвергавшихся раскопкам, к этой группе принадлежат селище Пидмет у с. Лука-Врублевская, Григоровское городище и поселение у с. Мерешовка Атакского района Молдавской ССР (на правом берегу Днестра, напротив г. Могилева-Подольского). Шесть поселений было открыто в процессе разведок в восточных областях Черновицкой области, в том числе городище у с. Дарабани. В более западных и северо-западных районах Среднего Поднестровья такие памятники остаются неизвестными.

Среди кухонной посуды здесь, как и на поселениях конца VIII в.—VII в. до н. э., встречаются тюльпановидные и баночные горшки. По-прежнему они украшены невысоким налепным валиком с пальцевыми защипами или нарезками и проколами. Одна-

ко у большинства тюльпановидных сосудов валик находится не в нижней части шейки, а под венчиком, вместе с проколами (рис. 6, 16, 17) или несколько ниже их.

Баночные горшки украшены валиком, расположенным на тулове (рис. 6, 19).

Глина этих сосудов грубая, содержит примеси крупного шамота, кварцевого песка, а иногда даже галечника. Поверхности сосудов заглажены, и лишь изредка на них заметны следы очень слабого лощения.

Разнообразна керамика, сделанная из хорошо отмученной глины с мелкими примесями шамота или песка. Поверхности таких сосудов хорошо заглажены и имеют лощение разного качества — от слабого, едва заметного, до блестящего, похожего на лак. Цвет поверхностей бывает различным — от желтовато-сероватого до интенсивно-черного. Что касается форм лощеной керамики, то многие из них либо повторяют типы сосудов, известных в памятниках предскифского периода, либо отличаются от них в деталях. Наряду с ними отмечены формы, не употреблявшиеся ранее. К первым относятся большие сосуды типа виллановы, служившие для хранения припасов. Среди мисок по-прежнему преобладают те, у которых край загнут внутрь (рис. 6, 9—13); однако на них реже, чем это было ранее, встречается орнамент в виде косых желобков или косо расположенных валиков. Более широкое применение, чем на мисках конца VIII—VII вв. до н. э., здесь получили орнаментальные выступы различной формы, расположенные по краям⁹⁹. В большом количестве встречаются также фрагменты мисок с отогнутым наружу краем.

Чарки или черпаки представлены типами, хорошо известными по находкам в памятниках предскифского времени. У этих сосудов более или менее высокая шейка, округлое тулово и простая петельчатая ручка¹⁰⁰ (рис. 6, 1—3). Вместе с ними получили распространение черпаки, по форме тулова близкие к первым, но имеющие более высокую ручку с выступом на перегибе (рис. 6, 4, 5). Выступы на ручках бывают оформлены по-разному. Чаще всего встречаются ручки с тупым цилиндрическим выступом, но есть и двойные, а иногда даже тройные выступы с плоской шляпкой. В некоторых случаях выступ ручки

⁹⁸ И. К. Свешников. Поселение раньоскифского часу біля с. Сухостав Тернопільської області. Археологія, XI, Київ, 1957, стр. 106 сл.

⁹⁹ И. Г. Шовкопляс. Поселения раньоскифского часу..., стр. 104, рис. 6.

¹⁰⁰ Там же, стр. 103, табл. I, 14.

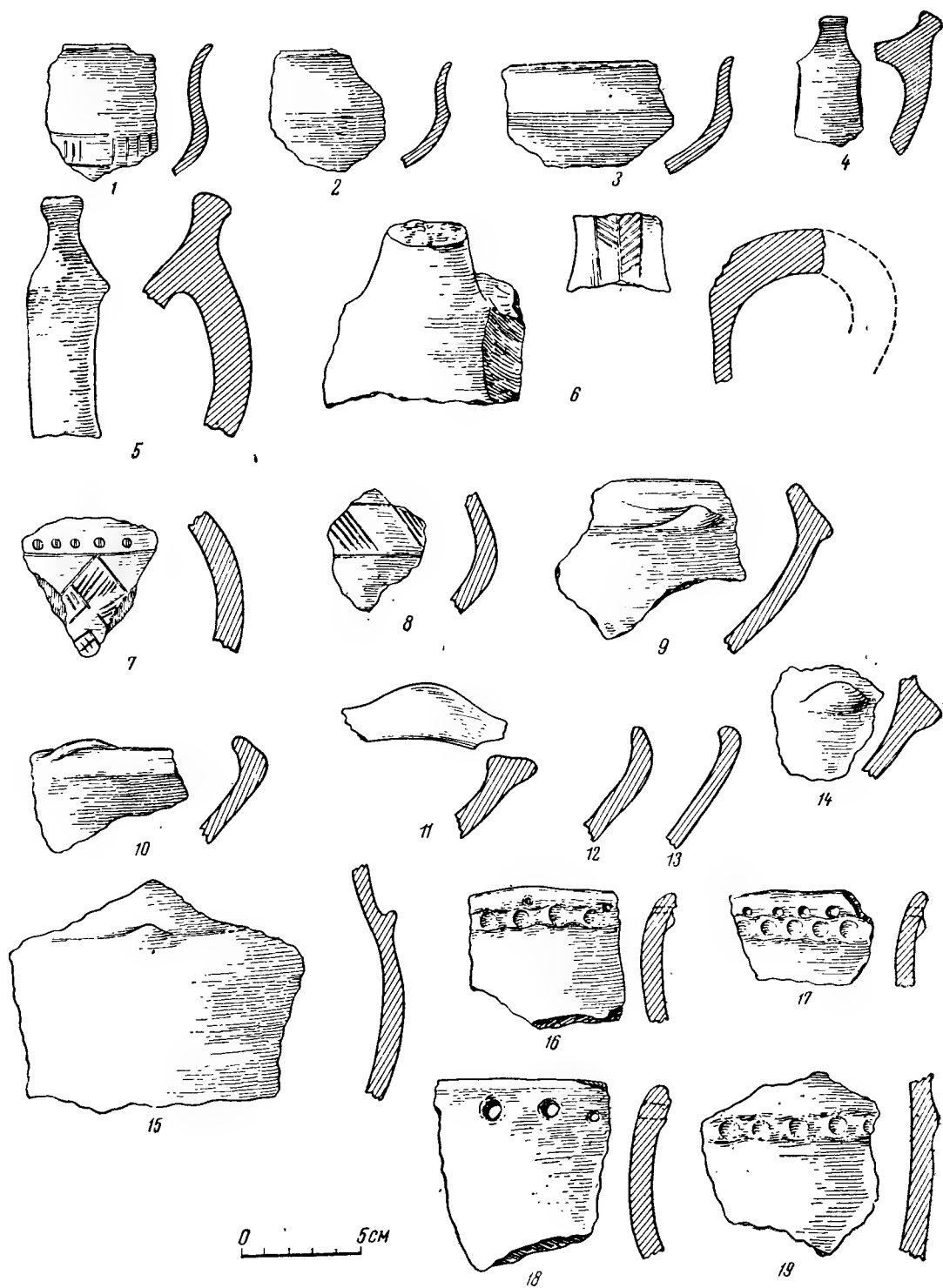

Рис. 6. Керамика с поселения у с. Мершовка.

оформлен в виде расширяющейся кверху лопасти. Особенно разнообразные ручки черпаков встречаются на Григоровском городище¹⁰¹. Поверхности чарок, происходящих с этого городища, часто украшены резным или штампованным орнаментом, иногда заполненным белой пастой. Близкие к ним орнаментированные черпаки известны с поселения у с. Мерешовка (рис. 6, 1). На поселениях, расположенных в Черновицкой области, чарки с резкой или штампованной орнаментацией встречаются лишь изредка.

Отмеченные формы посуды являются наиболее обычными на поселениях этой группы. Наряду с ними встречаются и другие типы керамики. Известны сосуды, по форме близкие к тюльпановидным кухонным, имеющие сравнительно высокое горло и выделенные плечики¹⁰². В месте перехода от шейки к плечикам иногда имеется орнамент в виде невысокого валика с зазипами или ямок, сделанных пальцем¹⁰³.

Отдельными фрагментами представлены сравнительно большие сосуды, украшенные по тулову резной или штампованной орнаментацией (рис. 6, 7, 8). Также в небольшом количестве встречаются фрагменты сосудов средних размеров, украшенные вертикально расположенными каннелюрами, близкие к тем, которые известны в памятниках предскифского времени, и сосуды с небольшими выступами-упорами по плечикам (рис. 6, 14, 15).

Описанный комплекс керамики по ряду черт близок к посуде, обнаруженной на Немировском городище Побужья, а также на поселениях и в погребениях правобережного Среднего Приднепровья, которые датируются второй половиной VII в.—началом VI в. до н. э.¹⁰⁴ Это дает возможность датировать тем же периодом времени поселения Подолии, выделенные нами по керамике в первую группу. Однако по некоторым признакам описанный комплекс отличается от среднелепровского. Здесь не получила та-

кого широкого распространения, как на среднем Днепре, лощеная посуда, украшенная резным и штампованным орнаментом. Керамика этого вида встречается преимущественно в Могилев-Подольском и близких к нему районах. При этом характерно, что она по формам и принципам орнаментации имеет наиболее близкие аналогии в керамике раннескифского времени, известной в Северной Молдавии.

Шире, чем на среднем Днепре, здесь использовался прием орнаментации мисок выступами различной формы. В употреблении были черпаки с петельчатой ручкой, весьма близкие к тем, которые применялись еще на белогрудовском этапе. В Среднем Приднепровье сосуды этого типа к началу скифского времени уже не имели сколько-нибудь широкого распространения.

Отличия наблюдаются и в грубой кухонной посуде, но они в основном сводятся к тому, что здесь еще с предскифского времени получили довольно широкое применение баночные горшки, нехарактерные для памятников Среднего Днепра.

Кроме описанной керамики, представляющей обычную находку на поселениях, объединяемых нами в первую группу, в отдельных случаях встречались сосуды редких форм. На поселении Пидмет у с. Нагоряне найден небольшой лощеный сосудик, имеющий прямые стенки и слегка выступающее дно, украшенный небогатым резным орнаментом по стенкам и на дне¹⁰⁵. С Григоровского городища происходит оригинальный сосуд, имеющий сравнительно широкое устье и острое коническое дно¹⁰⁶. Стенки его украшены 4 рядами заштрихованных ромбов с ямками по углам. По форме он аналогичен сосудам, встречающимся в высоцкой и лужицкой культурах, но отличается от них орнаментацией¹⁰⁷. На том же городище обнаружена небольшая двойная чарка с отверстием в стенке и одной ручкой¹⁰⁸. Подобные двойные и даже тройные чарки хорошо известны на территории распространения лужицкой культуры. Кроме керамики, на Григоровском городище

¹⁰¹ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 102.

¹⁰² И. Г. Шовкопляс. Поселения раиньоскифского часу..., рис. 5.

¹⁰³ Такие сосуды известны из Григоровского городища.

¹⁰⁴ Е. Ф. Покровська. Поселения VIII—VI ст. до н. э. на Тясмині. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 55 и сл.; М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области. КСИА, вып. 1, 1952, стр. 59 и сл.

¹⁰⁵ И. Г. Шовкопляс. Поселения раиньоскифского часу..., стр. 104, рис. 7.

¹⁰⁶ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 103, рис. 40, 1.

¹⁰⁷ T. Sulim irski. Kultura wysocoka, табл. XXII, 8, 9.

¹⁰⁸ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., рис. 40, 2.

встречены глиняные поделки в виде когтистых лап¹⁰⁹, аналогии которым не известны в других памятниках.

Изделий из металла почти не найдено. Только на Григоровском городище обнаружены бронзовая игла такой же формы, как найденная в одном из отмеченных выше курганов у с. Лука-Врублевская, и бронзовая булава с головкой в виде петли, близкая к булавам, найденным на поселении Тарасова Гора у с. Жаботин¹¹⁰. Булавы такой формы появились еще на белогрудовском этапе и продолжали употребляться в течение скифского периода. Костяные проколки, происходящие с этого же городища, совершенно того же типа, что и описанные выше с поселения у с. Ленковцы и других памятников лесостепной Украины. В употреблении были, очевидно, каменные и кремневые орудия. Правда, кремневых серпов, обычных для поселений предскифского времени, здесь пока не встречено, но на селище Пидмет найдена роговая мотыга или роговой клевец с кремневым вкладышем¹¹¹. Близкий предмет известен с поселения у с. Сандраки, датируемого эпохой поздней бронзы¹¹²⁻¹¹³. На Григоровском городище и на поселении у с. Мерешовка обнаружены обломки каменных сверленных молотов.

Употребление роговых орудий с кремневыми вкладышами и каменных молотов как будто свидетельствует о том, что в эпоху существования поселений с описанной выше керамикой конца VII в. — начала VI в. до н. э. железо еще не имело широкого применения у местных племен.

Описанные находки, видимо, указывают на то, что с наступлением раннескифского времени не произошло никаких существенных изменений в культуре местных племен восточных районов Среднего Поднестровья. Из-за отсутствия данных нельзя судить о памятниках раннескифского времени в западных областях Среднего Поднестровья, где в предскифскую эпоху были известны поселения голиградского типа и клады бронзовых предметов.

¹⁰⁹ М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии..., стр. 103, рис. 40, 3, рис. 2, 2.

¹¹⁰ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 61.

¹¹¹ Г. Шовкопляс. Поселения раннескифского часу..., стр. 104, рис. 8.

¹¹²⁻¹¹³ О. Ф. Лагодовська. Поселения часу пізньої бронзи в с. Сандраки, стр. 139, рис. 3.

В 1954—1955 гг. в Тернопольской и Станиславской областях были открыты поселения, керамика которых отличается от голиградской по целому ряду признаков¹¹⁴. Здесь почти нет сосудов, орнаментированных каннелюрами, лощение на сосудах уступает по качеству голиградскому, имеются кухонные горшки, украшенные валиком с защипами. Однако эти памятники пока не подвергались большим раскопкам, и мы не знаем полного комплекса керамических форм, а также не имеем оснований для датировки их.

Поселения, выделяемые нами по керамике во вторую группу, известны также главным образом из восточных районов Среднего Поднестровья. Трипольской экспедицией ИИМК в пределах Черновицкой области было открыто в процессе разведок более 50 поселений, в которых обнаружены сходные комплексы керамики.

Близкие по керамике поселения известны из районов Каменец-Подольска и Могилева-Подольского. Следует заметить, однако, что поселения этого типа в районе г. Могилева-Подольского пока менее изучены, чем описанные выше.

Раскопки производились только на одном поселении Черновицкой области — в урочище Скрыпки у с. Селище Кельменецкого района¹¹⁵. Именно с этого поселения и происходит наиболее полный набор керамики. Большое количество фрагментов сосудов, сходных с найденными при раскопках, было собрано при разведках на сильно распаханном поселении у с. Янауцы (на поле Яэчков) тоже Кельменецкого района.

Комплекс посуды, происходящий с этих поселений и с других селищ, выделенных во вторую группу, отличается от описанного прежде всего тем, что в нем отсутствует лощеная посуда, украшенная резным, штампованным орнаментом, а также узором в виде каннелюр. Кроме того, количество фрагментов лощеной керамики меньше, чем в комп-

¹¹⁴ В 1954 г. Г. И. Смирнова производила раскопки на многослойном поселении у с. Незвиска Станиславской области. При этом ею был выделен слой, содержащий фрагменты керамики, относящейся, по-видимому, к несколько более позднему времени, чем керамика с поселений типа Голиграды — Гордница. В 1955 г. местный учитель собрал керамический материал с поселения у с. Сквятин Боршевского района Тернопольской области.

¹¹⁵ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 67 и сл.

лексах первой группы, а формы ее менее разнообразны. По качеству лощение сосудов уступает тому, которым были покрыты сосуды предскифского и раннескифского времени. Черного, очень блестящего лощения здесь нет совсем; отмечено только тусклое лощение коричневатых и желтоватых тонов.

Значительно преобладают над всеми остальными находками фрагменты кухонных сосудов тех же форм, что и указанные выше, т. е. тюльпановидных и баночных ¹¹⁶ (рис. 7, 1—7). Однако, в отличие от них, эти сосуды украшены более массивным валиком, который располагается на тюльпановидных сосудах всегда только под венчиком, а на баночных — иногда и на тулове. Сосуды с валиком на шейке отсутствуют. Орнамент в виде проколов помещается или под венчиком, или на валике — внутри пальцевых вдавлений. Реже встречаются фрагменты сосудов, имеющих невысокую шейку, плавно переходящую в плечики. Такие сосуды украшались только сквозными проколами ¹¹⁷. Наружная поверхность кухонных горшков шероховатая и лишь внутренняя заглажена более тщательно. К кухонным сосудам, очевидно, относятся плоские глиняные крышки, имевшие заглаженные поверхности (рис. 7, 12, 13).

Из лощеной керамики здесь имеются большие сосуды с высокой шейкой и более или менее широким плоским венчиком, которые можно рассматривать как несколько видоизмененную форму сосудов типа виллановы; от последних они отличаются отсутствием каннелюр на шейке (рис. 7, 14). Миски в основном сохраняют старую форму; у них загнутый внутрь край, но орнамент в виде каннелюр, валиков или выступов на них не встречается (рис. 7, 8—11). Единственный вид орнамента на мисках — это проколы, либо сквозные, либо сделанные изнутри и заканчивающиеся снаружи небольшими городищами ¹¹⁸ (рис. 7, 9).

Несколько видоизменились формы чарок по сравнению с описанными выше. Все те фрагменты чарок, которые были найдены нами при раскопках и разведках, принадлежат сосудам с невысоким туловом. Одни из них имеют слабо выраженную шейку, плавно

переходящую в тулово с округлым уплощенным дном ¹¹⁹. Эти чарки по профилю близки к описанным ранее и отличаются от них лишь меньшей высотой. У других чарок — почти прямая шейка, под углом переходящая в тулово; дно их плоское ¹²⁰. Ручки чарок высокие, с выступами на перегибе ¹²¹. По форме эти выступы мало отличаются от тех, которые имеются на ручках черпаков VII в. — начала VI в. до н. э.

Кроме посуды кухонного и столового назначения, на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище найдено несколько маленьких сосудиков, очевидно, не имевших практического применения. Одни из них — в виде мисочек на полый конической ножке, другие — в виде баночных горшочков ¹²². Возможно, эти сосудики имели какое-то ритуальное назначение.

Описанный комплекс керамики близок к посуде, происходящей с целого ряда городищ Побужья и Среднего Приднепровья, которые датируются VI в. — началом V в. до н. э. Наибольшее сходство наблюдается с керамикой Севериновского городища, на котором были найдены сходные с рассматриваемыми нами корчаги, черпаки, миски и крышки. Несколько отличается от поднепровской кухонная керамика Севериновского городища, среди которой имеются не только близкие к описанным тюльпановидные и баночные горшки, но еще и котлообразные сосуды, украшенные валиком, защипами и проколами под венчиком. Аналогичные найденные на поселениях в восточных районах Среднего Поднепровья горшки с массивным валиком под венчиком, лощенные миски и большие биконические сосуды с высоким горлом и широким краем известны на Пастерском, Хотовском ¹²³ и Шароповском ¹²⁴ городищах, в слоях VI в. — начала V в. до н. э.

Несколько отличаются от среднеднепровских формы чарок. В памятниках Среднего Приднепровья имеется лишь тип чарок с шейкой, плавно переходящей в тулово. Чарки второго типа, с ребром в месте перехода от шейки к тулову, как правильно отметил

¹¹⁶ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре..., стр. 70, рис. 32, 20—23.

¹¹⁷ Там же, рис. 32, 17.

¹¹⁸ Там же, рис. 32, 19.

¹¹⁹ Там же, рис. 32, 10, 15.

¹²⁰ Там же, рис. 32, 14.

¹²¹ Там же, рис. 32, 11—13.

¹²² Там же, стр. 70, рис. 32, 7—9.

¹²³ Материал хранится в ИА.

¹²⁴ И. В. Фабриціус. Тясьминська експедиція. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 84 и сл.

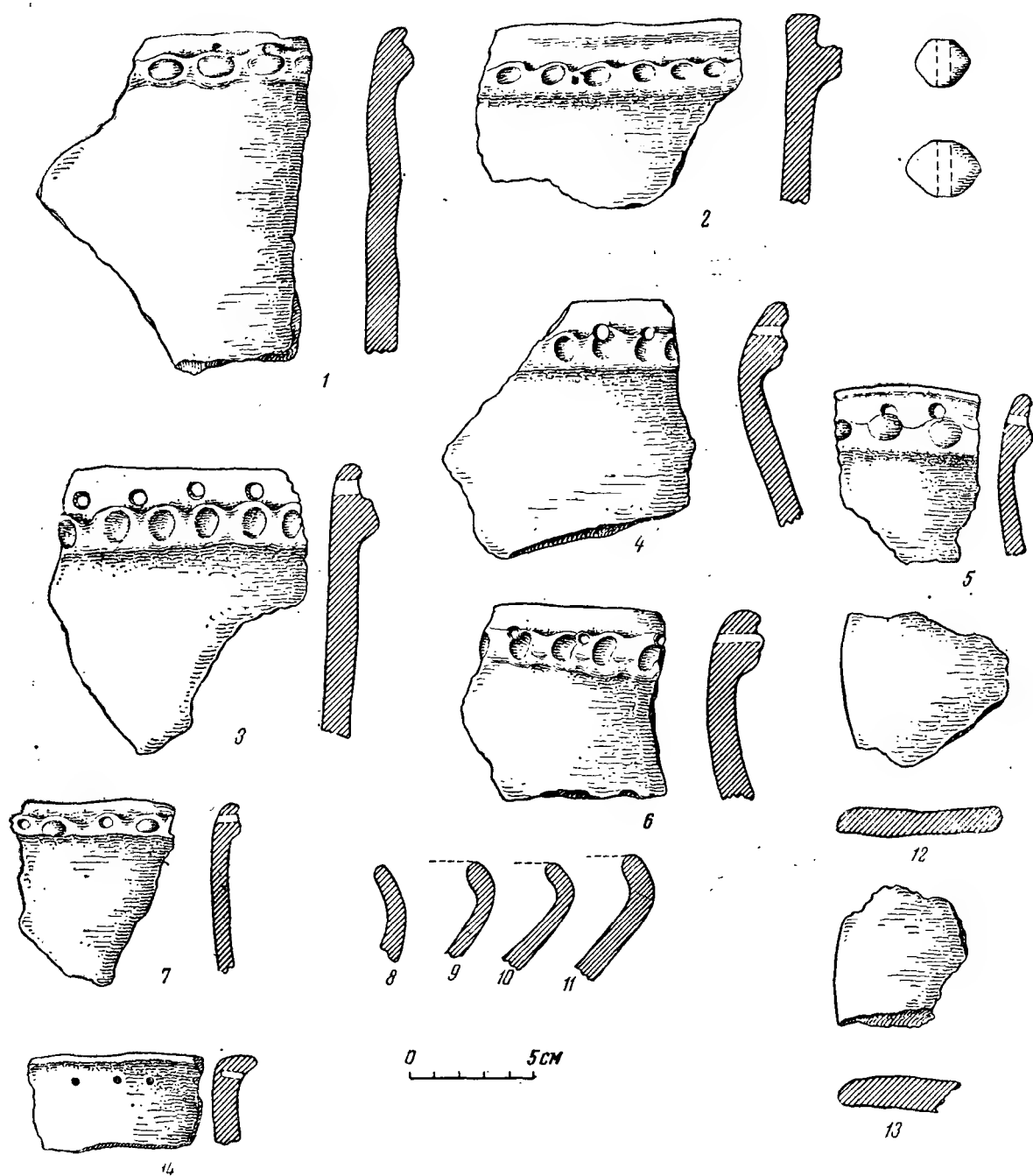

Рис. 7. Керамика с поселения у с. Янаузы

Т. Сулимирский, имеют наиболее близкие аналогии в памятниках высоцкой культуры.

Поселения с керамикой, весьма сходной с описанной, были открыты и за пределами Черновицкой области, а именно в тех районах Тернопольской области, где в предскифский период существовали памятники голиградского типа. Так, на селище у с. Иванье-Пусте Т. Сулимирский¹²⁵ обнаружил фрагменты посуды, вполне аналогичной керамике, найденной нами при раскопках в урочище Скрыпки у с. Селище. Лишь в деталях отличается от описанного набор сосудов, происходящий с поселения в урочище Голдры у с. Сухостав¹²⁶.

Судя по приведенным аналогиям из датированных памятников Среднего Приднепровья, поселения, выделенные нами по керамике во вторую группу, могут быть отнесены к середине VI в. — началу V в. до н. э. По-видимому, они сменили селища с керамикой первой группы. Эта дата подтверждается еще и тем, что большинство из описанных форм посуды вполне сходно с теми, которые были встречены в курганах Западной Подолии вместе с предметами скифского типа, датированными в пределах указанного отрезка времени¹²⁷. Возможно, однако, что сходная керамика существовала и в более поздний период. На это как будто указывают находки чарки с высокой ручкой, миски и горшка, близких по форме к описанным, сделанные в двух курганах вместе с сероглиняными гончарными сосудами, которые Т. Сулимирский датировал III в. до н. э.¹²⁸

Кроме керамики, на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище найдены 2 бронзовые булавки с небольшой конической шляпкой и слегка утолщенной шейкой¹²⁹. Такая же булавка происходит с поселения у с. Сухостав. Булавки этого типа представляют собой обычную находку в курганах Западной Подолии и изредка встречаются в погребениях высоцкой культуры. Т. Сулимирский считает их вариантом булавок, распространенных в лесостепной полосе Украины; от среднеднепровских они отличаются отсутствием рифления на шейке и формой головки.

К редким и необычным находкам относится массивная костяная булавка с головкой грифона или орла¹³⁰, происходящая с поселения в урочище Скрыпки у с. Селище. Часть такой же булавки была найдена только в одном из курганов Западной Подолии — в кургане VI у с. Новоселка-Гримайловская Каменец-Подольского района¹³¹. За пределами изучаемой территории подобные булавки мне не известны.

Костяной пирамидальный наконечник стрелы, найденный при раскопках на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище¹³², вполне аналогичен костяным наконечникам стрел этой формы, часто встречающимся в курганах Украины скифского времени. Подобные наконечники стрел обнаружены также в курганах Западной Подолии¹³³.

Погребальные памятники, открытые в изучаемом районе, подробно освещены в монографии Т. Сулимирского. После выхода в свет этой книги курганы скифского времени здесь почти не подвергались раскопкам, только в 1951 г. нами был исследован один курган, находящийся вблизи от поселения предскифской эпохи у с. Ленковцы. В связи с отсутствием новых материалов характеристику погребальных памятников Западной Подолии, данную Т. Сулимирским, нельзя расширить; можно лишь внести в нее некоторые дополнения и изменения.

Курганы скифского времени по приему строительства насыпей и погребальных сооружений ничем существенно не отличались от курганов предшествующего периода. Погребенному для строительства гробниц и насыпей использовался камень местных пород, преимущественно известняк.

Т. Сулимирский¹³⁴ выделяет 2 типа курганных сооружений: каменные кучи, насыпанные над погребальным местом, и каменные кольца, окружающие площадь диаметром 8—10 м, сложенные из больших плит, высотой 1—1,5 м, шириной 1—2 м. Насыпь состояла из земли с мелкими камнями. Высота курганов была различной — от едва заметной на современной поверхности до 3,8 м.

¹²⁵ Материал не издан, хранится в Львовском историческом музее.

¹²⁶ И. К. Свешников. Поселение ранньоскифского часу..., стр. 109, табл. I, 129.

¹²⁷ О керамике из курганов см. ниже.

¹²⁸ См. стр. 42.

¹²⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 70, рис. 32, 2.

¹³⁰ Там же, рис. 32, 1.

¹³¹ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XI, 1.

¹³² А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 70, рис. 32, 3. ■

¹³³ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XI, IX и др.

¹³⁴ Там же, стр. 5.

Высота насыпи обычно составляла от 0,6 до 1,2—1,3 м; диаметр курганов, в зависимости от их высоты, равнялся 10—30 м.

Большие курганы, соответствующие курганам скифского времени на территории Среднего Приднепровья, здесь не известны. Погребения находились чаще на горизонте, сразу же под курганной насыпью, реже — в неглубоких могильных ямах. В отличие от предскифского времени, в курганах скифской эпохи встречалась лишь одна гробница, которая расположена обычно в центре кургана. Гробницы, устроенные на горизонте, представляли собой площадку размерами до 4×6 м, окруженную камнями. В одних случаях гробница, ограниченная камнями, имела форму почти правильного прямоугольника, в других — лишь приближалась к прямоугольной. Камни, обрамляющие погребальное место, только изредка сложены кладкой; чаще они просто насыпаны или набросаны вокруг площадки.

Могила, вырытые в грунте, были глубиной не более 1 м, только в одном кургане (№ 1, у с. Шидловцы) глубина гробницы составляла 1,5 м. По стенкам могилы обкладывались камнями, иногда по всем 4 сторонам или только по двум-трем. Перекрытий над могилами обычно не было, лишь в кургане № 1 в Шидловцах могильная яма сверху была закрыта дубовыми брусками, а затем засыпана землей с камнями.

Погребальное место на горизонте, а также дно могильных ям выстлано небольшими каменными плитками, т. е. так же, как в курганах предскифского времени у с. Лука-Врублевская.

Наряду с указанными формами гробниц изредка встречаются иные погребальные сооружения. Так, в Новоселке-Гримайловской Скалатского района в курганной насыпи открыты остатки деревянной гробницы, сделанной из вертикально стоявших бревен. Пол был вымощен каменными плитками, обмазанными сверху сначала желтой, а затем белой глиной¹³⁵. Описанная гробница представляет собой единственное на территории Западной Подолии деревянное погребальное сооружение.

У с. Раковат Копычинецкого района обнаружены 2 бескурганных гробницы в виде каменных ящиков, сложенных из необрабо-

танных камней средней величины и прикрытых каменными плитами¹³⁶.

Погребения совершались посредством трупоположения и трупосожжения, причем и тот, и другой обряды часто встречаются в курганах, расположенных рядом и составляющих одну группу. Общее количество трупосожжений несколько превышает количество трупоположений.

Среди трупоположений преобладают одиночные захоронения в скорченной позе, но попадаются и парные скорченные погребения. Костяки ориентированы по-разному; несколько преобладают те, которые были положены головой на север или северо-запад. В парном погребении в кургане № 1 у с. Серватинцы скорченные костяки лежали черепами в разные стороны: один — на юго-запад, другой — на северо-восток.

В одном из упомянутых выше своеобразных каменных ящиков у с. Раковат обнаружены 3 погребения. Один костяк лежал в скорченном положении на правом боку головой на северо-запад, два других находились в ногах у первого. Кости этих погребенных были в разрозненном состоянии, без правильного анатомического порядка¹³⁷. По-видимому здесь, так же как и в некоторых курганах предскифского времени у с. Лука-Врублевская, были последовательно похоронены в одной гробнице несколько покойников. Очевидно, более древними следует считать 2 костяка, которые были сдвинуты в сторону, чтобы освободить место для захоронения следующего покойника.

Кроме скорченных погребений, в курганах Западной Подолии встречаются и иные виды трупоположений. В упомянутой выше деревянной гробнице в кургане А у с. Новоселка-Гримайловская покойник был погребен в сидячем положении.

В 2 могилах найдены вытянутые костяки. Один из них находился в кургане № 1 у с. Ивановка Каменец-Подольского района. Костяк лежал на спине, головой на запад; под ним находилась вымостка из небольших известняковых плиток¹³⁸. Другой костяк в вытянутом положении, также головой на запад, найден в каменном ящике № 1 у с. Раковат¹³⁹.

¹³⁶ Там же, стр. 80.

¹³⁷ Там же, стр. 80, рис. 19 на стр. 81.

¹³⁸ Там же, стр. 88.

¹³⁹ Там же, стр. 80.

¹³⁵ T. Sulim irski. Scytowie..., стр. 81.

Трупосожжения совершались на месте погребения. Покойников клали на небольшой костер, покрывая сверху горячим материалом. Костер обставляли и частично закрывали обычно известняковыми камнями, которые сильно обгорали и во многих случаях превращались в известь. Иногда известь засыпала костер и покрывала погребенного, как например в курганах III и IV в Братышове и в кургане II в Серватинцах. Очевидно, курган часто насыпали прямо над недогоревшим костром, потому что во многих случаях в насыпи оказалась прокаленная земля, смешанная с обгоревшими и превратившимися в известь мелкими камнями. Не всегда погребенные сгорали полностью. Отмечены случаи частичного сожжения покойников (курган в Городнице, курган № 1 в Бильче-Золотом, курган IV в Братышове и другие).

Кости сожженных покойников чаще оставляли на месте, реже собирали в кучу (курган у сс. Шидловцы, Новоселка-Гримайловская). Только в одном кургане у с. Качановка было найдено захоронение костей в урне. При этом сожжение производилось рядом с захоронением, на месте, огражденном каменной кладкой. Урна, как и сосуд с костями покойника, в кургане № 6 у с. Лука-Врублевца была обставлена камнями и закрыта сверху каменной плиткой ¹⁴⁰.

В некоторых гробницах прослежены небольшие ямки круглой формы (в плане), диаметром 0,5—0,6 м, глубиной до 0,6 м от пола гробницы. Количество таких ямок в одной гробнице различно — от 1 до 4. Заполнение их составляют земля или камни. Т. Сулимирский считает эти ямки ритуальными и связывает их с существованием верования в путешествия души умершего.

Характерной чертой погребальных памятников Подолии являются кенотафы, которые сооружались, по-видимому, в честь людей, погибших на стороне. В этих курганах находятся такие же гробницы на горизонте, как и в тех, которые содержат прах покойника. На дне кенотафов сохранились следы костров и более или менее богатые наборы инвентаря, аналогичные встречающимся вместе с погребенными. Однако ни остатков сожжений, ни каких-либо следов трупоположений в этих гробницах не обнаружено. Такой курган-кенотаф был раскопан нами в 1951 г. у

с. Ленковцы ¹⁴¹; близки ему курган II в Серватинцах ¹⁴², курган II у с. Беремианы ¹⁴³, курган II в Ладычине ¹⁴⁴, курган I у с. Купин ¹⁴⁵, курган II у с. Завадинцы ¹⁴⁶ и некоторые другие.

По сопровождавшим покойника предметам курганы с трупосожжениями ничем не отличаются от курганов с трупоположениями. Почти всех погребенных сопровождает большее или меньшее количество сосудов, часто попадаются мелкие украшения в виде бронзовых булавок и височных колец, несколько реже — бусы и браслеты. В мужских погребениях встречаются предметы вооружения, но наборы оружия из курганов Западной Подолии никогда не бывают столь разнообразны и богаты, как в курганах Приднепровья. Самую обычную находку из предметов вооружения составляют бронзовые наконечники стрел (они известны из 18 курганов). Количество наконечников стрел при одном погребении обычно колеблется от 1 до 10; только в кургане у с. Ленковцы обнаружено 28 наконечников стрел. Стрелы находились в различных местах гробниц, и лишь в одном кургане встречены остатки колчана из дубового дерева с 11 наконечниками стрел в нем ¹⁴⁷.

Реже, чем наконечники стрел, в курганах попадаются наконечники копий (они оказались в 7 курганах) и железные боевые топоры (в 4 курганах). Только в кургане у с. Ленковцы были найдены обломки железного кинжала. Из оборонительного вооружения лишь в 2 курганах Западной Подолии обнаружены обломки железных чешуйчатых панцирей.

Конских захоронений, сопровождавших покойников, как в ряде курганов Приднепровья, здесь не найдено. Изредка встречаются вместе с погребенными отдельные предметы конского убора — удила и украшения конской уздечки, однако количество этих предметов всегда невелико. Из изделий, исполненных в

¹⁴¹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 60 и сл.

¹⁴² T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 95.

¹⁴³ Там же, стр. 63.

¹⁴⁴ Там же, стр. 84.

¹⁴⁵ Там же, стр. 99; «Swiatowit», IV, Warszawa, 1902, стр. 22.

¹⁴⁶ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 99; «Swiatowit», IV, 1902, стр. 26.

¹⁴⁷ Курган № 1 у с. Гродек (над Днестром). Залещинского района. T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 68, 69.

¹⁴⁰ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 84.

скифском зверином стиле, известны только бронзовые головки грифона или орла на пронизках от конской сбруи и костяная булава с навершием в виде такой же головки.

Кроме указанных предметов, в курганах изучаемой группы встречаются вещи туалетного назначения. К ним относятся найденные в 7 погребениях бронзовые зеркала и в 5 курганах — каменные блюда.

В нескольких гробницах отмечены находки изделий из кремня. Так, в кургане № 2 у с. Городница найден кремневый наконечник стрелы, в кургане № 5 у с. Братышово — небольшой кремневый полированный топор. Т. Сулимирский считает эти находки кремневых изделий не случайными, а связанными с комплексом предметов скифского времени.

Изредка, помимо вещей, в могилах встречаются кости животных, которые следует рассматривать как остатки заупокойной пищи, положенной покойнику, или следы тризны¹⁴⁸. К сожалению, определения этих костей не было сделано, и мы не знаем, каким именно животным они принадлежали.

Курганы Западной Подолии Т. Сулимирский датирует в пределах от середины VI в. до II в. н. э. При определении нижней границы он исходил из находок бронзовых зеркал, тогда как верхнюю определял по сделанным на круге сосудам так называемого кельтского типа¹⁴⁹. Кроме того, Т. Сулимирский разделил курганы на 2 хронологические фазы и датировал первую из них VI—V вв. до н. э., а вторую — IV—III вв. до н. э.

При датировке курганов Т. Сулимирский принимал во внимание прежде всего лучшую или худшую обработку поверхностей керамики, наличие или отсутствие орнамента на ручках зеркал. Предметы вооружения и конского убора совершенно не учитывались при определении времени того или иного комплекса. В связи с этим в ряде случаев курганы с одинаковыми наборами наконечников стрел, но несколько отличающиеся по керамике, были отнесены Т. Сулимирским к разным хронологическим группам.

Исходя из хорошо разработанной хроно-

логии наконечников скифских стрел, представляющих сравнительно частую находку в курганах Западной Подолии, и принимая во внимание другие предметы вооружения и конский убор, мы можем сказать, что курганы рассматриваемой группы, содержавшие эти находки, датируются лишь VI—V вв. до н. э. Ни в одном из курганов нет оружия и предметов конской упряжи, которые можно было бы отнести к IV—III вв. до н. э. Также только VI—V вв. до н. э. датируются встречающиеся здесь бронзовые и в двух случаях электролитические височные кольца с конусами на концах. Не позднее V в. до н. э. можно датировать и все бронзовые зеркала, в том числе те, которые имели неорнаментированную ручку.

Датировка памятников, в которых не найдено названных выше металлических предметов, крайне затруднительна. Хорошо определяется время только двух, очевидно, самых поздних курганов — кургана I у с. Серватинцы и кургана В в Новоселке-Гримайловской. В них были найдены серые, сделанные на круге сосуды эпохи среднего латена (300—150 гг. до н. э.). Наличие, наряду с этими сосудами, чарки с высокой ручкой, мисочки наполовину конической ножке и горшка с высоким горлом и расширенными боками, близких к встречающимся в ранних комплексах, позволяет относить некоторые курганы без датирующих металлических вещей к более позднему времени, чем VI—V вв. до н. э.

Наиболее ранним из курганов первой группы является курган I у с. Дуплиски, в котором были найдены бронзовые стремявидные удила, 1 костяной и 10 бронзовых наконечников стрел, железный топор и обломок железного ножа¹⁵⁰. По бронзовым удилам этот курган датируется началом VI в. до н. э.¹⁵¹ Подтверждает эту датировку и комплекс наконечников стрел, среди которых имеются двулопастные и трёхгранные, массивных пропорций. Аналогичные наконечники стрел известны из ряда надёжно датированных памятников Украины¹⁵².

К наиболее ранним курганам следует отнести также погребение в каменном ящике

¹⁵⁰ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 70, табл. VIII, e — к.

¹⁵¹ А. А. Иессен. Уч. соч., стр. 106.

¹⁵² А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смела, т. I, СПб., 1887, табл. IV, 1; В. А. Ілліська. Кургани Старша Могила — пам'ятка архайчної Скіфії. «Археологія», V, Київ, 1950, стр. 201, табл. II.

¹⁴⁸ В кургане II у с. Ладычии, у западной стены могилы, отмечаются находки костей животного (T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 88). Много костей животных найдено в кургане № I у с. Дуплиски (там же, стр. 70). Находка зуба животного сделана в гробнице кургана IV у с. Братышово (там же, стр. 59).

¹⁴⁹ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 29 и сл.

№ 1 у с. Раковкат¹⁵³, где найдены 2 бронзовые булавки с массивными головками в виде спирали, небольшой черпак с простой петельчатой ручкой совершенно такого же типа, как встреченные на поселениях конца VII в.—начала VI в. до н. э., и бронзовые височные кольца с конусами на концах.

Несколько более поздним временем, но также в пределах первой половины VI в. до н. э., можно датировать курганы, в которых найдены железные удила стремяобразной формы и комплекс наконечников стрел, близкий к келермесскому. К таким памятникам относится курган, раскопанный нами у с. Ленковцы¹⁵⁴, и курган С у с. Новоселка-Гримайловская¹⁵⁵.

К середине или второй половине VI в. до н. э. относятся курганы IV и II у с. Братышово¹⁵⁶, в которых были найдены зеркала ольвийского производства с богато орнаментированными ручками (рис. 8, 1).

Остальные курганы, в которых встречаются металлические предметы в виде наконечников стрел, наконечников копий и железных топоров, могут быть датированы лишь в пределах VI в.—первой половины V в. до н. э., без более точного определения времени каждого комплекса.

Не позднее V в. до н. э. можно датировать курган III у с. Ивановцы¹⁵⁷, курган V у с. Братышово¹⁵⁸, курган I у с. Грудек¹⁵⁹, отнесенные Т. Сулимирским к IV—III вв. до н. э. на основании ошибочной датировки И. Рейхель¹⁶⁰ бронзовых зеркал, происходящих из этих курганов. Зеркала, обнаруженные в этих памятниках (одно из них изображено на рис. 8, 4), могут рассматриваться лишь как вариант зеркал ольвийского производства VI—V вв. н. э., имевших орнаментированную ручку. На это указывает бортик по краю на внутренней стороне круглого диска, не встречающийся на зеркалах, найденных на Украине в курганах IV—III вв. до н. э. Эта особенность характерна для зеркал раннескифского времени, тогда как гладкие,

неорнаментированные ручки, на которых основывалась И. Рейхель, не могут служить датирующим признаком.

Вместе с зеркалами с гладкой ручкой в кургане V у с. Братышово и кургане I у с. Грудек были найдены бронзовые наконечники стрел, которые, по общепризнанной хронологии П. Д. Рау, относятся к V в. до н. э.¹⁶¹ К раннескифским принадлежит также железный наконечник копья с лавролистным пером, найденный в кургане V у с. Братышово. Наконечники копий этой формы ведут свое происхождение от бронзовых наконечников копий, употреблявшихся в доскифское время¹⁶². Железные наконечники копий с лавролистным пером и округлым ребром посередине, являющимся продолжением втулки, представляют собой обычную находку в курганах Украины конца VII—VI вв. до н. э. В небольшом количестве они известны и из курганов V в. до н. э.¹⁶³, тогда как в памятниках более позднего времени наконечники копий этого типа не встречены.

Большинство металлических изделий, найденных в курганах Западной Подолии, относится к предметам так называемого скифского типа, распространенным на территории степной и лесостепной Украины и встречающимся за пределами этих областей в памятниках VI—V вв. до н. э. К таким изделиям относятся бронзовые наконечники стрел (рис. 8, 10), железные наконечники копий (рис. 8, 5), бронзовые и железные удила (рис. 8, 9), бронзовые столбики от конского убора, украшенные головками грифона или орла (рис. 8, 3), чешуйки от панцирей, височные кольца с конической шляпкой (рис. 8, 17).

В курганах изучаемой группы встречаются также предметы, не характерные для собственно скифской культуры степного Приднепровья и Приазовья, а известные лишь за ее пределами. Так, в курганах киевской и полтавской групп попадают железные боевые топоры или секиры (рис. 8, 6, 7)¹⁶⁴, анало-

¹⁵³ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 80.

¹⁵⁴ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 60 и сл.

¹⁵⁵ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 83.

¹⁵⁶ Там же, стр. 48, 53 и сл.

¹⁵⁷ Там же, стр. 92.

¹⁵⁸ Там же, стр. 53 и сл.

¹⁵⁹ Там же, стр. 67.

¹⁶⁰ Irena Reichel. Zwierciadła podolskiej kultury scytyjskiej (приложение к кн. T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 147).

¹⁶¹ Близкие к этим наконечники стрел найдены, например, в кургане № 400 у с. Журовка, который датируется V в. до н. э. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 8 и сл.

¹⁶² См. выше, стр. 28, рис. 5, 13.

¹⁶³ Например, в Марицком могильнике, в кургане № 19.

¹⁶⁴ В. А. Ілліська. Ук. соч., стр. 199, табл. 1, 6, 7; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 95, рис. 35.

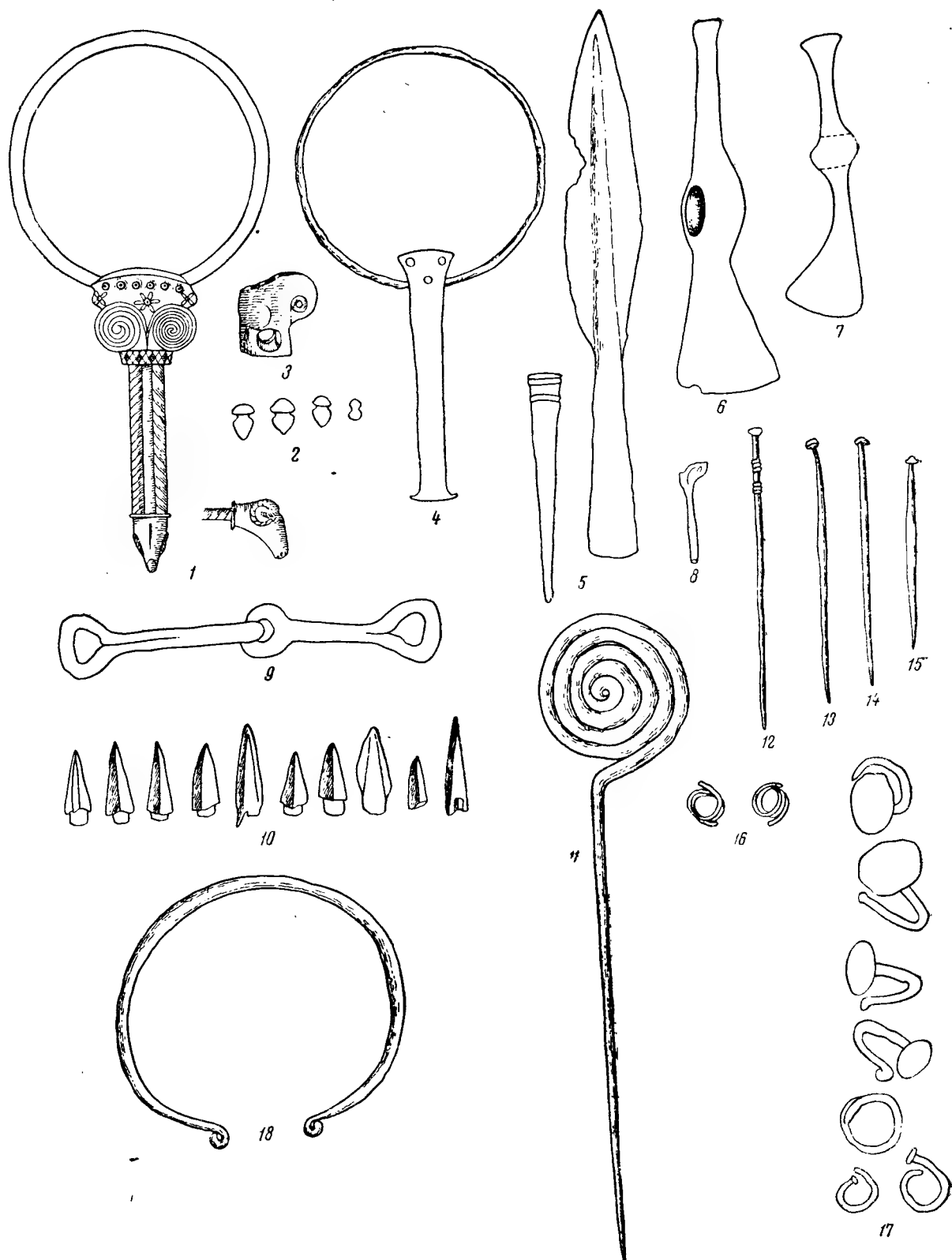

Рис. 8. Предметы из курганов Западной Подолии.

гичные найденным в 4 курганах Западной Подолии. Часто встречаются в памятниках изучаемой группы булавки с конической головкой (рис. 8, 12—15). Они близки к булавам, распространенным главным образом на территории лесостепной Украины; одна из них (из кургана № 3 у с. Ивановцы¹⁶⁵), с рифлением в верхней части стержня (рис. 8, 12), совершенно аналогична булавам, хорошо известным по находкам в курганах Среднего Приднестровья¹⁶⁶. Остальные булавки отличаются от описанной лишь отсутствием орнамента на стержне. Как уже было сказано выше, Т. Сулимирский считает их местным вариантом булавок только что рассмотренного типа. За пределами Западной Подолии подобные булавы известны на территории распространения высоцкой культуры¹⁶⁷.

Булавы второго типа, с головкой в виде массивной спирали (рис. 8, 11), встречаются в памятниках Западной Подолии значительно реже булавок первого типа¹⁶⁸; по своему происхождению они связываются с высоцкой или лужицкой культурой¹⁶⁹. Изредка подобные булавы встречаются и в памятниках правобережного лесостепного Приднестровья¹⁷⁰.

Т. Сулимирский¹⁷¹ считает заимствованными у носителей высоцкой или лужицкой культуры также бронзовую гривну с концами в виде петелек (рис. 8, 18) из погребения IА у с. Раковат, бронзовый браслет с заходящими друг на друга концами из кургана I у с. Братышово, спиральные кольца, сделанные из круглой проволоки, известные из 3 курганов Западной Подолии (рис. 8, 16). Кроме того, выделяются несколько предметов, изготовленных, по-видимому, в Семиградье. К ним относятся короткий железный кинжал, найденный нами в кургане у с. Ленковцы, и зеркало, обнаруженное там же, от-

личающееся от распространенных на Украине зеркал тем, что у него не только петельчатое ушко в центре, но еще и боковая ручка, от которой сохранились бронзовые заклепки¹⁷².

Что касается керамики, то она мало отличается от выше описанной нами посуды, происходящей с поселений (рис. 9). Некоторые отличия погребального комплекса керамики от сосудов, найденных на селищах, объясняются, скорее всего, требованиями обряда, а не какими-либо другими причинами. Так, например, в курганах слабо представлены тюльпановидные горшки, столь часто встречающиеся на поселениях. Из так называемой кухонной керамики здесь частой находкой являются только баночные сосуды различных вариантов (рис. 9, 5, 6)¹⁷³. В то же время комплекс лощеной керамики, происходящий из курганов, богаче и разнообразнее найденного на поселениях. Часто встречаются в погребениях большие лощеные корчаги с высоким горлом и выпуклыми боками. Среди них имеются сосуды типа виллановы¹⁷⁴ (рис. 9, 1, 2) и более простые формы, подражающие им¹⁷⁵ (рис. 9, 3). При этом характерно, что последние, так же как и первые, известны уже в ранних курганах, относящихся к первой половине VI в. до н. э.

Обычной находкой в погребениях являются лощеные миски, аналогичные мискам, найденным на поселениях¹⁷⁶ (рис. 9, 7—9). Но наряду с ними известны миски иных форм. В кургане у с. Ленковцы найдены миски с широкими венчиками, украшенными группами косых каннелюр и рельефных валиков. Край одной из них почти под прямым углом отогнут наружу¹⁷⁷, край второй является прямым продолжением стенки¹⁷⁸. Подобные миски известны по находкам на Немировском городище¹⁷⁹. Близкая к описан-

¹⁶⁵ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XI, 4.

¹⁶⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смела, т. I, табл. IX, 14, 18; Б. И. Ханенко. Древности Поднестровья, т. II, Киев, 1899, табл. XIV, 244, 247.

¹⁶⁷ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 134, табл. XXV, 13—18 и XXVII, 3.

¹⁶⁸ Такие булавы были найдены в погребении I у с. Раковат (см. Sulimirski. Scytowie..., стр. 79, рис. 18) и в кургане III у с. Братышово (там же, табл. VIII, 3, 6).

¹⁶⁹ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 147.

¹⁷⁰ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смела, т. II, табл. III, 8.

¹⁷¹ T. Sulimirski. Scytowie..., стр. 23, 24.

¹⁷² А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 64; рис. 28, 3а; рис. 29, 1.

¹⁷³ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XIV, 4 и XVII, 1, 2, 9—12.

¹⁷⁴ Там же, табл. XV, 4, 5.

¹⁷⁵ Там же, табл. XIV, 1 и XV, 1; А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 66, рис. 30, 5, 6.

¹⁷⁶ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XVI, 2—4, 7—9.

¹⁷⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре, стр. 66, рис. 30, 6.

¹⁷⁸ Там же, рис. 30, 1.

¹⁷⁹ Не изданы, хранятся в Государственном Эрмитаже.

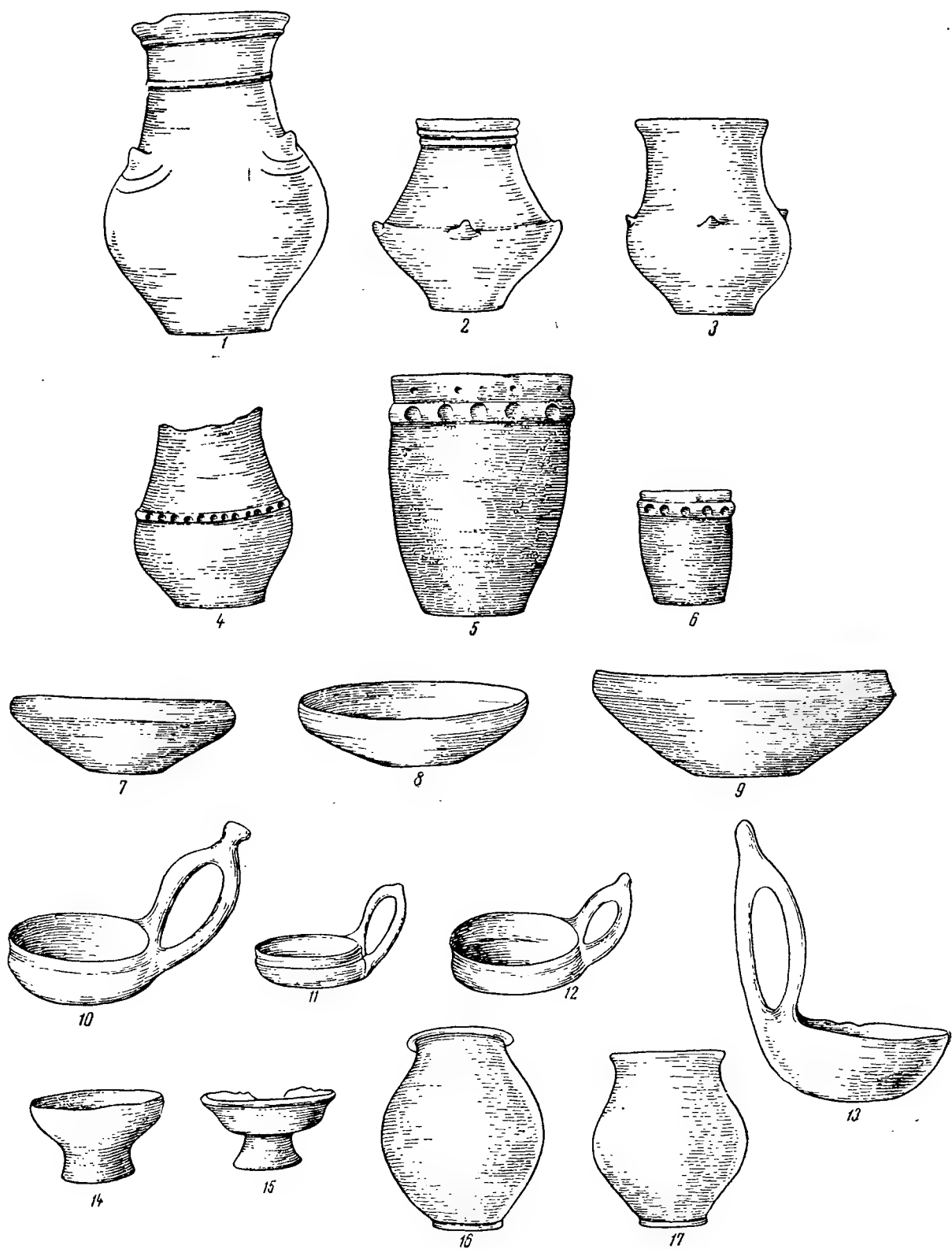

Рис. 9. Керамика из курганов Западной Подольи.

ной нами миска с отогнутым почти под прямым углом плоским венчиком найдена А. И. Тереножкиным в кургане Глеваха¹⁸⁰. Однако миски этого типа относятся к редким для лесостепной Украины формам.

Совершенно особая миска происходит из кургана № 2 у с. Серватинцы¹⁸¹. На внутренней поверхности ее нанесен орнамент в виде широких и глубоких каннелюр. Аналогичные миски мне не известны; можно лишь предположить, что по своему происхождению они связаны с мисками, орнаментированными каннелюрами на внутренней поверхности и встречающимися в памятниках голиградского типа предскифского времени.

К мискам, характерным для культур фракийского круга, относится найденная в кургане II у с. Шидловцы миска, имеющая слегка отогнутый наружу край и небольшой упор-ручку в верхней части стенки¹⁸². Не встречающиеся на поселениях формы можно отметить и среди черпаков, найденных в курганах; однако эти формы представлены единичными находками, тогда как большинство происходящих из погребений черпаков вполне аналогично найденным на поселениях¹⁸³ (рис. 9, 10—13).

Из кургана у с. Ленковцы известен тонкостенный черпак, имеющий сравнительно высокую шейку, украшенную геометрическим резным орнаментом, и выпуклое тулово с узором в виде резных концентрических полукружий. Ручка его снабжена двумя овальными прорезями и шишечкой на перегибе¹⁸⁴. Вполне аналогичные черпаки мне не известны. По форме и характеру орнаментации тулова концентрическими полуокружностями этот черпак можно сравнить с лужицкими черпаками, встречающимися на территории распространения лужицкой и высоцкой культур¹⁸⁵.

Для изучаемой группы памятников не характерен высокий черпак из кургана у с. Качановка¹⁸⁶. Подобные черпаки известны по

находкам в архаических курганах Среднего Приднепровья¹⁸⁷.

К сосудам, не представленным на поселениях, относятся также двуручный лощеный сосудик, украшенный невысокими шишечками на тулове¹⁸⁸, и сосуд с двумя расположенными на тулове ушками¹⁸⁹, происходящие из кургана II у с. Серватинцы. Т. Сулимирский, вслед за Л. Нидерле, находит наиболее близкие параллели для них в памятниках гальштатского периода Боснии¹⁹⁰.

Изменения керамики с течением времени слабо прослеживаются на материале, происходящем из курганов. Однако именно этот материал показывает, что в течение скифского периода в керамике Среднего Поднестровья не было каких-либо существенных перемен, а лишь видоизменение и развитие форм, известных еще с предскифского времени.

Рассмотренные памятники скифского периода показывают, что материальная культура племен, живших в VI—III вв. до н. э. на территории Среднего Поднестровья, по целому ряду черт существенно отличалась от культуры соседних областей: от высоцкой, граничившей с ней на северо-западе, от той, которая бытовала в районах современной северной Молдавии, и от культуры правобережного Среднего Приднепровья.

Локальные особенности, прослеживающиеся в местных памятниках предскифского периода, в скифскую эпоху становятся еще более четко выраженными. Черты, характерные только для данной группы культур, особенно отчетливо выступают в погребальном обряде и керамике. Ни на территории распространения высоцкой культуры, ни в Побужье, ни на среднем Днепре не было известно столь широкое применение камня для строительства погребальных насыпей и могильных сооружений, как в изучаемой группе. Отдельные черты сходства в строительстве погребальных памятников наблюдаются лишь в молдавской группе, где известны невысокие курганы с каменными насыпями или каменными кольцами у основания¹⁹¹. С памятниками правобережного Среднего Приднепровья может быть сближена толь-

¹⁸⁰ О. И. Тереножкин. Курганы біля с. Глеваха. «Археологія», IX, Київ, 1954, стр. 93, рис. 14, стр. 94, рис. 15.

¹⁸¹ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XIV, 2.

¹⁸² Там же, табл. XVI, 6.

¹⁸³ Там же, табл. XIII, 5—7, 10—15.

¹⁸⁴ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днепре, стр. 66, рис. 30, 3.

¹⁸⁵ T. Sulimirski. Kultura wysoka, табл. XIX, 20.

¹⁸⁶ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XIII, 9.

¹⁸⁷ П. Д. Либеров. Ук. соч., табл. I, 62, 63.

¹⁸⁸ T. Sulimirski. Scytowie..., табл. XIV, 3.

¹⁸⁹ Там же, табл. XV, 3 и рис. 25 на стр. 96.

¹⁹⁰ T. Sulimirski. Kultura wysoka, стр. 16.

¹⁹¹ Характеристику молдавской группы памятников см. ниже на стр. 51 сл.

ко одна гробница из кургана у Новоселки-Гримайловской: в отличие от всех остальных гробниц она была сделана не из камня, а из вертикально стоявших бревен. Однако и в этой гробнице ясно выступают черты, характерные только для изучаемых памятников, а именно в ней, как и в гробницах, сооруженных из камня, имелась каменная вымостка на дне.

Обряд погребения посредством трупосожжения с оставлением праха покойника на месте сожжения ни в одной из указанных групп не имел столь широкого применения, как здесь. На территории Среднего Приднестровья встречаются отдельные случаи подобных захоронений, однако там сожжение производилось в погребальных сооружениях иной конструкции, в более глубоких могильных ямах¹⁹². Как было сказано выше, среди трупоположений, открытых на территории Западной Подолии, преобладали захоронения покойников в скорченном виде, в то время как на среднем Днепре и в районах распространения высоцкой культуры господствовали трупоположения с вытянутыми костями.

Обнаруженные в 2 курганах рассматриваемой группы вытянутые захоронения, ориентированные головой на запад, могут быть сопоставлены со среднеднепровскими, где западная ориентировка покойников встречалась наряду с другими положениями погребенных¹⁹³. Только для Западной Подолии характерно сооружение курганов-кенотафов в честь людей, погибших на стороне.

Керамика Среднего Поднестровья, как это можно было видеть по приводимым нами аналогиям, в скифское время и особенно в VI в. — первой половине V в. до н. э. была близка к побужской и имела много общих черт с керамикой правобережного Среднего Приднестровья. От последней она отличается, однако, рядом признаков и прежде всего тем, что здесь не получили столь широкого распространения способы орнаментации лощеной керамики зубчатым штампом или резьбой. Богато украшенная лощеная посуда бытовала только в Могилев-Подольском районе, соседнем с молдавской группой памятников, для которых характерна очень разнообразно украшенная лощеная посуда различных форм. Более широкое применение здесь, как и в

Побужье, имел способ орнаментации лощеной керамики каннелюрами и различного рода выступами, редко употреблявшийся для украшения керамики на среднем Днепре.

От среднеднепровской исследуемую нами керамику отличает более длительное бытование столовой лощеной посуды. Как было сказано выше, близкие к ранним формам черпак и миска были найдены в кургане вместе с сосудом, сделанным на круге и датирующимся 300—150 гг. до н. э. На среднем Днепре подобные сосуды прекратили свое существование еще в V в. до н. э.

Некоторые отличия наблюдаются и в формах керамики. Так, на территории Среднего Поднестровья не получили сколько-нибудь широкого распространения лощенные кубки с шаровидным туловом, более или менее высокой шейкой и слегка отогнутым наружу краем, характерные для раннескифского времени правобережного Среднего Приднестровья и Побужья. Близкие к среднеднепровским сосуды этого типа известны лишь из Могилев-Подольского района. Отличия наблюдаются и в форме чарок.

В кухонной керамике Среднего Поднестровья, начиная с предскифского времени и в течение всей скифской эпохи, имели широкое применение баночные горшки. Их значительно меньше в комплексах VIII—VI вв. до н. э. правобережного Среднего Приднестровья.

Отличает изучаемую керамику от среднеднепровской еще и то, что в ней встречаются типичные для высоцкой, лужицкой и гальштатской культур сосуды тех форм, которые не отмечены в Приднестровье. Наконец, в памятниках Среднего Поднестровья пока совсем не известна посуда, характерная для поселений IV—III вв. до н. э. Среднего Приднестровья.

Имеется значительно больше общих черт, сближающих керамику Западной Подолии с побужской. Однако и среди керамики Побужья, лучше всего представленной по находкам на Немировском и Севериновском городищах, имеются формы, не встречающиеся на территории Среднего Поднестровья. К числу таких форм в Побужье относятся прежде всего котлообразные, сравнительно грубые горшки кухонного назначения, имеющие широкое устье при небольшой высоте их.

В металлических изделиях локальные отличия заметны меньше, чем в погребальном

¹⁹² П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 98.

¹⁹³ Там же, стр. 95 и сл.

обряде и керамике. Как можно было видеть по данной выше характеристике металлических вещей, среди них преобладают те же формы, которые были распространены на территории так называемых скифообразных культур лесостепной Украины. Основное отличие заключается лишь в том, что здесь остались неизвестными некоторые типы вооружения и конского убора, столь характерные для Среднего Приднепровья, и не получили сколько-нибудь широкого применения изделия, выполненные в скифском зверином стиле. Полностью отсутствуют изделия скифских типов, обычные в памятниках IV—III вв. до н. э. правобережного и левобережного Среднего Приднепровья. Только среди булавок выделяется локальная форма, не характерная для других групп скифообразной культуры лесостепи и изредка встречающаяся в памятниках висоцкой культуры.

Типичными только для исследуемой нами группы памятников, по-видимому, являются бронзовые зеркала, подражающие по форме диска ольвийским, но имеющие простые, неорнаментированные ручки.

Среднее Поднестровье отличается от других областей распространения скифообразной культуры лесостепи также тем, что только здесь известны предметы семиградского производства, сделанные по скифским образцам (кинжал и зеркало из кургана у с. Ленковцы).

Не получили на среднем Днестре сколько-нибудь широкого распространения предметы греческого ремесла, происходящие или привезенные из античных городов Северного Причерноморья. Из греческого импорта в курганах рассматриваемой группы были найдены только бронзовые зеркала. Греческая керамика, столь часто встречающаяся в памятниках Среднего Приднепровья и в Побужье, ни в погребениях, ни на поселениях не известна. С территории Западной Подолии происходит только один арибаллический лекиф IV—III вв. до н. э., случайно найденный у с. Бурканово¹⁹⁴.

Выше уже было отмечено, что культура VI—III вв. до н. э. Среднего Поднестровья сложилась на местной основе культур позднебронзового и раннего железного веков. Однако в предскифский период на территории

Подоллии, как было показано, существовали две резко отличавшиеся друг от друга культуры. Какой же из этих двух культур принадлежала наибольшая роль в формировании культуры скифского времени?

Судя по погребальным сооружениям и обряду и по наиболее обычным как на поселениях, так и в курганах формам керамики, решающее значение имели элементы, происходящие из восточной группы памятников предскифского периода. Последние были распространены к востоку от линии р. Збруч — г. Черновицы; они имеют, по всей вероятности, местное происхождение и восходят к комаровской культуре. Как было сказано выше, эти памятники представляли собой лишь западный вариант белогрудовско-чернолесской культуры, которая была распространена главным образом в правобережном Среднем Приднепровье. Элементы, которые по своему происхождению связываются с культурой голиградского типа, пришедшей с юга и распространенной в это же время в западных областях Среднего Поднестровья (к западу от р. Збруча и г. Черновиц), — ощущаются значительно слабее. Несомненно «голиградски» по происхождению следует считать только несколько форм лощеной посуды, украшенной орнаментом в виде каннелюр и небольших выступов. Возможно также, что влиянием культуры голиградского типа следует объяснить увеличение роли обряда трупосожжения на среднем Днестре в скифский период.

На территории, занятой в VIII—VII вв. до н. э. памятниками голиградского типа, представляется внезапным появление в VI в. до н. э. курганов с каменными насыпями или каменными кольцами у основания и поселений типа, открытого Т. Сулимирским у с. Иванье-Пусте и И. К. Свешниковым у с. Сухостав. В восточных районах Среднего Поднестровья подобные памятники связаны по своему происхождению с теми, которые были распространены на данной территории в предскифское время. На этом основании можно предполагать, что, по-видимому, в первой половине VI в. до н. э. произошло продвижение на запад от р. Збруч племен, населявших восточные районы Среднего Поднестровья. О судьбе носителей культуры голиградского типа нельзя сказать ничего сколько-нибудь определенного. Возможно, что это население было отчасти вытеснено, отчасти

¹⁹⁴ Т. Sulimirski. Scytowie..., стр. 100, табл. XIII, 3.

ассимилировано соседними с востока племенами. Однако возможно и другое предположение, а именно, что небольшая группа фракийцев, вторгшаяся в конце эпохи бронзы в северо-западные районы Среднего Поднестровья и оставившая памятники голиградского типа, к началу VI в. до н. э. растворилась в местной среде.

О хозяйстве и общественном строе племен Среднего Поднестровья в скифский период, к сожалению, из-за недостатка материала можно сказать так же мало, как и для предшествующего периода. Мы не располагаем материалом, который указывал бы на изменение основных видов хозяйственной жизни местного населения в скифский период. По-прежнему эти племена вели оседлый образ жизни, о чем свидетельствуют многочисленные поселения скифского времени, открытые в различных районах Среднего Поднестровья. Основу хозяйства, как и прежде, составляли земледелие и скотоводство. О характере земледелия судить невозможно, так как находки земледельческих орудий отсутствуют.

Судя по костям домашних животных, найденным при раскопках на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище, состав стада не изменился по сравнению с тем, какой был на поселении в VII в. до н. э. у с. Ленковцы.

Очевидно, мало изменились домашние занятия жителей поселков скифского времени. Керамическое производство, прядение и ткачество, косторезное дело — вот те виды домашнего производства, о существовании которых свидетельствуют описанные выше находки из курганов и поселений. Следов существования металлургического производства — бронзолитейного и железоделательного — на поселениях не встречено. Однако, по всей вероятности, это следует объяснять лишь недостаточной исследованностью памятников. На существование, по крайней мере, бронзолитейного производства указывают, на мой взгляд, находки бронзовых булавок и зеркал, отличающихся от распространенных в других областях лесостепной Украины.

Находки в курганах предметов вооружения и появление хотя бы очень небольшого количества городищ свидетельствуют об увеличении роли войны в жизни местных племен скифского периода. Однако можно предполагать, что война здесь не имела того исключительно большого значения, как у скифов или у племен лесостепного Среднего Придне-

провья. На это как будто указывает то, что основная масса населения продолжала жить в поселках открытого типа, а также то, что даже в наиболее богатых курганах Западной Подолии не имелось полного комплекса вооружения.

Значительную роль в экономической жизни местного населения играли торговые или, точнее, товарообменные связи с соседними, а также более далекими народами. Наиболее тесными эти связи были, очевидно, с близкими по культуре и, возможно, родственными племенами Побужья и Среднего Приднестровья в предскифское и раннескифское время. Позднее, во второй половине V в. или начале IV в. до н. э., эти связи либо совсем прервались, либо перестали играть столь важную роль, как в предыдущий период. На это указывает полное отсутствие в памятниках изучаемого района предметов, типичных для Среднего Приднестровья IV—III вв. до н. э.

На основании отдельных находок металлических изделий и керамики лужицкого, высоцкого и южногальштатского типов устанавливается существование связей с носителями этих культур. При этом связи с племенами Дунайского бассейна и Закарпатья были наиболее интенсивны в VIII—VI вв. до н. э.

Сколько-нибудь постоянных связей между местными племенами и собственно скифами, по всей вероятности, никогда не существовало. Влияние скифской культуры здесь сказалось значительно меньше, чем в других областях лесостепной Украины. Из элементов скифской культуры здесь присутствовали только те, которые были распространены далеко за пределами собственно скифской территории или в ближайших со Скифией районах. Такие предметы, как например, мечи или кинжалы, бляшки в зверином стиле, псалии и украшения конской узда, которые обычны в культурах, находившихся в близком контакте со скифской, — на среднем Днестре совершенно не известны.

Не были знакомы местному населению типичные для скифов приемы строительства погребальных сооружений и погребальный обряд.

Особенно большое различие во взаимоотношениях со скифским миром по сравнению с племенами других районов украинской лесостепи существовало в IV—III вв. до н. э. В этот период в тесном контакте со скифским миром находились племена не только Средне-

го Приднепровья и Подонья, но и Побужья. В богатых курганах IV—III вв. до н. э., — особенно в тех, которые известны на южных окраинах среднелднепровской лесостепи, на Дону и в Побужье, — найдено не только большое количество скифского вооружения и предметов конского убора, но и украшений, аналогичных происходящим из царских скифских курганов. На правобережье Среднего Приднепровья проник степной обряд погребения в катакомбах. Предметы вооружения и — реже — конского убора скифских типов встречаются и в рядовых могилах этих областей. В отличие от указанных районов, на территорию Западной Подолии в IV—III вв. до н. э. совсем не проникали изделия скифских образцов.

Лишь спорадический характер носили связи местных племен с античным миром Северного Причерноморья. По находкам зеркал ольвийского производства в 3 курганах Западной Подолии устанавливается связь только с Ольвией, относящаяся к середине VI в. до н. э. Трудно представить себе, что эти зеркала были привезены прямо из Ольвии греческими купцами; скорее можно думать, что они попали в изучаемый район в результате обмена, который существовал у местных племен с населением Среднего Приднепровья или Побужья, в течение ряда веков поддерживавшим тесные связи с Ольвией.

Памятники скифского времени свидетельствуют о том, что по сравнению с предшествующим периодом произошли некоторые сдвиги в социальном строе местных племен. Почти полное отсутствие коллективных захоронений и нескольких гробниц под одной насыпью как будто говорят об ослаблении родо-племенных связей. Существование лишь небольших курганных могильников, в которые объединялось всего по 3—4 кургана, вероятно, может объясняться тем, что только

какую-то избранную часть населения хоронили в курганах. Остальных членов рода или племени погребали, очевидно, либо в грунтовых могильниках, либо под маленькими курганами, насыпи которых в результате распада не сохранились до наших дней. Об имущественном расслоении внутри родо-племенной организации свидетельствуют также различия в инвентаре погребений. Вероятно, уже существовала военная аристократия, которая имела в своем распоряжении более богатые наборы вооружения и владела верховыми конями. О последнем позволяют говорить находки металлических удиц и отдельные предметы украшений конской узды, сделанные в нескольких курганах. Однако, так как в районах Западной Подолии нет таких больших и богатых курганов, как в других областях Украины, можно думать, что имущественное расслоение здесь не было столь глубоким, как у скифов или у племен Среднего Приднепровья.

В настоящее время мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы о наличии каких-либо видов рабства, даже самого примитивного, какой существовал в рамках первобытно-общинного строя. Парные погребения, известные сейчас из нескольких курганов Западной Подолии, содержат одинаковые наборы инвентаря. В гробницах нет различий в позах погребенных. По-видимому, в могилах с парными захоронениями находились люди, не отличавшиеся друг от друга по своему социальному положению.

Общественное устройство местных племен раннего железного века представляется как первобытно-общинный строй на грани его разложения. Однако приведенный выше материал показывает, что как в экономическом, так и в социальном развитии население Среднего Поднестровья отставало от соседних племен лесостепной и степной Украины.

Глава II

МОЛДАВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

Памятники эпохи раннего железного века на территории Молдавии стали известны только после Великой Отечественной войны. В 1946 г. экспедицией ИА под руководством Г. Д. Смирнова были начаты раскопки на 2 городищах у с. Сахарна Резинского района,

а в процессе разведок открыто более 20 городищ и поселений скифской эпохи¹. В 1947—1950 гг. Г. Д. Смирнов продолжал раскопки

¹ Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище Большая Сахарна. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 93—97.

памятников этого времени на средства Молдавского филиала Академии наук СССР. Помимо упомянутых выше городищ, были исследованы 2 могильника и селище у с. Сахарна, а также большое городище у г. Бутучены Оргеевского района².

Ряд поселений скифского времени открыт в 1948 г. на севере Молдавии Трипольской экспедицией ИИМК под руководством Т. С. Пассек³. С 1952 г. систематическое изучение памятников этой эпохи начал проводить отряд первобытной археологии объединенной Молдавской экспедиции ИИМК и Молдавского филиала Академии наук СССР.

Отдельные памятники интересующей нас поры исследовались в 1951—1952 гг. сотрудниками отряда славяно-русской археологии Молдавской экспедиции⁴.

В результате всех исследований нам известно около 60 памятников скифского периода, расположенных преимущественно в лесостепных северных районах Молдавии. Степные области пока еще не изучались. С юга Молдавии известно только несколько случайных находок, хранящихся в Историко-краеведческом музее г. Кишинева.

Уже первые работы Г. Д. Смирнова показали, что памятники скифской эпохи в Молдавии по ряду признаков отличаются от соседних памятников северо-западных районов Среднего Поднестровья, Побужья и Среднего Приднестровья. Однако сначала казалось, что они очень близки к последним. Сейчас уже довольно определенно можно говорить о том, что на территории Молдавии в VII—III вв. до н. э. существовала особая культура, резко отличавшаяся от степной, собственно скифской, и имевшая лишь некоторые общие черты с лесостепными культурами правобережной лесостепной Украины. Вместе с тем удается проследить близкое сходство памятников Молдавии с памятниками Дунайского бассейна.

Границы молдавской группы памятников пока намечаются лишь очень приблизительно. На западе и юго-западе, судя по послед-

ним румынским работам, граница проходила в припрутской Румынии; на севере пограничным являлся Могилев-Подольский район Украинской ССР.

Г. И. Смирновой⁵ удалось хорошо показать, что в культуре Могилев-Подольского района сочетались признаки, характерные для Молдавии, с одной стороны, и черты культуры правобережной лесостепной полосы Приднестровья, — с другой, при преобладании последних.

Относительно восточной границы нельзя сказать ничего сколько-нибудь определенного потому, что территория левобережного Поднестровья остается пока не изученной.

1. ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД

На территории Молдавии до сих пор остаются неизвестными культуры ранней и средней бронзы. Изучение памятников поздней бронзы и начала раннего железа производится только с 1954 г. Наиболее древние из них, относящиеся к концу II — началу I тыс. до н. э., были исследованы в 1956—1957 гг. Им будет посвящена специальная статья. Здесь отмечу лишь, что эти памятники представлены поселениями с зольными холмами или зольными пятнами, в которых содержится большое количество костей животных, фрагментов посуды, изделия из кости, рога, камня, кремня и бронзы. По всему комплексу признаков они совершенно аналогичны поселениям культуры Ноа припрутской Румынии и по многим чертам близки к памятникам эпохи поздней бронзы Подолии, о которых было сказано выше (стр. 9—11). Остальные памятники предскифской эпохи Молдавии (6 поселений и 1 могильник) датируются несколько более поздним временем и принадлежат к другой культуре⁶.

⁵ Г. И. Смирнова. Памятники правобережной Украины и Молдавии VII—V вв. до н. э. Диссертация (Л., 1954) и автореферат диссертации (Л., 1954).

⁶ Поселение у с. Гидигич Кишиневского района открыто сотрудниками Кишиневского историко-краеведческого музея. Сильно перекопанный и испорченный слой известен на славянском Лукашевском городище Оргеевского района и на городище у с. Алчедар. В 1953 г. В. И. Маркевич обнаружил поселения у с. Шолданешты Резинского района и у с. Голерканы Сусленского района. Могильник открыт при земляных работах на территории табачного завода у с. Шолданешты в 1953 г. Сведения о нем собрал В. И. Маркевич и сообщил нам в 1954 г. В 1956 г. Э. А. Рикман обнаружил поселения предскифского времени у с. Балабаешты.

² Материалы не изданы, хранятся в Молдавском филиале Академии наук СССР.

³ Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 57—68.

⁴ О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 69—74; Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 121 и сл.

Наиболее ранним из этих памятников, по всей вероятности, является поселение, расположенное на первой надпойменной террасе р. Днестра на месте раннетрипольского поселения, недалеко от с. Голерканы Сусленского района⁷. К сожалению, культурный слой интересующего нас времени был разрушен в последующие периоды жизни на этом месте — в скифскую, а затем в славянскую эпохи. В связи с этим никаких жилых или других сооружений здесь не сохранилось, а культурные остатки найдены в перемешанном слое, вместе с находками раннетрипольского времени, скифской и славянской эпох. Они представлены главным образом фрагментами лощеной керамики. Среди последней преобладают сосуды типа чарок, имеющие невысокую шейку с отогнутым наружу краем, отделенную от тулова более или менее резким ребром (рис. 10, 1—3). На нижней части шейки иногда встречается орнамент в виде глубоких врезных линий, а по ребру — небольшие насечки. Чарки имеют простые петельчатые ручки, лентовидные или почти круглые в разрезе. На плечиках некоторые чарки были украшены орнаментом в виде невысоких бугорков. Несколько фрагментами представлены чарки, орнаментированные по плечикам неглубокими, косо расположенными каннелюрами. Доньшки одних чарок округлые, других — уплощенные. Иногда в центре округлых доньшек встречается небольшой умбон.

Вторым распространенным типом керамики являются сосуды с широким устьем, сравнительно высокой шейкой и низким туловом. На плечиках таких сосудов имеются небольшие выступы орнаментального назначения, иногда с ямкой в центре (рис. 10, 4). Встречаются также сосуды с низкой шейкой и слегка отогнутым краем, украшенные по тулову широкими, но неглубокими каннелюрами, образующими спиральный орнамент (рис. 10, 7). Несколько фрагментами представлены миски со слегка загнутым внутрь краем (рис. 10, 9—11). На одном из фрагментов у края миски имеется небольшая ручка-ушко (рис. 10, 11), на другом — неглубо-

кие пальцевые ямки по краю и в верхней части тулова (рис. 10, 10).

Кроме перечисленных форм, известны фрагменты стенок больших сосудов, украшенных каннелюрами. Однако трудно определить форму этих сосудов (рис. 10, 14).

Лощеная керамика сделана из глины с мелкими примесями шамота. Цвет поверхностей обычно бывает неровным, грязновато-желтым или коричневатого-серым с темными пятнами. Поверхности хорошо заглажены, лощение на них среднее, чаще тусклое, и лишь изредка встречаются фрагменты сосудов с блестящим лощением.

К комплексу керамики интересующего нас времени относится несколько фрагментов баночных горшков, сделанных из глины с довольно крупными примесями шамота. На этих сосудах имеется орнамент в виде валика с защипами, расположенного на 3—4 см ниже края (рис. 10, 5, 6, 8).

С описанной керамикой можно связывать еще и небольшое количество вещей из бронзы и камня. К числу их принадлежат бронзовая булава (рис. 10, 15), обломки каменной сверленной булавки и сверленного молота (рис. 10, 13) и, возможно, фрагменты кремневых серпов. Наиболее интересна из перечисленных находок бронзовая булава: у нее головка в виде двух соединенных широкими основаниями усеченных конусов; головка и верхняя часть стержня украшены тонкой резьбой, образующей спираль; орнамент заканчивается зигзагообразной линией. Близкие по форме головки булавок известны в ряде памятников Средней и Южной Европы. Однако у большинства этих булавок имеется сквозное, косо расположенное отверстие в головке. Исследователи считают их унетицкими по происхождению⁸; но они известны и в памятниках более поздней эпохи, в частности — в культуре «Тосцер Д» в Венгрии, которая датируется IV периодом бронзы⁹. Этим же и несколько более поздним временем датируются подобные булавки из Зап. Подолии.

Т. С. Пассек относит слой поселения

⁸ Ladislav Hájek. Jižní Čechy ve starší době bronzové. Památky archeologické. Ročník XLV, 1954, стр. 166; стр. 163, рис. 22; Studii și cercetări de istorie veche, 1951. № 1, стр. 159—166, рис. 8.

⁹ Ferenc von Tompa. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn, 1912—1936. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1934—1935, табл. 45, 10; Kazimierz Zurowski, Zabytki brązowe z młodziej epoki..., стр. 195—196.

⁷ Раскопки на этом поселении производились в 1954 г. отрядом первобытной археологии Молдавской экспедиции. Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 г. Известия МФ АН СССР № 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 19.

Рис. 10. Керамика и другие предметы с поселения у с. Голерканы.

у с. Голерканы, с описанными выше находками, к X в. до н. э. Мне представляется, что этот памятник следует по времени за поселениями с зольниками и может быть датирован скорее всего второй половиной IX в. до н. э. Это подтверждается тем, что по технике изготовления, формам и ornamentации керамика из Голеркан ближе к посуде, характерной для раннего гальштата, чем к керамике эпохи поздней бронзы Молдавии и Румынии¹⁰.

Поселения конца IX—VIII в. до н. э. так же, как и более ранние представляют собой небольшие, неукрепленные селища, расположенные на мысах (в окрестностях Кишинева, у с. Гидигич) или на берегу неглубоких оврагов. Жилища известны только на одном из них — на поселении у с. Шолданешты¹¹. За 2 года раскопок были открыты остатки трех плохо сохранившихся наземных домов, расположенных в разных местах поселения. Дома были разрушены еще в древности и продолжали разрушаться в процессе распахивания. В связи с этим трудно восстановить точную планировку жилищ и их размеры. Можно сказать лишь, что дома были наземными. О конструкции стен позволяют судить развалины глиняной обмазки с отпечатками жердей. Стены жилищ состояли из деревянного каркаса, сделанного из круглых жердей диаметром 3—4 см. Каркас обмазывался толстым слоем глины, который затем обжигался, очевидно, при помощи костров, разведившихся возле стен. Судя по остаткам глиняной обмазки от стен, дома имели приблизительно прямоугольную форму и относительно большие размеры. Длина дома № 1 (раскоп II, 1954 г.; рис. 11) была равна 8 м, ширина — 8 м. Длина жилища № 2 — 8 м при ширине около 6 м, жилища № 3 (раскоп V, 1955 г.) — 9,4 м при ширине около 5 м. Все 3 дома были ориентированы по длинной оси в направлении юго-восток — северо-запад.

Пол домов был земляным; о перекрытиях судить невозможно. Внутри жилищ № 2 и 3 были открыты остатки печей. Однако и в том, и в другом жилище печи оказались сильно

разрушенными, от них *in situ* остались лишь части пода; купольные своды печей были смещены. В жилище № 3 печь находилась у северо-восточной стены. Под ее лежал на земляном полу и представлял собой глинобитную вымостку толщиной 2,5—3 см. Части купольного свода были обнаружены в яме, находившейся в юго-западном углу жилища, под развалом глиняной обмазки от стены дома. Наряду с кусками глины от купола в этой же яме был найден обломок края глинобитного пода печи в виде глиняной плитки толщиной 2,5 см, с полукруглыми отпечатками жердей по краю диаметром около 3 см. Жерди, очевидно, составляли деревянный каркас основания купола печи. Верхняя часть купола, как показывают его обломки, была сделана из глины без каркаса. Толщина свода печи равна 2—2,5 см. Форму печи и ее размеры установить не удается.

В жилище № 2 печь находилась посередине дома. От нее, так же как и в жилище № 3, *in situ* осталась только часть глинобитного пода, лежавшая на земляном полу. Обломки купола печи находились в различных местах жилища; наибольшее количество кусков глиняного купола обнаружено в юго-западной части дома.

Кроме остатков печи, в жилище № 2 у северо-западной стены найдена небольшая каменная вымостка, сделанная на земляном полу из плоских плиток неодинаковой формы, лежавших в один слой. Вымостка имела в плане неправильную округлую форму; размеры ее — 1,2 × 1,1 м. Назначение этой вымостки не ясно. Среди камней и возле них находилось небольшое количество золы. Это дает возможность предполагать, что вымостка служила открытым очагом или, возможно, жертвенным местом.

Внутри домов и вблизи от них обнаружены ямы округлой в плане формы (реже — восьмеркообразные), имевшие, вероятно, хозяйственное назначение. В жилище № 1 вскрыты 2 ямы, в жилище № 2 — одна, в жилище № 3 — две; еще 3 ямы находились за пределами стен жилища, но на небольшом расстоянии от него.

Округлые в плане ямы были обнаружены при разведывательных раскопках 1955 г. на поселении в окрестностях Кишинева, у с. Гидигич.

Материал, собранный на поселениях скифской эпохи, представлен преимущественно

¹⁰ См. *Studii și cercetări de istorie veche*, 1954, № 1-2, стр. 417 (керамика из Vlădeni-Valea Godinescului; *Studii și cercetări de istorie veche*, 1952, № 1, 2, стр. 84 (керамика из Карлэтеня — Дорохой).

¹¹ А. И. Мелюкова. Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии. *Известия МФАН СССР*, № 4, 1956, стр. 39 сл.

но керамикой. Керамические комплексы, происходящие из различных поселений, несколько отличаются друг от друга. При этом можно выделить 2 группы керамики: одна из

них отличается некоторой разницей во времени тех и других поселений. При раскопках славянского городища с подстилающим слоем предскифского времени у с. Лукашевка¹², при

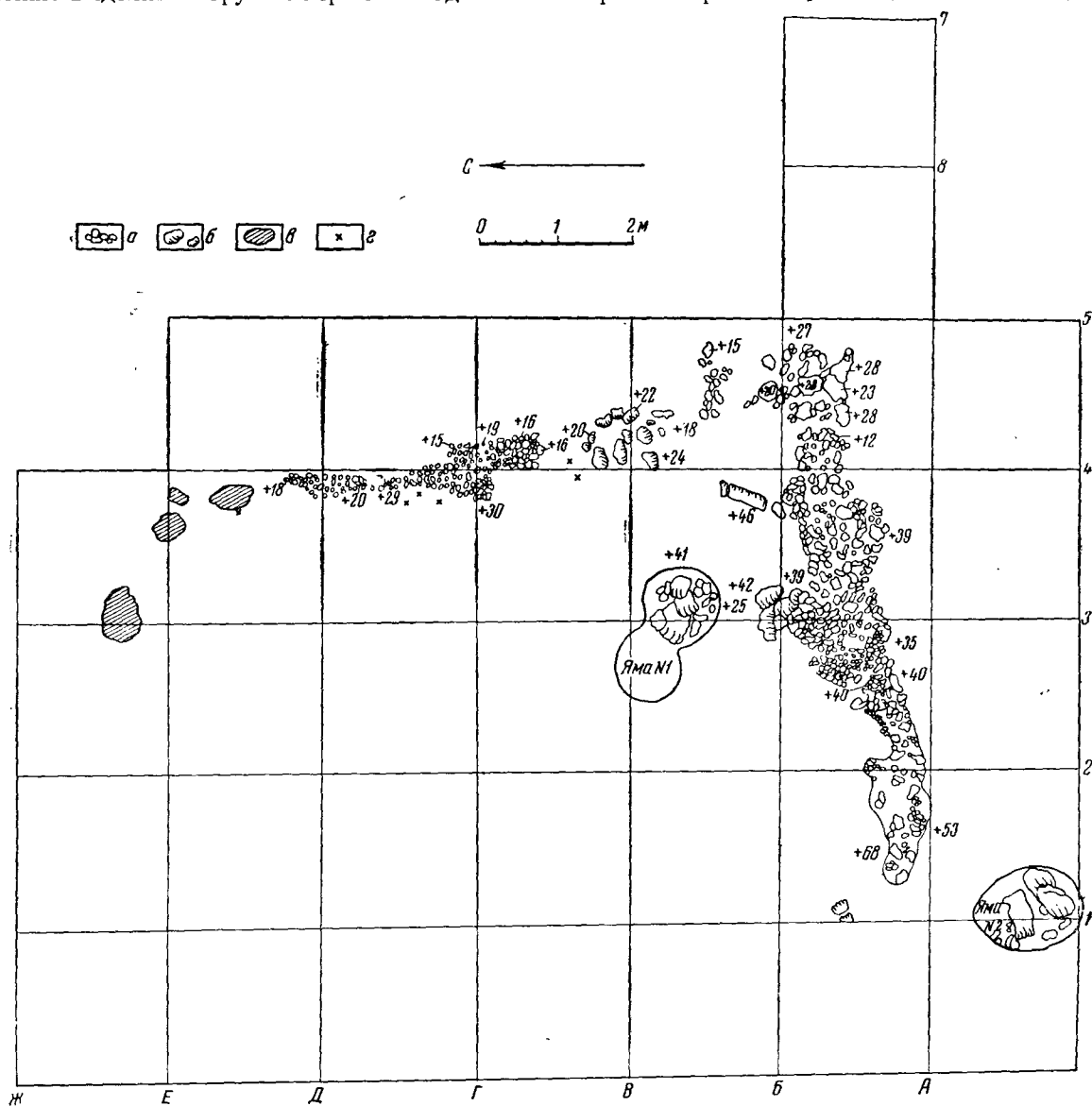

Рис. 11. Остатки глинобитных стен жилища на поселении у с. Шолданешты (раскоп II 1954 г.).
а — обмазка; б — камни; в — скопление мелких кусков обмазки; г — скопление керамики.

них — находки на поселениях у сс. Шолданешты и Алчедар, другая — находки на поселениях в окрестностях Кишинева и у с. Лукашевка. По всей вероятности, различия между керамическими комплексами объяс-

разведках и раскопках в 1955 г. на поселении в окрестностях Кишинева¹³ была найдена

¹² Материал хранится в лаборатории ИИМК.

¹³ Материал разведок, произведенных Кишиневским историко-краеведческим музеем, хранится в

керамика, очень близкая к описанной выше посуде, происходящей с поселений так называемого голиградского типа в северо-западной части Среднего Поднестровья.

В материале Лукашевского городища многочисленными фрагментами представлены лощеная посуда и керамика с хорошо заглаженными поверхностями. Наряду с ней встречены грубые горшки с шероховатой поверхностью. Среди лощеной посуды и керамики с хорошо заглаженными поверхностями имеются следующие формы:

1. Сосуды типа виллановы, украшенные каннелюрами по шейке и вокруг шишечек, располагавшихся по тулову сосудов (рис. 12, 1, 2, 4).

2. Миски с ровно срезанными или слегка загнутыми внутрь краями (рис. 12, 12—15). Часто поверхности мисок (наружная или внутренняя, а иногда — обе) украшены горизонтальными каннелюрами. Иногда, кроме каннелюр, на той или другой поверхности мисок имеется еще прочерченный орнамент в виде углов и треугольников, сделанный каким-то инструментом с узким притупленным концом (рис. 12, 12).

3. Невысокие сосуды со слабо выделенной шейкой и округлым туловом, иногда украшенным горизонтальными или косыми каннелюрами по наиболее широкой части тулова (рис. 12, 10).

4. Изредка встречаются фрагменты сосудов, имеющих широкий, сильно отогнутый наружу венчик. На внутренней поверхности он украшен вертикальными каннелюрами и геометрическим узором, сделанным крупным зубчатым штампом и заполненным белой пастой (рис. 12, 7, 11).

5. Фрагменты петельчатых ручек от чарок или кувшинообразных сосудов. Иногда ручки имеют ленточную форму, или заостренный в виде крыши верх, или каннелированную поверхность (рис. 12, 8, 9). Грубая кухонная посуда отличается от описанной менее тщательной обработкой поверхностей и примесями в тесте. В глине этой посуды содержится в большом количестве очень крупный шамот в отличие от мелких крупинки шамота в лощеной тонкостенной керамике.

Кухонная посуда представлена фрагментами баночных горшков, имеющих чаще всего слегка выпуклые бока, реже — слабо выде-

ленную шейку. Изредка эти сосуды украшались наlepным валиком с пальцевыми защитами, расположенными под венчиком или на стенке (рис. 12, 16—22). Иногда на стенках или под венчиком сосудов имеются полукруглые ручки-упоры различных размеров в зависимости от величины горшка (рис. 12, 19, 23).

Керамика с поселения в окрестностях Кишинева очень близка к лукашевской. Здесь, так же как в Лукашевке, много лощеной посуды, украшенной каннелюрами — горизонтальными, косыми и вертикальными (рис. 13, 1—10). Большинство лощеной посуды также повторяет лукашевские формы. Более выразительными фрагментами здесь представлены чарки с петельчатой ручкой, украшенной прочерченным орнаментом или каннелюрами (рис. 13, 1—3) и кувшинообразные сосуды с орнаментом в виде горизонтальных или вертикальных каннелюр по наиболее широкой части тулова (рис. 13, 9, 10). Уникальной является глиняная, полая внутри ножка, по-видимому, от сосуда, напоминающая по форме человеческую стопу (рис. 13, 11).

Более грубая, кухонная посуда представлена теми же типами, что и на поселении у с. Лукашевка (рис. 13, 15—22); она лишь несколько более разнообразна по орнаментации.

Керамика с поселений у с. Шолданешты отличается от описанной тем, что в ней сравнительно мало посуды с хорошо лощеными поверхностями. Орнаментация на лощеной посуде и на сосудах с хорошо заглаженными поверхностями менее богата и разнообразна, хотя она и выполнена тем же приемом, т. е. при помощи каннелюр. Среди столовой керамики преобладают сосуды с заглаженными оранжеватыми или серовато-желтоватыми поверхностями. Формы посуды, за редкими исключениями, близки к тем, которые встречаются на поселениях у с. Лукашевка и в окрестностях Кишинева. Здесь попадаются фрагменты больших сосудов-корчаг, типа виллановы, украшенных горизонтальными каннелюрами на шейке или невысоким рельефным орнаментом вокруг выступов по наиболее широкой части тулова (рис. 14, 1). Наряду с ними имеются фрагменты мисок с ровно срезанным или слегка загнутым внутрь краем, иногда украшенным косыми или вертикальными каннелюрами.

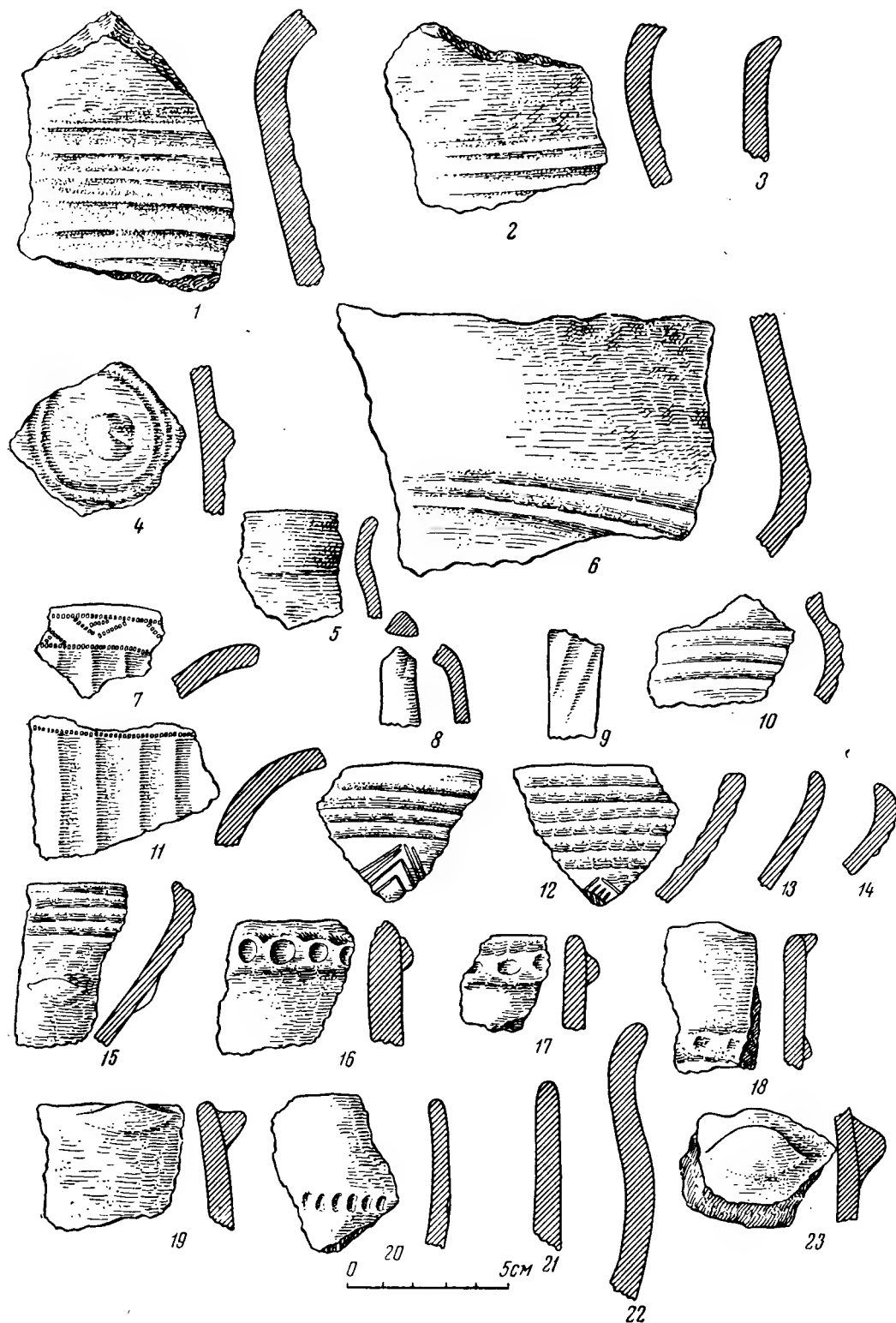

Рис. 12. Керамика из слоя предскифского времени Лукашевского городища.

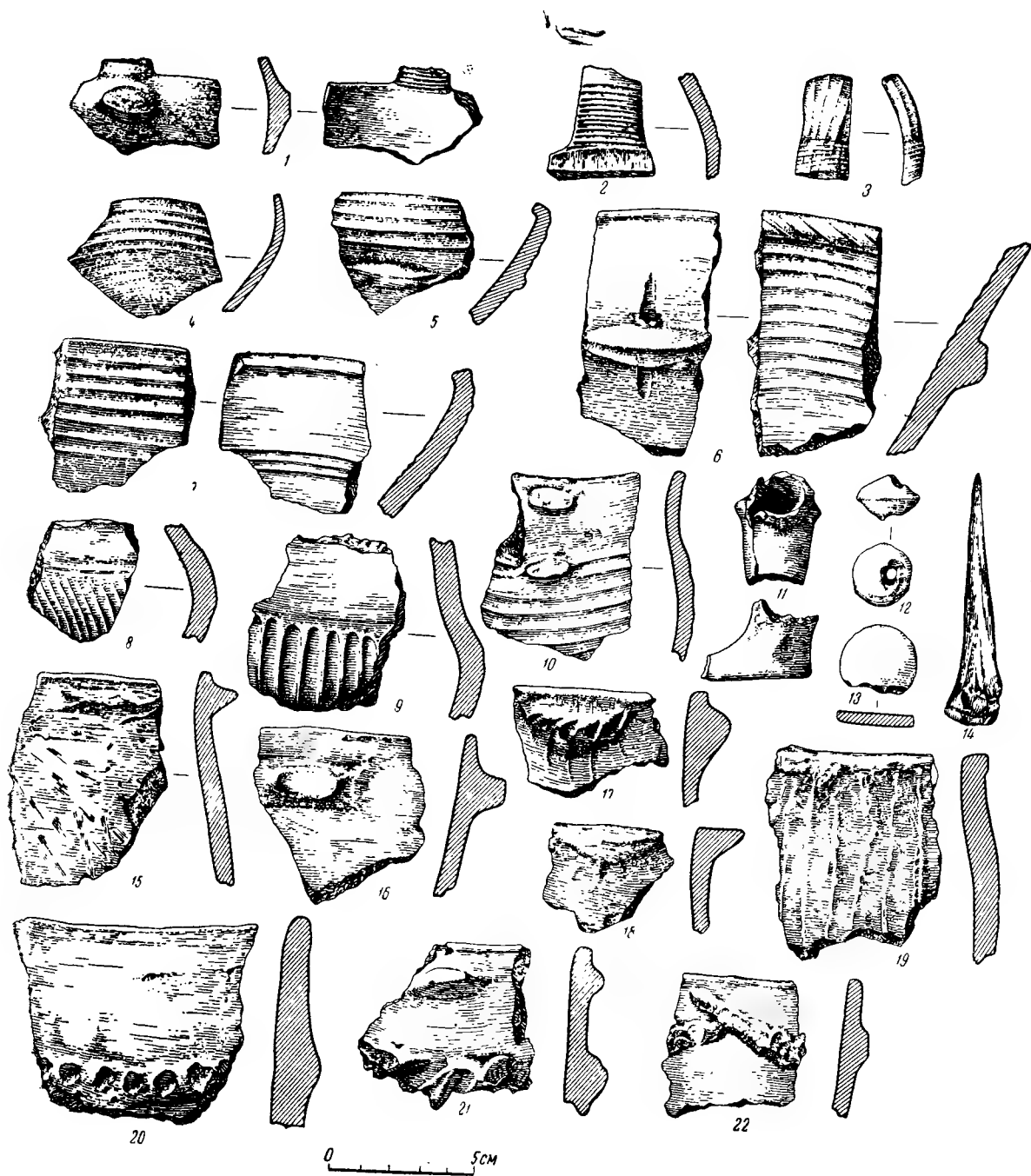

Рис. 13. Керамика и другие предметы с поселения в окрестностях Кишинева.

(рис. 15, 1—4). Встречаются также сосуды с сильно отогнутым наружу краем, украшенным на внутренней поверхности вертикальными каннелюрами и узором, сделанным резьбой или крупным зубчатым штампом (рис. 14, 2—6).

иногда заостренные наверху. Таких сосудов мало в материале Лукашевского городища и поселения в окрестностях Кишинева.

К числу форм, не встреченных на двух последних поселениях, относятся небольшие двуручные сосуды. Из фрагментов, найден-

Рис. 14. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

Найдены чарки или кувшинообразные сосуды, имеющие сравнительно высокую шейку, иногда украшенную горизонтальными каннелюрами, и шаровидное или реповидное тулово часто с орнаментом в виде вертикальных каннелюр и невысоких бугорков (рис. 16, 1—4), расположенных с 4 сторон по наиболее широкой части тулова. Для этих сосудов характерны петельчатые ручки,

ных в жилище № 2 при раскопках 1955 г., удалось склеить один такой сосуд (рис. 16, 5). По форме и орнаментации тулова он очень близок к одноручным кувшинообразным черпакам. Этот сосуд имеет сравнительно высокую шейку со слегка отогнутым наружу краем и реповидное тулово, украшенное по наиболее широкой части неглубокими, вертикально расположенными каннелюрами.

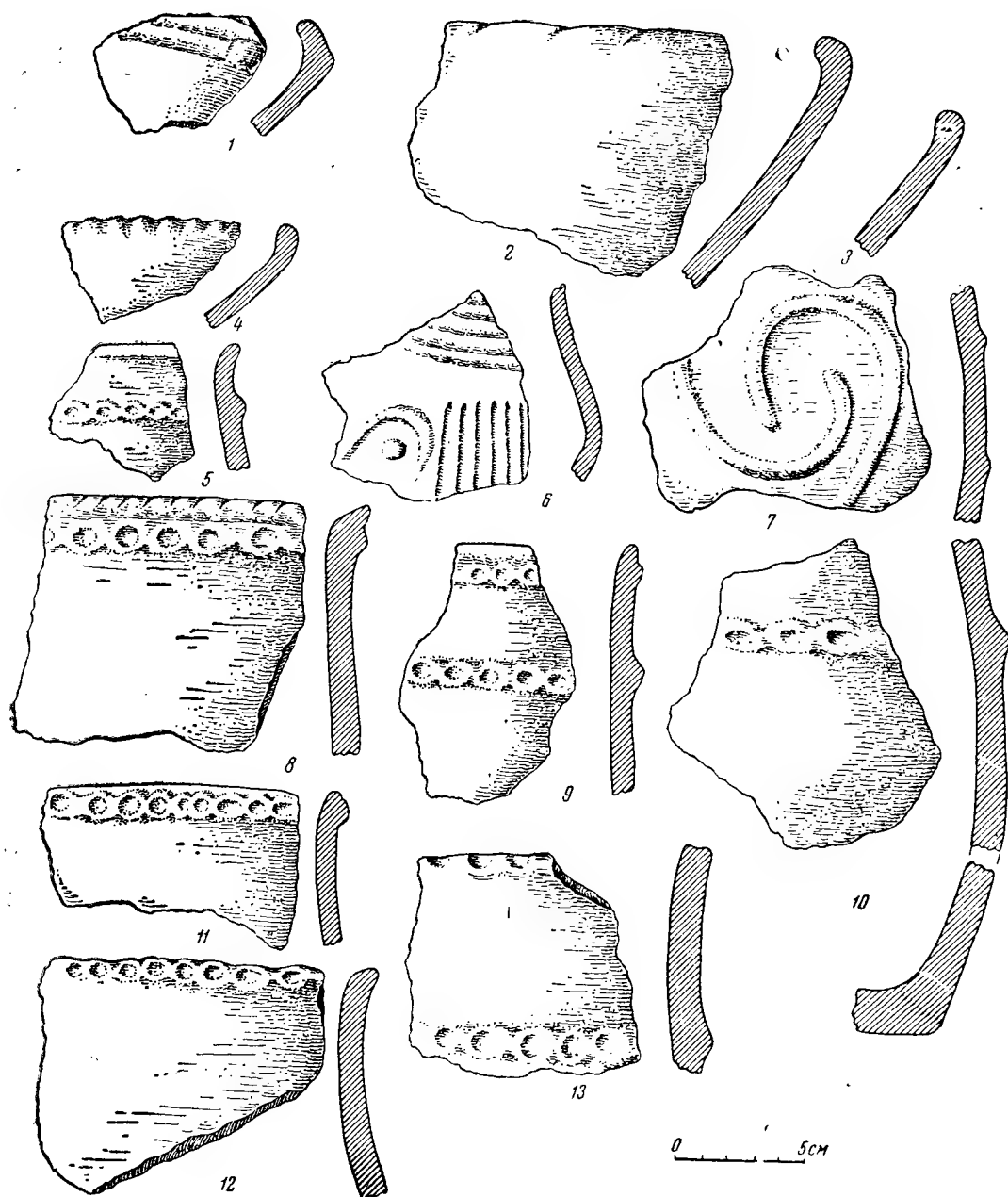
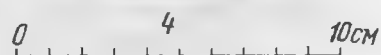

Рис. 15. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

6

Рис. 16. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

Ручки его возвышаются над краем и имеют на перегибе цилиндрические столбики.

Второй двуручный сосуд был склеен из фрагментов, собранных при разведках на поселении В. И. Маркевичем. Этот сосуд отличается от первого формой тулова и размерами. Орнамент на нем отсутствует (рис. 16, 6).

По всей вероятности, двуручным или кувшинообразным сосудам принадлежат несколько фрагментов стенок, украшенных неглубокими каннелюрами и узором в виде подковки с круглой выпуклостью в центре (рис. 15, 6).

расположенные то недалеко от венчика, то на тулове. Вероятно, для кухонных горшков предназначались круглые крышки. Одни из них были плоскими с гладкими внутренней и наружной поверхностями (рис. 17, 1), другие имели на наружной поверхности конусообразный скругленный выступ — ручку (рис. 17, 2).

Фрагменты керамики, близкой к посуде с поселения у с. Шолданешты, были найдены в подстилающем слое славянского городища у с. Алчедар. Однако выделить весь комплекс интересующей нас посуды с этого поселения не удается, так как слой предскифского вре-

Рис. 17. Керамика с поселения у с. Шолданешты.

Кухонная, более грубая керамика представлена на поселении у с. Шолданешты большим количеством фрагментов баночных горшков с орнаментом в виде валиков с защипами, расположенных то под венчиком, то на стенке, или — реже — двух валиков, из которых один находится на венчике, другой — на тулове (рис. 15, 8—13). Иногда край баночных сосудов украшен пальцевыми вдавлениями или косыми насечками, сделанными бочком круглой палочки (рис. 15, 8, 12).

На кухонных сосудах изредка встречаются небольшие полукруглые ручки-упоры,

мени здесь был сильно потревожен в последующие периоды жизни на этом месте.

Кроме керамики, на поселениях обнаружены кремневые отщепы и обломки кремневых пластин с небрежной краевой ретушью, невыразительные обломки кремневых серпов и кремневые отбойники.

С поселения в окрестностях Кишинева происходит еще небольшой кремневый накол стрелы, сделанный из пластины и обработанный небрежной краевой ретушью.

Металлических орудий труда на поселениях не найдено. К предскифскому времени относятся, вероятно, бронзовая фигурка жи-

вотного и бронзовая булавка с головкой в виде петли, найденные при раскопках на славянском городище у с. Алчедар. Бронзовая литая фигурка по стилю изображения близка к тем, которые встречаются на фибулах раннегальштатского периода и на бронзовых сосудах типа виллановы¹⁴. Булавка аналогична найденным в памятниках правобережной лесостепной Украины, которые датируются эпохой поздней бронзы и началом железного века¹⁵. Изделия из кости представлены только одной костяной проколкой, найденной при раскопках на поселении в окрестностях Кишинева в 1955 г. (рис. 13, 14).

Глиняные пряслица встречены в небольшом количестве на поселениях у с. Шолданешты и в окрестностях Кишинева. Пряслица имеют уплощенную биконическую форму. Поверхности их заглажены, сероватого или желтоватого цвета, не орнаментированы.

На поселении в окрестностях Кишинева была найдена глиняная поделка подтреугольной формы с изображением человеческого лица¹⁶.

Перечисленными находками ограничивается комплекс вещей, происходящий с поселений предкифского периода. Количество этих предметов столь невелико, что не дает возможности уточнить время существования поселений с керамикой первой и второй групп. Некоторые дополнительные данные для этого были получены в результате изучения могильника у с. Шолданешты.

Могильник, открытый на территории табачного завода у с. Шолданешты, находится на расстоянии около 1 км от поселения и, возможно, принадлежал населению, жившему на описанном селище. Могильник расположен на плато, слегка покатом с северо-востока на юго-запад. Никаких внешних признаков погребений на плато не заметно. Первое погребение было открыто случайно при рытье водопроводной канавы. На глубине 0,55 м от современной поверхности рабочие обнаружили большой баночный сосуд, закрытый миской, внутри которого находи-

лись пережженные человеческие кости и зола¹⁷. В результате раскопок 1954 и 1955 гг. на площади около 900 кв. м открыто еще 5 одиночных погребений и одно коллективное, содержавшее 3 погребения. Наряду с погребениями эпохи раннего железа на площадке могильника обнаружены 4 могилы, относящиеся к III—IV вв. н. э.

Интересующие нас погребения предкифского времени были расположены на большом расстоянии друг от друга, без какого-либо определенного порядка. Возможно, что часть погребений была разрушена во время распашки плато.

Восемь из 119 погребений могильника представляли собой трупосожжения и лишь одно — детское было совершено посредством трупоположения. Сжигали покойников на специально отведенном на территории могильника месте. Своеобразный древний крематорий, открытый нами в 1955 г., представлял собой большую яму почти квадратной в плане формы, размером 5 × 4 кв. м, глубиной 0,85 (рис. 18). По устью яма была обложена камнями. Сожжения, очевидно, производились в сделанном на дне этой большой ямы углублении прямоугольной в плане формы, размером 2 × 0,8 м. Помимо этого углубления, недалеко от него, на дне большой ямы находились еще 2 ямки меньших размеров, также служившие для разведения огня. На то, что костры горели во всех 3 углублениях, указывают наличие сильно прожженной земли в них, докрасна обожженных комков лёссовидного суглинка и небольшое количество прожженных камней, вероятно, упавших сверху в тот момент, когда производилась кремация. В заполнении ямы встречались отдельные фрагменты керамики, которые можно рассматривать как остатки тризны. Наряду с ними найдено небольшое количество мелких обломков кальцинированных человеческих костей, очевидно, случайно оставшихся на месте сожжения. После сожжения кальцинированные челове-

¹⁴ J. Déchélette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Paris, 1913, т. II, р. 2, стр. 854, рис. 353; стр. 855, рис. 354.

¹⁵ О. Ф. Лагодовська. Поселения часу пізньої бронзи..., стр. 139, рис. 3.

¹⁶ Найдена на поверхности поселения Г. П. Сергеевым. Хранится в Кишиневском историко-краеведческом музее.

¹⁷ Урна и миска были разбиты рабочими. Фрагменты этих сосудов затем были тщательно собраны местным краеведом В. И. Маркевичем, которому удалось скленть горшок. Среди выброшенной из урны золы и кальцинированных костей В. И. Маркевич нашел невыразительные обломки железа и железную ворворку. См. В. И. Маркевич. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, 1955, № 5, стр. 136 и сл.

Рис. 18. Место сожжения покойников на могильнике у с. Шолданешты.

1 — каменная обкладка устья ямы; 2 — дно ямы.

ческие кости тщательно собирали и ссыпали в урну или — реже (в одном случае) — погребали без урны в неглубокой ямке.

Урны, накрытые мисками или каменными плитками, погребали в неглубоких могильных ямах, вырытых в древнем черноземе. Урнами служили большие сосуды типа вылаповы или — реже — баночные горшки.

Погребения сопровождалось различным количеством сосудов и отдельными металлическими вещами. Последние несут следы действия огня. По-видимому, они находились на покойнике и горели вместе с ним на погребальном костре.

Изредка над погребальной ямой, на уровне древнего горизонта, сооружались небольшие каменные вымостки из плитчатого известняка. Такие вымостки открыты нами над погребением № 2 и над коллективным погребением № 3. Возможно, что каменные вымостки были и над другими погребениями, так как отдельные камни найдены на различных участках могильника.

Интересно коллективное погребение № 3 (рис. 19, 1), содержавшее наиболее полный комплекс керамики. Каменная вымостка над ним была на глубине 0,25–0,3 м от современной поверхности. Возможно, еще в древности средняя часть вымостки была разрушена, так что между западным и восточным краями ее оставалось пространство, свободное от камней, шириной 0,3–0,65 м. Камни, из которых была сделана вымостка, имели разные размеры и форму. Одни из них представляли собой толстые, массивные известняковые плиты, другие — бесформенные куски известняка. В северной части 3 камня вымостки лежали на 0,1–0,15 м ниже остальных камней. Как выяснилось после разборки вымостки, эти 3 каменные плитки закрывали стоявший под ними горшок с пережженными человеческими костями (погребение на рис. 19, 1).

Горшок имел баночную форму. Стенки его суживались книзу так, что дно горшка имело меньший диаметр, чем устье (рис. 20, 3). Горшок был украшен 2 валиками с защипами, из которых один находился над венчиком, другой — на тулове. На верхнем валике с 4 сторон имелись небольшие выступы-упоры с круглыми углублениями в центре.

К востоку от этого горшка-урны поблизости находились 2 кувшинообразных сосуда; у одного из них — довольно высокая шейка с орнаментом в виде каннелюр и раздутое туло-

во (рис. 21, 2), другой близок к нему по форме, но отличается меньшими размерами и отсутствием узора на шейке (рис. 21, 1).

После снятия остальных камней вымостки обнаружены еще 2 захоронения в сосудах и сопровождавшая их керамика. Одно из этих захоронений (рис. 19, 1, Б) находилось вблизи от описанного погребения, к западу северо-западу от него. Пережженные человеческие кости вместе с золой лежали в большом сосуде с высоким горлом и сильно раздутым туловом (рис. 20, 2). Горло сосуда было орнаментировано горизонтальными каннелюрами и имело отогнутый наружу венчик. Поверхность сосуда — черного цвета, хорошо заглажена и слегка залощена. Урна была накрыта сверху миской с немного загнутым внутрь краем. Кроме пережженных костей и золы, внутри сосуда обнаружены испорченные огнем мелкие бронзовые нашивные бляшки круглой формы с дырочками по краю (рис. 22, б), маленький обломок железной фибулы, приклепавший к человеческой кости, обломок железного ножа и, вероятно, браслета. При разборке костей установлено, что кальцинированные длинные кости ног лежали поперек сосуда ближе к дну, а над ними находились длинные кости рук.

Третье захоронение (рис. 19, 1, А) находилось в урне, близкой к описанной (рис. 20, 1), на расстоянии 0,1 м к югу. Сверху урна была накрыта миской с широким, отогнутым наружу, краем. С востока у стенки урны была поставлена миска, имеющая слегка загнутый внутрь край (рис. 21, 5), а на юго-юго-восток от нее — еще одна миска с косыми каннелюрами и небольшими выпуклостями по краю и кувшинообразный сосудик с каннелюрами по шейке и по широкой части тулова; кроме каннелюр, на тулове с 4 сторон имелись еще невысокие продолговатые выпуклости (рис. 21, 3). Поверхности мисок и кувшинообразного сосуда заглажены и имеют следы слабого лощения. Поверхность урны черная, хорошо лощеная. Внутри сосуда-урны обнаружены только мелкие кальцинированные человеческие кости и зола, а под сосудом найдены обломки железных ножа и шила, небольшая круглая пуговица с маленьким ушком на обороте и плоский точильный камень-оселок (рис. 22, 8).

На расстоянии 0,6 м к северо-востоку от погребения А стоял кверху дном крупный сосуд с широким устьем и неболь-

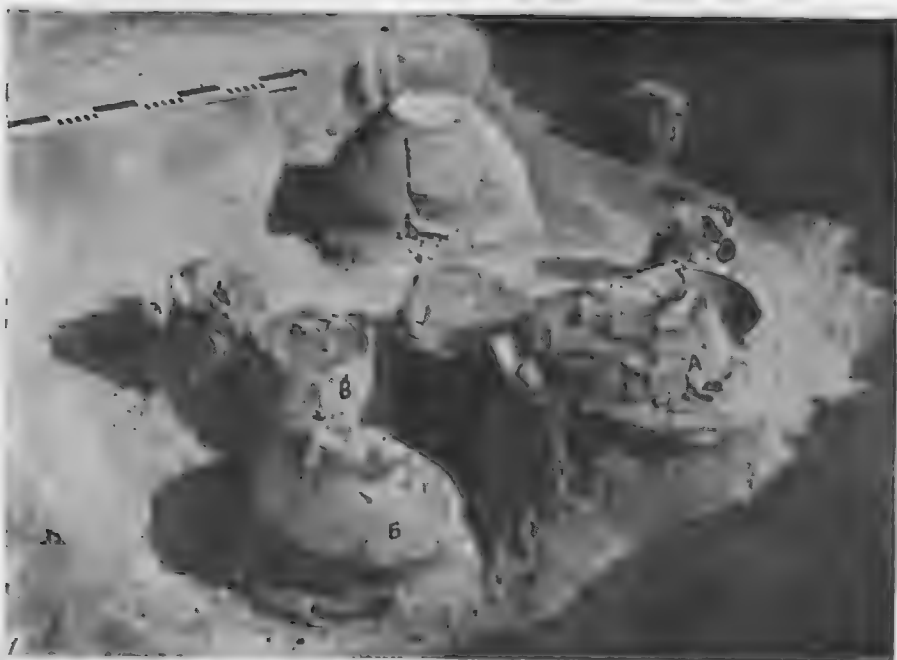

Рис. 19.

1 — общий вид коллективного погребения № 3; 2 — погребение в каменном ящике № 2.

Рис. 20.

1—3 — урны коллективного погребения № 3 могильника у с. Шолданешты; 4 — сосуд из того же погребения.

шим дном (рис. 20, 4). По наиболее выпуклой части тулова с каждой из 4 сторон сосуда имеются небольшие ручки-упоры. Край сосуда украшен защипами, сделанными пальцем. Горшок был заполнен землей; никаких находок или следов погребения в нем не оказалось. Возле сосуда, к западу от него, найдена круглая бронзовая бляшка с маленьким ушком на обороте. К востоку от

большого сосуда на расстоянии 0,35 м лежал на боку небольшой кувшин с горизонтальными каннелюрами на шейке и короткими вертикальными каннелюрами и небольшими выпуклинами по наиболее широкой части тулова (рис. 21, 4).

Все 3 сосуда, в которых находились остатки пережженных костей, стояли на овальной площадке, специально сделанной на дне ямы

Рис. 21. Керамика, сопровождавшая погребения в могильнике у с. Шолданешты.

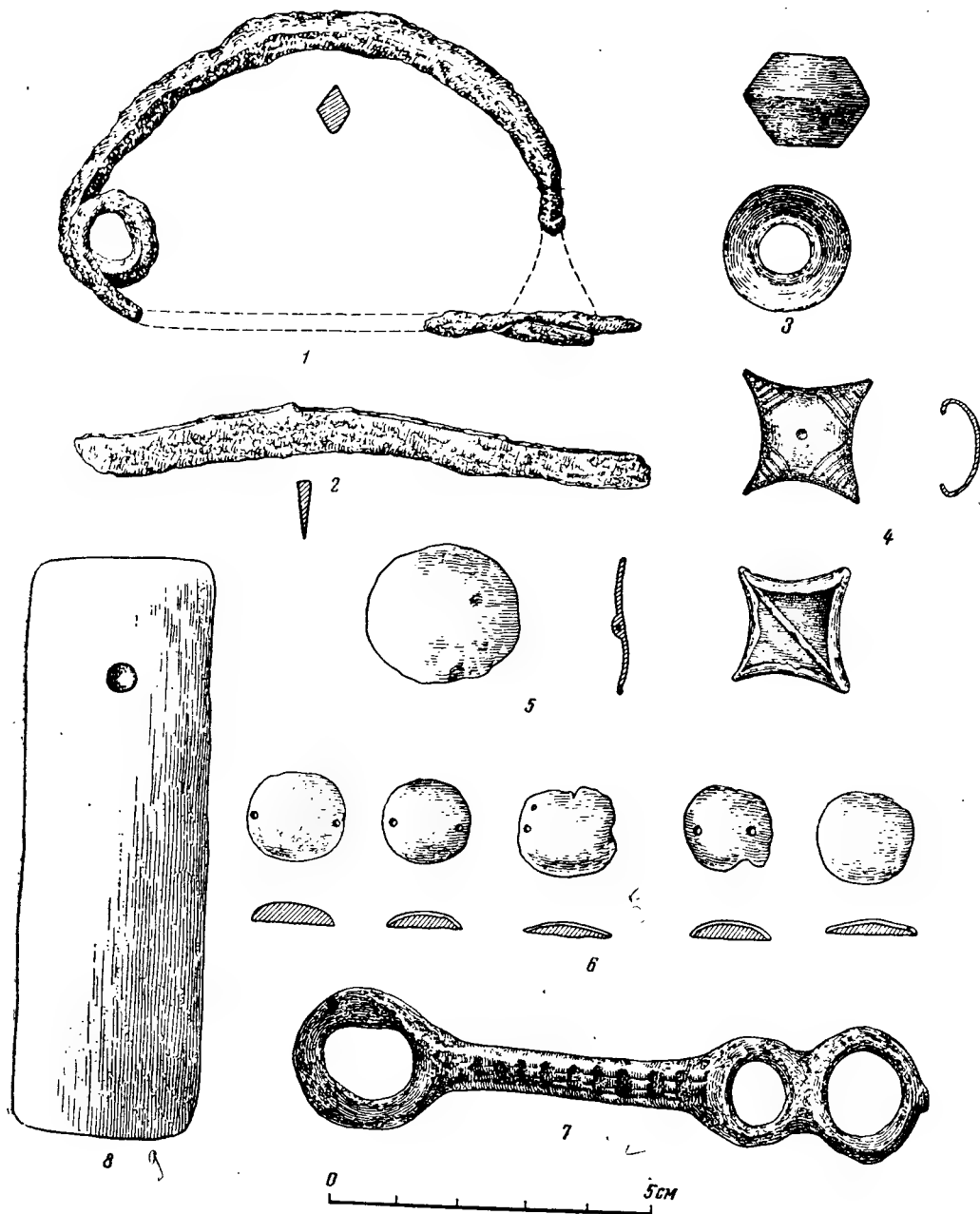

Рис. 22. Предметы из погребений могильника у с. Шолданешты.

в материковом суглинке. Площадка была обведена канавкой, имевшей ширину 0,3—0,4 м и расширявшейся на востоке до 0,65 м. Глубина канавки — 0,15 м. Сосуд № 7 (погребение А) и сосуд № 12 (погребение Б) были вкопаны в материковый грунт до наиболее широкой части тулова. Сосуд № 10 (погребение В) стоял прямо на площадке.

По всей вероятности, захоронения 3 сосудов с пережженными человеческими костями в сопровождении керамики совершались не одновременно. Однако решить вопрос о том, в какой последовательности происходили захоронения, — не удастся. С уверенностью можно говорить лишь о том, что пустой сосуд № 2 и кувшинчик № 3 были поставлены, когда канавка вокруг погребального места уже затекла землей. Погребение А — самое богатое; оно занимало как бы центральное положение среди остальных и именно над ним находилась каменная вымостка; поэтому можно предполагать, что оно было основным, а погребения Б и В — впускными, совершенными несколько позднее первого.

Остальные погребения с трупосожжениями оказались значительно беднее находками и, кроме того, были сильно разрушены, очевидно, в результате распахки плато. Два погребения совершены в лощеных сосудах типа виллановы, от которых сохранилось лишь небольшое количество фрагментов. В одном из этих сосудов (погребение № 5), кроме кальцинированных человеческих костей, найдены дужка железной фибулы, конец язычка этой же фибулы с прикипевшей к нему частью приемника (рис. 22, 1) и небольшой железный нож (рис. 22, 2). Никаких сосудов, сопровождающих погребение, не найдено.

Среди фрагментов от урны погребения № 6 и кальцинированных костей на глубине 0,2 м обнаружен железный нож.

Погребение № 8 представляло собой небольшую кучку кальцинированных костей, находившихся на глубине 0,3 м от современной поверхности. Над костями лежала вверх дном чарка с отбитой ручкой, а возле нее стоял раздавленный кувшинообразный сосудик, украшенный каннелюрами по шейке и наиболее широкой части тулова. Среди кальцинированных костей обнаружены бронзовая пуговица (рис. 22, 4) и биконическая бусина или пронизка (рис. 22, 3).

Погребение № 9 было совершено в баночном горшке, от которого сохранилась

лишь донная часть с остатками пережженных костей. Никаких находок при этом погребении не сделано.

Как уже было сказано выше, одно из найденных в могильнике у с. Шолданешты погребений (№ 2) представляло собой труположение. На уровне древнего горизонта, на глубине 0,35 от современной поверхности находилась каменная вымостка. Погребение было отмечено каменной вымосткой, подобная которой имела над погребальным местом № 3. Вымостка сделана из плиточных известняковых камней, лежавших в один слой. Длина ее с востока на запад — 1,55 м. Наибольшая ширина — 1,15 м. Погребение совершено в яме, вырытой в древнем черноземе, в небольшом своеобразном каменном ящике, на глубине 0,8—0,9 м от современной поверхности. Ящик был сделан из неровных известняковых плит неодинаковой величины, поставленных на ребро с небольшим наклоном внутрь, по два камня с длинных сторон ящика и по одному — с коротких. Сверху ящик был закрыт неровными известняковыми плитами. Длина ящика — 0,75 м, ширина — 0,6 м. Ящик был ориентирован с востока на запад с небольшим отклонением к югу. На дне ящика, являвшемся одновременно дном могильной ямы, находился костяк ребенка 5—7 лет, лежавший на левом боку с подогнутыми в коленях ногами, черепом на восток (рис. 19, 2). При костяке никаких вещей не обнаружено.

Вне погребений на различных участках раскопанной площади встречены отдельные фрагменты керамики, а недалеко от коллективного погребения № 3 на глубине 0,2 м от современной поверхности мы нашли половину бронзовых двукольчатых удил кобанского типа (рис. 22, 7).

Большинство сосудов, обнаруженных при раскопках могильника, по формам совершенно аналогично описанной выше керамике с поселения у с. Шолданешты. Несколько более тщательной отделкой поверхности и темным цветом отличаются от найденных на поселении сосуды типа виллановы, служившие погребальными урнами. Кувшинообразные сосудики и миски с загнутым внутрь краем, сопровождавшие погребения, по форме, орнаментации и цвету поверхностей аналогичны происходящим с поселения. Баночный горшок, украшенный 2 валиками с защипами, найденный с человеческими костями в кол-

лективном погребении № 3, ничем не отличается от баночных сосудов, представленных фрагментами на поселении.

Наряду с керамикой перечисленных типов при раскопках могильника найдены сосуды, не известные на поселении. К ним относятся прежде всего миски с широким краем, отогнутым наружу. Одна из таких мисок покрывала урну, случайно найденную рабочими при рытье водопроводной траншеи. Полного профиля миски восстановить не удалось. Сохранилась лишь большая часть широкого края с переходом к тулову. Край миски был плавно отогнут наружу; в месте перехода от края к тулову имеется резкое ребро. Внутренняя поверхность миски черная, слегка лощеная; она украшена орнаментом, сделанным мелким зубчатым штампом, в виде сложного узора из спиралей и треугольников (рис. 23, 1). Наружная поверхность миски

имеет серовато-желтоватый цвет и следы слабого лощения.

Обломки близкой по профилю миски найдены в заполнении ямы, в которой сжигали покойников. От описанной, эта миска отличается орнаментом. Узор на внутренней поверхности края миски представляет собой вертикально расположенные неглубокие каннелюры (рис. 23, 2).

В этой же яме найдены фрагменты еще одной миски, край которой, очевидно, был почти горизонтальным. По краю нанесен орнамент, сделанный мелким зубчатым штампом.

Миска с отогнутым наружу, почти горизонтальным венчиком накрывала одну из урн, обнаруженных в коллективном погребении № 3. Край этой миски орнаментирован неглубокими косыми каннелюрами и едва заметными рельефными валиками.

Среди керамики, происходящей с поселения, не находит аналогий небольшая чашка полусферической формы с уплощенным дном, вероятно, имевшая небольшую петельчатую ручку (рис. 23, 3). Поверхности этой чашки заглаженные, но без лощения, неровного — от темно-серого до черного — цвета.

В могильнике не встречено двуручных сосудов, известных на поселении.

Комплекс керамики из могильника и с поселения у с. Шолданешты состоит из посуды, широко распространенной в течение довольно длительного времени (VIII—VI вв. до н. э.), и посуды, имеющей наиболее близкие аналогии только в памятниках Карпато-Дунайского района, датируемых концом эпохи бронзы — началом эпохи железа. К первым относятся сосуды типа виллановы и миски с загнутым внутрь краем, о которых неоднократно упоминалось в первой части настоящей работы. Все остальные типы сосудов, происходящие из указанных памятников, имеют значительно более узкий круг распространения. В памятниках Румынии и Венгрии, которые румынские исследователи датируют IV периодом бронзы, встречаются аналогичные описанным нами кувшинообразные сосуды, украшенные каннелюрами¹⁸.

¹⁸ V. Christescu. Les stations préhistoriques de lac de Boian. «Dacia», II, București, 1925, стр. 276, рис. XXX, 4; XXVII 3; XXIX, II; XXXI, I; D. Berciu. Si Eng. Comsa. Săpăturile arheologice de la Balta Verde si Gogoșu. (1949 si 1950). Materiale și cercetări arheologice. II, 1956, стр. 371, рис. 101, 5; стр. 432, рис. 156, 2.

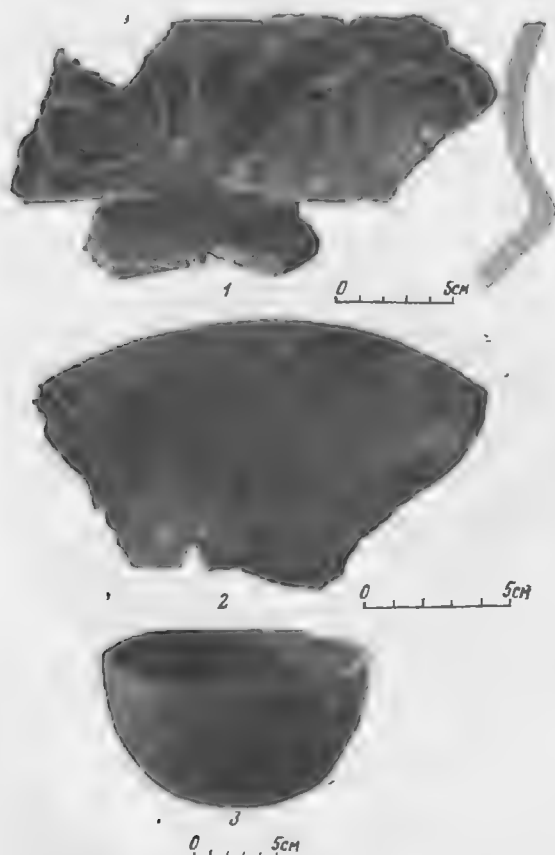

Рис. 23. Керамика из могильника у с. Шолданешты.

С эпохи средней бронзы вплоть до гальштатского периода в указанных районах были распространены двуручные сосуды, близкие найденным на поселении у с. Шолда-нешты¹⁹. В гальштатском слое Пояны (район Текуч) известны аналогичные миски с широким, плавно отогнутым наружу краем, украшенные на внутренней поверхности венчика сложным орнаментом, сделанным мелким зубчатым штампом²⁰.

Баночные горшки, орнаментированные ва-ликами с защипами под венчиком и на тулове, а также сосуды с широким устьем и небольшим дном, найденные при наших раскопках, близки к сосудам, происходящим из ряда мест Карпато-Дунайского района и датирующимся эпохой бронзы и гальштатским периодом²¹. Металлические изделия, найденные в могильнике, как можно судить по приведенному выше описанию, представлены несколькими категориями предметов. Одни из них, так же как многие формы керамики, могут быть сопоставлены только с вещами, распространенными к югу и юго-западу от Днестра, другие имеют иное происхождение.

Наиболее разнообразны бронзовые бляшки. Среди них есть круглые, выпуклые, с небольшими отверстиями для нашивания на кожу или матерью (рис. 22, 6). Аналогичные этим бляшки известны в Карпато-Дунайском районе еще с эпохи ранней бронзы²². Без каких-либо изменений они продолжали существовать в том же районе и в раннем железном веке²³. Круглые бляшки с ушком на обороте, представленные в могильнике двумя находками, имели значительно более широкое рас-

пространение. В предскифское время они были хорошо известны в Подунавье и на Кавказе и, кроме того, встречаются в памятниках раннескифской эпохи на Украине и в Поволжье.

Оригинальной формой отличается бронзовая бляшка или пуговица, найденная в погребении № 8. Она сделана из четырехугольной пластины, стороны которой загнуты внутрь, так что бляшка имеет звездчатую форму. Выпуклая поверхность ее орнаментирована насечками по углам и точкой в центре. На обороте по диагонали проложен бронзовый стерженек, который держится на загнутых сторонах бляшки (рис. 22, 4). Этот стерженек, очевидно, служил ушком, при помощи которого бляшка пришивалась или прикреплялась к одежде. Аналогичные бляшки-пуговицы мне пока не известны. Обнаруженная в том же погребении бронзовая биконическая бусина или пронизка по форме аналогична пряслицам, распространенным на обширной территории.

К предметам из бронзы, найденным в могильнике, относится отмеченная выше половина двукольчатых удиц, происходящая, по-видимому, из какого-то разрушенного погребения. Стержень с рифлением на одной из поверхностей и наружные кольца удиц отлиты в форме, а внутреннее кольцо их сделано при помощиковки (рис. 22, 7). А. А. Иессен считает бронзовые двукольчатые удила наиболее ранним типом удиц кавказского происхождения и датирует их VIII в. — первой половиной VII в. до н. э.²⁴ Помимо Кавказа, двукольчатые бронзовые удила были распространены в то же время и на среднем Днепре²⁵. Наша находка является самой западной из всех известных в настоящее время находок удиц этого типа.

Изделия из железа представлены ножами, обломками 2 фибул и очень невыразительным обломком, по-видимому, браслета. Один из 4 ножей представляет собой миниатюрную копию бронзовых ножей так называемого семиградского типа²⁶. Спинка его

¹⁹ Studii și cercetări de istorie veche, 1953, № 3-4, рис. 7, 2, 4, 5; там же, 1951, № 1, стр. 177, рис. 6, 9 и др.

²⁰ R. Vulpe, Ec. Vulpe, A. Nitu. Activitatea santierului arheologic Poiana — Tecuci, 1950. Studii și cercetări de istorie veche, 1951, № 1, anul II, стр. 189, рис. 11; Studii și cercetări de istorie veche, 1952, № 1—2, unanul III, стр. 100.

²¹ Gn. Ștefan. Fouilles de Mănăstirea. «Dacia», II, București, 1925, стр. 389, рис. 5, 15; Dinu V. Roșetti. Tombes à incinération de l'âge du fer et de l'époque romaine dans la région du Bucurest. Publicațiile muzeului municipiului București, № 2, București, 1935, стр. 53.

²² Amália Mozsolics. Der frühbronzezeitliche Urnenfriedhof von Kisapostag. Archaeologia Hungarica, XXVI, Budapest, 1942, табл. I, 63—75; II, 78—126; IV, 46—64; J. Hampe. Trouvailles de l'âge de bronze en Hongrie. Budapest, 1886, табл. XCIII, 13.

²³ Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., vol. I, 1953, стр. 193, рис. 12, 11.

²⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 102.

²⁵ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 97, 98.

²⁶ Близкие по форме ножи см. Jon Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1932, стр. 134, рис. 26, 6; 27, 5.

слегка выгнута, конец лезвия немного загнут вверх. Лезвие ножа, несколько вогнуто (рис. 22, 2).

Остальные ножи имеют также небольшие размеры, но форма их более простая. Они относятся к типу ножей с кривой спинкой и слабо выделенным черенком; этот тип был хорошо известен в Южной и Средней Европе, а также на Украине в раннем железном веке.

О форме фибулы можно судить только по обломку, происходящему из погребения № 5. Дужка ее сделана из прута ромбического сечения и круто изогнута. Пружина представляет собой односложную круглую петлю. О приемнике что-либо сказать трудно, но, судя по прикипевшей к концу иглы части его, можно предполагать, что приемник имел трапециевидную форму (рис. 22, 1). По классификации Ж. Дешелетта эта фибула как будто принадлежит к классу А фибул à arc по *serpentant* или к числу *einfache Bogenfibel* по М. Эберту²⁸. Что касается датировки фибул этого типа, то М. Эберт относит их к IV—V периодам бронзы по Монтелису, а Ж. Дешелетт считает их самыми древними, развившимися на основании форм, которые были известны в эпоху бронзы и бытовали в зонах, отдаленных от первоначального центра возникновения, до VII в. до н. э. Близки к описанной нами фибулы кобанского типа, распространенные на Северном Кавказе²⁹.

Таким образом, большинство форм керамики и металлических изделий, происходящих из могильника и с поселения у с. Шолданешты, датируется сравнительно большим промежутком времени: концом эпохи бронзы — ранним гальштатом или в пределах IX—VII вв. до н. э. Как было сказано в первой части данной работы, в тех же хронологических рамках датируются памятники голиградского типа, известные в северо-западной части Среднего Поднестровья. Последние по керамике очень близки к поселениям у с. Лукашевка и в окрестностях Кишинева. Только на основании находки части двуколычатых бронзовых удил и железных изделий в могильнике, не характерных для IX в. до н. э., нам кажется возможным датировать памят-

ники у с. Шолданешты VIII в. до н. э., скорее — второй его половиной. Относить их к более позднему периоду — к VII в. до н. э. — представляется мало вероятным потому, что с VII в. до н. э. на территории северной лесостепной Молдавии распространились памятники иного типа, лишь по некоторым признакам близкие к описанным.

Поселения в окрестностях Кишинева и у с. Лукашевка, содержавшие близкую к происходящей из Шолданешт керамику, отличающуюся главным образом большим разнообразием форм, орнаментации и лучшей отделкой столовой посуды, видимо, следует относить к несколько более раннему времени, возможно, концу IX в. — первой половине VIII в. до н. э. По всей вероятности, этим поселениям предшествовали памятники типа, открытого у с. Голерканы. Однако только дальнейшие исследования должны помочь уточнить датировку близких, но не совсем аналогичных друг другу памятников предскифского периода Молдавии.

Сравнительный материал, приведенный выше, не только определяет хронологические рамки памятников, но и указывает на тот круг культур, с которым они были особенно тесно связаны.

Из изложенного видно, что для большинства форм керамики и металлических изделий наиболее близкие аналогии имеются на территории Карпато-Дунайского района. К этому следует добавить, что и по обряду погребения культура предскифского времени лесостепной Молдавии стоит ближе всего к культурам фракийского гальштата Подунавья и Прикарпатья. Грунтовые могильники с захоронениями остатков сожжений в урнах были известны в предскифское время и на юге лесостепной правобережной Украины, однако там они не имели сколько-нибудь широкого распространения. Наиболее характерными для правобережной украинской лесостепи и в предскифское, и в более позднее время были курганы, а не грунтовые могильники³⁰.

В Карпато-Дунайском районе грунтовые погребения с трупосожжениями, с захоронением праха в урнах, как отмечает В. Пыр-

²⁷ J. Déchélette. Ук. соч., стр. 846.

²⁸ Max Ebert. *Reallexikon der Vorgeschichte*, Bd. III, Berlin, 1925, стр. 292, табл. 104, рис. a — d.

²⁹ Max Ebert. *Reallexikon der Vorgeschichte*, Bd. VII, Berlin, 1926, табл. 7.

³⁰ Е. Ф. Покровская. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднестровья. Автореферат канд. диссерт., Киев, 1953, стр. 7.

ван, были характерны, начиная с эпохи энеолита³¹. Для эпохи бронзы и гальштата обряд трупосожжения с захоронением костей в урнах, в неглубоких ямах считается господствующим в Карпато-Дунайском районе, но, наряду с ним, встречаются могильники и отдельные погребения с трупоположениями.

На территории припутской Румынии в эпоху бронзы и гальштата преобладал обряд трупосожжения³². Покойников погребали в неглубоких ямах в скорченном состоянии на левом или правом боку. Изредка отмечается наличие каменных плит над могилами или каменной облицовки могильных ям. Наряду с трупоположениями в некоторых могильниках раннего гальштатского периода припутской Румынии известны трупосожжения. Так, у с. Хальбока (район Яссы) обнаружено одно погребение с трупосожжением и захоронением костей в баночном горшке, украшенном валиком с защипами и накрытом сверху каменной плиткой³³. Это погребение совершенно аналогично погребению В в погребальном месте № 3 могильника у с. Шолданешты.

Близкое к описанным, погребение известно в местности Ciurel под Бухарестом. Оно датируется предскифским временем³⁴.

Грунтовые могильники с захоронениями остатков трупосожжений в урнах, накрытых мисками или каменными плитками, наряду со скорченными погребениями в неглубоких ямах, известны и на территории современной Венгрии. Они относятся к эпохе бронзы, раннему железному веку и скифскому периоду. Наиболее близки к описанным погребени-

ям могильника у с. Шолданешты погребения в Hodmezövasarhely³⁵.

Памятники предскифского времени Молдавии в целом отличаются от одновременных им памятников лесостепной и, особенно, степной Украины. Лишь отдельные формы керамики были общими для Молдавии, восточных областей Западной Подолии и чернолесских памятников правобережной лесостепной Украины. Единичные находки сосудов, по форме и характеру орнаментации близкие к найденным в Молдавии, известны в ряде мест степного Северо-Западного Причерноморья³⁶. Только из памятников голиградского типа северо-западных районов Среднего Поднестровья происходят не отдельные формы, а комплексы керамики, весьма близкие к молдавским. Сходство между голиградскими и молдавскими памятниками прослеживается как будто и по погребальному обряду. Таким образом, рассмотренные памятники показывают, что культура, распространенная в предскифский период на территории лесостепной Молдавии, так же как памятники голиградского типа в северо-западной части Среднего Поднестровья, имела много общего культурам и так называемого фракийского гальштата. Основ-
ной территорией бытования этих культур был Карпато-Дунайский район.

О занятиях местных племен пока говорить трудно; можно отметить лишь, что основу хозяйства здесь, как и у других племен лесостепных областей Северного Причерноморья, составляло земледелие. Об этом позволяют судить находки на поселениях зернотерок, больших сосудов-корчаг, очевидно, предназначенных для хранения зерна, отпечатки соломы в глиняной обмазке. Кости животных встречены при раскопках поселений лишь в небольшом количестве. Среди них, по определению В. И. Цалкина, преобладали кости домашних животных. При этом больше половины изученных В. И. Цалки-

³¹ V. Părgan. Gethica. Academia Romana. Memoriile secțiunii istorice, seria III, tomul III, mem. 2. București, 1926, стр. 762.

³² К эпохе бронзы относятся могильники типа Сарата-Монтеору; см. Santierul Sarata-Monteoru. Studii și cercetări de istorie veche, 1953, № 1-2, стр. 69 и сл.; Ec. Dîpăreanu-Vulpe. La nécropole de l'âge du bronze de Poiana. «Dacia», V-VI, București, 1935—1936, стр. 156 и сл. К эпохе гальштата относятся бескурганый могильник у с. Трушешты. См. Studii și cercetări de istorie veche, 1953, № 1-2, стр. 41 и сл.; см. Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., vol. I, 1953, стр. 157 и сл.

³³ Descoperirile arheologice dela Holboca, raionul Jasi. Studii și cercetări de istorie veche, 1952, № 1-2, стр. 94.

³⁴ Dinu V. Rosetti. Tombes à incinération de l'âge du fer et de l'époque romaine dans la région de Bucarest. Publicațiile muzeului municipiului București, № 2, București, 1935, стр. 53 и сл.

³⁵ M. Parducz. Ein Gräberfeld in Hodmezövasarhely Kiskömek aus der Bronze, Skythen, La Tène und Germanenzeit. Dolgozatok, 1940, XVI, стр. 95 и сл.

³⁶ Близки к описанным кувшинообразные сосуды, известные из с. Черноморки Одесской области и из Лукьяновского могильника Каховского района. Архив ИА; И. В. Фабрициус. Циліндроподібні посуд. Літопис Херсонського музею, вып. 9, Херсон, 1929. И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, табл. V, 13.

ным костей принадлежало крупному рогатому скоту. Наряду с ними встречены кости лошади, мелкого рогатого скота и свиньи. На поселении в окрестностях Кишинева, кроме того, были найдены кости одной собаки. Из костей диких животных обнаружены кости благородного оленя и одного кулана (на поселении в окрестностях Кишинева). Соотношение костей показывает, что охота имела еще меньшее значение в жизни местного населения, чем скотоводство.

По находкам пряслиц, глиняных поделок и изделий из кремня устанавливается существование у местных племен прядения и ткачества, а также производства орудий из кремня и камня. Следов местной металлургии пока не обнаружено.

2. ПАМЯТНИКИ МОЛДАВИИ

VII—III вв. до н. э.

Памятники скифской эпохи, известные в Молдавии, свидетельствуют о дальнейшем развитии местной культуры и обогащении ее целым рядом новых элементов.

В настоящее время в Молдавии сравнительно хорошо изучены памятники VII—VI и IV—III вв. до н. э. Первые представлены поселениями и могильниками, вторые — только поселениями. Памятников, относящихся к V в. до н. э., нам до сих пор не удалось найти. В VII—VI вв. до н. э. население продолжало жить в поселках только открытого типа, располагавшихся на мысах или на берегах оврагов. Городища, которые можно было бы относить к этой эпохе, в Молдавии не известны. Раскопки производились на 3 поселениях этого времени³⁷. Кроме того, ряд селищ, содержащих материал, близкий к происходящему из раскопок, был открыт во время разведок в северных районах Молдавии³⁸.

Жилищами в этот период, как и в более раннее время, по всей вероятности, служили наземные дома с глинобитными стенами.

³⁷ В 1946—1949 гг. Г. Д. Смирнов производил раскопки на поселении у с. Сахарна, в 1951 г. О. Н. Мельниковская — на поселении у с. Цахнауцы; в 1952—1953 гг. мной были произведены раскопки на поселении у с. Солончены.

³⁸ Наиболее интересный и обильный материал известен с поселений у сс. Царевка и Стохная Резинского района. Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 65.

Сколько-нибудь выразительных остатков домов не обнаружено, но на всех 3 поселениях встречено большое количество глиняной обмазки с отпечатками прутьев, вероятно, от стен жилищ. Из сооружений, оставленных древним населением, на селищах встречены только ямы. При наших раскопках на поселении у с. Солончены обнаружены ямы разной формы и величины; они были округлыми или овальными в плане с диаметром устья от 0,8 до 2,5 м, глубиной от 0,9 до 2,35 м от современной поверхности. Стенки одних ям были вертикальными, других — слегка наклонными внутрь, в стенках третьих встречались небольшие подбои. Многие ямы имели ступеньки в одной из стенок. В ряде ям на дне обнаружены большие плоские камни. Довольно часто ямы составляли комплексы из 2, 3 и — реже — даже 4 ячеек. При этом одна ячейка прорезала стенки другой.

Определить назначение каждой из ям невозможно; лишь некоторые из них можно совершенно определенно считать очажными. Так, в 4 ямах обнаружены остатки глинобитных очагов или печей. На дне 2 ям имелось по пятну, состоявшему из золы и угля, — признак того, что здесь разводился огонь. Ямы, предназначенные для разведения в них огня, обнаружены Г. Д. Смирновым и при раскопках на поселении у с. Сахарна. Очажные ямы, открытые на поселениях и у с. Сахарна, и у с. Солончены, слегка расширялись книзу. На дне одной из них Г. Д. Смирнов обнаружил обломки большой глиняной крышки, которая, очевидно, была предназначена для того, чтобы закрывать устье ямы и, таким образом, дольше сохранять тепло внутри³⁹.

Остальные ямы следует считать предназначенными для хранения продуктов. Одни из них, возможно, были зерновыми (колоколовидные в разрезе); другие, с крупными камнями на дне и ступеньками в стенках, по всей вероятности, служили для хранения каких-то скоропортящихся продуктов. Некоторые из ям были заброшены еще в древности и использованы в качестве мусорных (яма № 3, раскоп III, 1952 г.), другие равномерно затекли культурным слоем.

Кроме ям, на поселении у с. Солончены, на южном склоне его, был обнаружен боль-

³⁹ Г. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 93.

шой зольник площадью более 1000 кв. м. Слой золы мощностью 0,4—0,65 м лежал на древнем черноземе. Местами древний чернозем прорезали неглубокие, круглые в плане ямы, заполненные золой.

В зольнике содержались большое количество фрагментов посуды, кости животных, куски глиняной обмазки и бесформенные камни. Большинство находок, сделанных в зольнике, носило следы действия огня. По всей вероятности, зольник можно рассматривать как место, на которое сбрасывались печные или очажные отбросы и мусор.

На всех перечисленных выше поселениях были найдены одинаковая керамика, изделия из глины, рога и кости, каменные и кремневые орудия труда и отдельные бронзовые предметы.

В керамике, как и в более раннее время, выделяются 2 категории сосудов: кухонная посуда, сделанная из довольно грубого теста, и столовая посуда из хорошо отмученной глины с мелкими примесями шамота. Среди последней преобладает керамика с лощеными поверхностями. Лощение — или очень хорошее, почти глянцевоe, или едва заметное, тусклое. Наблюдается большое разнообразие в цветах поверхностей столовой посуды, но больше всего керамики серовато-коричневатых или серовато-желтоватых тонов; наряду с ней имеются сосуды желтого и серовато-черного цветов. Часто лощеная керамика украшалась геометрическим орнаментом. Однако, в отличие от более раннего времени, излюбленным приемом ornamentации этой посуды были не каннелюры, а узоры, сделанные резьбой или зубчатым штампом, лишь изредка встречавшиеся на керамике более раннего времени. Сосуды, украшенные каннелюрами, известны в меньшем количестве.

Среди форм лощеной посуды имеются аналогичные старым формам предскифского периода и формы, не встречавшиеся ранее. К первым относятся фрагменты больших биконических сосудов типа виллановы и миски с загнутым внутрь краем, украшенные косыми каннелюрами или невысокими, также косо расположенными валиками по краю (рис. 24, 20, 27). На поселении у с. Солончены, кроме того, найдено несколько фрагментов мисок с широким, слегка отогнутым наружу краем, украшенным на внутренней поверхности каннелюрами (рис. 24,

20). Эти миски близки к найденным на поселениях и в могильниках более раннего времени.

К сосудам, особенно характерным для предшествующего периода, относятся изредка встречающиеся на поселениях фрагменты кувшинообразных или двуручных сосудов (рис. 24, 13). У них довольно высокая шейка, хорошо выделенное округлое плечо и петельчатая ручка, возвышающаяся над краем.

Однако перечисленные формы сосудов не типичны для комплексов, происходящих с поселений VII—VI вв. до н. э. Характерными для них можно считать сосуды, не известные в памятниках предшествующего времени. К ним относятся прежде всего черпаки или чарки. По форме тулова они близки к кувшинообразным сосудам, особенно хорошо представленным находками в могильнике у с. Шолданешты, однако они имеют иные пропорции и другую ручку. По профилю эти черпаки напоминают латинскую букву S. Шейка их довольно высокая, край слегка отогнут наружу, тулово — округлых очертаний. Ручка обязательно выступает над краем сосуда и имеет на перегибе более или менее высокую шишечку. Шейка, тулово, а иногда и ручка черпаков украшены геометрическим резным орнаментом, часто в сочетании с циркульным узором или узором, сделанным штампом другой формы (рис. 24, 12, 14, 15; рис. 26, 1).

Среди мисок преобладали те, которые имели слегка загнутый внутрь и утолщенный край. Венчик мисок оформлялся по-разному: в одних случаях он округлый, в других — прямо или косо срезанный. По краю и верхней части стенок мисок часто встречается геометрический орнамент, сделанный зубчатым штампом или резьбой (рис. 24, 18, 19, 22, 23; рис. 26, 2, 3).

Для керамических комплексов этого времени характерны сосуды сравнительно больших размеров, имеющие довольно узкое горло и почти шаровидное тулово, резко суживающееся ко дну. Из фрагментов, найденных в одной из ям на поселении у с. Солончены, удалось склеить два почти целых сосуда этой формы и большую часть третьего. Два из них богато украшены вертикально расположенными 4 поясами орнамента и опоясывающим по плечикам геометрическим узором. Орнамент нанесен при помощи резь-

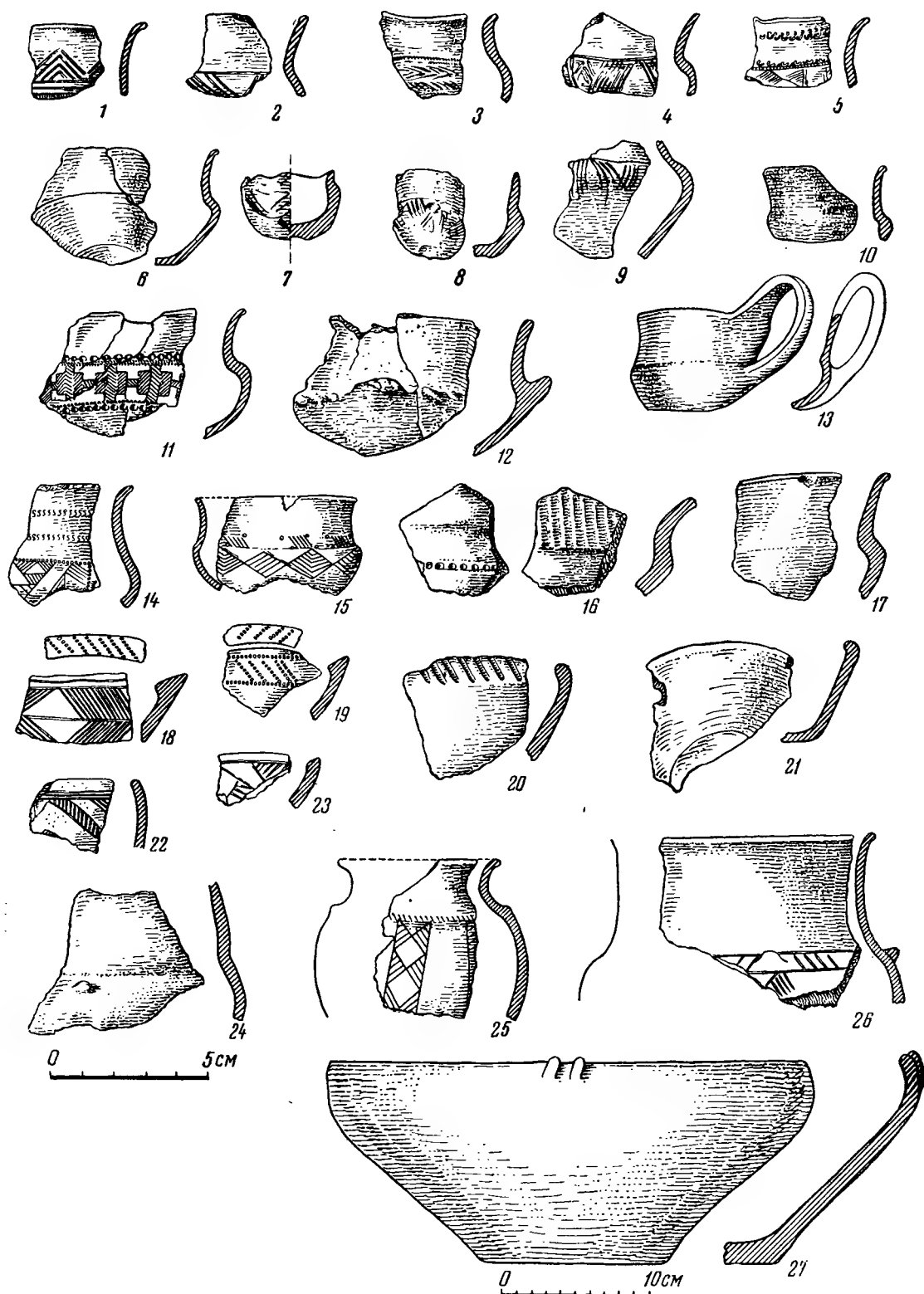

Рис. 24. Керамика с поселения у с. Солончаны.

бы, зубчатого штампа и штампа в виде буквы S⁴⁰. Третий сосуд украшен только одной полосой узора, находящейся на плечиках и состоящей из косо расположенных коротких линий, сделанных зубчатым штампом в обрамлении из кружочков⁴¹. Сосуд, близкий по форме и орнаментации к третьему из этих сосудов, был найден Г. Д. Смирновым на поселении у с. Сахарна.

Попадают фрагменты сосудов, сходных с последними по форме, но меньших размеров (рис. 24, 25, 26; рис. 25). По тулову многие из них украшены резным и штампованным орнаментом, кроме которого встречаются еще небольшие, горизонтально, вертикально или косо расположенные валики, покрытые узором (рис. 24, 25; рис. 25, 13, 15). На плечиках таких сосудов иногда бывают невысокие полукруглые выступы, напоминающие миниатюрные ручки-упоры (рис. 24, 24, 26), а также круглые шишечки (рис. 25, 11, 14, 18).

Кроме рассмотренных типов хорошо сделанной лощеной посуды, на поселениях найдены фрагменты стенок сосудов разной величины, о форме которых судить трудно. Часто на них встречается богатый орнамент, сделанный резьбой или зубчатым, кольчатым штампами и штампом в виде буквы S. Здесь эти виды орнамента то сочетаются друг с другом, то применяются без сочетаний.

Как уже было сказано выше, геометрический узор преобладает на лощеной посуде. Чаще всего в орнаменте встречаются углы, треугольники, ромбы, квадраты, образующие шахматный узор, и группы косо расположенных линий. Уникальным является фрагмент стенки сосуда, найденный на поселении у с. Сахарна⁴²: в геометрической стилизации на нем изображена фигура животного, вероятно, лошади. По трактовке и приемам изображения эта фигура очень близка к тем, которые имеются на гальштатском сосуде из Оденбурга⁴³.

Кухонная, более грубая, керамика представлена преимущественно фрагментами сосудов баночного типа или горшками со слегка выделенной шейкой (рис. 26, 4)⁴⁴. Поверхности этих горшков обычно имеют грязновато-коричневый или желтоватый цвет и слегка заглажены; часто они украшены орнаментом в виде валика с пальцевыми защипами, расположенным на тулове. Отдельные фрагменты принадлежат сосудам, украшенным так же, как баночные горшки из могильника и с поселения у с. Шолданешты, т. е. 2 валиками, из которых один расположен под венчиком, другой — на тулове. Кроме валиков, на баночных сосудах встречаются полукруглые ручки-упоры.

Очень небольшим количеством фрагментов представлены сосуды тюльпановидной формы, украшенные наlepным валиком с защипами и проколами под венчиком, аналогичные сосудам, характерным для правобережной лесостепной Украины⁴⁵.

На каждом из названных выше поселений были найдены орудия керамического производства в виде костяных ложиц, предназначенных для обработки поверхностей (рис. 27, 9, 10), костяных и глиняных штампов (рис. 27, 5; рис. 28, 5), при помощи которых на сосуды наносили узоры в виде зубчиков, буквы S и кружков⁴⁶.

На Сахарнянском селище Г. Д. Смирнов обнаружил 5 «столов» или площадок, сложенных на каменной основе и обмазанных тонким слоем глины. Вблизи от этих площадок были найдены костяные ложила, скобели и резак, глиняные и костяные штампы. Г. Д. Смирнов считает эти «столы» местами для просушки посуды⁴⁷.

Кроме керамики, на всех поселениях было найдено довольно много глиняных пряслиц. Среди них преобладают пряслица би-конической формы (рис. 28, 7, 12, 14), наряду с которыми встречаются шаровидные и уплощенные (рис. 28, 10, 11, 13). Поверхности пряслиц хорошо заглажены, иногда еще слабо залощены. Размеры их разные, а отверстия в центре имеют диаметр 0,4—0,7 см.

⁴⁴ А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 63, рис. 29, 4, 5.

⁴⁵ Фрагменты такой посуды в сравнительно большом количестве известны только из слоя VII—VI вв. до н. э. городища у с. Алчедар, раскопки Г. Б. Федорова.

⁴⁶ О. Н. Мельниковская. Ук. соч., рис. 36, 2.

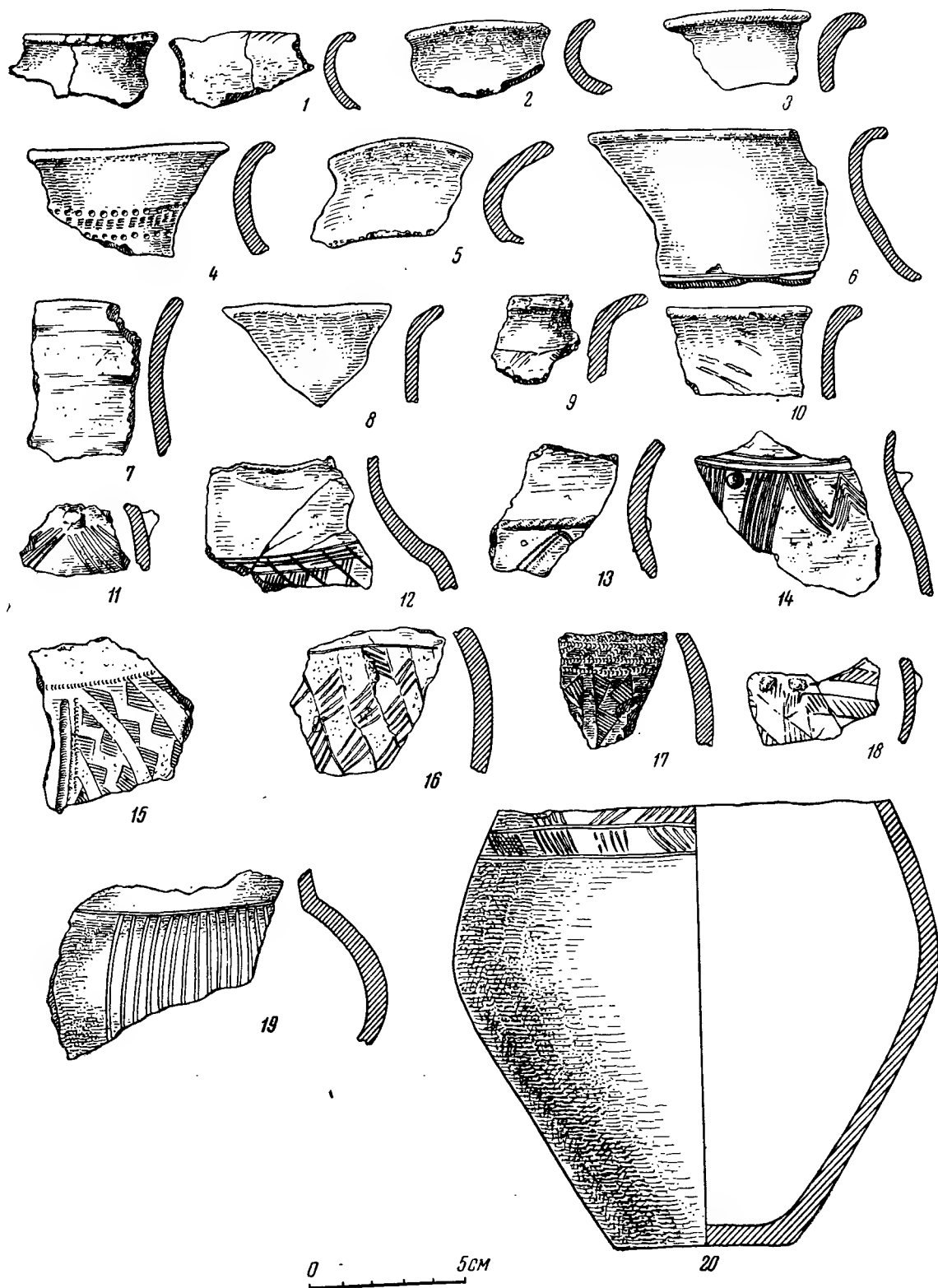
⁴⁷ Г. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 95.

⁴⁰ Один из этих сосудов опубликован; см. А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 64, рис. 30, 2.

⁴¹ Там же, рис. 30, 1.

⁴² Происходит из раскопок Г. Д. Смирнова. Не издан, хранится в Молдавском филиале Академии наук СССР.

⁴³ Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. III, 1925, табл. 119.

• Рис. 25. Керамика с поселения у с. Солончаны.

Встречаются пряслица, сделанные из стенок сосудов (рис. 28, 15). На некоторых пряслицах имеется узор, нанесенный штампом и резбой⁴⁸ и аналогичный орнаментации на лощеной посуде.

которые можно считать культовыми. К ним относятся антропоморфные статуэтки и небольшие фигурки животных. Антропоморфные плоские фигурки (две целых и несколько обломков) были найдены на поселении у

Рис. 26. Керамика с поселения у с. Солончены.

Наряду с пряслицами известны небольшие глиняные катушки, употреблявшиеся, по всей вероятности, для наматывания пряжи (рис. 28, 4). На поселениях у сс. Солончены и Сахарна обнаружены также глиняные пинтадерки (рис. 28, 3), назначение которых не ясно, небольшие глиняные подвесочки (рис. 28, 1, 2) и глиняные круглые пуговицы.

Кроме бытовых глиняных изделий, с поселений происходят глиняные предметы, ко-

с. Цахнауцы и описаны О. Н. Мельниковской⁴⁹. Обломок верхней части похожей фигурки обнаружен нами при раскопках на поселении у с. Солончены (рис. 28, 8). Плоские антропоморфные статуэтки существовали на территории Молдавии еще с предскифского времени, как указывает на это отмеченная выше находка части фигурки на поселении в окрестностях Кишинева.

На поселении у с. Цахнауцы найдена еще одна статуэтка, выполненная в иной манере.

⁴⁸ Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 122 рис. 1, б.

⁴⁹ О. Н. Мельниковская. Ук. соч., рис. 33.

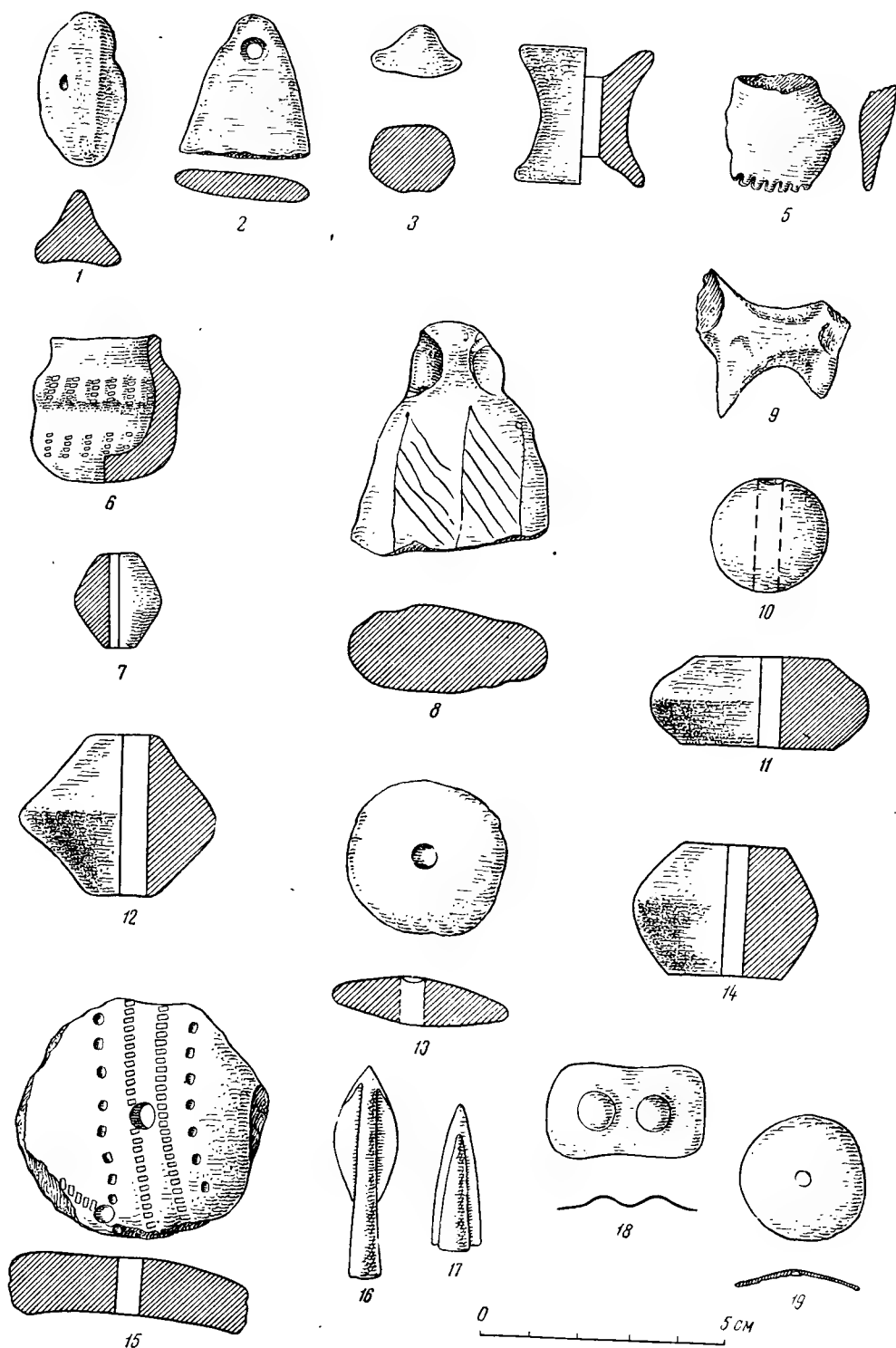

Рис. 28. Глиняные и бронзовые изделия с поселений раннескифского времени.

1—15, 17—19 — с поселения у с. Солончены; 16 — с поселения у с. Алчедар.

Она представляет собой грубо вылепленную из глины мужскую фигурку с четко выделенной головой и раскинутыми в стороны руками и ногами. Голова сверху уплощена, нос, уши и острая бородка сделаны защипами, а глаза — вдавлениями⁵⁰.

Глиняные фигурки животных найдены на всех поселениях, подвергавшихся раскопкам⁵¹. По-видимому, их следует рассматривать как схематические изображения лошадей (рис. 28, 9).

Значительным количеством находок на поселениях представлены костяные изделия. Среди них имеются роговые псалли с 3 отверстиями (сдвоенными или овальными; рис. 27, 4), найденные на 3 поселениях⁵², костяные проколки и игла (рис. 27, 6—8, 11) и костяные наконечники стрел. Последние представлены 2 типами. Одни из них, втульчатые, имеют листовидную форму и ромбический разрез (рис. 27, 1). Такие стрелы были найдены на поселениях у сс. Цахнауцы⁵³ и Царевка. При раскопках поселения у с. Солончены мы обнаружили четырёхгранный пирамидальный наконечник стрелы с двумя обломанными шипами для насадки на древко (рис. 27, 2). На поселении у с. Сахарна найдена еще половина большой круглой костяной пряжки с небольшим ушком на обороте.

Кроме готовых костяных изделий, на всех поселениях обнаружены заготовки из кости и рога и обломки костей со следами среза ножом.

Металлических вещей на поселениях встречено очень немного. С поселений у сс. Сахарна и Солончены происходят круглые бронзовые бляшки; одна из них — с ушком на обороте, другие — с небольшим круглым отверстием в центре (рис. 28, 19). На поселении у с. Солончены найдена прямоугольная в плане бляшка с двумя круглыми выпуклостями в центре (рис. 28, 18), по-видимому, предназначенная для нашивки на кожу или материю. При раскопках славянско-

го городища у с. Алчедар встречен бронзовый двулопастный наконечник стрелы раннескифского типа с ромболистной головкой и длинной втулкой (рис. 28, 16). С поселения у с. Солончены происходит трёхгранный бронзовый наконечник стрелы массивных пропорций (рис. 28, 17), характерный для VI—V вв. до н. э. На Сахарнянском селище Г. Д. Смирнов нашел обломок бронзовых удила с концом в виде стремени, повернутого широкой стороной внутрь (рис. 27, 14). На поселении у с. Царевка обнаружена бронзовая булава с плоской круглой головкой небольших размеров.

Изделия из железа представлены только мелкими, невыразительными обломками, по которым совершенно невозможно судить о форме целых предметов.

На всех поселениях, подвергавшихся раскопкам, были найдены кремневые серпы и их обломки (рис. 27, 12). По форме и технике обработки серпы вполне аналогичны тем, которые происходят с поселений белогородовского типа и предскифского времени Западной Подолии.

К предметам, близким найденным на этих же памятниках, принадлежат и обломки каменных сверленных топоров-молотов с поселений у сс. Солончены (рис. 27, 13), Царевка и Сахарна.

Перечисленными предметами ограничивается комплекс находок с поселений, датируемых нами VII—VI вв. до н. э. Дата определяется как по отдельным вещественным находкам (стрелам, псаллам, обломку удила), так и по комплексу посуды. Однако прежде чем перейти к сравнительным сопоставлениям найденного на поселениях материала, остановимся на характеристике погребений, содержащих близкие к описанным находки.

В настоящее время в Резинском районе известны 3 могильника, подвергавшихся раскопкам. Два из них находятся недалеко от с. Сахарна⁵⁴. Они состоят из ряда очень не-

⁵⁰ О. Н. Мельниковская. Ук. соч., стр. 74, рис. 36, 1.

⁵¹ Там же, рис. 36, 3. Фигурки, найденные при раскопках Г. Д. Смирнова на поселении у с. Сахарна, остались неизданными. Хранятся в Молдавском филиале Академии наук СССР.

⁵² Найдены на поселениях у с. Сахарна (не изданы), у с. Цахнауцы (О. Н. Мельниковская. Ук. соч., стр. 72, рис. 34, 2, 3) и у с. Царевка (не изданы; см. наш рис. 27, 4).

⁵³ О. Н. Мельниковская. Ук. соч., рис. 34, 1.

⁵⁴ Оба могильника были открыты Г. Д. Смирновым в 1948 г. В 1948—1949 гг. Г. Д. Смирнов исследовал 7 курганов в одном из них и два — в другом. В 1953 г. мы продолжили раскопки одного из этих могильников — в местности, называемой «Гульбока», и исследовали еще 4 кургана. Отчет Г. Д. Смирнова о раскопках первого Сахарнянского могильника не опубликован. О раскопках могильника в местности Гульбока см. Г. Д. Смирнов. Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока). Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, 1955, № 5, стр. 117 и сл.

высоких, едва заметных на современной поверхности, каменных насыпей — куч, иногда окруженных в основании каменным кольцом. Погребения под ними располагались или прямо на уровне древнего горизонта (иногда внутри кромлеха), или в неглубоких, вырытых в древнем черноземе, ямах, закрытых сверху каменными закладами. В одном из этих могильников известны погребения в примитивных каменных ящиках, близких к ящику с детским погребением могильника у с. Шолданешты. Под одной каменной насыпью часто встречаются 2 или 3 погребения⁵⁵. Преобладает обряд труположения; покойников клали в скорченной позе на левом или правом боку, головой на юг, юго-восток, восток и — реже — на север. В первом Сахарнянском могильнике из курганов, раскопанных Г. Д. Смирновым, известны трупосожжения, совершенные на стороне, с захоронением праха без урн в неглубоких ямах, а в одном случае — на дне каменного ящика.

В кургане II могильника в местности Гульбока нами обнаружено одно частичное трупосожжение — обгоревшей была лишь верхняя часть скелета. Это частичное сожжение, по-видимому, также было совершено на стороне, так как никаких следов костра вместе с погребенным не обнаружено. На одном погребальном месте или в одной могиле встречались как одиночные, так и парные захоронения. В парных захоронениях часто кости одного из погребенных лежат без правильного анатомического порядка. По-видимому, они были сдвинуты при захоронении второго покойника или перенесены откуда-то с другого места.

От Сахарнянских могильников несколько отличается могильник у с. Алчедар. Четыре кургана этого могильника были исследованы сотрудником отряда славянской археологии Молдавской экспедиции 1952 г. Р. Л. Розенфельдом⁵⁶. Могильник состоит из ряда очень невысоких насыпей, сделанных не из камня, как у с. Сахарна, а из земли. Под каждой из 4 насыпей на уровне древнего горизонта или в неглубоких ямах обна-

ружен каменный ящик, сделанный из известняковых плит и накрытый сверху такими же плитами. Все 4 ящика оказались ограбленными. Удалось лишь установить, что покойники были погребены в скорченной позе.

Инвентарь, сопровождавший погребенных, во всех 3 могильниках очень небогат и однообразен. Обычно там попадались 1 или 2 сосуда. В мужских погребениях обязательно был черпак с высокой ручкой (рис. 29, 9, 10), в женских же черпаки не встречались, а находились сосуды иных форм (круглотелые кубки, миски, стаканообразные сосудики). Помимо черпаков, в мужских погребениях обнаружены каменные оселки с круглым отверстием для подвешивания (рис. 29, 1, 2), железные ножички (рис. 29, 8), бронзовые круглые бляшки или пуговицы с ушком на обороте (рис. 29, 3—5). В одном из мужских погребений первого Сахарнянского могильника встречены еще железные удила.

В женских погребениях, кроме керамики, найдены мелкие бронзовые украшения: рифленые пластинчатые браслеты (рис. 29, 6, 7), проволочные височные кольца с заходящими друг на друга концами; в одном из погребений встречены бронзовая спираль и пластинчатый спиральный перстень. В 2 погребениях, — сильно разрушенных, и поэтому неизвестно, мужских или женских, — найдены обломки железных фибул.

Посуда, происходящая из погребений, близка к керамике, обнаруженной на поселениях типа Сахарна — Солончены. Здесь имеется и богато орнаментированная столовая посуда (чарки, миски, кубки), и более грубая, кухонная; последняя представлена меньшим количеством находок, чем первая. В отличие от керамики, найденной на поселениях, на погребальных сосудах отсутствует хорошее лощение; худшим качеством отличается и обжиг столовой посуды, но по богатству орнаментации погребальная керамика не уступает бытовой.

Среди сосудов с поселений не имеют аналогий небольшие стаканообразные сосудики, украшенные резным орнаментом в виде рядов вертикально расположенных заштрихованных ромбов или «елочки». У края таких сосудов иногда имеются 1 или 2 ушка (рис. 29, 12). Вместе со стаканообразным сосудиком в кургане I в местности Гульбока найдена полусферическая крышка, украшенная резным орнаментом (рис. 29, 12).

⁵⁵ В 9 курганах, раскопанных Г. Д. Смирновым, содержалось 17 погребений; в 4 курганах, раскопанных нами, было 8 погребений.

⁵⁶ Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 121 и сл. Погребения в каменных ящиках, видимо, скифского времени, известны еще в 3 местах Резинского района; см. В. И. Маркевич. Ук. соч., стр. 141.

Рис. 29. Находки из погребений могильника в местности Гульбока у с. Сахарна.

К формам, не встреченным на поселениях, относится еще фрагмент большого открытого сосуда типа миски с широким, слегка отогнутым наружу краем. На тулове — небольшая ленточная ручка. Стенки и ручка сосуда украшены орнаментом, сделанным крупным зубчатым штампом и тонкой резьбой. Возможно, что стаканообразные сосудики, как и широкогорлый сосуд, представленный описанным фрагментом, имели не бытовое, а ритуальное назначение, и были связаны с погребальным культом.

Различия в технике изготовления бытовой и погребальной керамики, а также находки в погребениях отдельных сосудов, не встречающихся на поселениях, позволяют высказать предположение о существовании специального производства погребальной посуды.

Вещественные находки, происходящие из погребений, почти нельзя сравнивать с предметами, обнаруженными на поселениях. Только бронзовые пуговицы-бляшки одинаковой формы были найдены и в погребениях, и на поселениях. Остальные находки не повторяются в тех и других памятниках.

Начальной датой поселений и погребений, по-видимому, следует считать еще первую половину VII в. до н. э. Об этом свидетельствуют костяные наконечники стрел и псалли, происходящие с поселений и описанные выше. Как те, так и другие предметы вполне аналогичны костяным наконечникам стрел и псалиям, которые встречаются только в памятниках предскифской эпохи, датирующихся VIII в. и первой половиной VII в. до н. э.⁵⁷

Однако датировать описанные поселения и погребения ранее первой половины VII в. до н. э. невозможно потому, что комплекс керамики, происходящий из этих памятников, значительно отличается от посуды, найденной в могильнике и на поселении у с. Шолданешты и датируемой на основании части

бронзовых удил второй половиной VIII в. до н. э. По ряду черт, о которых будет сказано ниже, этот комплекс близок к керамике правобережного лесостепного Приднепровья, происходящей из памятников жаботинского этапа, т. е. относящихся ко второй половине VII в. — началу VI в. до н. э. Именно на этот период на среднем Днепре приходится расцвет орнаментации, близкой к описанной, сделанной резьбой и штампами на лощеной посуде.

Свидетельством того, что исследуемые нами поселения и могильники существовали не только в VII в., но и в VI в. до н. э., — по крайней мере, в первой его половине, — являются находки ряда предметов, определенно датируемых второй половиной VII в. — первой половиной VI в. до н. э. К таким предметам относится часть бронзовых удил с кольцом в виде стремени, повернутого широкой стороной к центру (рис. 27, 14). Бронзовые удила с кольцами такой формы считаются характерными для Средней Европы в отличие от стремяобразных удил келермесского типа, распространенных на Кавказе и в Северном Причерноморье. Последние отличаются от первых иным расположением стремявидного кольца: у удил келермесского типа это кольцо обращено широкой стороной наружу, а не внутрь, как на среднеевропейских. Как те, так и другие удила датируются одним и тем же временем, а именно концом VII в. — первой половиной VI в. до н. э.⁵⁸ К этому же времени относятся железные удила из Сахарнянского могильника; по форме и величине колец они, так же как и бронзовые, принадлежат к среднеевропейским, а не причерноморским типам. Распространение железных удил в Северном Причерноморье и в Средней Европе относится к VI в. до н. э.⁵⁹

Бронзовый наконечник стрелы из Алчдарского городища датируется VII—VI вв. до н. э. Этим же временем могут датироваться бронзовые браслеты, сделанные из рифленой на наружной поверхности пластины, происходящие из Сахарнянского могильника. Близкие к ним браслеты известны из ряда памятников Румынии⁶⁰. Среди булавок,

⁵⁷ О костяных наконечниках стрел листовидной формы, ромбических в разрезе, было сказано выше (см. стр. 18). Пирамидальные стрелки с раздвоенным черешком известны в чернолесских городищах (А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 101, рис. 9). Подобные наконечники стрел известны на территории Карпато-Дунайского района в памятниках, относящихся к IV периоду бронзы (Ferenc von Tompa. Ук. соч., табл. 42, 7—9). Роговые псалли — см. А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 101, рис. 8.

⁵⁸ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 90 и 100.

⁵⁹ Там же, стр. 100 и сл.

⁶⁰ Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R., vol. I, 1953, стр. 636, рис. 14. 4, табл. XXXV, 9.

распространенных в Западной Подолии и на правобережной лесостепной Украине⁶¹ главным образом в конце VII в.—VI в. до н. э., имеется аналогия для найденной на поселении у с. Царевка булавки с гвоздевидной головкой.

Остальные вещественные находки, происходящие из курганов и с поселений, не поддаются датировке. К таким предметам относятся бронзовые круглые бляшки-пуговицы, железные ножички с горбатой спинкой, каменные оселки с отверстием для подвешивания к поясу. Однако приведенных выше данных, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы отнести памятники типа поселений у сс. Сахарна и Солончены и могильников у сс. Сахарна и Алчедар к VII в.—первой половине VI в. до н. э. К сожалению, наш материал не дает возможности отделить комплексы находок первой половины VII в. от последующих, как это удалось сделать при изучении памятников западноподольской группы.

Выше было сказано, что ряд форм посуды VII в.—первой половины VI в. до н. э. по своему происхождению связан с местной керамикой более раннего периода. Преемственность можно видеть и в характере надмогильных сооружений, и в обряде погребения. Как в VIII в., так и в VII—VI вв. до н. э. для надмогильных сооружений употреблялся камень. Однако, если в VIII в. над могилами делали лишь небольшие каменные вымостки — площадки, в VII—VI вв. из камня сооружали невысокие курганообразные насыпи или окружали каменным кольцом место погребения. И для того, и для другого периода известны трупоположения в скорченной позе, в неглубоких ямах. Но, судя по описанному выше могильнику у с. Шолданешты, в VIII в. до н. э. в погребальном обряде преобладали трупосожжения с захоронением праха в урнах, а в VII—VI вв. — трупоположения. К сожалению, пока мы не можем объяснить, какими причинами были вызваны появление в начале VII в. до н. э. новых форм керамики, широкое распространение известных, но не часто применявшихся в VIII в. до н. э. приемов ornamentации сто-

ловой посуды при помощи резных линий и штампов, изменения в погребальном обряде и надмогильных сооружениях.

В культуре Молдавии VII—VI вв. до н. э., как и в более ранних памятниках этого района, ясно прослеживаются местные особенности, а также ряд признаков, сближающих ее с культурами соседних областей. Местные особенности наиболее отчетливо выступают в погребальном обряде и керамике. Погребения в скорченной позе, под невысокими каменными насыпями встречались в севернее расположенных районах Поднестровья, в Подолии⁶². Однако по ориентировке и набору сопровождавшего их инвентаря эти погребения отличаются от молдавских. Погребения в скорченном положении, с близкой ориентировкой и сходным набором инвентаря известны на территории Румынии⁶³.

Однако, как в погребениях, так и на поселениях Румынии VII — VI вв. до н. э. обычно отсутствует характерная для одновременных памятников Молдавии столовая посуда с резным и штампованным орнаментом. Небольшое количество фрагментов ее известно лишь у населения у с. Стойканы.

На территории Румынии в бассейне р. Прут и в Болгарии известны поселения, весьма близкие к рассмотренным выше. При раскопках там обнаружены аналогичные описанным нами ямы и зольники, а из культурного слоя происходят тоже весьма близкие керамические комплексы. Одни из них находятся под невысокими каменными или земляными насыпями, другие в грунтовых могильниках⁶⁴.

Только на территории Карпато-Дунайского района имеются близкие к обнаруженным на поселениях у сс. Солончены и Сахарна

⁶² См. выше, стр. 39 сл.

⁶³ Например, могильник у с. Стойканы — *Materialle archeologice...*, vol. I, стр. 161 и сл. Себастьян Мориц. Новая гальштатская группа в Молдове. *Dacia*, I, 1957, стр. 117 сл.

⁶⁴ Поселения в окрестностях с. Стойканы — *Materialle archeologice...*, vol. I, стр. 132, рис. 60, 62, 64; слой, датируемый гальштатским временем в Пояне — *Studii și cercetări de istorie veche*, I, 1951, стр. 180; поселение у с. Попешты (район Яссы) — *Studii și cercetări de istorie veche*, III, 1952, стр. 20, рис. 5; в Болгарии — см. В. Миков. Разкопки въ сухата пещеръ до с. Долин-Ломч. Известия на Българския археологически институт, т. VII, 1933, стр. 365, рис. 117.

⁶¹ T. Sulimirski. *Scytowie na zachodniem Podolu*. Lwów, 1936, табл. XI, 2; А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смела, т. III, 1901, стр. 105; ИАК, вып. 17, 1905, рис. 23, 24.

большие сосуды с шаровидным туловом, узким горлом и небольшим дном⁶⁵. Для этой же территории особенно характерны встречающиеся в памятниках Молдавии баночные горшки, украшенные валиком с защипами и снабженные небольшими полукруглыми ручками-упорами.

Другие формы керамики наиболее близки к посуде, происходящей из памятников раннескифского времени правобережной лесостепной Украины. К таким формам относятся чарки с высокой ручкой, имеющей столбик на перегибе, и круглотелые кубки⁶⁶. Сосуды этих типов, известные и в Молдавии, и на Украине, украшались богатым резным и штампованным орнаментом. Следует отметить, однако, что чарки, встречающиеся в памятниках Молдавии, значительно менее разнообразны по формам, чем украинские. Среди последних, кроме чарок, имеющих сравнительно высокую шейку и округлые стенки, хорошо известны еще чарки с низким туловом и едва заметной шейкой, не встречающиеся в Молдавии. Широко распространенные на правобережном Среднем Приднестровье круглотелые кубки представлены в памятниках Молдавии лишь отдельными находками. Заимствованными из областей правобережной лесостепной Украины следует считать кухонные тюльпановидные горшки с валиком, защипами и проколами под венчиком. Фрагменты таких сосудов изредка встречаются на поселениях Молдавии, в то время как на Украине они господствовали в течение длительного времени⁶⁷.

Общими для Молдавии, правобережной лесостепной Украины (Среднего Приднестровья и Западной Подолии) и Карпато-Дунайского района, как уже было отмечено выше, были в VII—VI вв. до н. э. миски с загнутым внутрь краем и сосуды типа виллановы. Однако только на территории Молдавии, и в междуречье Среднего Днестра и Днестра получили широкое распространение миски, украшенные орнаментом, сделанным штампом или резьбой. В других областях

этот способ орнаментации мисок не получил применения.

Что касается изделий из металла, кости и рога, а также из кремня и камня, то одни из них близки к вещам, широко распространенным в Средней и Южной Европе, тогда как для других имеются аналогии лишь в Северном Причерноморье. К первым принадлежат бронзовые пластинчатые браслеты, железные фибулы, бронзовые удила с концами в виде стремени, обращенного широкой стороной к центру, железные удила с круглыми кольцами (из Сахарнянского могильника); ко вторым относятся костяные наконечники стрел, псалии с 3 отверстиями, каменные топоры и кремневые серпы, найденные на поселениях.

Следует отметить еще, что на территории изучаемой группы памятников имеются предметы, не встречающиеся в других областях. Так, за пределами Молдавии нет сколько-нибудь близких к найденным на поселениях у сс. Цахнауцы и Солончены плоских антропоморфных фигурок. Не имеют аналогий также сахарнянские стаканообразные сосуды, украшенные вертикально расположенным резным орнаментом⁶⁸.

Среди изданных материалов нет аналогий для сосудов типа глубоких мисок с ленточной ручкой в средней части тулова и орнаментом, нанесенным штампом. Выше было сказано, что по приемам орнаментации хорошо сделанная лощеная посуда, происходящая с поселений и из погребений Молдавии, близка к керамике жаботинского этапа правобережного Среднего Приднестровья. Однако узоры, нанесенные при помощи резных линий и штампов на посуде из памятников Молдавии, богаче и разнообразнее, чем на керамике, происходящей с Украины. Кроме того, если правильна наша датировка описанных памятников Молдавии, то широкое распространение богато украшенной таким узором столовой посуды началось на изучаемой территории несколько раньше, чем на Украине, а именно еще в первой половине VII в. до н. э. В правобережном Среднем Приднестровье такая посуда получила массовое применение лишь во второй половине VII в. до н. э., хотя знакомство с этими приемами ор-

⁶⁵ I. Andrieşescu. Les arts des temps préhistoriques en Roumanie. *Buletinul imprimeriilor*, st. 4—5, 1938—1939, p. 55—65.

⁶⁶ Особенно хорошо керамика этих типов представлена на Жаботинском поселении на Тясмине (см. Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. до н. э. на Тясмині. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 51, табл. II, IV) и в ряде одновременных ему курганов.

⁶⁷ См. выше, стр. 33.

⁶⁸ Близкие по форме, но не орнаментированные стаканообразные сосудики с полусферической крышечкой известны в культуре Сарата-Монтеору в Румынии эпохи средней бронзы — Ес. Dîpăgea и Vulture. Ук. соч., p. 4, 5.

наментации как на Днестре, так и здесь, относится к VIII в. до н. э.

Охарактеризованные памятники Молдавии отличаются от одновременных памятников правобережной лесостепной Украины еще и тем, что в них, за исключением нескольких бронзовых наконечников стрел, не встречаются предметы скифских типов. Однако в значительной степени это объясняется, по-видимому, лишь недостаточной изученностью культуры Молдавии VII—VI вв. до н. э. Свидетельством того, что населению этой области были известны не только скифский лук со стрелами, но и некоторые другие предметы скифских типов, могут быть находки двух железных акинаков и бронзовой крестовидной бляшки в скифском зверином стиле ольвийского производства, сделанные на соседней территории, в припрутской Румынии⁶⁹.

Памятники, которые можно было бы с уверенностью датировать V в. до н. э., как уже было сказано выше, остаются пока не изученными в Молдавии; имеются лишь отдельные случайные находки, относящиеся к концу VI в. и к V в.— началу IV в. до н. э.

В 1953 г. на юге Молдавии у с. Раскайцы Олонештского района было найдено массивное бронзовое навершие в виде головы грифона с дополнительным орнаментом из стилизованных утиных головок на длинной шее⁷⁰. Совершенно аналогичные навершия мне не известны. Наиболее близким к нему является навершие с грифоньей головой из Ульского аула, но оно отличается стилизацией грифоньей головы и отсутствием дополнительного узора в виде утиных головок.

Орнамент в виде голов уток не характерен для скифского звериного стиля; его, скорее всего, следует считать греческим или фракийским, примененным для украшения предмета, сделанного в скифском зверином стиле. По всей вероятности, навершие происходит из одного из античных городов, наверное, Западного, а не Северного Причерноморья, возможно, — из Тиры.

Характер стилизации изображений на навершии свидетельствует о том, что этот

предмет не может быть позднее V в. до н. э. и, скорее, относится к концу VI в.— первой половине V в. до н. э.

В 1954 г. при земляных работах недалеко от Кишинева было случайно обнаружено погребение с труположением, при котором находились железный меч с брусковидным навершием и широким бабочковидным перекрытием, а также набор бронзовых трехгранных стрел тех типов, которые характерны для середины и второй половины V в. до н. э.⁷¹ Положение погребенного выяснить не удалось. Произведенный Г. П. Сергеевым осмотр местности показал, что никаких внешних признаков могильника не имелось. По всей вероятности, погребение было грунтовым.

Описанные находки не характеризуют в целом культуру племен, живших на территории Молдавии в V в. до н. э. Возможно, однако, что они свидетельствуют об увеличении скифского воздействия на местное население.

Следующая группа памятников относится к IV—III вв. до н. э. Она представлена не только селищами, но и городищами. Последние, как и поселения, располагались на трудно доступных местах, на мысах или берегах глубоких оврагов и укреплялись с напольной стороны валами и рвами. Городища, судя по наличию на них довольно мощного культурного слоя, служили не только убежищами во время опасности, но и постоянным местом жительства.

По характеру укреплений городища делятся на более и менее сложные. Наиболее простое укрепление обнаружено на городище у с. Выхватинцы. Вал подковообразной формы был насыпан из земли, большая часть которой взята из рва, и не имел каких-либо других укреплений⁷².

Вал городища Большая Сахарна был построен таким же способом, как вал Шарповского городища на Тясмине. Помимо земли, в конструкцию его входила толстая прослойка хорошо обожженной глины. Кроме вала и рва, на этом городище были еще три примыкавших к ним дополнительных бастиона⁷³.

Бастион, сложенный из камня и прилегавший к основному валу, обнаружен на городище Малая Сахарна. На городище у с. Стол-

⁶⁹ Materiale archeologică..., vol. I, стр. 3—8.

⁷⁰ Передано в республиканский краеведческий музей г. Кишинева учителем Ширяевым. См. Г. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 129 сл., рис. 2.

⁷¹ Материал хранится в Историко-краеведческом музее г. Кишинева. Г. П. Сергеев готовит публикацию этих вещей.

⁷² А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 65 и сл.

⁷³ Г. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 95.

ничен имеется двойная система валов и рвов. Сложная система укреплений, состоявшая из валов и рвов, прослежена Г. Д. Смирновым при раскопках городища у с. Бутучены⁷⁴. При этом выяснено, что, помимо земли, для сооружения оборонительного рубежа употреблялись бревна и, возможно, даже существовали бревенчатые стены. Развитой характер укреплений городищ IV—III вв. до н. э. свидетельствует о том, что в эту эпоху население владело высокой техникой обороны.

Возникновение укрепленных поселений можно объяснить необходимостью в защите от военных набегов, которые в IV—III вв. до н. э. стали, очевидно, более частыми и серьезными, чем раньше. Врагами, нападавшими на местное население, скорее всего, были скифы, военная активность которых на западе сильно возросла в начале IV в. до н. э. Не исключена, однако, возможность, что противниками были не скифы, а западные соседи. Высказать такое предположение позволяет свидетельство Страбона, содержащее упоминание о гетах на левом берегу Дуная, а область между Прутом и Днестром названа Гетской пустыней⁷⁵.

Некоторое передвижение гетов из-за Дуная на восток, которое, конечно, не могло происходить мирным путем, относится исследователями к эпохе после поражения Атея Филиппом, т. е. совпадает со временем интенсивного строительства городищ на территории Молдавии.

Как показали раскопки Г. Д. Смирнова на городище у с. Бутучены и наши раскопки на Выхватинском городище, жилища, как и в более ранний период, продолжали оставаться наземными.

На городище у с. Бутучены были обнаружены остатки глинобитного пола наземного дома, на городище у с. Выхватинцы — небольшие остатки стен в виде развала камней и скопления глиняной обмазки с отпечатками прутьев. О размерах жилищ по этим остаткам судить трудно, можно лишь сказать, что дома имели прямоугольную форму.

Внутри жилища на городище у с. Выхва-

тинцы обнаружены 2 глинобитных очага, из которых один — в восточной части жилища — был сделан на основе в виде каменной вымостки, а другой — в западной части жилища — находился прямо на земле. Внутри помещения найдено большое количество фрагментов посуды, из которых многие принадлежали разбитым на месте горшкам. Кроме керамики, в жилище находился большой обломок каменной зернотерки округлой формы, несколько глиняных пряслиц и отдельные кости животных.

На поселении у с. Голерканы, одновременно городищем, при наших раскопках 1954 г. были найдены остатки 2 глинобитных очагов, сделанных прямо на земле. На всех памятниках этой группы обнаружены хозяйственные ямы, подобные тем, которые открыты на поселениях VII—VI вв. до н. э.

Комплексы керамики, происходящие с различных поселений IV—III вв. до н. э., близки друг к другу. В целом они отличаются от посуды более раннего времени. В наборах посуды полностью отсутствуют керамика, украшенная резным и штампованным орнаментом, а также сосуды с узором в виде канелюр.

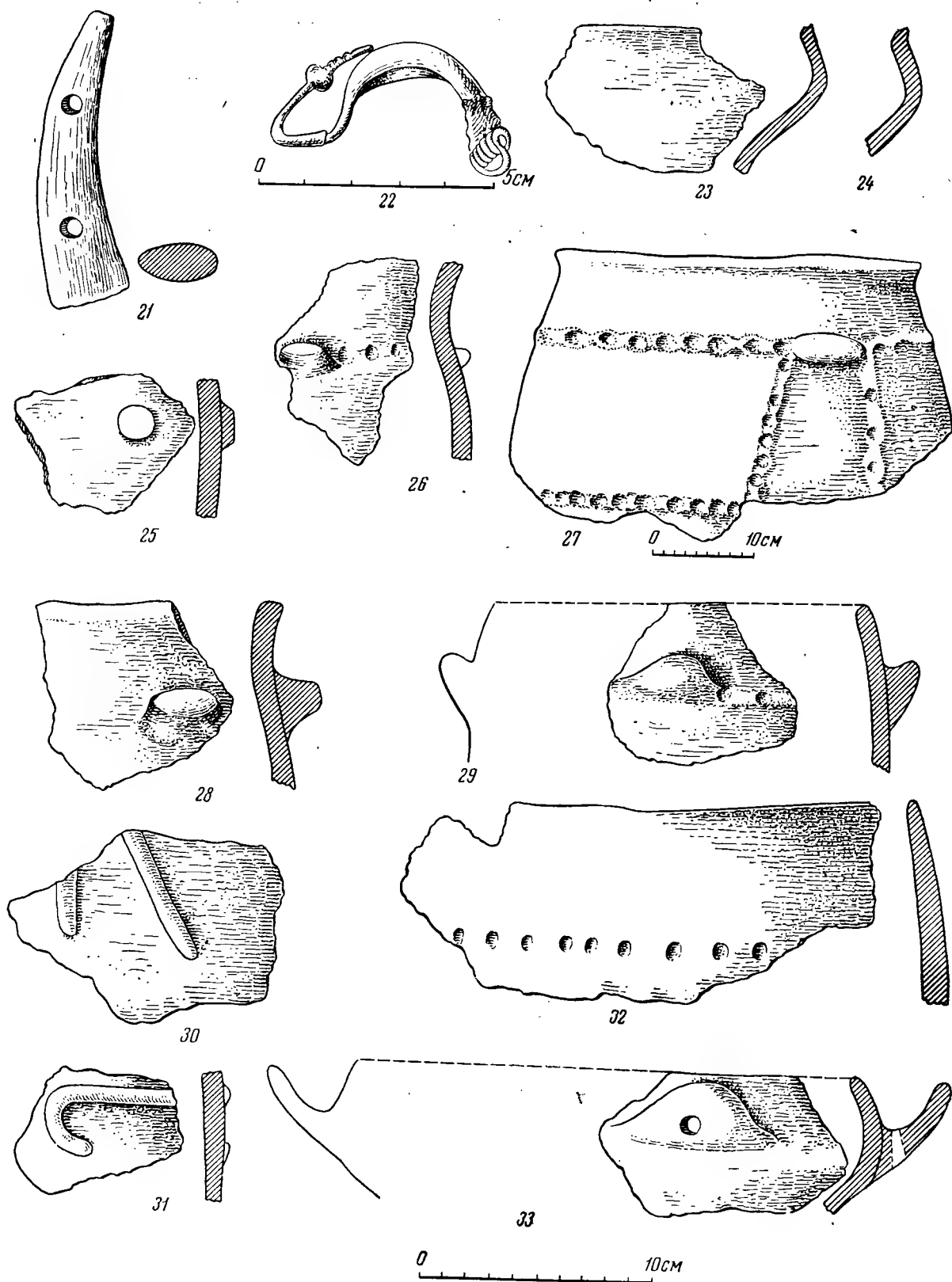
Большинство фрагментов принадлежит сосудам, сделанным от руки из глины с примесью шамота. Поверхности этих сосудов хорошо заглажены и часто имеют следы лощения, которое качеством во много раз уступает лощению на керамике раннескифского времени. Отличается эта керамика от описанной выше и по цвету поверхностей: здесь чаще других встречаются сосуды с желтыми или серовато-желтыми поверхностями и лишь изредка попадает черная керамика. Форм посуды сравнительно немного. Преобладают горшки разных размеров, имеющие баночную форму, с почти вертикальными или слегка выпуклыми стенками (рис. 30, 13, 17—19, 29, 32), либо едва выделенную, плавно переходящую в тулово шейку (рис. 30, 11, 15, 27). Реже встречаются сосуды с высокой шейкой и слегка утолщенным плоским венчиком (рис. 30, 9, 12). У горшков обычно есть полукруглые ручки-упоры, расположенные на плечиках или в нижней части сосудов. Довольно часто на сосудах нанесен орнамент — ямки, сделанные пальцем, или налепной валик с защипами. Иногда налепные валики с защипами покрывают, как сеткой, всю поверхность сосуда (рис. 30, 27). Однако чаще

⁷⁴ Г. Д. Смирнов. Отчет о раскопках скифского городища у с. Бутучены. Не издан. Хранится в Молдавском филиале Академии наук СССР.

⁷⁵ Страбон, VII, 3, 14; ВДИ, 1947, № 4, стр. 199. Исследователи считают, что источник Страбона восходит к IV в. до н. э.

Рис. 30. Керамика с поселе

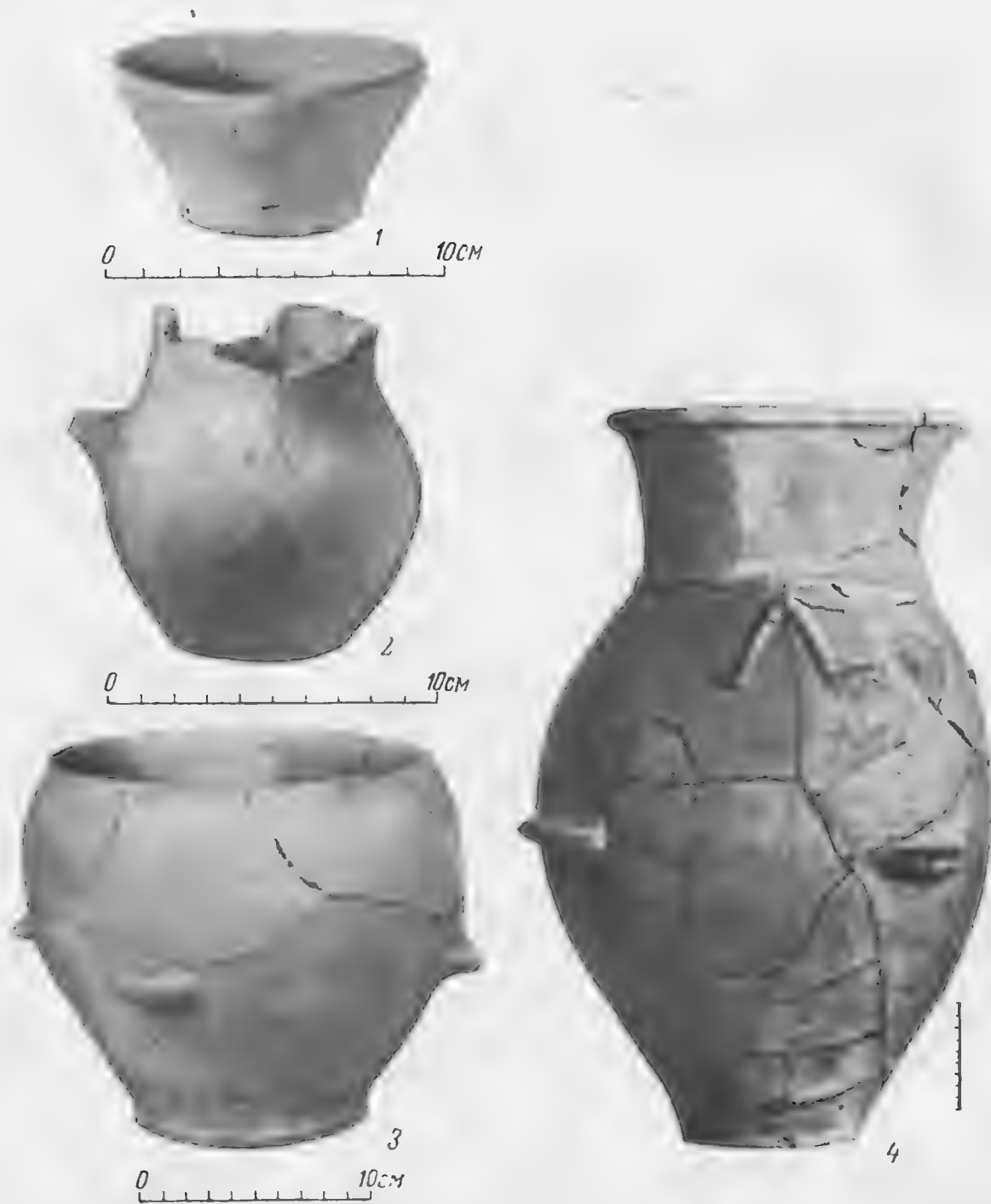

Рис. 31. Керамика с поселений IV—III вв. до н. э.

на сосудах встречается лишь один горизонтально расположенный валик; реже они орнаментированы плоскими круглыми налестками.

книзу стенками (рис. 31, 1). Довольно обычны полукруглые ручки-упоры или ручки-ушки на туловах мисок (рис. 30, 33).

Третьей формой местной посуды, быто-

Рис. 32. Обломки греческих амфор с поселения у с. Голерканы.

Большим количеством фрагментов представлены миски разных размеров с диаметром устья от 8—7 до 30 см и более. У большинства мисок — резко выраженный перегиб на тулове, как бы отграничивающий верхнюю часть миски со слегка загнутым внутрь краем от нижней (рис. 30, 23). Реже встречаются миски с плавно сближающимися

вавшей на городище, являются небольшие кувшины с более или менее высокой шейкой, округлым туловом и невысокой петельчатой ручкой (рис. 31, 2). Наряду с ними были в употреблении большие корчаги с высоким горлом и грушевидным туловом, которые напоминают существовавшие в VII—VI вв. до н. э. большие сосуды типа виллановы.

Часто у них имеются налестной рельефный орнамент на плечиках и полукруглые ручки-упоры в нижней части тулова⁷⁶. Встречаются фрагменты стенок больших сосудов с орнаментом в виде невысоких коротких валиков, иногда с концом в виде крючка (рис. 30, 30, 31).

Кроме местной лепной посуды, на всех поселениях и городищах IV—III вв. до н. э. встречено довольно много фрагментов античной посуды, преимущественно амфор, относящихся к IV—III вв. до н. э.⁷⁷ (рис. 32). На городище у с. Сахарна обнаружены еще отдельные фрагменты краснофигурной и чернолаковой керамики.

Помимо керамики, в культурных слоях Бутученского и Сахарнянского городищ найдены бронзовые наконечники стрел обычных скифских типов IV—III вв. до н. э. и обломки железных ножей с горбатой спинкой. У некоторых ножей сохранились костяные ручки, украшенные резным орнаментом в виде кружочков с точкой в центре. На городище у с. Бутучены обнаружены также кривой нож с витой ручкой и кольцом и железный топор. Железный теслообразный топор⁷⁸ и роговой псалий с 2 отверстиями (рис. 30, 21), близких аналогий которым мне до сих пор не удалось подобрать, найдены в верхнем слое поселения у с. Солончены; этот слой по керамике и бронзовому наконечнику стрелы относится к IV—III вв. до н. э.

Бронзовая фибула раннелатенского типа происходит с малого Сахарнянского городища (рис. 30, 22).

Могильники, одновременные городищам и поселениям IV—III вв. до н. э., пока не подвергались раскопкам на изучаемой территории. Но на юге Молдавии в 1954 г. при земляных работах случайно найдены несколько горшков с остатками трупосожжений. Сосуды-урны аналогичны горшкам, происходящим с поселений типа Бутученского и Выхватинского городищ. Однако никаких подробностей об этих погребениях не известно⁷⁹.

⁷⁶ Один из таких сосудов, найденный Г. Д. Смирновым при раскопках городища у с. Бутучены, издан в «Истории Молдавии», 1952, стр. 25, рис. 24. Фрагменты таких сосудов обнаружены на городище у с. Выхватинцы.

⁷⁷ Определения сделаны И. Б. Зеест.

⁷⁸ Хранится в лаборатории ИИМК.

⁷⁹ Переданы в Кишиневский историко-краеведческий музей; происходят из окрестностей с. Поланки Олонештского района.

На левом берегу Днестра, в степных районах Молдавии, около г. Тирасполя И. Я. и Л. С. Стемпковскими⁸⁰ было раскопано более 100 курганов небольшой высоты, под которыми обнаружены катакомбы с захоронениями покойников в вытянутом положении. По характеру погребальных сооружений, обряду и большинству сопровождавших вещей эти могилы как будто близки к скифским степным погребениям IV—III вв. до н. э. В правобережном Поднестровье такие погребения в катакомбах не известны. Очевидно, эти курганы представляли собой совершенно особую группу памятников, в целом отличавшуюся от местной культуры на территории в пределах молдавского течения Днестра.

Несмотря на то, что между памятниками VII—VI и IV—III вв. до н. э. имеется значительный хронологический разрыв, можно предполагать существование единой генетической линии развития в культуре местных племен лесостепной Молдавии в течение скифского периода. На это как будто указывает керамика. Посуда, богато украшенная резной и штампованной орнаментацией, исчезла на изучаемой территории, по всей вероятности, в то же время, что и на Украине, т. е. в середине или во второй половине VI в. до н. э. Кухонная керамика и миски изменились лишь незначительно. Новыми формами, появившимися лишь в IV—III вв. до н. э., были кувшинчики с небольшой ручкой и некрупные сосуды с узкой цилиндрической шейкой без выделенного венчика и с сильно выступающими плечиками.

Весь комплекс керамики IV—III вв. до н. э. имеет близкие аналогии только в одновременных памятниках Карпато-Дунайского района, которые считаются принадлежащими гетам⁸¹. На Украине подобные комплексы посуды не известны. Только отдельные миски, происходящие из городищ и поселений IV—III вв. до н. э. правобережной лесостепной Украины, близки к молдавским.

Что касается других вещественных находок, то, так же как и в VII—VI вв. до н. э.,

⁸⁰ И. В. Фабрицус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 16, 17, 20.

⁸¹ *Archeologia Hungarica*, XXV, Budapest, 1941, табл. VIII и IX. *Săpăturile de Salvare de la Murighiol. Studii și cercetări de istorie veche. Tomul VI*, 3—4, 1955, стр. 576, табл. II.

в IV—III вв. одни из металлических изделий были связаны по своему происхождению с Южной и Средней Европой (железный нож латенского типа с городища у с. Бутучены, бронзовая раннелатенская фибула с городища Малая Сахарна), другие — с Северным Причерноморьем (бронзовые наконечники стрел, железный нож с костяной ручкой, украшенной орнаментом в виде кружочков, вполне аналогичный ножам из «царских» курганов и других скифских памятников IV—III вв. до н. э.).

Проследить изменения в погребальном обряде, происходившие с течением времени, пока не представляется возможным. Очень небольшое количество исследованных погребений не позволяет сказать сколько-нибудь определенно, — существовал ли обряд трупосожжения с захоронением в урнах и грунтовых могильниках с VIII в. до IV—III вв. до н. э., или только в IV—III вв. до н. э. Этот обряд, оставленный в раннескифское время, возродился вновь.

Культура лесостепных районов Молдавии VII—III вв. до н. э., как показывают рассмотренные материалы, занимала особое место среди культур степных и лесостепных областей Сев. Причерноморья. По своему происхождению она, очевидно, восходит к местной культуре предшествующего периода, родственной культурам фракийского галштата Карпато-Дунайского района. В VII—VI вв. до н. э. она, по-видимому, оказала заметное влияние на культуры правобережной лесостепной Украины и, возможно, сама испытала воздействие со стороны последней. Однако и для этого периода достаточно ясно выступает своеобразие Молдавской группы памятников и близость их к памятникам Карпато-Дунайского района и, в первую очередь, Румынии.

В IV—III вв. до н. э. черты сходства с культурой правобережной лесостепной Украины почти совершенно исчезают и в то же время еще более очевидной становится общность с гетской культурой Дунайского бассейна и Прикарпатья.

Каковы были взаимоотношения местных племен с собственно скифами, — пока сказать трудно. Свидетельством того, что в IV—III вв. до н. э. могли существовать тесные и, скорее всего, мирные связи между скифами степи и племенами лесостепной Молдавии, как будто является наличие в типичных скифских ката-

комбах левобережного степного Поднестровья керамики, характерной для лесостепных племен Молдавии.

Основу хозяйства населения изучаемого района в VII—III вв. до н. э., как и в более раннее время, составляло, по-видимому, земледелие. Об этом говорят находки зернотерок и на ранних, и на более поздних поселениях и городищах. На стенках 2 сосудов, найденных на поселении у с. Солончены, были обнаружены отпечатки зерен ячменя⁸². Отпечатки половы и соломы имеются на глиняной обмазке.

Кости животных встречаются в культурном слое селищ и городищ лишь в небольшом количестве. Определению подвергались костные остатки, происходящие только с поселения у с. Солончены⁸³. Из 470 определимых костей 173 принадлежали крупному рогатому скоту, 93 — свинье, 83 — лошади, 72 — мелкому рогатому скоту и 25 — собаке. Охота, видимо, не имела сколько-нибудь серьезного значения в хозяйстве местного населения. На поселении у с. Солончены найдены только 24 кости диких животных. Из них 14 костей принадлежали благородному оленю и 10 — кабану.

О всех видах производственной деятельности древнего населения Молдавии судить пока невозможно. Лучше всего находками представлены керамическое производство и ткачество. Для VII—VI вв. до н. э. хорошо устанавливается существование косторезного дела. Остатков металлургии почти не найдено ни на ранних поселениях, ни на городищах. Только с городища Большая Сахарна происходит несколько кусков железного шлака, которые как будто свидетельствуют о существовании местной металлургии в IV—III вв. до н. э.

Трудно судить о степени развития обмена с соседними и более отдаленными племенами. По находкам античной керамики на городищах и поселениях IV—III вв. до н. э. устанавливается существование более или менее постоянных торговых связей с античными городами Северного или Западного Причерноморья.

Социальный строй племен, оставивших рассмотренные памятники, по-видимому, был

⁸² Определение сделано в лаборатории ИИМК А. В. Кирьяновым.

⁸³ Определение производил В. И. Цалкин.

близок к общественному строю других племен Северного Причерноморья раннего железного века. Это был первобытно-общинный строй на грани его разложения. Однако наши материалы еще недостаточны для того, чтобы

ков скифского времени (рис. 33) сложились на разных основах. Западноподольская группа тесно связана по происхождению с памятниками, близкими к чернолесским и белогрудовским, распространенными в правобереж-

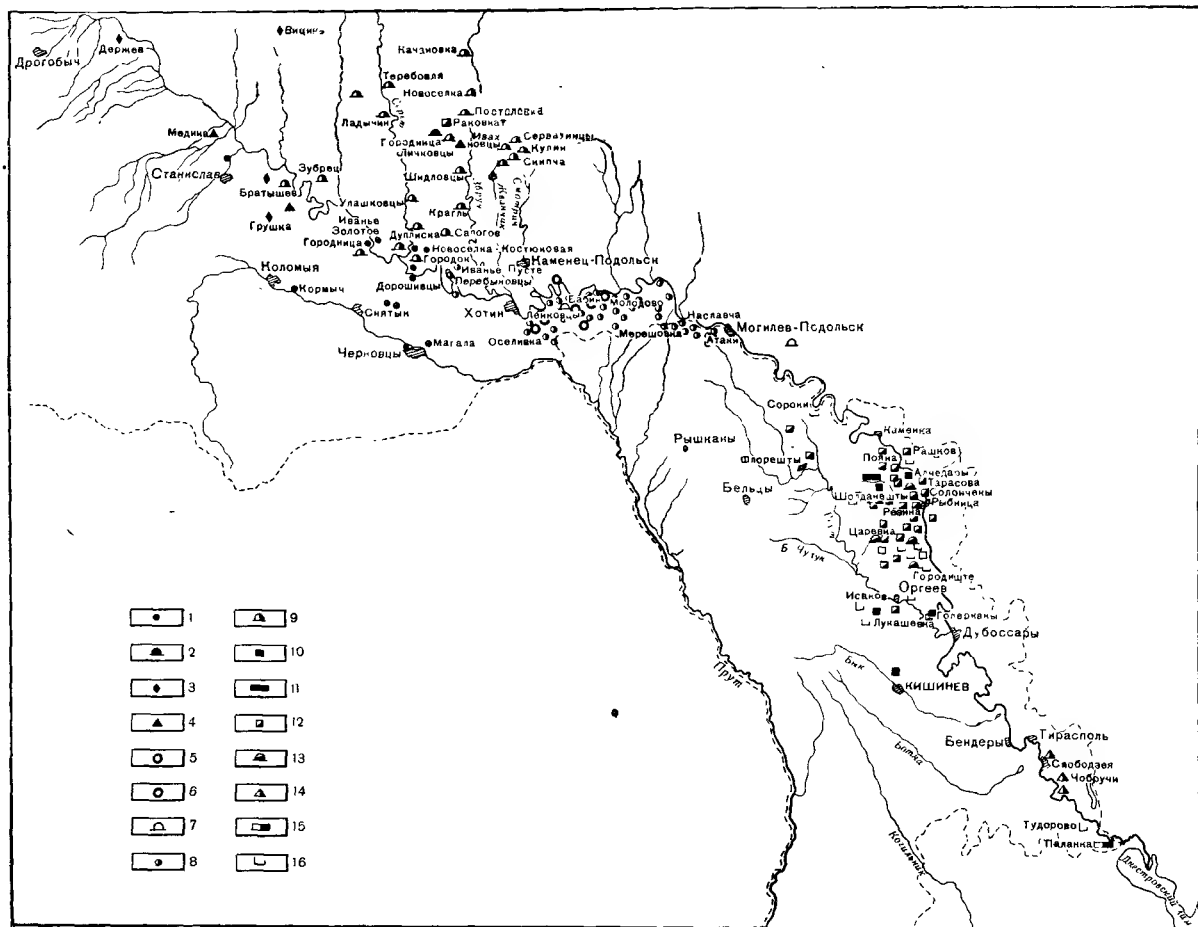

Рис. 33. Карта распространения памятников предскифского и скифского времени на территории лесостепного Среднего Поднестровья.

1 — поселения голиградского типа; 2 — погребения голиградской группы; 3 — клады голиградской группы; 4 — случайные находки голиградской группы; 5 — поселения белогрудовского типа; 6 — поселения чернолесского типа; 7 — курганы предскифского времени; 8 — поселения скифской эпохи; 9 — курганы скифской эпохи; 10 — поселения предскифского времени; 11 — могильники предскифского времени; 12 — поселения скифской эпохи; 13 — курганы скифской эпохи; 14 — скифские курганы, раскопанные И. Я. и Л. С. Стемпковскими; 15 — грунтовые могильники скифской эпохи; 16 — городища IV—III вв. до н. э. (1—9 — западноподольская группа; 10—16 — молдавская группа).

решить вопрос о степени имущественной и социальной дифференциации внутри местного населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящей работе западноподольская и молдавская группы памятни-

ном Среднем Приднепровье и, вероятно, в Побужье. Западная граница памятников белогрудовско-чернолесского типа намечается в настоящее время по линии р. Збруча и г. Черновца. Западнее, в современных Тернопольской, Станиславской областях и западных районах Черновицкой области в пред-

скифскую эпоху существовала другая культура, по металлическим изделиям, керамическому комплексу и, возможно, погребальному обряду отличавшаяся от белогрудовско-чернолесской. Происхождение памятников белогрудовского и следующего за ними чернолесского типов, по всей вероятности, связано с местной культурой эпохи бронзы.

Памятники второй, расположенной более к западу, так называемой голиградской группы предскифского периода, видимо, не имеют местных корней. Они близки к памятникам так называемого фракийского гальштата Подунавья и Прикарпатья. Появление их можно объяснять продвижением с юга небольшой группы фракийцев, вытеснивших или ассимилировавших часть местных племен. Близкое соседство населения, жившего к востоку от Збруча, с носителями культуры голиградского типа способствовало проникновению элементов более развитой фракийской культуры в культуру местного населения. Отдельные черты, заимствованные от фракийцев, ощущаются и в памятниках предскифского периода правобережного Среднего Приднепровья (главным образом в керамике); однако здесь они не получили столь широкого распространения, как в культуре восточных районов Среднего Поднестровья.

В следующий, скифский период, со второй половины VII в. до III в. до н. э. на всей территории бывшей Западной Подолии существовала весьма однородная культура, в которой наиболее отчетливо прослеживаются черты, связанные по происхождению с местной культурой предшествующего периода. Наряду с ними выступают особенности, характерные для пришлой фракийской группы, а также черты, появившиеся в Западной Подолии с территории распространения соседней выскоцкой культуры.

Преобладание в культуре населения бывшей Западной Подолии в скифское время элементов, восходящих к местной культуре предшествующего периода, на мой взгляд, свидетельствует о том, что фракийцы, появившиеся в северо-западной части Среднего Поднестровья в эпоху перехода от бронзы к железу, в дальнейшем были вытеснены племенами, соседствующими с востока, или как бы растворились в местной среде; лишь некоторые особенности их культуры сохранились в скифское время.

Будучи родственным по происхождению

племенам правобережного Среднего Приднепровья, население бывшей Западной Подолии отличалось от этих племен по своим историческим судьбам и культурным связям. Начиная с конца VII в.—начала VI в. до н. э., на культуру населения правобережного Среднего Приднепровья сильно воздействовали степные скифские племена. В Побужье и в Западной Подолии влияние скифов ощущалось меньше и приходилось только на VI в.—начало V в. до н. э. Позднее, когда в правобережном Среднем Приднепровье связи со скифским степным миром были особенно тесными и интенсивными, в Западную Подолию совершенно не проникали характерные для степной Скифии формы материальной культуры. Более того, ко второй половине V в.—началу IV в. до н. э. прекратились тесные взаимоотношения с соседними племенами Побужья и Среднего Приднепровья. Плохо прослеживаются для этого периода также связи с западными и юго-западными племенами. Однако свидетельством того, что такие связи существовали, являются находки в 2 курганах Западной Подолии так называемых кельтских сосудов, относящихся к III в. до н. э. Племена, жившие на территории Западной Подолии в VI—III вв. до н. э., отличались от населения лесостепного Приднепровья и Побужья еще и тем, что у них никогда не было тесного контакта с античными городами Северного Причерноморья. Лишь в VI в.—начале V в. до н. э. на эту территорию проникали бронзовые зеркала ольвийского производства. Античная керамика, представляющая обычную находку в курганах и на поселениях Среднего Приднепровья, здесь полностью отсутствует. Создается впечатление, что у населения рассматриваемых районов Среднего Поднестровья развитие местной культуры в скифский период происходило без скольких-нибудь сильных воздействий со стороны восточных соседей.

Рассмотренные в данной работе материалы показывают, что по своему экономическому и социальному развитию племена бывшей Западной Подолии несколько отставали от племен, населявших Среднее Приднепровье. Так, до сих пор мы не знаем, существовало ли у этих племен свое металлургическое производство. Отсутствие богатых курганов позволяет предполагать, что в среде местного населения имущественная и социальная диф-

ференциация не достигла еще того уровня развития, как у племен Среднего Приднепровья.

Молдавская группа памятников скифского периода связана по происхождению с местной культурой, в целом отличавшейся от культуры, представленной белогрудовско-чернолесскими памятниками правобережной лесостепной Украины. По погребальному обряду и керамике эта культура была близка к культуре Карпато-Дунайского района, с одной стороны, и к тесно связанным с ней памятникам голиградского типа в северо-западной части Среднего Поднестровья, — с другой. Однако, если в северо-западной части Среднего Поднестровья появление памятников голиградского типа можно объяснить продвижением фракийских племен с юга в северные районы, то на территории Молдавии близкие к ним памятники возникли, по всей вероятности, в результате развития местной культуры эпохи бронзы.

В VII—VI вв. до н. э. существовал тесный контакт между племенами, жившими на территории лесостепной Молдавии, в южных районах Подолии и в правобережном Среднем Приднепровье. Начало отношений между племенами этих районов восходит, очевидно, к более раннему времени, но в VII—VI вв. до н. э. эти связи были наиболее интенсивными. В результате тесных взаимоотношений населения лесостепной Молдавии и близких к ней районов припрутской Румынии, с одной стороны, с населением Южной Подолии и южных районов правобережного Среднего Приднепровья, — с другой, были распространены одинаковые приемы орнаментации столовой посуды и ряд вполне сходных форм керамики. Решить вопрос о том, где впервые появились широко распространенные формы лощеной посуды, украшенной богатым резным и штампованным узором, — пока не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что таким районом были современная лесостепная Молдавия.

Наряду с тем, что в культуре племен Молдавии VII—VI вв. до н. э. прослеживаются черты сходства с культурой населения южной окраины правобережной лесостепной Украины, ясно выступают и элементы, сближающие ее только с фракийской культурой Карпато-Дунайского района, а также свои местные особенности. Сколько-нибудь тесные связи с северо-западной частью Среднего

Поднестровья ни для VII—VI вв. до н. э., ни для более позднего времени не прослеживаются. Однако наблюдается некоторая общность в приемах строительства погребальных сооружений и в сохранении там и здесь в VII—VI вв. до н. э. древнего способа погребения покойников в скорченном положении; отдельные признаки сходства отмечаются и в керамике. Возникновение этих общих черт в культурах лесостепного Поднестровья относится еще к доскифскому периоду.

Памятники IV—III вв. до н. э., известные в лесостепной Молдавии, свидетельствуют о том, что к этому времени прервался контакт местного населения с племенами правобережной лесостепной Украины. Здесь полностью отсутствуют характерные формы лесостепной украинской керамики, так же как в памятниках Среднего Приднепровья, Побужья и Западной Подолии не встречено керамики, типичной для молдавской группы IV—III вв. до н. э. По-прежнему существовала большая близость местной культуры к фракийской культуре Карпато-Дунайского района. В IV—III вв. до н. э. были установлены регулярные взаимоотношения с античными городами Северного или Западного Причерноморья. К этому же периоду относится строительство городищ, не известных в более раннее время. Возникновение укрепленных поселений, по-видимому, было связано с возросшей военной опасностью со стороны степных скифских племен либо гетских племен Дунайского бассейна, военная активность которых, судя по письменным источникам, к этому времени возросла.

Элементы собственно скифской степной культуры пока очень плохо прослеживаются в культуре местных племен лесостепных районов Молдавии. Можно лишь предполагать, что здесь, так же как у племен Западной Подолии, культурное воздействие скифов сказалось только в появлении отдельных видов металлических изделий скифских типов и, прежде всего, оружия. Однако пока нельзя выяснить, насколько широко эти изделия употреблялись местным населением и даже какие формы оружия, кроме наконечников стрел, здесь имели применение. Ни в керамике, ни в украшениях не заметно скифского влияния. Однако на основании того, что в степной части левобережного Поднестровья известны погребения в типичных скифских

катакомбах IV—III вв. до н. э., можно предполагать, что, в отличие от населения Западной Подолии, племена лесостепной Молдавии, по крайней мере в IV—III вв. до н. э., должны были находиться в каких-то взаимоотношениях с собственно скифами, которые были их непосредственными соседями.

Таким образом, рассмотренные нами группы памятников Среднего Поднестровья, будучи резко отличными от памятников степных областей Северного Причерноморья, занимали различное положение по отношению к соседним группам лесостепных скифообразных культур Украины. Если западноподольскую группу памятников можно рассматривать как локальный, крайний западный вариант культуры правобережной лесостепной Украины, то молдавская группа памятников занимает особое место. По своему происхождению и при дальнейшем развитии культуры лесостепной Молдавии была близка к культурам, распространенным на территории Карпато-Дунайского района, и лишь в VII—VI вв. до н. э. была тесно связана с культурой правобережной лесостепной Украины.

Существенные различия, наблюдающиеся между культурами двух областей Среднего Поднестровья, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что рассмотренные группы памятников относились к различным по своей этнической принадлежности племенам. При этом племена Западной Подолии в основном были родственны населению правобережного Среднего Приднепровья, тогда как население лесостепной Молдавии было близким по своей этнической принадлежности к племенам Карпато-Дунайского района. Последних в исторической и лингвистической литературе принято считать относящимися к числу племен северофракийской этнической группы⁸⁴. Основываясь на том, что было сказано выше, очевидно, можно предполагать, что в целом население правобережной лесостепной Украины, в том числе и Западной Подолии, не могло принадлежать к той же этнической группе. Однако, принимая во внимание, что в период перехода от бронзы к железу в западные районы Среднего Поднестровья произошло вторжение небольшой части фракийцев-носителей культуры фракийского галь-

штата, можно предполагать, что и в скифский период фракийский элемент в какой-то степени здесь еще сохранялся, хотя и утратил свою этническую чистоту. Роль фракийцев, как показывают памятники материальной культуры, в среде местных племен Западной Подолии, по всей вероятности, была лишь незначительной. О каком-либо продвижении фракийцев в районы лесостепной Украины в скифский период говорить невозможно. Отдельные общие черты, наблюдающиеся в материальной культуре фракийцев и населения правобережной лесостепной Украины, могут объясняться существованием культурных взаимоотношений между теми и другими племенами.

Таким образом, рассмотренные в настоящей работе материалы как будто подтверждают правильность точки зрения А. И. Тереножкина в решении вопроса об этнической принадлежности населения правобережной лесостепной Украины и Молдавии. С исторически засвидетельствованными фракийцами на рассматриваемой нами территории можно связывать только носителей молдавской лесостепной культуры. Границы распространения последней на восток, за пределы правобережного Среднего Поднестровья пока не прослежены. На севере и северо-востоке границы проходила, по всей вероятности, в районе г. Могилева-Подольского и в Южной Подолии. На этой территории, судя по признакам, характерным для фракийской культуры, и особенностям, свойственным памятникам правобережной лесостепной Украины, могло существовать смешанное население.

Поскольку вопрос об этнической принадлежности населения правобережной лесостепной Украины может решаться только в двух плоскостях, т. е. были ли эти племена предками славян или фракийцами, а решение о фракийской принадлежности их отпадает,— по-видимому, население правобережного лесостепного Приднепровья и Западной Подолии следует относить к предкам славян.

Не менее сложным и спорным является вопрос о том, какие из названных Геродотом племен населяли изучаемые области. М. А. Артамонов считает, что западноподольская группа памятников принадлежала скифам-пахарям⁸⁵. Близкой точки зрения при-

⁸⁴ W. Tomaschek. Die alten Thraker, I. Wien, 1899, стр. 101.

⁸⁵ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. УЗ ЛГУ, серия истор. наук, вып. 13, 1949, стр. 129 и сл.

держиваются В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин. Однако если М. И. Артамонов ограничивает область скифов-пахарей только Западной Подолней и Побужьем, то В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин склонны расширять территорию этих племен за пределы Побужья вплоть до Днепра⁸⁶. П. Н. Третьяков помещает на территории Подолии невра⁸⁷. Последняя точка зрения нам кажется наиболее близкой к истине. Скифов-пахарей, очевидно, следует искать в более южных, степных районах Побужья, которые пока остаются не изученными.

Молдавская группа памятников, на мой взгляд, скорее всего, принадлежала агафирсам. Геродот локализует агафирсов главным образом на Мароше (современный Муреш)⁸⁸. Однако из изложения Геродота ясно также, что агафирсы занимали более значительную территорию, чем бассейн Муреша, и были непосредственными соседями скифов, с одной стороны, и невра, — с другой. «...А начиная от Истра, к северу по направлению в н у т р ь материка, Скифия граничит сперва с агафирсами, затем с неврами, далее с андрофагами и, наконец, с меланхленами»⁸⁹. Основываясь на последнем указании Геродота, некоторые исследователи расширяли границы агафирсов далеко за пределы Муреша и его притоков. Так, М. Вебер определял границы земли агафирсов от Подолии и Волыни на запад до долин Трансильвании⁹⁰. Щербаковский пытался доказать,

что агафирсы жили не только в Трансильвании, но и в Подолии и частично на Киевщине⁹¹. Он считал, что агафирсам принадлежали огромные городища, известные в Подолии и на Киевщине, и что они были построены во время обороны от скифов в период войны с Дарием. При этом Щербаковский полагал, что агафирсы были пришлым населением в Подолии и на Киевщине из областей Трансильвании. Совершенно очевидно, что такое расширение территории агафирсов противоречит указанию Геродота и расходится с данными археологии.

С другой стороны, нам кажется неправильным и господствующее в советской литературе представление о локализации агафирсов только в бассейне Муреша. На основании приведенной выше цитаты из Геродота представляется возможным расширить их территорию вплоть до лесостепных областей Молдавии. Это тем более вероятно, что только в указанном районе, в отличие от Подолии, Киевщины и степного Причерноморья, судя по памятникам материальной культуры, жили племена фракийской принадлежности, к которым большинство исследователей причисляет и агафирсов.

Следует заметить, однако, что рассмотренных в данной работе материалов пока недостаточно для того, чтобы окончательно решить сложные и дискуссионные вопросы об этнической принадлежности носителей рассмотренных групп культур и уточнить локализацию упомянутых Геродотом западных и северо-западных соседей скифов. Для этого необходимо провести еще очень большие полевые исследования в Поднестровье и Побужье, как в лесостепной, так и в степной их частях.

⁸⁶ В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будидах Геродота. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 28 и сл.; А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Доклады VI научной конференции Института археологии, АН УССР, Киев, 1953, стр. 149 и сл.

⁸⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 55.

⁸⁸ Геродот, IV, 49.

⁸⁹ Там же, IV, 100; ВДИ, 1947, № 2, стр. 277.

⁹⁰ М. Вебер. Всеобщая история, т. II, М., 1891, стр. 417.

⁹¹ Ščerbakivskyj. Zur Agathyrsenfrage. ESA, IX, 1939, стр. 209—213.

Н. Н. Погребова

ПОЗДНЕСКИФСКИЕ ГОРОДИЩА НА НИЖНЕМ ДНЭПРЕ (Городища Знаменское и Гавриловское)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НИЖНЕДНЕПРОВСКИХ ГОРОДИЩ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1952—1954 гг. автором настоящей работы проводились раскопки 2 городищ позднескифского времени в северной части Нижнего Приднепровья: Знаменского — в районе Каменки-Днепровской, на левом берегу Днепра, и Гавриловского, расположенного несколько южнее по левому берегу Днепра (рис. 1).

Поскольку оба эти городища входят в целую группу нижнеднепровских городищ позднескифского или сарматского времени (которые часто называют «городищами Гошкевича» — по имени первого их исследователя, а Б. Н. Граков, противопоставляя их Каменскому городищу, именует «малыми»), задачи исследования данных двух городищ стоят в неразрывной связи с проблемой всей этой группы городищ. Поэтому, приступая к публикации указанных двух городищ, я считаю необходимым вкратце остановиться на основных этапах изучения нижнеднепровских городищ в целом.

Нижнеднепровские городища позднескифского времени расположены по обоим берегам Днепра, в нижнем его течении, т. е. в самом сердце степной Скифии. Нижнее Приднепровье было исконной территорией обитания скифских племен. По Геродоту, Днепр (Борисфен) протекает в центре Скифии, деля ее на две равные половины¹. Согласно легенде, дочь Борисфена считалась прародительницей скифов².

Непосредственно на Борисфене Геродот поселяет племя скифов-земледельцев³, а где-то около них — скифов-кочевников⁴. Но нигде в своем обширном описании Геродот не упоминает никаких конкретных поселений скифов. По-видимому, Скифия времени Геродота и не имела никаких крупных поселений, которые могли бы остановить на себе внимание «отца истории». «Достопримечательностей», — говорит он, — страна эта не имеет, за исключением разве очень больших и многочисленных рек⁵.

Давая описание Нижнего Приднепровья через 400 лет с лишним после Геродота, Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.), оставивший нам ценные сведения о сокращении Скифии Геродота в это время до пределов Малой Скифии, куда входили Крым и Нижнее Приднепровье⁶, также не упоминает ни о каких поселениях днепровской Скифии за исключением Ольвии.

Однако в географическом руководстве Птолемея, относящемся к первой половине II в. н. э., но опирающемся на более ранние источники, по р. Борисфену упоминается целый ряд городов, с нанесением их на градусную сетку и указанием их географических координат. Поскольку эти координаты установлены Птолемеем на основании исчисления

³ Геродот, IV, 18.

⁴ Там же, 19.

⁵ Там же, 82.

⁶ Страбон. География, VII, 4, 5.

¹ Геродот, IV, 101.

² Там же, 5.

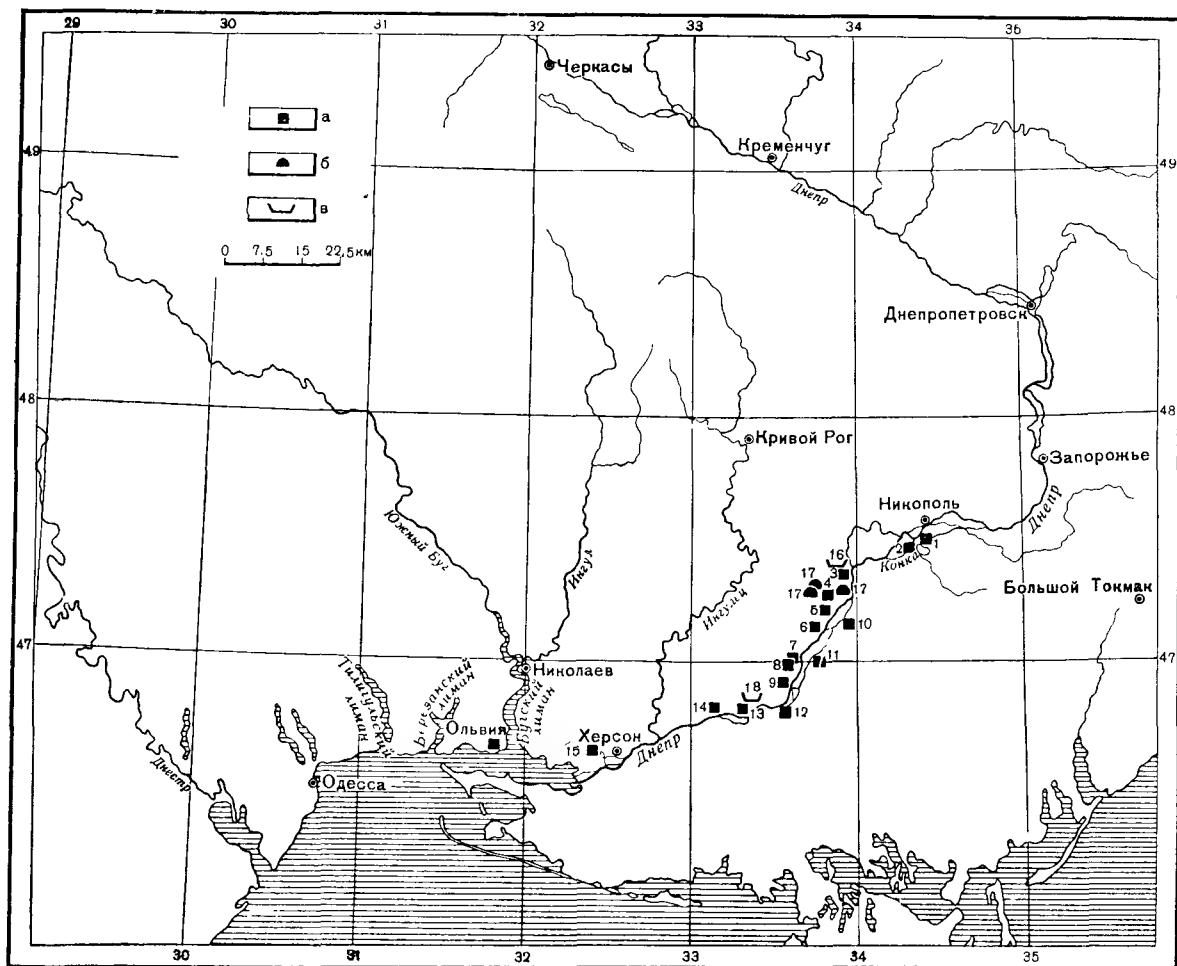

Рис. 1. Карта городищ поздиеスキфского времени на нижнем Днепре.

1 — Каменское (IV — III вв. до н. э.); 2 — Знаменское; 3 — Золотобалковское; 4 — Гавриловское; 5 — Гановское; 6 — Саблуковское; 7 — Консуловское; 8 — Бизюково; 9 — Старошведское; 10 — Большелепетихинское; 11 — Горностаевское; 12 — Любимовское; 13 — Козацкое; 14 — Понятовское; 15 — Белозерское (IV — III вв. до н. э.); 16 — Золотобалковский могильник; 17 — курганы близ Гавриловского городища; 18 — Козацкий могильник; а — городище; б — курганная группа; в — грунтовой могильник.

линейных расстояний, указанных в различных дорожных справочниках, от немногих астрономически определенных пунктов, — точность их довольно приближительна; однако с порядком расположения городов, перечисляемых им с севера на юг, нельзя не считаться.

Вот эти города:

	Долгота	Широта
Азагарин	56°	50°40'
Амадока	56°	50°30'
Сарон	56°	50°15'
Серимон	57°	50°

Метрополис	56°30'	49°30'
Ольвия или Борисфен	57°	49°

По рукаву р. Борисфена (Ингулец?) указаны следующие города:

	Долгота	Широта
Лени город	54°	50°15'
Сарбакон	55°	50°
Ниоссон	56°	49°40'

К сожалению, никакого описания этих городов и их обитателей Птолемей не приводит.

После присоединения степей Северного Причерноморья к России в конце XVIII в. памятники прошлого этого края стали предметом оживленного изучения русскими учеными. В середине XIX в. появился ряд сочинений историко-географического характера, в которых делались попытки согласовать и отождествить свидетельства античных авторов с теми или иными памятниками древности Новороссии. В частности, внимание исследователей привлекли остатки городищ с развалинами каменных стен на высоких кручах коренных берегов Днепра, невольно вызывавшие в памяти свидетельства Птолемея о городах на Борисфене. А. С. Уваров, Ф. И. Брун, Ю. А. Кулаковский, Ф. К. Браун один за другим предлагали свои толкования карты Птолемея, размещая его города выше или ниже по Днепру и его притокам. Наиболее серьезной и научно обоснованной нужно считать попытку истолкования Птолемея, предложенную Ф. К. Брауном⁷. Вычислив математически, скольким стадиям равен 1° долготы у Птолемея на разных широтах, Ф. К. Браун высчитывает расстояние между городами, указанными Птолемеем, начиная от Ольвии и вверх по Днепру, и таким образом пытается определить их местоположение на современной карте. Все города Птолемея укладываются у него на пространстве между Ольвией и порогами. Самый северный из них — Азагариион — он отождествляет с поселением на Каменских кучугурах, а птолемеевскую Амадоку — с городищем в с. Большая Знаменка, ныне публикуемым мною и входящим в комплекс Каменского городища.

Когда — уже в советский период — карта Птолемея снова привлекла к себе внимание наших ученых, именно толкование Ф. К. Брауна встретило наибольшее признание. В частности, возможность отождествления птолемеевской Амадоки с Каменским городищем выдвигали также Б. Н. Граков⁸ и А. Д. Удадьцов⁹.

На иранский характер названий птолемеевских городов обратил внимание В. И. Абав, который название Амадоки выводит из иранских корней ата-адока — буквально

«сыроеды», «едящие сырое», а название другого птолемеевского города — Сарона связывает с иранским сага — «голова»¹⁰. В то же время румынский исследователь В. Пырван усматривает в названии Сарона корни гетомизийского (фракийского) языка — сага и сагна¹¹.

Археологическое исследование данной группы городищ в дореволюционный период только начиналось. В сочинениях ряда путешественников XVI—XIX вв. встречается главным образом лишь упоминание тех или иных городищ, которые можно сопоставить с сохранившимися до нашего времени. Суммарное описание 17 городищ сделал, по поручению Одесского общества истории и древностей, А. П. Чирков¹², объединивший в одно целое разнохарактерные и разновременные городища на Днепре и его лимане. Более поздняя сводка В. Я. Ястребова¹³ носит чисто справочный характер и притом ограничена пределами тогдашней Херсонской губернии. Настоящее археологическое исследование интересующей нас группы городищ по существу начинается с В. И. Гошкевича, основателя Херсонского историко-археологического музея и выдающегося исследователя древностей Херсонского края. Результаты разведки 13 городищ по нижнему Днепру опубликованы В. И. Гошкевичем в его статье «Древние городища по берегам низового Днепра»¹⁴ с кратким описанием каждого городища, планами их и обобщающим резюме в конце статьи. Из публикуемых мной ниже городищ в сводку В. И. Гошкевича, так же как и А. П. Чиркова, вошло лишь Гавриловское. Знаменское им и не упоминается.

Стационарные раскопки нижнеднепровских городищ в дореволюционный период проводились лишь в очень ограниченном раз-
мере. Так, на Белозерском городище вел небольшие раскопки Г. Л. Скадовский¹⁵, на

¹⁰ В. И. Абав. Осетинский язык и фольклор, I. М. — Л., 1949, стр. 152, 153.

¹¹ V. Părgan. Gethica. Academia Romana. Memoriile secțiunii istorice, seria III, tomul III, mem. 2. București, 1926, стр. 246.

¹² А. П. Чирков. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману. ЗООИД, т. VI, 1867.

¹³ В. Ястребов. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. ЗООИД, т. XVII, 1894.

¹⁴ ИАК, вып. 47, 1913 (то же в Летописи Херсонского музея, вып. 3, Херсон, 1913).

¹⁵ Г. Л. Скадовский. Белозерское городище

⁷ Ф. К. Браун. Розыскания в области гото-славянских отношений, т. I. СПб., 1899.

⁸ Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция. СИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 73.

⁹ А. Д. Удадьцов. Племена европейской Саратии. СЭ, 1946, № 2, стр. 44.

Козацком — В. И. Гошкевич¹⁶ и немецкий археолог М. Эберт¹⁷. Больше посчастливилось погребальным памятникам. В окрестностях Белозерского городища Г. Л. Скадовский раскопал 52 кургана, в которых оказался ряд погребений скифского времени¹⁸, а М. Эберт вскрыл 16 погребений близ Козацкого городища¹⁹.

Как А. П. Чирков, так и В. И. Гошкевич, а также П. Бурачков²⁰ рассматривали нижнеднепровские городища, отнесенные В. И. Гошкевичем к эллинистическо-римской эпохе, как греческие поселения, основанные Ольвией для торговли с туземным населением. Однако Г. Л. Скадовский и М. И. Ростовцев²¹ допускали полугреческий характер населения этих городов. Что касается могильника близ Козацкого городища, датированного в основном III—IV вв. н. э., то М. Эберт, как и другие немецкие ученые, считал его германским и на этом основании говорил о сильном внедрении германского элемента в среду местного негреческого населения нижнеднепровских городищ²².

Значительно усилилось исследование нижнеднепровских городищ в советский период. В первые же годы после революции работники Херсонского музея (А. В. Добровольский, И. В. Фабрициус, Г. П. Крысин, А. А. Тахтай, М. М. Дмитренко и др.) продолжали систематическое обследование и небольшие раскопки городищ и поселений на нижнем Днепре и Ингульце от Днепровского лимана до Каховки. В 1938 г. И. В. Фабрициус обследовала Гавриловское городище. С того же года начались многолетние работы Б. Н. Гракова на Каменском городище.

Большого размаха достигло изучение нижнеднепровских городищ в связи со стро-

ительством Каховского гидроузла, в зоне предполагаемого затопления. В порядке этих работ были осуществлены многолетние исследования поселения у Золотой Балки (А. В. Добровольский, М. И. Вязьмитина), Каменского городища (Б. Н. Граков и П. Д. Либеров) и его акрополя (Б. Н. Граков, Н. Н. Погребова и Н. Г. Елагина), Гавриловского (К. А. Бредэ и Р. И. Ветштейн — в 1951 г., Н. Н. Погребова в 1952—1954 гг.) и Любимовского (Л. Д. Дмитров) городищ²³. Публикации этих работ подготовляются авторами.

В результате исследований советских археологов накоплен новый, значительный материал по нижнеднепровским городищам, который позволил по-новому осмыслить и интерпретировать их культуру.

Некоторые украинские археологи, в особенности в первое время после революции, продолжали рассматривать эти городища как греко-римские поселения. Так, И. В. Фабрициус считала Любимовское городище римским военным поселением²⁴. А. В. Добровольский писал о Роксандровском городище как о торговой фактории Ольвии в гуще местного земледельческого населения²⁵. В. И. Равдоникас и Д. П. Каллистов допускали наличие на городищах смешанного эллино-скифского населения²⁶. По-иному поставил вопрос М. И. Артамонов, который еще в 1948 г. писал, что «весь характер приднепров-

²³ См. А. В. Добровольский. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. КСИА, вып. 1, 1952; его же. Золотобалковское поселение. КСИА, вып. 2, 1953, и вып. 4, 1955; Н. Н. Погребова. Работы скифской степной экспедиции на нижнем Днепре. КСИА, вып. 4, 1955; Л. Д. Дмитров. Раскопки Любимовского городища КСИА, вып. 4, 1955. М. И. Вязьмитина и А. И. Фурманская. Раскопки поселения у с. Золотая Балка в 1953 и 1954 гг. КСИА, вып. 5, 1955; М. И. Вязьмитина. Поселение у с. Золотая Балка «Археология», вып. XI, 1957; Н. Н. Погребова. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городища. КСИА, вып. 7, 1957.

²⁴ И. В. Фабрициус. Летопись Херсонского музея, вып. 8 (за 1917—1927 гг.). Херсон, 1927, стр. 13.

²⁵ А. В. Добровольский. Земледельческое поселение первых веков н. э. на р. Ингульце. «Археология», III, Київ, 1950, стр. 175, 176.

²⁶ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема. ИГАИМК, т. XII, Готский сборник, вып. 1—8, 1932, стр. 70—77; Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 171—172.

Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингулец и началом Днепровского лимана. Труды VIII АС в Москве 1890 г., т. III. М., 1897, стр. 75 сл.

¹⁶ В. И. Гошкевич. Ук. соч.

¹⁷ М. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr, Gouv. Cherson. «Prähistorische Zeitschrift», 1913, Н. 1/2, стр. 80 сл.

¹⁸ Г. Л. Скадовский. Ук. соч.

¹⁹ М. Ebert. Ук. соч.

²⁰ П. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, т. IX, 1879, стр. 96, 97.

²¹ М. I. Rostowtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 65.

²² Reallexikon der Vorgeschichte, hrg. von M. Ebert, Bd. XIII, Berlin, 1929, стр. 112.

ских городищ и находящихся возле них могильников указывает на их принадлежность не грекам, а местному скифскому населению. Об этом свидетельствуют преобладание среди керамического материала сосудов туземных форм и техники, обряд и инвентарь погребений, наконец, самый тип городищ, близко сходный с городищами того же времени лесостепной полосы и, в частности, низовьев Дона»²⁷. Причины же возникновения этих городищ, как и крымских, М. И. Артамонов объясняет оседанием кочевых племен скифов на землю²⁸.

Новый материал для решения вопроса о населении птолемеевских городов дали археологические и литературные исследования Б. Н. Гракова. Еще в 1947 г. Б. Н. Граков на основании изучения литературных и эпиграфических источников пришел к убеждению, что скифы продолжали жить на нижнем Днепре еще в эпоху Малой Скифии Страбона «как самостоятельное этническое целое среди сарматских племен»²⁹ вплоть до II—III в. н. э. В результате археологического изучения Каменского городища, являвшегося политическим и экономическим центром степной Скифии IV—III вв. до н. э., Б. Н. Граков установил, что городище на окраине с. Большая Знаменка входит в единый комплекс Каменского городища как акрополь последнего и что после того, как на рубеже III—II вв. до н. э. жизнь на большей части Каменского городища прекратилась, небольшое поселение на акрополе продолжало существовать вплоть до II—III вв. н. э. Одновременно «вместо одного большого города вниз по Днепру возникает десятка полтора-два таких же, как акрополь, небольших городков, или даже меньших, чем он, по большей части описанных Чирковым и Гошкевичем. Много их возникает в это время и в Крыму, и по Ингульцу, и вверх по Южному Бугу»³⁰.

Таким образом, в группу «малых» нижнеднепровских городищ было введено еще одно городище — Знаменское или Каменский акрополь.

Знакомство с материалом «малых» горо-

дищ позволило Б. Н. Гракову сделать еще один важный вывод о непрерывности культурной традиции между скифской культурой Каменского городища (конец V в.—III в. до н. э.) и культурой «малых» городищ (II в. до н. э. — II в. н. э.). Эту непрерывность он прослеживает по лепной керамике «малых» городищ, представляющей дальнейшее развитие каменных форм; по типу многокомнатных жилищ Козацкого городища, которые, по мнению Б. Н. Гракова, продолжают тенденции, заложенные в деревянных жилищах Каменского городища, и, что особенно важно, по погребальному обряду в некрополе Козацкого городища, продолжающему традиции скифского погребального обряда. Появление в культуре позднего акрополя чуждой для скифской керамики лепной лощеной посуды, близкой к типам керамики зарубинецкой культуры, Б. Н. Граков объясняет связями с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья, но допускает и влияние «с запада из районов, лежащих за Бугом»³¹, подробно этой темы не развивая. Появление в эпоху «малых» городищ на нижнем Днепре гончарной лощеной керамики черняховского типа Б. Н. Граков связывает с распространением черняховской культуры и на основании появления в III в. н. э. также черняховского погребального обряда делает предположение о постепенной славянизации Нижнего Приднепровья³².

Население нижнеднепровских городищ, — во всяком случае некоторых из них (Каменского, Белозерского, Большелепетихинского) — Б. Н. Граков считает не осевшими на землю скифами-кочевниками, как М. И. Артамонов, а скифскими земледельческими племенами³³, которые, согласно предложенному Б. Н. Граковым толкованию Геродота, жили на Днепре попеременно с кочевыми племенами³⁴.

Таким образом, хотя монография Б. Н. Гракова посвящена в основном культуре Скифии IV—III вв. до н. э., в ней намечаются основные черты характеристики культуры позднескифского времени на нижнем Днепре, которая для того же времени в Крыму была освещена работами П. Н. Шульца, начавшего раскопки политического и культур-

²⁷ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛУ, № 8, 1948, стр. 58.

²⁸ Там же, стр. 65.

²⁹ Б. Н. Граков. Термин *Σκίθων* и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 86.

³⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 57.

³¹ Там же, стр. 174.

³² Там же, стр. 175.

³³ Там же, стр. 169, 170.

³⁴ Там же, стр. 169.

ного центра позднего царства скифов в Крыму — Неаполя скифского. Раскопки Б. Н. Гракова и П. Н. Шульца всколыхнули внимание советской научной общественности к этому, до сего времени почти совершенно не изученному, периоду скифской истории.

За последнее время нижнеднепровскими городищами занималась Н. Г. Елагина, защитившая в 1953 г. кандидатскую диссертацию на тему «Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э.», в которой дана общая характеристика «малых» городищ по литературным и архивным данным с учетом материала раскопок на новостройках в 1951–1952 гг. Н. Г. Елагина пришла к тому же выводу, что и Б. Н. Граков, относительно генетической связи между культурой и этносом Скифии IV—III вв. и населением «малых» городищ, подкрепив свои соображения анализом письменных источников и рассмотрением нового археологического материала. Однако в населении «малых» городищ Н. Г. Елагина видит в основном скифов-кочевников, осевших на землю во II—I вв. до н. э.³⁵ Новые черты в керамике «малых» городищ Н. Г. Елагина объясняет влиянием соседних культур — раннеславянской зарубинецкой, с одной стороны, и сарматской, — с другой.

Н. Г. Елагина рассматривает Нижнее Приднепровье как северную и в достаточной

степени автономную окраину скифского царства, более отсталую и менее эллинизированную, чем Крым эпохи Скифура. В хозяйственном отношении Н. Г. Елагина подчеркивает сходство с бытовым укладом населения Бугского лимана IV—III вв. до н. э.; с его племенами, по ее мнению, у населения Нижнего Приднепровья существовала преемственная связь. Прекращение существования позднескифских городищ Н. Г. Елагина относит в основном ко II в. н. э., «что связано с окончательным упадком торговли и дальнейшим усилением сарматского наплыва в Европу»³⁶.

После диссертации Н. Г. Елагиной накопился уже дополнительный материал, позволяющий пересмотреть и подтвердить или отвергнуть те основные положения об этносе, характере культуры, хозяйственном быте и связях с соседними культурами нижнеднепровских городищ позднескифского (сарматского) времени, которые были высказаны исследователями, занимавшимися этими вопросами. Приступая к изданию только тех двух городищ, которые раскапывались мной непосредственно, — Знаменского и Гавриловского, я ставлю своей задачей опубликовать тот новый материал, который был добыт раскопками на исследовавшихся мною городищах и который позволит ближе подойти к решению основных проблем, связанных со всей группой нижнеднепровских городищ позднескифского времени.

³⁵ Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э. Автореферат канд. диссертации. М., 1953, стр. 12.

³⁶ Там же, стр. 15.

Глава I

ЗНАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ (КАМЕНСКИЙ АКРОПОЛЬ)

История исследования Знаменского городища на окраине с. Большая Знаменка (Каменского-Днепровского района Запорожской области) на р. Конке с исчерпывающей полнотой изложена в труде Б. Н. Гракова¹. Как уже говорилось выше, Б. Н. Гракову удалось показать, что Знаменское и Каменское городища представляют единый комплекс и что Знаменское городище является внутренней крепостью, акрополем городища

Каменского. Б. Н. Граков выдвинул также положение, что с рубежа III и II вв. до н. э. Каменское городище сократилось до размеров акрополя, на котором поселение продолжало еще существовать в течение II в. до н. э. — II в. н. э. в виде одного из «малых» городищ, возникших в последние века до нашей эры на берегах Днепра в нижнем его течении².

Когда в 1952 г. Скифская степная экспедиция под общим руководством Б. Н. Гра-

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954. В настоящее время р. Конка поглощена Каховским морем.

² Там же, стр. 59, 173.

кова приступила к продолжению работ на акрополе, то по тем данным, которые были в нашем распоряжении, казалось, что позднее поселение на Каменском акрополе отличается от остальных «малых» городищ прежде всего отсутствием каменных укреплений, столь характерных для последних. Кроме того, каменное домостроительство, засвидетельствованное на «малых» городищах, на Каменском акрополе только предполагалось по незначительным намекам³.

Задачей раскопок было расширение наших знаний о позднем поселении на Каменском акрополе и дальнейшее уточнение характерных черт его культуры в сравнении с культурой Каменных кучугур, с одной стороны, и культурой «малых» городищ,—с другой.

Работы под непосредственным руководством автора велись на акрополе в 1952 и 1953 гг.⁴

1. СЛЕДЫ КУЛЬТУРЫ ДОСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

На территории самого Каменского акрополя никакого культурного слоя более древнего времени, чем скифское городище, не обнаружено. Однако в остальной части Каменского городища, за пределами земляного вала акрополя, в разных местах зарегистрированы находки эпохи бронзы, а на правом берегу Белозерского лимана О. А. Кривцовой-Граковой раскопано селище непосредственно предскифской эпохи⁵. Поэтому не удивительно, что и на Знаменском городище в культурном слое скифского времени попадаются отдельные, хотя и очень немногие

вещи эпохи поздней бронзы. Таковы фрагмент кремневого наконечника дротика из раскопок 1954 г., а также каменный полированный молот (из зольника раскопа I 1952 г., № 1091), из лабрадорита, со стесанными гранями и сколами; по-видимому, в скифское время его пытались вторично использовать и приспособить для своих нужд. Оба орудия найдены в перемешанном слое.

К той же эпохе нужно отнести фрагменты лепной керамики из культурного слоя Знаменского могильника с характерной заглаженностью поверхности.

2. ТОПОГРАФИЯ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Проведенное Б. Н. Граковым обследование Знаменского городища показало, что оно занимает площадь в 32,5 га над поймой р. Конки и обнесено земляным валом, усиленным по гребню стеной из сырцового кирпича и сухим рвом перед валом (рис. 2).

В то же время на старом плане Знаменского городища, снятом в середине XIX в. Н. Вертильяком, внутри городища над поймой Конки отмечены еще 2 укрепления прямоугольной формы, из которых одно входит в другое. Большой прямоугольник, согласно плану, представляет собой вал и ров, причем ров обозначен с внутренней стороны вала (!). Меньший прямоугольник, примыкающий своей нижней стороной к большому, обозначен на плане, как «ров, выложенный камнем»⁶. На плане Падальки 1891 г. тоже имеются 2 прямоугольных укрепления, но внешнее из них, по-видимому, соответствует, земляному валу. Малый же прямоугольник обозначен как «внутренний окоп в городке»⁷.

При обследовании мной и В. Ф. Пешановым городища в 1952 г. в южной половине его прибрежной части был замечен отчетливо выделявшийся тогда невысокий гребень шириной около 10 м, располагавшийся в виде прямоугольника таким образом, что его длинная восточная сторона тянулась параллельно береговому обрыву, а короткие северная и южная стороны упирались в последний. Поверхность гребня была покрыта мелким камнем и щебнем, а местами валялись и крупные плиты, извлеченные из разведыва-

³ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 63, 64.

⁴ В работах участвовали научные сотрудники ИИМК А. И. Мелюкова, В. П. Петрова и аспирантка Н. Г. Елагина, а также студенты Московского государственного университета и Московского областного педагогического института. В 1954 г. работы продолжала Н. Г. Елагина в составе Каменской скифской степной экспедиции Московского государственного университета под общим руководством Б. Н. Гракова. Н. Г. Елагина любезно предоставила результаты своих раскопок в мое распоряжение. Большую помощь во время охранных раскопок в апреле 1952 г. оказал мне научный сотрудник Запорожского музея В. Ф. Пешанов.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949; Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 40—42.

⁶ Б. Н. Граков. Там же, рис. 3.

⁷ Там же, рис. 4.

Рис. 3. Знаменское городище.

1 — развал стены малого акрополя (раскоп XVI); 2 — остатки оборонительной стены малого акрополя (раскоп XIX); 3 — кладка восточной стены каменного здания на раскопе Ia; 4 — вымостка черняховского времени на раскопе XIII; 5 — два строятельных горизонта в эллинистическом слое малого акрополя.

второго пояса состоял из очень крупных необработанных камней длиной до 1 м (ширина этого панциря — от 0,3 до 0,75 м). Камни панцирей уложены то длинной, то торцовой стороной кнаружи таким образом, что лицевая сторона представляет ровную линию, а со

выступов установить не удалось из-за плохой сохранности кладки.

На раскопе XIX сохранились *in situ* остатки кладки только внутреннего панциря первого пояса, шириной до 0,7 м, но на расстоянии 1,6 м от него в сторону рва просле-

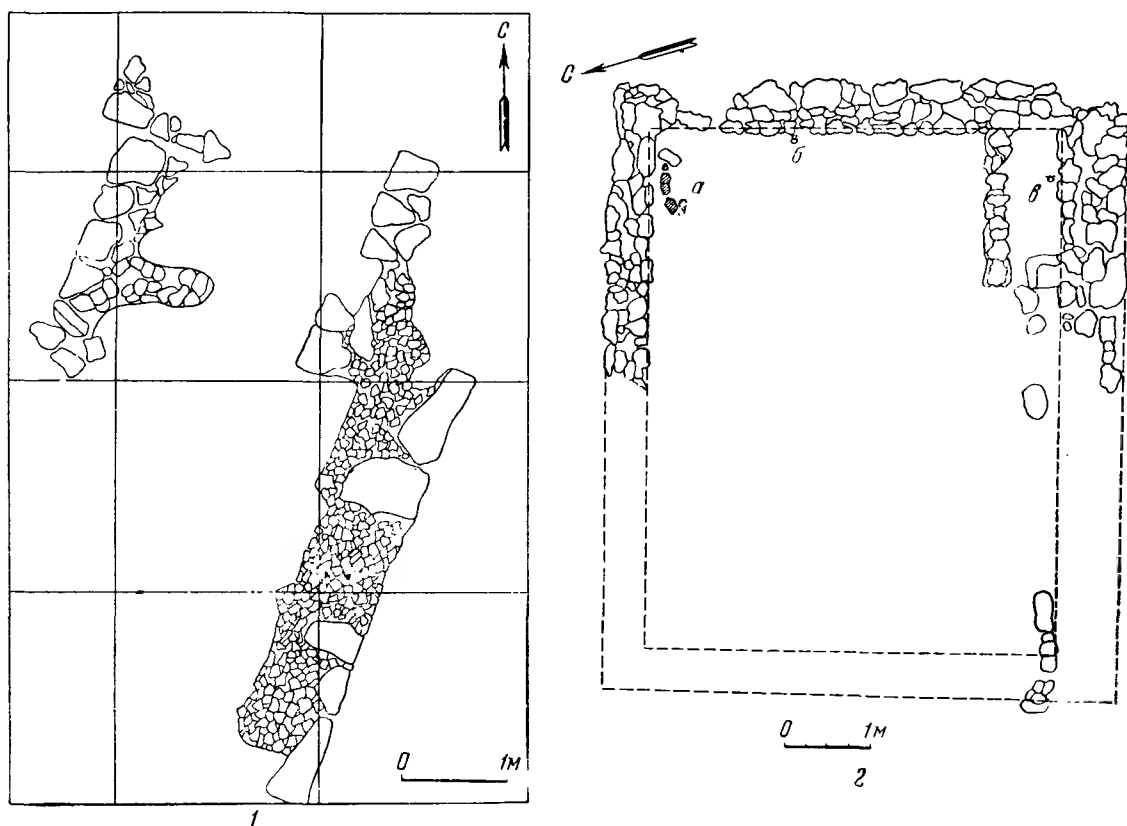

Рис. 4. Знаменское городище.

1 — деталь кладки стены малого акрополя (раскоп VIII); а — первый пояс стены, б — второй пояс стены; 2 — план каменного здания на раскопе Ia (а — жаровня; б — корчага; в — горшок).

стороны забутовки очертания крайне рваные. Следы плотной глины на верхней поверхности панцирных камней, замеченные на раскопе XIX⁸, указывают на то, что кладка стены скреплялась глиной. Линия внутреннего панциря первого пояса имела, по-видимому, зубчатые очертания, как показывают небольшие выступы внутрь крепости на 0,25—0,3 м от основной линии стены, прослеженные на раскопах VIII (рис. 4, 1) и XIX⁹. Ширину этих

жена полоса плотной лёссовой утрамбовки шириной около 0,8 м и толщиной 0,14—0,18 м¹⁰ (рис. 3, 2); эта полоса представляла собой, видимо, основу, на которой покоился не сохранившийся до наших дней наружный панцирь этого пояса, ширина которого, таким образом, как и на раскопе VIII, составляет около 3 м.

Между внутренним панцирем и лёссовой утрамбовкой вскрыт небольшой участок вымостки из 5 крупных плоских камней, кото-

⁸ Н. Г. Елагина. Отчет о работах Каменской скифской степной экспедиции в 1954 г. Архив ИА, д. № 2261, стр. 3.

⁹ Н. Г. Елагина. Ук. соч., рис. 1.

¹⁰ Там же, стр. 4.

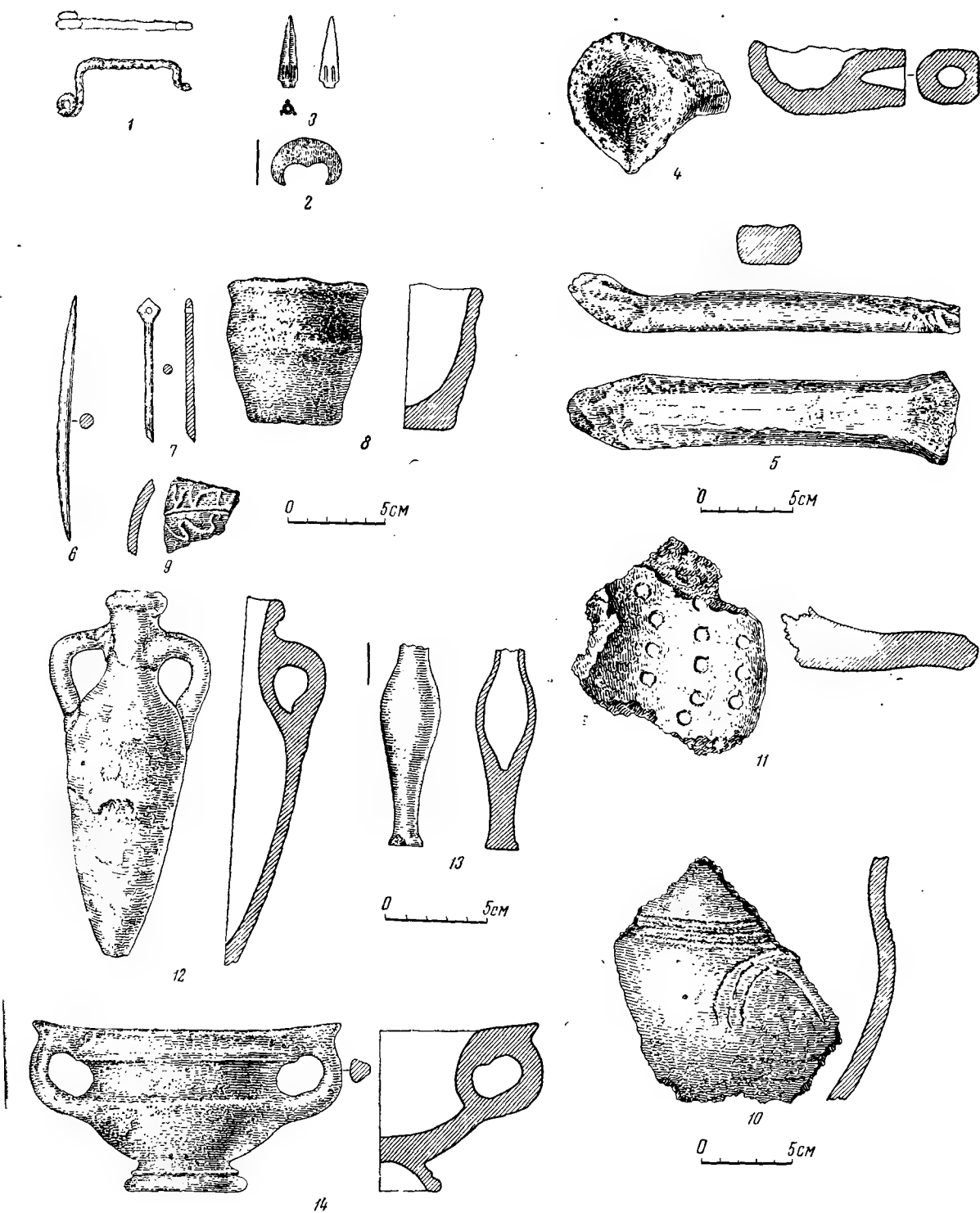

Рис. 5. Знаменское городище. Разные предметы из находок Н. Г. Елагиной, 1954 г.

1 — бронзовая фибула; 2 — бронзовое украшение; 3 — бронзовый наконечник стрелы; 4 — глиняная льячка; 5 — костяные коньки; 6, 7 — костяные орудия; 8—11 — лепная нелощеная керамика; 12, 13 — гончарные красноглиняные сосуды; 14 — чернолаковый кафар.

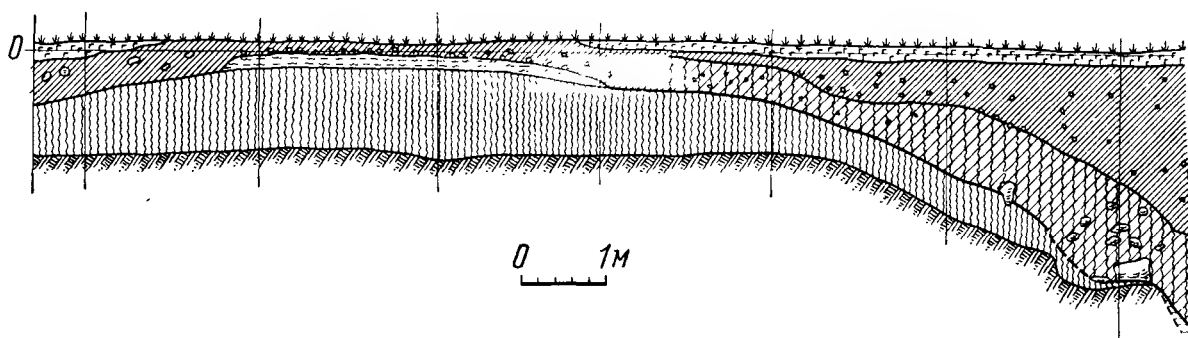

Рис. 6. Знаменское городище. Разрез стены и

1 — гумус; 2 — культурный слой; 3 — лёсс насыпной; 4 — глина; 5 — суглинок; 6 — зола

рый указывает на то, что пространство под забутовкой было вымощено (?). Второй пояс на данном участке стены не обнаружен, однако лёссовая субструкция под стеной прослежена не только под основным поясом, но и дальше в сторону рва на расстоянии около 4 м. Нужно думать, что второй пояс здесь полностью выбран. Никаких данных о хронологическом разрыве между сооружением обоих поясов мы не имеем. По-видимому, они были построены если не одновременно, то почти одновременно.

На других раскопах сохранившихся участков кладки стены не обнаружено. Везде на месте стены мы нашли сплошной развал камней, в основном необработанных, но встречались также подтесанные квадраты и плоские плиты длиной до 1 м. Большинство панцирных камней оказалось во рву, на его внутреннем склоне или на дне; массу же развала составлял мелкий бут, залегающий полосой, ширина которой составляла от 2 до 7 м, а толщина — 2—3—4 ряда камней.

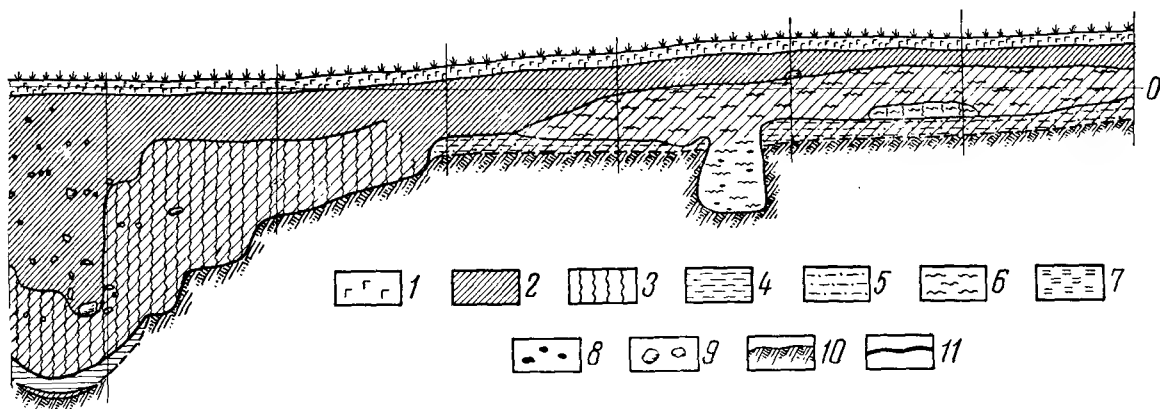
Развал стены был вскрыт на глубине 0,6—0,8 м от современной поверхности. Он залегал в нижней части серого культурного слоя. В местах выборки камней — слой более темный и рыхлый, сильно насыщенный камнями и щебенкой. Вещевые находки немногочисленны — главным образом обломки греческих амфор. У самого основания стены обнаружены фрагменты амфор III—II вв. до н. э. (Фасос, Синопа, Кос). Непосредственно под стеной и лёссовой субструкцией на раскопе XIX найдены фрагментированная фибула среднелатенского типа (рис. 5, 1) и фрагмент «мегарской» чаши II в. до н. э.

Основание стены на всех вскрытых участках покоилось на слое светлого насыпного лёсса, по-видимому, выброшенного из рва и игравшего роль субструкции. Толщина субструкции колебалась от 0,75 до 1 м. В верхней части лёссовой насыпи прослежена прослойка более темного цвета, толщиной 0,2 м. На раскопе XVI, по наблюдениям Н. Г. Елагинной, плотная прослойка между основанием стены и лёссовой субструкцией состояла из лёсса, замешанного на воде с золой, и была предназначена, по её мнению, для цементирования поверхности субструкции под стеной¹¹ (рис. 6).

Ров, вырытый перед стеной, имел глубину 3—3,2 м от основания стены. Склон в ров начинался почти от самой стены и шел сначала на протяжении 2 м очень полого, а затем — с нарастающей крутизной. Ширина рва поверху составляла 11—11,5 м. Профиль стенок — ступенчатый, дно — чашевидной формы (рис. 6; рис. 7, 1). На раскопе XVI по профилю видно, что дно рва было вначале на 0,2 м ниже, но вскоре после сооружения заплыло лёссом (рис. 6).

Заполнение рва в основном состояло из 2 слоев: нижнего — светло-серого цвета — из лёссового суглинка, смешанного с культурным слоем и очень немногочисленными находками, и верхнего — более темного, рушевого, насыщенного щебенкой и характерного для слоя выборки стены. Нижний слой представлял собой естественный заплыл дна рва от времени. На раскопе VII развал панцирных камней задержался как раз на поверх-

¹¹ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 10, 11.

рва малого акрополя (раскоп XVI).

7 — обожженная глина; 8 — древесный уголь; 9 — камни; 10 — материк; 11 — профиль рва.

ности нижнего слоя (рис. 7; 1). Следовательно, здесь стена стала разрушаться уже после того, как ров какое-то время стоял открытым, подвергаясь естественному затеканию. Затек слоя под развалом стены на западном склоне рва, отличающийся по цвету от нижнего, образовался, вероятно, до развала стены, но позднее затека на дне рва.

На раскопе XVI (рис. 6) мы видим другую картину — здесь развал панцирных камней обнаружен в самом нижнем слое. По-видимому, какое-то разрушение стены произошло здесь уже вскоре после ее сооружения. Нижний слой рва датируется ручкой эллинистического лагеноса с клеймом II в. до н. э., найденной на раскопе VII (рис. 8, 1). Верхний слой образовался, видимо, во время интенсивной выборки стены. Находки здесь разновременные: наряду с обломками амфор IV—III вв. до н. э. (раскоп VII) обнаружена ножка позднеинопокойской амфоры рубежа нашей эры (раскоп XVI). К тому же времени нужно отнести фрагмент железного ножа с прямой спинкой из раскопа VII.

Анализ находок у основания стены показывает, что сооружение оборонительной стены малого акрополя произошло на грани III и II вв. или в самом начале II в. до н. э. Как свидетельствуют находки в нижнем слое заполнения рва, во II в. до н. э. стена уже существовала, и ров стал затекать. Разрушение стены произошло, по-видимому, в начале нашей эры. Помимо находок в верхнем слое заполнения рва, эту дату подтверждает найденный в развале стежки обломок симметрично профилированной ручки амфоры из светлой глины с черными включениями (раскоп VII).

Описанная стена, видимо, соответствует малому прямоугольнику Н. Вертильяка. Большой прямоугольник в настоящее время совершенно не прослеживается, и характер его остается неясным. Открытые нами укрепления охватывают территорию малого акрополя, занимавшего площадь, равную всего 2 га или $\frac{1}{16}$ части всего Знаменского городища. Площадь эта была укреплена одновременно с прекращением жизни ремесленного поселка на Кучугурах и перенесением центра Скифии в Крым.

Особенности оборонительных сооружений малого акрополя находят аналогии в укреплениях Неаполя скифского. Там также происходило постепенное укрепление городской стены посредством пристройки дополнительных поясов, примыкавших забутровкой к предыдущему поясу. Правда, укрепления Неаполя не имеют рва, сооружение которого было, по-видимому, затруднено близостью материковой скалы, зато там наращивание поясов достигло невиданных размеров, создав в конечном результате весьма внушительную стену — шириной свыше 8 м, еще усиленную сооружением впереди нее протейхизмы.

3. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗНАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Культурный слой городища начинается сразу же от современной поверхности. На некоторых участках исследованной территории, и именно в центральной части городища, где находятся остатки средневековых построек, имеется довольно мощный средневековый

слой, толщиной от 0,5 до 1—1,2 м, с развалинами кирпичных построек золотоордынского времени. Толщина культурного слоя скифского времени в целом составляет от 1 до 1,6 м; в нем в свою очередь можно различить 3 слоя, постепенно переходящих один

в другой. Верхний слой на участках, свободных от поздних построек, начинается сразу под дерном; он сильно гумирован, темного цвета, со сравнительно небольшим количеством очень измельченных находок. Верхний слой значительно нарушен и перекопан при многолетней обработке почвы под садово-

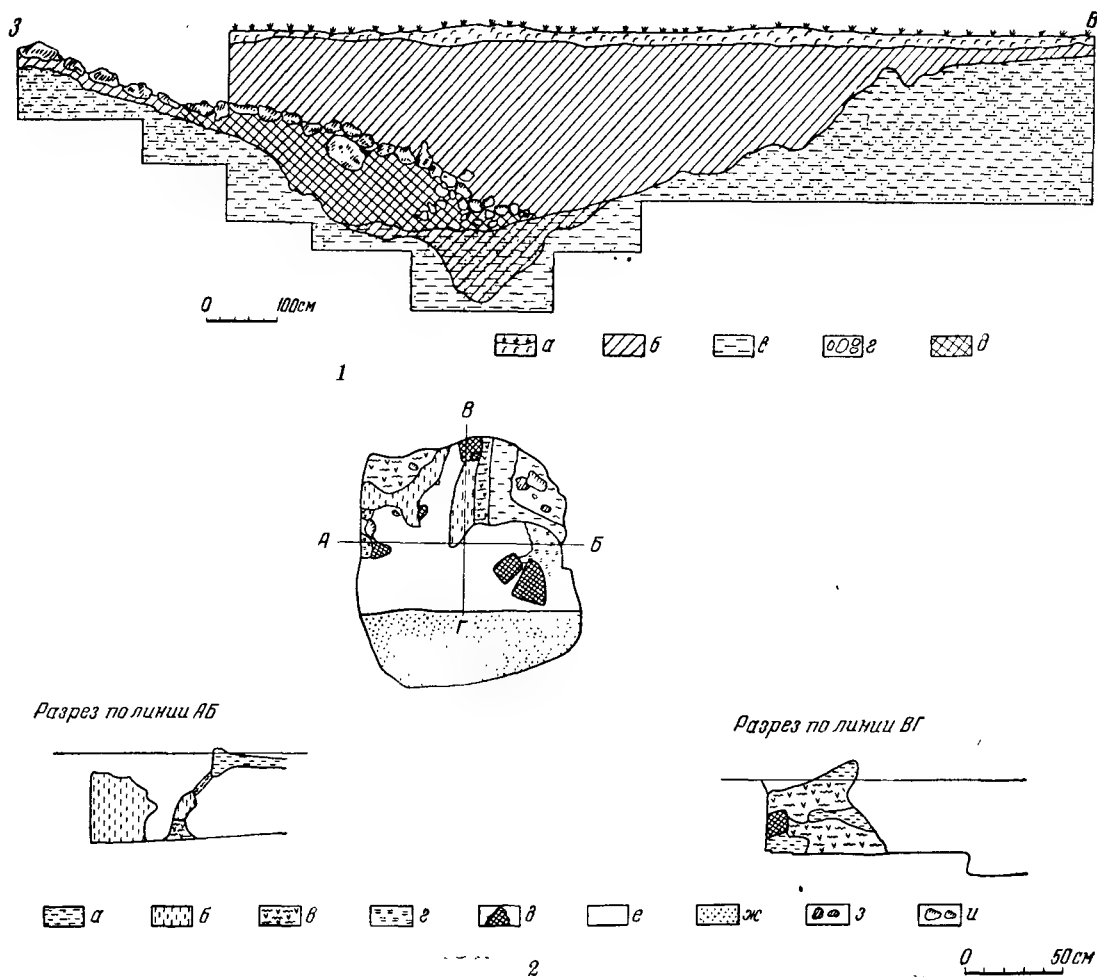

Рис. 7. Знаменское городище.

1 — разрез рва малого акрополя (раскоп VII; *а* — гумус; *б* — культурный слой; *в* — лёссовидный суглинок; *г* — камни; *д* — темный культурный слой); 2 — план и разрезы глинобитной печи с купольным сводом в яме на раскопе I (*а* — глиняный свод; *б* — рухнувшая часть свода; *в* — зольная земля с углями; *г* — обожженная глина; *д* — сырцовые кирпичи; *е* — под печи; *жс* — дно ямы; *з* — отверстия от обрушившихся частей свода; *и* — камни).

в другой. Верхний слой на участках, свободных от поздних построек, начинается сразу под дерном; он сильно гумирован, темного цвета, со сравнительно небольшим количеством очень измельченных находок. Верхний слой значительно нарушен и перекопан при многолетней обработке почвы под садово-

Средний слой, серого цвета, рыхлый, со значительным содержанием золы, залегает на глубине в среднем от 0,4—0,6 до 1 м от поверхности. В этом слое на разных уровнях (рис. 3, 5) содержится основная масса строительных остатков и вещественных находок II—I вв. до н. э. Основной строительный го-

Рис. 8. Знаменское городище.

1, 2 — ручки лагеносов II в. до н. э.; 3—9 — фрагменты амфор IV—III вв. до н. э.

ризонит находится на поверхности нижнего, серовато-желтого слоя с примесью лёссового суглинка, залегающего на глубине от 0,8 до 1,6 м от поверхности. В этом слое, предшествующем по времени интенсивному стро-

ительству II—I вв. до н. э., культурных остатков встречено очень мало.

Как показала наша шурфовка в южной части Знаменского городища, заселенность его территории начиналась не ближе, чем в

Рис. 9. Знаменское городище.

1—9 — греческая керамика [1—5 — чернолаковая; 6 — расписная; 7, 8 — фрагменты «мегарских» чаш; 9 — бал-
замарий из погребения на земляном валу (Запорожский музей)]; 10 — сероглиняный чернолощеный сосуд
черняховского времени.

80 м от земляного вала. Вблизи самого вала культурный слой крайне незначителен, а строительных остатков нет совсем.

Заселенной оказалась как территория малого акрополя, так и пространство между ним и земляным валом городища. Судя по находкам в культурном слое, заселение Знаменского городища началось, по-видимому, одновременно с заселением поселка на Каменских кучугурах. Обломки амфор в нижних штыках культурного слоя относятся к IV—III вв. до н. э., а отдельные находки греческой керамики датируются IV в. до н. э. Одной из самых ранних находок внутри малого акрополя являются фрагменты краснофигурного аттического кратера первой половины IV в. до н. э. (рис. 9, 4, 5), обнаруженные в яме на раскопе IV, в остальном заполненной материалом III—II вв. до н. э. За пределами малого акрополя наиболее ранние комплексы находок встречены также в ямах. Так, на раскопе X яма № 1 датируется фрагментом краснофигурного скифоса и горлом чернолакового лекифа конца IV в. до н. э. (рис. 9, 2, 3), а также фрагментами амфор IV—III вв. до н. э.; амфорами того же времени датируются ямы № 4, 7, 8, 11 раскопа X. На раскопе XIII в яме № 2 найден бронзовый наконечник стрелы IV—III вв. до н. э. (рис. 10, 1), в яме № 5 — рюмкообразная ножка амфоры IV—III вв. до н. э., в яме № 8 — венчик чернолаковой чашки IV в. до н. э. и фрагменты амфор IV—III в. до н. э.

К сожалению, за исключением этих хозяйственных ям, никаких строительных остатков IV—III вв. до н. э. в культурном слое Знаменского городища не сохранилось. Они были, по-видимому, уничтожены при интенсивном строительстве в период на грани III и II вв. и во II—I вв. до н. э., следы которого обнаружены в сером золистом слое.

Поскольку территория малого акрополя была в это время особенно сильно укреплена, естественно было ожидать, что именно здесь сосредоточивались наиболее важные здания и кварталы Знаменского городища. Действительно, внутри малого акрополя в 1954 г. Н. Г. Елагина обнаружила участок строительства из больших каменных блоков (на раскопе XVIII, разбитом в 20 м от южной стены малого акрополя)¹². Здесь, на подошве серого слоя, обнаружены в нескольких

местах скопления крупных и средних камней. На квадрате 12 сохранился участок фундаментальной вымостки из необработанных плоских камней длиной 0,3—0,4 и до 0,6 м (рис. 11, 1). В других скоплениях камней обнаружены большие плиты со сглаженной поверхностью, носящие явные следы обработки (рис. 11, 3). Некоторые плиты производят впечатление архитектурных деталей. Иногда один край плиты закруглен (рис. 11, 2), или же края стесаны так, что плиты имеют многоугольную форму (рис. 11, 2). На поверхности одной из плит со стесанными краями имеются небольшие углубления (рис. 11, 4). На уровне этих групп камней в разных местах раскопа обнаружены также куски обожженной глиняной обмазки от очагов.

Вещественный материал из слоя развала имеет большой хронологический диапазон — от IV в. до н. э. до IV в. н. э. В ряде случаев культурные остатки позднего времени, датированные фрагментами реберчатых амфор и обломками керамики черняховского типа, залегали ниже строительных остатков и вещественного материала IV—III и II—I вв. до н. э.; это наглядно показывает приведенная в отчете Н. Г. Елагиной таблица распределения вещественного материала на раскопе XVIII по штыкам¹³. Судя по уровню залегания развала, строительство здания должно было происходить в самом начале II в. до н. э., а во II—IV вв. н. э., — в период, соответствующий керамике черняховского типа и амфорам III в. н. э., — здание уже разрушалось.

Развалы зданий, сложенных из менее мощных камней, обнаружены также в северной части малого акрополя — на раскопах IV и VI (XVII).

На раскопе IV (1952 г.) близ северо-восточного угла оборонительной стены с первых же штыков был вскрыт развал мелкого известнякового камня, который по мере углубления становился все крупнее. Основная

Штыки	Датирующие материалы	
	Века до нашей эры	Века нашей эры
3	IV—I	—
4	II—I	—
5	II—I	II—IV
6	II—I	II—IV
7	IV—I	II—IV
8	II—I	II—IV

¹² Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 15—20.

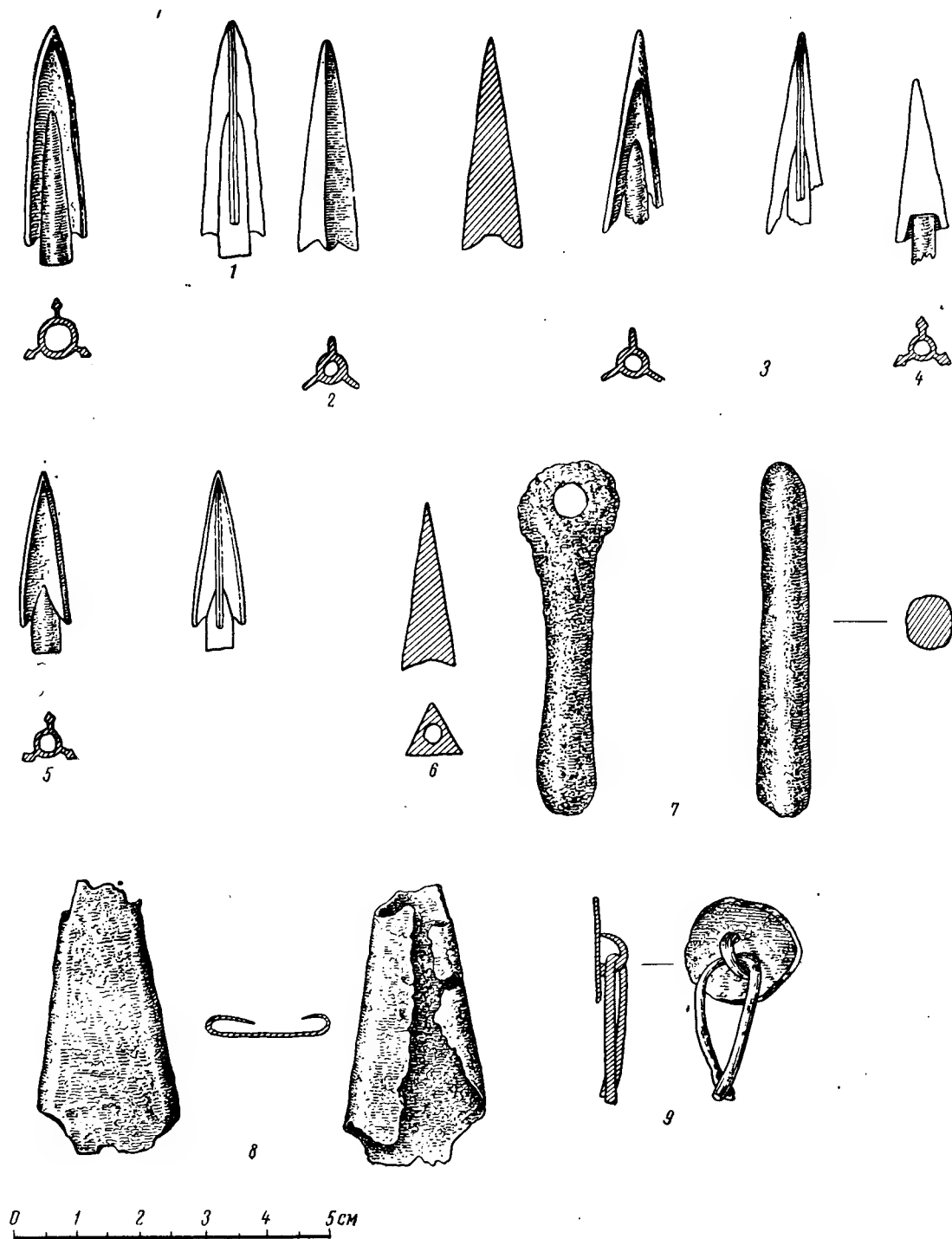

Рис. 10. Знаменское городище и могильник. Бронзовые предметы.

1—6 — наконечники стрел; 7 — уздечная подвеска; 8 — наконечник ремня; 9 — подвеска.

масса камней находилась на глубине 0,4—1 м от поверхности, заходя в нижний серовато-желтый слой. В двух случаях обнаружены квадры грубой подтепки. Несомненно, этот развал связан с каменным зданием. Проследить площадь развала не удалось, так как

н. э.¹⁴ Довольно много фрагментов амфор, среди которых преобладают фасосские, косские, синопские и родосские III—II вв. до н. э., но встречаются также позднесинопские I в. до н. э.—I в. н. э. По-видимому, здание было построено на грани III и II вв. до

Рис. 11. Знаменское городище. Архитектурные остатки на раскопе XVIII.

окружающая раскоп территория была засажена огородными культурами. Среди развала встречено значительное количество фрагментов античной (синопской) черепицы, что свидетельствует о том, что здание было покрыто черепичной кровлей. Какую-то роль в конструкции здания играли деревянные столбы, от которых на уровне материка остались две круглые, суживающиеся книзу ямы на квадратах 3 и 6, глубиной 0,4 и 0,75 м. Мелкие известняковые камни на бортах и в верхней части ям служили, видимо, для лучшего укрепления столбов.

Слой развала сильно перемешан. На штыке 2 был обнаружен костяной псалий с двумя отверстиями, отнесенный опубликовавшим его Б. Н. Граковым к V—III вв. до

н. э., а на рубеже нашей эры уже подверглось разрушению, вероятно, одновременно с оборонительной стеной малого акрополя. В обнаруженной под развалом здания мусорной яме на квадрате 14, помимо упомянутых выше обломков краснофигурного аттического кратера, оказались фрагменты высококачественных эллинистических сосудов: чернолаковой керамики, расписанной в технике гнация (рис. 9, 1), и «мегарских» чаш (рис. 9, 7, 8). Выброс в яме свидетельствует о быте аристократической части населения, употреблявшей дорогую импортную посуду.

Еще один участок каменного строительства был исследован в северо-западной части

¹⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 133, табл. XIX, 3.

малого акрополя, на раскопе VI 1952 г., продолженном в 1954 г. в виде раскопа XVII. Здесь на поверхности нижнего слоя были обнаружены: развал каменного здания и рядом с ним под очага из мелких каменных плиток. У основания развала здания найдены ручка фасосской амфоры с клеймом III в. до н. э. и другие обломки амфор того же времени. К югу и западу от этого комплекса обнаружены следы вымостки из известняковых плит длиной от 10 до 25 см.

На 0,3 м ниже вымостки оказался очаг с подом из обожженной глины, который, возможно, связан с этим же горизонтом строительных остатков, представляя собой тип очага в яме (см. ниже, стр. 126). К этому же строительному периоду нужно отнести несколько хозяйственных ям.

Помимо описанных остатков каменного строительства, на разных участках северо-восточной и центральной частей акрополя на том же уровне были обнаружены следы наземных жилищ легкого типа, с глинобитными или, во всяком случае, не сплошь каменными стенами, судя по небольшим развалам камней (рис. 3, 5) и наличию кусков глиняной обмазки со следами прутьев плетеного каркаса стен. В жилище на раскопе XIX одной стеной дома служила оборонительная стена. Другие стены имели, вероятно, каменное основание, как показывает сохранившийся камень с углублением для пяты дверного столба. Остатки других жилищ прослеживались главным образом по признаку усиления золистости и бытовых остатков в слое (раскоп XIX) и наличию разрушенных очагов с каменным или глиняным подом (раскоп XIX, шурфы Б, В, Г) и мусорных или хозяйственных ям (раскопы VIII, XIX, шурф Г, траншея 1). Судя по сопровождающему материалу, жилища легкого типа малого акрополя в основном следует относить ко II—I в. до н. э.

За пределами малого акрополя основная масса строительных остатков также располагалась в сером рыхлом слое эллинистического времени. И здесь эти остатки в целом крайне скудны и фрагментарны. В большинстве случаев это даже не развалины, а остатки развалов камней (раскопы I, III, X, XV), обломки черепицы (раскоп X), куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев (раскоп XVI), отдельные подтесанные камни (раскоп III), фрагменты вымосток (нижняя вы-

мостка раскопа XIII), остатки пола (раскоп I), разрушенные очаги типа глинобитных площадок или жаровен (раскопы X, XII), довольно много ям разного назначения (раскопы I, III, X, XII, XIII, XV), зольники (раскопы I, X). Наиболее нетронутые слои и строительные остатки скифского времени обнаружены под средневековыми постройками в центральной части городища, расположенного по оси с северо-запада на юго-восток. В настоящее время они имеют вид задернованных курганов (рис. 2). Под одним из этих «курганов» — крайним к юго-востоку — при охранных раскопках в апреле 1952 г. (раскоп Ia) была вскрыта нижняя часть прямоугольного каменного здания, камень которого выбирался колхозом для постройки насосной станции. Хотя большая часть кладки к моменту наших раскопок была уже вывезена, план дома легко восстанавливался, так как колхозники, при изъятии камня прорыли узкую траншею, строго следуя контурам стен.

Здание, размером 7,5 × 8 м было ориентировано по оси с востока — юго-востока на запад — северо-запад (рис. 4, 2). Кладка стен состоит из 2 панцирей и бутового заполнения между ними. Камни панциря — крупные известняковые блоки, с одной стороны несколько плоские, может быть, специально подтесанные; в большинстве случаев они были поставлены на ребро, плоской стороной наружу (рис. 3, 3). Ширина кладки в среднем — 0,5—0,7 м. Большинство камней имеет в длину и высоту от 0,5 до 0,6 м. Связующий промазки не обнаружено.

Судя по развалу камня рядом со зданием вдоль и снаружи северной стены его, можно думать, что кладка стен была выше не меньше, чем еще на один ряд камней. Дом представлял собой наземную постройку.

Вход в здание в исследованной части не обнаружен. По-видимому, он был в другой половине. В районе здания найдены 2 обломка синопской черепицы, может быть, от кровли данного здания.

В юго-восточном углу здания к южной стене примыкало изнутри узкое и длинное помещение, шириной по внутреннему обводу 0,55 м и длиной 1,77 м, отграниченное от остальной внутренней части здания узкой стенкой (ширина — 0,25 м), состоявшей в основном из более мелких камней, положенных плашмя (рис. 4, 2). Стенка сохранилась на высоту 0,2—0,35 м. Ширина помещения вме-

сте с внутренней стенкой — 0,75—0,8 м. С западного торца это узкое помещение замыкалось поставленным на ребро крупным каменным квадром (порог?), размером $0,33 \times 0,35$ м. Помещение это, видимо, имело хозяйственное назначение, выполняя роль

той светлой глины. В остальной части здания пола не обнаружено.

У восточной стены на уровне подошвы кладки встречена большая глиняная лепная корчага во фрагментах, которую удалось реставрировать. Венец корчаги отогнут и

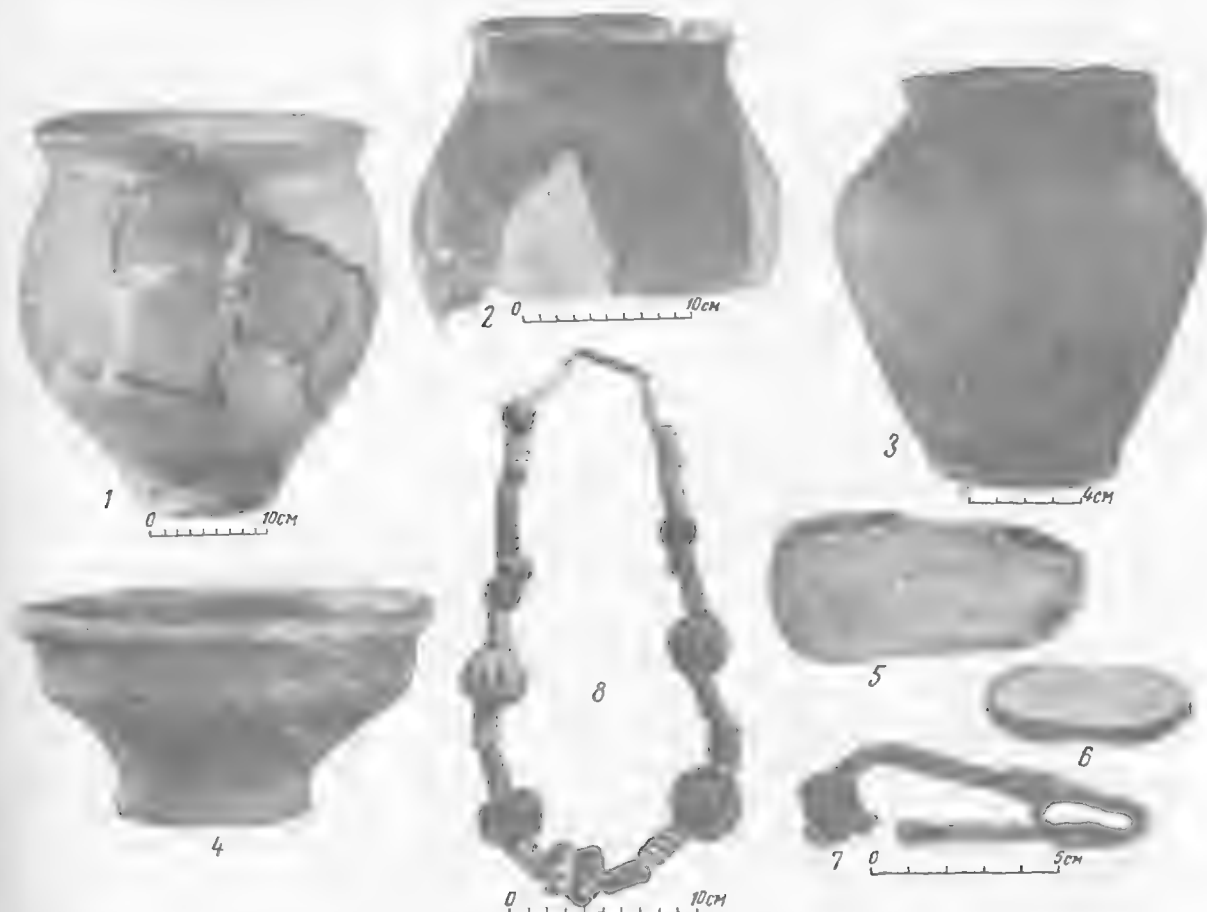

Рис. 12. Знаменское городище.

1—3 — лепные нелощенные сосуды (1 — из здания конца III в. — II в. до н. э. на раскопе Ia; 2 — из ямы № 6 I в. до н. э. — I в. н. э. на раскопе X; 3 — сосуд черняховского времени из слоя раскопа XVIII); 4, 5, 8 — вещи из погребения II в. до н. э. на земляном валу (4 — лепная лощеная миска; 5 — лепной светильник (Запорожский музей); 8 — стеклянные бусы); 6 — костяное ложило; 7 — железная фибула.

чулана или кладовой. Остальная внутренняя часть здания никакими перегородками не была расчленена. Ширина ее между стеной чулана и северной стеной здания — 4 м. Это было, по-видимому, основное помещение дома. Здесь у северной стены находился очаг обычного для малых городищ типа жаровни в каменной обкладке (рис. 4, 2). Под очагом, слегка углубленным по отношению к подошве стены, прослежена прослойка плотно уби-

орнаментирован по краю пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 12, 1). Подошва здания залегала в верхней части серовато-желтого культурного слоя, который датируется обломками амфор III—II вв. до н. э. — фассосских, гераклеиских, боспорских, коссских — и эллинистической чернолаковой керамикой. На самом полу чулана найдены ножка фассосской амфоры III в. до н. э. и обломок лепной лощеной миски зарубинецкого типа.

Раскопанное здание по своему плану, размерам, характеру кладки и внутреннему членению типично для «малых» городищ (Золотобалковское, Гавриловское и Козацкое городища), но там они датируются в основном II—I вв. до н. э.—I в. н. э. Более ранняя датировка описываемого нами здания свидетельствует о том, что каменное строительство рядовых домов типа, распространенного на «малых» городищах, было введено в практику на Каменском акрополе в более раннее время.

Под самой большой из курганообразных насыпей в центре городища (раскоп I), под средневековым слоем толщиной до 1—1,2 м, открыты остатки нескольких строительных периодов эллинистического времени (рис. 13, 1).

В северной части раскопа, в нижнем слое серовато-желтого суглинка, на глубине 3,1 м от вершины «кургана» обнаружена гранитная плита длиной 0,43 м, частично перекрывающая перевернутый череп кабана,— может быть, остатки жертвенного захоронения при закладке не сохранившегося здания.

Выше, на глубине 2,63 м от вершины «кургана», открыты развал мелких камней и около них — части разбитой эллинистической амфоры и большого лепного сосуда,— вероятно, остатки кладовой.

Еще выше, на глубине 2,35 м от вершины «кургана», обнаружены отдельные участки вымостки из хорошо подобранного некрупного белого и розового известняка-ракушечника и гранита. Вымостка датируется найденной непосредственно под ней стенкой чашки с загнутым краем, покрытой эллинистическим бурым лаком. К сожалению, остальной материал крайне скуден и четких данных для датировки не дает.

В южной части раскопа на границе нижнего и среднего — серого, рыхлого — слоя с большим содержанием золы и вещественных находок обнаружены остатки жилища в виде развала мелкого камня и следов глинобитного пола толщиной 5—6 см; пол открыт на глубине 1,93 м от вершины раскопа в виде массива, вытянутого с севера на юг (свыше 6 м длиной и около 2 м шириной) и уходившего в южный борт раскопа. Обнаруженная рядом с полом зольно-мусорная яма на квадрате 3, по-видимому, прорезала пол жилища. После ее заполнения она разрослась в большой зольник, засыпавший остатки строения.

Керамический материал в зольнике разновременный и перемешанный, от фрагментов гераклеийских и фасосских амфор до позднесинопских амфор рубежа нашей эры. Здание, которое было засыпано этим зольником, нужно считать эллинистическим, разрушенным на рубеже нашей эры. Материал последнего времени преобладал также в заполнении ям, опущенных в материк, которые были обнаружены на данном раскопе; лишь иногда попадались единичные обломки более ранних амфор (например ножка боспорской амфоры III в. до н. э.— в яме № 4). На дне ямы № 14 оказалась печь с глинобитным сводом (см. ниже, стр. 126).

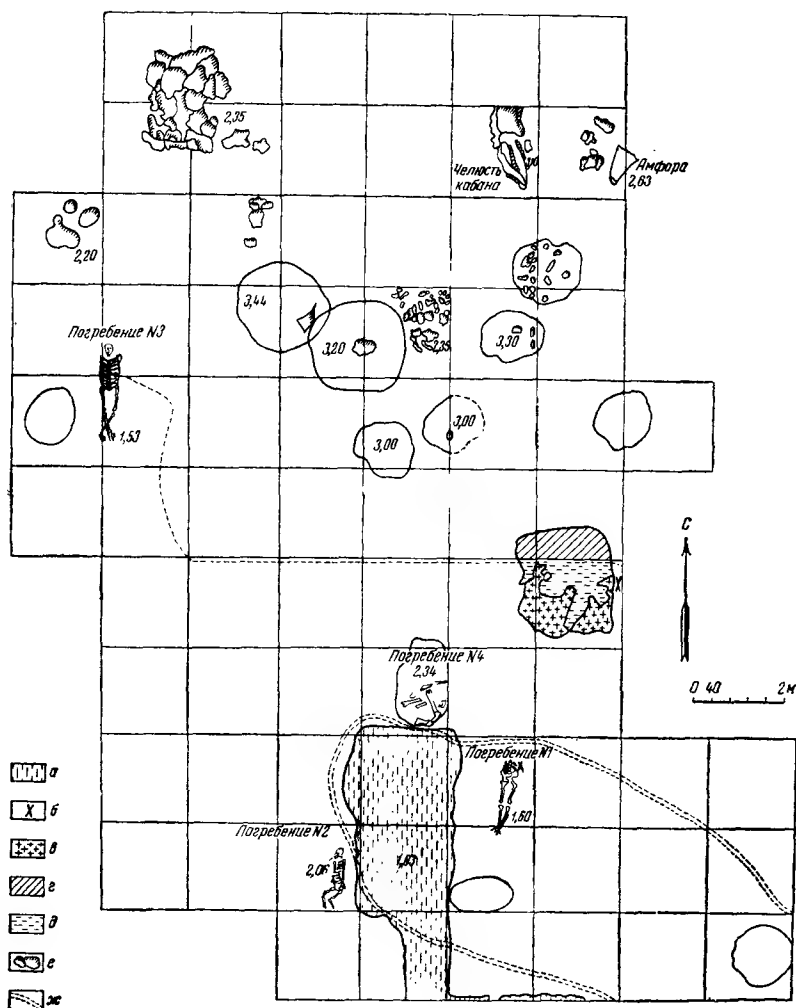
Таким образом, среди построек, остатки которых обнаружены на Знаменском городище в слое II—I вв. до н. э., имеются здания или целиком каменные, или, во всяком случае, с выложенной из камня нижней частью стен. Камень в течение длительного времени выбирался окрестным населением на строительные нужды и в большинстве случаев от этих построек остался сплошной развал камней. Тем не менее мы можем установить, по крайней мере, 2 типа каменных зданий, бытовавших на Знаменском городище:

1. Сооружения из крупных каменных блоков с применением квадров и фигурных архитектурных деталей. Остатки такого здания обнаружены на территории малого акрополя (раскоп XVIII), где можно предполагать наличие зданий дворцового характера.

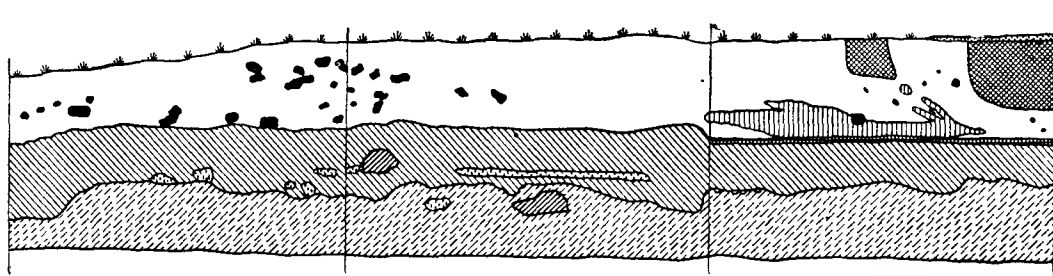
2. Небольшие прямоугольные строения с выложенной из камня нижней частью стен (не менее двух нижних рядов камней). Образцом такого здания служит случайно хорошо сохранившееся основание дома под средневековой постройкой на раскопе Ia, но нужно думать, что здание подобного типа было не единственным на Знаменском городище. Для покрытия, во всяком случае, некоторых каменных зданий Знаменского городища употреблялась греческая черепица.

Помимо каменных домов были дома более легкого типа, с применением мелкого камня и глины или плетневого каркаса стен, обмазанного глиной. Ввиду плохой сохранности остатков сказать что-нибудь более определенное об устройстве этих зданий затруднительно.

Наконец, жилища, углубленные в землю, судя по остаткам на раскопе XVIII, была по-видимому, в быту во II—IV вв. н. э.

1

2

Рис. 13. Знаменское городище. Раскоп I.

1 — план расположения строительных остатков, погребений и ям на разных уровнях (а — глинобитный пол; б — яма с печью; в — сырцовая глина; г — дно углубления перед печью; д — золистое заполнение печи; е — камни; ж — примерная граница зольника); 2 — профиль южного борта (а — дерн; б — коричневый суглинистый слой с кирпичами и включениями светлой глины; в — серый рыхлый слой скифского времени; г — серовато-желтый суглинок, переходящий в желтый лёс; д — светлая строительная глина; е — кирпичи; ж — утрамбованная светлая глина (пол); з — перекоп виноградики; и — сильно гумированная прослойка (погребенная почва); к — кротовина; л — современный выкид).

С остатками жилищного строительства скифского времени на Знаменском городище связаны очаги и хозяйственные ямы. Изучение и тех и других показало, что они неоднородны по своему устройству, и среди них можно отметить несколько разных типов. Так, среди очагов выделяются 4 типа:

1. Простейший очаг кучугурского типа в виде сильно прокаленной глиняной площадки. Один такой очаг довольно хорошей сохранности, площадью $0,5 \times 0,45$ м, открыт в сером золистом слое на раскопе X; другой, площадью $0,62 \times 0,7$ м, — на территории малого акрополя (раскоп XVII).

2. Очаги-жаровни обычно округлой или овальной формы, из грубо промешанной обожженной глины с примесью рубленой соломы или травы [у оборонительной стены малого акрополя (раскоп XIX); в разрушенном виде — на раскопе X]. Усложненным типом такого очага является жаровня в обкладке из камней, как, например, в каменном доме III—II вв. на раскопе Ia или в шурфе Г 1954 г. на территории малого акрополя (рис. 4, 2). Под очагами на раскопе XIX и в каменном доме на раскопе Ia прослежена промазка светлой глины (толщиной 3—5 см) типа пола, а в остальной части связанных с ними помещений пол не прослеживался. Данный тип очага бытовал на Знаменском городище с рубежа III и II вв. и во II—I вв. до н. э. В поселке на Кучугурах такой тип очага не известен.

3. Очаги с подом из каменных плиток. В связи с развалом каменного здания III—II вв. до н. э. на раскопе VI внутри малого акрополя был вскрыт плитчатый под очага площадью $1 \times 1,6$ м, выложенный известняковыми и гранитными плитками и обмазанный тонким слоем обожженной глины. Очаг подобного же типа, обнаруженный на раскопе XVIII, использовался в черняховское время¹⁵ (см. ниже).

4. Очаги и печи в ямах. Устройство очага в яме было очень распространено на Каменском акрополе. Четырехугольные или круглые ямы-очаги, обычно заполненные древесным или костным углем, изредка встречаются и на Каменских кучугурах¹⁶. Очажные ямы глубиной 20—30—48 см, заполненные в нижней части золой и древесным у-

глем, очажными камнями со следами копоти и кусочками обожженной глины, обнаружены на территории малого акрополя, на раскопах XIX и XVII¹⁷. Там же, в яме № 3 раскопа IV, в толстом слое золы, оказалось до 3000 речных ракушек-улиток, которых по-видимому, там пекли. В ямах-очагах № 1 и 2 раскопа XIII среди золы на дне оказались разрушенные жаровни. В яме № 6 раскопа X жаровня была в каменной обкладке.

Наибольший интерес представляет печь с глинобитным сводом, обнаруженная в яме на раскопе I (рис. 7, 2). Эта яма, слегка расширявшаяся книзу, была углублена в материк на 1 м. Диаметр верхней части ямы — 0,75 м с востока на запад и 0,95 м с севера на юг. Диаметр дна — 1,1 м с востока на запад и 0,85 м с севера на юг. На дне ямы была устроена глинобитная печь с полусферическим купольным сводом, который в момент раскрытия оказался частично обвалившимся на дно ямы. Задняя часть свода непосредственно примыкала к задней стенке ямы. Высота сохранившейся (западной) части свода — 0,45 м; нужно учесть, однако, что он мог осесть. Толщина свода — 6—10 см. Перед печью во всю ширину ямы было сделано углубление длиной 1,1 м, шириной от 0,2 до 0,4 м и глубиной 0,1 м. Подом служило, вероятно, самое дно ямы, так как оно было покрыто толстым слоем пепла. Над пеплом лежал слой чистой золы с угольками, толщиной 0,2 м. На слое золы, внутри свода и перед ним, находились кусочки обожженной глины оранжевого цвета.

На дне ямы перед печью лежали на слое пепла 2 сырцовых кирпича размером $0,22 \times 0,15 \times 0,06$ м. Обломки таких кирпичей обнаружены на том же уровне в восточной части печи и у задней стенки. Эти кирпичи не могли служить подом печи, потому что они не обожжены и находились на слое пепла, покрывавшего дно ямы. Относить их к укреплению свода также трудно, так как по отношению ко всей печи они имеют громадные размеры. Остается предполагать, что кирпичи попали извне. Доступ к печи был, по-видимому, из соседней ямы, от которой прослежено только дно радиусом около 1,5 м (к северу от ямы с печью). Такой комплекс из 2 ям, из которых в одной была печь, обнаружен на Гавриловском городище в 1954 г.

¹⁵ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 19.

¹⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 64

¹⁷ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 8, 9, 14, 15.

Печь находилась в золистом слое, насыщенном угольками, обломками керамики, костями животных, речными ракушками (всего 126 штук), большим количеством рыбьей чешуи и мелких рыбьих костей. В этом заполнении оказалась также железная фибула с подвязной ножкой, относящаяся к I в. н. э. (рис. 12, 7).

Таким образом, печь с глинобитным сводом является наиболее поздним видом очага скифского времени на Знаменском городище.

Характерной чертой быта населения городища было широкое использование для разных хозяйственных нужд ям, опущенных в материк. Этот обычай был распространен на всем протяжении скифского периода существования Знаменского городища. Некоторые ямы вырыты целиком в материке, другие опущены в него только своей нижней частью, и в таком случае верхнюю часть ее бывает трудно проследить в культурном слое. Ямы имели колоколовидную, расширяющуюся книзу форму или цилиндрическую, слегка суживающуюся книзу. У колоколовидной ямы раскопа III была цилиндрическая горловина. Глубина ям, насколько ее удалось проследить, не превышает 1 м. Диаметр дна — от 1,2 до 2 м.

По своему назначению ямы делятся на 4 типа:

1. Первый тип, уже описанный выше, — это ямы, на дне которых были устроены очаги или печи разного типа. Нижняя часть таких ям заполнена интенсивным слоем золы с углями и остатками очага; верхняя часть забросана обычным культурным слоем, по-видимому, уже после прекращения функционирования очагов.

2. Мусорные ямы, нижняя часть которых заполнена золистой землей с бытовыми отбросами, а верхняя — обычным культурным слоем. Таких ям — большинство. Иногда золистое заполнение нижней части ям прикрыто камнем.

3. Ямы-зольники, находившиеся в основании больших наземных зольников на раскопах I, X, XVI и XIX. Ямы заполнены сплошь золой с углями, кусками очажной обмазки, костями животных и обломками керамики, преимущественно лепной кухонной. По-видимому, после заполнения этих ям продолжали выбрасывать очажные остатки над ямами, вследствие чего создавались зольные холмы

высотой 0,6—0,7 м и радиусом до 4 м. Яма № 5 раскопа X под большим зольником у северного борта раскопа, может быть, первоначально использовалась как очаг, так как на дне ее обнаружены 4 небольших очажных камня со следами жопоти и разбитый лепной горшок.

4. Ямы-погребя, отличающиеся от первых 2 типов ям тем, что они снизу доверху заполнены культурным слоем лишь с незначительным количеством золы и вещественных остатков. В устье ямы № 4 раскопа XIX обнаружен большой камень. На дне ямы № 2 раскопа XV оказалось скопление кусков глиняной обмазки со следами прутьев; может быть, у этой ямы были стены или крышка из плетеного каркаса, обмазанного глиной.

В одной из ям, открытых Б. Н. Граковым на раскопе I 1945 г., «стенки были сплошь обложены небольшими обломками рваного белого ракушечника»¹⁸. Не была ли эта яма предназначена для хранения зерна?

Выше уже говорилось, что в развале большого каменного здания на раскопе XVIII внутри малого акрополя были обнаружены: керамика черняховского типа и обломки амфора II—IV вв. н. э. Население, употреблявшее эту керамику и поселившееся на территории скифского городища, жило, по-видимому, в землянках или полуземлянках, как показывают остатки жилища на квадрате 6 раскопа XVIII, углубленного в материк на 0,4 м и связанного по материалу с данным временем¹⁹. Однако одновременно использовались, по-видимому, и наземные жилища. С таким жилищем нужно связывать очаг с подом, выстланным мелкими каменными плитками и залицованным глиной (на квадратах 25—28 раскопа XVIII). Очаг датируется лепным биконическим горшком с характерной для черняховской керамики обработкой поверхности (рис. 12, 3). Существовали, может быть, и очаги в ямах; по крайней мере, большая очажная яма на квадрате 1 раскопа XVIII, диаметром 1,8 м и глубиной 0,52 м, оказалась заполненной обломками керамики черняховского типа.

Другой участок со строительными остатками II—IV вв. н. э. обнаружен в той же юго-западной части городища, но за пределами малого акрополя, на раскопе XIII.

¹⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 200.

¹⁹ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 19.

Здесь в верхнем слое на глубине 0,4—0,6 м вскрыты 2 участка вымостки из не крупного известняка (рис. 3, 4). Вымостку № 1 на квадрате 5 датируют: найденное под ней днище грубого сероглиняного горшка, сделанного на примитивном гончарном круге, и тоже гончарный чернолощенный сосудик черняховского типа (рис. 9, 10). Обломки амфор III в. н. э. с реберчатой поверхностью и грубой сероглиняной керамики того же времени встречены на поверхности или в верхних штыках также и в других местах городища, но строительные остатки, которые можно связать с этим поздним временем, пока что обнаружены только в юго-западной его части.

4. НЕКРОПОЛЬ

Погребения на территории Знаменского городища

Из всех погребений, открытых на территории Знаменского городища, наибольший интерес представляет разрушенная могила в насыпи земляного вала городища на усадьбе А. П. Асеевой (на восточной стороне вала). Могила, — возможно, катакомба, — была ориентирована с севера на юг. С юга и востока она была разрушена ямой, из которой окрестное население брало глину. Длина могилы — свыше 4 м, ширина — свыше 2 м. Дно находилось на глубине 3 м от вершины вала. От самой поверхности склона северный конец могилы был заполнен темной рыхлой землей; возможно, могилу пытались нарушить еще в древности. В заполнении найдены фрагмент венца амфоры, дольчатая бусина из зеленого прозрачного стекла и кости животных; среди них — кость коровы и 3 кости козы или овцы.

При выборке глины из ямы члены семьи А. П. Асеевой обнаружили человеческие кости и ряд предметов погребального инвентаря, которые были переданы сотрудникам экспедиции. Среди них оказались 2 золотых наглазника, золотой нагубник, «мегарская» краснолаковая чаша с растительным орнаментом II в. до н. э. (рис. 9, 8), лепная лощеная острореберная мисочка (рис. 12, 4), 3 золотых трубчатых пронизки и разноцветные бусы из непрозрачного и прозрачного стекла эллинистического времени²⁰. По сло-

вам А. П. Асеевой, из той же ямы происходят веретенообразный эллинистический флакон и лепной светильник, находящиеся ныне в Запорожском музее (рис. 9, 9 и рис. 12, 5). Погребальный обряд наложения на глаза и рот покойного золотых пластин и отдельные вещи погребального инвентаря находят ближайšie аналогии в погребениях II в. до н. э. из мавзолея Неаполя скифского, как и самый принцип захоронения членов высшей аристократии близ городской стены²¹.

Курган того же времени раскопан Б. Н. Граковым в ближайших окрестностях городища у Белозерского лимана. Сама могила, устроенная в катакомбе с дромосом в западном ее конце, оказалась ограбленной; но в насыпи кургана обнаружено много находок, среди них — фрагменты амфоры II в. до н. э., обломки лепной простой и лощеной керамики, спирально завитый медный перстень, а над самой могильной ямой — обломки медной фибулы среднелатенского типа и четырехгранный втульчатый наконечник стрелы своеобразного типа из бронзы²².

Погребения, вскрытые нами на самой территории Знаменского городища, к сожалению, не могут быть датированы из-за отсутствия инвентаря. Погребение ребенка 2—3 лет на раскопе III в нижней части скифского культурного слоя (на глубине 1,11 м от поверхности), судя по деталям обряда, могло быть сарматским или относиться к сарматскому времени. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад; кисти рук покоились на тазовых костях. Возле правого бедра обнаружен кусок белой глины. В ногах и у изголовья найдено по железному гвоздю, а вдоль левого бока — разложившиеся железные пластинки, — может быть, остатки крепления не сохранившегося гроба.

Более определенные черты сарматского обряда носит погребение, вскрытое Б. Н. Граковым в 1946 г. над обрывом р. Конки. Здесь, в яме правильной четырехугольной формы, вырытой в материке, по диагонали могилы лежал костяк маленького ребенка, головой на юго-восток, но не на дне ямы, выложенной камнем, а много выше него. Б. Н. Граков полагает, что яма была вырыта

²⁰ Инвентарь опубликован: Н. Н. Погребова. Погребение на земляном валу Каменского акрополя. КСИИМК, вып. 63, 1956.

²¹ Там же.

²² Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 201.

не специально для этого покойника, но лишь использована для него²³.

На раскопе I под развалинами средневековой кирпичной постройки обнаружены впущенные в зольный слой скифского времени 3 погребения без инвентаря. Контуры могильных ям проследить не удалось. Погребение № 1 было впущено в скифский слой на 0,15—0,2 м. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Правая рука была положена на таз, левая — вытянута вдоль тела.

Погребение № 2 было углублено в скифский слой на 0,4 м. Костяк подростка лежал со слегка подогнутыми ногами на правом боку, головой на северо-запад. На костяке оказалось несколько речных ракушек.

Погребение № 3 было опущено в скифский слой на 0,15—0,2 м. Мужской костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Обе руки вытянуты вдоль тела, ноги скрещены. Этот костяк был также посыпан речными ракушками.

Остатки погребения № 4 оказались в серовато-желтом сулинистом слое на 0,6 м ниже поверхности скифского слоя, благодаря чему можно было проследить контуры могильной ямы. Эта яма имела овальную форму и была заполнена зольным слоем с углем и обломками керамики. Здесь же оказалось много речных ракушек. В могиле обнаружены только разбросанные кости конечностей человеческого костяка.

Этническая принадлежность этих погребений не ясна. По определению Г. Ф. Дебеца, черепа могут быть сарматскими. Северная ориентировка и поза покойного из погребения № 3 дают основание думать об его сарматском происхождении. Остальные погребения, по-видимому, совершены одновременно, но, судя по обряду (северо-восточная и северо-западная ориентировка, легкая скорченность покойника в погребении № 2), принадлежат, может быть, представителям каких-то других племен, возможно, пришедших вместе с сарматами.

Эти захоронения, совершенные прямо в культурном слое в центре городища, произведены, вероятно, уже после гибели городища или одновременно с ней.

Знаменский могильник

На расстоянии 0,5 км к юго-западу от Каменского акрополя в обрыве высокого коренного берега р. Конки, состоящего из лёссовых отложений, прослеживались человеческие кости, указывающие на местонахождение здесь могильника, частично уже разрушенного береговыми оползнями. В результате проведенных здесь пробных раскопок, В. П. Петровым были обнаружены 6 погребений, из которых два (№ 1 и 4) нужно считать скифскими, одно — позднекочевническим (№ 2), а остальные 3 погребения (№ 3, 5, 6), частью уничтоженные оползнем, но все ориентированные на запад, не могут быть датированы из-за отсутствия инвентаря.

Погребение № 1 на глубине 1,6 м от поверхности является, по-видимому, погребением скифа-воина IV—III вв. до н. э. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Правая рука была вытянута вдоль туловища, кисть левой положена на таз. У левого бедра лежало кучкой 9 бронзовых наконечников стрел острием вниз; видимо, они были в колчане. Еще 2 наконечника обнаружены под левой бедренной костью. Наконечники — все трёхлопастные, типов IV—III вв. до н. э. (рис. 10, 5, 6).

В погребении № 4 на глубине 1,17 м от поверхности обнаружен женский костяк, лежавший на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад. На шейных позвонках найдены две плоские биконические стеклянные подвески (рис. 14, 13, 14) и мелкий бисер от ожерелья или от обшивки ворота. У кисти левой руки находились 2 пряслица: одно — глиняное, биконическое, со срезанной нижней частью (рис. 14, 15), другое — свинцовое, коническое (рис. 14, 16). Возле левой ступни лежал обломок бронзовой серьги (рис. 14, 17), у правой руки обнаружены 2 кости животных, а между этой рукой и ребрами — 2 уголька. Судя по обряду и характеру пряслиц, погребение должно относиться примерно к тому же времени, что и погребение № 1, т. е. к IV—III вв. до н. э.

Насколько мы знаем, в то время единственной формой скифских погребений и для знати, и для рядовых общинников были захоронения под курганами. Никаких следов курганов в Знаменском могильнике мы не могли обнаружить. Однако нужно принять во внимание, что могильник находится в сильно за-

²³ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 203.

строенной местности на окраине с. Большая Знаменка, где помещаются постройки Заготзерна и строительство водозащитной дамбы. Поэтому, возможно, что насыпи курганов уже давно срыты.

В культурном слое могильника обнаружены находки, однотипные основному культур-

5. КЕРАМИКА ЗНАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Две основные группы керамики из культурного слоя Знаменского городища — лепная и сделанная на гончарном круге — по количеству обломков примерно равноценны, с преобладанием лепной керамики в жилых кварталах. Так, по данным раскопов I и X,

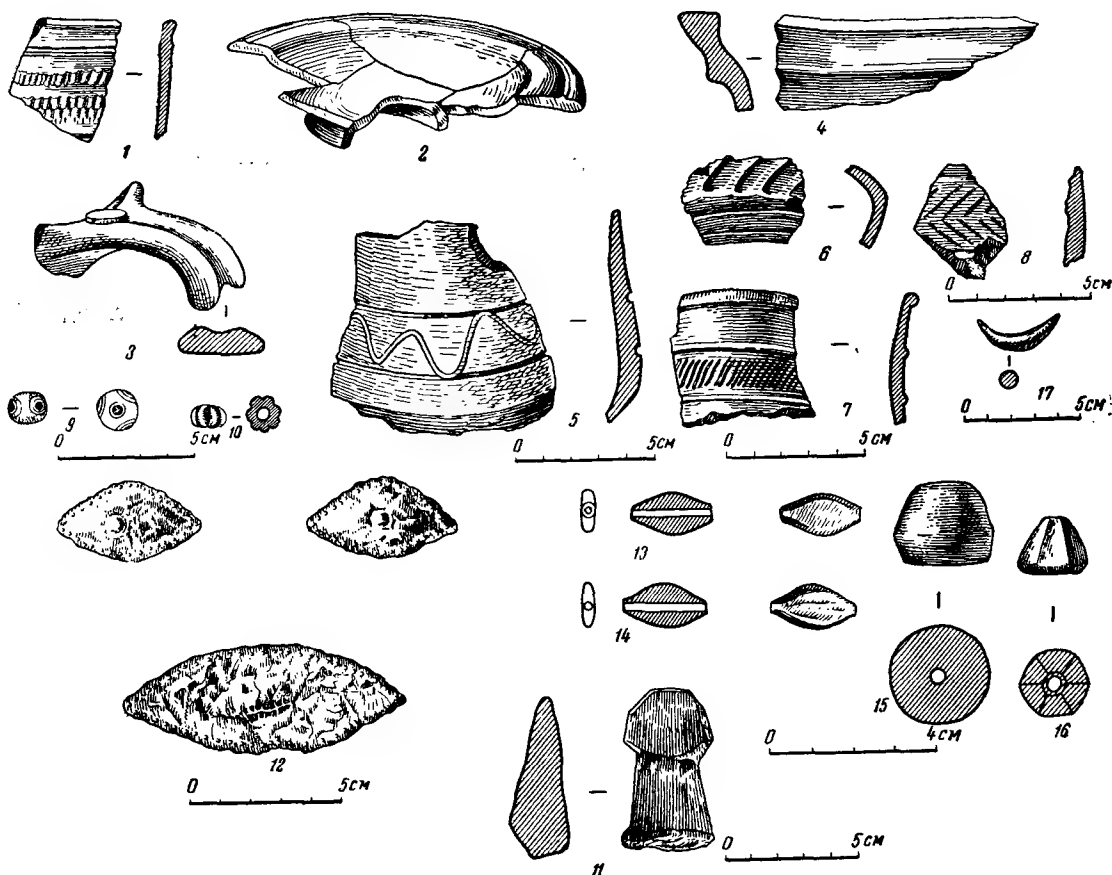

Рис. 14. Знаменское городище и могильник. Разные находки

1—8 — фрагменты глиняных гончарных сосудов (1, 2 — чернолаковых; 3 — красноглиняного; 4, 6—8 — сероглиняных с черным и темно-серым лощением; 5 — светлоглиняного, слабо залощенного); 9, 10 — стеклянные бусы; 11 — глиняная антропоморфная статуэтка (?); 12 — золотые лицевые пластины из погребения II в. до н. э. на земляном валу; 13, 14 — стеклянные бусы; 15 — глиняное пряслице; 16 — свинцовое пряслице; 17 — бронзовая серьга (1—12 — со Знаменского городища; 13—17 — из Знаменского могильника, инвентарь погребения № 4).

ному слою Каменского акрополя: обломки лепной керамики и амфор, среди них — горло гераклейской амфоры с клеймом III в. до н. э. (рис. 8, 5). Вероятно, здесь было какое-то селище скифского времени, может быть, — на месте более раннего, так как в слое обнаружены также фрагменты сосуда эпохи бронзы с характерным заглаживанием снаружи и внутри.

вскрывших наиболее насыщенные керамикой слои, связанные с жилищами, обломки лепной посуды составляют 50—60% всей керамики, а в районе оборонительной стены малого акрополя, наоборот, господствуют остродонные амфоры, составляющие, по подсчету Н. Г. Елагиной, до 75% всей керамики²⁴.

²⁴ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 23.

Лепная керамика

Среди лепной керамики выделяются 2 группы: 1) простая лепная керамика с грубой, нелощеной поверхностью и 2) керамика лощеная. Точное соотношение обоих видов керамики установить трудно, потому что в

шее количество лощеной керамики (14—15% лепной) приходится на 4—5-й штыки на исходе среднего золистого слоя, т. е. на начало II в. до н. э. В штыках выше и ниже этого уровня лощеной керамики меньше — здесь она составляет всего 8—10% всей лепной посуды.

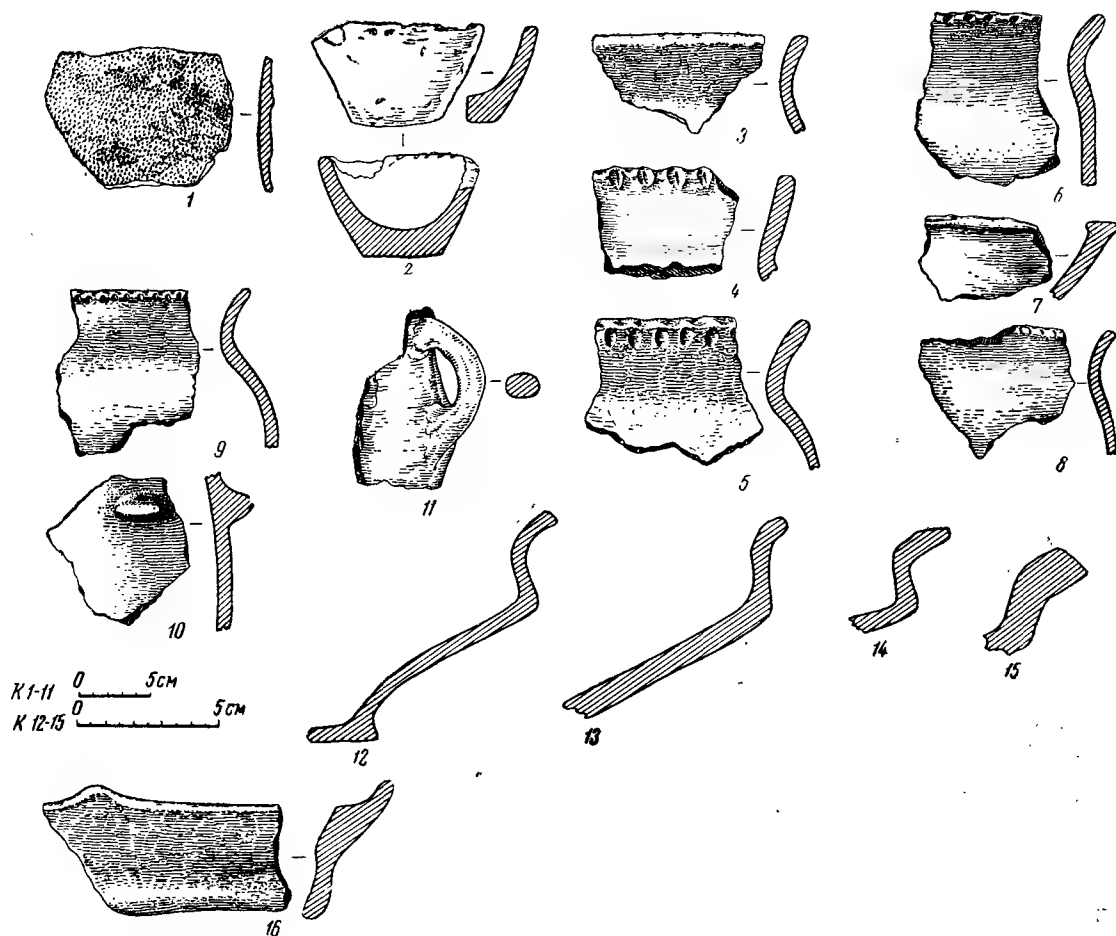

Рис. 15. Знаменское городище. Фрагменты и профили глиняных лепных нелощеных (1, 2, 4—9) и лощеных (3, 10, 11—16) сосудов.

поле лощеная поверхность не всегда различима. Дневниковые данные, по-видимому, невольно снижают процент лощеной керамики, но, во всяком случае, обломки простых лепных сосудов значительно преобладают над керамикой с лощеной поверхностью. Так, по данным того же раскопа X, количество керамики с лощеной поверхностью составляет в среднем 12% всей лепной керамики, распределяясь по штыкам неравномерно; наиболь-

Характеристика глины, обжига и техники производства керамики Каменского городища, даваемая Б. Н. Граковым²⁵, остается в основном в силе и для керамики из наших раскопок. Глина лепной посуды с акрополя в изломе обычно черная, реже — красноватая или сероватая. Поверхность желтоватая

²⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище..., гл. IV.

или серовато-желтая, очень часто с темными пятнами, получившимися при обжиге на открытых очагах, неровная, шероховатая. Глина грубо помешанная, ноздреватая; к ней примешаны песок, шамот, довольно обычная примесь известковых частиц. Встречаются фрагменты, в которых глина насыщена крупными включениями кварца и блестками слюды. На днищах иногда заметны следы подсыпки из песка или подстилки из травы. Отпечатков ткани нам не встретилось. В зольнике 1952 г. на раскопе I, обнаружены обломки лепного сосуда с поверхностью, сплошь покрытой отпечатками зерен проса (рис. 15, 1), которые, может быть, использовались для примеси в глиняное тесто²⁶. Однако такая сплошная обработка поверхности, вероятно, имела специальное назначение.

Техника изготовления лепных сосудов с шероховатой поверхностью большей частью грубая. Особенно небрежно присоединяли стенки сосуда к нижней части в форме «блюдца», с которой начиналась формовка сосуда²⁷; вследствие этого в профиле у самого дна получался выступ неровных очертаний.

Более тщательно и аккуратно делалась посуда с лощеной поверхностью. Глина ее такая же, как у простой лепной, с теми же примесями (песок, известь, иногда шамот), но в большинстве случаев лучше обожжена и дает равномерный темно-серый излом. Лощеная поверхность — желтоватого цвета, с неравномерными черными пятнами, большей частью она сплошь черноватая при сохранении основного желтоватого фона лишь местами. Совсем светлое лощение встречается реже, так же как и хорошее блестящее черное лощение густого тона. В зависимости от формы и назначения, лощение бывает двустороннее (миски, чашки, широкогорлые горшки-миски) или одностороннее, только снаружи (узкогорлые горшки, кувшины); внутренняя поверхность в таких случаях просто заглажена.

По-видимому, лощеная керамика употреблялась в качестве лучшей столовой посуды, которую ценили и берегли, как показывают отверстия для ремонта на некоторых сосудах. Выделяются, однако, некоторые фрагменты (горшки и миски), глина которых

обожжена не лучше, чем у лепной, техника выполнения грубоватая, а поверхность лишь слабо залощена, иногда просто заглажена.

Лощение поверхности сосудов скифской керамике кучугурского времени не свойственно; в большинстве случаев в керамике Знаменского городища лощение связано и с новыми для скифской керамики формами сосудов, но в то же время нужно заметить, что зачастую встречаются некоторые старые типы сосудов, — например миски, — тоже с залощенной поверхностью. С другой стороны, в лепной грубой керамике без лощения отмечены также новые, чуждые собственно скифской керамике, формы. Поэтому для большей ясности рассмотрение лепной керамики будет удобнее вести по 2 группам: сосуды, продолжающие традицию скифской керамики, и сосуды новых форм.

Сосуды, продолжающие традицию скифской керамики

Горшки. Простой лепной горшок без лощения является основной, наиболее распространенной формой керамики Знаменского городища. Этим сосудам принадлежало наибольшее количество обломков, найденных в культурном слое. Здесь выделяются горшки, совершенно аналогичные кучугурским, для которых характерны высокие округлые плечики и раздутое тулово с максимальным расширением в верхней части сосуда и с дном более узким, чем венчик. Образцом такого горшка является сосуд, найденный в разбитом виде на полу каменного дома конца III в. — начала II в. до н. э. на раскопе Ia (рис. 12, 1). Край сосуда орнаментирован рядом пальцевых ямок с отпечатком ногтя. Высота горшка — 29 см; диаметр венчика — 26 см, тулова — 29 см, днища — 14,5 см. Фрагменты подобных горшков встречены на всех штыках культурного слоя (рис. 15, 5—9).

Миниатюрный лепной горшочек из слоя раскопа X (рис. 16, 1) также восходит к кучугурским формам, ближе всего напоминая горшок четвертого типа по классификации Б. Н. Гракова²⁸. Особенности этого горшочка — короткая шейка, почти сферическое тулово и такая же короткая, как шейка, нижняя часть сосуда. Размеры знаменского горшочка

²⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., гл. IV, стр. 68.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 71, табл. III, 5.

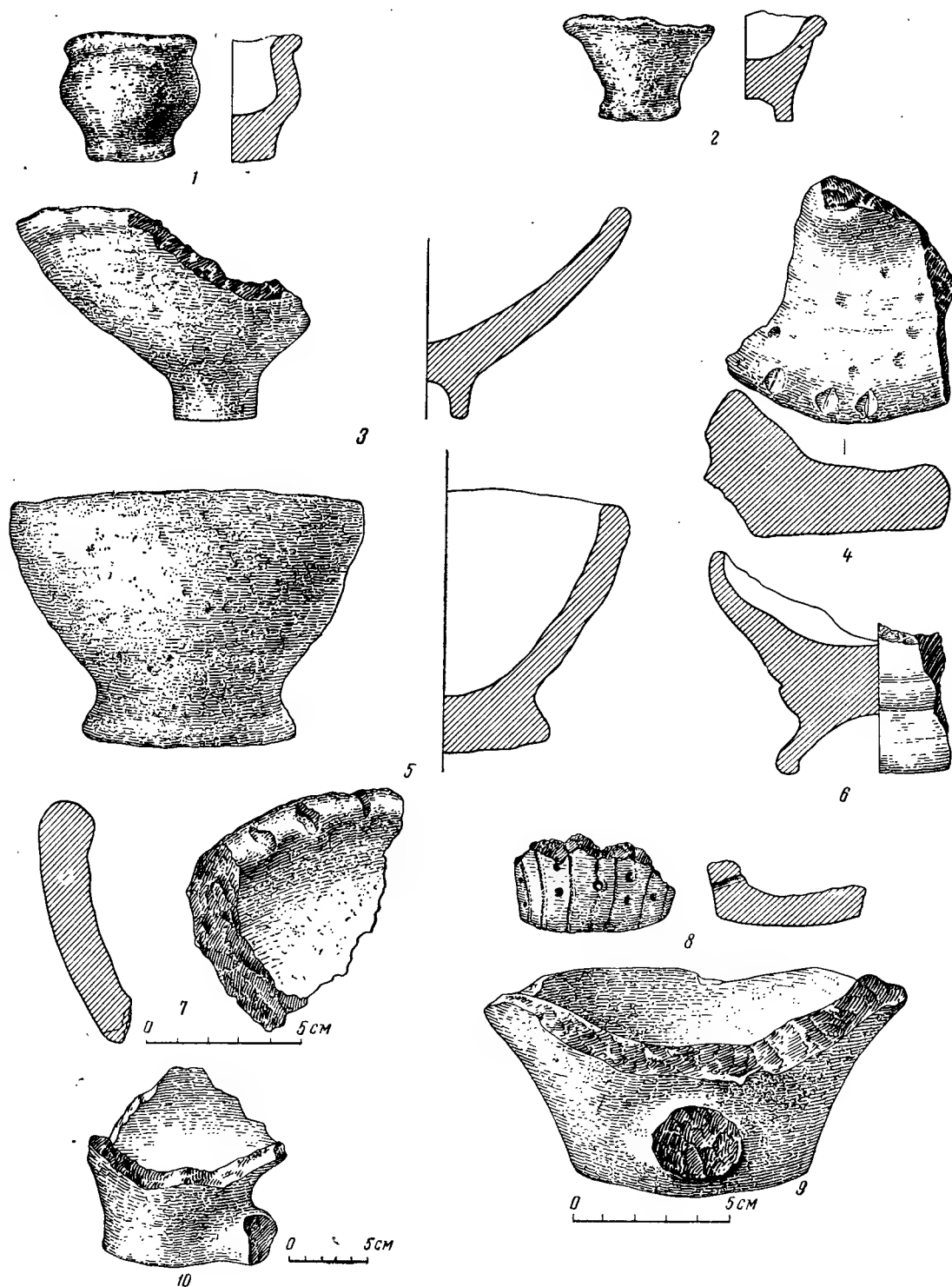

Рис. 16. Знаменское городище. Лепная нелощеная керамика (1—10).

ка: высота — 8,5 см; диаметр венчика — 4 см, тулова — 3,8 см, дна — 2,5 см. Край гладкий.

Наряду с типично кучугурскими формами горшков, бытовали сосуды с отогнутым венчиком более удлинённых пропорций, иногда с почти отвесно падающими плечиками и очень мало раздутым туловом. В целом виде таких сосудов не найдено, но профилей очень много, начиная с нижних штыков культурного слоя (рис. 15, 6, 8; рис. 17, 4). В целом, по-видимому, эволюция кучугурского горшка шла в направлении последней отмеченной формы.

Знаменские горшки имеют округлый или островатый край венца, иногда же — плоско срезанный. Очень часто край орнаментирован ямками, нанесёнными пальцем с отпечатком ногтя, реже — насечками, сделанными палочкой. Форма насечек обычно овальная (рис. 17, 1). Орнаментировалась, по-видимому, добрая половина сосудов. Так, в 1952 г. на раскопе I из числа венчиков лепных сосудов 56% было гладких и 44% — орнаментированных, а на раскопе X орнаментированных венцов оказалось даже больше, чем гладких. Примерно такое же соотношение наблюдалось Б. Н. Граковым на Каменских кучугурах²⁹.

При плоском крае сосуда орнамент наносился на его верхнюю поверхность (рис. 17, 2); при округлом или островатом крае орнамент обычно захватывает и верхнюю, и боковую поверхности (рис. 17, 3). Очень часто орнамент сползает на боковую поверхность края сосуда или даже на стенку (рис. 17, 5). Как и на Каменских кучугурах, расстояние между ямками равно в среднем 1 см (от 0,5 до 1,5–2 см); единичны также случаи редкой расстановки ямок, зато сплошное расположение ямок или насечек встречается довольно часто.

Гораздо реже орнамент располагается на плечиках. Встречаются налепные горизонтальные валики, орнаментированные сплошными ямками. В других случаях ямки или насечки нанесены прямо на плечики сосуда (рис. 17, 3–6). Встречен орнамент из 3 ямок, расположенных в виде трилистника на плечиках или посреди тулова. Иногда орнаментировались и венец, и плечики (рис. 17, 2). Отмечен также резной орнамент в виде дре-

весного листа (рис. 5, 9) или горизонтальных и полукруглых линий (рис. 5, 10).

По профилю шейки горшки различаются следующим образом:

1) с выгнутой шейкой, плавно переходящей в тулово (рис. 12, 1; рис. 15, 5);

2) с прямой шейкой, расположенной под тупым углом к тулову (рис. 17, 1, 2) и др.;

3) с высокой и почти вертикальной шейкой (рис. 15, 4). Эти сосуды выделены Б. Н. Граковым среди керамики Кучугурского поселка в особый тип горшка (тип III)³⁰. У них венчик сверху обычно плоско срезан, зашипан по самому краю и образует волнистую линию, приподнимающуюся над ямками, которые расположены уже на боковой поверхности края. На Знаменском городище фрагментов горшков с таким профилем шейки значительно меньше, чем первых двух горшков, целых же сосудов вообще не найдено.

Миски. Среди простой лепной керамики Знаменского городища миски с косыми, иногда слегка выпуклыми стенками представлены не очень широко. Образцом их может служить глубокая миска (раскоп XIII, штык 6; рис. 16, 5) со слегка выступающим плоским поддоном (высота — 7 см; диаметр устья — около 11,2 см, дна — 5,8 см). Плоский край иногда слегка выступает внутрь (рис. 15, 7). Неоднократно встречены фрагменты мисок с краем, орнаментированным ямками (рис. 16, 7). Некоторые миски имеют заглаженную поверхность, как, например, реставрированная миска (раскоп I, штык 3; рис. 15, 2), край которой орнаментирован насечками.

Сковороды. Как и на Каменских кучугурах, очень редко, но все же встречаются фрагменты низких (высота — около 5 см) и широких сосудов, иногда с ямочным орнаментом по наружному краю. Это, по-видимому, тип сковороды. Подобные сосуды обнаружены и на других «малых» городищах, например на Большелепетихинском³¹.

Лепные светильники в виде башмачка с вытянутым рожком. Один такой целый светильник из Запорожского музея происходит, видимо, из погребения на земляном валу Знаменского городища II в. до н. э. (рис. 12, 5). Обломок такого же светильника найден на раскопе X.

²⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 76.

³⁰ Там же, стр. 72.

³¹ Сборы Н. Н. Погребовой, 1950 г.

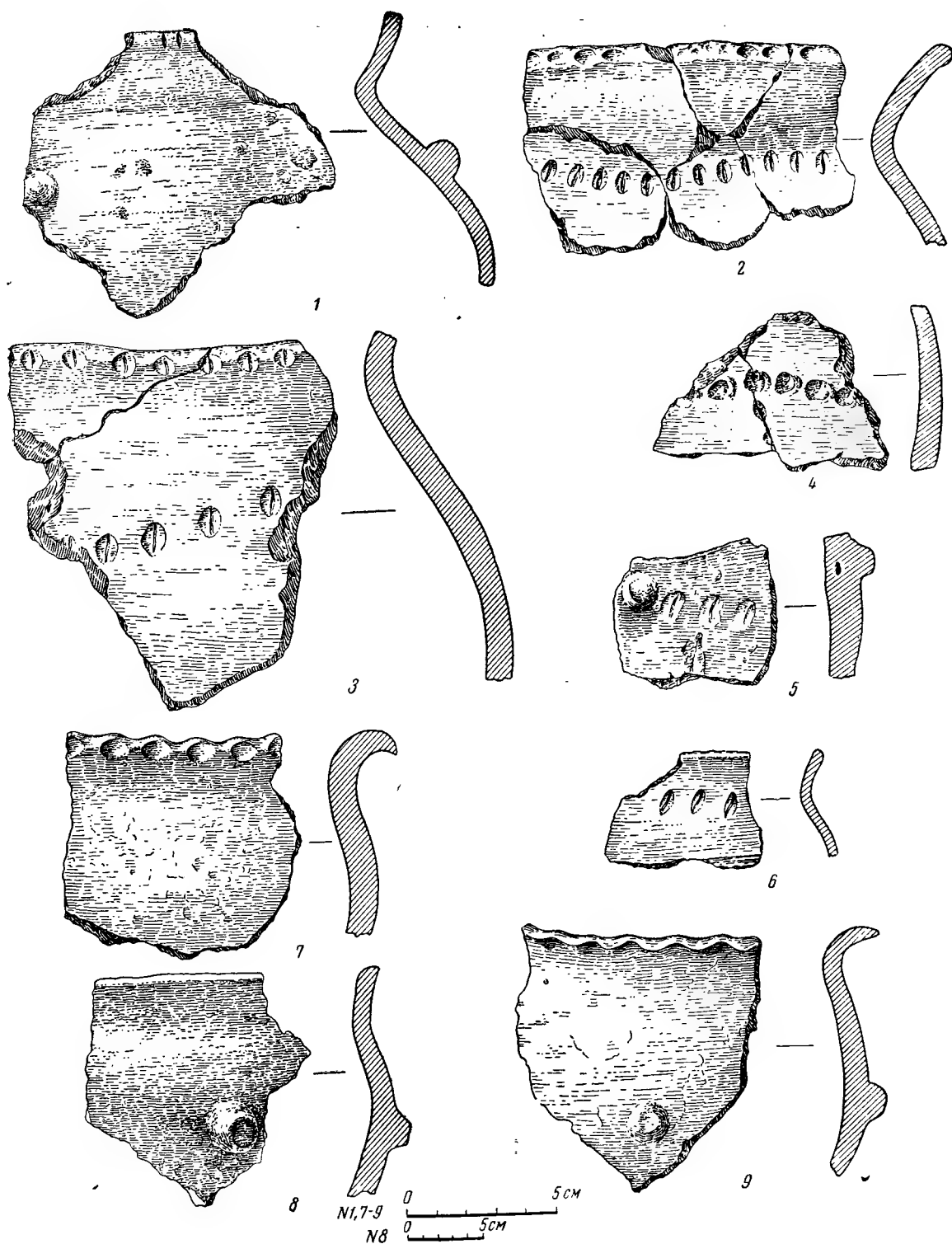

Рис. 17. Знаменское городище. Фрагменты глиняных лепных нелощеных сосудов (1—9).

Хотя на Каменских кучугурах подобные светильники не известны, они были распространены в эллинистическое время на скифских поселениях в окрестностях Ольвии, являясь местным подражанием античным эллинистическим светильникам³².

Крышки. В культурном слое Знаменского городища встречаются обломки крышек лепных сосудов той же формы, что и на Каменских кучугурах: круглые, с плоским дном и возвышением для ушка в центре наружной поверхности. Как и на Каменских кучугурах, край крышки часто украшен вдавленными кружками (рис. 16, 4). Более богато украшен обломок крышки из раскопок Н. Г. Елагиной 1954 г. (рис. 5, 11): на крышке трубчатой костью нанесены 3 ряда вдавленных кружков. Встречается орнамент и на лощеных крышках совершенно такой же формы.

Сосуды новых или не типичных для скифской керамики форм

Простые и лощеные сосуды типа горшков. При раскопках Каменского городища Б. Н. Граков отметил появление только на акрополе горшков с коническими выступами на плечиках и выделил их в особый тип горшков с прямой шейкой и сильно покатыми плечиками³³, не свойственный кучугурской керамике.

По моим наблюдениям, конические выступы украшают плечики или середину тулова горшков разного типа. Так, фрагмент с раскопа Ia (штык 3) с венцом, украшенным насечками (рис. 17, 1), принадлежит горшку с высокими плечиками и округлым туловом, но, по-видимому, преобладает тип с прямой или слабо выгнутой шейкой (рис. 17, 8), иногда с резким, почти горизонтальным отгибом венчика (рис. 17, 9). Вероятно, края сосудов с таким сильным отгибом венчика (в некоторых случаях почти под прямым углом к тулову) нужно относить именно к данному типу горшков, даже если на фрагменте и нет выступа (рис. 17, 7). Подобный

резкий отгиб венчика характерен для лепных дакийских сосудов³⁴.

Большинство фрагментов горшков данного типа не имеет лощения, но иногда встречаются и лощеные фрагменты. Выступы бывают крупные и мелкие, на плечиках или на середине тулова. По форме преобладают конические выступы, но попадаются иногда и цилиндрические или уплощенные с плоской срезанной верхушкой. Конические выступы с уплощенной вершиной — наиболее распространенный вид украшения лепной керамики гето-фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна, начиная с неолита и эпохи бронзы вплоть до первых веков нашей эры. Они украшают стенки лепных простых и лощеных горшков и баночных сосудов³⁵.

Из других нелощеных горшков нужно отметить целый горшок биконической формы, найденный Н. Г. Елагиной в 1954 г. на раскопе XVIII в перемешанном слое с керамикой эллинистического и черняховского времени (рис. 12, 3). Высота сосуда — 17 см; диаметр венчика — 10 см, дна — 8 см. Верхний конус меньше, чем нижний. Нижняя часть сосуда имеет характерную для сосудов III—IV вв. н. э. фактуру с шерстинками от зерен кварца, выпавших при заглаживании поверхности. В сочетании с прочим керамическим материалом, найденным в слое, данный сосуд нужно вывести за пределы собственно скифской керамики.

Рядом с этим сосудом найден другой лепной сосуд, небольшой (высота — 7,5 см; диаметр горла — 7,2 см, дна — 4,5 см), почти стаканообразной формы, со слабо выраженным ребром, что дает некоторое основание условно причислить этот сосуд к типу биконических (рис. 5, 8). Возможно, что он также относится к черняховскому времени, хотя такая форма в керамике гето-фракийского круга известна и для рубежа нашей эры — I—II вв. н. э.³⁶

Остальные сосуды типа горшков имеют лощеную поверхность. Профили лощеных

³² Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Рукопись диссертации. Киев, 1951. Архив ИИМК, д. № 1081; Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа II. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, табл. XXXV, 1.

³³ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 98.

³⁴ C. Daicoviciu. Cetatea dacică de la Piatra Roșie. București, 1954, табл. XVII, рис. 4, 7, 8.

³⁵ V. Pârvan. Gethica. Academia Romana. Memoriile secțiunii istorice, seria III, tomul III, București, 1926, стр. 742.

³⁶ R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. Campagne de 1927. «Dacia», III-IV, 1927—1932, 1-е partie, рис. 27, 1—4; M. Parducz. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I. Archaeologia Hungarica, XXVII, Budapest, 1944, табл. XVII, 12; XXXI, 13.

горшков с выгнутой, часто очень короткой шейкой и плавно-округлыми плечиками сильно отличаются от грубых нелощеных горшков четкостью формы и аккуратностью выделки. Венчик всегда гладкий, не орнаментированный (рис. 15, 3). Лощение чаще светлое, желтое или серое, лишь изредка встречается черное, блестящее. К сожалению, среди фрагментов в слое Знаменского городища встречены лишь профили верхних частей сосудов, по которым проводить более детальную классификацию было бы рискованно. Укажу только на фрагменты горшков с высокой гладкой шейкой, расположенной под углом к тулову, с резким отчленением плечиков, которое иногда подчеркнуто валиком с защипами, опоясывающим плечики (рис. 18, 5).

Крупные сосуды типа корчаг с отогнутым венчиком и рельефной орнаментацией. Профиль венчика выявлен по фрагменту из ямы I в. до н. э.—I в. н. э. на раскопе I 1952 г. (рис. 18, 6). Лощение одностороннее или двустороннее; преобладает темный цвет, черноватый или со значительными черными пятнами. Рельефный орнамент (см. ниже — аналогичный орнамент на горшках Гавриловского городища; рис. 44, 10—13) сводится к разным вариантам валиков, которые расположены то вертикально, иногда по несколько в ряд параллельно друг другу, то веерообразно, то в виде волнистой линии или дуги. S-образные валики обычно комбинируются с небольшим выступом, расположенным внутри одного из завитков (рис. 18, 6). Особенно интересен орнамент в виде схематически трактованной человеческой руки, значение которого уясняется по аналогии с сосудами из Гавриловки, на которых ясно различимы 5 пальцев на руке (см. ниже, стр. 208, рис. 31, 8).

Углубленный орнамент встречен всего 2 раза в виде широких или узких глубоких борозд, создающих каннелированную поверхность (рис. 18, 7).

Лощенные корчаги с различного рода рельефной орнаментацией, подобной описанной выше, широко распространены в керамике и других нижнеднепровских городищах и поселений (Золотобалковского³⁷, Любимов-

ского³⁸, Гановского³⁹, Козацкого⁴⁰, Больше-лепетихинского⁴¹); известны они также в окрестностях Ольвии, на Днестре и в сарматских могильниках и поселениях Нижнего Приднепровья и Приазовья⁴² первых веков нашей эры. На западе рельефную орнаментацию в виде спиралей, завитков и пр. мы находим на лепных лощеных сосудах с гетских поселений в Румынии средне- и позднелатенского времени⁴³. Рельефная орнаментация сосудов известна и в зарубинецкой керамике, но там она менее разнообразна — это главным образом подковки или вертикальные налепы и выступы⁴⁴.

Миски. Главное место по количеству фрагментов среди керамики новых форм занимают миски 2 типов: 1) конические миски на полых цилиндрических ножках, преимущественно без лощения и 2) миски с острым перегибом тулова (острореберные), в огромном большинстве хорошо лощенные.

Конические миски или чаши на полых цилиндрических ножках. Полный профиль такой миски представлен, например, фрагментом с раскопа X (штык 4; рис. 16, 3). По материалам этого раскопа обломки данного вида мисок составляют 22% от общего количества лепных сосудов. Размеры их разнообразны: от больших сосудов, с диаметром устья свыше 30 см, до миниатюрных чашечек, диаметр которых достигает всего 4,5 см. Варьируют они также по профилю стенок — более прямых или слегка выгнутых — и по широкой или узкой выемке на дне ножки. Последняя в некоторых случаях стянута округлым валиком (рис. 16, 6). Поверхность мисок иногда лощилась.

Миски данного типа, по-видимому, имели какое-то специфическое назначение. Часть из них, возможно, служила крышками, например миска, изображенная на рис. 16, 3,

³⁸ Коллекция Херсонского музея из раскопок И. В. Фабрициус и ИА из раскопок Г. Л. Дмитрова.

³⁹ Сборы Н. Н. Погребовой — в музее МГУ.

⁴⁰ То же.

⁴¹ Сборы Б. Н. Гракова и Н. Н. Погребовой — в музее МГУ.

⁴² М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 229.

⁴³ R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 36, 1, 3, 6; рис. 52, 10; рис. 53, 6.

⁴⁴ Е. В. Махно. Раннеславянские памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 94.

³⁷ Коллекция ИА из раскопок А. В. Добровольского и др.

у которой ножка настолько мала, что не может придать сосуду устойчивого положения. Встречаются эти миски во всех штыках культурного слоя городища, но в верхних 4 штыках их, по крайней мере, вдвое больше, чем в нижних.

подставке⁴⁵. Аналогичный описываемым нами мискам вариант этой формы мы встречаем в Северо-Западном Поднестровье еще в поселениях VI—V вв. до н. э.⁴⁶ М. Пардуч отмечает эту же форму в керамике гето-фраккийского округа в Венгрии I—II вв. н. э.,

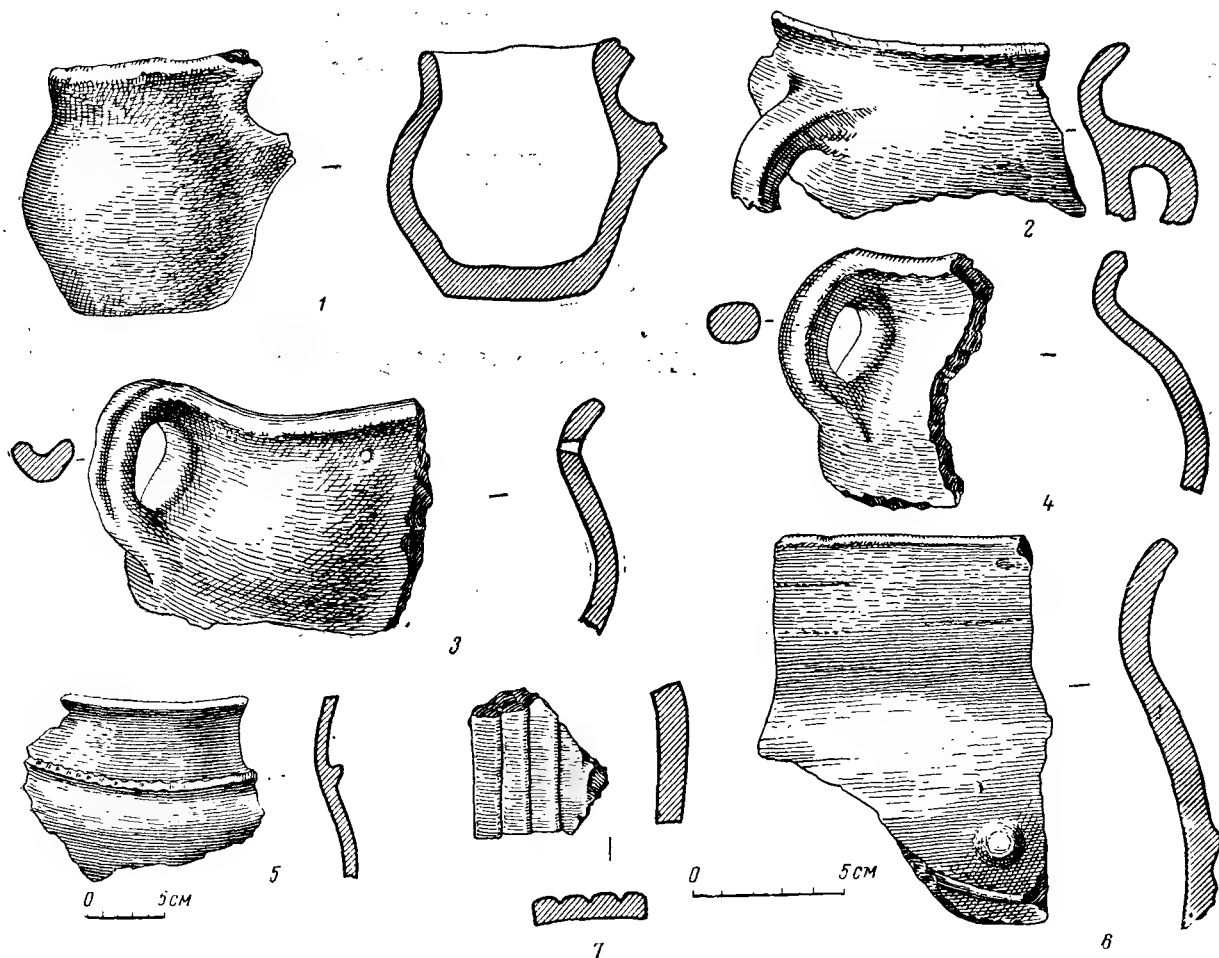

Рис. 18. Знаменское городище. Лепная лощеная керамика (1—7).

Миски подобного типа, относящиеся к скифо-сарматской эпохе, можно найти в разных местах Северного Причерноморья — на Кубани, в Крыму, в Ольвии, но нигде они не встречаются в таком количестве, как в культурном слое нижнеднепровских городищ позднескифского времени. Может быть они являются местным видоизменением распространенной латенской формы чаш на высокой

указывая на ее древние местные корни⁴⁷. В то же время она имеется и в зарубинецкой керамике Среднего Приднепровья⁴⁸, где

⁴⁵ См., например, «Дасия», I, 1924, стр. 37, рис. 3.

⁴⁶ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 69, 70, рис. 32, 7, 9.

⁴⁷ М. Parducz. Ук. соч., стр. 74, табл. XVII, 11.

⁴⁸ Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 93, рис. 5.

также можно проследить ее более древние прототипы.

В 1954 г. в яме раскопа XVI был обнаружен обломок полой ножки миски с продольным налепным ребром, идущим почти до самого низа. По-видимому, это такой же вариант данного типа мисок, какой известен из раскопок Киевской экспедиции в Золотой Балке: с 4 продольными налепами от края миски до низа ножки⁴⁹.

Лощеные остросереберные миски так называемого зарубинецкого типа. Это наиболее распространенный тип лощеной керамики Знаменского и других нижнеднепровских городищ позднескифского времени. У таких мисок — более острый или более округлый перегиб плеча и сильно суживающиеся ко дну стенки. Единственный целый экземпляр из наших раскопок Знаменского городища обнаружен в погребении на земляном валу II в. до н. э. (рис. 12, 4). Это небольшая миска высотой 5,5 см (диаметр венчика — 10,5 см, поддона — 5 см), с двусторонним желтовато-серым лощением, на кольцевом поддоне. Судя по фрагментам, в культурном слое городища преобладали более крупные миски с диаметром венчика 30—32 см. Встречаются миски как на кольцевом поддоне, так и на плоском. Лощение, как правило, двустороннее. Поверхность желтоватая, с черными пятнами. Изредка отмечается совсем светлое лощение, но в общей сложности господствует черноватый тон. Встречаются образцы равномерного, густого черного блестящего лощения, но редко.

По особенностям профиля преобладают миски с округлым или плоско срезанным краем, откинутым назад венчиком и сильно изогнутой шейкой (рис. 15, 12, 14, 15). Реже встречаются миски с прямым бортиком (рис. 15, 13). Некоторые миски отличаются очень четким, чеканным профилем с острым ребром перегиба и так называемым граненым венчиком, переходящим с внутренней стороны к тулову посредством двух или трех уступов (рис. 15, 13—15). Однако у большинства мисок профиль более мягкий, ребро округлое, контуры расплывчатые, грани венчика смягчены, как у миски из погребения на земляном валу (рис. 12, 4). Единичен фрагмент миски интенсивного черного лощения с небольшим выступом края в виде

ушка (из ямы № 2 раскопа X; рис. 15, 16), аналогия которому имеется в Пояне⁵⁰.

Среди фрагментов остросереберных мисок выделяется немногочисленная группа мисок грубой выделки, со слабо залощенной или просто заглаженной, а то и шероховатой поверхностью. Профиль у таких мисок нечеткий, расплывчатый. Глина грубо промешана, иногда имеет большую примесь песка с крупными частицами кварца. Эта группа мисок встречается только в верхних штыках, а если и в нижних, то на квадратах, занятых зольником с перемешанным слоем. Вероятно, это объясняется тем, что в первые века нашей эры распространилась гончарная лощеная сероглиняная керамика, которая заменила лепную столовую посуду, и мастерство изготовления последней пришло в упадок. Для скифской керамики предыдущего времени форма остросереберной миски чужда; она появилась на нижнем Днепре только с конца III в. до н. э. и особенно широко бытовала во II—I вв. до н. э. Помимо зарубинецкой культуры, эти миски широко распространены в гето-фракийской культуре Румынии, где они, по словам В. Пырвана, восходят к энеолито-галыштатской традиции⁵¹, и в культуре племени Молдавии⁵².

Простые и лощеные горшки и кувшины с ручками. При раскопках Б. Н. Гракова на Каменских кучугурах была обнаружена всего одна ручка. На Знаменском городище фрагментов сосудов с ручками или отдельных ручек встречено гораздо больше. Среди них отмечен целый ряд простых ручек без лощения, подпрямоугольного или круглого сечения. Однако большинство найденных фрагментов имеет все же лощеную поверхность.

Кухонные горшки с широким венчиком, короткой шейкой и петельчатой ручкой. Образцом таких сосудов является целый сосуд с отбитой ручкой, найденный в очажной яме № 6 раскопа X (I в. до н. э.—I в. н. э.; рис. 18, 1). Ручка соединяла край венчика и плечики. Сосуд невелик по размерам: высота — 7,7 см; диаметр венчика — 6,3 см,

⁵⁰ R. et Vulpe. Ук. соч., рис. 29, 8.

⁵¹ V. Pârvaș. Ук. соч., стр. 742. Ср. также миски кельтской культуры галыштатского времени; см. J. Déchelette. Manuel d'archéologie, III, 1927, стр. 160, рис. 256, 12—17.

⁵² См. миски из раскопок А. И. Мелюковой (1954 г.) в коллекции Молдавской экспедиции — в ИИМК.

⁴⁹ Коллекция ИА.

тулова — 8 см, дна — 5,5 см. В целом форма сосуда напоминает горшки с ручками зарубинецкого типа⁵³. На закопченной поверхности — слабые следы лощения, внутренняя поверхность заглажена. Грубоватая выделка сосуда и находка его в очажной яме заставляют отнести его к кухонной керамике. Фрагмент горшка с ручкой изображен также на рис. 15, 11.

Открытые столовые сосуды с ручками. Другого типа сосуды с ручками, представленные рядом фрагментов, судя по их двустороннему лощению и аккуратной выделке, принадлежат к открытым столовым сосудам. Они представляют собой, по-видимому, чаще всего тип широкогорлых горшков-мисок (рис. 18, 2—4), отмеченных также О. Д. Дашевской в слое III—II вв. до н. э. Неаполя скифского⁵⁴.

Кувшины с ручками. Встречены также фрагменты, относящиеся к более узкогорлым сосудам типа кувшинов. Ручки у этих сосудов гладкие или желобчатые и верхним концом прикреплены или прямо к краю, слегка приподнимаясь над ним, или немного ниже его. Такой способ прикрепления ручки очень характерен для лепных лощеных сосудов в керамике гетских поселений Румынии средне- и позднелатенского времени⁵⁵. Изредка встречаются фрагменты таких кувшинов и без лощения. Среди них обращает на себя внимание ручка с заостренной верхушкой на фрагменте из раскопа XVI (штык 3), напоминающая, с одной стороны, зооморфные ручки сарматской керамики⁵⁶, с другой, — рогатые ручки (*ansa cornuta*) в керамике гетских племен⁵⁷. Образцами этих ручек могут служить ручки с Гавриловского городища (см. ниже — стр. 213, рис. 43, 5).

Нелощеные чашки гетского типа с ручкой, прикрепленной к донной части. Из наших раскопок имеются 3 фрагмента подобных днищ (рис. 16, 9, 10). Чашки с одной

или двумя длинными ручками, прикрепленными верхним концом к краю, а нижним — ко дну сосуда, являются характернейшим типом грубой лепной керамики племен, живших на территории Карпато-Дунайского бассейна. Такие сосуды распространены как на гетских поселениях средне- и позднелатенского времени в Румынии⁵⁸, так и на поселениях носителей липицкой культуры Западной Украины⁵⁹.

Сосуды с ручками-упорами. От сосудов с ручками типа горшков или кувшинов следует отличать сосуды с горизонтальными ручками-упорами полуовальной в плане формы. На Знаменском городище такие сосуды представлены только обломками стенок или без лощения, со следами заглаживания травой, или подлощенными; последние встречаются чаще (рис. 15, 10). Как и описанные выше чашки, сосуды с ручками-упорами — характерный тип лепной керамики племен, обитавших в Карпато-Дунайском бассейне на территории Румынии, Венгрии и Молдавии на всем протяжении эпохи раннего железа. Ручки-упоры имеются здесь на сосудах баночной формы, корчагах и мисках⁶⁰. Мне кажется, что типологически эти сосуды стоят ближе к рассматриваемым нами фрагментам, чем металлические сосуды с горизонтальными ручками, с которыми сравнивала подобные же фрагменты из ольвийского культурного слоя Т. Н. Книпович⁶¹.

Сосуды со сквозными отверстиями типа цедилки или дуриллага. Обломок такого сосуда с отверстиями в дне отмечен Б. Н. Граковым в кучугурской керамике всего один раз⁶²; таким образом, он для скифской керамики не типичен. На Знаменском городище нами была также найдена нижняя часть плоскодонного сосуда со сквозными отверстиями, но не в дне, а в стенке (рис. 16, 8). Подобные же сосуды с отверстиями в

⁵³ Е. В. Махно. Ук. соч., стр. 93, рис. 5; стр. 94, рис. 6.

⁵⁴ Альбом к диссертации О. Д. Дашевской «Скифские городища Крыма», табл. XXXI. Архив ИИМК, д. № 1186.

⁵⁵ R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 3, 7.

⁵⁶ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского времени. Труды ОИПК Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, рис. 12, 13, табл. VIII, 1.

⁵⁷ M. Parducz. Ук. соч., табл. VIII, 20. I. Andrieşescu. Piscul Crăsan. Academia Română. Memoriile secţiunii istorice, seria III, tomul III, mem. 2, Bucureşti, 1926, рис. 71, 146, 147.

⁵⁸ I. Andrieşescu. Ук. соч., рис. 62—64, 66; R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 27, 8; рис. 41, 10—12; C. Daicoviciu. Ук. соч., табл. XVIII, рис. 8, 9.

⁵⁹ М. Ю. Смишко. Исследование памятников культуры полей погребений в западных областях УССР в 1947 г. АП, т. III, Київ, 1952, табл. I, 1.

⁶⁰ А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 65; V. Paşvan. Ук. соч., рис. 20, 25, 34; I. Andrieşescu. Ук. соч., рис. 53, 102, 103.

⁶¹ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 133.

⁶² Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 76.

стенках известны на поселениях гальштатского и латенского времени в Чехии⁶³, а на территории СССР — на поздне трипольских поселениях и в белогрудовской керамике Днепровского правобережья. По мнению Т. С. Пассек, эти сосуды употреблялись для изготовления молочных продуктов — масла, сыра⁶⁴. По-видимому, эта традиция сохраняется на территории западной части Украины до позднего времени.

Толстостенные сосуды хозяйственного назначения. В 1953 г. на раскопе XV найдены 3 обломка толстостенного сосуда очень грубой выделки с неровными, крайне небрежно заделанными краями и, по-видимому, без дна. В глине — крупные включения извести и отпечатки травы или соломы. Сосуд не похож ни на какой другой тип керамики Каменских кучугур, однако находит аналогии среди сосудов без дна, имевших производственное назначение, с Гавриловского городища (см. ниже, стр. 213), — только без бороздок на внутренних стенках. Нужно думать, что это какой-то тип сосуда хозяйственного назначения.

* * *

Из приведенного выше обзора керамики Знаменского городища явствует, что преобладающей формой является тот же скифский горшок с отогнутым венчиком и округлыми плечиками, хотя становится все более заметна тенденция к круто падающим плечикам и удлинённым пропорциям. Край сосуда орнаментируется ямками или насечками чуть ли не чаще, чем у сосудов с Каменских кучугур, причем излюбленным становится сплошной ряд ямок, без интервалов. В небольшом количестве продолжают бытовать миски и сковороды старых форм. Начиная с рубежа III и II вв. и особенно во II в. до н. э. в керамике городища распространяется значительное количество новых форм как грубой лепной керамики (миски на полых ножках, чашки гетского типа с длинными ручками, часть сосудов с ручками-упорами и горшков с выступами, толстостенные сосуды без дна), так и лощеной керамики (остро-

берные миски, лощенные горшки и кувшины, корчаги с рельефной орнаментацией, часть сосудов с ручками-упорами и горшков с выступами).

Несмотря на значительное разнообразие этих новых форм керамики, по количеству их не так много. Так, мы видели, что вся лощеная керамика составляет 8—15% от лепной, а среди последней значительно преобладает горшок скифского типа, продолжающий традиции скифской культуры кучугурского времени. Ассортимент новых форм керамики на Знаменском городище в целом однороден керамике, известной с других нижнеднепровских городищ поздне скифского времени. Выводить эти новые формы из скифской керамики не приходится, так же как нельзя связывать с ней и распространившийся в поздне скифское время обычай лощения. В скифской степной керамике лощение очень незначительно применялось в архаическое время — в VI в. до н. э., а в V—III вв. до н. э. этот прием совершенно не практиковался⁶⁵. Зато в III—II вв. до н. э. лощение лепной керамики применялось у племен Карпато-Дунайского бассейна, с одной стороны, и у племен — носителей зарубинецкой культуры, — с другой. Именно в этих культурах мы и найдем больше всего аналогий перечисленным новым формам в керамике Знаменского городища, а также и других городищ поздне скифского времени.

К вопросам о культурных связях нижнеднепровских городищ я еще вернусь в заключении. Здесь же я хочу отметить, что лепная керамика Знаменского городища — простая и лощеная — в целом представляет собой однородную и компактную группу, бытовавшую в основном во II—I вв. до н. э., и хронологически расчленить ее невозможно. В нижних штыках культурного слоя фрагменты лепной керамики большей частью невыразительны, и сравнительно со слоем II—I вв. до н. э. количество керамики вообще невелико. Можно лишь отметить, что в наиболее ранних комплексах, датированных греческими сосудами IV—III вв. или III в. до н. э. (нижний слой на раскопах X, XIII, XV, слой под каменным зданием на раскопе Ia, яма

⁶³ А. К. пог. Nálezů na Chmelnicích v s. z. Čechách. «Památky archeologické», 1954 № 1-2, рис. 2, II (изд. Чехословацкой Академии наук).

⁶⁴ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 229.

⁶⁵ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 71.

№ 5 раскопа XIII и яма № 8 раскопа X), встречены уже такие типы новой для скифов керамики, как конические миски на полых ножках, остросереберные лощеные миски, большие лощеные корчаги и сосуды с ручками-упорами. По типу они ничем не отличаются от фрагментов, находимых в верхних слоях. Пожалуй, можно лишь отметить постепенное огрубение формы и техники, сказавшееся в появлении в верхних штыках (первые века нашей эры) лепных остросереберных мисок небрежной выделки, с плохим лощением или только с заглаженной, а иногда просто шероховатой поверхностью. И вообще лощеной керамики в верхних штыках становится меньше.

Гончарная керамика

Керамика, изготовленная на гончарном круге, составляет, как уже было указано, от половины до двух третей всего керамического материала Знаменского городища. Такой большой процент гончарной керамики объясняется тем, что 99,5% ее составляют фрагменты греческих остродонных амфор, служивших тарой для привозимого из греческих центров вина. Количество же остальной гончарной керамики равняется всего лишь 0,5% всех сосудов, изготовленных на круге. В этой последней выделяются 2 основные группы: 1) красноглиняная греческая керамика, как тонкостенная, покрытая лаком, так и простая, и 2) керамика сероглиняная, часто с лощеной поверхностью.

Амфоры

В культурном слое Знаменского городища амфоры представлены многочисленными фрагментами. Изучение характера глины обнаруженных фрагментов и профилей ножек позволило выявить отдельные типы амфор, пользуясь классификацией И. Б. Зеест⁶⁶ и Б. Н. Гракова⁶⁷. По моему мнению, при всей

условности и приблизительности подсчета амфор по ножкам какую-то общую закономерность он все же должен отражать.

За 2 года моих раскопок на Каменском акрополе в 1952 и 1953 гг. всего обнаружено 179 ножек амфор; из них, за исключением бесформенных обломков, определено и отнесено к тому или иному типу 136 ножек⁶⁸.

В нижнем, раннеэллинистическом слое акрополя основной фон составляют обломки амфор из красной и коричневатокрасной глины, содержащей разные примеси, с довольно массивными ручками овального, реже круглого сечения. Среди амфор выделяются следующие группы, образцы которых в значительном количестве встречаются и в верхних слоях, попав туда в результате перекопа.

Наиболее значительной группой амфор Знаменского городища являются амфоры с так называемыми рюмкообразными ножками (рис. 19, 1). Центр производства этих амфор до сих пор точно не выяснен. Всего за 2 года их найдено 32 экземпляра, что составляет 30% от общего количества обнаруженных ножек. Расцвет бытования этих амфор — IV—III вв. до н. э.⁶⁹

Следующую значительную группу составляют фасосские амфоры, ножки которых выделены в количестве 23 экземпляров (17%). Среди них представлены тип ножек IV—III вв. до н. э. (рис. 19, 2) и тип ножек III в. до н. э. (рис. 19, 3). Однако за 2 года наших раскопок встречено только одно фасосское клеймо III в. до н. э., к сожалению, полустертое (раскоп VI, штык 4): в центре прямоугольного клейма различается изображение дельфина вправо; надпись по краям рамки совершенно не читается.

Следует выделить группу амфорных ножек, похожих на фасосские по форме, но отличающихся от них по глине, почти всегда коричневатокрасной, с примесью мелкого песка и белых включений (рис. 19, 4). Таких ножек выделено 15 экземпляров (11%).

Несколько меньшей по численности (11 экземпляров, или 8%) является группа

⁶⁶ И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951; *е.е. же.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. Там же; *е.е. же.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2; *е.е. же.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, 1954; *е.е. же.* К вопросу о боспорских амфорах. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952.

⁶⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище...

⁶⁸ За консультацию при определении ножек амфор приношу глубокую благодарность Б. Н. Гракову, прочитавшему, определившему и датировавшему амфорные клейма, и И. Б. Зеест, проверившей мое определение амфорной керамики.

⁶⁹ И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 116.

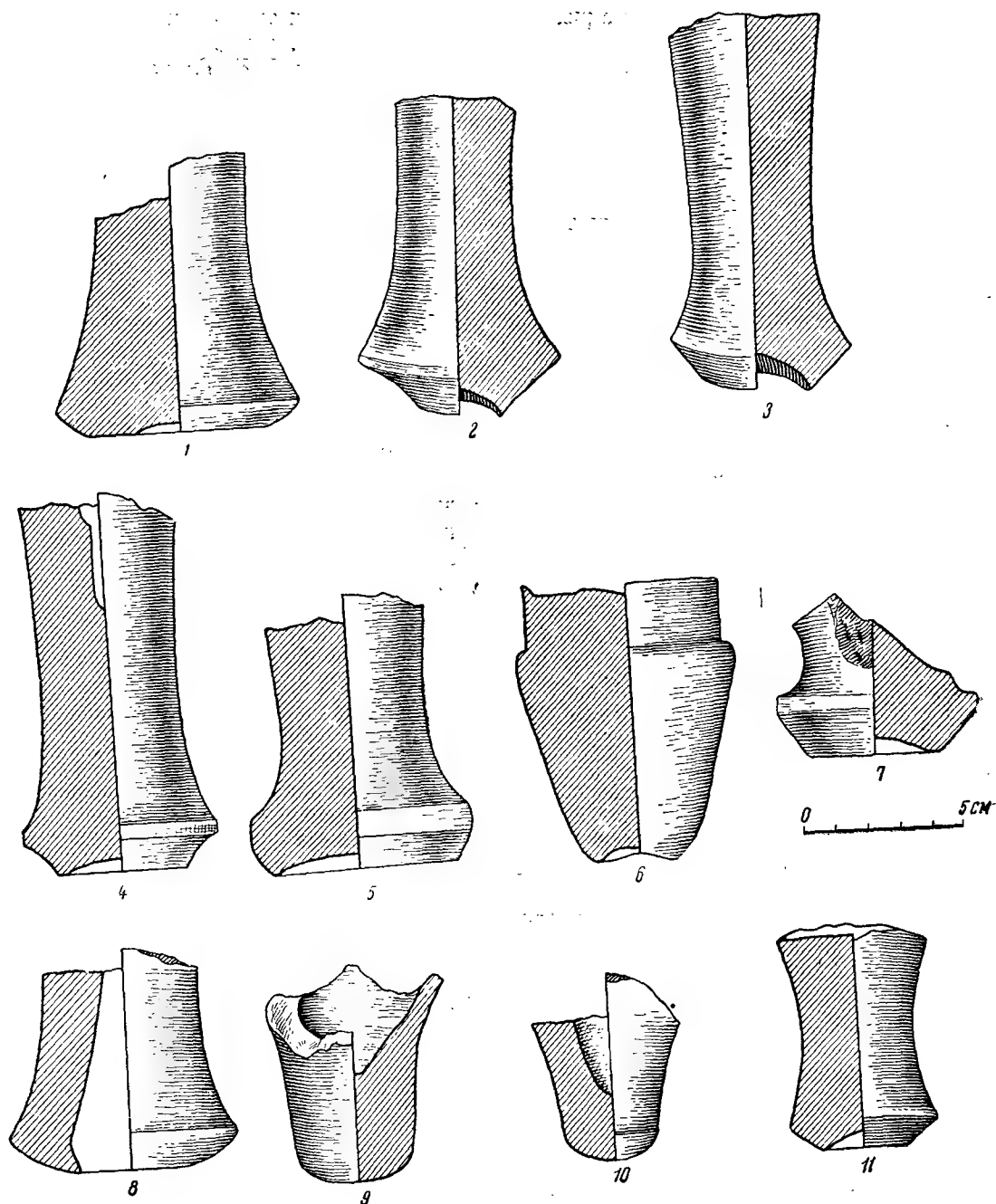

Рис. 19. Знаменское городище. Образцы ножек греческих амфор.

1—8, 11 — IV—III вв. до н. э.; 9, 10 — II—I вв. до н. э.

боспорских (по И. Б. Зеест)⁷⁰ амфор из красной глины с белыми включениями, имеющих

⁷⁰ И. Б. Зеест. К вопросу о боспорских амфорах.

массивную расширяющуюся книзу ножку со скругленным окончанием и характерной широкой плоской выемкой на нижней стороне (рис. 19, 5). Они бытовали одновременно с

фасосскими амфорами и амфорами с рюмкообразными ножками.

Ножки гераклейских амфор встречались не так часто — 7 ножек за 2 года. Однако эта группа значительно пополняется рядом обломков горл гераклейских амфор с буквенными углубленными клеймами. Лучше всего сохранилось клеймо IV в. до н. э. на обломке, найденном в раскопе XIII (штык 6), с именем фабриканта Дионисия и эпонима Дейномаха (рис. 8, 6). Концом IV в.—III в. до н. э. датируются остаток клейма на обломке с раскопа XII-Б (штык 4; рис. 8, 4) и клеймо с именем Гефестиона с раскопа VIII (рис. 8, 3). Аналогии последнему были найдены в Феодосии в 1894 г. (Одесский музей)⁷¹ и Фанагории в 1940 г.⁷² Клеймо с именем Этимоса (рис. 8, 7) имеет ближайшие аналогии в одном из погребений Александропольского кургана⁷³ и довольно часто встречается при раскопках греческих городов нашего Юга⁷⁴. Оно должно быть отнесено к III в. до н. э., так же как и клеймо с именем Эварха, найденное в ближайших окрестностях Знаменского могильника (рис. 8, 5). Известны случаи вторичного использования ножек гераклейских амфор; так, например, ножка № 767 (раскоп X, штык 2) употреблялась как лошадь.

Чаше, чем на Каменских кучугурах, встречаются «колпачковые» ножки амфор из коричневатокрасной глины. За 2 года раскопок их насчитывается 7 экземпляров (рис. 19, 6). Эти амфоры датируются тоже IV—III вв. до н. э.⁷⁵

Так же как и на Каменских кучугурах, сравнительно немногочисленна группа раннесинопских амфор IV—III вв. до н. э., засвидетельствованная 4 ножками. В более позднее время, как мы увидим ниже, импорт из Синопы, наоборот, преобладал.

Амфоры первого солохинского типа⁷⁶ представлены 3 короткими ножками с углублением снизу (рис. 19, 7; рис. 20, 7), а также довольно часто встречающимися облом-

ками массивных треугольных в сечении амфорных венцов, грибообразно нависающих над горлом (рис. 8, 9). Глина всех этих фрагментов серовато-желтая, розоватая, светло-коричневая или светло-оранжевая с блестками. Высокая стройная ножка оранжево-красной глины из ямы № 1 раскопа X (рис. 20, 8), по-видимому, должна быть связана со вторым типом амфор из кургана Солоха⁷⁷. На горле и ручках последних А. П. Манцевич отмечает английские клейма в виде замкнутого колечка⁷⁸. В Каменском акрополе подобные клейма встречены на фрагментах стенок красноглиняных амфор. Один такой фрагмент найден в 1953 г. на земляном валу акрополя (рис. 8, 8), другой — при раскопках Н. Г. Елагиной в 1954 г. (№ 888). Из ее же раскопок происходит обломок тоже красноглиняной амфоры с вдавленным клеймом в виде буквы ф. Амфоры солохинских типов относятся все к той же группе амфор IV—III вв. до н. э.

Амфорные ножки с узким и высоким коническим углублением⁷⁹ (рис. 19, 8) представлены в наших раскопках 2 экземплярами с раскопов IV и VII. Глина коричневатокрасная, с обилием блесков слюды, крупинками кварца и мелкими белыми включениями.

Двумя клейменными ручками засвидетельствованы херсонесские амфоры. Глина их красноватая, насыщенная черными и красными включениями, напоминает синопскую. Следы клейма на ручке с раскопа XIII (штык 4; рис. 20, 2) расшифровываются Б. Н. Граковым так:

Κο [Κοτίτιονος]
'Ασ [Ἀστυνοῦ].

Действительно, на астиномных клеймах херсонесских амфор встречается имя Котитиона, сына Аристона. Издавший эти клейма Р. Б. Ахмеров предполагает, что Котитион был сыном магистрата Аристона, имя которого можно найти на ранних монетах Херсонеса, и на этом основании, а также по палеографическим данным относит клейма с именем Котитиона к группе клейм середины или конца III в. до н. э.⁸⁰

⁷¹ ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 155, № 18. Коллекция Одесского музея.

⁷² Коллекция ГМИИ.

⁷³ Гос. Эрмитаж, инв. № 462-А.

⁷⁴ За сообщенные сведения приношу благодарность Б. Н. Гракову.

⁷⁵ И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 116.

⁷⁶ А. П. Манцевич. Амфоры кургана Солоха. Сообщения Гос. Эрмитажа, т. IV, 1947, стр. 3, рис. 1.

⁷⁷ А. П. Манцевич. Ук. соч., стр. 4, рис. 3.

⁷⁸ Там же, стр. 4, 5, рис. 4.

⁷⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 85, табл. VII, рис. 19; стр. 87.

⁸⁰ Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 107, 118.

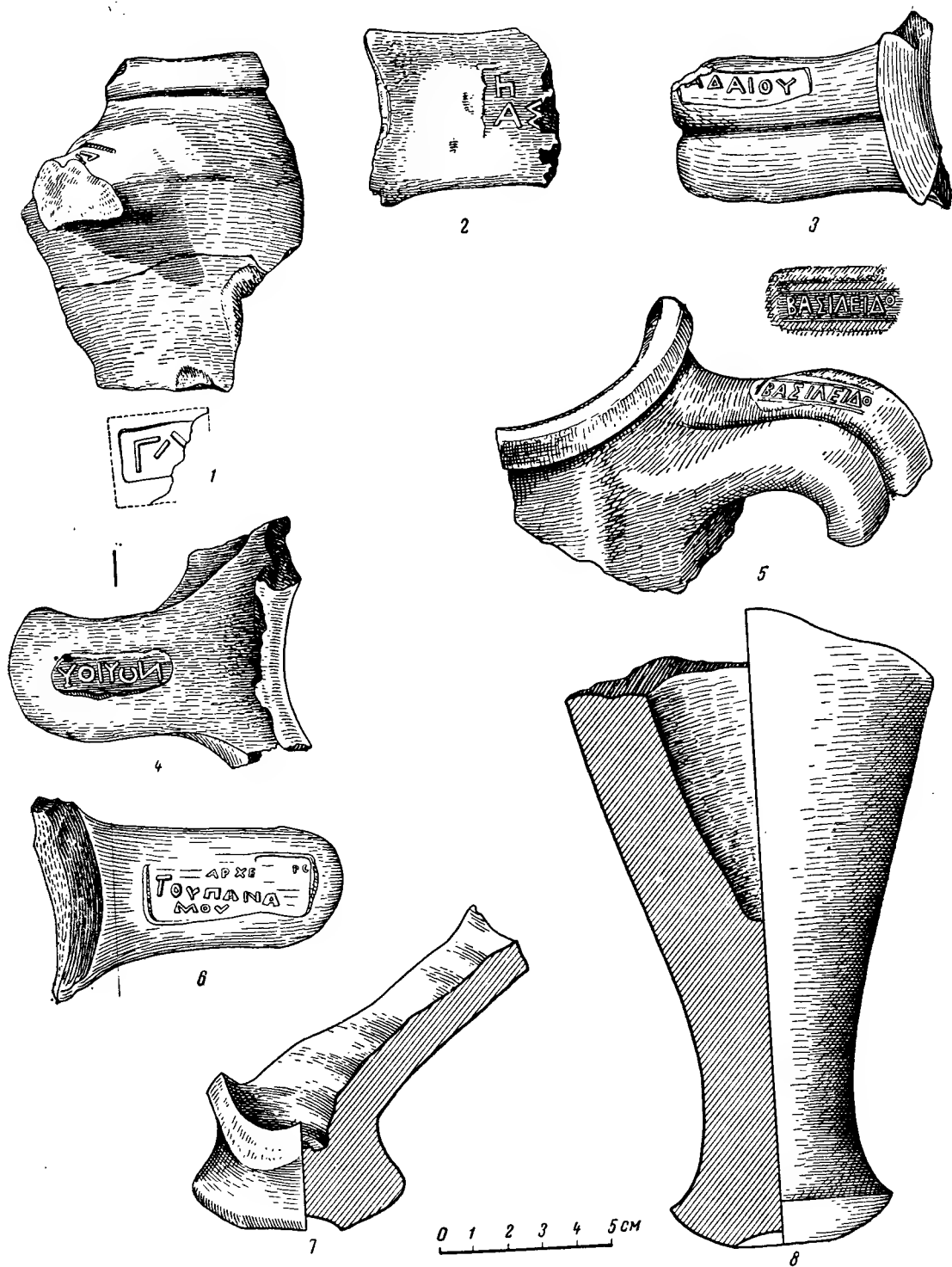

Рис. 20. Знаменское городище. Фрагменты греческих амфор.
1, 7, 8 — IV—III вв. до н. э.; 2, 3, 5 — III в. до н. э.; 4, 6 — II—I вв. до н. э.

Другое клеймо, на ручке, найденной в 1952 г. (раскоп IV), содержит имя Аполлонида и читается справа налево. Это имя также известно среди астиномов Херсонеса второй половины III в. и II в. до н. э.⁸¹ По палеографическим данным, наше клеймо следует скорее относить к III в. до н. э.

Амфоры IV—III вв. до н. э. других, — пока не определенных, — центров представлены немногочисленными обломками. Так, единичная ножка амфоры, найденная в 1953 г. (№ 1359, раскоп XI, штык 1), по форме напоминающая гераклейскую, но отличающаяся от нее по глине — светло-коричневой, с мелкими черными и белыми включениями и блестками. К известному центру нужно отнести также горло амфоры из серовато-желтой глины с черными включениями, с обломанным клеймом на ручке (рис. 20, 1).

В целом не трудно убедиться, что в IV—III вв. до н. э. импорт амфор на Каменские кучугуры и в акрополь Каменского городища был почти однороден. Показательно значительное преобладание и там, и здесь амфор с рюмкообразными ножками; к этим амфорам Б. Н. Граков относит также второй солохинский тип. За ними следуют фасосские, боспорские, гераклейские и пр. Процент фасосских амфор как будто выше на акрополе, гераклейских, боспорских и раннесинопских — на Каменских кучугурах. Вообще это правдоподобно, поскольку фасосское вино, как более высококачественное и дорогое, должно было иметь большой спрос у аристократического населения акрополя.

На рубеже III и II вв. до н. э. жизнь в поселке на Каменских кучугурах замирает; амфор II—I вв. до н. э. там встречается лишь очень немного в противоположность акрополю, т. е. Знаменскому городищу, где культурный слой этого времени достаточно мощен. Поэтому, начиная со II в. до н. э., по ассортименту амфор Знаменское городище резко отличается от Каменских кучугур за счет появления новых типов.

Ко II в. до н. э. относятся прежде всего ручки родосских амфор, встреченные главным образом в верхних 4 штыках. В раскопках Б. Н. Гракова на Каменских кучугурах родосские амфоры не засвидетельствованы совсем; это не удивительно, так как расцвет

ввоза родосского вина в Северное Причерноморье падает на более позднее время, синхронное только жизни акрополя. В наших раскопках Знаменского городища обнаружено несколько родосских ручек, хотя эту группу нельзя признать многочисленной. Сюда относятся 4 неклеяемых обломка и 3 клеяемых. Из последних два (с раскопов I и X) содержат полустертые трёхстрочные надписи в прямоугольной рамке, в которых ясно различается название месяца ΠΑΝΑΜΟΥ, а на одной из них — еще и поврежденное имя эпонима Архемброта (рис. 20, 6). На третьем клейме (№ 378, с раскопа I) в круглой рамке заметно полустертое изображение цветка, надпись же неразличима.

Значительную группу верхнего слоя составляют обломки двустольных ручек косских амфор из светло-коричневой и розовой глины с блестками. Большая часть их относится, вероятно, ко II в. до н. э., но наиболее ранние восходят, видимо, еще к концу III в. до н. э. Такие обломки обнаружены в нижнем раннеэллинистическом слое, как, например, обломок горла амфоры (раскоп X) с клеймом на ручке ΒΑΣΙΛΕΙΔΟ (рис. 20, 5). Другая клеяемая ручка с именем ΑΔΑΙΟΥ тоже, вероятно, конца III в. до н. э., найдена в перекопанном слое возле стены малого акрополя (рис. 20, 3). Разновидностью косских амфор являются, видимо, амфоры с двустольными ручками, сделанные из несколько иной глины — красной, тоже с блестками, и темно-коричневой. Если считать косские амфоры по ножкам, то они встречены всего только 5 раз, из них три — из коричневой глины и две — из красной.

Двустольные ручки амфор из светлой глины с обильным включением черных и красных частиц, датируемые I в. до н. э. — I в. н. э.⁸² и столь характерные для Гавриловского и других позднескифских городищ на Днестре, — на Каменском акрополе почти совсем не найдены. Пока известны только буквально единичные фрагменты из поздних ям и зольников.

Небольшие изящные цилиндрические, но слегка выгнутые посередине ножки из светло-коричневой глины по форме напоминают родосские, а по глине, — скорее, косские ам-

⁸¹ Р. Б. Ахмеров. Об астиномых клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 107, 108.

⁸² И. Б. Зеев. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 111.

форы. Может быть, с ними нужно связывать овальные в сечении ручки из такой же глины, обломки которых встречаются довольно часто. Описанных же ножек пока было обнаружено 4 экземпляра (рис. 19, 9). Они относятся, вероятно, ко II в. до н. э.

Заметно преобладают, судя по количеству ножек, в верхнем слое Каменского акрополя позднесинопские амфоры с коническими ножками, на которых заметны следы ручной формовки, из характерной синопской глины лилового или красноватого оттенка с многочисленными черными кристаллическими частицами. К этой разновидности следует присоединить также амфоры, близкие к синопским по глине или по ручной формовке ножки, иногда очень узкой. Всего за 2 года раскопок найдено 19 ножек, главным образом позднесинопских, а также близких к ним амфор. Позднесинопские амфоры И. Б. Зеест датирует I в. до н. э.— I в. н. э.⁸³

Может быть, к позднесинопским амфорам следует отнести обломок горла амфоры с ручкой из светло-коричневой глины с черными и красными включениями. На ручке — клеймо с именем Нойя (рис. 20, 4). В свое время Е. М. Штаерман клеймо с подобным именем из Тиры отнесла к гераклеяским⁸⁴. Однако ни форма венчика, ни характер глины горла данной амфоры не похожи на гераклеяские. С другой стороны, Д. Б. Шелов аналогичное клеймо из Пантикапея считает синопским II—I вв. до н. э.⁸⁵, что представляется мне более правдоподобным.

К рубежу нашей эры нужно отнести 2 обломка горл небольших амфор из темно-коричневой глины со значительной примесью черных блестящих частиц (раскоп I). Такие амфоры были выделены И. Б. Зеест среди амфор Неаполя скифского и датированы I в. до н. э.— I в. н. э.⁸⁶ К тому же времени относятся короткие ножки с округлым окончанием, из коричневой или красной глины с большой примесью песка и шамота (рис. 19, 10).

Изредка встречаются узкие вытянуто-конические ножки из коричневатой-красной гли-

ны, отличающиеся от синопских и глиной, и более четкой формовкой ножки. На Гавриловском городище почти целая амфора с подобной ножкой, но из более светлой, желтовато-розовой глины, связана с развалом каменного здания I в. до н. э.— I в. н. э. Тулово ее имеет вытянутую форму, ручки симметрично профилированы (см. ниже, стр. 217, а также рис. 46, 1).

Некоторое количество обломков профилированных ручек амфор встречается в верхних слоях Каменского акрополя; глина их, однако, иная, чем у упомянутой гавриловской амфоры, а именно светлая, желтоватая или буровато-красная, с большим количеством песка и черных включений. Профилировка мелкая, симметричная, что отличает эти ручки от ручек поздних светлоглиняных амфор II—III вв. н. э., имеющих асимметричные продольные ребра с резко загнутыми гребешками. Амфоры Каменского акрополя с профилированными ручками не должны относиться к более позднему времени, чем I—II вв. н. э.

К светлоглиняным узкогорлым амфорам с профилированными ручками и на кольцевом поддоне, которые датируются II—III вв. н. э.⁸⁷, пока что можно отнести только один обломок днища, найденный во рву малого акрополя при раскопках Н. Г. Елагиной в 1954 г. Обломок горла подобной амфоры обнаружен также в культурном слое Знаменского могильника.

Наконец, на тех участках, где в слое имеется сероглиняная керамика черняховского времени, ей сопутствуют обломки реберчатых стенок амфор III—IV вв. н. э. (раскоп XVIII 1954 г.).

Греческая тонкостенная керамика

Среди этой керамики преобладает тонкостенная посуда, покрытая лаком. В основном это чернолаковая керамика, так как даже краснолаковые фрагменты являются ни чем иным, как пережженным черным лаком.

Наиболее ранние и лучшие по качеству образцы греческой художественной посуды обнаружены в нижнем культурном слое, датируемом амфорами IV—III в. до н. э., и в ямах, связанных с этим же периодом жизни

⁸³ И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем, стр. 111.

⁸⁴ Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 31 и сл.

⁸⁵ Сведения сообщены мне Д. Б. Шеловым, за что выражаю ему благодарность.

⁸⁶ И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя..., стр. 75.

⁸⁷ Там же, стр. 114 и сл.

Знаменского городища. Особенно богатой в этом отношении оказалась яма на квадрате 14 раскопа IV, открытая Н. Г. Елагиной в 1952 г. Здесь были найдены фрагменты аттического краснофигурного кратера, покрытого прекрасным черным лаком чуть оливкового оттенка, с орнаментом в виде меандра и ов (рис. 9, 4, 5). По характеру лака и по форме сосуд можно датировать первой половиной IV в. до н. э.⁸⁸ Другой обломок краснофигурного сосуда из ямы № 1 на раскопе X, — по-видимому, скифоса (рис. 9, 3), — по беглому стилю изображения мужской головы следует отнести ко второй половине IV в. до н. э. Тем же временем нужно датировать фрагмент горла краснофигурного сосуда из раскопок 1954 г. и фрагменты чернолаковых лекифов, горлышки которых найдены на раскопе I и в яме № 1 раскопа X (рис. 9, 2).

Серединой или второй половиной IV в. до н. э. датируется канфар, найденный в осыпи берегового обрыва и приобретенный Н. Г. Елагиной у местного жителя в 1954 г. (рис. 5, 14). У канфара низкое тулово и дугообразные ручки с горизонтальными шипами; он покрыт черным лаком хорошего качества. Одновременно ему, судя по лаку, сосудик с чуть выпуклыми стенками, обломки которого найдены в яме № 8 раскопа XIII (№ 2339).

Расписная ионийская керамика эллинистического времени представлена на городище фрагментом сосуда светло-серой глины с росписью тусклым коричневым лаком по светлому фону (из слоя раскопа III; рис. 9, 6). От изображенной в прямоугольной рамке фигуры (видимо, сирены) на данном обломке сохранились только птичье крыло и хвост рыбы. Верхний край рамки окаймляет ряд квадратиков, а с правой ее стороны помещается сетка из перекрещенных линий. По определению В. Д. Блаватского, обломок можно отнести к числу ваз группы Гадра III—II вв. до н. э.

Широко представлены в культурном слое Знаменского городища обломки так называемых «мегарских» чаш и с чисто декоративным орнаментом, и с сюжетными изображениями. Из уже упоминавшейся ямы раскопа IV происходят фрагменты чаши из серой, хорошо промытой глины, покрытой матовым

черным лаком (рис. 21, 1, 2). От изображенной на наружной поверхности фигурной сцены сохранилась сидящая мужская фигура в длинной одежде, в высоком головном уборе; впереди нее — склонившаяся вправо женская фигура в красиво облегающем тело длинном хитоне. На другом обломке этой же чаши заметна часть еще одной задрапированной женской фигуры, левая рука которой согнута и положена на пояс. Точных аналогий этой чаше найти пока не удалось, но по-видимому, мы имеем здесь дело с какой-то мифологической или, может быть, эпической сценой в духе декораций ранних «мегарских» чаш⁸⁹.

Из той же ямы происходят обломки краснолаковой «мегарской» чаши с изображением эротов, скачущих на колесницах (рис. 21, 3, 4). Сюжет этот встречается на «мегарских» чашах, хотя и не слишком часто⁹⁰. Фрагменты чаш с подобными изображениями известны из раскопок в Северном Причерноморье; они встречены в эллинистических слоях Неаполя скифского⁹¹ и Пантикалея⁹².

Вне пределов малого акрополя также найдено значительное количество «мегарских» чаш. Чаша из погребения на земляном валу склеена полностью из 2 фрагментов (рис. 9, 8). Она сделана из красной глины с примесью песка и покрыта коричневатокрасным лаком, принявшим в верхней части черный цвет вследствие условий обжига⁹³. Чаша покрыта рельефным орнаментом, расположенным зонами. Все изображенные декоративные мотивы — лесбийский киматий, угловатые завитки, ланцетовидные листья, чередующиеся с пальмовыми ветвями, розетка на дне, а также форма и лак чаши обычны для «мегарских» чаш II в. до н. э. К этому времени и следует ее отнести, так же как и чашу № 2336, найденную в разбитом виде среди остатков очага № 2 в яме на раскопе XIII 1953 г. (рис. 9, 7), и многочисленные фрагменты других «мегарских» чаш с разнообразным растительным орнаментом, овами, розетками и пр. (рис. 21, 5—7). Аналогичные

⁸⁹ F. Courby. *Ler vases grecs à relief*. Paris, 1922.

⁹⁰ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 262.

⁹¹ Собрание Крымского филиала Академии наук СССР.

⁹² Раскопки на Митридаде 1946 г. Собрание ГМИИ. ЭП + У, № 6842, 3481.

⁹³ В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 253.

⁸⁸ За консультацию при определении греческой керамики приношу глубокую благодарность В. Д. Блаватскому, И. Б. Зеест и Н. М. Лосевой.

мотивы можно встретить на фрагментах «мегарских» чаш из эллинистических слоев Ольвии и Пантикапея. В частности, особенно в

менте № 2330 (1953 г.); там даже найдены формы для изготовления чаш с подобным орнаментом и обломки чаш, сделанных по этим

Рис. 21. Знаменское городище. Фрагменты «мегарских» чаш (1—7).

Пантикапее распространен мотив бус между лучеобразно расходящимися выпуклыми линиями⁹⁴, как на обнаруженном нами фраг-

⁹⁴ И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 108.

формам⁹⁵. Однако грубоватая серая глина боспорской продукции сильно отличается от

⁹⁵ В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ, № 2, 1947, стр. 14, рис. 8.

хорошо промытой серой или коричневатокрасной глины «мегарских» чаш с Каменского акрополя. Нужно думать, что чаши представляют собой импорт из самой Греции.

К III—II или II вв. до н. э. нужно отнести несколько обломков сосудов с росписью в технике «гнация» по черному или темно-коричневому лаку (рис. 9, 1).

В зольнике на раскопе I были найдены обломки чернолакового сосуда, из которых почти полностью собралось блюдо с профилированным краем (рис. 14, 2). Глина блюда серая, лак тусклый, с серым графитным оттенком; наложен лак неравномерно. Такие блюда характерны для II—I вв. до н. э.⁹⁶

Вся остальная лаковая керамика Каменского акрополя, представленная фрагментами из нижнего и верхнего слоев, в целом укладывается в период III—I вв. до н. э. Как уже было сказано, по существу это все чернолаковая керамика или такая, на которой черный лак переходит местами в коричневый либо красный. Красный лак римского времени, даже раннего, для культурного слоя Каменского акрополя не характерен.

Глина фрагментов, покрытых лаком, — серая, серовато-желтая или коричневатокрасная; на сероглиняных сосудах она обычно графитного оттенка. Среди форм сосудов выявлены следующие:

- 1) килики чернолаковые;
- 2) аск — обломок горлышка и ручки, найденный Н. Г. Елагиной в 1954 г. (раскоп XVI, штык 4, № 224); лак черный, жидковатый, но довольно блестящий, переходящий в красный;
- 3) тарелки чернолаковые из серой глины, с горизонтальным (рис. 14, 2) или вертикальным бортиком;
- 4) чашки с загнутым внутрь краем, чернолаковые, из серой глины и краснолаковые, с черными пятнами или коричневатым оттенком, из красной глины;
- 5) тонкостенные сосудики, покрытые черным или бурым лаком, с прямыми или выпуклыми стенками; выделяется фрагмент чернолакового сосуда с вертикальными стенками, орнаментированными в верхней части 2 рядами штампованных насечек (рис. 14, 1).

Группа фрагментов сосудов с жидким покрытием, черноватым или красновато-бурова-

тым, имитирующим лак, — несомненно, местного производства и, по-видимому, ольвийского происхождения, судя по аналогиям в культурном слое Ольвии⁹⁷. Преобладают чашки с загнутым внутрь краем (1953 г., раскоп VIII, яма № 2, № 2242 и др.), встречаются тарелки (1952 г., раскоп I, зольник № 380). Вероятно, кувшином был крупный сосуд на кольцевом поддоне (№ 970), нижняя часть которого найдена во фрагментах в основании зольника раскопа I 1952 г. Верхняя часть сосуда, начиная с середины тулова, была покрыта красно-бурой обмазкой.

Простая красноглиняная керамика

В культурном слое Каменского акрополя простая красноглиняная керамика, не лаковая и не расписная, встречена в значительно меньшем количестве. По-видимому, жители городища в ней особенно не нуждались, поскольку для кухонных целей и простого обихода им служили лепные сосуды собственного производства. Однако некоторое количество такой керамики все же попадало на акрополь. Некоторые сосуды были, безусловно, импортными из греческой метрополии, например эллинистические лагеносы, представленные рядом обломков. Некоторые из них — из розовато-коричневатой глины, с белым ангобом, — возможно, являются импортом с Родоса, как, например, фрагмент горла из слоя раскопа X и 2 ручки с клеймами в виде одной и той же монограммы из рва малого акрополя и из слоя раскопа IV (рис. 8, 1). Иная монограмма изображена на третьей ручке, красноглиняной, из слоя раскопа XIII, происходящей, вероятно, из какого-то другого центра (рис. 8, 2). Указанные клейма, по определению Б. Н. Гракова, относятся ко II в. до н. э.

Возможно, импортом является целый амфориск из желтовато-розовой глины, найденный при раскопках Н. Г. Елагиной в 1954 г. (рис. 5, 12). Большая же часть простой красноглиняной керамики — это, вероятно, продукция местного северо-причерноморского, скорее всего, ольвийского производства. Глина ее преимущественно коричневатокрасная, или коричневатая, или желтоватая с примесью песка, иногда — извести. Типы сосудов в основном не выходят за пределы позднего эллинизма:

⁹⁶ В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. Памятники искусств. Бюллетень ГМИИ, № 2, 1947, стр. 25.

⁹⁷ Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 156 и сл.

1. Сосуды с витыми ручками.
 2. Небольшой сосуд, украшенный наlepным кружком на уплощенной ручке с желобком вдоль центра, прикрепленной верхним концом непосредственно к краю сосуда (рис. 14, 3). Такого рода орнаментация является особенностью керамики греческих городов Северного Причерноморья⁹⁸. Собственно греческой керамике такая орнаментация не свойственна. В то же время в лепной керамике гето-фракийского круга она известна с эпохи энеолита⁹⁹.
 3. Тонкостенные кухонные горшки или кастрюли с внешним или внутренним упором для крышки.
 4. Веретенообразные бальзамарии эллинистического типа.
 5. Чашки с загнутым внутрь краем.
 6. Острореберная чашка с прямым бортиком.
 7. Тонкостенный кувшинчик.
- Вся эта керамика найдена главным образом в слое II—I вв. до н. э.

Сероглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге

Особую группу составляет сероглиняная керамика, сделанная на гончарном круге. На Каменском акрополе ее найдено сравнительно немного; обломки встречены и в нижнем, и в верхнем слоях, целых сосудов нет совсем. Большая часть обломков относится к крупным сосудам типа амфор или кувшинов с раздутым туловом и длинными ручками, овальными в сечении или уплощенными, с профилированной поверхностью. Глина серая, иногда с примесью крупных кусочков кварца и извести, т. е. по характеру своему аналогичная ольвийской. Одни из этих сосудов совсем не имеют лощения, у других поверхность лощеная, темно-серая. Один раз встречена уплощенная ручка крупного сосуда с красноватым лощением; в изломе глина ее совсем черная (1953 г., раскоп ХIIА, штык 4). Попадаются фрагменты тонкостенных кувшинов с высоким профилированным горлом (1953 г., раскоп VII, штык 4, № 77). Крайне немногочисленны фрагменты мисок с

плоскими венчиками, выгнутыми, иногда профилированными шейками и светло-серым лощением (1953 г., раскоп ХIIИ, штык 5, № 2028). Миски этого типа часто встречаются в Ольвии, в слое первых веков нашей эры¹⁰⁰, в Молдавии¹⁰¹, а также на поселениях гето-фракийских племен в Румынии¹⁰².

В разных частях зольника на раскопе I 1952 г., датированного амфорами с IV—III вв. до н. э. по I в. до н. э., были разбросаны обломки одного и того же гончарного сосуда из очень светлой, бледно-желтой глины со слабо залощенной поверхностью, на плечиках которого между двух вдавленных линий проходит горизонтальная полоса тоже углубленного волнистого орнамента (рис. 14, 5). Близкий по характеру фрагмент сосуда из светло-серой глины с бледно-серым лощением и таким же углубленным волнистым орнаментом был найден в Ольвии¹⁰³.

Линейный волнообразный орнамент, лощеный или углубленный, является основным приемом орнаментации сероглиняной лощеной керамики Ольвии первых веков нашей эры¹⁰⁴. Волнообразные или зигзагообразные линии, продавленные или чаще нанесенные тупым инструментом после обжига,— излюбленный вид орнамента на местной лепной и сероглиняной гончарной керамике латенского времени гетских поселений на территории Румынии (Тиносуль, Манастиреа, Пояна)¹⁰⁵. Очень вероятно, что экспансия гетов в середине I в. до н. э., захватившая и Ольвию, оказала свое влияние также на местное ольвийское гончарное производство, в котором с этого времени стали появляться орнаментальные мотивы, близкие северофракийскому кругу, о чем мне придется говорить ниже.

Несколько выпадает хронологически из вещевого материала городища группа фрагментов гончарной сероглиняной керамики, которая при наших раскопках встретилась в верхнем слое (штыки 2—3) раскопа ХIIИ,

¹⁰⁰ Р. И. Ветштейн. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Рукопись диссертации. Киев, 1953, Архив ИА, стр. 82.

¹⁰¹ Сбор. Разведка А. И. Мелюковой, 1954 г.

¹⁰² R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 74, 15; рис. 78, 5 и др.; C. Daicoviciu. Ук. соч., табл. XX.

¹⁰³ Из коллекции Ольвийской экспедиции ЛОИМК, 1953 г., № 768.

¹⁰⁴ Р. И. Ветштейн. Ук. соч., стр. 90—92.

¹⁰⁵ R. et E. Vulpe. Ук. соч., стр. 296, рис. 55, 14, 15; стр. 304, рис. 81, 1, 2, 12; V. Părgvan. Ук. соч., стр. 791.

⁹⁸ Т. Н. Княпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М., 1955, стр. 378.

⁹⁹ V. Părgvan. Ук. соч., стр. 193, рис. 70; стр. 742.

близ южной стены малого акрополя. Среди этих фрагментов удалось собрать почти полностью небольшой одноручный кубок с высоким цилиндрическим горлом и низким раздутым туловом на кольцевом поддоне. Поверхность горла и тулова профилирована и отличается блестящим черным лощением (рис. 9, 10). Высота кубка — 4,9 см; диаметр устья — около 4,5 см, тулова — около 7 см, поддона — 2,8 см. Неподалеку найден обломок стенки сосуда из серовато-розовой глины с темно-серым матовым лощением. Поверхность его украшает «ёлочный» орнамент, нанесенный мелким зубчатым штампом (рис. 14, 8). Также по соседству обнаружен обломок высокого горла чернолощеного сосуда с округлым бортиком и 2 рельефными горизонтальными валиками на шейке, между которыми проходит полоса пролощенных косых линий (рис. 14, 7). Там же, но глубже (на штыке 5) обнаружены фрагменты сероглиняного острореберного сосуда с желобчатой верхней частью и блестящим черным лощением (рис. 14, 6) и также чернолощеной миски с профилированной шейкой (рис. 14, 4). В коллекции И. П. Грязнова имеется полный профиль сероглиняной чернолощеной острореберной миски на кольцевом поддоне, найденный в том же районе.

Вместе с указанной лощеной керамикой в том же слое раскопа XIII обнаружены обломки (№ 2106 и 1921) сосудов из серой и коричневой глины, выполненных на примитивном гончарном круге с шероховатой нижней поверхностью, которая пестрит щербинами от выпавших зерен кварца; это характерно для обработки грубой керамики черняховского времени.

Лепные сосуды черняховского времени обнаружены Н. Г. Елагиной на раскопе XVIII, тоже близ южной стены малого акрополя, но на территории последнего (см. выше, стр. 186). Там же в одной из ям оказалось несколько обломков сероглиняных сосудов с черным лощением; среди них — профиль острореберной миски (1954 г., № 1091). Керамика эта датируется фрагментами реберчатых амфор, относящихся, по-видимому, к III в. н. э.

Ближайшие аналогии описанной выше сероглиняной керамике из верхнего слоя можно найти среди посуды полей погребений черняховского типа. Сероглиняные чернолощенные миски с желобчатым орнамен-

том над перегибом тулова, как на рис. 14, 6, хорошо известны из Черняховского могильника¹⁰⁶. Там же встречены типы высокогогорлых кувшинов с рельефными поясками на шейке, подобных изображенному на рис. 14, 7¹⁰⁷, тонкостенные сосуды с высокой верхней и низкой, раздутой нижней частью, как у кубка на рис. 9, 10¹⁰⁸, острореберные миски. Для сосудов черняховского типа характерно блестящее черное лощение; среди мотивов орнамента встречаются косые пролощенные бороздки между двумя рельефными валиками, как на рис. 14, 7¹⁰⁹, а также орнаментация мелким зубчатым штампом, как на рис. 14, 8¹¹⁰.

Черняховский и близкие к нему по типу могильники датируются в основном III—IV вв. н. э. Правда, типы сосудов, похожих на черняховские, вырабатывались еще раньше в центрах Северного Причерноморья. Так, в сарматских могильниках южноукраинской степи, в погребениях I в. н. э. на р. Молочной, наряду с античной красноглиняной керамикой этого времени, найдены и сероглиняные лощеные чаши с желобчатым орнаментом¹¹¹, и высокогогорлые кувшины античного образца с блестящим черным лощением, пролощенными по шейке вертикальными полосками и косой сеткой по плечикам¹¹². Такая же, как у черняховских желобчатых чаш, отделка борта встречается в ольвийской сероглиняной керамике еще первых веков нашей эры¹¹³, среди которой мы найдем также значительную группу кувшинов и тарелок с пролощенными орнаментами в виде волнистых линий, зигзагов, косой сетки и др. Расцвет производства этой керамики в Ольвии и поселениях на Ингульце падает на II—IV вв. до н. э.¹¹⁴, т. е. на то время, когда в Среднем Приднепровье распространилась

¹⁰⁶ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия, 1901, табл. XXII, 24, 29.

¹⁰⁷ Там же, табл. XXI, 25, 35.

¹⁰⁸ Там же, табл. XXI, 31.

¹⁰⁹ Там же, табл. XXII, 16, 21.

¹¹⁰ Там же, стр. 186.

¹¹¹ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., табл. IV, 1.

¹¹² Там же, стр. 230.

¹¹³ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 233; см. также фрагмент № 363 из раскопок римской цитадели в Ольвии 1953 г. (коллекция Ольвийской экспедиции ЛОИИМК).

¹¹⁴ За сообщенные сведения приношу благодарность Т. Н. Книпович; см. также Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, вып. 3, 1954, табл. I.

керамика черняховского типа, а соответствующая группа сосудов выделилась также на Боспоре¹¹⁵. Однако в ольвийской сероглиняной лощеной керамике первых веков нашей эры совершенно отсутствует пунктирная орнаментация, как на рис. 14, 8¹¹⁶, и для нее более характерно серое лощение. Указать точно центр производства знаменской поздней керамики пока затруднительно, но несомненно, что эта группа отличается от сероглиняной лощеной керамики из Ольвии рубежа нашей эры.

Единичные фрагменты керамики черняховского типа были найдены и на других раскопах Знаменского городища, но нигде они не встречались в таком количестве, как на раскопах XIII и XVIII.

Стеклянные сосуды

В культурном слое Знаменского городища стеклянные сосуды представляют редкое исключение. Нам встретились всего только 2 фрагмента, оба — в верхнем слое раскопа XIII, на участке, где отмечены следы заселенности в III—IV вв. н. э. Незначительные обломки дают лишь приблизительное представление о формах сосудов с расширяющимся кверху горлом и округлыми стенками.

6. ЗАНЯТИЯ И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЗНАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Если жители поселения на Каменских кучугурах занимались по преимуществу металлургией, продукция которой была товаром, обслуживавшим широкий круг населения окрестной степи¹¹⁷, то следы металлургического производства на Каменском акрополе как в раннеэллинистическое, так и в более позднее время пока что слишком незначительны, чтобы говорить о преобладающем значении этого производства. В жилых кварталах Знаменского городища были встречены куски железного шлака — в разных местах и на различных уровнях раскопов X, XII, XIII, XV и в большем количестве (до 25 обломков) на раскопе I, в золистом слое, над развалинами эллинистических жилищ; на раскопе I най-

дены также куски крицы. При раскопках Н. Г. Елагиной на малом акрополе была обнаружена глиняная льячка (рис. 5, 4), а отдельные куски керамического шлака на раскопах I, IV, XII, может быть, являются остатками кричных горнов. Однако незначительность остатков металлургического производства свидетельствует о том, что оно имело домашний характер — им занимались для нужд своего небольшого хозяйства. Основным источником средств к жизни для населения Знаменского городища служили, по-видимому, земледелие, скотоводство и рыболовство.

Земледелие

Основным отличием в сельскохозяйственных занятиях населения Знаменского городища по сравнению с Кучугурским поселком Каменского городища является применение более усовершенствованных способов обработки зерна. Если при раскопках Каменских кучугур встречены только зернотерки примитивного типа, то при исследовании стены малого акрополя на Знаменском городище мы обнаружили верхнюю плиту каменного жернова-толкача эллинистического типа (рис. 22, 1). Эта плита, сделанная из твердой изверженной породы (габбровый гнейс или диабаз)¹¹⁸, имеет пирамидальную форму. Длина и ширина ее основания — 0,4 и 0,28 м, высота — 0,12 м, длина и ширина верхней части — 0,34 и 0,24 м. В центре жернова устроено воронкообразное углубление для сыпания зерна, а на дне сделана узкая щель, через которую зерно проникало на нижнюю плиту и затем перетиралось между двумя плитами. На торцовых сторонах жернова заметны пазы для деревянного рычага, приводившего жернов в движение.

По типу этот жернов очень близок жернову, вывезенному мной в 1950 г. с поселения в Золотой Балке Херсонской области¹¹⁹. По наблюдениям П. Д. Либерова, жернов из Золотой Балки отличается от боспорских жерновов аналогичного устройства расположе-

¹¹⁸ За определение каменных пород приношу благодарность Н. А. Сигаеву и Е. Н. Стефанович.

¹¹⁹ Опубликован Б. Н. Граковым («Каменское городище...», стр. 142, рис. 15, 2) и П. Д. Либеровым («К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э.». Материалы по истории земледелия в СССР, т. I, М., 1952, стр. 88, рис. 5).

¹¹⁵ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалея... МИА, № 33, 1954, табл. на стр. 90, 91.

¹¹⁶ Р. И. Ветштейн. Ук. соч., стр. 93.

¹¹⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 115, 125, 171.

нием рычага вдоль длинной, а не короткой оси, более пологими стенками центрального углубления и меньшей толщиной¹²⁰. Все эти особенности присущи и знаменскому жернову, что подтверждает правильность наблюдения П. Д. Либерова о существовании на ниж-

нова этого типа были распространены в эллинистическое время, хотя, по свидетельству И. Б. Зеест, они бытовали на Боспоре и в римское время, вплоть до III в. н. э.

Другую форму имеет обломок плоской круглой каменной плиты из раскопок Н. Г.

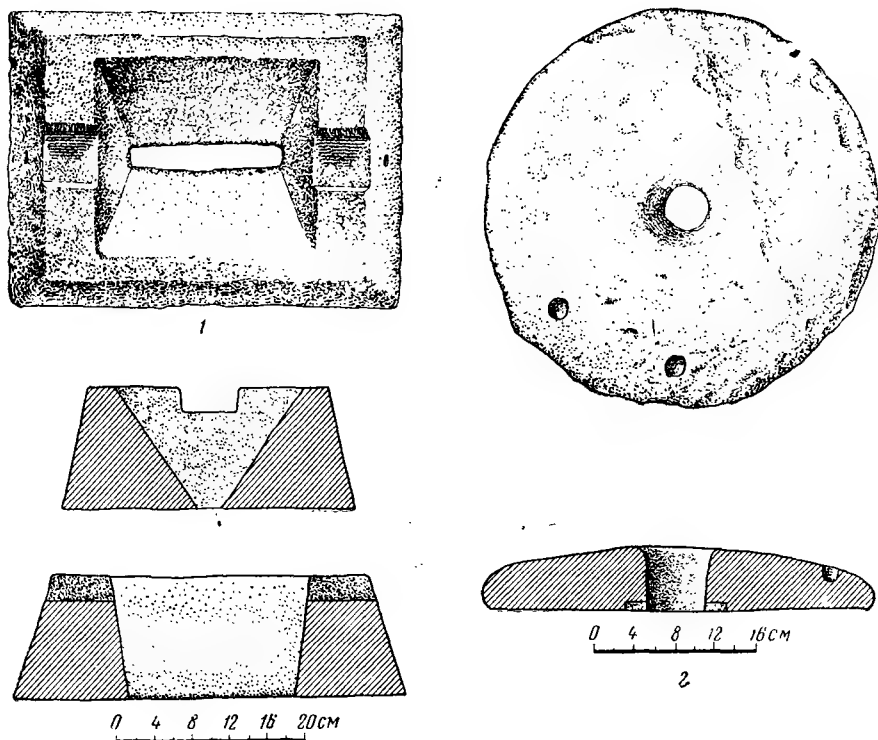

Рис. 22. Каменные жернова.

1 — со Знаменского городища; 2 — с Гавриловского городища.

нем Днепре местного варианта жерновов. Б. Н. Граков предполагает, что жернова этого типа сделаны по ольвийскому образцу¹²¹.

Бытовал ли акропольский жернов одновременно с кучугурскими зернотерками как более усовершенствованное орудие, применявшееся в хозяйстве скифской знати, или он появился уже в послекучугурское время, — сказать трудно, так как он найден в перекопанном слое, среди развала стены малого акрополя. Золотобалковский жернов также точно не датируется, поскольку он является случайной находкой. Наиболее широко жер-

Елагиной 1954 г., найденный в верхнем слое (раскоп XIX, № 572). Нижняя сторона его слегка выгнута, и на ней заметны следы стертости. Возможно, что это верхняя плита круглого жернова первых веков нашей эры.

В то же время на Каменском акрополе бытовали и небольшие терочники для ручного растирания зерна на нижней плите зернотерки. Это небольшие камни из диорита, гравилита или песчаника, овальные в плане и полукруглые в сечении, с плоской нижней стороной, т. е. в форме «французской булки», как образно описал терочники данного типа В. А. Городцов¹²². Встречаются они и в

¹²⁰ П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен..., стр. 89.

¹²¹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 143.

¹²² В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1937, стр. 177.

нижнем, раннеэллинистическом, и в верхнем слоях.

Зерна пшеницы на Каменском городище до сих пор не обнаружены. На Каменских кучугурах и на соседнем Большелепетихинском городище найдены черепки сосудов с отпечатками зерен ячменя¹²³. Нашими раскопками на акрополе засвидетельствованы зерна проса, отпечатавшиеся на фрагментах лепного сосуда из зольника на раскопе I (рис. 15, I).

Никаких орудий для вспахивания земли или для уборки хлеба на Знаменском городище до сих пор не найдено. Возможно, что в употреблении были деревянные плуги, до нашего времени не сохранившиеся. Поскольку на Каменских кучугурах обнаружено несколько железных серпов, вполне вероятно, что эти орудия продолжали употребляться и в послекучугурское время жителями Знаменского городища. Применение железного серпа на «малых» нижнеднепровских городищах засвидетельствовано находкой обломка железного серпа на Любимовском городище при раскопках Л. Д. Дмитрова¹²⁴.

Скотоводство

На разведение скота и преобладающее значение мясной пищи в жизни обитателей Знаменского городища указывают многочисленные обломки костей животных, обнаруженные в культурном слое, особенно в жилых кварталах. Больше всего костей и наилучшей сохранности встречено в сером золистом слое II—I вв. до н. э. Поскольку верхний слой городища в значительной части перекопан и, как показало изучение вещей, содержит остатки разного времени, расчленить кости по хронологическим периодам невозможно; ниже мы их рассматриваем в целом, имея в виду, что основное место среди них занимают кости II—I вв. до н. э. Определение костей выполнено В. И. Цалкиным. Произведенный мной на основании его анализа подсчет, конечно, очень условен, так как далеко не все фрагменты костей оказались определяемыми. Тем не менее какое-то общее представление о составе стада приводимые ниже цифры могут дать, особенно

при сравнении с остеологическими остатками Каменских кучугур.

Количество костей, определенных В. И. Цалкиным (за 1952—1953 гг.), распределяется по видам животных следующим образом (см. таблицу):

Животные	Количество костей (в числителе) и число особей (в знаменателе)	% от общего количества особей	% от общего количества костей
Домашние			
Крупный рогатый скот	735/60	26	—
Мелкий рогатый скот	397/79	34	—
Лошадь	714/46	20	—
Свинья	91/27	12	—
Собака	52/17	8	—
	1989/229	100	73,5
Дикие			
Благородный олень	152/25	30	—
Кабан	77/22	26	—
Бобр	80/21	25	—
Лось	5/3	19	—
Заяц	10/3		
Выдра	2/2		
Лисица	10/2		
Сайгак	2/2		
Барсук	7/2		
Волк	1/1	—	—
Дикая кошка . . .	1/2		
	347/84	100	26,5
	2326/313	—	100

На Каменских кучугурах, по данным, приведенным Б. Н. Граковым за 1945, 1946 и 1949 гг.¹²⁵, кости крупного рогатого скота среди определяемых костей составляют 52%, лошади — 41%, мелкого рогатого скота — всего 0,4%, а кости собаки и свиньи представлены в совсем незначительном количестве: 0,1 и 0,2%. Бросаются в глаза преобладание мелкого рогатого скота (овцы и козы)

¹²³ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 141.

¹²⁴ Коллекция ИА.

¹²⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 144. Приняты во внимание данные только по Каменским кучугурам, без акрополя.

на Знаменском городище и незначительный процент его на Каменских кучугурах, где преимущественно употребляли в пищу крупный рогатый скот.

Другой особенностью Знаменского городища является довольно значительное количество (26,5%) костей диких животных, которых почти нет на Каменских кучугурах (в раскопках П. Д. Либерова 1952—1953 гг. зарегистрированы 1 кость волка и несколько костей кабана). По-видимому, охота была преимущественно занятием аристократической, более свободной части населения, жившей в акрополе. Охотились главным образом на благородного оленя, кабана и бобра. Все это животные лесные, обитавшие, вероятно, в лесах, покрывавших сплошным массивом днепровские плавни до самого недавнего времени.

Рыболовство

Помимо хлебных злаков и мяса, население Знаменского городища употребляло в пищу немало рыбы и речных моллюсков, как на это указывают многочисленные остатки рыбьей чешуи, костей и раковин съедобных улиток. Однако, по нашим наблюдениям, основная масса рыбьих костей и чешуи найдена в верхнем слое или в поздних ямах с очажными отбросами; следовательно, есть основание думать, что широкое распространение эта пища и добывание ее получили в эпоху позднего акрополя, на рубеже нашей эры. На Каменских кучугурах, как указывает Б. Н. Граков¹²⁶, рыба в пищу не употреблялась.

Ловили рыбу здесь же, в Днепре, Конке и Белозерском лимане, которые и сейчас славятся своими рыбными богатствами. Ловля рыбы осуществлялась при помощи сетей, к которым для тяжести подвешивали грузила. Таким рыбацким грузилом нужно считать круглое грузило из пемзы, найденное на раскопе X, с отверстием в центре для подвешивания (рис. 23, 7), диаметром от 5,5 до 6 см и толщиной от 1,3 до 2 см. Диаметр отверстия — 1,5 см, причем края отверстия стерты больше с одной стороны, по-видимому, от натягивания веревки. На том же раскопе найдены обломки более крупного грузила из диорита (№ 978).

¹²⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 144.

Найденная Н. Г. Елагиной в 1954 г. крупная, круглая в сечении (5 мм в поперечнике), костяная игла с ромбовидной головкой, может быть, служила для плетения сетей (рис. 5, 7).

Одновременно ловили рыбу и на приманку. Слегка изогнутая, круглая в сечении проколка из раскопок 1954 г., длиной 13 см, заостренная с обоих концов (рис. 5, 6), по предположению Б. Н. Гракова, могла служить жерлицей для насаживания приманки.

Часто встречаются раковины речных моллюсков вида *Paludina vivipara*, главным образом — в ямах с очажными отбросами как раннеэллинистического (яма на квадрате 14 раскопа IV, яма № 1 на раскопе X), так и времени рубежа нашей эры (яма с печью на раскопе I). В ямах скифского времени эти раковины обнаружены среди золы, угля и прочих кухонных остатков. По-видимому, они служили обеденным блюдом. Особенно много их найдено в яме на квадрате 14 раскопа IV — до 3500; свыше 120 таких ракушек оказалось в яме с печью на раскопе I и т. д.

Прядение, ткачество, питье

Широко распространенным видом домашнего производства было изготовление одежды, о чем можно судить на основании вещественных остатков. О первом этапе процесса изготовления одежды — прядении — свидетельствуют довольно многочисленные находки пряслиц. Большинство пряслиц Каменского акрополя — глиняные. Найдены они и в раннеэллинистическом, и в более поздних слоях. Одни из них вылеплены специально от руки из грубо промешанной глины, обычно с лощеной или хотя бы заглаженной поверхностью; другие сделаны из черепков разбитых гончарных и — реже — лепных сосудов.

Преобладают те же формы, которые готовали на Каменских кучугурах. Это прежде всего биконические пряслица со срезанными полюсами (рис. 23, 11). Диаметр широкой части колеблется от 2,5 до 3,5 см, высота — от 1,3 до 2,6 см. Таких пряслиц из раскопок 1952—1954 гг. известно 22 экземпляра. Иногда грани у пряслиц слегка выгнуты (рис. 23, 14). Среди остальных пряслиц имеются четыре шаровидных, три — усеченно-конической формы на цилиндрическом основании (рис. 23, 13) [такое же пряслице ока-

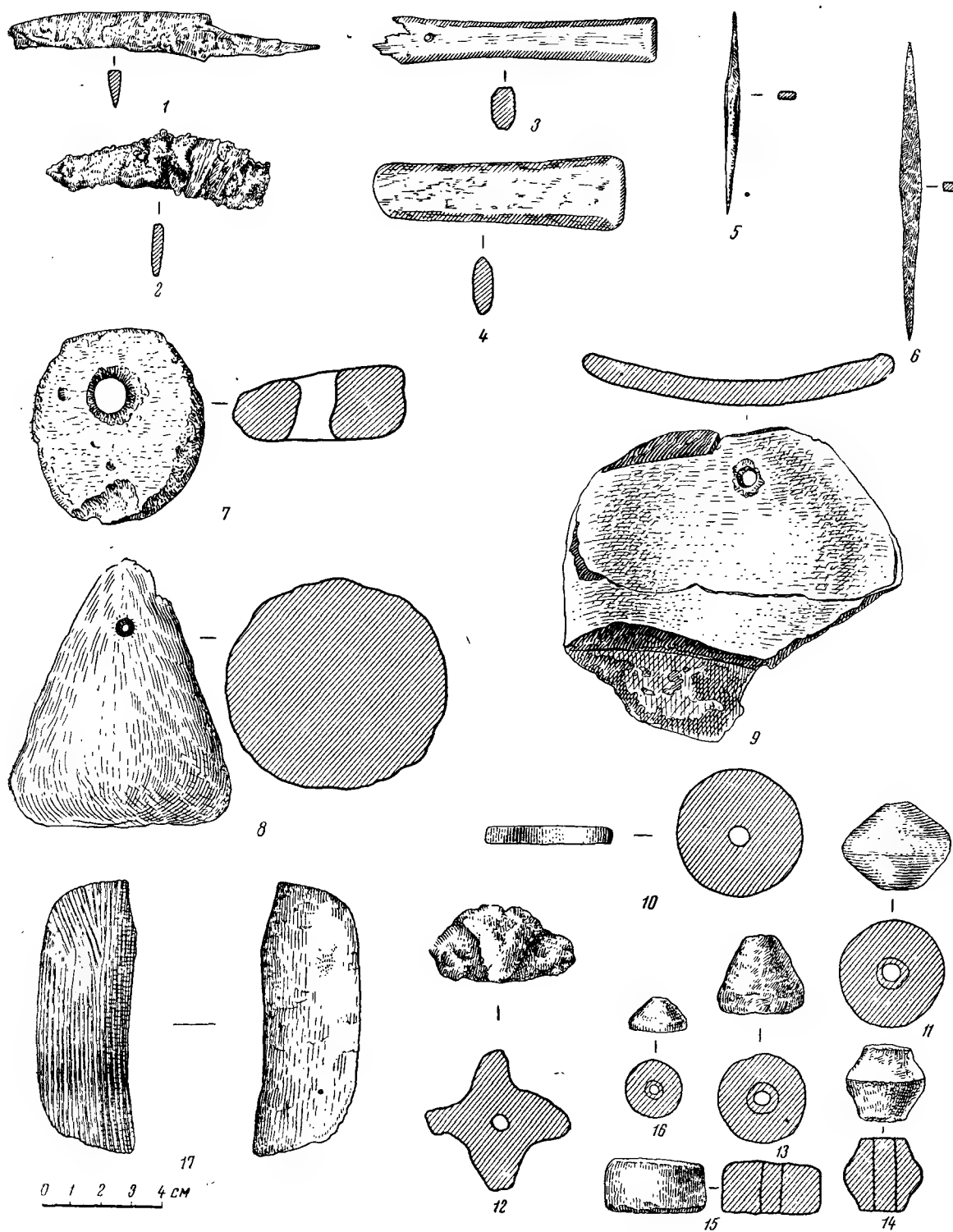

Рис. 23. Знаменское городище.

1, 2 — железные ножи; 3, 4 — костяные ручки ножей; 5, 6 — железные шилья; 7 — каменное грузило; 8, 9 — глиняные грузила; 10—15 — глиняные пряслица; 16 — свинцовое пряслице; 17 — костяная обивка лука.

залось в погребении № 4 Знаменского могильника (рис. 14, 15)], 3 простых усеченно-конических пряслица, одно грушевидное и одно цилиндрическое. Уникально лепное пряслице крестообразной формы (рис. 23, 12).

Не менее распространена вторая группа глиняных пряслиц, сделанных из черепков посуды — амфор, сероглиняных гончарных или лепных лощеных сосудов. Эти пряслица имеют соответственно дисковидную или, — если использована утолщенная придонная часть сосуда, — коротко-цилиндрическую форму (рис. 23, 10, 15). Диаметр их колеблется от 2,5 до 4 см, высота — в среднем 0,5—0,8 см, достигая иногда 1,5 см. Таких пряслиц насчитывается в материале 1952—1954 гг. 14 экземпляров и, кроме того, найдено 11 заготовок для них в виде прямоугольных или кругообразных черепков стенок амфор с частично обточенными краями, но еще без отверстия, которое не успели просверлить. На одной из таких заготовок (из слоя раскопа I, № 610) отверстие в центре намечено, но недосверлено, что подтверждает наше предположение о том, что эти «кружки» являлись будущими пряслицами.

Отверстие на пряслицах той и другой группы просверливалось в центре, по вертикали насквозь и имело в среднем диаметр 5 мм, реже — 1—3 мм.

Кроме глиняных, были в употреблении пряслица свинцовые, обычной формы, характерной для Каменских кучугур, — конические с широким основанием, небольшие размеры: диаметр основания — 1,8 см, высота — 1,2 см. Одно пряслице найдено в культурном слое городища (рис. 23, 16), другое — в погребении № 4 Знаменского могильника (рис. 14, 16). Поверхность второго пряслица граненая.

При довольно значительном размахе раскопок на Каменских кучугурах там совсем не встречено грузил для ткацких станков. На Знаменском же городище, главным образом в верхнем слое, мы обнаружили целый ряд глиняных грузил из плохо промешанной, рыхлой, чуть обожженной глины, часто с примесью резаной соломы, которые подражают по форме глиняным пирамидальным грузилам античных ткацких станков¹²⁷. Как

правило, контуры граней у найденных нами грузил расплывчатые, имеют тенденцию к округлению; как и у античных, у них сделаны сквозные отверстия в верхней части. Высота целого грузила, найденного в 1952 г. в слое раскопа I, — 9 см, ширина граней достигает 3,2—3,5 см. Остальные грузила представлены фрагментами. Грузило из зольника раскопа I имеет коническую форму; высота его — 8,8 см, диаметр основания — 7 см (рис. 23, 8).

Эти грузила никак нельзя считать рыболовными, так как глина их очень плохо обожжена и в воде они неминуемо размокли бы. По-видимому, они имели то же назначение, что и пирамидальные античные грузила, игравшие роль подвесок к ткацким станкам для натягивания нитей основы¹²⁸. На античных поселениях нашего Юга, при преобладании правильно пирамидальных грузил, очевидно, штампованных в форме, встречается менее многочисленная группа грузил более грубой формы из слабо обожженной глины. Такая группа выделена И. Т. Кругликовой при изучении ею пирамидальных грузил Пантикапея, причем, по ее предположению, эта последняя группа выделялась «не в мастерских Пантикапея»¹²⁹.

При ознакомлении с последними материалами из раскопок Ольвии я обратила внимание на то, что в эллинистическом слое встречаются обычные античные грузила пирамидальной формы, а в поздних ямах, прорезавших древнюю Агору, с заполнением I в. до н. э. — I в. н. э., представлены исключительно слабо обожженные грузила неправильной формы, характерные для позднескифских городищ на нижнем Днепре (Козацкое¹³⁰, Понятовское¹³¹, Золотая Балка¹³², некрополь городища Красный Маяк¹³³). Создается впечатление, что эти, сделанные вручную, местные грузила в эпоху общей «варваризации» Ольвии пришли на

¹²⁸ В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 410.

¹²⁹ И. Т. Кругликова. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 30.

¹³⁰ В. И. Гошкевич. Древние городища..., ИАК, вып. 47, 1913, стр. 131, рис. 24.

¹³¹ Там же, стр. 138.

¹³² Отчет А. В. Добровольского о раскопках 1951 г. Архив ИА, табл. XIV.

¹³³ Отчет Дмитренко о разведке на Понятовском городище в 1946 г. Архив Херсонского музея.

¹²⁷ См. грузила с Гавриловского городища рис. 40, 10, 14; рис. 48, 3, 4, 16. Такое же грузило было найдено Б. Н. Граковым в 1946 г.

смену штампованным грузилам более раннего времени. В таком случае подтверждается однородное функциональное назначение тех и других грузил. Показательно, что при раскопках самих Афин, наряду с правильными пирамидальными грузилами, были обнаружены конические, сделанные от руки, которые, по мнению Г. А. Томпсона, бытовали более длительное время¹³⁴. В Северном Причерноморье, кроме Ольвии и Нижнего Приднепровья, пирамидальные грузила засвидетельствованы на Боспоре¹³⁵ и в меото-сарматских поселениях Восточного Приазовья¹³⁶.

Среди керамических грузил акрополя выделяется дисковидное, слегка выгнутое грузило (из раскопок 1952 г.), сделанное из стенки розовоглиняной амфоры (рис. 23, 9). Диаметр его — около 11 см, толщина — 0,8 см. У одного края — круглое отверстие диаметром 5 мм. По-видимому, это грузило также служило ткацким, поскольку среди последних известны и дисковидные подвески¹³⁷. Аналогичное грузило найдено Г. Л. Скадовским в кургане № 6 близ Белозерского городища, в погребении, относимом им к группе погребений местного земледельческого племени скифов и датированном греческими чернофигурными сосудами¹³⁸.

Для сшивания тканей использовались иглы и проколки. Из раскопок Б. Н. Граковым Каменского акрополя известна искривленная костяная игла с зарубкой вместо ушка, которая, по его мнению, служила для сшивания грубых тканей¹³⁹. Крупная игла (5 мм в поперечнике) с уплощенной ромбовидной головкой, обнаруженная при раскопках Н. Г. Елагиной в 1954 г. (рис. 5, 7), может быть, предназначалась для плетения сетей (?). Другая игла (или шило), обломок которой найден в том же году, более миниатюрная (2 мм в поперечнике), четырехгран-

ная, с тонким острием, могла использоваться для сшивания тонких тканей. По мнению Б. Н. Гракова, для сшивки тканей могли применяться и железные шилья¹⁴⁰. Им же найден на акрополе медный вязальный крючок¹⁴¹.

Керамические пряслица и грузила, употреблявшиеся жителями акрополя, — безусловно, местного производства. О технике изготовления, выделявавшейся на месте лепной посуды мы говорили выше, в разделе о керамике. Гончарный круг населением акрополя, по-видимому, освоен еще не был.

Орудия повседневного обихода

Железные орудия. Эти орудия, обнаруженные при наших раскопках на Знаменском городище, немногочисленны — всего 2 шила и 3 ножа. Оба шила (рис. 23, 5, 6) четырехгранные, без насада, равномерно суживающиеся к остриям. Длина одного из шильев (рис. 23, 6), найденного в развале стены малого акрополя, — 9 см, поперечник — 0,5 см, толщина — 0,4 см; длина другого шила (рис. 23, 5) — 6,3 см, поперечник — 0,4 см, толщина — 0,2 см. По своей форме оба шила восходят к бронзовым шильям срубной культуры эпохи бронзы.

Ножи по форме более разнообразны. Короткий нож из ямы № 3 раскопа XIII (рис. 23, 2) — типичный скифский нож с горбатой спинкой 3-го типа, по Б. Н. Гракову¹⁴². Длина его — 7 см, ширина лезвия — 1,8 см. Более длинный нож из заполнения рва малого акрополя (рис. 23, 1) имеет почти прямую спинку, слегка выгнутое лезвие и узкий черенок, постепенно расширяющийся к лезвию, но не достигающий ширины последнего. Кончик ножа загнут, вероятно, случайно. Длина ножа вместе с черенком — около 10,5 см; ширина лезвия около черенка — 1,5 см; наибольшая ширина черенка — 1 см, длина его — 3,5 см. Третий нож найден во фрагментах под развалом стены малого акрополя (раскоп VII). Фрагменты подверглись коррозии настолько сильно, что не поддаются реставрации, но, по-видимому, этот нож имел прямую или почти прямую спинку.

¹³⁴ Н. А. Thompson. Two centuries of hellenistic pottery. «Hesperia», 1934, vol. III, N 4, стр. 476.

¹³⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 114.

¹³⁶ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 94; Т. Н. Книпович. Танаис, М.—Л., 1949, стр. 139.

¹³⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 407.

¹³⁸ В собрании Херсонского музея.

¹³⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 103, 112, табл. XIII, 12.

¹⁴⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 103.

¹⁴¹ Там же, стр. 113, табл. XIII, 16.

¹⁴² Там же, стр. 112, 113, табл. XIII, 3.

Оба последних ножа характерны для более позднего времени — последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры.

Одновременно на акрополе найдены и костяные ручки для ножей обычного скифского типа. Хорошо отполированная ручка со стесанными боковыми гранями обнаружена на раскопе X в яме № 1 (рис. 23, 3). У края облома ручки уцелел железный гвоздик, когда-то прикреплявший к ней черенок ножа. Сохранившаяся длина ручки — 9 см, ширина у окончания — 1,3 см, толщина — 1 см. Обломок с раскопа XIII (рис. 23, 4) представляет собой лишь заготовку для ручки, которую только начали обтесывать, так как сечение ее еще не приняло той правильной многоугольной формы, как у ручки, изображенной на рис. 23, 3.

Костяные орудия. Они достаточно примитивны. Кроме упоминавшихся игл и проколов, встречаются ребра крупных животных с острым краем (из слоя раскопа IV) и разного рода заостренные кости, которые могли служить тупиками и скобелями при обработке шкур в кожевенном производстве¹⁴³.

Растиральники и лошिला. Такие орудия делались из камня, глины и кости. В культурном слое акрополя нередко встречаются обломки амфорных ручек со стертymi и сглаженными от частого растирания концами, иногда — фрагменты стенок амфор или куски черепиц со стесанными гранями. Возможно, что эти обломки использовались как лошिला в керамическом, кожевенном и других производствах. Вероятно, как лошило употреблялась также уплощенная овальная блестяще отполированная пластинка с раскопа XII (рис. 12, б). Каким-то растиральником служил брусок мягкого слюдистого тонкозернистого песчаника со стесанными гранями (раскопки 1953 г., из слоя раскопа XIII, № 1917). Хорошо отполированная галька с раскопа X (раскопки 1953 г., штык 6, № 2265) могла использоваться для полировки металлических изделий.

Каменные точильные плитки. Предназначавшиеся для заточки ножей и других металлических предметов плитки из

песчаника или сланца встречаются довольно часто, но все в обломках. На некоторых заметны следы заточки в виде более или менее глубоких желобков.

Коньки. Уникальной для Каменского городища находкой являются костяные коньки из раскопок Н. Г. Елагиной 1954 г. (рис. 5, 5). Для них использованы 2 пястные кости крупных животных с очень гладко отполированной нижней поверхностью и насечками на верхней. По определению В. И. Цалкина, одна из костей представляет собой пясть лошади, а другая — коровы. Тем не менее, поскольку обе кости найдены вместе, они принадлежат, по-видимому, одной и той же паре коньков. Близкие по форме, но более тщательно отделанные костяные коньки известны из Садчиковского поселения андроновской культуры¹⁴⁴. Как указывает О. А. Кривцова-Гракова, костяные коньки неоднократно встречались на поселениях позднебронзового века Северо-Западного Причерноморья. В частности, «с Южного Буга, из культурного слоя близ Сабатиновки происходит несколько экземпляров коньков, сделанных из костей ног лошади, реже — коровы. Однако их обработка менее тщательна», чем в позднебронзовой культуре Казахстана¹⁴⁵. Коньки из кости коня найдены Е. В. Махно при раскопках Бериславского поселения на нижнем Днепре, где обнаружены слои эпохи бронзы, скифского времени и первых веков нашей эры¹⁴⁶.

Строительное дело

При довольно значительном каменном строительстве на акрополе требовалось уметь обрабатывать камень. В развале оборонительной стены и каменных зданий малого акрополя неоднократно встречались каменные квадраты или плиты из известняка, в том числе мраморизованного песчаника и гранита, с хорошо подтесанной и сглаженной поверхностью. В строительстве каменного сооружения на раскопе XIX применялись архитектурные детали и более сложных форм (рис. 11, 2—4). Не исключена возможность,

¹⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 165, рис. 15 и 27.

¹⁴⁵ Там же, стр. 162.

¹⁴⁶ Е. В. Махно. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. КСИИ, вып. 4, 1955, стр. 41.

¹⁴³ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 164; К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. Там же, стр. 130, рис. 15, 2.

что для постройки этого сооружения были привлечены греческие мастера.

Техника кладки рядовых жилищ (типа каменного здания на раскопе Ia) из необработанных дикарных камней была достаточно простой и специалистов-камнетесов не требовала. Два раза, в 1952 и 1954 гг., были обнаружены известняковые камни с углублением для дверной пяты. Для покрытия, — во всяком случае, некоторых домов, — употребляли импортную греческую черепицу. Каменные здания III—II вв. до н. э. внутри малого акрополя были покрыты синопской черепицей. Ко времени около рубежа нашей эры относится херсонесская черепица, обнаруженная в зольнике на раскопе I. Техника постройки зданий легкого типа, — по-видимому, с глиняными стенами на плетневом каркасе, — также была примитивна и не требовала специалистов.

Воинский быт. Оружие и предметы воинского и конского снаряжения

В быту скифской знати, жившей в кучугурское время на акрополе Каменского городища, должны были быть сильны традиции кочевой военной аристократии, жизнь которой была тесно связана с набегами и походами. Вооруженный копьем, луком, стрелами, вероятно, и мечом, закованный в панцирь конный воин — такова должна была быть основная фигура жителя акрополя в IV—III вв. до н. э. К сожалению, культурный слой Знаменского городища дал нам не очень щедрое доказательство воинского быта его обитателей, но кое-что в этом отношении все же можно отметить. Думается, что если на Каменских кучугурах находки стрел, панцирных чешуек, удила и пр. можно рассматривать в основном как продукцию оружейников, еще не успевшую дойти до своего потребителя или забракованную мастером, то найденные на акрополе предметы военного снаряжения были, вероятно, в реальном пользовании их носителей.

Как известно, основным оружием скифов были лук и стрелы. При раскопках 1952—1954 гг. на акрополе обнаружено всего 18 бронзовых наконечников стрел: 1 — из раскопок 1952 г., 4 — 1953 г., 2 — 1954 г. и 11 наконечников стрел — из погребения № 1 Знаменского могильника, где они, по-видимому, находились в колчане. Все наконечни-

ки стрел бронзовые и относятся к типам, характерным для IV—III вв. до н. э.¹⁴⁷ Они делятся на 2 группы: 1) трёхгранные с обрезанной втулкой и 2) трёхлопастные со втулкой, выступающей из-под головки (рис. 10, 1—6; рис. 5, 3).

Стрелы и другие предметы вооружения позднескифского периода до сих пор на территории Знаменского городища не найдены, хотя опасность военных столкновений в те годы несколько не уменьшилась. Лишь в окрестностях акрополя, в верхнем слое предскифского селища на Белозерском лимане, О. А. Кривцовой-Граковой обнаружена одна черешковая трёхлопастная железная стрела раннесарматского типа¹⁴⁸. Можно предположить, что во времена позднего акрополя был вооружен уже не весь народ и при развивавшейся классовой дифференциации оружие сосредоточивалось в руках немногих.

Деревянные скифские луки, вследствие непрочности материала, из которого они были сделаны, до нашего времени обычно не сохраняются, но отполированная костяная пластинка из культурного слоя Знаменского могильника, вероятно, служила обкладкой лука (рис. 23, 17).

Копья, мечи и кинжалы в культурном слое акрополя до сих пор не найдены. Да и вообще они редко встречаются на городищах, так как эти вещи не легко было потерять, и зря их не выбрасывали, а по смерти владельца его оружие клали с ним в могилу. Зато легко было потерять бронзовый наконечник от поясного ремня. Обломок такого наконечника в виде бронзовой, суживающейся к одному концу пластинки с загнутыми назад краями, найден в эллинистическом слое раскопа I 1952 г. (рис. 10, 8).

В разных местах городища были обнаружены пращевые камни (3—4 см в поперечнике) из твердого песчаника, кварцита и т. п.

Обязательной принадлежностью скифского воинского снаряжения был также оселок или точильный брусок с отверстием для подвешивания. Обломок такого оселка из крупного белемнита с просверленным отверстием был найден Н. Г. Елагиной в 1954 г. на раскопе XVII (№ 1065).

¹⁴⁷ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 129, табл. XVIII.

¹⁴⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 41.

На акрополе встречено также несколько предметов конского убора. Костяной псалий (раскопки 1952 г., раскоп IV, штык 4/XIV) с восьмеркообразным расширением и нарезкой на концах датируется IV—III вв. до н. э.¹⁴⁹ Близкой аналогией ему, но без нарезки, является костяной псалий с Полтавщины¹⁵⁰.

По-видимому, уздечным украшением является ключеобразная привеска (рис. 10, 7) из уплощенного бронзового прутика с широким отверстием в круглой головке (с раскопа XV). Длина привески — 5,5 см, ширина головки — 1,5 см, толщина — 0,6 см, диаметр отверстия — 0,7 см.

Предметы туалета и украшений

Типы личных украшений, найденных на акрополе, — бронзовые серьги, браслеты, железные перстни и большая часть бус — в основном могут быть отнесены к эллинистическому или даже к позднеклассическому времени.

Золотые трубчатые пронизки из погребения на земляном валу (рис. 12, 8) являются обычным видом украшений в скифских «царских» курганах. Много их также в погребениях II—I вв. до н. э. мавзолея Неаполя скифского.

Фрагмент ладьеобразной, полой внутри, бронзовой серьги из погребения № 4 Знаменского могильника (рис. 14, 17) восходит к типу серег с таким же корпусом, украшенным головкой грифона. Подобные серьги известны из скифских погребений IV в. до н. э. в окрестностях Неаполя скифского¹⁵¹ и Нимфея¹⁵². Петлеобразно изогнутая проволочка (раскопки 1953 г., раскоп XIII, яма № 7, № 2338), по-видимому, также является обломком серьги. Отдельными фрагментами представлены круглопроволочные бронзовые браслеты (из слоя раскопа X, № 2268 и 2253), по 0,5—0,7 см в поперечнике. В эллинистическом слое раскопа I (раскопки 1952 г., № 1099) найдено бронзовое пластинчатое колечко с несомкнутыми концами. Бо-

лее крупное кольцо такой же формы, но треугольного сечения (височное?) обнаружено Н. Г. Елагинной в районе стены малого акрополя (раскопки 1954 г., № 33). Труднее датируется бронзовое украшение в виде лунницы из раскопа XVIII 1954 г. (рис. 5, 2). Подобного типа украшения бытовали в Северном Причерноморье как в III—I вв. до н. э.¹⁵³, так и в I в. н. э.¹⁵⁴

Сравнительно поздним видом туалетных принадлежностей являются бронзовые и железные фибулы для скрепления одежды, которые вошли в широкое употребление в «варварском» мире Северного Причерноморья, начиная со II в. до н. э. К наиболее раннему типу фибул на Каменском акрополе относится фрагмент бронзовой фибулы, найденный под стеной малого акрополя: это тип второго латена, с многовитковой пружинкой и загнутым назад кончиком дужки (рис. 5, 1). От фибулы с раскопа I сохранился только обломок бронзовой пластинчатой дужки. Фибулы с подвязными ножками I в. н. э. представлены железной фибулой, найденной на раскопе I (рис. 12, 7). Длина ее — 9 см, высота — 2,5 см.

Бусы скифского времени на Знаменском городище происходят главным образом из погребения на земляном валу акрополя и из погребения № 4 Знаменского могильника. В этом последнем погребении (женском) найдены 2 крупные (длина — 2,9 см, ширина — 1,5 см) уплощенные ромбовидные бусины из цветного стекла (рис. 14, 13, 14), относящиеся к типу, отмеченному Н. В. Анфимовым для IV—III в. до н. э.¹⁵⁵, и 4 кольцевидные бисеринки (2 мм в поперечнике) из желтого стекла. Бисер часто встречается в скифских погребениях разного времени, от VII в. до н. э. до первых веков нашей эры.

Ярче и богаче набор бус (рис. 12, 8) из погребения на земляном валу, сохранившихся после ограбления этого погребения. Они очень близки бусам из наиболее ранних погребений мавзолея Неаполя скифского, отно-

¹⁵³ Артюховский курган; см. также П. Н. Щульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, цветная вклейка II.

¹⁵⁴ Лунницы из кургана № 4 станицы Казанской и кургана № 5 станицы Некрасовской на Кубани — в коллекции ГИМ.

¹⁵⁵ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 187, рис. 14, 11.

¹⁴⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 133.

¹⁵⁰ Б. И. Ханенко. Древности Подиепровья, т. II. Киев, 1899, табл. XXII, 516.

¹⁵¹ ОАК за 1892 г., стр. 11, рис. 6.

¹⁵² «Древности», т. II, вып. 2, 1869, стр. 141.

сящихся к концу II в. до н. э.¹⁵⁶ Больше всего (15 экземпляров) здесь найдено цилиндрических бус из непрозрачного темного стекла со втертым цветным, или белым полосатым, или растительным орнаментом. Кроме того, из погребения на земляном валу происходят: одна крупная бочонкообразная бусина из темного непрозрачного стекла с 8 выпуклыми темно-синими глазками-налепами в белых и желтых кольцах и втертым белым пояском; 2 цветные бобовидные бусины, одна — синяя, другая — черная с белым пояском; 4 крупных и 3 более мелких дольчатых бусины из прозрачного зеленого стекла; 2 небольшие бусины из темно-синего прозрачного стекла, одна — округлая, другая — биконическая; 1 кольцевидная, бусина из прозрачного стекла с внутренним золочением. Погребение датируется «мегарской» чашей II в. до н. э.

Из культурного слоя городища происходят следующие бусы: глазковые из синего непрозрачного стекла с синими же глазками в белых кольцах (рис. 14, 9; одна такая бусина найдена в культурном слое Знаменского могильника); цилиндрическая бусина из черного непрозрачного стекла со втертым белым растительным орнаментом и бурными поясками у краев, найденная в 1954 г. у основания стены малого акрополя (раскоп XIX); дольчатая бусина из желтого прозрачного стекла, обнаруженная в 1953 г. тоже в районе стены (рис. 14, 10), и фрагмент такой же бусины бледно-зеленого стекла из раскопа I (яма № 7); мелкая округлая бусина из синего прозрачного стекла из слоя раскопа X 1953 г.; плоская ромбовидная бусина из иризованного стекла (выкид раскопа III 1952 г.). Все эти бусы могут относиться ко времени погребения на земляном валу.

Кусок листовой бронзы с раскопа I 1952 г., возможно, является обломком диска зеркала (?).

Игрушки

Небольшие глиняные шарики от 3 до 4 см в поперечнике с лощеной поверхностью, найденные в раскопах X и XIII на 4—5 штыках в количестве 3 штук, может быть были детскими игрушками (?).

¹⁵⁶ П. Н. Шульц. Ук. соч., цветная вклейка III, табл. XXII, рис. 17.

Предметы культа

Интересным памятником погребального ритуала скифов степного Приднепровья II в. до н. э. являются золотые лицевые пластины из погребения на земляном валу — 2 наглазника и нагубник. Сделанные из листиков золотой фольги, они накладывались на глаза и губы (рис. 14, 12). Наглазники — подромбовидной формы, нагубник — овальной. В центре наглазников вытиснено изображение глазного яблока, а в центре нагубника полосками (одной горизонтальной и несколькими короткими вертикальными), выдавленными с оборотной стороны, как бы обозначен зашитый рот. По краю вытиснен точечный орнамент. Длина наглазников — 4,5—4,7 см, ширина — 2,5—2,6 см; длина нагубника — 8,8 см, ширина — 3,9 см. По внешнему виду и технике изготовления каменные пластины ближе всего к золотым наглазникам и нагубникам из богатых погребений конца II в. до н. э. в мавзолее Неаполя скифского¹⁵⁷.

По-видимому, погребальный ритуал с наложением золотых пластин на лицо покойника, чуждый скифам классического времени, во II в. до н. э. вошел в быт скифов не только Крыма, но и степного Приднепровья.

При раскопках зольника на раскопе I найден непонятный предмет из светло-серой опоконидной глины с хорошо лощеной поверхностью, в форме пирамидального бруска с полукруглой головкой (№ 1095; рис. 14, 11). Длина его — 6 см, максимальная ширина — 3,2 см, максимальная толщина — 2 см. Не является ли этот предмет антропоморфной культовой статуэткой? Правда, сходство с человеческой фигурой только очень отдаленное, но если мы вспомним сильно схематизированные меловые статуэтки из сарматских погребений¹⁵⁸ или также очень обобщенные каменные фигурки из слоя эпохи бронзы на Кобыяковом городище¹⁵⁹, то убедимся, что по их схематизации

¹⁵⁷ П. Н. Шульц. Ук. соч., табл. XXIX.

¹⁵⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. Труды XIII АС, т. I, 1907, стр. 251; К. Ф. Смирнов. Альбом к полемому отчету о раскопках нижеволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1954 г., рис. 185.

¹⁵⁹ А. А. Миллер. Северокавказская экспедиция 1924 и 1925 гг. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 139, рис. 34.

они не уступают данной фигурке. Весьма возможно, что она была занесена сюда сарматами.

* * *

Сравнительное рассмотрение вещественных остатков, свидетельствующих о занятиях жителей Знаменского городища, приводит нас к заключению о резком отличии его хозяйственного уклада от уклада жизни на Каменских кучугурах. Следов сколько-нибудь значительной ремесленной деятельности населения мы здесь не видим. Зато в сельском хозяйстве отмечены более усовершенствованные способы размола зерна, свидетельствующие об увеличении объема зернового хозяйства. Широко было развито разведение не только крупного, но и мелкого рогатого скота, при значительном снижении роли лошади в быту населения и возраставшем значении свиньи.

В противоположность Каменским кучугурам развивалось рыболовство, совершенствовалось ткацкое производство.

С конца III в. до н. э. на Знаменском городище широко практиковались каменное домостроительство и сооружение домов легкого типа из камня и глины. Следов деревянных столбовых жилищ кучугурского типа здесь не отмечено.

Указанные отличия в ранний период существования городища нужно отнести за счет

социальной дифференциации населения, жившего на акрополе Каменского городища и в ремесленном поселке на кучугурах. Во II в. до н. э. Знаменское городище превратилось в укрепленное поселение типа «малых» нижнеднепровских городищ, жители которых занимались земледелием, скотоводством и торговлей с Ольвией. Предметы вооружения и воинского быта относятся в основном к древнейшему времени существования городища, когда оно было Каменским акрополем. Во II в.—начале I в. до н. э. городище жило полной жизнью, судя по размаху каменного строительства и богатству аристократического быта (инвентарь погребений). В этот период Знаменское городище имело тесные связи с новым центром Скифии в Крыму (техника фортификационных сооружений, одинаковые погребальные обычаи в среде знати).

На рубеже нашей эры произошел резкий упадок благосостояния городища. Укрепления разрушались, старые жилые кварталы забрасывались. В первых веках нашей эры городище, по-видимому, продолжало жить как открытое поселение. К III—IV в. н. э. относятся явные следы жизни на прежнем городище населения, употреблявшего керамику черняховского типа и обитавшего в углубленных в землю жилищах, но в то же время использовавшего и наземные жилища с очагами позднескифского времени или типа.

Глава II

ГАВРИЛОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Гавриловское городище расположено в северной части Херсонской области. Еще недавно оно находилось на правом берегу протока Днепра. Этот проток, носивший название «Пидпильная», сейчас поглощен Каховским морем. Городище находится в 3 км от дер. Гавриловка Ново-Воронцовского района. Гавриловка (или Еремина) в середине XIX в. принадлежала помещику Капнисту. Гавриловское городище фигурирует в сводке А. П. Чиркова (см. выше, стр. 105). Его осматривал также А. Афанасьев-Чужбинский, по словам которого «повыше Гавриловки, на крутом берегу, лежат остатки ста-

ринного укрепления, как надо полагать, турецкого. Это больше ничего, как обширный квадрат, окруженный каменными валами, одетыми землею. Валы эти в настоящее время частью изрыты, частью разрываются, и из них извлекают камни, пережигая на известь. Везде множество битых толстых глиняных кувшинов; говорят, что иногда попадают и целые...»¹.

Таким образом, уже в середине XIX в. каменные стены городища интенсивно разру-

¹ А. Афанасьев-Чужбинский. Поездка в Южную Россию, ч. 1. СПб., 1863, стр. 240.

обнаружил еще невысокую каменную стену, без признаков рва, ломаной линией ограждающую площадь (вместе с внутренней крепостью) в 12½ десятин (13,687 га). Третьим поясом укреплений на плане В. И. Гошкевича является земляной вал, охватывающий городище в виде параболы, концы которой выходят к приречным балкам за пределами акрополя, а вершина заходит далеко в поле, за дорогу в дер. Михайловка. Береговая линия акрополя образует ряд округлых мысов, возвышающихся над берегом реки на 11 м.

Таким образом, по данным В. И. Гошкевича, Гавриловское городище значительно выделялось среди остальных городищ на нижнем Днепре и размерами (площадь остальных городищ, по его данным, составляет в среднем 2—7 десятин, лишь Саблуковское имеет 10 десятин), и наличием 3 поясов укреплений вместо двух или даже одного, как у остальных городищ.

На поверхности городища В. И. Гошкевич собрал образцы керамики: обломки сосудов, покрытых плохим красным или серым лаком, глиняных амфор, грубых лепных горшков с ногтевым орнаментом.

В 1938 г. городище посетила И. В. Фабрициус, которая провела небольшие пробные раскопки в береговой полосе акрополя, задвинувшие на глубине 0,4 м какой-то строительный комплекс со скоплением кусков глиняной обкладки стен и глинобитного пола⁵. Обнаруженные в слое фрагменты керамики И. В. Фабрициус датирует в основном II в. до н. э.—III—IV вв. н. э. На береговой террасе к югу от акрополя И. В. Фабрициус были замечены остатки каменных водостоков диаметром около 0,2 м. В 1950 г. Гавриловское городище осмотрела Н. Н. Погребова в составе Скифской степной экспедиции⁶. Было установлено, что стены прямоугольной внутренней крепости — акрополя — четко выделяются посреди территории городища в виде земляного вала с очень неровной бугристой поверхностью. Пробный шурф на южной стороне вала показал, что вал этот состоял из камней и был лишь занесен землей; однако была ли это регулярная кладка стены, или лишь частичное употребление

камня в земляной конструкции вала, — тогда еще точно установить не удалось. Во всяком случае, поверхность вала с перемежающимися впадинами и буграми являла характерную картину разрушения каменной стены в результате ее выборки.

Вторую каменную стену удалось проследить тогда уже лишь по незначительному рельефу и по слабо заметной полосе камней, проступавших из-под дерна. Рельеф же земляного вала почти совсем не прослеживался, хотя невысокие гряды в юго-восточной и отчасти в северо-западных частях городища могли быть приняты за его остатки.

Несколько изменилась по сравнению с планом В. И. Гошкевича конфигурация береговой линии вследствие размыва и осыпей береговых мысов. Глубже и шире стали балки, размывшие древний ров акрополя с севера и юга. В довершение всего городище оказалось сильно изрезанным военными траншеями (см. рис. 24).

Собранный в 1950 г. подъемный материал состоял из обломков лепных сосудов (горшков и конических мисок на полых ножках), амфор, среди которых преобладали светлоглиняные двустольные или профилированные ручки I в. до н. э.—II в. н. э., и из фрагментов сероглиняной лощеной гончарной керамики.

Систематические раскопки Гавриловского городища начались с 1951 г., когда Институт археологии Академии наук СССР развернул свои работы на территории, подлежащей затоплению в связи со строительством Каховской ГЭС. В 1951 г. работы на Гавриловском городище вели научные работники К. А. Бредэ и Р. И. Ветштейн под общим руководством А. В. Добровольского. Результаты их раскопок освещены в соответствующих полевых отчетах, хранящихся в архиве Института археологии, и готовятся к изданию в специальной публикации⁷, поэтому я буду их касаться лишь самым общим образом. В 1952, 1953 и 1954 гг. раскопки Гавриловского городища продолжал автор настоящего труда, работая в составе Скифской степной экспедиции под общим руководством Б. Н. Гракова (1952—1953 гг.). Кроме того, в работах на городище прини-

⁵ И. В. Фабрициус. Обследование скифских городищ в 1938 г. Рукопись в архиве ИА, д. № 141.

⁶ Н. Н. Погребова. Отчет о разведке нижнеднепровских городищ в 1950 г. Архив ИА.

⁷ Краткую информацию о раскопках 1951 г. см. А. В. Добровольский. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. КСИА, вып. 1, 1952.

мали участие Н. Г. Елагина, К. А. Бредэ, К. Ф. Смирнов, В. П. Петров, В. А. Тихомирова, О. Д. Дашевская, фотографы Н. И. Ака- тов и В. В. Сухов, художник С. А. Паульсен, студенты исторического факультета МГУ и Московского педагогического института.

1. СЛЕДЫ ДОСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Территория, на которой расположено Гавриловское городище, была заселена задолго до скифского времени. Об этом красноречиво говорят находки эпохи бронзы, встречающиеся в культурном слое городища, а также погребения доскифского времени.

Находки в культурном слое

При раскопках жилых кварталов в береговой части акрополя (главным образом раскоп II, а также раскопы III и VIII) в культурном слое городища были обнаружены обломки керамики и кремневых орудий эпохи бронзы. Часть находок должна быть отнесена еще к катакомбной культуре. Это прежде всего 2 обломка кремневых наконечников стрел (рис. 25, 1, 2). Оба наконечника заканчиваются внизу 2 шипами с выемкой между ними⁸.

Катакомбная керамика представлена группой обломков лепных сосудов, орнаментированных углубленными бороздками (рис. 25, 4—6). По-видимому, катакомбным нужно считать и фрагмент сосуда с веревочным орнаментом по шейке (рис. 25, 3).

Другая группа керамики относится к самому позднему этапу срубной культуры. Это обломки сосудов с прямым и чуть отогнутым венчиком и плоским валиком (или даже двумя) под венчиком (рис. 25, 7—9). Глина темно-серая, плотная, с примесью шамота и слюды. Иногда встречаются отверстия для ремонта. По определению О. А. Кривцовой-Граковой, эту группу керамики нужно датировать второй половиной VIII в. до н. э., т. е. непосредственно предскифской эпохой. Валики на сосудах иногда рассечены отпечатками пальцев (рис. 25, 11)

или насечками с зубчатым штампом (рис. 25, 10)⁹.

К разным этапам культуры эпохи бронзы могут относиться обломки лепных сосудов с характерной сглаженностью поверхности снаружи и внутри сосуда. В одном случае отмечено светло-желтое лощение.

При раскопках К. А. Бредэ в 1951 г. в прибрежной части городища также были встречены обломки керамики эпохи бронзы, главным образом катакомбного времени.

Погребения доскифской эпохи

О заселенности района городища в доскифскую эпоху свидетельствуют также погребения, открытые К. Ф. Смирновым в кургане № 1. Курган этот расположен в поле, раскинувшемся к западу от городища по другую сторону дороги, ведущей из Гавриловского детского санатория в Михайловку. При поисках некрополя городища на этом поле была обнаружена группа небольших курганообразных холмов с выступающими на их поверхности камнями. Один из этих холмов, находившийся на расстоянии 150 м к западу от второй оборонительной стены, был раскопан К. Ф. Смирновым в 1953 г. Холм оказался сильно расплывшимся и распахан- ным курганом (высота перед раскопками — 0,79 м, диаметр — около 18 м).

Насыпь кургана состояла из гумированного лёссовидного суглинка, перекрытого сверху (первые 2 штыка) плотным черноземом. Лёссовидный суглинок был взят из непосредственного окружения кургана, вследствие чего вокруг кургана образовался ров глубиной 2,5 м от современной вершины кургана. Ширина рва на глубине 1,4 м от поверхности была 1,27 м; на дне он суживался до 0,7 м. Во время существования Гавриловского городища ров еще не затек, так как в нем была найдена керамика городищенского типа, так же как и в первых 2 штыках насыпи кургана. Основание кургана было укреплено кольцом из известняковых камней разной величины (рис. 26, 1). Камни располагались в один ряд, местами — в два. Ширина кольца в среднем составляла 0,4—

⁸ Ср. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. Труды XIII АС, т. I, 1907, стр. 228.

⁹ Ср. обломки керамики эпохи поздней бронзы из Надпорожья — А. В. Добровольский. Каменные сооружения в Надпорожье. АП, т. II, Київ, 1949, табл. 5—14.

Рис. 25 Гавриловское городище. Находки эпохи бронзы.

1, 2 — кремневые наконечники стрел; 3—11 — обломки лепных сосудов; 12 — обломок лепного сосуда из погребения № 10 кургана № 1.

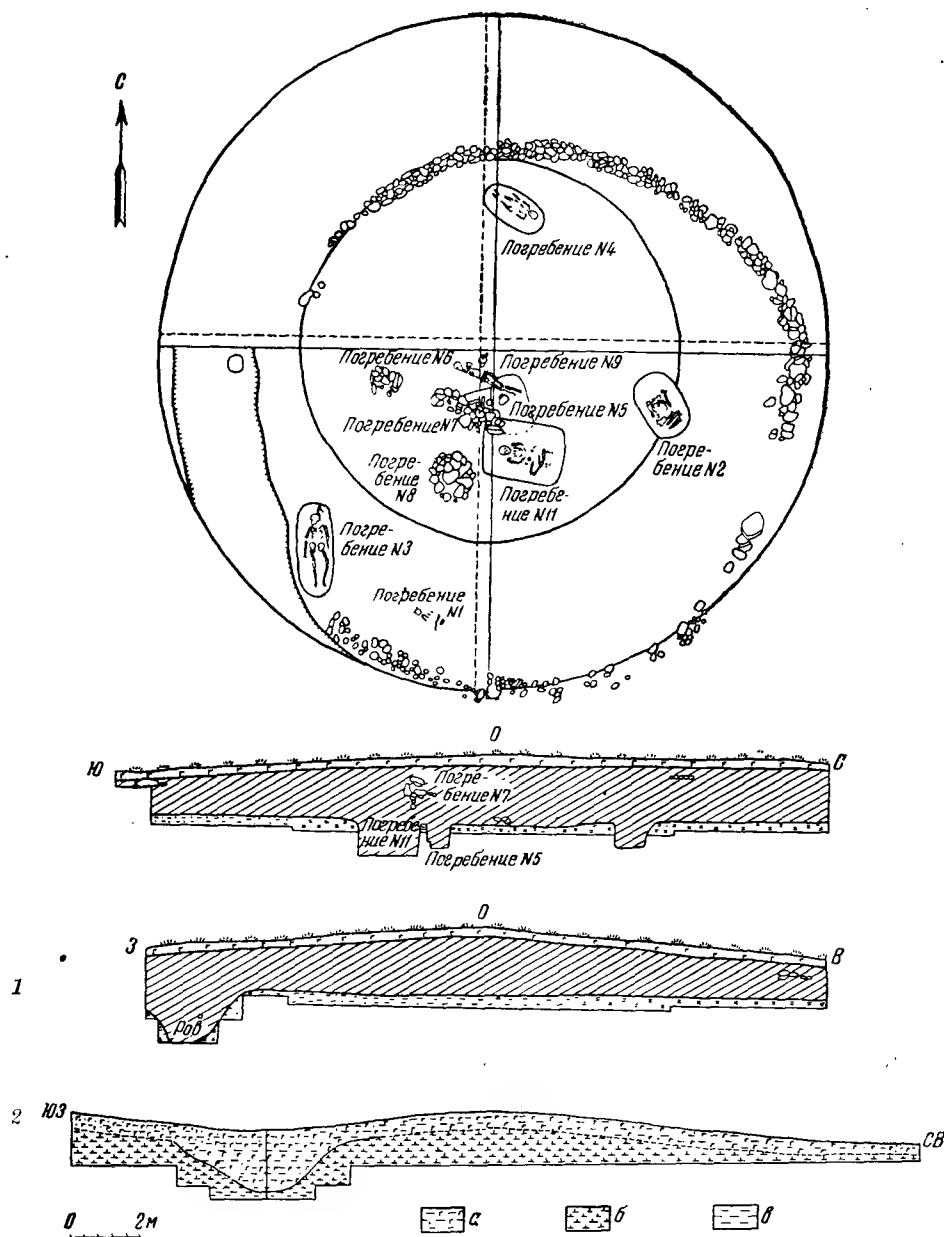

Рис. 26.

1 — план и разрезы Гавриловского кургана № 1; 2 — разрез «земляного вала» Гавриловского городища (а — суглинок с гумусом; б — лёссовидный суглинок; в — плотная глина).

0,45 м. В нескольких местах кольцо оказалось разрушенным, по-видимому, при распашке района кургана трактором.

В кургане оказались 1 основное и 10 впускных погребений разных эпох (рис. 26, 1).

Основным погребением (№ 11) в центре

кургана была большая яма прямоугольной формы, вырытая в материке. Яма содержала захоронение древнеямной эпохи с типичным для того времени обрядом, хотя и без сосудов. Яма, длиной 1,7 м и шириной 1,2 м, ориентирована с востока на запад. Глубина ее

от современной вершины кургана — 2,13 м. Яма была перекрыта деревом, тлен от которого прослежен на костяке. Крупный скелет мужчины лежал в скорченном виде на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Ступни ног окрашены красной краской. Под костяком — темно-коричневый тлен от подстилки; справа у темени покойного лежала створка раковины *Unio*, под правым плечом — кусочек малиновой краски, между грудной клеткой и левой плечевой костью — речная раковина.

Впускные погребения в насыпи кургана и в материке со скорченными костяками, лежащими на боку, относятся к более позднему времени и синхронны обломкам керамики позднесрубного или предскифского типа из культурного слоя городища. Это погребения № 1, 2, 6, 7, 8, а также, по-видимому, и плохо сохранившиеся погребения № 5 и 10. Могилы №№ 3, 4, 9 — см. стр. 201.

Погребение № 1 находилось в юго-западной поле кургана на глубине 1,04 м от вершины кургана (0,8 м от поверхности). Здесь найден костяк ребенка 8—9 лет, плохой сохранности. Могильная яма не прослеживалась. Ребенок лежал в скорченном положении на правом боку, головой на запад, с некоторым отклонением на север. Руки были вытянуты вдоль тела. У темени лежала трубчатая кость животного.

Погребение № 2 открыто на стыке юго-восточного сектора кольцевой траншеи и центральной части кургана. Могильная яма овальной формы обнаружена на глубине 1,5 м от вершины кургана. Длина ее — 1,4 м, ширина — 0,9 м. В глубь материка яма уходила на 0,2 м. Скелет лежал на спине в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Вещей в погребении № 2 не обнаружено.

Погребение № 5 — впускное в материк в центре кургана — перекрывало своей юго-восточной частью соседнее основное погребение № 11. Могила овальной формы имела в длину более 1 м, в ширину — 0,75 м и находилась на глубине 1,9 м от поверхности кургана. В могиле на разных уровнях обнаружены кости ребенка 2—3 лет. Такое положение костей объясняется, видимо, работой грызунов, норки которых перерезали центральную часть кургана во всех направлениях.

Погребение № 6 в юго-западном секторе

центральной части кургана было накрыто закладом из 9 больших камней, вытянутым с северо-запада на юго-восток. Камни лежали плашмя и наклонно на глубине 0,25—0,6 м ниже поверхности. Длина завала — около 0,8 м, ширина — 0,4 м. Под камнями находился костяк ребенка 10—12 лет, на глубине 0,75 м, на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на юго-восток. Череп был раздавлен под тяжестью камней. Кроме черепа, от скелета сохранились: часть позвоночника, несколько ребер, обломки предплечья. Перед лицом стоял небольшой горшок баночной формы (№ 1319; рис. 27, 1).

Погребение № 7 находилось рядом с погребением № 6, к востоку от него, и тоже было накрыто завалом из камней, вытянутым с северо-запада на юго-восток. Длина завала — около 1,7 м, ширина — около 0,55 м. Завал состоял из 6 рядов камней разной величины. Общая высота завала — 0,5 м. Под камнями, на глубине 0,8 м ниже поверхности обнаружен скелет, кости которого оказались смещенными под тяжестью камней. Судя по положению черепа и правой подвздошной кости, скелет лежал на левом боку, головой на запад. Череп, обращенный лицом к северу, был раздавлен. К востоку от черепа найдены разбросанные позвонки, ребра, ключица, локтевая кость. Около таза лежали части скелета барана — лопатка, передняя нога, ребра и позвонки. Отдельные кости человека и барана обнаружены и выше погребения, в насыпи кургана. Смещение костей произошло не только под давлением камней, но и вследствие нарушения погребения более поздним захоронением № 10. По-видимому, к погребению № 7 относятся обломки лепного горшочка с наlepным валиком (рис. 27, 2).

Погребение № 8 в центральной части кургана было тоже под каменным закладом в виде круглой каменной кучи диаметром около 1 м и высотой около 0,6 м. Под камнями, на глубине 1,2 м ниже поверхности лежал скелет мужчины на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на юго-восток. Руки были согнуты в локтях, а кисти рук находились перед лицом. Вещей в погребении не оказалось.

Погребение № 10 обнаружено непосредственно над могилой № 5, с которой оно частично сливалось своим восточным краем. Небольшая удлиненная могильная яма с округленными углами была ориентирована

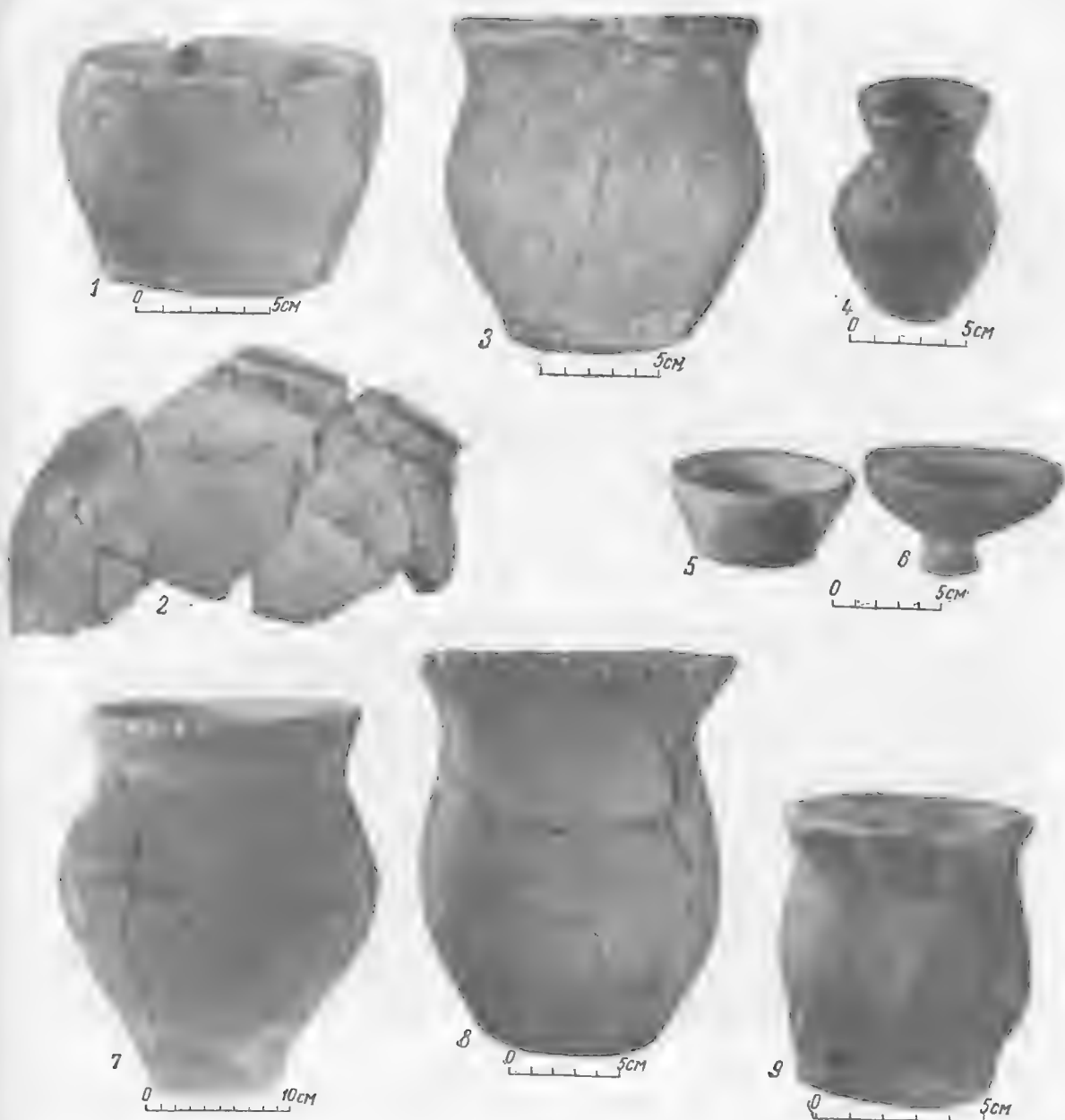

Рис. 27. Лепные сосуды из погребений № 6 (1) и 7 (2) Гавриловского кургана № 1 и из раскопок Гавриловского городища (3—9).

с востока — северо-востока на запад — юго-запад. Ширина могилы — 0,43 м, сохранившаяся длина — 0,75 м, глубина от поверхности — 1,76 м. В могиле находились кости ребенка, сильно нарушенные грызунами. В западном конце могилы лежал череп ре-

8, в которых обнаружены скелеты в скорченном положении под каменными закладами в виде куч камней (рис. 26, 1; рис. 28, 1).

Найденная в этих погребениях керамика достаточно показательна. Так, в погребении № 6 перед лицом захороненного ребенка

Рис. 28

1 — каменный заклад над погребением № 6 Гавриловского кургана № 1; 2 — остатки стены акрополя в раскопе IX (а — внешний панцирь основного пояса; б — дополнительный пояс); 3 — остатки зданий и вымостка в раскопе VIII (а — большое здание; б — пристройка); 4 — каменная печь в северном здании раскопа II (2—4 — Гавриловское городище).

бенка 8—10 лет, лицом на север. В головах, у западной стенки могилы обнаружен обломок лепного баночного горшка (рис. 25, 12). В противоположном — восточном — конце могилы найдено 8 речных улиточных ракушек.

Выделяется группа погребений № 6, 7 и

стоял лепной горшок баночной формы (рис. 27, 1) со слегка выпуклым и суживающимся книзу туловом. Высота сосуда — 7,5 см, диаметр устья — 11 см, диаметр дна — 9 см. Из погребения № 7 происходят фрагменты сосуда баночной формы с плоским на-лепным валиком, украшенным защипами

(рис. 27, 2). В погребении № 10 обнаружен полный профиль сосуда баночной формы с чуть отогнутым венчиком, высотой 7,5 см (рис. 25, 12). В глине этого сосуда — значительная примесь шамота и блесков слюды.

Вся эта керамика характерна для позднесрубной культуры, когда в ходу еще были простые баночные сосуды, но постепенно появлялись новшества в виде большей или меньшей отогнутости края или налпных валиков¹⁰. Сосуды из Гавриловского кургана № 1 имеют аналогии в керамике сабатиновской культуры, распространенной в предскифское время в Западном Приднепровье. Могила, вероятно, одновременна, хотя в деталях обряда замечаются некоторые отклонения. Так, каменные кучи оказались только над могилами № 6, 7 и 8, в остальных же погребениях камней нет совсем. Большинство скелетов лежало на левом боку, но два (погребения № 1 и 8) — на правом. Погребенные большей частью ориентированы головами на запад или северо-запад, но два, и именно из группы с каменными кучами, — на юго-восток. Захоронение покойников под каменными закладами разного вида является исконным для территории Нижнего Приднепровья и Припорожья. Как показали исследования А. В. Добровольского и Е. Ф. Лагодвской в Припорожье и в соседней с Гавриловской Золотой Балке, захоронения под каменным закладом прослежены в этих местах еще в неолите; они особенно распространились в эпоху бронзы и продолжали существовать кое-где также и в скифское время¹¹. Заклады в исследованных комплексах были плоские, с камнями в один ряд, но известны и каменные кучи¹².

Разрушенное погребение под каменным закладом встречено также на территории самого городища. В береговой части акрополя, на раскопе II, на глубине 1,2 м ниже уровня пола глинобитного здания № 2, в промежутке между 3 хозяйственными ямами в 1953 г. был обнаружен каменный заклад того же

типа, что и в описанных выше погребениях кургана № 1. Заклад имел вид кучи, длиной 1,25 м, шириной 0,6 и высотой около 0,5 м. С восточной стороны заклада лежал человеческий череп на левом виске, лицом на юго-восток. При удалении заклада среди камней оказались: человеческие кости — 2 обломка ребер, 1 плюсневая кость и 1 фаланга; несколько костей животных, среди них — коровий зуб; фрагменты лепной керамики городищенского времени и дисковидные пряслице, сделанное из стенки амфоры. Под закладом обнаружены берцовые, плюсневые и фаланговые кости одной ноги взрослого человека, которая лежала ступней к юго-юго-востоку, в 35 см от черепа. Кости ноги залегали на глубине 2,12 м ниже современной поверхности, а вокруг них прослеживалось расплывчатое, не поддающееся точной фиксации пятно могильной ямы, края которой были деформированы в результате деятельности грызунов. Последние, по-видимому, растащили и кости скелета, причем череп, лежавший вне кучи, оказался выше остальных костей. Находки городищенского времени могли быть затащены в каменную кучу грызунами из соседних ям, задевших восточный и западный концы погребения.

Таким образом, судя по уровню залегания и характеру каменного заклада, данное погребение, по всей вероятности, синхронно погребениям под каменными кучами предскифской эпохи из кургана № 1 и одновременной керамики, обнаруженной в культурном слое городищенского времени на этом же раскопе, видимо, в результате перекопа (при рытье ям).

Таким образом, территория Гавриловского городища была заселена еще в эпоху бронзы и предскифское время, но никаких строительных остатков того времени пока обнаружить не удалось.

2. ТОПОГРАФИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДИЩА

Топография городища в основном была выяснена В. И. Гошкевичем. Последующие исследования подтвердили наличие внутренней крепости — акрополя, обнесенного каменной стеной и рвом, и второй каменной же, но менее мощной оборонительной стены, ограждавшей территорию внешнего города. В отношении земляного вала, так четко обозначенного на плане В. И. Гошкевича, сразу же воз-

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 81.

¹¹ Е. Ф. Лагодвская. Каменные закладки Надпорожья. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 179; А. В. Добровольский. Каменные закладки в районе Таволжаного острова. Там же, стр. 180 (с илл.).

¹² А. В. Добровольский. Каменные закладки..., стр. 186.

никли некоторые неясности, поскольку проследить его на всем протяжении никак не удавалось. С другой стороны, у вершин приречных балок, ограничивавших, по В. И. Гошкевичу, площадь городища с севера и юга, действительно, намечались какие-то холмистые гряды, которые могли рассматриваться как сохранившиеся концы вала. Некоторая всхолмленность наблюдалась и в поле за Михайловской дорогой. Создавалось представление о чрезвычайно сильной распаханности вала, от которого не осталось почти никаких следов¹³. В 1951 г. К. А. Бредэ, с целью исследования распаханной части вала, заложил шурф на предполагаемой линии вала в поле за дорогой и обнаружил там погребение, которое после окончания полевых работ было вновь засыпано, и исследование его осталось незаконченным. Наличие погребения дало основание К. А. Бредэ предположить, что в позднейшее время, когда вал потерял свое военно-оборонительное значение, он был использован для погребений¹⁴.

В 1953 г. мы предприняли изучение той удлиненной пологой возвышенности, которая принималась В. И. Гошкевичем за юго-восточную оконечность вала. Эта возвышенность отходит в северо-западном направлении от вершины балки, ограничивающей территорию городища с юго-запада и служащей также исходной точкой для второй оборонительной стены. Раскоп (рис. 24) перерезал поперек указанную возвышенность и небольшое понижение почвы перед ней, в котором можно было усматривать остатки заплывшего рва. Работы велись под руководством К. А. Бредэ.

Стратиграфия проведенного разреза оказалась очень простой. Начавшийся сразу же под дерном сильно гумированный суглинок на площади возвышенности, на глубине 0,35—0,4 м, постепенно переходил в чистый лёссовидный суглинок желтого цвета; на площади же отмеченной выше впадины слой гумированного суглинка опустился до глубины 2,25 м ниже вершины «вала» или на 1,7 м ниже поверхности, где он перешел в слой плотной материковой глины (рис. 26, 2).

Изучение стратиграфии разреза не выяви-

ло никаких следов искусственной насыпи или искусственной выемки перед ней. При наличии такой насыпи под ней неизбежно была бы заметна древняя дневная поверхность, чего, однако, не обнаружено. Также не было замечено никаких следов выкида грунта изорва. Слои возвышенности и впадин оставляют впечатление полной нетронутости. Вещевых находок было очень мало. В дерновом слое найдены 3 обломка светлоглиняных амфор и обломок кольцевого поддона сероглиняного лощеного гончарного сосуда. Ниже находки продолжались лишь в гумированном слое заполнения впадины, очевидно, намытом талыми водами. Но и тут количество их было крайне незначительно (кости животных, обломки светлоглиняных амфор с желудеобразными ножками, обломок сероглиняного гончарного лощеного сосуда и обломок лепного горшка с насечками по краю).

Таким образом, нашими раскопками установлено, что эта возвышенность имеет естественное происхождение. Исследование ее направления показало, что за Михайловской дорогой возвышенность быстро заканчивается. В результате обследования поля за дорогой оказалось, что та всхолмленность, которая представлялась продолжением земляного вала, на самом деле является группой небольших и сильно распаханных курганов. На один из таких курганов, по-видимому, и попал шурф К. А. Бредэ в 1951 г. Другой такой курган, находившийся на линии предполагаемого продолжения «вала», был раскопан К. Ф. Смирновым в 1953 г., и точно так же никаких следов оборонительного сооружения здесь не замечено.

Ввиду этого напрашивался вывод, что никакого земляного вала, являвшегося поясом укреплений, у Гавриловского городища никогда не было. Для проверки и подтверждения этого вывода нами в 1954 г. была принята еще одна попытка исследования «вала Гошкевича». На этот раз мы остановились на противоположной, северо-западной стороне предполагаемого вала, близ дороги на Михайловку. Здесь от вершины приречной балки начинается тоже волнообразная гряда, которая идет к юго-западу, постепенно теряясь в распаханном поле. Эта гряда была также перерезана нашим раскопом¹⁵, причем результаты работ дали совершенно ту же

¹³ Такое же впечатление создалось у И. В. Фабрициус, когда она осматривала городище в 1938 г. См. отчет И. В. Фабрициус в архиве ИА, д. № 141.

¹⁴ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках Гавриловского городища в 1951 г. Архив ИА, д. № 144.

¹⁵ Раскоп VII 1954 г. Раскопки велись под руководством К. А. Бредэ.

картину, что и на юго-западном отрезке «вала». Никаких следов искусственного вала и рва не обнаружено: ни погребенной почвы, ни насыщенного грунта — везде ровное, ничем не нарушенное чередование естественных слоев, имевших такую же стратиграфию, как и на раскопе 1953 г. Понижение с северо-западной стороны гумированного грунта до глубины 2,5 м выявило здесь впадину естественного происхождения, представляющую собой продолжение приречной балки. С течением времени впадина эта была постепенно заполнена наносным грунтом (может быть, в результате распахивания поля), в котором оказались немногочисленные находки городищенского времени, и в настоящее время на поверхности не заметна. Двуствольная ручка светлоглиняной амфоры и кольцевой поддон краснолакового сосуда уточняют время заполнения впадины, датируя его периодом I в. до н. э. — I в. н. э. На самой же подошве этого слоя при переходе к желтому лёссовидному суглинку был найден венчик эллинистической амфоры из светло-коричневой глины с блестками.

В результате проведенных нами работ есть все основания утверждать, что В. И. Гошкевич был введен в заблуждение естественным рельефом местности и наличием распаханных курганов в поле. На самом деле никакого земляного вала Гавриловское городище не имело и его укрепления ограничивались двумя каменными стенами. Правда, за пределами второй оборонительной стены при закладке шурфов мы неоднократно наталкивались на развалы каменных сооружений, однако это говорит лишь о том, что территория за пределами оборонительных сооружений городища была также заселена. Аналогичное явление наблюдается в Петуховском городище близ Ольвии¹⁶.

Другой важный вывод состоит в том, что Гавриловское городище уже не настолько выделяется своими размерами среди других «малых» городищ, как это вытекало из топографии, установленной В. И. Гошкевичем. Площадь его — 12,5 десятины (13,68 га) и лишь на 2,5 десятины (2,75 га) больше площади Саблуковского городища, но в то же время почти в два с половиной раза меньше площади Знаменского городища. Зато пло-

щадь Гавриловского акрополя на $1\frac{1}{3}$ га больше площади малого Каменского акрополя.

Акрополь Гавриловского городища расположен на склоне второй и на плато первой надпойменной террасы р. Пидпилной. Верхняя часть крепости выше нижней на 25—30 м. С трех сторон — северной, западной и южной — акрополь обнесен каменной стеной, которая к моменту раскопок имела вид задержанного земляного вала; перед стеной был вырыт ров. С северной и южной сторон ров размыт приречными балками; с восточной — береговой — стороны искусственных укреплений нет. Здесь их роль играет крутой береговой обрыв высотой 11 м. В целом акрополь имеет почти квадратную форму.

Укрепления акрополя исследовались Р. И. Ветштейн в 1951 г. и нашей экспедицией в 1952 г. (Н. Г. Елагина) и в 1954 г. (К. А. Бредэ)¹⁷. Работы подтвердили, что акрополь был обнесен каменной стеной, имевшей протяжение на северной и южной сторонах по 240 м, а на западной — 210 м¹⁸. Северная и южная стены круто спускаются вниз по склону второй террасы. Все стены оказались сильно выбранными, особенно западная, и представляли собой в основном бесформенный развал камней, который заполнил и ров. Однако после удаления развала удалось местами выявить сохранившиеся *in situ* участки кладки нижнего ряда камней и составить представление о ее конструкции. Стена состояла из внешнего и внутреннего панцирей и забутовки между ними. Панцири были сложены из крупных каменных блоков, имевших в среднем размеры $0,45 \times 0,6$ м или $0,5 \times 0,7$ м при высоте 0,1 — 0,2 м. Забутовка состояла из мелких камней (в среднем — $0,1 \times 0,15 \times 0,2$ м). Камень — местный ракушечный известняк — в основном употреблялся необработанным, но в ряде случаев на камнях панцирей были замечены следы подтески. На некоторых участках, исследованных Р. И. Ветштейн, местами прослеживался внешний панцирь. Внутренний панцирь в большинстве случаев вообще не удалось выявить. Однако,

¹⁷ Р. И. Ветштейн заложила 6 раскопов на северной и южной стенах и сделала разрез рва в северо-западном углу. Н. Г. Елагина исследовала западную стену (раскоп I 1952 г.), К. А. Бредэ — береговой участок северной стены (раскоп IX 1954 г.).

¹⁸ Р. И. Ветштейн. Отчет о раскопках внутреннего кольца оборонительных сооружений Гавриловского городища в 1951 г. Архив ИА, д. №, 1541.

¹⁶ М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, 1952, № 2, стр. 243.

на некоторых участках северной и южной стен, исследованных Р. И. Ветштейн, ею были обнаружены 2—3 ряда кладки внутреннего панциря стены¹⁹. В этих местах ширина стены, по определению Р. И. Ветштейн, составляла около 4 м. На других участках ширину стены можно было определить косвенным образом, считая от границ каменных или глинобитных жилищ, которые почти на всех участках примыкают к оборонительной стене, или от следов выборки камня с внутренней стороны стены. Вычисленная таким образом ширина стены на наших раскопах I и IX везде составила около 4—4,5 м. Только в этих пределах на западной стороне стены (раскоп I) прослежена погребенная почва, сохранившаяся под стенами (рис. 29, 1).

Как показало изучение остатков западной стены (раскоп I Н. Г. Елагиной), основание ее стояло на уровне современной ей дневной поверхности, на тонкой (10—15 см) прослойке светлого и плотного лёссовидного суглинка, по-видимому, выкинутого из рва при копке последнего, может быть, со специальной целью создания прочной строительной площадки. Такую же прослойку наблюдали К. А. Бредэ и Р. И. Ветштейн под северной и южной стенами. Под этой прослойкой залегает слой погребенной почвы темно-бурого цвета, толщиной 0,4—0,6 м, совершенно стерильный и ничем не нарушенный. Ниже идут отложения желтоватого лёсса, переходящие в белую плотную материковую глину. Развал самой стены залегает в обычном для городища сером культурном слое с примесью лёссового суглинка в нижней части (рис. 29, 2).

В береговой части северной стены акрополя, там, где приречная балка-ров несколько отступает от линии стены к северу, на участке 1954 г. (раскоп IX) изучение остатков стены показало интересную деталь. Оказалось, что стена в этом месте имеет 2 пояса. От основного пояса шириной 4 м на исследованном пространстве *in situ* сохранились лишь небольшой участок внешнего панциря общей длиной 2 м и шириной до 0,72 м и несколько некрупных камней, лежащих по линии внутреннего панциря. С наружной стороны к этому основному примыкает дополнительный пояс шириной 1,25 м, состоящий из одного панциря шириной 0,6 м и из забутовки мел-

ким камнем между ним и внешним панцирем основного пояса. Панцирь дополнительного пояса сложен из менее крупных камней, чем панцирь основного (рис. 30, 1; рис. 28, 2). Лёссовой прослойки, прослеженной под основным поясом, под дополнительным не оказалось. По цвету сероватые камни дополнительного пояса также отличались от желтоватых камней основного. Все это заставляет думать, что дополнительный пояс был пристроен к основному через некоторое время после его возведения. К сожалению, никакого датирующего вещевого материала для дополнительного пояса собрать не удалось. Нигде на других исследованных участках стены дополнительный пояс не был прослежен. Видимо, необходимость его устройства на данном участке была вызвана низким рельефом местности, требовавшим более сильно-го укрепления.

Въезд на акрополь, изученный Р. И. Ветштейн, находится в южной стене на расстоянии 80 м от берега. Ширина въезда — 4 м; он замощен камнями, вымостка тянется от края южной балки вглубь городища на расстояние 16 м. Завалы камней полукруглой формы по обеим сторонам въезда, может быть, являются остатками башен, фланкировавших въезд²⁰.

Ров, вырытый перед стеной, охватывал акрополь с трех сторон, сливаясь с приречными балками, ограничивавшими крепость с севера и юга. Если во времена В. И. Гошкевича это слияние происходило почти у самого берега, то за последние десятилетия балки под влиянием размыва значительно углубились и расширились.

Глубина рва, по данным Н. Г. Елагиной и Р. И. Ветштейн, составляет 2,5—3 м от основания фундамента стены. Наибольшая ширина рва по поверхности на участке западной стены 9,5 м, ширина же дна равна всего 0,4 м. Форма рва коническая, суживающаяся. Внутренний склон рва перед стеной был выровнен путем подсыпки выкида из рва (рис. 29, 2). Линия западного склона рва значительно менее плавная, чем восточного.

Заполнение рва детально изучено на раскопе I (Н. Г. Елагина). Нижняя часть рва была заполнена очень плотным слоем светло-серого цвета. Его перекрывал мягкий и рыхлый темно-серый слой комковатой структу-

¹⁹ Р. И. Ветштейн. Ук. соч.

²⁰ Р. И. Ветштейн. Ук. соч.

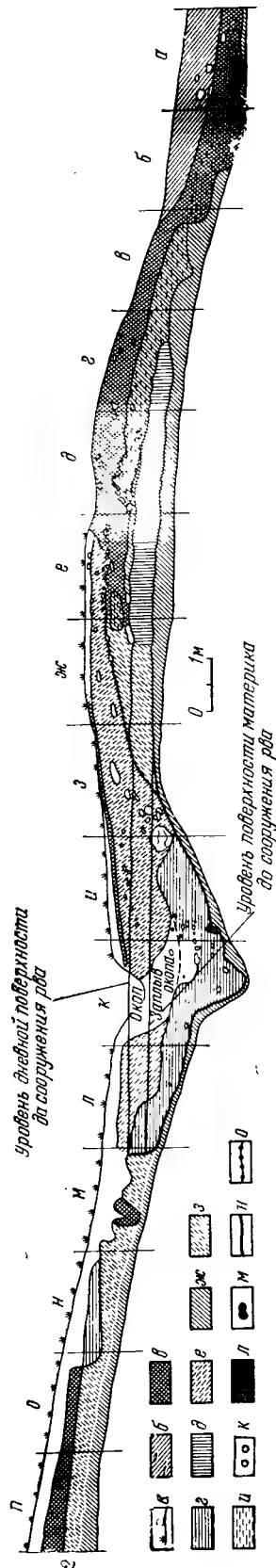
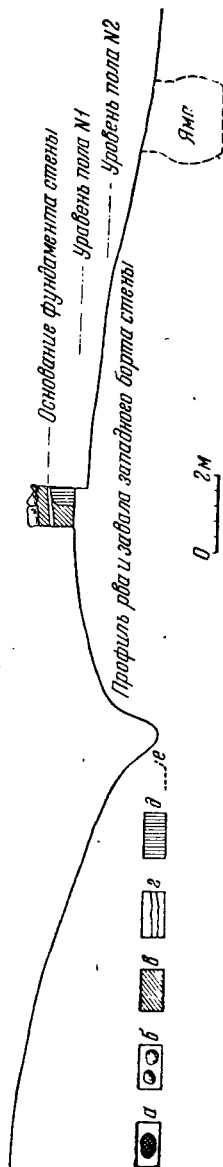
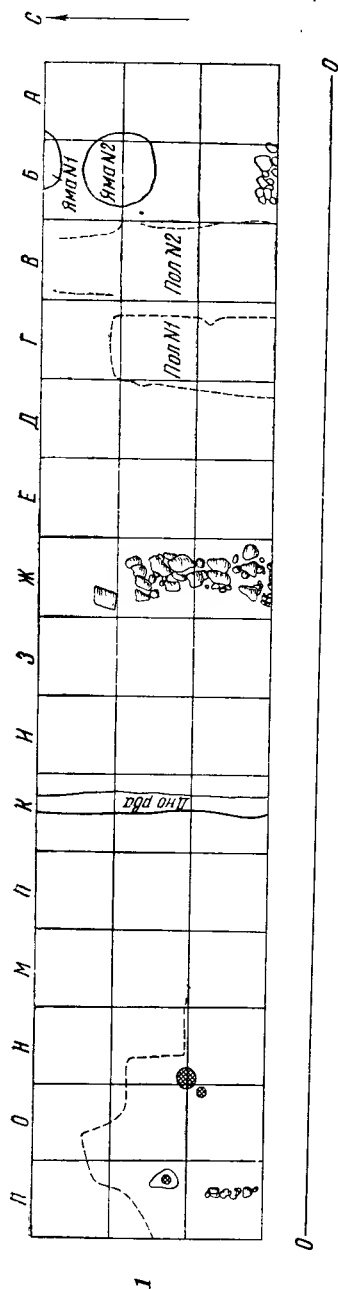

Рис. 29. Гавриловское городище.

1 — план раскопа 1; участок западной стены акрополя (а — ямы от столбов; б — камни; в — серый рыхлый слой; г — лёс; д — погребенная почва; е — контуры жилищ); 2 — профиль южного борта того же раскопа (а — гумированный слой бурого цвета; б — слой серого цвета; в — слой серого цвета с суглинком; ж — слой светло-серого цвета, рыхлый, комковатый; з — слой серого цвета, рыхлый, комковатый; ж — лёссовый суглинок (Материк); з — лёссовый суглинок (рушелей); и — зола; к — камни; л — кротовина; м — силикатный шлак; н — контур рва по уровню материка; о — контур рва по лёссовому выбросу).

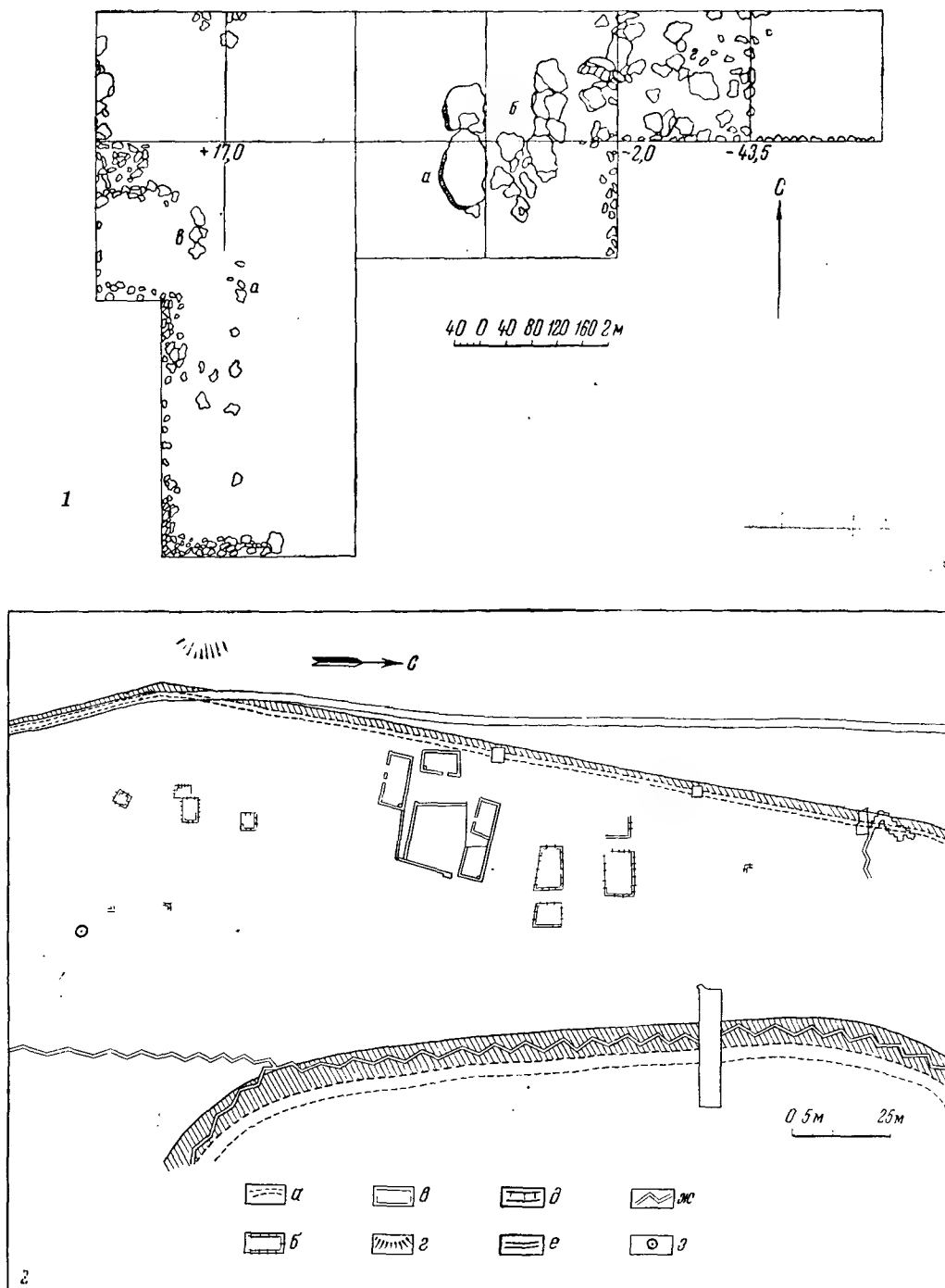

Рис. 30. Гавриловское городище.

1 — план раскопа IX (участок северной стены акрополя; а — 1-й пояс стены; б — 2-й пояс стены; в — очаг жилища; г — развал камней во рву); 2 — план верхней части городища между двумя каменными стенами (а — оборонительные стены; б — остатки нераскопанных каменных строений; в — остатки раскопанных каменных строений; г — зольник; д — ров; е — дорога; ж — окопы; з — межевой знак).

ры, аналогичный тому слою, в котором находится развал стены. Частично стена обрушилась в самый ров, и этот развал заполняет ров с самого дна и доверху по восточному склону. Изучение развала показало, что стена разрушалась длительно и постепенно. Сначала на дно рва упали камни верхней части стены и остались там лежать, постепенно затягиваясь землей, чем и объясняется плотность нижнего слоя. В какой-то период по склону вниз поползли мощные плиты основания панциря, задержавшиеся на поверхности нижнего слоя. Последний этап разрушения — это интенсивная выборка стены, когда в ров посыпалась забутовка, обнаруженная в основном верхнем слое заполнения рва.

В нижнем слое, на самом дне рва найден обломок желудеобразной ножки светлоглиняной амфоры I в. до н. э. — I в. н. э. Несколько выше, но в том же слое обнаружен фрагмент двустольной ручки светлоглиняной амфоры того же времени. Таким образом, разрушение стены началось, вероятно, в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. Для верхнего же слоя показательна находка профилированной ручки светлоглиняной амфоры I — II вв. н. э. Такие же ручки из более светлой или более красноватой глины характеризуют развал стены и верхний слой заполнения рва на береговом участке северной стены (1954 г., раскоп IX). В это время идет интенсивное разрушение стен городища.

Для решения вопроса о времени возведения стены имеются лишь косвенные указания, которые дает вещевой материал глинобитного жилища, примыкавшего к западной стене на участке раскопа I 1952 г. (рис. 29, I). Есть основание думать, что жилище это было построено одновременно со стеной акрополя, поскольку завал его глинобитных стен лежал на одном уровне с погребенной почвой, сохранившейся под завалом крепостной стены, а никаких культурных остатков более раннего времени в слое погребенной почвы не обнаружено. Поэтому изучение остатков этого жилища имеет непосредственный интерес для выяснения вопроса о датировке крепостной стены. Остатки глинобитного жилища найдены в 4 м к востоку от западного края стены в виде завала кусков обожженной глиняной стеной обмазки с отпечатками прутьев и местами с заглаженной поверхностью (рис. 29, I; пол № 1 и пол № 2). Завал состоял из 2 участков, лежавших один возле

другого на разных уровнях. Западный участок находился на уровне погребенной почвы, прослеженной под крепостной стеной, а восточный участок — на 0,6 м ниже западного. Такая ступенчатость, по-видимому, объясняется рельефом местности, круто спускающейся вниз к реке. Оба участка были покрыты каменным развалом крепостной стены. На верхнем, западном участке завала глиняной обмазки находок оказалось очень мало; основная масса их была на восточном участке. Здесь, среди завала глиняной обмазки, на одном месте радиусом около 1,5 м обнаружено несколько целых сосудов: 2 греческих сосуда типа канфаров, — один чернолаковый (рис. 31, 2), другой краснолаковый (рис. 31, 3), — и несколько лепных — миниатюрный сосудик с шаровидным туловом (рис. 32, 2), сосудик типа цедилки со сквозными отверстиями в стенках тулова (рис. 32, 1), 3 конических миски — две на полом и одна на массивном поддоне. Здесь же найдены куски слезавшегося перегоревшего проса.

Под описанным завалом глиняной обмазки обнаружен хорошо сохранившийся пол в виде промазки из желтовато-белой глины. Всего открыто 2 уровня этого пола, из которых один выше другого на 10–20 см и отделен от последнего пожарной прослойкой (толщина ее — 15–20 см), состоявшей из мелких кусков обожженной глины, сажи и угольков. По-видимому, мы имеем здесь дело с 2 строительными периодами здания, сгоревшего и возобновленного. В пожарной прослойке обнаружен стоявший, видимо, на нижнем полу раздавленный буролаковый килик с росписью в технике гнация (рис. 31, 4). Рядом найдены остатки перегоревшего шнура, а на самом полу — горелые зерна ячменя. Все 3 упомянутых выше греческих сосуда датируются концом II в. — началом I в. до н. э., когда, вероятно, и было построено здание. Не противоречат этой дате и фрагменты 3 амфор, связанные, по-видимому, с этим же жилищем и найденные на расстоянии 1,8 м к югу от описанного выше скопления сосудов. Одна из этих амфор, с овальными в сечении ручками и каплевидной ножкой, сделана из косской светло-красной глины с блестками; другая, с двустольными ручками, — из коричневой глины; третья, с ложно-двустольными ручками, — из красновато-желтой глины с включениями извести, туфа и шамота. Таким образом, если это здание

Рис. 31. Гавриловское городище

1—4 — греческие сосуды и фрагменты их из зданий II—I вв. до н. э. (1, 2 — чериолаковые; 3 — краснолаковый; 4 — бууролаковый); 5, 6 — сероглиняная лощеная гончарная керамика; 7, 8 — лепная лощеная керамика; 9 — лепная нелощеная миска (крышка?).

было, действительно, построено в одно время со стеной, нужно признать, что возведение стены Гавриловского акрополя относится к концу II в. или началу I в. до н. э., т. е. она была сооружена позднее стен малого акрополя на Знаменском городище.

В 1951 г., с целью исследования этой стены, К. А. Бредэ разрезал ее траншеей в двух местах. В результате его работ оказалось, что перед стеной был ров, хотя и не такой широкий и глубокий, как ров акрополя. Благодаря небольшим размерам (ширина —

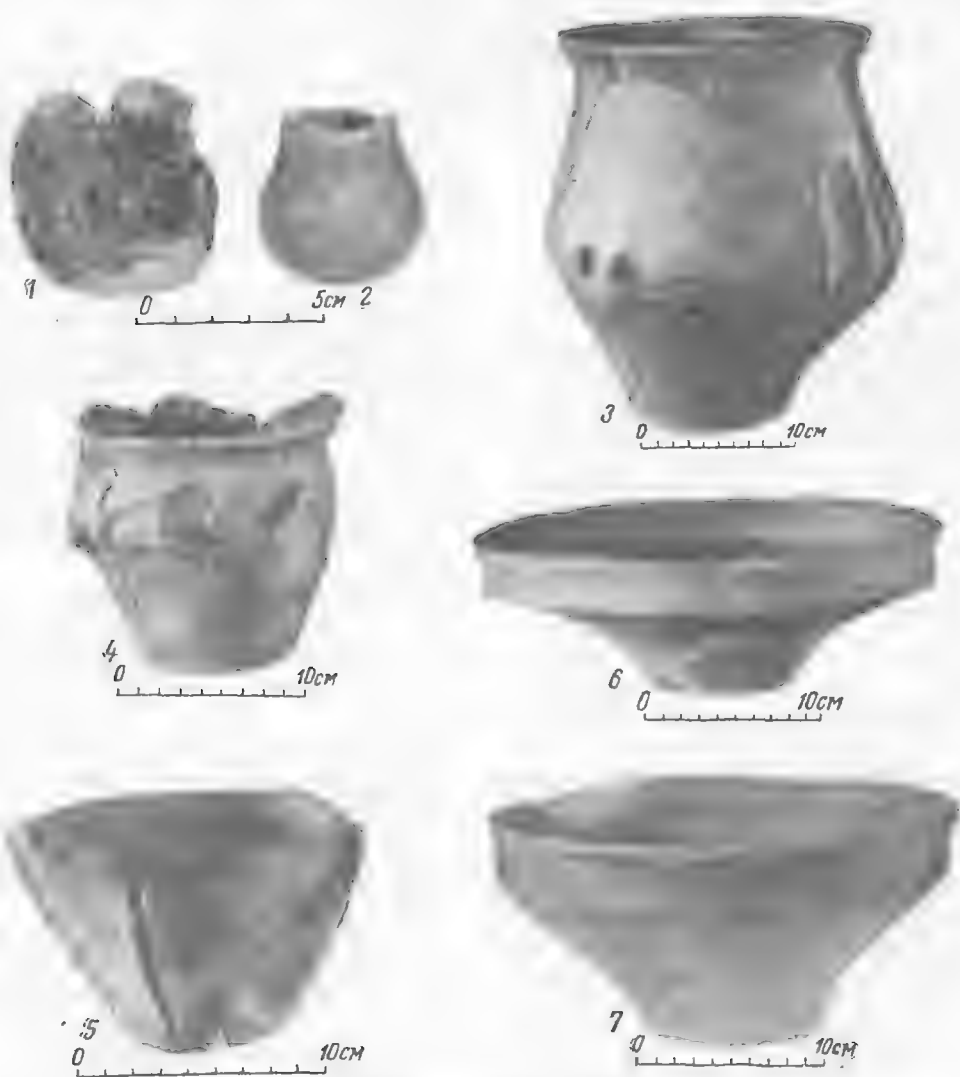

Рис. 32. Гавриловское городище. Лепные нелощеные (1, 2, 4, 5) и лощеные (3, 6, 7) сосуды.

Вторая оборонительная стена была впервые обследована В. И. Гошкевичем, который установил, что она охватывала площадь в виде многоугольника, была невысока и не имела признаков рва²¹.

²¹ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 141.

4,5 м, глубина — 1,5 м) этот ров ко времени обследования В. И. Гошкевича успел уже так заплывать, что не мог привлечь к себе внимания исследователя. Кладка стены оказалась сильно разбитой, так как над ней в течение многих лет проходила дорога на Михайловку и камни оказались смещенными.

Тем не менее К. А. Бредэ намечает ее примерную ширину в пределах 1,2—1,3 м, что говорит о ее менее мощном характере по сравнению со стеной акрополя. Внешний панцирь был сложен из крупных плит, поставленных на ребро; внутренний — на исследованных участках не обнаружен. Датировка второй стены определяется найденными у ее основания фрагментами разбитой светлоглиняной амфоры I в. до н. э. — I в. н. э. По-видимому, вторая стена была возведена несколько позднее укреплений акрополя.

3. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ

Гавриловское городище расположено на верхней и нижней надпойменных террасах и на склоне между ними. Верхняя терраса, начиная от второй оборонительной стены, плавно понижается примерно до горизонтали рва перед западной стеной акрополя, после чего следует крутой спуск к нижней террасе. Весенние воды постоянно размывают верхний город, увлекая вниз к берегу верхнюю часть его культурного слоя. В результате этого остатки каменных зданий в верхнем городе обнаруживаются сейчас же под дерном. В верхней части акрополя культурный слой достигает мощности 1,3 м, а в береговой его части, на плато нижней террасы он доходит до 2 м.

В лучше всего исследованном культурном слое акрополя можно различить 3 слоя, незаметно переходящих один в другой. Верхний слой, — гумированный, темного цвета, — в основном датируется ручками профилированных амфор I—II вв. н. э. и сероглиняной лощеной керамикой первых веков нашей эры. Более поздний материал (III в. н. э.) исчисляется единицами. Встречающиеся в этом же слое находки эллинистического времени, по-видимому, попали сюда частично в результате намыва грунта с верхнего плато, частично — вследствие перекопа при рытье ям. Толщина этого слоя составляет 0,12—0,3 м. Средний слой, — серый, рыхлый, золистый, — доходит до глубины 0,8—1 м от поверхности. Это основной слой, с которым связана главная масса находок и в котором обнаружены остатки каменных и глинобитных сооружений нескольких строительных периодов. Слой датируется обломками амфор I в. до н. э. —

I в. н. э. В нижнем слое серовато-желтого цвета с примесью желтого лёссового суглинка находок становится все меньше, встречается греческая керамика IV—III вв. до н. э., но строительных остатков этого времени почти не обнаружено, за исключением остатков разрушенных каменных очагов на раскопе III. На глубине 1,5—2 м находки прекратились совершенно (рис. 29, 2). Отложения желтого лёссового суглинка, залегающие под культурным слоем, покоятся на почти белой плотной материковой глине.

Наиболее интересный архитектурный комплекс акрополя раскрыт в береговой части на раскопе VIII (продолжение раскопа XV 1951 г.). Здесь, в нижней части серого слоя, обнаружены остатки большого прямоугольного здания с регулярной каменной кладкой, ориентированного с востока на запад. От здания уцелели кладка нижних рядов восточной стены во всю ее длину и небольшие участки северной и южной стен. Западная стена не сохранилась совершенно, поэтому точно установить можно лишь ширину здания, достигающую по внутреннему обводу стен приблизительно 6 м, по внешнему — примерно 7,2 м (рис. 33, 1; рис. 28, 3).

В том месте, где обрывается южная стена здания, к последнему с юга примыкает небольшое каменное помещение шириной 2,4 м и длиной не менее 3,2 м. От него сохранились только восточная и южная стены. По-видимому, это была пристройка к основному каменному зданию; к сожалению, место стыка с последним не сохранилось.

Ширина кладки стен у обоих помещений достигает 0,6 м; но у большого здания она большей частью выбрана почти на половину толщины. В высоту кладка сохранилась на 1—2 ряда камней у малого здания (0,2—0,4 м) и на 2—3 ряда (0,6—0,7 м) у большого. Кладка состоит из камней, уложенных в основном плашмя, причем более крупные камни положены по краям.

Серый, золистый грунт, в котором залегают остатки обоих помещений, был чрезвычайно насыщен культурными остатками, главным образом обломками керамики. Развал здания датируется фрагментами светлоглиняных амфор с желудеобразной ножкой и двустольными ручками, относящихся к I в. до н. э. — I в. н. э., но один раз встречена также симметрично профилированная ручка светлоглиняной амфоры I—II вв. н. э.

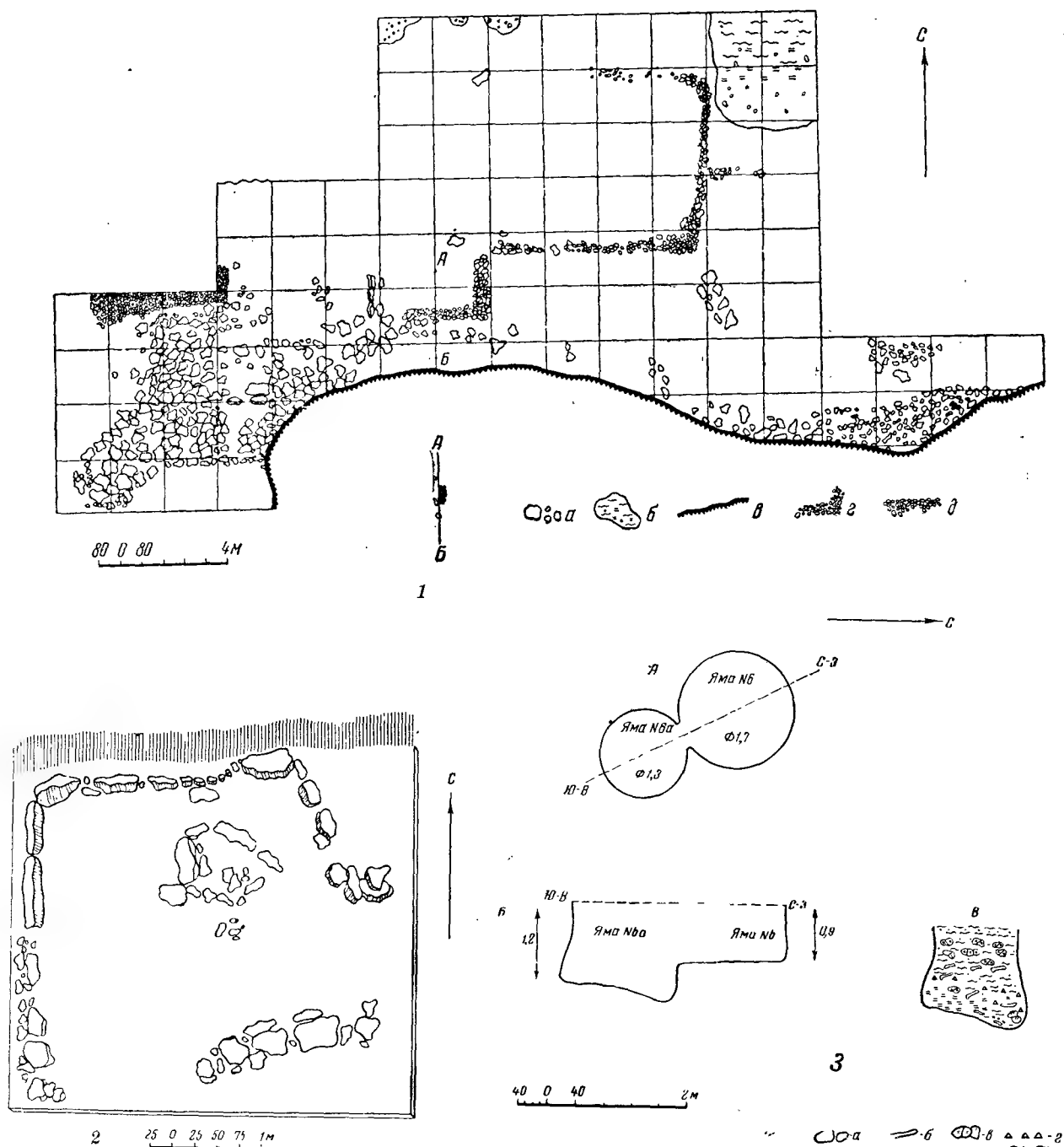

Рис. 33. Гавриловское городище.

1 — план каменных зданий и вымостки на раскопе VIII (а — камни; б — выброс очаговых остатков; в — линия обрыва; г — стены каменного здания; д — развал каменного здания); 2 — план здания легкого типа в шурфе № 5; 3 — план (А) и разрез (Б) ям № 6 и 6а на раскопе III и основное заполнение (Б) ямы № 6а (а — камень; б — кости животных; в — куски обмазки; г — угли, зола).

Очаги в самом здании не прослежены, но рядом с ним, за его северо-восточным углом обнаружен большой зольник, уходящий в северный и восточный борта раскопа и, по-видимому, смыкающийся с зольником, который прослеживается по краю берегового обрыва. Часть зольника, выходящая на раскоп VIII, оказалась насыщенной беспорядочно разбросанными кусками глиняных очагов — жаровен с закраинами, фрагментами керамики, главным образом лепной, а также амфорной, с костями животных. Отдельные участки зольно-мусорных куч, уходящих в северный борт раскопа, отмечены также к северо-западу от здания (рис. 33, 1). Найденные в них донышко алебаstra из цветного финикийского стекла I в. до н. э. — I в. н. э. и желудеобразная ножка светлоглиняной амфоры того же времени не противоречат предполагаемой дате здания, по-видимому, связанного с описанными зольниками.

Ниже уровня здания, в светло-сером слое, смешанном с суглинком, продолжала отмечаться большая насыщенность находками, среди которых обнаружены фрагменты чернотеновой чашечки и ножка боспорской амфоры IV—III вв. до н. э., обломки раннеэллинистической буролаковой керамики, сероглиняных лощеных сосудов сальвийского типа, а также лепной простой и лощеной посуды.

Южная стена пристройки к большому зданию выходит на вымостку из каменных плоскостных плит, уложенных плашмя (рис. 33, 1; рис. 28, 3). Судя по отдельным фрагментам вымостки, она доходила когда-то до стен основного каменного здания. Пристройка же была, видимо, осуществлена позднее, так как ее южная стена перекрывает вымостку.

Вымостку мы проследили, начиная от самого берега, мимо каменного здания, дальше к западу на протяжении 30—33 м, где она как будто поворачивает к юго-западу, по-видимому, по направлению к въезду на южной стене акрополя. Правда, дальше в бортах юго-западного угла раскопа VIII она не прослеживается, но, возможно, что в этом месте она была разрушена. Лучше всего сохранилась вымостка в западном и восточном концах раскопа, где плиты ее залегают сплошь: центральная же часть ее сильно разрушена и частично обвалилась в соседний овраг — промоину, где плиты ее можно наблюдать и сейчас. С западной стороны вымостка обрывается

поздней ямой, в которой был найден обломок турецкой трубки XVII—XVIII вв.

Размеры крупнейших плит вымостки достигают $0,65 \times 0,7$ м. Открыта она на глубине 0,75 м ниже поверхности. Вымостка представляла собой, по-видимому, широкую мощеную улицу. Ширину ее, вследствие разрушения, определить трудно; ширина наилучше сохранившегося участка в западной части раскопа VIII составляет 5,6 м. В этом месте на вымостку выходило второе большое каменное прямоугольное здание, о котором сейчас можно только судить по развалу камней, уходящему в борта раскопа. Южная сторона этого развала насчитывает 5 м в длину, восточная — 1,4 м. Здание стояло на оси пристройки к первому каменному зданию.

Над вымосткой прослежен тот же серый золистый слой, что и над каменным зданием, но находок здесь, естественно, значительно меньше. Датируется слой фрагментами амфор I в. до н. э. — I в. н. э., т. е. так же, как и само здание. Найденный в 1951 г. у края вымостки разбитый гончарный мискообразный сосуд с черной лощеной поверхностью черняховского типа (рис. 34, 12) попал сюда, видимо, в результате отмеченного выше перекопа.

Под вымосткой в более светлом слое с примесью лёссового суглинка найдены двустольные ручки косских амфор из светло-коричневой глины с блестками (III—II вв. до н. э.).

Регулярная и прочная кладка каменных зданий, выходящих на мощеную улицу, резко отличается от бесформенных развалов других каменных зданий акрополя, почти совершенно не сохранивших своих очертаний, и свидетельствует о большей значимости зданий раскопа VIII. Здания были, по-видимому, построены в I в. до н. э., но большая насыщенность находками слоя под ними говорит за то, что жизнь здесь была достаточно интенсивна еще в раннеэллинистическое время, причем жившее здесь население использовало в своем быту высококачественную посуду греческого типа.

При определении остеологических остатков в слое завала каменных зданий раскопа VIII В. И. Цалкиным были выявлены: по одной особи крупного рогатого скота, лошади, кабана, бобра; 2 особи благородного оленя; 3 кости рыбы. Среди зольничного выброса отмечено по одной особи крупного рогатого

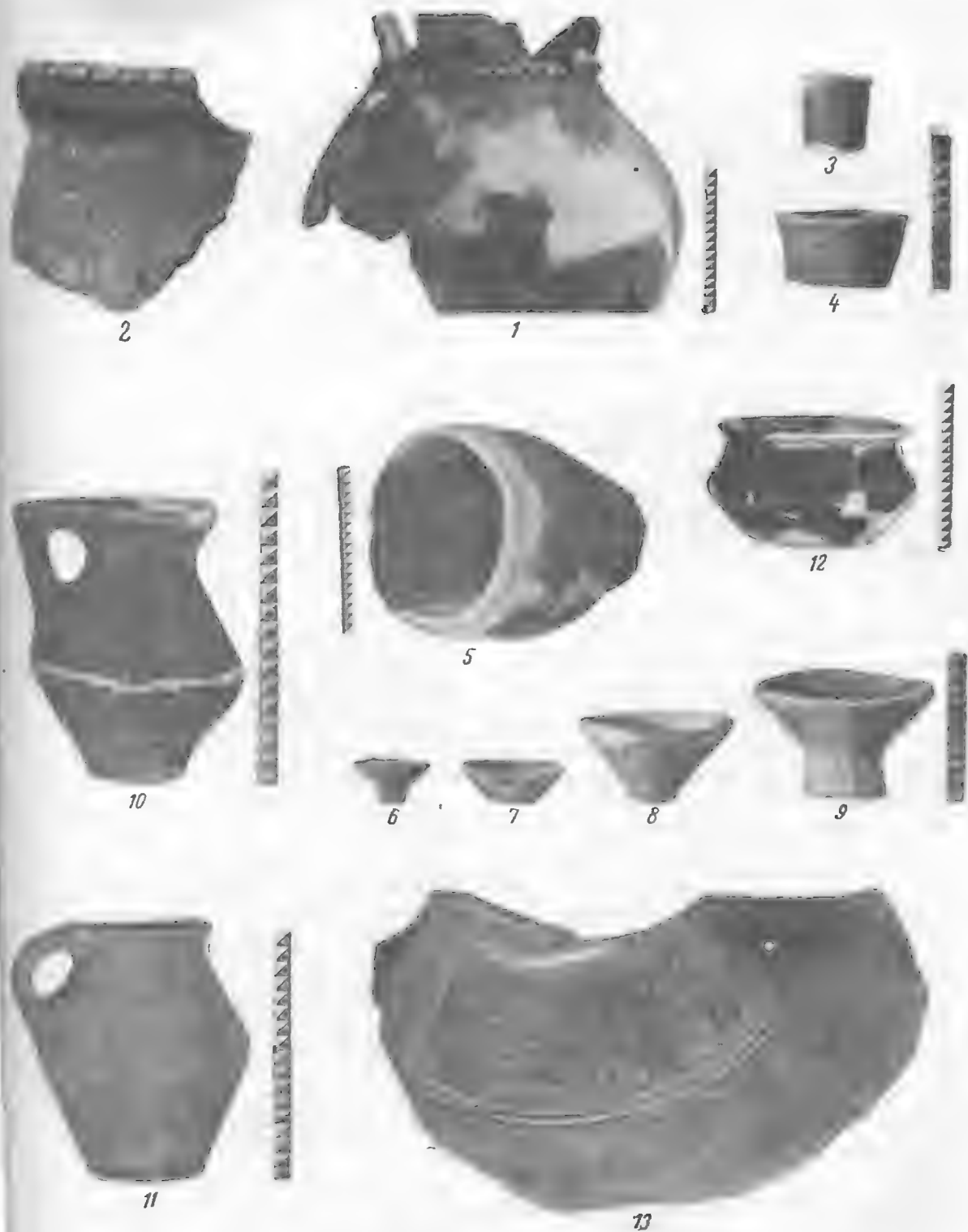

Рис. 34. Гавриловское городище. Керамика из раскопок К. А. Бредэ в 1951 г.
 1—9 — лепная нелощеная; 10, 11 — лепная лощеная; 12, 13 — гончарная сероглиняная с черным лощением.

скота, лошади, свиньи, благородного оленя. По-видимому, обитатели этих зданий имели достаточный досуг для занятия охотой.

В целом, в данном районе нам удалось, видимо, «нащупать» важный участок Гавриловского городища, своего рода центр города с резиденцией аристократической части населения.

Другое фундаментальное каменное здание стояло дальше от берега и ближе к центру акрополя, в 70 м от линии берегового обрыва. Оно исследовалось в 1951 и 1953 гг. Сохранился лишь северо-восточный угол каменной прямоугольной постройки, в основании которой лежала большая краеугольная каменная плита. Кладка стен, шириной 0,6—0,67 м, сохранилась по северной стороне на протяжении 1,9 м, по восточной — 1,85 м, на высоту 3—4 рядов камней (0,37—0,5 м). Более крупные камни лежали по краям, между ними находились мелкие. Кладку окружал мощный завал камней с внешней и внутренней сторон здания.

Иного рода здания — упрощенного типа — были открыты в северной части береговой полосы акрополя (раскопы II и III, восточная часть раскопа VI). Среди сплошных развалов камней этих зданий, располагавшихся, по-видимому, в тесном соседстве — одно рядом с другим, — выявить четкие контуры плана было невозможно за исключением отдельных участков более или менее регулярной кладки, по которым можно судить, что эти здания были прямоугольных очертаний и ориентированы по странам света: или с севера на юг, или с востока на запад. Сами развалы не отличались такой мощностью, как у зданий с фундаментальной кладкой. Видимо, у этих зданий каменное основание складывалось менее тщательно и прочно, в большинстве случаев — только из одного ряда камней, а верхняя часть, вернее всего, была или деревянная, или из глины с укрепленными в нее камнями. Судя по сохранившимся остаткам, пол зданий был глинобитный, из плотно убитой светлой, почти белой материковой глины, толщиной 3—5 см. О жилом характере этих построек свидетельствуют многочисленные очаги, выявленные среди развала, и обилие культурных остатков в слое. Основания этих жилищ покоятся на поверхности нижнего серовато-желтого слоя или залегают целиком в сером золистом слое, относясь, таким образом, к разным периодам

строительной деятельности городища в пределах I в. до н. э. — I в. н. э.

Так, на раскопе II развал каменного здания в центральной части, который уходил в западный борт и исследование которого поэтому не было закончено, залегал в сером золистом слое на уровне 0,17 м ниже нуля. Среди развала прослеживался местами глинобитный пол и выделялись 2 небольших круглых очага из необработанных камней. Непонятно назначение узкой полосы светлой глины, шириной 10 см и толщиной 1—2 см. Эта полоса прослежена за очагами на протяжении 2 м; может быть, она отграничивала очажный комплекс от остального помещения?

К югу от развала примерно на том же уровне (0,12 м) обнаружены остатки пола и каменных обкладок очагов другого здания, перекрывавшего развал более раннего жилища (рис. 35, 1; см. верхний горизонт здания № 2). Здесь развала крупных камней не было (в слое встречался только мелкий камень); возможно, что здание было в основном глинобитное с добавлением камня в массив стены для усиления ее прочности.

В северной части того же раскопа обнаружен развал каменного здания. На двух уровнях (0,4 и 0,6 м ниже нуля) выявились углы оснований стен прямоугольных зданий из одного ряда больших камней, а также довольно жалкие остатки внутренних кладок и глинобитного пола на двух строительных горизонтах. В одном из помещений на верхнем уровне сохранилась каменная печь с купольным сводом (рис. 28, 4; рис. 36, 1), у основания которой обнаружен обломок краснолаковой чашки с рельефным растительным орнаментом I в. до н. э. (рис. 47, 4), хотя в целом слой развала каменных зданий на раскопе II датируется обломками амфор I в. до н. э. — I в. н. э. Только найденные на уровне нижнего строительного периода колпачковая ножка красноглиняной амфоры III в. до н. э. и ножка раннесинопской амфоры того же времени относятся к более раннему периоду жизни городища; от этого периода, однако, на раскопе II никаких строительных остатков не сохранилось.

На раскопе III сплошной развал каменных кладок, среди которого можно было заметить лишь небольшие участки регулярной кладки оснований стен из крупных камней в один ряд, тоже залегал в сером золистом слое, датирующемся I в. до н. э. — I в. н. э.

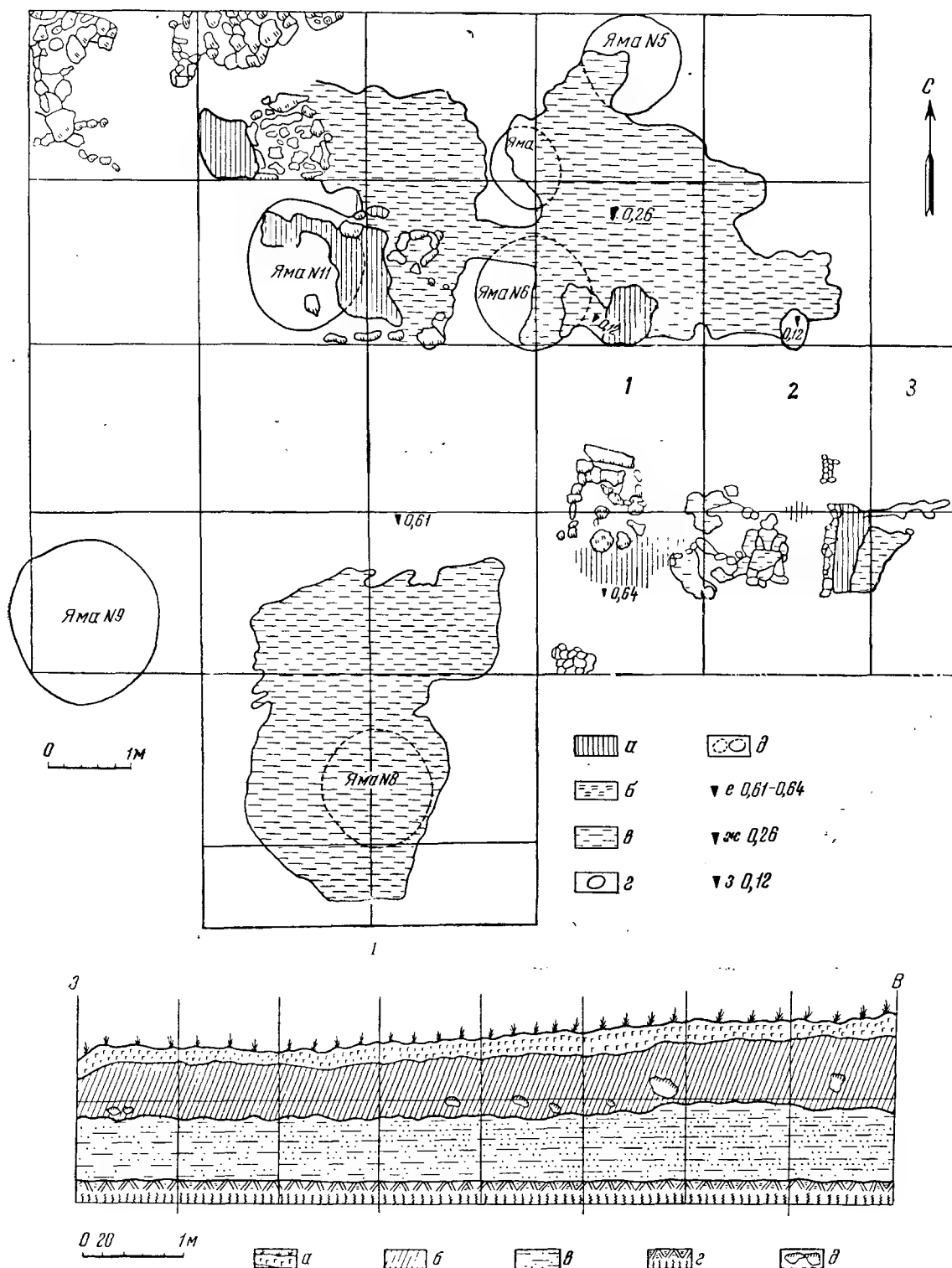
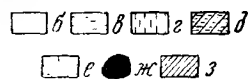
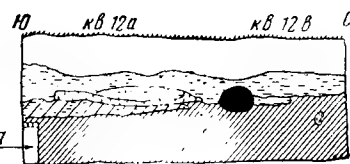
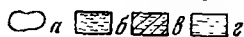
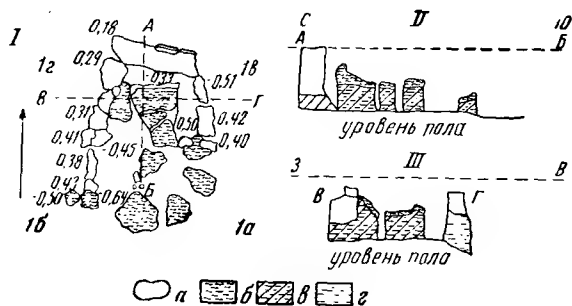
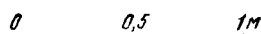
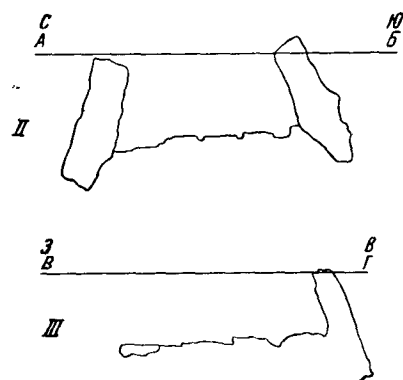
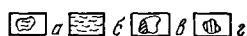
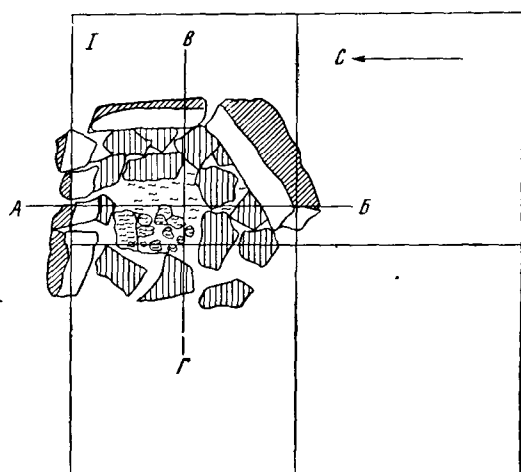

Рис. 35. Гавриловское городище.

1 — план остатков глинобитных зданий № 1 и 2 в южной части раскопа II (а — глинобитный пол; б — завал глиняной печной обмазки; в — завал глиняной стеной обмазки; г — камни; д — ямы под строительными остатками; е — остатки жилища № 1 на уровне 0,61–0,64 м ниже нуля; ж — остатки жилища № 2 — нижний горизонт на уровне 0,26 м ниже нуля; з — остатки жилища № 2 — верхний горизонт на уровне 0,12 м ниже нуля; 2 — профиль северного борта раскопа II [а — гумус; б — серый гумированный слой; в — лёссовый суглинок; г — лёсс (археологический материк)]; д — камни.

4

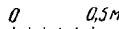
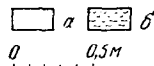
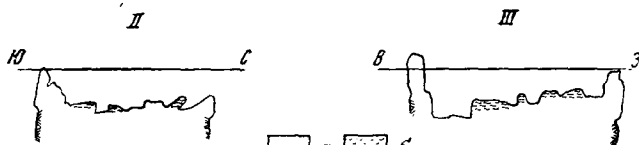
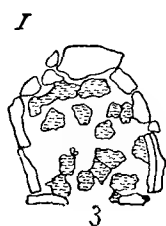

Рис. 36. Гавриловское городище.

1 — каменная печь на раскопе II (I — план печи в расчищенном виде, после удаления завала свода; II — разрез печи с севера на юг по линии AB; III — разрез печи с запада на восток по линии BG; а — жаровня; б — зола; в — камни, стоящие наклонно; г — камни пода); 2 — глиняная жаровня в каменной обкладке из здания № 1 на раскопе II (I — план; II — разрез с севера на юг по линии AB; III — разрез с запада на восток по линии BG; а — камни; б — жаровня; в — суглинок с золой; г — зола); 3 — глиняная жаровня в каменной обкладке из здания № 2 на раскопе II (I — план; II — разрез с юга на север; III — разрез с востока на запад; а — камни; б — жаровня); 4 — профиль западного борта квадрата 12 — раскопа II с разными уровнями пола и следами пожара (а — поп с развалом камня; б — гумнированная супесь; в — зола; г — верхний горизонт пола; д — нижний горизонт пола; е — развал обмазки пола с золой; ж — кротовина; з — суглинок).

Другого рода постройки располагались ниже уровня каменных зданий. Это наземные прямоугольные жилища со стенами на плетневом каркасе, обмазанном глиной. Сплошные завалы такой глиняной обмазки с отпечатками прутьев (рис. 37, 15), обрушившейся на пол здания, обнаружены на раскопе I у западной оборонительной стены акрополя и в южной части раскопа II (рис. 35, 1). Эта глиняная обмазка сильно отличается от той глиняной массы, из которой сделаны жаровни очагов. Глиняная обмазка стен слабо обожжена, легко расслаивается, с внутренней стороны имеет характерные пустоты от сгоревших или сгнивших прутьев, а снаружи — хорошо заглаженную поверхность.

На раскопе II выделяются 2 массива завала подобной глиняной обмазки. Первый завал расположен в крайней южной части раскопа (рис. 35) на глубине 0,61—0,64 м. Длина этого массива с севера на юг — 3,5 м и ширина от 1,7 до 2,8 м. Куски обмазки местами лежали лицевой поверхностью вверх, местами — книзу. Под обмазкой, на уровне 0,7 м ниже нулевой точки раскопа, обнаружен пол из плотно убитой белой глины, покрытой толстым слоем сажи, кое-где — с углями. Особой мощности достигал слой сажи у северной оконечности завала, где он составлял до 0,2 м толщины. Может быть, здесь лежал сгоревший столб, подпиравший крышу здания. Остатки глинобитного пола прослеживались еще и дальше к востоку от завала глиняной обмазки, вокруг расположенных здесь очагов. На восточном краю раскопа на том же уровне снова был обнаружен завал стенной обмазки, но незначительный, так как большая его часть, вероятно, обрушилась под обрыв. По-видимому, весь этот комплекс относится к одному и тому же зданию (№ 1). Первый завал, видимо, образовался от рухнувшей западной стены здания, а второй относится к остаткам восточной стены. В таком случае, судя по расстоянию между обоими завалами, здание № 1 должно было иметь около 8,5 м в длину и около 5,5 м в ширину, что примерно соответствует обычным размерам жилищ на «малых» городищах.

В центре этого жилища были расположены рядом 3 очага. Лучшее всего сохранился очаг № 1 на стыке квадратов 1б и 1г, принадлежащий к типу жаровни в каменной обкладке (рис. 36, 2). Рядом с этим очагом, на расстоянии 0,3 м к востоку от него, обнаружены

разрушенный очаг-жаровня № 2, а к востоку от последнего — край каменной обкладки очага № 3 из мелких камней. С западной стороны этой обкладки лежал кусок жаровни с закраиной; у южного конца, — по-видимому, у устья очага, — стоял на золе лепной горшок с ямочным орнаментом по венчику (рис. 27, 3). Судя по незначительному расстоянию между очагами № 2 и № 3, очаг № 2 был, вероятно, сооружен частично на развалинах очага № 3. У северного края обкладки очага № 3 обнаружена половина разбитой пополам лепной лощеной биконической корчаги (рис. 32, 3).

Факт нахождения в одном и том же здании 3 очагов, расположенных один рядом с другим, весьма примечателен. Объясняется это, вероятно, тем, что очаги, вследствие их примитивного устройства, быстро приходили в негодность и постоянно подновлялись или заменялись новыми. Однако в силу, может быть, культового значения очагов остатки старых очагов не уничтожались, а новый очаг сооружался или полностью, или частично поверх старого либо рядом с ним.

К северо-востоку от очага № 3 на остатках обгорелого пола обнаружены опрокинутая сверху дном лепная лощеная остроореберная миска, а внутри нее — кольцевой поддон лепного лощеного сосуда.

В слое пожарища, связанном с разрушением здания № 1, обнаружены: обломки лепной (простой и лощеной) керамики, амфор и других гончарных сосудов, 2 точильных бруска и побывавшая в огне крупная глазковая стеклянная бусина (раскопки 1952 г., № 1253). Среди амфорных фрагментов преобладают типы амфор II—I вв. до н. э. с двустовальными, псевдодвустовальными или овального сечения ручками, из светло-коричневатой или розовой глины, напоминающей коскую. Не противоречат этой дате и обломки краснолаковых сосудов с лаком коричневатого оттенка; лишь одна двустовальная ручка из светлой глины с черными включениями характерна для амфор I в. до н. э. — I в. н. э. Нужно думать, что здание было построено не позднее начала I в. до н. э.

Второй завал глиняной обмазки обнаружен в центральной части раскопа II на 0,45 см выше здания № 1 (рис. 35, 1) и относится, по-видимому, к самостоятельному зданию. Этот завал вытянут с запада на восток и занимает в длину 7,5 м и в ширину — око-

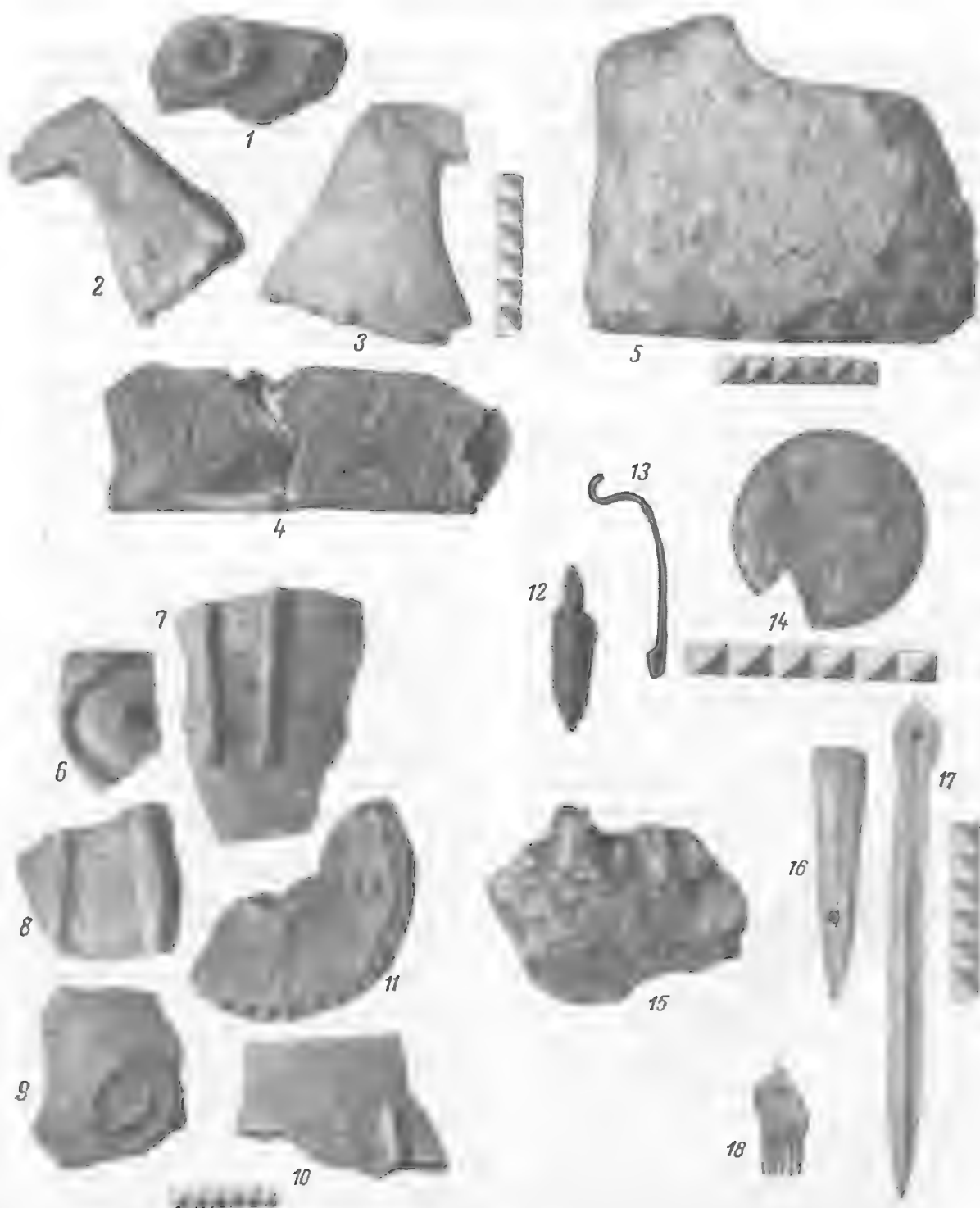

Рис. 37. Гавриловское городище. Разные вещи из раскопок К. А. Бредэ в 1951 г.

1—5 — обломки рогатых кирпичей; 6-10 — фрагменты лепных лощевых сосудов; 11 — фрагмент лепной крышки сосуда; 12 — железный наконечник стрелы; 13 — обломок бронзовой фибулы; 14 — бронзовое зеркало; 15 — обломок глиняной обмазки с отпечатками прутьев; 16—18 — костяные изделия.

до 5,5 м. Он имеет форму 2 массивов, соединенных между собой узкой перемычкой длиной около 0,8 м и шириной около 0,4 м. Может быть, здесь находились 2 помещения или 2 здания, стоявшие рядом? Под завалом обмазки обнаружен обгорелый пол на уровне 0,26 м ниже нуля. Между этим полом и завалом обмазки прослежен слой золы с сажей и угольками, толщиной до 10 см; пол, видимо, был подвергнут действию огня. Нужно думать, что и это здание погребено от пожара. Внутри здания открыт очаг типа жаровни в каменной обкладке (рис. 36, 3). На полу, под завалом глиняной обмазки, найден разбитый лепной горшок с остатками ручки (рис. 32, 4). Среди завала глиняной обмазки оказались обломки лепной керамики и греческих амфор, а также кости животных.

Здание датируется I в. до н. э.—I в. н. э. по обломкам амфор из красновато-коричневой глины, с ручками овального сечения и короткой тупой ножкой. Обращает на себя внимание прямолинейность границы завала, свидетельствующая о прямоугольной форме здания.

Под полом обоих зданий (№ 1 и 2) прослежена золистая подсыпка толщиной около 0,25 м. В слое, связанном с завалами, обнаружен только мелкий камень; может быть, он применялся местами для укрепления глиняной обмазки стен здания.

Нигде больше на раскопе II таких сплошных завалов глинобитных зданий на плетневом каркасе не встречено. Однако, судя по отдельным кускам глиняной стеной обмазки со следами прутьев, остатки глинобитного пола и очагов-жаровен в каменных обкладках и без них, обнаруженные на той же глубине в центральной части раскопа (под развалом камня и рядом), связаны со зданиями именно этого типа. Здесь тоже отмечены несколько строительных периодов, причем местами четко прослеживались 2 горизонта пола, один над другим, отделенные слоем золы и сажки толщиной 10—20 см (рис. 36, 4). Это обстоятельство, а также сильная обожженность и закопченность нижнего пола говорят о том, что эти здания, как и глинобитные здания в южной части раскопа, часто погибали от пожара и отстраивались вновь. Горизонт этих зданий датируется двустольными ручками амфор из коричнево-красной, светло-коричневой и светло-желтой глины. По-видимому, глинобитные

здания раскопа II были построены в I в. до н. э., а перекрывавшие их каменные здания — в I в. н. э.

Остатки строений легкого типа, относящихся к 2 строительным периодам — началу I в. до н. э. и I в. до н. э.—I в. н. э., обнаружены также на раскопе Ia 1953 г. Здесь в сером золистом слое открыты небольшой развал некрупных камней, довольно много кусков глиняной стеной обмазки, отдельные участки глинобитного пола, остатки очагов типа жаровен в каменных обкладках. Жилище датируется фрагментами светлоглиняных псевдокосских амфор I в. до н. э.—I в. н. э. Среди обломков лепной керамики найден разбитый лепной горшочек (рис. 27, 9).

На этом же раскопе, на самой подошве серого золистого слоя были открыты остатки нижнего строительного горизонта в виде отдельных участков глинобитного пола. Для этого горизонта также характерны обломки амфор I в. до н. э.—I в. н. э., но, наряду с ними, встречались и фрагменты эллинистических амфор из глины типа косской. Горизонт этот следует отнести к началу I в. до н. э.

Остатки очагов под развалом каменных зданий раскопа III, вероятно, были также связаны с постройками легкого типа, от стен которых ничего не осталось, за исключением отдельных камней и кусков глиняной стеной обмазки. В слое преобладают обломки амфор I в. до н. э.—I в. н. э., но встречаются и более ранние — каплевидные ножки II вв. до н. э. и даже ножка гераклеийской амфоры III в. до н. э.

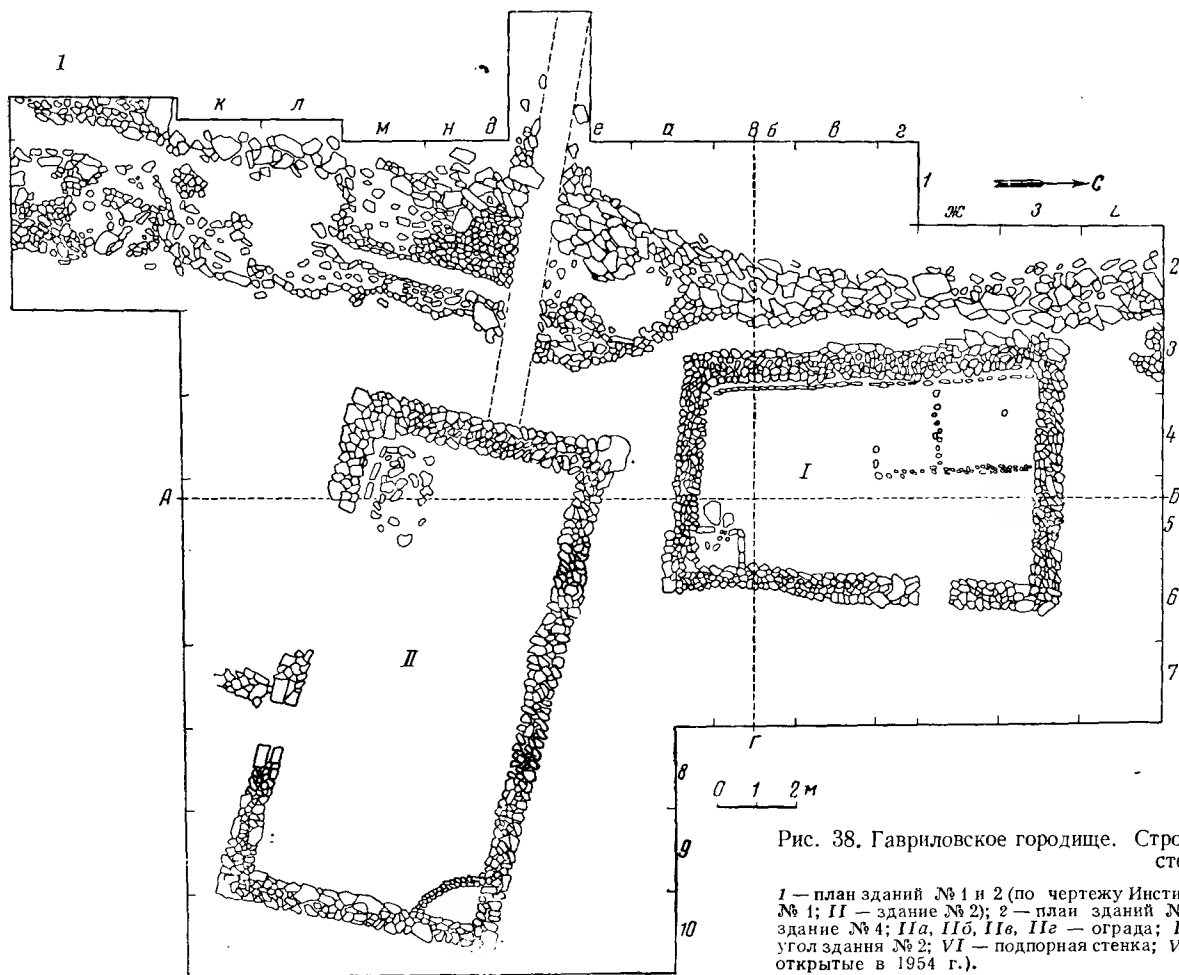
Во внешнем городе наиболее интересный строительный комплекс раскрыт у второй оборонительной стены в районе дороги на дер. Михайловка. Исследование этого комплекса было начато К. А. Бредэ в 1951 г. в составе Киевской экспедиции и продолжено в 1953 и 1954 гг. (раскоп IV) в составе Скифской степной экспедиции. Комплекс состоит из 4 больших каменных зданий, ограды, замыкавшей прямоугольное пространство между ними, и 2 небольших зданий у входа в это пространство (рис. 30, 2; рис. 38, 1, 2). Здания № 1, 2 и 3 были открыты Киевской экспедицией в 1951 г., здание № 4 и малые строения — нашей экспедицией в 1953—1954 гг.

Здания № 1 и 2 расположены перпендикулярно друг другу с западной стороны комплекса, а здания № 3 и 4 — вдоль северной

его стороны. Форма зданий более или менее прямоугольная. Наименее правильные очертания у здания № 1 (рис. 38, 2), где северная стена значительно длиннее южной (6,75 и 5,75 м); вследствие этого все здание приняло несколько трапецевидную форму. Бо-

ру, общей длиной 21 м. Здание № 3 (9×6 м) несколько короче и уже здания № 4 (12×7 м).

Все здания сложены из необработанных камней местного известняка на земляном растворе. Кладка стен сохранилась местами на

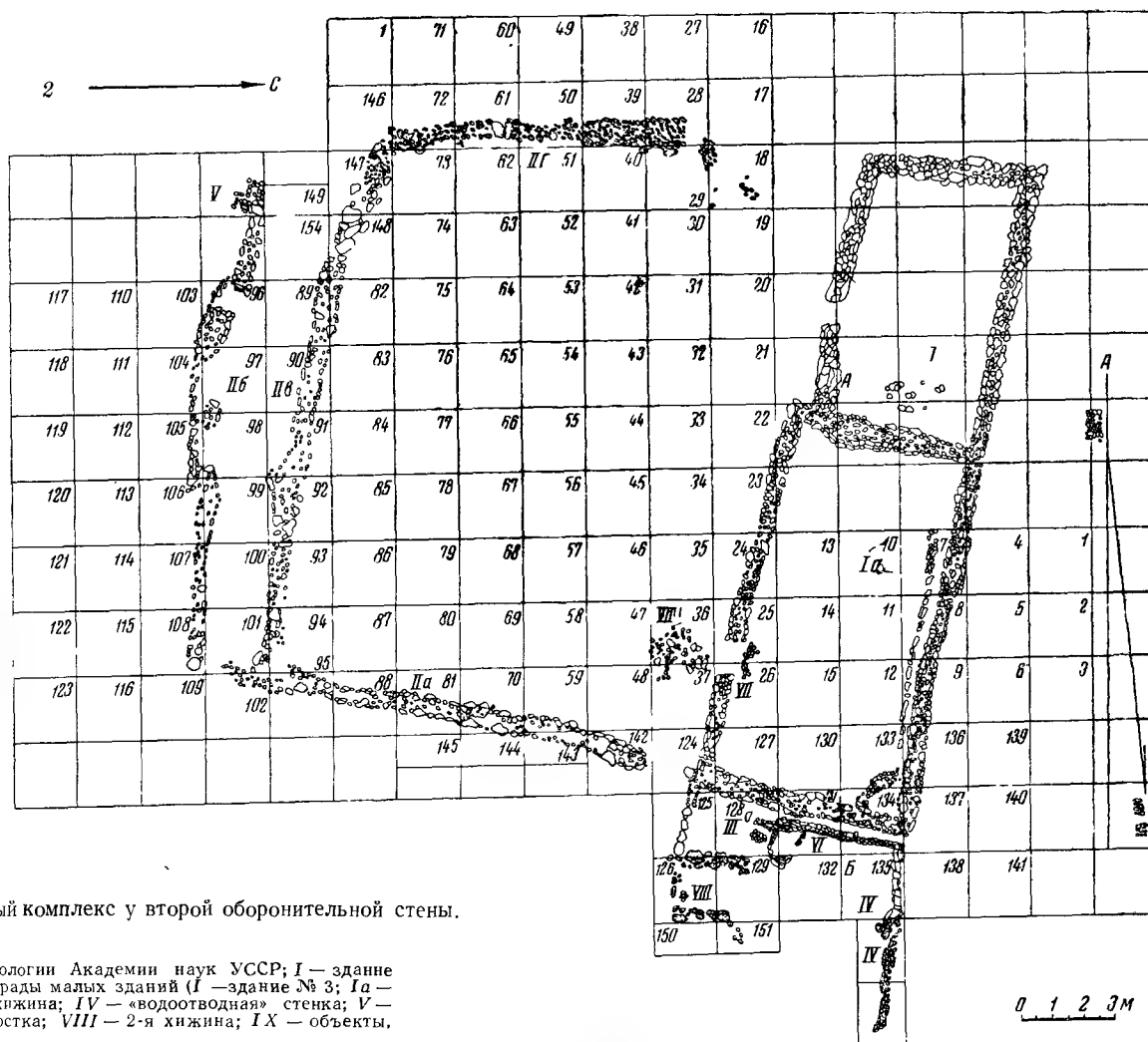
лее правильные прямоугольные очертания у здания № 2 ($12,5 \times 6,75$ м).

Здания № 3 и 4 имели одну смежную стену и составляли, таким образом, единый комплекс (рис. 38, 2), вытянутый с запада на восток, с небольшим отклонением к севе-

высоту до 5 рядов камней (0,7 м). Более крупные камни укладывались плашмя по сторонам, более мелкие заполняли середину. Ширина кладки — 0,5 м, но местами она деформировалась и раздалась в ширину до 0,65—0,7 м.

Особенностью кладки здания № 2 являются крупные угловые плиты (рис. 38, 1). На западном отрезке южной стены в нижнем ряду кладки плиты были поставлены на ребро. Такая установка плит местами применялась и в нижнем ряду здания № 4, а в юго-

Вход в здания № 2, 3 и 4 был с юга, в здание № 1 — с востока. Ширина входного проема — 0,3 м. С обеих сторон входа в здание № 2 кладка стен оформлена крупными плитами, а снаружи ко входу примыкали остатки поперечной кладки, по-видимому, от

льный комплекс у второй оборонительной стены.

археологии Академии наук УССР; I — здание 4, ограды малых зданий (I — здание № 3; Ia — 1-я хижина; IV — «водоотводная» стенка; V — вымостка; VIII — 2-я хижина; IX — объекты,

восточном углу этого здания плиты, поставленные на ребро, были вкопаны в землю на 0,45 м ниже подошвы остальных камней, по-видимому, для лучшего укрепления стен в нижнем (по склону местности) конце здания (рис. 39, 1).

13 миа, 64

какой-то небольшой пристройки. С внутренней и внешней стороны перед входом в здание № 4 обнаружены следы вымостки из мелкого камня. Площадь внутри здания № 4 была закреплена уложенными вразброс мелкими камнями и заглажена. В здании № 1,

в юго-восточном углу, находился очаг, под которого, размером $0,75 \times 0,85$ м, возвышался над уровнем пола на 10—12 см. Пол был выложен камнем, заглажен глиной и окружен

городок, сложенных из небольших камней, отгораживали две небольшие прямоугольные камеры. Внутри одной из них найдено несколько пшеничных зерен. Вдоль западной

Рис. 39. Гавриловское городище.

1 — юго-восточный угол здания № 4 на раскопе IV; 2 — западная стена ограды на раскопе IV; 3 — лепной горшок в глиняной муфте на дне ямы № 6 раскопа III; 4 — жертвенник в шурфе № 3.

глиняным валиком. С юга и востока под при-
мыкал к наружным стенам здания, а с север-
ной и западной сторон был обложен постав-
ленными на ребро известняковыми плитами²².
В северо-западном углу здания остатки пере-

стены, во всю длину ее, тянулась на расстоя-
нии 10—15 см от стены полоса каменных
плит, поставленных на ребро (рис. 38, 1, I).
В западном углу здания № 2 была располо-
жена очаг-жаровня в каменной обкладке; в
северо-восточном углу стенкой, выложенной
из мелкого камня на высоту 0,4 м, было от-

²² К. А. Бредэ. Ук. соч.

горожено небольшое помещение, ограниченное с севера и востока наружными стенами здания (рис. 38, I, II).

У основания стены здания № 2, снаружи его северо-западного угла, обнаружен лепной биконический сосуд с небольшой ручкой (рис. 34, II), перекрытый обломком крупного лепного сосуда. Внутри кувшина оказалась одна небольшая целая миска (рис. 34, б) и одна разбитая, с сосковидными налечами в верхней части. В остальном же находок было очень мало.

Внутри здания № 4, вдоль его северной стены, на расстоянии 0,2—0,25 м от нее тянулась такая же полоса плит, поставленных на ребро, как и в здании № 1. В северо-восточном углу здания оказалась такая же дугообразная загородка из мелких камней, как в здании № 2, отгораживавшая небольшое угловое помещение. Высота загородки — от 30 до 40 см, ширина — 0,5 м (рис. 38, 2).

Кладка ограды сохранилась плохо — сильно деформирована, местами выбрана или разрушена. Меньше повреждена восточная ее стена, в северном конце которой находился вход шириной 1,2 м. Ширина кладки — 0,5 м, но местами она раздалась до 0,8 м и даже до 1 м. Структура кладки такая же, как у стен зданий (рис. 39, 2).

Параллельно южной стене ограды, на расстоянии примерно 2 м от нее к югу, тянется основание другой стены (рис. 38, 2; рис. 30, 2). Восточный конец её упирается в продолжение восточной стены ограды, а западный — в северо-восточный угол здания № 2. Эта стена, расширяющая двор до здания № 2, была, видимо, построена позднее первой ограды, когда почему-то понадобилось расширить двор; но, судя по однотипным находкам, оба эти строительных периода почти одновременны (I в. до н. э. — I в. н. э.).

Здания описанного комплекса не похожи на рядовые жилища, выделяясь своей величиной и фундаментальностью кладки. В здании № 4 отсутствует очаг (в здании № 3 намок на очаг дает группа камней у восточной стены). В зданиях № 1, 2 и 4 отгорожены небольшие помещения, по-видимому, хозяйственного назначения. Находка пшеничных зерен в прямоугольных камерах здания № 1 ясно свидетельствует, что эти помещения служили закромами. Полукруглые загородки в углах зданий № 2 и 4 находят полную аналогию в каменных домах соседнего Золото-

балковского поселения²³. По всей вероятности, они отгораживали небольшие чуланчики или кладовые тоже для хранения продуктов или для иных хозяйственных надобностей. Длинные каменные загородки вдоль стен в зданиях № 1 и 4, по-видимому, также являются стенками узких и длинных закромов.

Наличие хранилищ для зерна и других продуктов вообще свойственно жилым домам «малых» нижнеднепровских городищ (Каменский акрополь, Золотая Балка, Козацкое городище). Однако, смущают отсутствие кухонных выбросов, неизменно связанных с жилищем, и сравнительно небольшое количество находок керамики в слое. Может быть, здания эти имели характер продуктовых и, в частности, зерновых складов. Находки керамики в районе данного комплекса, например желудеобразная ножка светлоглиняной амфоры у основания здания № 4, характерны для основного слоя городища I в. до н. э. — I в. н. э. В то же время под этим зданием обнаружены остатки более раннего строительного периода. Так, при зачистке кладки северной стены здания № 4 с наружной стороны кладки были открыты остатки глиняного пода очага, уходящие под стену здания. Нижний строительный период на данном участке еще не исследован. В том же районе у второй оборонительной стены были расположены и другие большие каменные прямоугольные здания, контуры которых вырисовываются на современной поверхности (рис. 30, 2). Очень возможно, что они тоже являлись складскими помещениями, и, таким образом, данный район имеет особую специфику, отличающую его от жилых кварталов акрополя.

Не совсем еще ясен комплекс строительных остатков с восточной стороны здания № 4 (рис. 38, 2). Здесь, ниже по склону расположена площадка, переход к которой укреплен подпорной стеной, идущей параллельно восточной стене здания № 4. Подпорная стена состоит в высоту из 4 рядов не крупного, но хорошо подобранного известнякового камня, уложенного плашмя. С северной стороны площадку ограничивает другая стена, которая обрывается на расстоянии 5,52 м от подпорной стены. Западный отрезок сохра-

²³ А. В. Добровольский. Отчет о раскопках поселения Золотая Балка в 1952 г. Архив ИА.

нившегося основания этой стены выложен крупными плитами, поставленными на ребро, а на восточном отрезке камни уложены плашмя с забутовкой мелким камнем посередине.

В южной части площадки прослежены остатки двух небольших построек с каменным основанием стен, высотой в один ряд. Первое строение, трапецевидной формы, ограничено с запада восточной стеной здания № 4. Южная стена, длиной 2,5 м, продолжает направление южной стены здания № 4. Западная стена, смежная с постройкой № 2, сохранилась в длину на 2,35 м. Кладка этих стен нерегулярная — то из крупных, то из мелких камней. Северная граница постройки не ясна. Внутри нее находился открытый глиняный очаг-жаровня. Он примыкал к каменной прямоугольной загородке или обкладке очага из плит, поставленных на ребро, которая была обнаружена в центре площадки.

Постройка № 2, прямоугольная в плане, примыкала непосредственно к постройке № 1 и имела с ней общую западную стену. Южная стена, длиной 2 м, сохранилась очень плохо; основание восточной стены состоит из одного ряда плит, поставленных на ребро. Северная стена не сохранилась вовсе. Стены этих построек, покоившиеся на каменном основании, были или глинобитные, или деревянные.

Комплекс датируется желудеобразной ножкой светлоглиняной амфоры I в. до н. э. — I в. н. э., найденной у основания подпорной стены.

Другое небольшое здание легкого типа, с каменным основанием стен, было открыто в том же внешнем городе, но ниже по склону, на внешнем краю рва, перед южной оборонительной стеной акрополя (шурф 5; рис. 24).

Основание кладки стен, залегавшее в верхнем золистом культурном слое, сохранилось на высоту одного ряда камней. Здание имело неправильно прямоугольную форму (рис. 33, 2). Восточная и южная стороны сохранились только частично. Кладка состоит из известняковых плит и блоков разных размеров. Камни местами поставлены на ребро, местами уложены плашмя. Ширина кладки, лучше всего сохранившейся в южной части западной стены, достигает 0,5 м. Вход был с юга или востока. Ни завала камней от верхних частей стен, ни следов плетневого

каркаса, обмазанного глиной, не обнаружено. По-видимому, стены были сплошь глинобитные или деревянные.

В центре здания найдены остатки каменной обкладки очага неправильной формы, размером 1,15 × 1,35 м. Никаких следов жаровни внутри не обнаружено. Вероятно, она была изъята и перенесена в другое место.

Невыразительные керамические находки в общем характерны для основного слоя городища — I в. до н. э. — I в. н. э. Единичен фрагмент стенки сосуда с эллинистическим коричневым лаком III—II вв. до н. э.

На том же внешнем краю рва акрополя, но с западной его стороны, на раскопе I 1952 г. Н. Г. Елагинной было открыто жилище полуназемного типа, уходившее за пределы раскопа (рис. 29, 1). Четкие контуры раскопанной части жилища проследить не удалось. Жилище было замечено по его заполнению рыхлым серым золистым слоем, выделявшимся на фоне лёссового суглинка. Слой заполнения был мощностью около 0,5 м; в материк он уходил на 0,15—0,3 м. Посередине раскопанной площади жилища (размером около 20 кв. м) обнаружены остатки глиняного очага-жаровни в каменной обкладке, 3 ямы, по-видимому, от столбов, диаметром 10—20 см и небольшая загородка из мелких камней, уходившая в южный борт раскопа. Остатков наземной части жилища не обнаружено. Находки в заполнении жилища — обычного для городища типа I в. до н. э. — I в. н. э.

Прибрежная терраса городища к югу от акрополя была исследована К. А. Бредэ в 1951 г. (раскоп А). В непосредственной близости от акрополя им обнаружены следы глинобитных построек и довольно большой зольник. В центральной части террасы располагались какие-то каменные строения, судя по сопровождающему материалу, относящиеся к основному слою городища — I в. до н. э. — I в. н. э. От них уцелел довольно значительный, но бесформенный развал камней, в котором контуры зданий проследить оказалось невозможным. Лишь на самом берегу обнаружен сохранившийся *in situ* участок кладки, идущей с запада на восток на протяжении немногим больше метра. Восточнее эта кладка, вероятно, обрушилась под береговой обрыв. По-видимому, здесь также были здания легкого типа с каменным основанием и глинобитными или деревянными стенами.

Среди развала выявлены: часть вымостки из крупных плит, поврежденная немецкими окопами, и почти круглый очаг в каменной обкладке, с подом, выложенным мелкими камнями и заглаженным глиной. Диаметр пода — 1,1 м, диаметр очага в целом — 1,3 м.

Дальше к окраине городища, ограниченного с юга балкой, от вершины которой берет свое начало вторая оборонительная стена, никаких строений не обнаружено. Видимо, эта часть террасы не застраивалась.

Из приведенного обзора строительных остатков на Гавриловском городище явствует, что на городище представлены постройки следующих типов:

1. Наземные прямоугольные здания с регулярной двурядной каменной кладкой стен, которая сохранилась в высоту местами до 5 рядов камней или до 0,7 м. Судя по завалам стен, она могла быть еще выше — примерно на метр. В некоторых зданиях местами, в нижнем ряду кладки, применялись плоскостные плиты, поставленные на ребро. Камень — местный известняк-ракушечник; кладка сложена на земляном растворе. К этому типу относятся здания на наших раскопах VIII, IV, Ia.

2. Наземные здания легкого типа на каменных основаниях, чаще всего из одного ряда камней, то лежащих плашмя, то поставленных на ребро. План в общем приближается к прямоугольной форме, но зачастую имеет крайне неправильные очертания. Стены могли быть или глинобитные, со вкраплением мелкого камня, или деревянные. Следов столбов нигде не прослежено. Возможно, что, как в постройках даков, на каменные основания могли укладываться деревянные балки, к которым и прибивались столбы. К зданиям легкого типа относятся малые постройки на раскопе IV, в шурфе 5 и, по-видимому, большинство построек с применением камня на раскопах II и III.

3. Наземные прямоугольные жилища со стенами на плетневом каркасе, обмазанном глиной, без каменного цоколя — здания нижнего строительного периода на раскопах I и II.

4. Жилище полуземляночного типа на раскопе I.

Таким образом, здания третьего типа относятся пока что к самому раннему виду построек, прослеженных на Гавриловском го-

родище, — не позднее начала I в. до н. э. Здания с применением камня, видимо, появились здесь только во второй половине I в. до н. э. — I в. н. э., так же как и жилища полуземляночного типа.

С жилыми постройками Гавриловского городища связаны многочисленные очаги, среди которых, как и на Знаменском городище, можно выделить несколько типов:

1. Очаг в виде обожженной глинобитной площадки, обнаруженный на раскопе IV, где он оказался перекрытым северной стеной здания № 4, относящегося к I в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, этот очаг связан с жилищем более раннего строительного периода.

2. Круглая или овальная глиняная жаровня из грубо промешанной пористой глины (с примесью рубленой соломы или травы), с бортиком-закрайной высотой до 10 см и с заглаженной лицевой поверхностью. Такой тип примитивного очага, годный для выпечки лепешек и поддержания жара в помещении, хорошо известен по раскопкам Неаполя скифского, а также Золотой Балки²⁴. На раскопе III к этому типу относится разрушенный очаг № 5 на квадрате 4, сохранившийся в виде скопления обломков жаровни диаметром 1 м. При разборке очага выяснилось, что он состоит из нескольких слоев жаровни, т. е. неоднократно подновлялся. Подобного типа очаги отмечены также К. А. Бредэ при его раскопах в 1951 г.²⁵ Открытый очаг-жаровня обнаружен также в малом здании № 1 на раскопе IV и в здании № 1 на раскопе II. Особенно же распространен на городище усовершенствованный тип: жаровня обкладывалась камнями, поставленными на ребро или лежавшими плашмя, иногда — в 2 ряда. В некоторых случаях обкладка очага выложена из мелкого камня (в здании № 2 на раскопе IV).

Образцами очагов-жаровен в каменных обкладках могут служить очаги № 1 и 4 в каменных зданиях раскопа III и очаги № 1 и 5 в глинобитных зданиях № 1 и 2 на раскопе II (рис. 36, 2—3). Форма в плане обычно овальная, иногда почти прямоугольная. Длина очагов — в среднем от 1 до 1,45 м, ширина — от 0,8 до 1,35 м. Средняя высота обкладки — около 0,3 м. Нужно думать, что жаровни изготовлялись отдельно и потом

²⁴ А. В. Добровольский. Отчет о раскопках Золотобалковского поселения...

²⁵ К. А. Бредэ. Ук. соч.

вкладывались в каменную обкладку. Так, К. А. Бредэ при раскопках 1951 г. обнаружил 2 жаровни, «не использованные для отопительных сооружений и лежавшие одна на другой»²⁶. Этим же, вероятно, объясняется и наличие обкладок без следов жаровен внутри (очаг в здании шурфа 5).

3. Очаги с каменной обкладкой и подом из мелких каменных плиток, заглаженных глиной. Образцами их могут служить очаги № 2 и 3 раскопа III. Форма очагов овальная, длина 1,8 м, ширина — 1,3—1,45 м. Такого же типа очаги отмечены и К. А. Бредэ при его раскопках внешней части городища в 1951 г., в частности в здании № 2, где под очага, занимавший площадь $0,75 \times 0,85$ м и возвышавшийся над уровнем пола на 10—12 см, был выложен камнем, заглажен глиной и окружен глиняным валиком²⁷.

4. Интересную группу очагов составляют небольшие круглые очаги со стенками из рваных известняковых камней, без следов жаровни внутри. Такие очаги отмечены на раскопе III (очаг № 6 диаметром 0,7 м), раскопе II и при раскопках К. А. Бредэ в 1951 г. Интересно, что такие очаги обычно располагаются вблизи очагов-жаровен. По предположению К. А. Бредэ, они могли служить для разведения жара, который затем переносили на жаровни.

5. Особый интерес представляет очаг, раскрытый в северной части раскопа II и представляющий собой каменную печь с купольным сводом (рис. 28, 4, рис. 36, 1). Печь имела круглую форму, диаметром 1,15 м. Устье было с запада. Под печи был выстлан каменными плоскими плитками неправильной формы, размером в среднем $0,13 \times 0,2$ м. В самом центре пода, в уровень с каменными плитками, лежал кусок глиняной жаровни размером $0,6 \times 0,6$ м. Под окружали поставленные на ребро крупные плосковатые известняковые плиты высотой 0,45—0,5 м. Плиты стояли наклонно, поддерживая свод печи, выложенный из камней меньшего размера. К моменту раскрытия печи свод оказался обрушившимся внутрь печи и завалившим ее под. Печь раскрыта среди развала каменного здания; у основания ее найден обломок краснолаковой чашки с рельефным орнаментом I в. до н. э., но слой в целом да-

тируется обломками амфор I в. до н. э.—I в. н. э.

При изучении расположения очагов на раскопах II и III выяснилась любопытная деталь. В некоторых случаях очаги были совершенно явно расположены снаружи стен здания — например на квадрате 19а раскопа II, на квадрате 2 раскопа III. По всей вероятности, это летние очаги, устраивавшиеся во дворе в теплое время года.

Таким образом, с нижним строительным периодом городища (начало I в. до н. э.) связаны очаги — глинобитные площадки и очаги-жаровни в каменных обкладках или без них. Тип жаровни в каменной обкладке наиболее распространен и в верхнем строительном периоде — I в. до н. э.—I в. н. э. Очаги с каменным подом, заглаженным глиной, так же как и каменная печь, отмечены только для верхнего строительного периода.

С жилищами городища связаны также многочисленные ямы, густой сетью прорезавшие его нижние слои. На раскопе II, на докопанной до материка площади 214 кв. м обнаружено всего 19 ям, на раскопе III, на площади 168 кв. м — 9 ям. В основном они вырыты в желтом лёссовом суглинке, в ряде ям раскопа переходящем (на дне или в нижней части ям) в светлую, почти белую плотную материковую глину. Большинство ям обнаружено под уровнем строительных остатков нижнего горизонта (лишь 3 ямы раскопа II — № 4, 10 и 12 прорезали пол зданий этого горизонта). Из них яма № 7 вырыта целиком в культурном слое (зольно-суглинистом), а яма № 4 своей верхней частью прорезала культурный слой на глубине 0,5 м ниже горла ямы. В желтоватом мягком лёссовом суглинке не всегда удавалось проследить верхние части ям, засыпанных обычно таким же лёссовым суглинком; только нижние части, заполненные серой золистой землей, четко выделялись на фоне светлого суглинка. Все же ряд ям удалось проследить на всю их высоту. Среди них некоторые ямы имели более или менее цилиндрическую горловину и слегка выпуклые, расширяющиеся книзу стенки (ямы № 3, 5, 6 и 10 раскопа II). Другие ямы были цилиндрической формы, с отвесными стенками (ямы № 4, 9 и 12 раскопа II; ямы № 5 и 6 раскопа II), или опрокинuto-конической формы, со стенками, суживающимися книзу (ямы № 7 и 8 раскопа II). Некоторые ямы сдвоены и представ-

²⁶ А. В. Добровольский. Археологические исследования..., стр. 12.

²⁷ К. А. Бредэ. Ук. соч.

ляют собой комплекс из 2 ям. Так, ямы № 1 и 2 раскопа II имели одну общую смежную стенку со сквозным отверстием в ней. Эта смежная стенка была отвесной, а противоположные стенки обеих ям расширялись книзу. В южной части ямы № 2 был небольшой уступ высотой 0,15 м. Комплексами сдвоенных ям, примыкающих друг к другу, являются ямы № 15-16 на раскопе II, а также ямы № 5-5а и 6-6а на раскопе II. В яме № 9 раскопа II восточная половина ямы является уступом, на 0,4 м возвышающимся над западной половиной ямы.

Глубина ям составляет в среднем 1,7—2 м, но есть и более мелкие ямы, глубиной 1—1,4 м и даже 0,7—0,75 м. В плане ямы чаще всего круглые, реже — овальные. Диаметр горла — в среднем 1,2—1,3 м, у самых крупных ям (№ 1 раскопа I, № 12 раскопа II) он доходит до 2 м. Диаметр дна колеблется от 1 до 2,3 м. У ям с горловиной высота последней составляет от 0,2 до 0,8 м (яма № 3 раскопа II).

Как правило, нижняя часть ям на высоту 0,25—0,5 м от дна заполнена золистой землей с очажными остатками — углями, кусками жаровен, обломками лепной керамики; по-видимому, это очажный выброс. Верхняя часть ям засыпана культурным слоем в виде рушеного лёссового суглинка с обычными культурными остатками. В ямах № 4, 8 и 9 раскопа II нижнее золистое заполнение было прикрыто сверху, как крышкой, бугром плотной белой материковой глины. Особенной мощности этот бугор достигал в яме № 8, где толщина его составляла около 0,6 м. У некоторых ям верхняя часть была забита камнями на глубину 0,4—0,5 м (ямы № 3 и 6 раскопа III), может быть, с целью подготовки строительной площадки при постройке верхних зданий. С другой стороны, большое количество камней в верхнем слое ямы № 1 раскопа I 1952 г. объясняется, вероятно, тем, что в нее попал развал крепостной стены, близ которой она находилась.

Особо следует отметить 2 комплекса сдвоенных ям с очагами (№ 5-5а и 6-6а раскопа IV).

Ямы № 6 и 6а в плане круглые с отвесными стенками (рис. 33, 3). Яма № 6 опущена в материк на 0,9—1 м, яма № 6а — на 1,2—1,35 м. Дно ямы № 6а ниже дна ямы № 6 на 0,3—0,45 м. У ямы № 6 дно слегка покато в сторону ямы № 6а; дно последней имеет

значительный уклон в сторону ямы № 6. Яма № 6а меньше ямы № 6: диаметр ее дна составляет 1,1 м против 1,7 м у ямы № 6. В своей материковой части обе ямы были заполнены темной золистой землей. В яме № 6 в этой земле найдены обломки сосудов, главным образом лепных, и амфор, а также кости животных. Среди гончарной керамики имеются фрагменты чернолакового канфара II—I вв. до н. э. и краснолаковой чашки с загнутым краем — I в. до н. э. Обнаружены обломки амфор с двустольными ручками, — и светлоглиняных I в. до н. э. — I в. н. э., и косских II—I вв. до н. э.

В яме № 6а, на глубине от 0,3 до 0,6 м, считая от поверхности материка, встречено много кусков (98) глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также 68 обломков грубой обмазки с соломой — типа жаровен. В нижней части ямы, начиная с глубины 0,8—0,9 м, стали попадаться куски глиняной обмазки типа стенной, с заглаженной поверхностью, но без отпечатков прутьев, причем их было особенно много по краям ямы, где они залегали почти сплошь. Такие куски носили следы сильного обжига. Кроме того, здесь было довольно много золы и древесного угля, главным образом в самом низу, где обнаружен также горелый камыш.

На разных уровнях ямы были найдены обломки керамики, преимущественно лепной, причем в самой нижней части, на глубине 1,1—1,3 м от поверхности ямы, оказались фрагменты светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э. Между ямами № 6 и 6а стоял на дне лепной горшок, заключенный, как в футляр, в глиняную обмазку из очень слабо обожженной глины, толщиной до 15 см (рис. 39, 3). В изломе обмазка была трёхслойная: внутри глина желтая, по краям — красная. При изъятии обмазка распалась на мелкие куски. В основании горшок был укреплен небольшими камнями, лежавшими по бокам выхода в яму № 6. Горшок (рис. 27, 7) — обычного скифского типа с ямочным орнаментом по краю. Высота горшка — 28 см; диаметр венчика — 20,5 см, тулова — 23 см, дна — 11 см.

На дне ямы № 6а разводился огонь, причем доступ к ней был из соседней ямы № 6, дно которой представляло как бы уступ перед более глубокой ямой № 6а. Стенки последней для большей прочности были обмазаны глиной. Отпечатки прутьев на кусках глиня-

ной обмазки, найденные в верхней части ямы, дали основание К. А. Бредэ, исследовавшему яму, высказать предположение, что яма закрывалась крышкой, сделанной из прутьяного каркаса, обмазанного глиной. С другой стороны, большое количество обломков глиняной жаровни в верхней части той же ямы дает еще возможность предположить, что яма перекрывалась жаровней, нагрёвавшейся снизу. Во всяком случае, факт разведения огня на дне ямы установлен достаточно ясно. Одновременно нагревалось содержимое горшка, установленного среди золы на дне ямы. Глиняная муфта, в которую был заключен горшок, может быть, играла роль своеобразного термоса²⁸.

Ямы № 5 и 5а также примыкали одна к другой. Яма № 5а, совершенно круглой формы, с отвесными стенками, опущена в материк на 1,2 м. Диаметр ее дна — 2 м. Яма № 5, примыкавшая к яме № 5а с севера, имела форму полукруга, шириной около 2 м и радиусом 1,1 м. В материк она опущена на 0,55 м и, таким образом, дно ее выше дна ямы № 5а на 0,65 м.

Яма № 5 и верхняя часть ямы № 5а (до уровня дна ямы № 5) заполнены однородным слоем темной золистей земли, смешанной с лёссовым суглинком и насыщенной обломками керамики и жаровен. В яме № 5а в этой земле встречено много угольков, а в южной части ямы, на тонкой прослойке из светлого лёсса обнаружены остатки разрушенного глиняного очага-жаровни, занимавшие площадь 0,75 × 1 м. Ниже очага яма была заполнена до самого дна серовато-желтым лёссовым суглинком почти без находок. На дне в центре обнаружен тонкий слой саж.

Находок значительно больше в яме № 5; среди них — фрагменты амфор I в. до н. э. и греческих лаковых сосудов III—II вв. до н. э. Нужно думать, что яма № 5 с самого начала предназначалась в качестве уступчатого спуска к яме № 5а. Первоначальное назначение первой установить трудно, но на дне ее, несомненно, разводили огонь. Когда же понадобилось устроить очаг, яму № 5а

забросали лёссовым суглинком до уровня дна ямы № 5 и устроили здесь очаг.

Датировка ям представляется нелегким делом, так как заполнение их может относиться к более позднему времени. Собственно говоря, для датировки ям имеет значение только тот материал, который найден в золистом заполнении на дне ямы, так как засыпь выше этого заполнения произведена, по видимому, когда ямы уже перестали функционировать. К сожалению, материал на дне ям во многих случаях невыразителен — преобладают обломки лепной керамики, не поддающиеся датировке. Тем не менее изучение датирующей греческой керамики, главным образом амфор, из нижней части ям позволяет сделать вывод, что в основном ямы относятся к I в. до н. э. или I в. н. э. В некоторых ямах встречен более ранний материал, например в яме № 5 — обломки чернолакового сосуда с белой росписью и буролакового эллинистического сосуда, которые можно датировать еще III в. до н. э.; но из той же ямы происходят двустольные ручки амфор I в. до н. э. — I в. н. э.

В яме № 9 раскопа III найден обломок родосского лагеноса II в. до н. э., но другого датирующего материала нет, а по одной находке датировать яму рискованно. В яме № 2 раскопа II среди обычного ассортимента находок отмечен обломок сосуда предскифского времени с плоским валиком под самым венчиком (рис. 25, 7). Яма № 6 на раскопе III, в которой содержался материал II—I вв. до н. э., скорее всего должна датироваться началом I в. до н. э. Большинство ям использовалось для выброса золы и очажных остатков, возможно, в связи с культом домашнего очага. В некоторых ямах, как и на Знаменском городище, устраивались очаги, служившие, может быть, в то же время и своеобразными отопительными приспособлениями. Наземные зольники отмечены по краю берегового обрыва акрополя и на нижней террасе к югу от акрополя, но ям в основании их, как на Знаменском городище, не прослежено.

4. НЕКРОПОЛЬ

При наших работах особое внимание уделялось поискам некрополя времени городища. Из материалов некрополя могли быть получены решающие данные для выяснения

²⁸ Во время раскопок Неаполя скифского в 1955 г. у основания стены многокомнатного дома I в. до н. э. — I в. н. э. (на раскопе Е) был обнаружен красноглиняный гончарный сосуд, тоже обмазанный глиной; однако никаких следов очага там не оказалось и слой глиняной обмазки был значительно тоньше.

вопроса о характере культуры и этноса населения Гавриловского городища. При исследовании территории внешней части городища К. А. Бредэ обнаружил на нижней террасе к югу от акрополя (1951 г., раскоп А) нарушенные погребения на глубине 1,1—1,2 м от поверхности. Остатки костей одного погребения находились в разных местах, на расстоянии примерно 2 м друг от друга. Другое погребение, в котором оказались 2 разбитых черепа, частично обрушилось под береговой обрыв. По-видимому, погребения были совершены или до того, как была застроена эта терраса, или уже после того, как на городище жизнь прекратилась.

В том же 1951 г. К. А. Бредэ открыл погребение в поле за дорогой на Михайловку — на линии предполагавшегося земляного вала В. И. Гошкевича. В 1953 г. при исследовании этого поля на нем была обнаружена группа небольших расплывшихся курганов. Один из этих курганов (№ 1) раскопан К. Ф. Смирновым в том же году. Как уже говорилось выше, основное погребение в нем относилось к ямной эпохе, а большая часть впускных — к предскифскому времени.

Из остальных впускных погребений захоронение № 4 по некоторым чертам устройства могилы и положения покойника (небольшой подбой в головах, костяк вытянут на спине, левая рука помещена на таз) может быть, пожалуй, отнесено к сарматскому времени; к сожалению, полное отсутствие инвентаря сильно затрудняет более точное определение. Погребение обнаружено в северной поле кургана, близ так называемой «крепиды», на 1,77 м ниже вершины кургана. Могила овальной формы имела по дну длину 1,37 м, ширину — 0,75 м. В юго-восточной части, где находилась голова покойника, на 0,32 м выше дна был образован небольшой подбой. В могиле лежал костяк ребенка 10—12 лет в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, лицом на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой руки лежала на головке бедра.

Позднесарматским нужно считать погребение № 3. Здесь в узкой и длинной могиле с корытообразным дном покоилась на спине молодая женщина, головой к северу, с небольшим отклонением к западу. За головой лежали расколотые кости барана и около них — железный стерженек. Погребение напоминает узкие аланские могилы III—V вв.

н. э. с северной ориентировкой²⁹. Череп покойницы³⁰ имеет некоторые монголоидные черты, что вполне возможно в аланской среде, испытавшей в эпоху продвижения гуннских племен на запад проникновение гуннского элемента³¹. Погребение это выходит за пределы основного времени существования городища.

Еще более поздним является погребение вооруженного воина (№ 9) в центральной части насыпи кургана на глубине 1,25 м ниже его вершины, которое нужно связывать с позднекочевническими передвижениями X—XII вв. Отличительная черта этого погребения — захоронение рядом с покойником черепа коня с железными удилами при отсутствии других костей конского скелета. Вероятно, здесь было захоронено чучело коня (шкура с головой, обычно также и копытами), что встречается в кочевнических погребениях наших степей X—XII вв. н. э.³²

Другая курганная группа расположена на склоне верхней террасы к северу от городища. Попытку ее обследования предпринял К. А. Бредэ в 1954 г. Курганы имеют вид едва заметных всхолмлений с проступавшими на поверхность камнями. Обследованием установлено, что эти всхолмления представляют собой остатки курганов, насыпи которых были срыты в результате старых раскопок. Есть основание полагать, что раскопками курганов занимался бывший владелец Гавриловки помещик Фальц-Фейн.

Раскопки одного из центральных курганов этой группы (№ 1а) показали, что насыпь его была охвачена каменной «крепидой», а в материке была устроена катакомба с дромосом, вход в который был заложен кучей камней. Дромос шел наклонно на расстоянии 2,7 м, после чего расширялся в катакомбу; вход в нее был заложен каменной плитой длиной 0,75—1 м, шириной 0,7—0,75 м и толщиной 0,16—0,19 м. Плита оказалась отваленной, сама катакомба разрушенной, причем, судя по перекопанности слоя, она подверглась раскапыванию сверху. На дне катакомбы была зачищена площадка

²⁹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 120.

³⁰ По определению М. С. Кондукторовой.

³¹ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 111.

³² В. П. Шилов. Раскопки Калиновского кургана. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 128

Рис. 40. Гавриловское городище.

1—4 — железные ножи; 5 — бронзовая обойма (?); 6 — пастовый скарабей; 7, 20 — железные орудия; 8, 10, 12, 14 — глиняные грузила; 9 — каменное грузило; 11, 15 — терочные камни; 13 — каменный пест; 16, 17 — каменные оселки; 18, 19 — глиняные пряслица; 21 — костяное шило; 22 — обломок подставки с головкой барана; 23 — обломок сосуда цветного стекла; 24 — бусина мозаичного стекла (1, 3, 5, 7—24 — из культурного слоя городища; 2, 6 — из погребения в кургане № 1а; 4 — из насыпи кургана № 1).

длиной 0,85 м и шириной 0,25—0,3 м, покрытая слоем углей, среди которых были мелкие, сильно истлевшие остатки человеческих костей (кусочек челюсти с 4 зубами и 17 отдельных зубов), кусочки перегоревшего дерева в виде прутиков и брусков, кости птиц, а также вещевые находки: фрагментированный железный нож с прямой спинкой (рис. 40, 2). 3 неопределенных кусочка железного предмета, обломок бусины мозаичного стекла и 2 пастовых скарабеев, грубо и схематически сделанных, со сквозным отверстием для подвешивания или нанизывания, без всяких изображений на брюшке (рис. 40, 6).

Возможно, что здесь вскрыты остатки погребального костра, характерного для сарматского погребального ритуала³³. Однако сама форма погребального сооружения восходит к скифской традиции — катакомба с дромосом. Сильно схематизированные скарабеи с гладкой оборотной стороной находят ближайшие аналогии в погребении XXII мавзолея Неаполя скифского, расположенном в центральной части мавзолея, выше конских захоронений, которое по типам бус следует датировать I в. до н. э.³⁴ Железные ножи с прямой спинкой были широко распространены в степях Северного Причерноморья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Бусы мозаичного стекла известны в европейских странах, начиная со 2-го латена, и особенно распространились в позднем латене³⁵, т. е. примерно тоже в I в. до н. э. Все это вместе взятое заставляет предположить, что данная катакомба одновременно основному культурному слою Гавриловского городища: I в. до н. э. — I в. н. э.

В катакомбе похоронен, вернее всего, представитель местного населения в ту эпоху, когда скифские традиции испытывали воздействие сарматских культовых обычаев. В то время, когда рядовое население переходило уже к захоронениям в грунтовых могильниках (ср. могильники Неаполя скифского, Козацкого городища), знать еще продолжала хоронить своих умерших под курганами, как показывает ряд крымских кур-

ганов того же времени. В связи с этим встает вопрос — не была ли данная курганная группа некрополем гавриловской знати? К сожалению, дальнейшее обследование этих курганов, уже разрытых А. Э. Фальц-Фейном, вряд ли может много дать для современного исследователя. В то же время проблема могильника рядового населения Гавриловского городища остается нерешенной, так как трудно предположить, что в столь позднюю эпоху курганный обряд захоронения мог сохраниться для всего населения. Показательно, что близ соседнего и примерно одновременного Золотобалковского поселения А. В. Добровольским в 1952 г. открыт как раз грунтовой могильник, у которого часть погребальных сооружений является катакомбами скифского типа, а инвентарь относится ко времени поселения. Рядовой грунтовой могильник, несомненно, есть где-то и в окрестностях Гавриловского городища.

Необычного типа захоронение было открыто К. А. Бредэ на возвышенности, непосредственно примыкающей к городищу с севера (шурф 3, 1954 г.). Здесь на глубине 0,6 м от поверхности выявлено каменное сооружение полукруглой формы из очень крупных и необработанных камней известняка (рис. 39, 4). Пространство внутри стенок было забутовано мелким камнем, а в южной части лежали плашмя 2 крупных плиты, из которых крайняя перекрывала каменную обкладку очага, примыкавшего к описанному сооружению с востока. Обкладка очага состояла из некрупных камней, поставленных на ребро, и была открыта к западу, т. е. в направлении к описанному каменному полукругу. Внутри обкладки оказались остатки глиняной жаровни. Площадь очага занимала 1 × 1,1 м. Весь описанный комплекс оставляет впечатление каменного алтаря или жертвенника и очага для совершения ритуальных действий перед ним.

После удаления плит жертвенника на 0,25 м ниже был открыт скелет ребенка 10—12 лет, лежавшего в вытянутом положении, головой на запад. При расчистке жертвенника обнаружены обломки лепных сосудов с ручками и разбитая гончарная сероглиняная миска с серым лощением и прямым бортиком (рис. 31, 6); вследствие этого сооружение нужно считать одновременным основному слою городища.

Назначение описанного комплекса зага-

³³ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э. — IV в. н. э. Рукопись диссертации. М., 1945, стр. 138, 139.

³⁴ Н. Н. Погребова. Погребения в Мавзолее Неаполя скифского, рукопись.

³⁵ A. Kisa. Das Glas im Altertum, I. Leipzig, 1908, стр. 129.

дочно. Кто был этот ребенок и почему его похоронили так необычно? Не было ли здесь ритуального убийства? Показательно местоположение этого комплекса высоко над рекой, откуда открывается живописный вид на Днепр с его протоками и плавнями. Пока никаких других погребений в этом районе не обнаружено.

Следует также упомянуть о большой курганной группе, расположенной в 1,5—2 км к западу от городища по обе стороны дороги из Гавриловки в Ново-Воронцовку и известной у местного населения под названием «Сто могил». В большинстве своем это небольшие расплывшиеся курганы, на поверхности которых сквозь дерн проступают некрупные камни, но в этой группе выделяется большой курган, по-видимому, раскопанный А. Э. Фальц-Фейном. Вероятно, к этому кургану относятся сведения В. И. Гошкевича о земляном склепе с человеческими и конскими захоронениями (см. выше, стр. 165).

5. КЕРАМИКА ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Лепная керамика

Лепная керамика Гавриловского городища в целом представляет близкое сходство с типами керамики Знаменского городища. Как и там, господствующим типом лепной керамики являются лепные горшки с простой, нелощеной поверхностью. По данным наиболее насыщенных находками жилых кварталов раскопов II и III, нелощеная лепная керамика составляет 85—90% количества всех лепных сосудов, а на долю лепной керамики с лощеной поверхностью остается 10—15%. В среднем, в первых 4 штыках лощеной керамики, насчитывается 10—12%, в 5 и 6-м штыках, т. е. в верхнем горизонте нижнего слоя, — 14—15%; ниже количество ее уменьшается до 5%. Иными словами, расцвет бытования лепной лощеной керамики приходится на конец II в.—I в. до н. э., т. е. наблюдается примерно та же картина, что и на Знаменском городище.

Сосуды, продолжающие традицию скифской керамики

Горшки. Как и на Знаменском городище, среди гавриловской лепной керамики преобладают простые горшки с грубой по-

верхностью. Благодаря лучшей сохранности гавриловского культурного слоя мы располагаем несколькими целыми или полностью реконструированными горшками.

Образцом горшка кучугурского типа, с высокими округлыми плечиками и раздутым туловом является целый узкодонный сосуд, который стоял на дне позднеэллинистической ямы № 6 раскопа II, заключенный в глиняную муфту (рис. 39, 3; рис. 27, 7). Высота его — 28 см; диаметр венчика — около 20,5 см, тулова — 23 см, дна — около 11 см. По венчику проходит ямочный орнамент.

Другой горшок, — более приземистой формы, с короткой шейкой и округлым туловом, — найден на полу глинобитного здания № 1 на раскопе II (I в. до н. э.; рис. 27, 3). Высота сосуда — 15 см — равна диаметру венчика; тулово расширяется до 18,2 см; диаметр дна — 9 см. По округлому краю проходит ямочный орнамент. Среди фрагментов таких горшков встречаются и дугообразно выгнутые шейки, и прямые, поставленные под тупым углом (рис. 41, 1, 2), а также высокие, почти вертикальные (рис. 41, 8; тип III, по классификации кучугурских горшков Б. Н. Гракова)³⁶.

Чаще, чем на Знаменском городище, встречаются горшки с круто падающими плечиками и почти отвесными боками. Целый сосуд этого типа найден у очага № 1 на раскопе III (здание I в. до н. э. — I в. н. э.). Высота сосуда — 17 см; диаметр венчика и тулова — 14 см, дна — 9 см. Край орнаментирован редко расположенными ямками с отпечатками ногтя (рис. 27, 8). Среди фрагментов горшков данного вида встречаются профили с резко отчлененным венчиком, образующим внутри как бы уступ перед переходом в тулово, и с максимальным раздутием тулова в нижней части сосуда (рис. 41, 3, 4). Горшки с подобным профилем встречаются среди керамики жилищ II—III вв. н. э. в Танаисе³⁷.

Из фрагментов, найденных на раскопе Ia в 1953 г., удалось склеить небольшой горшок с округлым туловом, короткой шейкой и равной ей по величине придонной частью

³⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 72.

³⁷ Материал из раскопок Д. Б. Шелова (Нижнедонской отряд Скифской экспедиции ИИМК, 1954 г.).

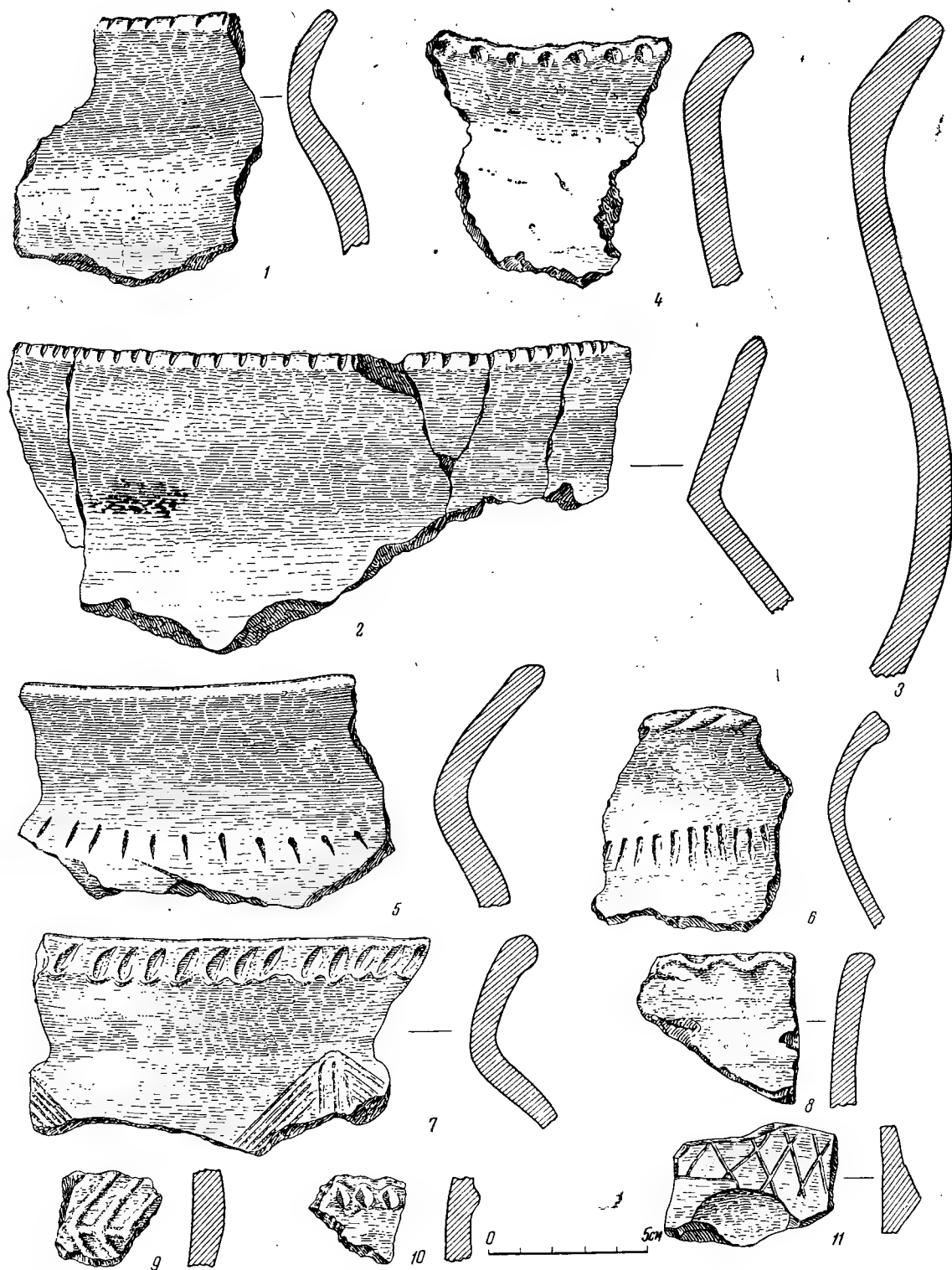

Рис. 41. Гавриловское городище. Фрагменты лепной нелощеной керамики (1, 3—11 — из культурного слоя городища; 2 — из насыпи кургана № 1).

Рис. 42. Гавриловское городище. Фрагменты лепной нелощеной (1—3, 5, 7) и лепной лощеной (4, 6, 8—12) керамики.

(рис. 27, 9), близкий по форме типу IV кучугурских горшков (по Б. Н. Гракову)³⁸ и знаменскому горшку 1953 г. (рис. 16, 1). По сравнению с последним гавриловский горшок отличается более вытянутым туловом и следами лощения на поверхности. Высота сосуда — 8,2 см; диаметр венца — 7 см, тулова — 7,5 см, дна — 6 см.

Как и на Каменском акрополе, примерно половина гавриловских горшков декорировалась пальцевыми ямками или насечками на краю сосуда. Случаи декорации плечиков в Гавриловке встречаются несколько чаще, чем на Каменском акрополе, по-видимому, в связи с лучшей сохранностью слоя. Иногда на плечиках проходит валик, декорированный ямками (рис. 41, 10) или насечками; в других случаях ямки сделаны прямо на стенке, без валика (рис. 42, 1). Встречаются вертикальные насечки, нанесенные прямоугольной палочкой (рис. 41, 5, 6). Поверхность этих сосудов носит резкие следы сглаживания травой, что придает им архаичный вид. Два ряда косых насечек в виде «елочки» обнаружены на фрагменте 1951 г. из раскопок К. А. Бредэ³⁹.

Все описанные виды декора находят аналогии среди декора горшков кучугурского времени. Однако массивные валики со сплошным и крупным ямочным декором (рис. 42, 3) могли также возникнуть под влиянием западных образцов. Подобные валики характерны для керамики поселений эллинистического и раннеримского времени на территории Молдавии и Румынии⁴⁰, где они украшали стенки сосудов горшковидной и баночной формы. Как видно на примере гавриловского сосуда 1951 г., на Днепре подобными валиками декорировались шейки корчаг с сильно раздутыми боками (рис. 34, 1).

Точно так же ямки и насечки на стенках лепных сосудов типичны не только для скифских горшков кучугурского времени, но свойственны также сосудам с ручками-упорами на поселениях Молдавии и Румынии. Особенно характерно сочетание конических или округ-

лых выступов с ямочным декором типа, изображенного на рис. 17, 5.

Представлен также резной декор, в общем соответствующий типам, отмеченным Б. Н. Граковым на кучугурских сосудах: в виде прерывающейся горизонтальной бороздки, пересекающихся крестообразно линий (рис. 41, 11), «елочки» (рис. 42, 2) и более сложных комбинаций из заштрихованных треугольников (рис. 41, 7). Один раз встречается рельефный декор в виде «елочки» (рис. 41, 9).

Миски с косыми или слегка выпуклыми стенками. На Гавриловском городище миски более многочисленны и варианты их разнообразнее. Миски с косыми стенками представлены рядом целых или восстановленных сосудов. Характерным их образцом служит миска № 346 (1952 г., раскоп II; рис. 27, 5). У одних мисок стенки почти прямые (рис. 34, 4), у других, наоборот, сильно суживаются книзу, приближаясь к опрокинутому конусу (рис. 34, 8).

Образцом мисок со слегка выпуклыми стенками является целый экземпляр из раскопа II (рис. 42, 4). Высота ее — 3,4 см, диаметр устья — 7,8 см, дна — 4,8 см. Поверхность мисок часто слабо лощена. Низкие миски с нелощеной поверхностью (рис. 34, 7; рис. 42, 5) имеют характер плосшек.

Сковороды. Как на Каменских кучугурах и Знаменском городище, на Гавриловском тоже изредка встречаются сковороды с почти прямыми стенками (рис. 42, 10). Данный экземпляр имеет двустороннее желтовато-серое лощение. Фрагменты лощеных сковород известны также в керамике и других «малых» городищах (например Большелепихинского)⁴¹.

Крышки. На Гавриловском городище крышки лепных сосудов имеют такую же круглую форму с плоской нижней стороной и возвышением для ушка на верхней поверхности, как и на Каменском городище. Встречаются также крышки, декорированные по краю ямками и насечками. Более сложно украшена крышка, найденная в 1951 г.; на ней ямки расположены крестообразно по всей верхней поверхности (рис. 37, 11). На нижней стороне крышки с раскопа II (рис. 48, 17) оказался процерченный крест.

³⁸ Б. Н. Граков. Каменское городище..., табл. 71, 5.

³⁹ Коллекция ИА.

⁴⁰ R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana. Campagne de 1927. «Dacia», III—IV, 1927—1932, 1-re partie, рис. 49, 8 и др.

⁴¹ Сборы Н. Н. Погребовой, 1950 г.

Сосуды новых или не типичных для скифской керамики форм

Простые и лощенные сосуды типа горшков. Из нелощеных горшков следует отметить почти биконический сосуд с воронкообразным горлышком с раскопа VIII (рис. 27, 4), напоминающий по форме горшки из Пояны в Румынии⁴², с одной стороны, и сосуды с поселений зарубинецкой культуры⁴³, — с другой, а также имеющий аналогии в материале Танаиса II—III вв. н. э.⁴⁴ Сосуды биконической формы распространены также на Гавриловском городище среди сосудов с ручками.

Горшки с коническими выступами на плечиках, в противоположность горшкам Знаменского городища, чаще всего имеют лощеную поверхность; нелощеная встречается лишь изредка. Судя по найденным фрагментам, у этих горшков округлые плечики и плавно выгнутая или расположенная под углом к тулову прямая шейка (рис. 43, 6, 7).

Лощенные горшки с отогнутым венчиком большей частью покрыты хорошим светло-желтоватым, сероватым и красноватым лощением и, видимо, отличаются круто падающими плечиками. Представлены только фрагментами.

О больших лощеных сосудах с рельефным орнаментом на тулове можно судить по восстановленной корчаге из здания начала I в. до н. э. на раскопе II (рис. 32, 3), орнаментированной по тулову короткими вертикальными валиками (по три с каждой стороны) и коническими выступами. Из фрагментов наиболее интересен обломок тулова крупного сосуда с рельефным орнаментом в виде 3 поднятых вверх человеческих рук с прочерченными на каждой руке 5 пальцами (рис. 31, 8), найденный в яме № 2 на раскопе II. На довольно многочисленных обломках подобных же сосудов руки переданы более схематично, без расчленения пальцев (рис. 44, 11). Обломки этих сосудов попадают главным образом в нижних штыках.

На других фрагментах рельефный орна-

мент встречен в виде простых вертикальных валиков с округленной или плоской поверхностью (рис. 37, 7, 8, 10), завитков (рис. 37, 9; рис. 44, 13), лучей, расходящихся из одного центра (рис. 44, 12), или комбинации с образного завитка с круглой шишечкой (рис. 37, 6; рис. 44, 10).

Все эти фрагменты относятся, по-видимому, к сосудам с отогнутым венчиком типа корчаги с раскопа II (рис. 32, 3), с желтоватосерым лощением наружной поверхности. Внутренняя поверхность выложена хуже, отдельными мазками. Описанный орнамент на сосудах определенного типа (религиозная значимость такого орнамента — изображение солнца с лучами и молитвенно поднятые вверх руки) дает основание предполагать культовое назначение подобного рода сосудов⁴⁵; на Гавриловском городище они встречаются чаще, чем на Знаменском, а вообще были широко распространены на «малых» городищах⁴⁶. Во всяком случае, надо признать, что эти сосуды выделяются среди рядовой керамики. Тот факт, что на Золотой Балке такие корчаги с орнаментацией и без нее были найдены вкопанными в землю около очагов, не снижает их значимости, так как в них могли содержаться какие-нибудь ритуальные яства, связанные с культом домашнего очага.

Значительно реже на венцах или на стенках лощеных сосудов встречается углубленный орнамент, не имеющий ничего общего с традиционными пальцевыми ямками и насечками скифских горшков. На одном фрагменте 2 ряда мелких ямок, нанесенных палочкой, покрывают венчик сосуда с внутренней стороны (рис. 43, 3). В другом случае по плоскому краю широкогорлого сосуда с выгнутой шейкой проходит полоса углубленной «ёлочки» (рис. 43, 1). Еще у одного обломка выпуклой стенки сосуда — каннелированная поверхность с косо расположенной веточкой из углубленных насечек (рис. 43, 2). Иногда на нижней стороне днища лепных

⁴² R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 26, 1.

⁴³ Е. В. Махно. Раннеславянские памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 93, рис. 5, средний горшок в верхнем ряду.

⁴⁴ Раскопки Д. Б. Шелова, 1954 г.

⁴⁵ М. И. Максимова и М. А. Наливкина, исследуя развитие херсонесских антропоморфных надгробий, отражающих вкусы местного населения, отмечают появление на них с первых веков нашей эры рельефных бюстов с поднятыми вверх руками (М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 320).

⁴⁶ Золотая Балка, Любимовка.

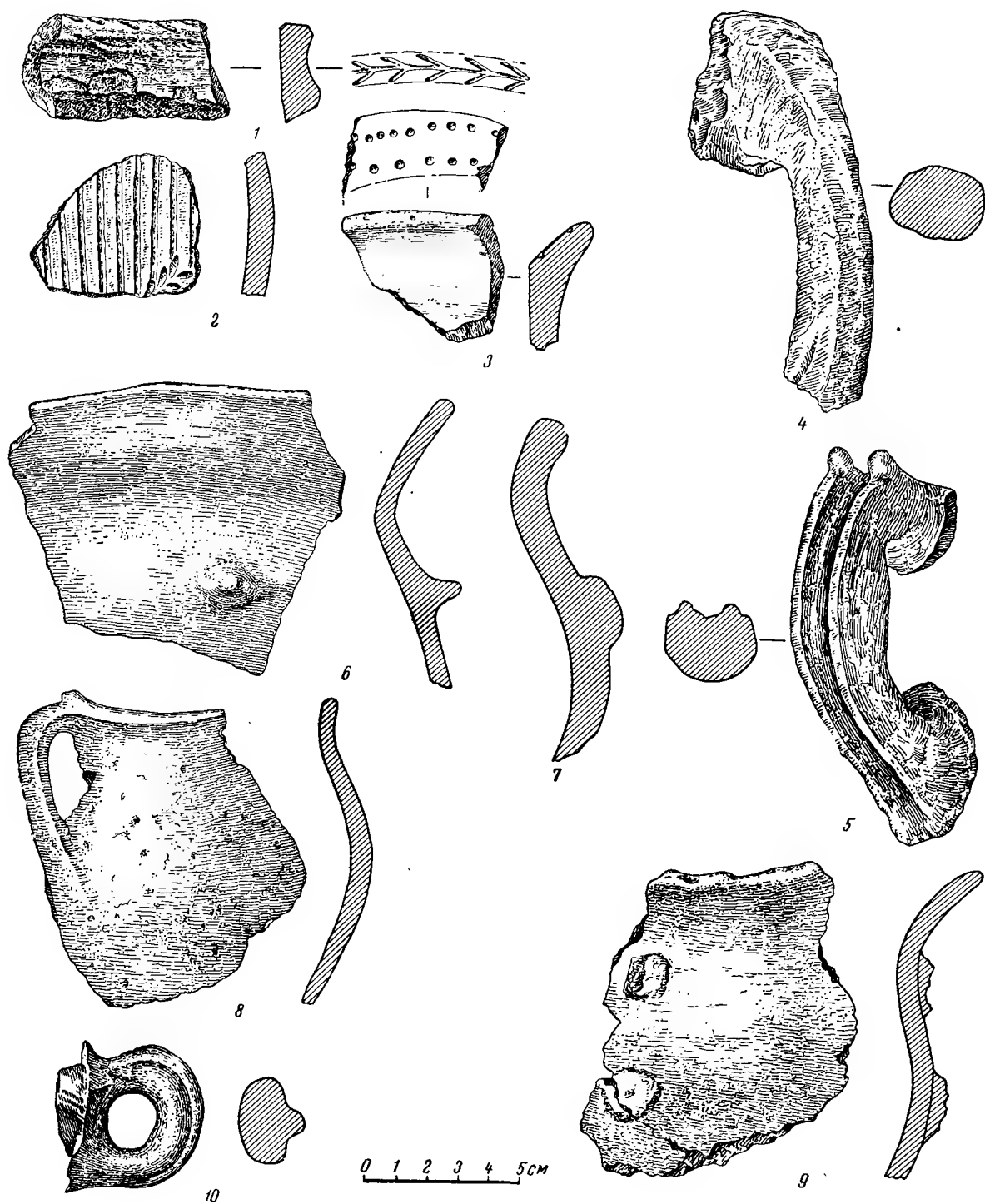

Рис. 43. Гавриловское городище. Обломки лепной лощеной (1—3, 6, 8—10) и нелощеной (4, 5, 7) керамики.

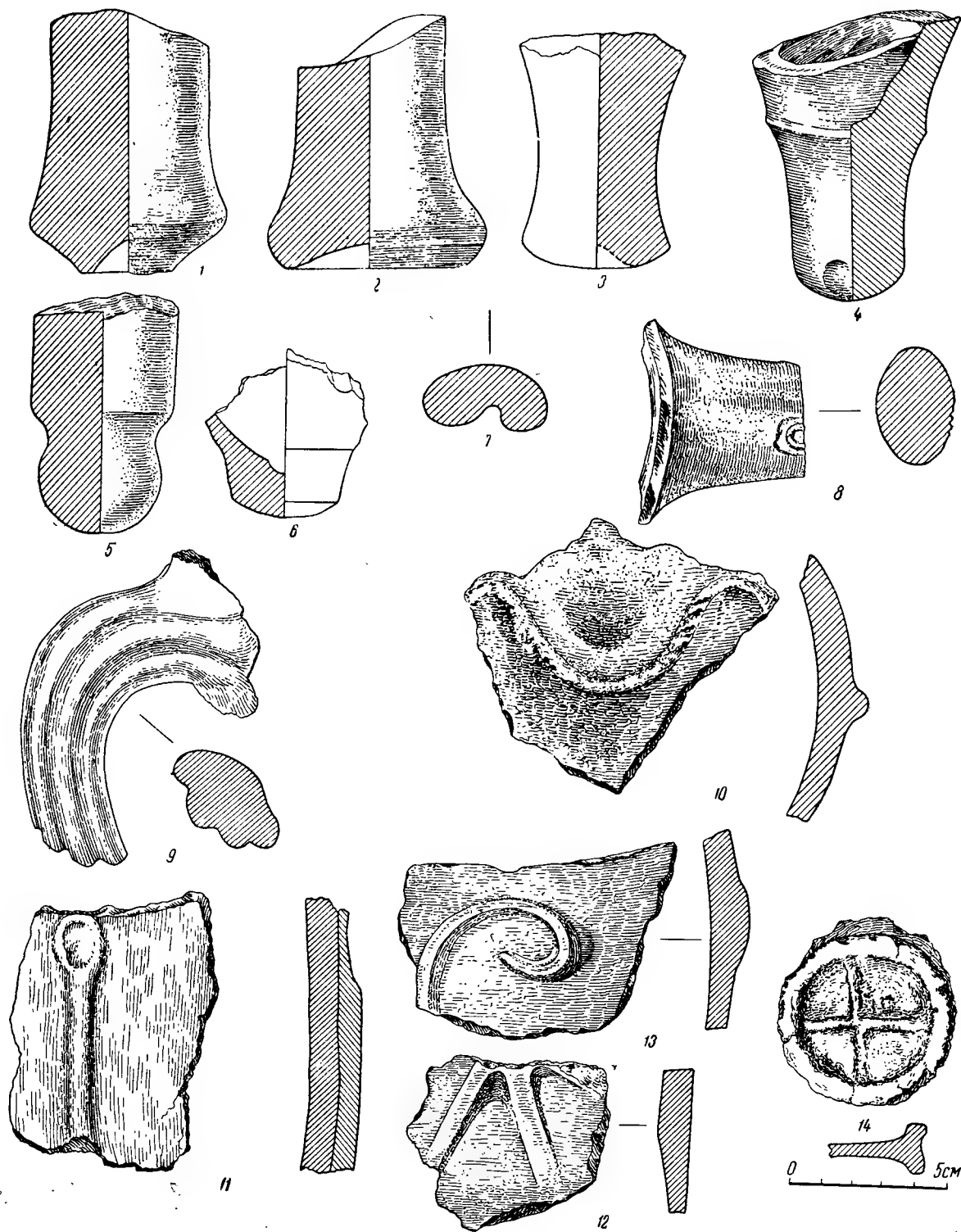

Рис. 44. Гавриловское городище.

1-9 — фрагменты греческих амфор (1-3 — IV—III вв. до н. э.; 4, 5 — II в. до н. э.; 6-9 — I в. до н. э. — I в. н. э.);
10-14 — обломки лепных лощеных сосудов.

лощенных сосудов (горшков?) прочерчен во всю ширину дна крест (рис. 44, 14).

Миски. Как и на Знаменском городище, основными 2 типами мисок являются конические, на полых цилиндрических ножках, преимущественно без лощения, и острореберные миски зарубинецкого типа, в огромном большинстве лощеные.

Образцом конической миски на полых цилиндрической ножке может служить, например, миска из ямы № 2 на раскопе II (рис. 27, 6). Встречаются такие миски различных размеров, с диаметром устья от 3,5 см (рис. 34, 6) до 30 см (рис. 31, 9). Стенки то более прямые, то более выгнутые; отверстие в ножке то глубже, то мельче. Встречаются случаи орнаментации края, а иногда и ножки миски ямочными вдавлениями. Чаще, чем на Знаменском городище, попадаются фрагменты этого типа с лощеной поверхностью. Один раз найдена лощеная ножка, перехваченная валиком с ямочным орнаментом (рис. 42, 11). Единичен также случай находки края лощеного поддона с прорезанными прямоугольными отверстиями (рис. 42, 12), по-видимому, типа «окошек» на высоких подставках чаш латенского времени в гетских поселениях Румынии⁴⁷.

Как и на Знаменском городище, острореберные миски являются наиболее распространенной группой лощеной керамики. И здесь миски чаще всего имеют выгнутую, иногда угловатую шейку (рис. 32, 6, 7). Довольно много мисок с прямым или чуть выпуклым бортиком, без выделения венчика и шейки (рис. 45, 10). В целом гавриловским лощеным мискам свойственны более мягкие, расплывчатые очертания, чем знаменским мискам. Внутренние грани на венчике встречаются здесь значительно реже. Преобладает светло-желтое или серовато-желтое лощение, в то время как на Знаменском городище превалирует черный тон острореберных мисок.

Как и на Знаменском городище, здесь тоже можно выделить в верхнем слое ряд мисок более грубой работы, с очень слабо лощеной или даже просто заглаженной поверхностью.

Нужно также отметить тип лощеной миски с загнутым внутрь краем (рис. 42, 6).

Простые и лощеные сосуды (горшки и кувшины) с ручками. Судя по находкам фрагментов таких сосудов, последние были распространены на Гавриловском городище еще шире, чем на Знаменском. При вдвое меньшем объеме работ в Гавриловке в 1953 г. найдено обломков разных лепных ручек — простых и лощеных — в 2 раза больше, чем на Каменском акрополе. Чаще всего ручки имеют лощеную поверхность, но встречаются ручки и без лощения.

Целый нелощеный горшок, близкий по профилю горшкам с петельчатыми ручками зарубинецко-корчеватовского типа, — с широким отогнутым венчиком, короткой шейкой, высокими плечиками и круто суживающимся ко дну туловом, — был найден на полу здания № 2 рубежа нашей эры на раскопе II (рис. 32, 4). Высота горшка — 12 см.; диаметр венца — 13,5 см, дна — 8 см. Небольшая, ныне утраченная, ручка была прикреплена нижним концом к середине тулова, а верхним — к месту соединения шейки с плечиками.

Большинство горшков с ручками имеет лощеную поверхность. Среди них преобладают: небольшие горшки со слабо залощенной наружной поверхностью (высота — 10—12 см), с откинутым венчиком и плавно изогнутой, иногда очень короткой шейкой и округлым туловом. Небольшие ручки соединяют плечи с серединой тулова (рис. 43, 9) или прикреплены верхним концом непосредственно к краю (рис. 43, 8). Возможно, что были подобные горшки и без ручек, но впредь до подтверждения этого материалом раскопок, я условно рассматриваю все фрагменты данного профиля в одной группе.

Сосуды с биконическим туловом, помимо фрагментов, представлены 2 целыми экземплярами из раскопок К. А. Бредэ 1951 г. Сосуд, найденный у основания каменного здания № 2 возле второй оборонительной стены (рис. 34, 11), имеет равномерно биконическое тулово, мягкие контуры, округлую ручку. У сосуда из зольника в шурфе 16 (рис. 34, 10) верхний конус больше нижнего, профиль четкий, ручка угловатая. Высота первого сосуда — 17,5 см; диаметр венчика — 8 см, дна — 5,5 см, лощение светлое, желтое; высота второго — 8,5 см; диаметр венчика — 4,5 см, дна — 4 см, лощение

⁴⁷ V. Pârvan. Gethica. Academia Romana. Memoriile secțiunii istorice, seria III, tomul III, mem. 2, București, 1926, рис. 83, 84.

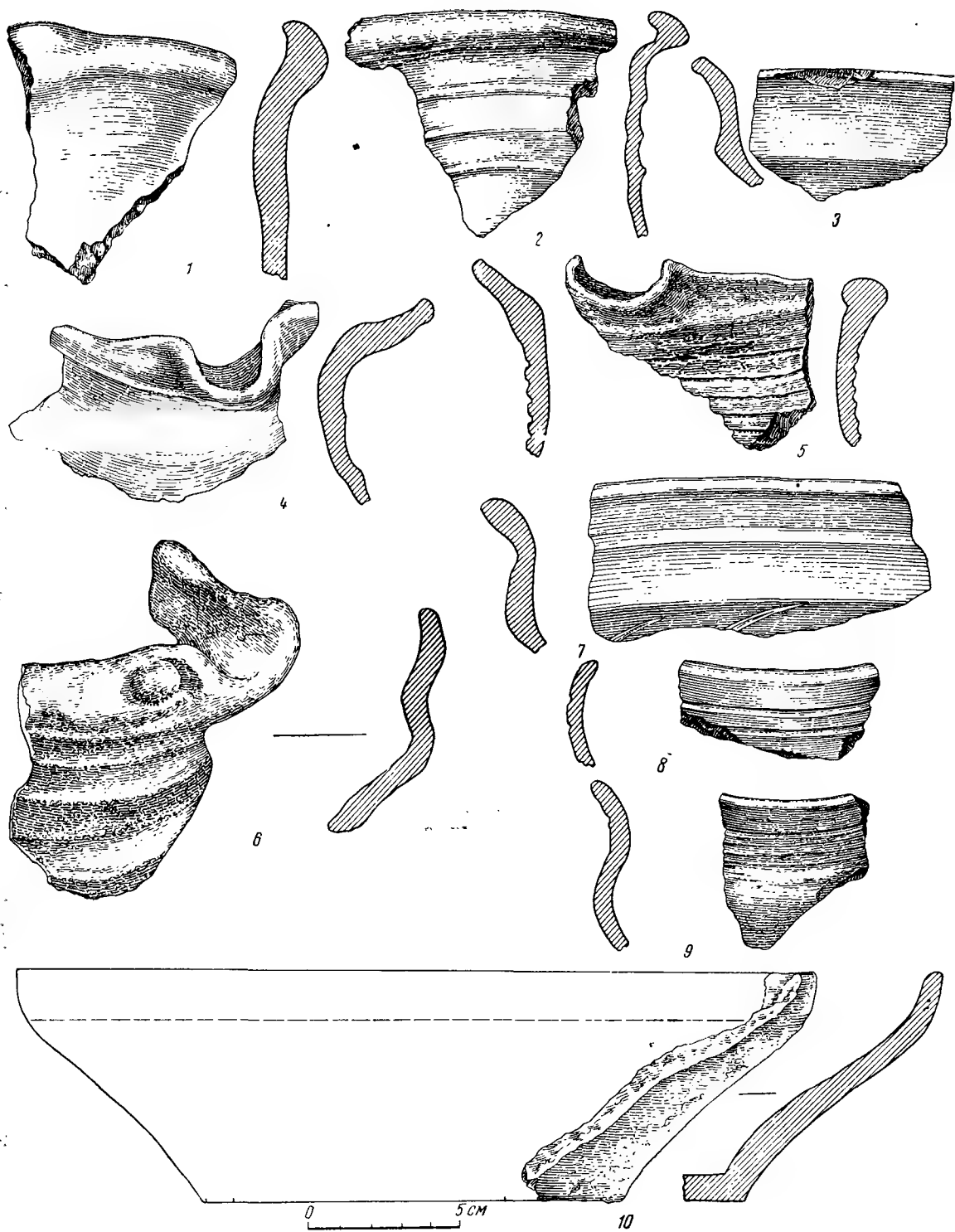

Рис. 45. Гавриловское городище.

1—7, 9 — фрагменты гончарной сероглиняной лощеной керамики (1, 3—6 — с серым лощением; 2, 7, 9 — с черным лощением; 8 — фрагмент светлоглиняного гончарного сосуда с желтым лощением; 10 — реконструкция лепной лощеной миски.

светлое, серое. Сосуды подобной формы известны и на других «малых» городищах (Золотая Балка), а также имеют близкие аналогии в керамике племен Карпато-Дунайского бассейна⁴⁸.

Широкогорлые мискообразные сосуды, с диаметром венчика от 12 до 30 см, часто с резким отчленением шейки от тулова при помощи уступа на плечиках⁴⁹. На одном из фрагментов сохранилась угловатая ручка, прикрепленная верхним концом к шейке сосуда (рис. 42, 9). Фрагменты без ручек относятся, может быть, к этому же типу (рис. 42, 8). Двустороннее лощение, желтоватое или серовато-желтое, дает основание отнести эти сосуды к столовой посуде. Сосуды подобного профиля известны в латенской керамике (лепной и гончарной) Средней Европы⁵⁰.

О наличии сосудов типа кувшинов с высоким прямым горлом свидетельствует целая группа фрагментов с раскопов II и III. Эти фрагменты отличаются красивым блестящим лощением густого, темного тона — красноватого, темно-коричневого, черного, серого — и необычайной аккуратностью выделки, заставляющей думать, что сосуды эти, может быть, подправлялись на каком-нибудь ручном правиле. Возможно, это была привозная продукция.

В 1951 г. К. А. Бредэ найдена лепная чашка с сильно суживающимися ко дну стенками и небольшой ручкой (шурф 2, № 281), со следами черного лощения на поверхности.

Отдельно найденные ручки, лощеные и нелощеные, петельчатые или длинные, имеют овальное или прямоугольное сечение; некоторые из числа лощеных — с четкими гранями. Поверхность ручек гладкая, желобчатая или профилированная. Образец длинной ручки с нелощеной поверхностью приведен на рис. 43, 4, короткой петельчатой залощенной ручки — на рис. 43, 10. Некоторые ручки имеют в верхней части острые рожки, делающие их похожими на зооморфные ручки сар-

матских сосудов, с одной стороны, и на ручки гето-фракийской керамики, — с другой⁵¹ (рис. 43, 5).

Чашки гетского типа с ручкой, прикрепленной к донной части, представлены днищем из раскопа III (рис. 42, 7). Ручка, прежде чем подняться вверх, немного опускается вниз. Этот вариант тоже встречается среди гетской керамики⁵². Поверхность — всегда без лощения.

Сосуды с ручками и упорами, как и на Знаменском городище, изредка представлены отдельными фрагментами стенок с лощением или без него. Форма сосудов, к сожалению, не восстанавливается.

Сосуды типа цедилки или дуршлага. Подобные сосуды — со сквозными отверстиями в стенках — попадаются чаще, чем на Каменных кучугурах или Знаменском городище. Полный профиль такого сосуда с выпуклыми стенками и плоским дном дает фрагмент из здания конца II в. — начала I в. до н. э. на раскопе I 1952 г. (рис. 32, 1).

Сосуды специального назначения. Фрагменты этих сосудов встречались на городище неоднократно, а в 1951 г. из собранных обломков К. А. Бредэ удалось восстановить целый сосуд (рис. 34, 5): он оказался воронкообразным, без дна. Стенки очень толстые. Глина более грубая, чем у обычной лепной керамики, с примесью рубленой соломы и крупного кварца; поверхность крайне шероховатая. На внутренней стороне прочерчены глубокие пересекающиеся горизонтальные и вертикальные бороздки (на других фрагментах бороздки пересекаются под разными углами). Возможно, что сосуд служил для отжимания какой-нибудь массы вроде творога и придания ей определенной формы и орнамента — наподобие того, как изготовляют пасху. Обломки таких сосудов встречены также на Золотой Балке и в Любимовке. На одном сосуде бороздки прочерчены не по внутренней, а по внешней стороне, и сам сосуд более тонкостенный; в этом случае назначение его не ясно.

В 1953 г. на штыке 3 раскопа I найдено несколько обломков толстостенного сосуда с

⁴⁸ I. Andrieșescu. Piscul Crăsani. Academia Romana. Memoriile secțiunii istorice, seria III, tomul III, București, 1926, рис. 71; R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 26, 3, 7.

⁴⁹ В целом виде подобный сосуд найден при раскопках Любимовского городища И. В. Фабрициус в 1926 г. (Коллекция Херсонского музея, № 7362).

⁵⁰ A. Kasser. Yverdon. «Ur-Schweiz», 1955, № 3, табл. 35, 4; табл. 38, 25, 26.

⁵¹ M. Parducz. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I. Archaeologia Hungarica, XXVII, Budapest, 1944, табл. VIII, 20; I. Andrieșescu. Ук. соч., рис. 71, 146, 147.

⁵² I. Andrieșescu. Ук. соч., рис. 66.

очень шероховатой, бугристой поверхностью и следами грубого сглаживания пальцами до обжига. Глина плохо промешана, со значительной примесью песка, в изломе черная, на поверхности красноватая. Никаких бороздок ни внутри, ни снаружи нет.

Новые типы лепных нелощеных сосудов. На Гавриловском городище встречаются некоторые новые, по сравнению со Знаменским городищем, типы лепных нелощеных сосудов. Таков, например, сосуд с короткой прямой шейкой и шарообразным туловом из глинобитного здания конца II в.—I в. до н. э. на раскопе I (рис. 32, 2). Высота сосуда — 5 см, диаметр тулова — 4,5 см; он напоминает сарматские формы шарообразных сосудов, но не имеет четко выраженного венчика, как последние.

Лепные сосуды стаканообразной формы представлены целым экземпляром из раскопок 1951 г. (рис. 34, 3). Этот тип распространен в гетской керамике Румынии⁵³.

Очень своеобразен четырёхгранный сосуд, грани которого подчеркнуты продольными налепными ребрами (рис. 32, 5). Стенки суживаются книзу, заканчиваясь снаружи плоским дном, а внутри днище округлое. По внешнему виду сосуды напоминают сарматские прямоугольные сосуды с ребрами по углам или без них, встречающиеся иногда в сарматских погребениях I—III вв. н. э. в Нижнем Поволжье⁵⁴. Однако в сарматских сосудах дно прямоугольное снаружи и внутри. С другой стороны, еще Н. Г. Елагина в своей диссертации обратила внимание на то, что в керамике «малых» городищ встречается известный по раскопкам в Золотой Балке тип конической миски на полной ножке с 4 продольными налепными ребрами, придающими ей четырёхгранный вид. Возможно, что гавриловские четырёхгранные сосуды происходят от описанных мисок,

тем более что все известные типы сарматских четырёхгранных сосудов относятся к более поздним комплексам.

* * *

Таким образом, в целом лепная керамика Гавриловского городища повторяет формы керамики Знаменского городища, но, по-видимому, в соответствии с более поздней датировкой основного культурного слоя в ней более распространен поздний тип простого лепного горшка, а лучшая сохранность слодала возможность выделить более разнообразные формы лощеной керамики. Среди лощеных остросереберных мисок, наряду с обычным типом — с изогнутыми шейками и далеко откинутым венчиком, — широко представлены миски с прямыми вертикальными бортиками (вероятно, подражающие античным киликам), которых очень мало на Знаменском городище. Из лощеных сосудов следует отметить форму горшка-миски с уступом и плечиках. Хорошими образцами представлены биконические сосуды с ручками и без них: некоторые из них — с очень четкими формами. Разнообразна орнаментация лощеных корчаг. Выделяется группа высокогогорлых кувшинов с высококачественным лощением густого тона. На Гавриловском городище гораздо больше светлого лощения — желтого и сероватого, на Знаменском — преобладает черноватый тон.

Среди нелощеных сосудов образцами новых форм являются: днище чашки гетского типа, четырёхгранный сосуд с округлым дном: по-видимому, развившийся из конической миски на полной ножке. Широко представлены толстостенные сосуды хозяйственного назначения с прорезанными на стенках борозками.

В целом в керамике Гавриловского городища наблюдается больше форм, тяготеющих к керамике гето-фракийского и зарубинецкого круга, чем в керамике Каменского акрополя, где сильнее связь с кучугурскотрадицией.

Как и на Каменском акрополе, появилась лощеная керамика засвидетельствована в самых ранних комплексах. В нижнем слое раскопа VIII, вместе с амфорами III в. н. э. и раннеэллинистической тонкостенной керамикой, встречаются обломки лощеных корчаг с рельефным орнаментом в виде схематизированных человеческих рук и подков

⁵³ V. Părgan. Ук. соч., рис. 39; R. et E. Vulpe. Ук. соч., стр. 318, рис. 99, 10, 13; M. Parduc. Ук. соч., II, табл. XVII, 15.

⁵⁴ См. сосуд из кургана I—III вв. н. э. у с. Харьковка в экспозиции ГИМ; сосуд из кургана № 26 у с. Политотдельского — в альбоме к отчету К. Ф. Смирнова о раскопках Сталинградской экспедиции за 1954 г., рис. 70; сосуд из кургана № 40 III—IV вв. Бережновского могильника — в альбоме к отчету И. В. Сеницына о работах той же экспедиции за тот же год, рис. 199.

фрагменты лощеных мисок с загнутым внутрь краем, а также острореберных небольших лощеных горшочков. По-видимому, здесь, как и на Каменском акрополе, появление новых форм керамики и распространение лощения относятся уже к концу III в. до н. э. и достигают особенного расцвета в слое и комплексах II—I вв. до н. э. В I—II вв. н. э., видимо, и здесь произошло постепенное огрубение и упрощение форм, лощеной керамики стало меньше, появились грубые острореберные миски только с заглаженной поверхностью.

Гончарная керамика

Как и на Знаменском городище, гончарная керамика Гавриловского городища составляет в среднем не менее половины всей керамики, причем 99% гончарной керамики приходится на греческие остродонные амфоры.

Амфоры. Интересные наблюдения можно сделать при сравнении ассортимента амфор на Знаменском и Гавриловском городищах.

В самой нижней части культурного слоя Гавриловского городища, под нижним горизонтом строительных остатков (а изредка и в верхнем слое — как результат перекопа) встречены обломки амфорных ножек, которые могут быть датированы IV—III вв. или III в. до н. э. Это те же амфоры, что и на Каменском городище: фасосские (рис. 44, 1), гераклеийские (рис. 44, 3), раннесинопская (рис. 46, 7), амфоры с рюмкообразными ножками (рис. 46, 5), так называемые боспорские амфоры с широкими выемками на нижней стороне ножки (рис. 44, 2), амфоры с «колпачковыми» ножками (рис. 46, 8), с «пустотелыми» ножками (рис. 46, 6).

Эти обломки свидетельствуют о том, что уже в IV—III вв. до н. э. на территории Гавриловского городища существовало поселение, подобно Каменке поддерживавшее связи с греческими городами и приобретающее те же сорта вин, что и обитатели Каменского городища. Во всяком случае, это касается обитателей Гавриловского акрополя, где именно и был обнаружен этот ранний слой. Для основного же слоя Гавриловского городища характерны амфоры конца II в. — I в. до н. э. и I в. н. э. Среди них встречаются ручки родосских амфор, но очень редко.

Ранным типом (II—I вв. до н. э.) нужно считать амфоры, близкие к косским по глине, ангобу и форме горла, но с ручками не двуствольными, а овального сечения. Горло амфоры этого типа найдено на штыке 5 раскопа III, на подошве серого золистого слоя. Она отличается четким отделением плечиков от горла, как у косских амфор. Аналогичные ручки чаще всего встречались в слое, связанном с нижним горизонтом строительных остатков в золистом грунте. Форма ножки этих амфор твердо не засвидетельствована, но есть основание думать, что с ними могут быть связаны часто встречающиеся в Гавриловке ножки каплевидной формы из светлокорицневой глины с блестками (рис. 44, 4, 5); они четко отделены от дна амфоры небольшим профилем, имеют легкий выгиб — обычно на середине своей высоты — и округлое окончание; иногда форма ножек более цилиндрическая, но профиль обязателен. На полу глинобитного здания II—I вв. до н. э. раскопа I найдены рядом такая ножка и ручка овального сечения, тоже из коричневой глины. Всего за 3 года наших раскопок обнаружено 13 каплевидных ножек и еще 3 таких ножки я знаю из раскопок К. А. Бредэ в 1951 г.

Основную массу находок серого слоя Гавриловки составляют амфоры с двуствольными ручками. Многочисленными обломками таких ручек этот слой насыщен сверху донизу. Среди них встречаются ручки II—I вв. до н. э. — из собственно косской глины, розовой или светло-коричневой, с блестками и белым ангобом; из близкой к ней светло-коричневой глины без блесков, часто с белыми включениями⁵⁵; из коричневатокрасной глины, насыщенной песком с белыми и черными включениями; из характерной для I в. до н. э. — I в. н. э. светлой желтоватой или розовой глины, более или менее насыщенной черными, красными и белыми включениями. Для всех этих ручек обычен белый ангоб. Там, где его нет, он, по-видимому, просто сошел.

Собственно косских (по глине) двуствольных ручек в общем очень мало. Один обломок косской ножки найден на раскопе III.

Несколько более, чем собственно косские, распространены в среднем слое Гаврилов-

⁵⁵ Подобные ручки встречены на Знаменском городище с клеймами III—II вв. до н. э.

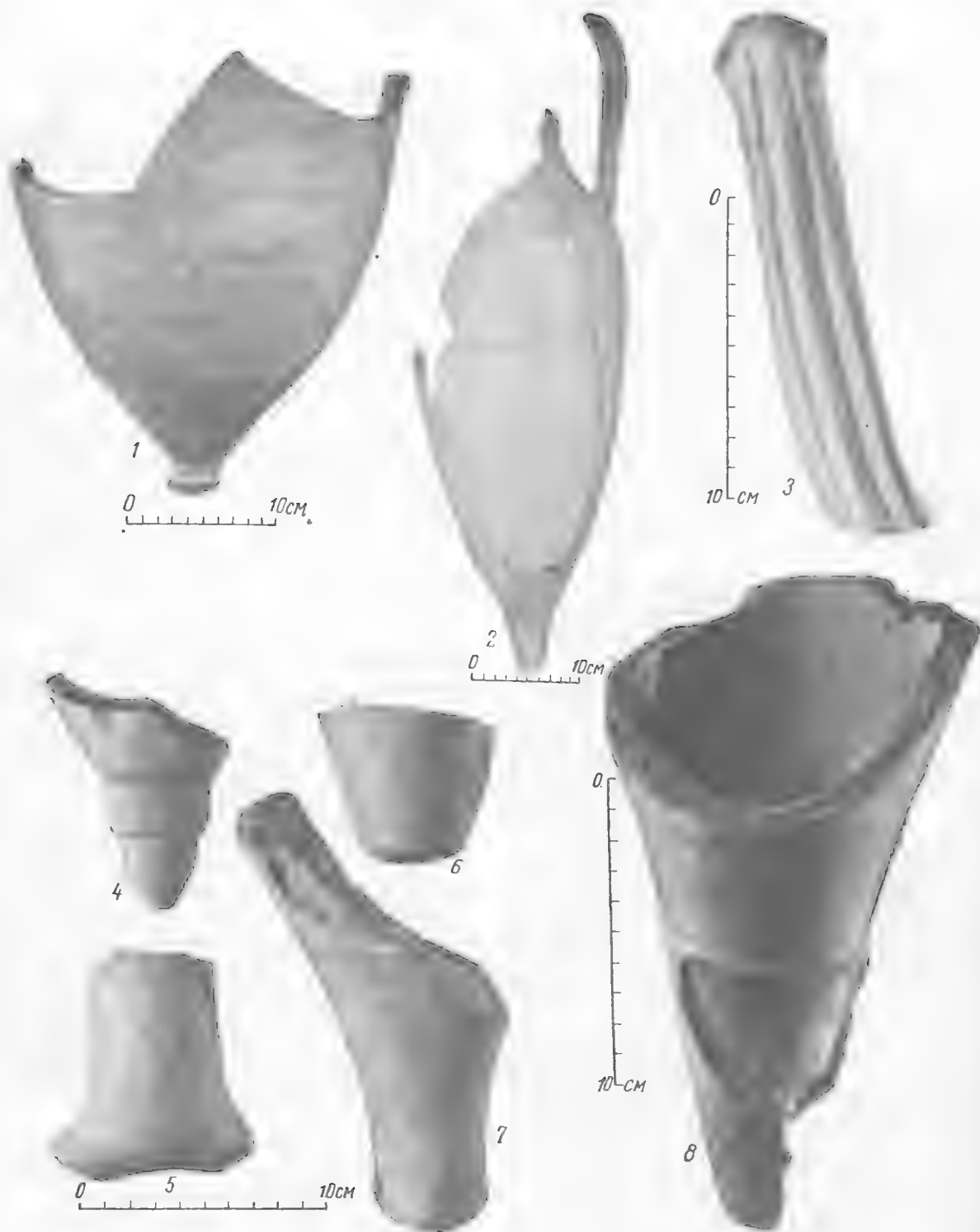

Рис. 46. Гавриловское городище. Фрагменты амфор.

1—4 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 5—8 — IV—III вв. до н. э.

ского городища двустольные ручки из светло-коричневой глины без блесков, с белыми включениями — от амфор с желудеобразными ножками (рис. 46, 4). Примерно в том же количестве встречены двустольные ручки из красной или коричневатой-красной глины, насыщенной песком с белыми и черными включениями. Фрагменты горла и тулова амфоры с четким профилем и двустольными ручками косского типа из красновато-коричневой глины, с поверхностью темно-коричневого цвета и следами белого ангоба были найдены в глинобитном здании II—I вв. до н. э. на раскопе I. Встречены также амфорные ножки, похожие на косские, но из красной глины, насыщенной песком.

Наиболее многочисленной группой амфор с двустольными ручками являются светлоглиняные амфоры I в. до н. э.— I в. н. э.⁵⁶ Помимо ручек, они представлены горлом с характерным четким отделением плечиков при помощи небольшого профиля и довольно многочисленными желудеобразными ножками (рис. 46, 4). Эти ножки были так же распространены, как каплевидные ножки, но последние, видимо, принадлежат несколько более раннему времени (II—I вв. до н. э.).

Светлоглиняные амфоры с двустольными ручками бытовали одновременно с амфорами из коричневой и красной глины. Они встречаются и в слое нижнего строительного горизонта, но преимущественно связаны с верхним строительным периодом. Попадались, хотя и редко, ручки амфор из такой же светлой глины с черными включениями, но обычные, гладкие, овальные в сечении.

Наряду с двустольными, но значительно реже, встречались ложнодвустольные ручки амфор, у которых два ствола только намечаются, но полностью не отделены друг от друга (рис. 44, 7); глина коричневатой-красной, с примесью минеральных частиц. По-видимому, позднее I в. до н. э. такие амфоры не бытовали.

Затрудняюсь определить, к каким амфорам относятся гладкие ручки овального сечения, из коричневатой-красной глины. На одной из них обнаружена часть клейма в прямоугольной рамке с надписью, начинающейся на букву «омикрон» (рис. 44, 8). Пока что

это единственное амфорное клеймо с Гавриловского городища.

Другой распространенной группой амфор серого гавриловского слоя, наряду с амфорами с двустольными ручками, являются амфоры из коричневатой-красной или коричневой глины с черными и белыми включениями; широкая нижняя часть их переходит в очень короткую ножку с округлым окончанием (рис. 44, 6); за 3 года наших раскопок найдено 12 таких ножек, главным образом в слое верхнего строительного периода, и одну я знаю из раскопок К. А. Бредэ. В 1954 г. в развале каменного здания этого же периода на раскопе II была найдена значительная часть тулова такой амфоры вместе с ножкой (рис. 46, 1). Глина коричневатой-красной, на поверхности — белый ангоб. К сожалению, горло и ручки у этой амфоры отсутствуют. Бытовали эти амфоры одновременно со светлоглиняными амфорами с двустольными ручками, и датировать их нужно, видимо, тоже I в. до н. э.— I в. н. э.

Непосредственно под описанным развалом камня была найдена другая, почти целая амфора с узким вытянутым туловом, из желтовато-розовой глины с мелкими белыми и черными включениями (рис. 46, 2, 3). У этой амфоры сохранилась одна ручка, которая оказалась слабо профилированной невысоким ребром и 2 желобками вдоль ее средней части. Ножка у амфоры узкая и вытянутая. Ножки и ручки подобной формы и из такой глины неоднократно встречались на Гавриловском городище и датируются примерно тоже рубежом нашей эры.

В противоположность Знаменскому городищу позднесинопские амфоры на Гавриловском городище мало распространены. Пока зарегистрированы всего 3 ножки. Зато профилированные ручки амфор I—II вв. н. э. встречаются в Гавриловке гораздо чаще, чем в Каменке. Их здесь примерно вдвое больше, чем таких же ручек на Каменском акрополе, но второе меньше, чем светлоглиняных двустольных ручек Гавриловского городища. Такие амфоры бытовали одновременно с другими амфорами серого слоя Гавриловки и связаны преимущественно с верхним строительным горизонтом. Глина в большинстве случаев светлая, желтоватая, с черными включениями. Профилировка довольно симметричная: обычно 2 округлых валика (редко — три) — вдоль центра наружной поверх-

⁵⁶ Датированы И. Б. Зеест — «Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем». ВДИ, 1952, № 2, стр. 246.

ности и два менее высоких — по краям (рис. 44, 9). Поздних ручек II—III вв. н. э., с асимметричной профилировкой и резко загнутыми гребешками, в Гавриловке пока не найдено; нет и кольцевых поддонов, связанных с такими амфорами.

К позднеримскому времени могут относиться только 2 обломка реберчатых красноглиняных амфор, оба — с белой обмазкой; их можно датировать III в. н. э., однако слой III в. н. э. пока на Гавриловском городище не обнаружен.

Греческая тонкостенная керамика. На Гавриловском городище до сих пор не найдено ни краснофигурной керамики IV в. до н. э., ни такого богатого набора «мегарских» чаш, как на Знаменском городище. Главным образом в нижней части культурного слоя встречены черепки, покрытые хорошим черным лаком, относящиеся к IV—III в. до н. э.; например — 2 фрагмента чашечки с загнутым внутри краем на кольцевом поддоне из слоя под зданием рубежа нашей эры на раскопе VIII или профилированный поддон открытого чернолакового сосуда с раскопа III.

К раннеэллинистическому времени нужно отнести более многочисленную, чем на Знаменском городище, группу фрагментов сосудов (тарелки, кувшинчики) хорошего коричневого лака чистого, ровного тона, иногда с темно-бурым или светло-желтым оттенком. Лучшие образцы этой керамики залегают на уровне нижнего строительного горизонта. Среди этих фрагментов отмечу: обломок тарелки (1953 г., раскоп II, штык 5, № 568), у которой венчик, покрытый темно-бурым лаком, эффектно контрастирует с ярко-коричневым тоном стенок; нижнюю часть открытого сосуда на кольцевом поддоне, с орнаментом из лучеобразно расположенных насечек на дне (раскоп VI, штык 5, № 1225); обломок сосуда с прямыми стенками, плоским краем и профилированной шейкой (1954 г., раскоп VIII, штык 6, № 76) и пр. Довольно часто на этой посуде встречается белая роспись в технике гнация, например пунктирный ряд на кувшинчике с отогнутым венчиком (рис. 47, I). Однако особенно излюбленны были килики с прямыми бортиками, на которых белой краской были написаны лавровые ветви, ограниченные сверху и снизу пунктирными рядами. Счастливый случай сохранил нам целый сосуд этого типа, а именно на нижнем гори-

зонте пола глинобитного здания (раскоп I), погибшего от пожара, был обнаружен разбитый сосуд (склеился полностью), являющийся эллинистическим киликом с прямым, чуть выгнутым бортиком и бантикообразными ручками (рис. 31, 4). Килик покрыт густым коричневым лаком с черными пятнами. По бортику сосуда белой краской нанесен в легкой, изящной манере растительный орнамент (ветки плюща). Форма, лак и характер росписи заставляют датировать сосуд концом II в. — началом I в. до н. э. Подобные килики с черным и красным лаком, но без росписи, известны из погребений II в. до н. э. в Фанагорийском некрополе⁵⁷.

В том же здании, но на верхнем горизонте пола обнаружены еще 2 импортных сосуда. Один из них (рис. 31, 2), покрытый тусклым черным позднеэллинистическим лаком, относится к типу канфара⁵⁸; другой, тоже двуручный сосуд (рис. 31, 3) с широким, выпуклым наружу венчиком и почти шаровидным туловом покрыт коричневатокрасным лаком, неравномерно обожженным, с черными пятнами. Очень близкий по форме сосуд из Мирмекия отнесен Т. Н. Книпович к концу I в. — II в. н. э., однако ею же было указано, что данный тип восходит, по-видимому, еще к доримскому времени⁵⁹. Сопоставление обоих описанных выше сосудов и характер лака на втором из них заставляют датировать и тот, и другой сосуда I в. до н. э.

Остальная чернолаковая и краснолаковая керамика II—I вв. до н. э. представлена лишь фрагментами. Собственно черного лака здесь не так много. Это поздний тусклый лак, матового или графитного оттенка. Глина фрагментов серовато-желтая, розовая, коричневатокрасная. Среди форм представлены: 1) канфар с нижней каннелированной частью, по-видимому, типа краснолакового канфара из Круглого кургана близ Гниловского городища, который Т. Н. Книпович датирует I в. до н. э.⁶⁰; 2) тарелки с прямым или выпуклым бортиком.

⁵⁷ Доклад И. Д. Марченко о Фанагорийском некрополе в ГМИИ в 1953 г.

⁵⁸ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 240.

⁵⁹ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 305, рис. 5, I.

⁶⁰ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 143, рис. 48.

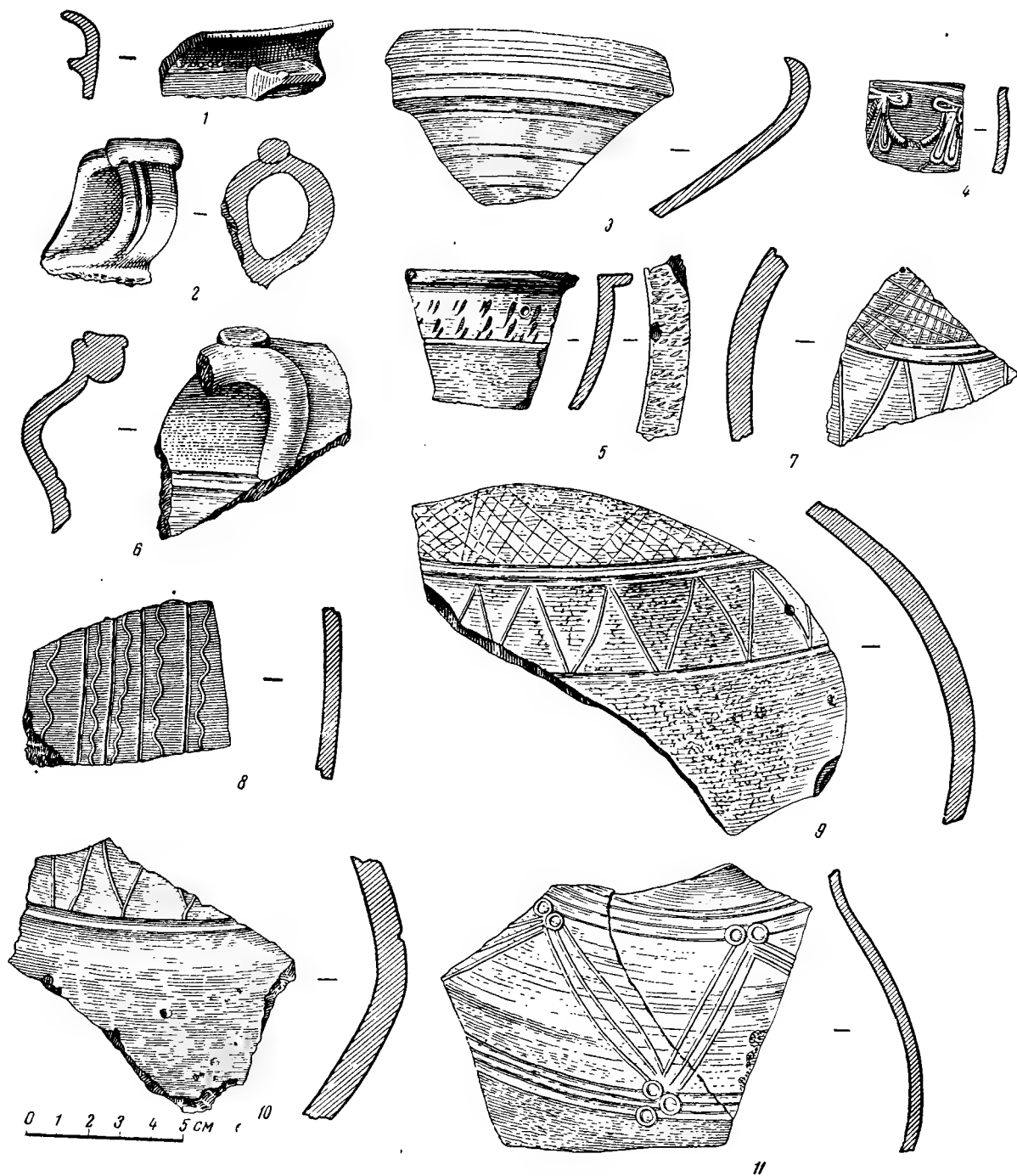

Рис. 47. Гавриловское городище. Фрагменты гончарных сосудов.

1 — буrolакового; 2—4 — краснолаковых; 5 — чернолакового; 6—11 — сероглиняных лощеных.

Чаще встречается лак неравномерного обжига, переходящий из черного в коричневый или красный, с черными или бурыми пятнами и подтеками. Такой лак покрывает терелки с широким краем, чашки разного рода, кувшинчики и небольшие сосудики с отогнутым венчиком. На некоторых сосудах применено, по-видимому, сознательно противопоставление лака разных цветов; например венчик покрыт темно-коричневым лаком, а стенки — черным, или же сосуд покрыт снаружи черным лаком, а внутри — красным или коричневым.

Выделяется фрагмент сосудика с плоским, выступающим наружу краем и выпуклыми стенками; венчик и верхняя часть стенок орнаментированы несколькими рядами насечек, нанесенных штампом (рис. 47, 5); лак снаружи черный, внутри — коричневый.

При довольно значительном количестве обломков «мегарских» чаш, найденных на Каменском акрополе, на Гавриловском городище их почти совсем нет. Исключение составляет один мелкий фрагмент краснолаковой «мегарской» чаши (1952 г., раскоп II, штык 1а, № 66) с орнаментом в виде вертикальных прямых и волнистых рельефных полосок и шашечек. Уникальный фрагмент с рельефным изображением обнаженной женщины (рис. 31, 1), по-видимому, относится к какому-то более крупному и массивному сосуду. Глина фрагмента светлая, лак на наружной стороне черновато-коричневый, на внутренней — тусклый, черный. Изображение выполнено в духе излюбленных в эллинистическом искусстве жанрово-эротических сцен⁶¹.

Другой фрагмент сосуда с рельефным орнаментом, покрытый красным лаком коричневатого оттенка, нужно отнести к краснолаковой малоазийской керамике I в. до н. э. Это найденный в здании с каменной печью раскопа II обломок сосуда с прямыми стенками, орнаментированным рельефным изображением свисающих гирлянд, перехваченных лентами (рис. 47, 4). Фрагмент отличается от «мегарских» чаш и своим профилем, и цветом лака, и расположением орнамента (прямо под венчиком).

Наряду с только что описанной керамикой

в культурном слое Гавриловского городища представлена численно не меньшая группа собственно краснолаковой керамики I в. до н. э. — начала I в. н. э. Лак ее — преимущественно коричневатого оттенка, видимо, малоазийский. Глина желтовато-розовая, бледно-желтая, красновато-коричневая, сероватая.

Наиболее распространен тип чашки с загнутым внутрь краем, который снаружи иногда профилирован (рис. 47, 3). Встречаются также фрагменты чашек с косыми или выпуклыми стенками. Для малоазийской позднеэллинистической керамики характерны уплощенные ручки сосудов, украшенные в верхней части поперечными налечами (рис. 47, 2). Неоднократно встречены горла небольших сосудов с отогнутым венчиком и уплощенные или округлые в сечении ручки с гладкой поверхностью. Более крупный кувшин представлен высоким профилированным горлом с округлым бортиком, из серовато-желтой глины, с краснобурым лаком (раскоп 1а).

В верхних 3 штыках обнаружена немногочисленная группа фрагментов сосудов, вероятно, местного, ольвийского происхождения, с жидким черноватым или буроватым покрытием, имитирующим лак. И здесь преобладают чашки с загнутым внутрь краем. Встречены также тонкостенные кувшинчики и более крупные сосуды с раздутым туловом, кухонные тонкостенные горшки или кастрюли, иногда с внутренним упором для крышки.

Ощутимыми отличиями импортной греческой лаковой керамики на Гавриловском городище, по сравнению со Знаменским, являются: 1) отсутствие на Гавриловском городище образцов краснофигурной керамики IV в. до н. э., а также почти полное отсутствие «мегарских» чаш, и 2) наличие в Гавриловке ранней краснолаковой керамики I в. до н. э. — I в. н. э. Первый факт можно объяснить более поздним заселением Гавриловского городища менее аристократическим составом его обитателей. Второй факт является, видимо, чисто хронологическим отличием, свидетельствующим о более длительной жизни Гавриловского городища, продолжавшего существовать еще некоторое время после того, как Знаменское городище захирело.

Как и на Знаменском городище, группа простой красноглиняной греческой керамики немногочисленна. За исключением обломков лагеносов, вероятно, малоазийского проис-

⁶¹ Близкий по сюжету и технике изображения фрагмент происходит из раскопок В. Ф. Гайдукевичем виллы III—II вв. до н. э. под Керчью. Коллекция ЛОИИМК.

хождения, она представлена главным образом местной, видимо, ольвийской посудой в виде горшочков и кувшинчиков на кольцевых поддонах. Единичны витая ручка кувшина из коричневатой глины и обломок пифоса.

Сероглиняная керамика. Значительно шире, чем на Каменском акрополе, распространена на Гавриловском городище гончарная сероглиняная керамика, не уступающая по количеству фрагментов греческой лаковой и простой красноглиняной керамике. Здесь, в противоположность керамике Каменского акрополя, почти вся она лощеная. Особенно характерно лощение совсем светлое, изжелта-серое, иногда просто желтое, т. е. именно то, которое свойственно ольвийской сероглиняной керамике после гетского нашествия⁶². В других случаях лощение — более темного, серого оттенка, совсем черное встречается редко. Глина плотная, хорошо промытая, разных оттенков серого цвета — от желтовато-серого до темно-серого; обычно примесь песка, довольно крупных кусочков извести, иногда амфорного шамота. Обломки сероглиняной керамики встречаются во всех слоях культурного слоя.

Одним из самых ранних является найденный на уровне нижнего строительного горизонта обломок небольшого сосуда с выгнутой шейкой, профилированными округлыми плечиками и прилегающей к шейке горизонтальной, затейливо выгнутой ручкой, украшенной сверху плоским кружком (рис. 47, 6). На поверхности — следы темно-серого лощения. Подобное украшение ручек сосудов было излюбленным приемом в производстве местной гончарной посуды Северного Причерноморья, не свойственным керамике греческой метрополии⁶³. В то же время в лепной лощеной керамике гетского круга такой прием встречен неоднократно⁶⁴.

Остальная сероглиняная керамика состоит из разного рода кувшинов, мисок и горшков. Главным образом на уровне нижнего строительного горизонта обнаружены фрагменты больших сероглиняных лощеных кувшинов с высокой прямой или выгнутой

шейкой, округлым туловом и уплощенными ручками, с гладкой или профилированной поверхностью. На тулове одного сосуда имеется лощеный сетчатый орнамент.

На мелких фрагментах из штыка I раскопа II также встречен лощеный орнамент в виде волнообразных и прямых линий. По цвету глины и характеру лощения эта группа сосудов близко напоминает ольвийскую сероглиняную керамику с лощеным орнаментом, выявляющуюся уже в комплексах I в. до н. э. — I в. н. э. (см. материал из расчистки ям этого времени на агоре)⁶⁵. Более своеобразна группа фрагментов круглобоких сосудов из Гавриловки; они украшены процарапанным орнаментом из перекрещенных линий и горизонтальных остроугольных зигзагов (рис. 47, 7, 9, 10). Среди ольвийской сероглиняной керамики имеются также фрагменты сосудов с резным или вдавленным волнистым и зигзагообразным орнаментом; ближайшие аналогии этим сосудам известны в Пояне (Румыния)⁶⁶.

Однако, по мнению Т. Н. Книпович, группа гавриловских фрагментов с резным орнаментом по облику глины и характеру орнамента близка, но не идентична керамике ольвийского производства⁶⁷. Особенно выделяется в этом отношении фрагмент с раскопа IV 1953 г., отличающийся очень светлой глиной, бледно-серым лощением и орнаментом из глубоких вертикальных бороздок, — прямых и волнистых, врезанных последовательно (рис. 47, 8).

Еще больше отличаются от ольвийской керамики фрагменты с темно-серым, тусклым лощением и орнаментом в виде двойных кружков, соединенных параллельными линиями (рис. 47, 11). Такой орнамент засвидетельствован на целой группе больших сарматских кувшинов, особенно на нижнем Дону, в Прикубанье и Поволжье⁶⁸; в частности, этот орнамент имеется на уже упоминавшемся

⁶⁵ Временио — в лаборатории ЛОИИМК (1953 г., яма № 35, фрагмент № 931; яма № 26, фрагмент № 854 и др.).

⁶⁶ Р. И. Ветштейн. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Рукопись диссертации. Киев, 1953, стр. 80, 90. Приношу также благодарность М. А. Тихановой, ознакомившей меня со своими материалами.

⁶⁷ За сообщенные указания приношу Т. Н. Книпович глубокую благодарность.

⁶⁸ И. В. Силицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 89, рис. 1, 4.

⁶² Р. И. Ветштейн. Ук. соч., стр. 95.

⁶³ Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 378.

⁶⁴ V. Răgvan. Ук. соч., стр. 742; см. также рис. 70.

сосуде из кургана близ Гниловской станицы, а также на сосудах из сарматских могильников на р. Молочной⁶⁹. Не исключена возможность, что гавриловский сосуд с подобным орнаментом был изготовлен в каком-нибудь восточном центре Северного Причерноморья, так же как фрагмент сосуда из раскопок 1951 г., на котором указанный орнамент сочетается с вертикальными зигзагообразными полосами (рис. 34, 13)⁷⁰. Известен еще один фрагмент, орнаментированный подобным же образом (1952 г., раскоп II, штык 3, № 682): он из желтовато-коричневой глины с блестками, имеет желтоватую залощенную поверхность и профиль кухонного горшка с внутренним упором, обычного для местного производства Ольвии и других причерноморских городов⁷¹. В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с местным ольвийским производством, подражающим орнаментации сарматской керамики.

Главным образом для слоя первых веков нашей эры характерны лощенные сероглиняные сосуды с профилированным горлом; особенно своеобразна форма сосуда с широким и приподнятым сливом (рис. 45, 1, 2, 4, 5). Лощение серое, часто очень светлое. Такие же кувшины засвидетельствованы в Ольвии в слое того же времени⁷².

Сильно «варваризованной» формой этого кувшина является гавриловский фрагмент из раскопок 1954 г. (рис. 45, 6), на котором по сторонам широкого с загнутыми краями слива посажены 2 круглых налипных глазка. По форме венчик напоминает венчик большого сосуда из сарматского погребения I в. до н. э. — I в. н. э. в Круглом кургане близ Гниловского городища на нижнем Дону⁷³, а круглые глазки по сторонам слива соответствуют стилю сарматских кувшинов с зооморфными ручками, на которых часто изображение самого животного помещалось на ручке, а глаза его — по обеим ее сторонам⁷⁴. По-

видимому, в данном случае мы видим пример воздействия сарматского гончарного искусства на керамическое производство Ольвии.

Один раз найден обломок венчика сероглиняной амфоры (1953 г., раскоп III, штык 4, № 42).

К группе керамики, чаще встречающейся на уровне нижнего строительного горизонта, принадлежат широкогорлые лощенные мискообразные сосуды или горшки-миски (рис. 45, 7, 9) с откинутым венчиком и округлым перегибом на плечах. На одном фрагменте (рис. 45, 7) поверхность залощена по коричневатому ангобу, что создало очень ровную лощеную поверхность, на которой чувствуются следы лошила. Тот же прием можно наблюдать и на некоторых мисках, найденных в Ольвии (например при раскопках агоры в 1953 г.: фрагмент № 831 из ямы № 34, I в. до н. э. — I в. н. э.). Прототипам этих мисок являются, видимо, уже знакомые нам лепные горшки-миски.

Для другой группы гончарных мисок характерен острый перегиб тулова; они чаще встречаются в верхнем слое и соответствуют лощеным остросереберным мискам лепной керамики. Здесь также представлены варианты с выгнутой шейкой (рис. 45, 3) и вертикальным прямым бортиком (рис. 31, 6). Глина и лощение гончарных остросереберных мисок иногда отличаются очень светлым тоном. Изредка встречаются миски с загнутым внутрь краем, как, например, фрагмент с профилированным туловом (рис. 45, 8), из розоватой глины, со светло-желтым лощением.

Кроме кувшинов и мисок, в гавриловской сероглиняной керамике имеются простые горшки с отогнутым венчиком и равномерно округлым туловом. Лощение темно-серое, неровное, горизонтальное.

Сероглиняный мискообразный биконический сосуд с черным лощением, сложенный из фрагментов, найденных К. А. Бредэ в 1951 г. (рис. 34, 12), по форме и характеру лощения отличается от основной массы сероглиняной керамики, встреченной в Гавриловке, и должен быть отнесен, по определению М. А. Тихановой и Е. В. Махно, к черняховскому типу III в. н. э.

Ольвийская сероглиняная гончарная керамика, среди которой мы находим наиболее близкие аналогии гавриловским сероглиняным сосудам, в целом отличается от черня-

⁶⁹ М. И. Вязьмитина. Раскопки сарматских могильников на юге СССР. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 73.

⁷⁰ Ср. сосуд из раскопок Ястребова в Донской области. ГИМ, инв. № 24541.

⁷¹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства. Сб. «Ольвия», т. I, 1940, рис. 99, 1, 2.

⁷² Р. И. Ветштейн. Ук. соч., стр. 88.

⁷³ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 144, рис. 50.

⁷⁴ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского времени. Труды ОИПК Гос. Эрмитажа, I, Л., 1941, стр. 196.

ховской керамики Среднего Приднепровья⁷⁵ и имеет более тесное типологическое сходство с гончарной керамикой латенского времени на территории, занимавшейся гето-фракийскими племенами Карпато-Дунайского бассейна. Особенно близко это сходство сказывается в профилях острореберных мисок, некоторых деталях круглобоких кувшинов (профилированные горла и ручки), в аналогичных типах лощеного и резного орнамента⁷⁶. Эти формы расцвели в местном ольвийском производстве особенно в эпоху после гетского разгрома, когда Ольвия пришла в близкое соприкосновение с гето-фракийским культурным кругом; это наложило определенный отпечаток на характер местного производства Ольвии, откуда, по-видимому, и поступала на Гавриловское городище эта продукция. Вероятно, ольвийской продукцией (судя по характеру глины и лощения) являются и сарматизированные по форме кувшины с широким сливом (рис. 45, 6). Каким образом попали в Гавриловку сосуды сарматского типа с резным орнаментом и лощением (рис. 47, 11) — непосредственно от сармат или из Ольвии, — я сказать затрудняюсь, но такого же типа орнамент на кастрюле с внутренним упором для крышки относится, несомненно, к сосудам ольвийского производства.

Большая часть сероглиняной керамики Гавриловского городища, судя по ольвийским аналогиям, датируется I—II вв. н. э. Однако в гавриловском материале представлена и более поздняя керамика черняховского типа и времени — указанный выше сосуд из раскопок 1951 г. с черным лощением (рис. 34, 12).

Грубая сероглиняная керамика черняховского типа, выполненная на примитивном гончарном круге, без лощения, с характерной шероховатой поверхностью и щербинами от выпавших зерен кварца, подмешанных в глиняное тесто, — на Гавриловском городище встречается исключительно редко. Всего мне известны пока 2 обломка из развалов каменных зданий I в. н. э. на раскопах I и

III 1953 г. (№ 63 и 990), связанные, по-видимому, уже со временем разрушения этих зданий. При этом глина фрагмента № 63 красная, с блестками. Подобного типа керамика хорошо известна на Ингулецких поселениях II—IV вв. н. э.

Таким образом, сероглиняная гончарная керамика с лощеной поверхностью, — в том виде, в каком мы знаем ее в Ольвии после гетского разгрома, — представлена на Гавриловском городище полнее и разнообразнее, чем на Знаменском; это, видимо, связано с более поздним существованием Гавриловского городища, продолжавшего жить и в ту пору, когда импорт греческой лаковой керамики из обескровленной гетским разгромом Ольвии уже прекратился.

Стекланные сосуды. Предметом импорта через греческие города Северного Причерноморья были также стеклянные сосуды, представленные на Гавриловском городище немногочисленными обломками. К эллинистическому времени относятся фрагменты сосудов из цветного, так называемого финикийского стекла: донышко алабастра из зеленого стекла с голубыми полосами (рис. 40, 23) и фрагмент стенки из синего стекла с желтыми полосами. Два других обломка из прозрачного бесцветного стекла точной датировке не поддаются.

6. ЗАНЯТИЯ И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Как и на Знаменском городище, следов ремесла, обособившегося от прочих занятий, носивших, по-видимому, домашний характер, на Гавриловском городище мы не находим; исключением, может быть, является некоторая начавшаяся специализация в области изготовления лучших образцов лепной лощеной керамики. Занятиями, обеспечивавшими населению питание, были земледелие, скотоводство и рыболовство.

Земледелие

Так же, как и на Каменском акрополе, на Гавриловском городище пока не найдено ни пахотных орудий, ни серпов. Зато в довольно богатом ассортименте представлены орудия для обработки зерна. Обломки зернотерок, верхних терочных камней и нижних плит об-

⁷⁵ Т. Н. Книпович. Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1953 г. Рукопись. Архив ИИМК, д. № 879; Р. И. Ветштейн. Ук. соч., стр. 96.

⁷⁶ См. V. Pârvan. Ук. соч., рис. 88; R. et E. Vulpe. Ук. соч., рис. 60, 6, 7; рис. 74, 11, 12, 15; рис. 78, 3 и др.

наружены здесь в еще большем количестве, чем на Знаменском городище. Терочники сделаны из плотных каменных пород — гранита, базальта, кварцита и пр.⁷⁷ Форма их или уплощенно-округлая (рис. 40, 11), или полуцилиндрическая (рис. 40, 15). Камень, изображенный на рис. 40, 11, имеет диаметр 7—9 см и толщину от 2,5 до 4 см. Длина камня, показанного на рис. 40, 13, — 7 см, ширина — 5,8 см, толщина — 3,5 см. Обломок песчаниковой плитки (1952 г., раскоп II, штык 3, № 525) является, по-видимому, фрагментом нижней плиты зернотерки со сглаженной верхней поверхностью и углубленной от постоянного стирания центральной частью.

Хорошей сохранности пестик из мелкозернистого кварцита для растирания или толчения небольшого количества зерна или других твердых веществ⁷⁸ обнаружен на штыке 8 раскопа II (рис. 40, 13). Его длина — 8,5 см, диаметр рабочей поверхности — 4,4—4,7 см. От другого песта найден лишь обломок с сильно сработанной рабочей частью (1952 г., раскоп II, штык 2, № 410).

Небольшие размеры и простота этих зернотерочных орудий свидетельствуют об употреблении их в хозяйстве отдельной семьи. Однако в Гавриловке бытовали и более усовершенствованные орудия размолла. Правда, эллинистических жерновов-толкачей, подобных найденному на Знаменском городище, на Гавриловском городище до сих пор не обнаружено, но, поскольку подобный жернов был найден на соседнем Золотобалковском поселении⁷⁹, материальная культура которого очень сходна с гавриловской, нужно думать, что этот пробел случаен, во всяком случае, — для эллинистического слоя. Зато в верхнем слое первых веков нашей эры была обнаружена верхняя плита круглого каменного жернова из известняка, со сквозным отверстием

в центре, 2 пазами по бокам для деревянной рукоятки и 2 небольшими отверстиями близ края для ее закрепления (рис. 22, 2). Верхняя поверхность жернова выпуклая, нижняя — плоская, шероховатая. Диаметр жернова — 0,38 м, толщина — 4 см, диаметр центрального отверстия — 6,5 см; один край отверстия сработан больше, — по-видимому, при вращении в эту сторону рукоятка нажимали сильнее. Диаметр боковых отверстий — 1,5 см. Обломок такого же жернова из гранита был найден при расчистке развала каменного здания I в. н. э. на раскопе III.

Обычно такие круглые жернова принято относить к позднеримскому времени⁸⁰. Однако В. Ф. Гайдукевич отмечает их появление на Боспоре еще в позднееллинистическую пору⁸¹, а румынские исследователи устанавливают для гетских городищ замену традиционных зернотерок круглыми жерновами в первой половине I в. н. э.⁸² Круглые жернова на Кубани Н. В. Анфимов датирует первыми веками нашей эры⁸³. Таким образом, отнесение описанного нами жернова к I—II вв. н. э. не будет противоречить принятым за последнее время датировкам.

Все 3 злака, наиболее распространенных в древности на нашем Юге, — пшеница, просо и ячмень — представлены на Гавриловском городище. Несколько зерен пшеницы нашел К. А. Бредэ в одном из зданий 1951 г. у второй оборонительной стены. При раскопках глинобитного здания на раскопе I (1952 г.) Н. Г. Елагина обнаружила на верхнем горизонте пола спекшиеся комки пережженного проса, а на нижнем горизонте — побывавшие в огне зерна ячменя.

Скотоводство

Подавляющая масса костей животных на Гавриловском городище происходит из слоя I в. до н. э. — I в. н. э. Обработке подверглись кости, найденные в 1952 и 1953 гг.⁸⁴ При

⁷⁷ Породы каменных изделий определены Н. А. Сигаевым и Е. Н. Стефанович, которым выражаю свою признательность.

⁷⁸ «Наличие орудий для толчения и растирания не обязательно должно свидетельствовать о развитии земледелия. Те же орудия могли служить и для растирания дикорастущих плодов, корней, высушенных ягод, а также для размельчения краски и толчения руды» (К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, М., 1951, стр. 125).

⁷⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 142, рис. 15.

⁸⁰ Л. И. Лавров. Развитие земледелия на Северном Кавказе. Материалы по истории земледелия в СССР, М., 1952, сб. 1, стр. 197.

⁸¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 100.

⁸² R. et E. Vulpe. Ук. соч., стр. 320.

⁸³ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 153.

⁸⁴ Определение костей проведено В. И. Цалкым, которому приношу глубокую благодарность.

сравнении данных анализа остеологических остатков с результатами анализа костей, найденных на Знаменском городище, поражает удивительное соответствие разных видов животных на обоих городищах при продолжавшемся уменьшении роли лошади в Гавриловке, как это явствует из следующих цифр (см. таблицу).

Животные	Количество костей (в числе) и количество особей (в знаменателе)	% от количества особей по каждой группе	% от общего количества костей
Домашние			
Крупный рогатый скот	396/43	28	—
Мелкий рогатый скот	330/53	35,5	—
Лошадь	259/21	14	—
Свинья	74/25	17	—
Собака	28/8	5,5	—
	1087/150	100	80
Дикие			
Благородный олень	59/10	28	—
Кабан	35/10	28	—
Бобр	14/5	14	—
Барсук	2/2	30	—
Сайгак	6/2		
Мелкие грызуны	3/2		
Лисица	1/1		
Слепец	2/1		
Норка	4/1		
Дикая кошка	4/1	30	—
Волк	1/1		
	131/36	100	20
	1218/186	—	—

Примечание. Кроме того, найдено 19 костей птицы и около 200 костей рыбы.

Рыболовство

Богатые рыбой воды Днепра и его протоков давали обильный улов рыбы, которую широко употребляли в пищу обитатели Гав-

риловского городища. На это указывает большое количество рыбных костей и чешуи, найденных в золе у очагов и на жаровнях, в зданиях I в. до н. э. — I в. н. э. и в связанных с ними ямах с кухонными остатками. Вещественными доказательствами употребления для рыбной ловли сетей являются круглые каменные грузила с отверстием посередине, такие же, какие мы знаем из раскопок Знаменского городища. В Гавриловке найдено одно целое небольшое грузило из оолитового известняка (рис. 48, 1), диаметром 7 см и толщиной 2,5 см. Другое грузило является полуфабрикатом с недосверленным отверстием (рис. 40, 9); диаметр этого грузила — 5,5—6 см, толщина — 2 см. Остальные грузила представлены фрагментами; некоторые были большего размера — 9—10 см в диаметре. Иногда употреблялись керамические грузила такой же круглой формы, например фрагмент из хорошо обожженной глины (с раскопа VIII; рис. 40, 12). По форме, размерам и относительной тяжести это грузило следует считать рыбацким.

Помимо рыбы, из реки извлекали съедобных речных улиток типа Vivipara, ракушки которых обнаружены на очагах вместе с костями рыб и животных.

Прядильно-ткацкое производство

Из домашних занятий гавриловцев лучше всего представлено прядильно-ткацкое, оставившее вещественные следы в виде довольно многочисленных пряслиц и грузил для натягивания основы. Форма и размеры пряслиц в общем соответствуют тем, которые мы знаем на Каменском акрополе. Среди лепных пряслиц здесь тоже больше всего биконических со срезанными полюсами (18 экземпляров; рис. 48, 9, 11; рис. 40, 19) — более высоких и узких или более низких и широких. У двух таких пряслиц верхний конус орнаментирован; на пряслице с раскопа V 1951 г. — мелкими ямками, на пряслице с раскопа III 1953 г. — резной зигзагообразной линией (рис. 48, 12). Последний орнамент часто встречается на пряслицах с гетских городищ⁸⁵. Из других форм лепных пряслиц представлены: округлые с плоско или округло срезанными вершинами (рис. 48, 13), усе-

⁸⁵ R. et E. Vulpe. Ук. соч., стр. 318, рис. 16, 21.

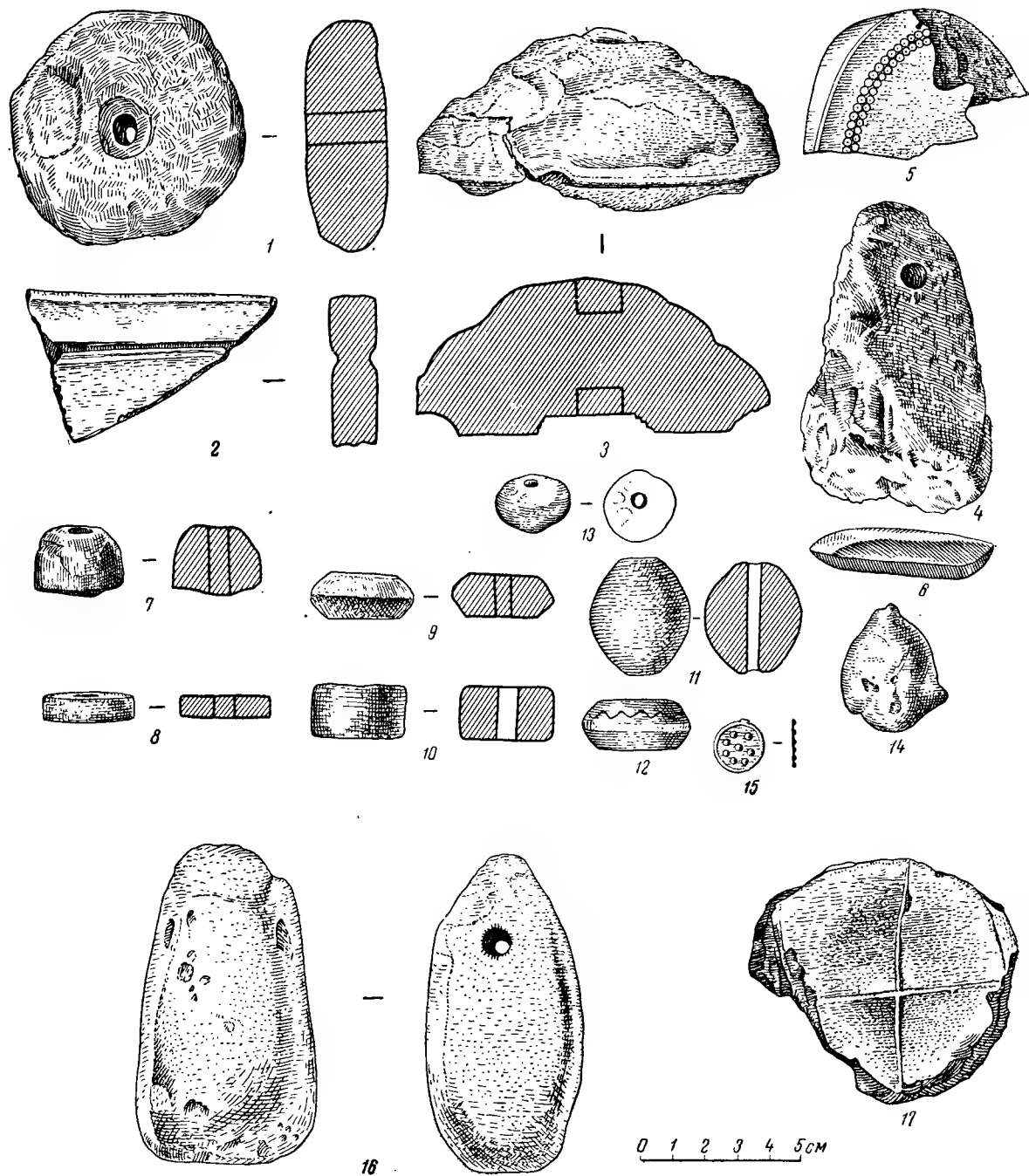

Рис. 48. Гавриловское городище

1 — каменное грузило; 2 — обломок точильной плитки; 3, 4, 16 — глиняные грузила; 5 — обломок костяного гребня; 6 — лоцило из стенки амфоры; 7—13 — глиняные пряслица; 14 — глиняный шарик; 15 — бронзовая бляшка; 17 — нижняя сторона лепной крышки сосуда.

чечно-биконические (рис. 48, 7) шаровидные, усеченно-грушевидные, цилиндрические (рис. 48, 10). Высота лепных пряслиц — от 1 до 3,5 см, диаметр основания или широкой части — от 2 до 3,5 см.

Как и на Знаменском городище, большая группа гавриловских пряслиц сделана из черепков главным образом гончарных сосудов, реже — лепных лощеных. В отличие от Знаменского городища, где такие пряслица делались преимущественно из черепков красноглиняных сосудов, в основном — амфор, на Гавриловском городище преобладают пряслица, изготовленные из стенок гончарных сероглиняных лощеных сосудов (11 экземпляров), в соответствии с тем большим удельным весом, который эта керамика имела в импорте Гавриловского городища (рис. 40, 18). Кроме них, использовались черепки амфор (рис. 48, 8), тонкостенных красноглиняных сосудов, а также краснолаковой керамики. Два раза встретились пряслица из стенок лепных лощеных сосудов.

Пряслица, сделанные из стенок сосудов, чаще всего имеют дисковидную форму; высота их зависит от толщины стенки. Диаметр дисковидных пряслиц — от 3 до 4 см, высота — от 4 до 8 мм.

Помимо пряслиц, встречены заготовки для них, имеющие вид более или менее обточенных кружков из стенок гончарных и лепных лощеных сосудов. С другой стороны, найденные комочки обожженной глины (рис. 48, 14), может быть, являются заготовками для лепных биконических или шаровидных пряслиц (?).

Ткацких грузил встречено на Гавриловском городище еще больше, чем на Каменском акрополе. Все они вылеплены вручную из грубо промешанной, рыхлой, слабо обожженной глины. Большинство ткацких грузил имеет грубо пирамидальную форму с округленными контурами граней. Целые экземпляры имеют в высоту от 7,5 до 10,7 см, в поперечнике — от 3 до 4,5 см (рис. 40, 10, 14; рис. 48, 4, 16). За 1952—1954 гг. найдены 5 целых грузил и 3 обломка. Кроме того, к ткацким нужно отнести еще 2 грузила другой формы. Одно из них в виде усеченного конуса сделано из ножки розовоглиняной амфоры и имеет 4 сквозных отверстия для подвешивания; диаметр основания — 7 см, высота — 3 см (рис. 40, 8). Другое грузило представляет собой полуфабрикат полуоваль-

ной в сечении формы, из очень слабо обожженной глины (рис. 48, 3); отверстие недосверлено.

Какого рода ткани изготовлялись гавриловскими жителями, мы, к сожалению, сказать не можем. Кроме обрывка обуглившегося перевитого шнура (?), найденного в сгоревшем здании у стены акрополя на раскопе I 1952 г., до нас ничего не сохранилось.

Керамические грузила и пряслица были местного производства. Гончарный круг еще не был освоен. О технике изготовления лепной посуды мы говорили выше (см. стр. 204).

Орудия повседневного обихода

Железные орудия. Следов железоделательного производства на Гавриловском городище до сих пор не замечено, за исключением кусков керамического шлака, обнаруженных на штыке 4 раскопа Ia 1953 г., которые могут быть обломками шлакированных стенок от кричной печи (?). Железные орудия найдены в незначительном количестве и по своей форме не сложны: это 5 ножей, долотце и топорик.

Из железных ножей три найдены на городище, один — в насыпи кургана № 1 1953 г. и один — в ограбленном погребении кургана № 1a 1954 г. Только один из этих ножей — из насыпи кургана № 1 1953 г. — является типичным скифским ножом, с горбатой спинкой (рис. 40, 4). Задняя часть его обломана. У всех остальных ножей — прямая спинка и более узкий, чем лезвие, черенок (рис. 40, 1—3); это характерно для сарматского времени. Черенки полностью или частично обломаны.

Небольшое долото или сверло с раскопа I (рис. 40, 20) имеет в длину 7,7 см и в ширину 0,8 см. В центре его сечение круглое, на рабочем конце имеется ложкообразное углубление, а в верхней части — уплощенный насад, по-видимому, для поперечной ручки. Подобные ротативные сверла известны среди позднелатенских орудий⁸⁶.

На раскопе II найден небольшой железный топорик с круглым отверстием для рукоятки и заостренным лезвием, четырехгран-

⁸⁶ J. Déchélette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, v. IV, Paris, 1927, стр. 1376—1377, фиг. 609, 16, 17.

ным в сечении; длина топорика — 9,5 см, максимальная ширина — 3 см, диаметр отверстия — 2 см (рис. 40, 7). Аналогии мне не известны.

Сильно подвергшийся коррозии железный стержень из ямы № 1 на раскопе II 1952 г. (№ 1283), может быть, является гвоздем (?).

Костяные орудия. Из костей животных жители Гавриловского городища приготавливали нехитрые орудия повседневного обихода. Грифельные кости лошади без всякой обработки могли употребляться как проколки или шилья. Более сложно обработанная массивная игла для плетения сетей (рис. 37, 17) была найдена в 1951 г. К. А. Бредэ. Шило с раскопа Ia (рис. 40, 21) сделано из ребра животного. Один конец его плоский, без насада, другой — заостренный. Конический футлярчик из раскопок К. А. Бредэ в 1951 г. со сквозным отверстием, может быть, служил обкладкой для оселка (рис. 37, 16), а фацетированная таранная кость лошади с раскопа II, возможно, использовалась для полировки металлических изделий (?).

Керамические орудия. Распространенными орудиями были разного рода растиральники или, может быть, лошिला, применявшиеся для различных нужд домашнего обихода и производства. Часто встречаются обломки ручек амфор со стертыми от употребления концами, иногда — фрагменты стенок гончарных сосудов со сточенными гранями (рис. 48, 6)⁸⁷.

Каменные орудия. Для заточки ножей и других металлических изделий служили оселки — точильные плитки и бруски из песчаника, сланца, базальта и пр. Прямоугольный песчаниковый брусок с продольными фацетками (1952 г., раскоп III, штык 2, № 367) употреблялся, видимо, для заточки или полировки довольно больших предметов. Для стационарного пользования применялись и другие, более или менее крупные, песчаниковые бруски. На точильном бруске (1952 г., раскоп II, штык 4, № 723) длиной 12,7 см и шириной 4,7 см поверхность слегка вогнута,

а в центре заметны бороздки от частого употребления. На обломках прямоугольных плиток из светлого тонкозернистого глинистого песчаника со сглаженной поверхностью (рис. 48, 2) следы точки или правки в виде довольно глубокого желобка шириной до 5 мм идут ровно до края и переходят с верхней стороны плитки на нижнюю. Бороздки от точки заметны на обломке узкого точила из базальта (1954 г., раскоп II, штык 2, № 12). Следы правки каких-то орудий заметны в виде коротких врезов на торцевой стороне плитки из мелкозернистого кварцевого песчаника (1953 г., раскоп IV, штык 3, № 1091). Два раза встречены оселки со сквозным отверстием для подвешивания к поясу. Из них сланцевый оселок с раскопа II имеет форму небольшой уплощенной плитки длиной 3,5 см, шириной 2 см и толщиной 0,5 см (рис. 40, 16), а фрагмент оселка из мелкозернистого песчаника с раскопа III — форму узкого бруска шириной 1,5 см и толщиной 2 см (рис. 40, 17). Фрагменты оселков без сквозных отверстий встречались неоднократно.

Строительное дело

На Гавриловском городище строительное дело также еще, видимо, не вышло за пределы домашнего промысла. Это относится не только к постройке глинобитных домов на деревянном каркасе (приемы их сооружения восходят еще к неолиту), но и к технике каменного домостроительства. В гавриловских зданиях употреблялся главным образом необработанный камень — местный ракушечный известняк. Фрагменты плит с подтесанной поверхностью очень редки. Немногочисленные обломки черепицы, — по-видимому, синопской, — встречены в районе большого каменного здания на раскопе VIII. Вероятно, черепичную кровлю делали не часто.

Предметы вооружения

В противоположность Каменскому акрополю на Гавриловском городище наконечники стрел являются большой редкостью. В моих раскопках они до сих пор совсем не встречались. В раскопках К. А. Бредэ в 1951 г. (раскоп VII) на глубине 1,4—1,6 м обнаружены 2 железных трехлопастных наконечника стрел сарматского типа (рис. 37, 12), распространенных в причерноморских степях с

⁸⁷ По мнению В. П. Шилова, стенки амфор со стертыми краями употреблялись «для получения порошка румян» — В. П. Ш и л о в. Раскопки Калиновского курганного могильника. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 123.

конца II в. до н. э. по II в. н. э.⁸⁸ Небольшие окатанные камни из известняка, песчаника, а также кварцевой гальки, диаметром 4,5—5 см, могли употребляться в качестве прашевых камней.

Предметы туалета и украшения

Фибул хорошей сохранности на Гавриловском городище не найдено. Бронзовая пластинчатая дужка из раскопа К. А. Бредэ 1951 г. (рис. 37, 13) относится, видимо, к типу арбалетовидных фибул с подвязной ножкой и массивной дужкой, которые Л. И. Фурманская датирует I—III вв. н. э.⁸⁹

В норке грызуна, в самой нижней части культурного слоя раскопа II (1953 г., штык 8, № 612), обнаружен фрагмент бронзовой четырехгранной дужки. Может быть, частью бронзовой обивки кожаного ремня (?) является обломок бронзовой обоймы (рис. 40, 5) из сложенного вдвое бронзового листика с отверстием для гвоздика; отверстие обложено с обеих сторон четырехугольными насадками.

Бронзовая плоская бляшка с валиком по краю и 8 выдавленными изнутри точками в центре, найденная в яме № 9 на раскопе II (рис. 48, 15), служила подвеской, на что указывает обломанное ушко.

В 1951 и 1952 гг. были обнаружены фрагменты костяных гребней черняховского типа с накладными пластинками, приклепанными к спинке посредством железных или бронзовых гвоздиков (рис. 37, 18); на фрагменте из раскопок 1952 г. пластинки украшены двойным рядом резных кружков (рис. 48, 5).

Только один раз (в 1951 г.) встречено небольшое бронзовое зеркальце (рис. 37, 14) в виде диска, диаметром 4,7 см, позднеэллинистического типа⁹⁰. Край в одном месте обломан, — может быть, здесь прикреплялась ручка.

⁸⁸ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Сб. «Техника обработки камня и металла», РАНИОН, М., 1930, стр. 86, 87.

⁸⁹ А. В. Фурманская. Фибулы из раскопок Ольвии. «Археология», т. VIII, 1953, стр. 84 (на укр. яз.).

⁹⁰ Ср. зеркальце из мавзолея Неаполя скифского — П. Н. Шultz. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК. вып. XXI, 1947, табл. XVII, 2, 3.

Бусы представлены не слишком богато. Все они соответствуют типам II в. до н. э. — II в. н. э. Наиболее ранним типом нужно считать крупную бусину из мозаичного стекла с синими, белыми и зеленоватыми разводами (выкид из раскопа II; рис. 40, 24) и бусину из непрозрачного стекла с глазками, найденную в яме № 1 того же раскопа. В остальном преобладают округлые бусины из прозрачного, главным образом синего стекла. Один раз встречена дольчатая бусина из синего стекла, другой раз — маленькая темная биконическая и уплощенно-прямоугольная — все из раскопок 1951 г.; несколько раз попадался мелкий бисер. Пятичастная пронизка в виде прутика с неразделенными округлыми бусинами и удлиненная кувшиновидная подвеска из голубой пасты (обе из раскопок 1951 г.) характерны для первых веков нашей эры. Два раза были найдены округлые халцедоновые бусы (1951 и 1952 гг.).

Особый интерес представляют 3 схематизированных скарабая из мозаичного стекла с гладкой оборотной стороной, найденные в разрушенной катакомбе кургана № 1а; они близки по форме таким же схематизированным скарабеем из погребений мавзолея Неаполя скифского I в. до н. э. (рис. 40, 6). К подвескам-амулетам нужно отнести астрагал с просверленным отверстием (1952 г., раскоп II, штык 16, № 1082).

Предметы культа

При раскопках гавриловских зданий неоднократно встречались — преимущественно около очагов — обломки глиняных головок животных, чаще всего — барана; иногда эти головки попадались вместе с частью прямоугольной подставки, торцовые стороны которой они увенчивали. После находки А. В. Добровольским в 1951 г. в Золотой Балке такой целой подставки с головками баранов на каждой стороне⁹¹ принадлежность всех найденных нами обломков к подобным подставкам несомненна.

В Гавриловке найдены следующие фрагменты: 1) в 1951 г. — 3 головки, из них одна — барана с загнутыми спиралью рогами

⁹¹ А. В. Добровольский. Отчет о раскопках Золотой Балки в 1951 г. Рукопись. Архив ИА, табл. XI, 1.

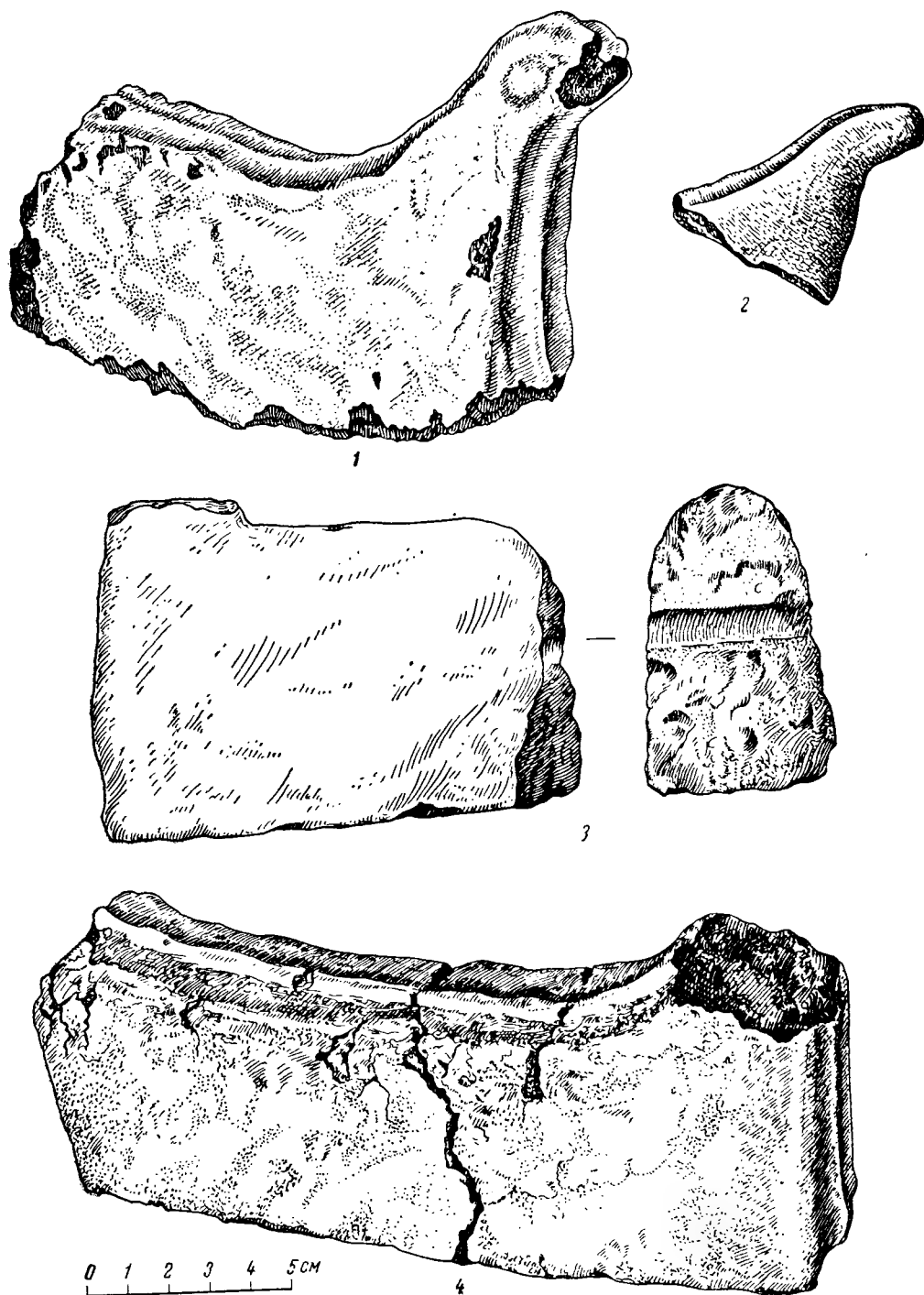

Рис. 49. Гавриловское городище. Обломки глиняных подставок с головками животных.

1, 3, 4 — из культурного слоя городища; 2 — из заполнения рва кургана № 1.

(рис. 37, 1), другая — лошади (рис. 37, 2), третья — неопределенного животного (рис. 37, 3), и 2 обломка подставок (рис. 37, 4, 5); 2) в 1952 г. — 2 головки барана и 1 обломок подставки; 3) в 1953 г. — 2 обломка головок неопределенных животных (рис. 49, 2), 1 головка барана вместе с половиной подставки (рис. 49, 1) и 1 подставка с отбитыми головками животных (рис. 49, 4); 4) в 1954 г. — 1 обломок подставки вместе с головкой барана (рис. 40, 22) и 1 обломок подставки с отбитой головкой (рис. 49, 3).

Все эти изделия изготовлены из очень грубо помешанной, комковатой глины с примесью песка, иногда — шамота и крупных кусочков извести, плохо обожжены; поверхность их очень шероховатая, несмотря на заглаженность, часто с трещинами. Длина подставки — в единственном случае, когда ее удалось проследить (№ 1095, 1953 г.) — 23 см; ширина основания — от 5,7 до 7,5 см; высота вместе с головкой — от 9 до 13 см. Верхняя и торцовая поверхности всегда профилированы продольными нервюрами (рис. 49, 1, 4). У некоторых обломков в центре подставки ясно различимо сквозное отверстие (рис. 49, 3). Боковая поверхность подставки, найденной в 1951 г., орнаментирована редкими ямками и углубленной зигзагообразной линией во всю высоту подставки (рис. 37, 4).

Такие же подставки и обломки их с головками животных — главным образом баранов, иногда коней — неоднократно были найдены в Золотой Балке и тоже преимущественно в связи с очагами⁹². Известны также головки баранов из раскопок И. В. Фабрициус на Любимовском городище⁹³ и П. Н. Шульца в Неаполе скифском⁹⁴.

Форма найденных нами подставок и несомненная связь их с очагами дают основание считать их разновидностью так называемых рогатых кирпичей, которые известны на территории Западной и Восточной Европы, начиная с эпохи неолита. Рогатые кирпичи в виде глиняных подставок прямоугольной или квадратной формы с заострениями на концах в виде рогов и со сквозным отвер-

стием в центре отмечены на Кавказе и в Закавказье на поселениях и могильниках главным образом энеолитического времени⁹⁵, а в центральной полосе РСФСР — у дьяковских⁹⁶, городецких⁹⁷ и юхновских⁹⁸ племен. Подставки более отдаленной формы — овальные в плане или без «рогов» — отмечены в трипольской культуре⁹⁹ и на кубанских поселениях IV—III вв. до н. э.¹⁰⁰ Все исследователи ставят их в связь с очагами, но одни (А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий) приписывают им чисто утилитарное значение — подставки для вертела, другие (Б. А. Куфтин, В. А. Городцов) видят в них предметы культового характера или, во всяком случае, считают, что «они использовались у очагов при совершении различных обрядовых церемоний древних культов»¹⁰¹.

В Западной Европе употребление рогатых подставок из камня и глины было распространено в эпоху неолита, бронзы и раннего железа; они служили, как считают исследователи, подставками для поленьев¹⁰².

Характерным отличием нижнеднепровских подставок от перечисленных рогатых кирпичей является непременное украшение их головками животных, главным образом барана. На территории СССР подставки с головками животных известны и в других местах; так, обломки их были открыты в Средней Азии Хорезмской экспедицией С. П. Толстова на городищах IV—III вв. до н. э.¹⁰³,

⁹⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, табл. III, 5; Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. Вестник Гос. музея Грузии, XIV-V, 1947, табл. I; Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 99, 101, рис. 40, 5, 6.

⁹⁶ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 14, 15, табл. IV, 13.

⁹⁷ Н. В. Трубинова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 126, 127, рис. 41, 5.

⁹⁸ М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 71, рис. 3, 5; стр. 73.

⁹⁹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 173.

¹⁰⁰ Там же, стр. 173.

¹⁰¹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 99.

¹⁰² C. Schuchhardt. Alt-Europa. Berlin, 1926, стр. 52; M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. III, стр. 281; J. Déchélette. Manuel d'archéologie..., v. IV, Second âge du fer, ch. XI, § 1.

¹⁰³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 78, 81.

⁹² М. И. Вязьмитина. Поселение у с. Золотая Балка. «Археология», XI, 1957, стр. 121, рис. 6.

⁹³ Гос. Херсонский историко-археологический музей. Летопись музея за 1917—1927 гг., вып. 8, 1927, стр. 14, рис. 16.

⁹⁴ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 61, рис. 26.

где эти подставки тоже связываются с очагами. Высказывалась мысль о том, что такие подставки были занесены из Средней Азии на нижний Днепр через посредство сармат. Однако это представляется неправдоподобным. Прежде всего ассортимент головок животных в Средней Азии совсем другой — значительно преобладает конь, встречаются также верблюд, носорог, дракон, между прочим, — и баран. Стиль исполнения головок на подставках из Средней Азии характеризуется живым реализмом и выразительностью; этим они также отличаются от подставок с нижнего Днепра.

Далее, серьезным возражением против указанной гипотезы является полное отсутствие памятников данного рода у сармат. В настоящее время сарматская культура изучена достаточно хорошо, и не может быть, чтобы памятники этого рода остались незамеченными, если бы они имелись. Мне кажется более реальным искать происхождение нижнеднепровских рогатых подставок на западе — у кельтских племен, у которых глиняные очажные подставки с головками баранов были очень широко распространены, особенно в эпоху позднего латена ¹⁰⁴.

Ж. Дешелетт указывает, что первоначально такие подставки служили для ограничения очага, удержания в нем углей и облегчения сгорания поленьев, а постепенно стали использоваться как подставки для вертелов.

Впервые подставки с головками животных, — и как будто чаще всего коней, — появились в культуре вилланова в Италии. В конце гальштатского времени железные подставки с головками животных начали импортироваться в Галлию. В латенскую эпоху, наряду с железными, особенно широко распространились глиняные, реже — каменные подставки, обязательно с изображением барана. Это изображение Ж. Дешелетт считает постоянным образом того животного, которое чаще всего приносилось в жертву божествам домашнего очага ¹⁰⁵. У разных индоевропейских народов баран был связан с культом небесного огня.

В Галлии баран был специально посвящен культу умерших предков и божествам домашнего очага ¹⁰⁶. Среди галльских подставок можно выделить группу небольших — не выше 20 см и другую группу — более крупные, высотой до полуметра. Ж. Дешелетт указывает на примитивность и суммарность выполнения изображений баранов на подставках (особенно первой группы), которые изготовлялись в небольших галльских мастерских и имели широкое распространение. На некоторых подставках схематичными намеками изображались гирлянды, которыми было принято украшать жертвенных животных. Эти гирлянды, замечает Ж. Дешелетт, вырождались иногда в простые продольные нервюры, по-видимому, подобные профилировке на узких гранях рогатых подставок из Гавриловки. Некоторые из галльских подставок орнаментировались, подобно экземпляру, найденному в 1951 г. в Гавриловке, мелкими ямками, в которые, по предположению Ж. Дешелетта, вкладывались концы вертела (?). Общее типологическое сходство галльских подставок, особенно первой группы, с нижнеднепровскими — несомненно ¹⁰⁷.

Как известно, в IV—III вв. до н. э. среди кельтских племен Средней Европы происходили крупные передвижения. Часть этих племен достигла по Дунаю Балканского полуострова и проникла в Малую Азию. Кельтская культура оказала громадное влияние на культуру Дакии ¹⁰⁸. Не удивительно поэтому, что на гетских поселениях последних веков до нашей эры — в Пояне и Пискуль-Красани были найдены части таких же подставок и головки барана от них ¹⁰⁹.

Вероятно, через посредство гето-фракийских племен обычай употребления рогатых подставок с головками барана, посвященного божествам домашнего очага, распространился и на нижнеднепровские городища, где он нашел живой отклик у потомков скифов, искони почитавших богиню домашнего очага Табиты.

¹⁰⁴ J. Déchélette. Le béliet, consacré..., стр. 245.

¹⁰⁷ J. Déchélette. Manuel d'archéologie..., v. IV. табл. XII, 7; рис. 625, 1—3.

¹⁰⁸ V. Pârvan. Ук. соч., стр. 775.

¹⁰⁹ R. et E. Vulpe. Ук. соч., стр. 317; рис. 97, 1, 3; стр. 318, рис. 99, 3; стр. 321, рис. 102, 11, 12; стр. 350, рис. 129, 6.

¹⁰⁴ J. Déchélette. Le béliet, consacré aux divinités domestiques sur les chenets gaulois. «Revue archéologique», 3-me série, t. XXXIII, juillet—août, Paris, 1898.

¹⁰⁵ J. Déchélette. Manuel d'archéologie..., v. IV, ch. XI, § 1.

Еще до революции в Херсонский музей поступила фрагментированная скульптура из известняка, изображавшая всадника на коне. Изображение опубликовано В. И. Гошкевичем¹¹⁰. Скульптура была найдена архитектором К. Г. Лиоте близ дер. Гавриловка в куче камней, извлеченных, по-видимому, из кургана в урочище Сто Могил. Не исключена возможность, что изображение является надгробной статуей, стоявшей на кургане.

Как явствует из публикации, изображение сильно пострадало. У коня нет головы, ног и хвоста; от фигуры всадника сохранился только бесформенный обломок. Все же уцелевший фрагмент статуи дает представление о том, что она была исполнена в сильно схематизированном и упрощенном стиле.

В. И. Гошкевич сводит указанное изображение в один круг с двумя подобными же статуями: одна, найденная в Бехтерах Днепровского уезда бывшей Херсонской губернии, поступила в тот же музей от Г. А. Овсяннико-Куликовского и в настоящее время не сохранилась; другая, из Бердянского уезда бывшей Таврической губернии, была передана Д. Я. Самоквасовым в Исторический музей в Москве, где она сейчас находится в экспозиции. Последнее изображение сохранилось лучше — утрачены лишь ноги коня, голова и частично руки всадника. Для стиля изображения характерны схематизм, угловатость, плоскостность, наивность выполнения, несоразмерность пропорций и анатомические погрешности (слишком короткие ноги) — все черты, свойственные искусству местных племен Северного Причерноморья и, в частности, поздних скифов¹¹¹. По-видимому, в тот же ряд скульптурных изображений нужно поставить рельеф со всадником из Козырки¹¹² и некоторые стелы Симферопольского музея.

Если, действительно, гавриловский всадник был поставлен на вершине кургана, это дает возможность говорить о надгробном характере статуй и рельефов со всадниками у поздних скифов. В этой связи вспоминается

сцена со всадником, написанная на стене склепа № 9 в Неаполе скифском¹¹³, вероятно, не случайно. Не стоит ли это в связи с темой всадника на надгробных рельефах Боспора и Фракии, откуда она могла перейти и к поздним скифам? Во всяком случае, это еще одна своеобразная черта, отличающая искусство поздних скифов от их предков.

* * *

Не очень многочисленные вещественные остатки хозяйственного быта и занятий жителей Гавриловского городища еще более ярко подтверждают те наблюдения, которые были сделаны в отношении позднего поселения на Знаменском городище. Ни об одном из производств нельзя говорить, что оно приняло форму ремесла и обслуживало широкий круг клиентуры. Все производства носили по преимуществу домашний характер, на них лежит печать известной примитивности.

Средства к пропитанию давали земледелие, разведение домашнего скота, рыболовство, и, как свидетельствуют фрагменты греческой керамики, громадную роль должна была играть торговля с Ольвией. Продукты запасались и хранились в специальных хозяйственных помещениях. Известная часть населения, — вероятно, аристократическая, — занималась охотой.

Выделялись какие-то более крупные хозяйства, из нескольких объединенных вместе домов, с общим большим двором или, может быть, загонном для скота. Появились усовершенствованные сельскохозяйственные орудия — круглый жернов, представлявший собой более прогрессивное орудие, так как он требовал меньшей затраты сил на его вращение.

Воинский быт в находках на городище почти совсем не представлен. В области культа отмечены новые явления (рогатые очажные подставки, надгробные статуи всадников), появившиеся, вероятно, под культурным влиянием гето-фракийских или кельтских племен, но в общем относившиеся лишь к деталям исконных скифских культовых форм (культ божества домашнего очага, надгробные изображения).

¹¹⁰ «Херсонский городской музей древностей», вып. 2. Летопись музея за 1909—1911 гг., X., 1912, стр. 14, рис. 81.

¹¹¹ М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 324.

¹¹² ОАК за 1909—1910 гг., стр. 100, 101, рис. 145, 146.

¹¹³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя скифского рис. 7, а,

Глава III

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАМЕНСКОГО И ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩ И ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИХ НАСЕЛЕНИЯ

Изучение обоих исследуемых городищ еще не может считаться завершенным. На основании накопленного материала можно сделать некоторые предварительные наблюдения общего характера по вопросам, интересным для всей группы нижнеднепровских городищ: о времени и причинах возникновения и гибели изучаемых городищ, о социально-экономическом строе, этническом составе и культурных связях их жителей и о месте этих городищ в исторических событиях, развернувшихся в Северном Причерноморье в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры.

1. ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ГИБЕЛИ ЗНАМЕНСКОГО И ГАВРИЛОВСКОГО ГОРОДИЩ

Территория, на которой возникли оба городища, была заселена еще в эпоху бронзы. Основное погребение в кургане № 1 близ Гавриловского городища относится к ямной культуре. Отдельные фрагменты керамики и кремневые наконечники стрел из культурного слоя городищ можно связывать с катакомбной культурой. Более полно представлены: поздний этап срубной культуры (селище на Белозерском лимане в ближайшем соседстве Знаменского городища) и непосредственно предскифское время IX—VIII вв. до н. э. (несколько погребений в кургане № 1 близ Гавриловского городища и на акрополе последнего, а также большая часть находок керамики эпохи бронзы в береговой полосе городища). В раннескифское время поселения на территории или в ближайшем районе изучаемых нами городищ, по-видимому, перестали существовать и лишь в IV—III вв. до н. э. на них снова появилось население, следы жизни которого хорошо засвидетельствованы обломками греческой керамики этого времени и лепных сосудов скифского «кучугурского» типа. Видимо, в VII—V вв. здесь поселений не было. Показателен факт отсутствия греческих амфор VI—V вв. до н. э., столь характерных для торговой экспансии Ольвии, имев-

шей в то время оживленные торговые связи с ближними и дальними районами Северного Причерноморья.

Такая картина в основном типична для всей северной части Нижнего Приднепровья — от Никополя до Берислава. В предскифское время эта территория была довольно густо заселена, как это все больше выявляют исследования последних лет (могильники в Золотой Балке, близ Михайловки и овчарни совхоза «Приднепровского», поселения близ Нижнего Рогачика, Бабина, Змеевки и пр.). В дальнейшем же основная масса поселений прослеживается уже только с IV—III вв. до н. э. Пока что лишь на одном из поселений близ Нижнего Рогачика, открытых Д. Т. Березовцем в 1951 г., Б. Н. Граков усматривает непрерывную жизнь с VII в. до н. э. и по время Каменских кучугур¹. В целом же нижнерогачицкие поселения, по-видимому, существовали с конца II тысячелетия до н. э. до первой половины VI в. до н. э., а затем жизнь на них прервалась вплоть до эллинистической эпохи². Таким образом, если оседлое земледельческое население и существовало в северной части Нижнего Приднепровья в раннескифскую эпоху, то оно было чрезвычайно редким.

И. В. Яценко связывает указанный перерыв в существовании поселений степного Приднепровья с переходом оседлого населения к кочевому образу жизни³. Возможно, что в IV—III вв. до н. э. произошел обратный процесс оседания кочевого населения на землю. Однако к моменту укрепления обоих изучаемых нами городищ каменными стенами, имевшему место в позднеэллинистическое время, население в них было уже давно оседлым.

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 165.

² И. В. Яценко. Скифские памятники степного Приднепровья и Приазовья VII—V вв. до н. э. Рукопись диссертации. М., 1954. Архив ИИМК, д. № 1297, стр. 63, 64, 70. См. также автореферат диссертации — М., 1955, стр. 5.

³ И. В. Яценко. Автореферат диссертации, стр. 9.

Во второй половине V в. до н. э. на левом берегу Днепра возникло Каменское городище как единый центр степной Скифии⁴ и одновременно с ним — Знаменское как его акрополь, окруженный земляным валом, и, по-видимому, резиденция правящей верхушки. От раннего периода жизни Знаменского городища почти ничего не осталось, но все же достаточно для того, чтобы можно было говорить о сосредоточении в нем аристократии Каменского городища, употреблявшей в быту дорогую греческую чернолаковую и расписную керамику. Быт война-всадника IV—III вв. до н. э. нашел отражение в ряде вещественных остатков из культурного слоя Знаменского городища и ранних погребений Знаменского могильника (наконечники стрел, псалий, кольца от уздечки, наконечник ремня, оселки с отверстием для подвешивания, ножи с костяными рукоятками).

В самом начале II в. до н. э. наиболее важная часть Каменского акрополя на берегу реки, площадью 2 га, была обведена дополнительными укреплениями в виде каменной стены и рва перед ней. Именно на этой территории были открыты Н. Г. Елагиной в 1954 г. остатки какого-то каменного сооружения из крупных блоков с применением подтесанных плит и профилированных деталей. Возможно, что это было здание дворцового характера. Ведь мы вправе ожидать, что именно здесь, на акрополе Каменского городища существовал царский дворец. Если в V в. до н. э. царь Скил, глава кочевого племени «царских» скифов, построил себе, за отсутствием собственной столицы, в Ольвии «обширный и богатый дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифоны»⁵, то тем более было бы естественно желание позднейших скифских царей иметь богатый дворец в своей собственной резиденции. По стратиграфическим данным, сооружение данного здания на акрополе должно быть отнесено к началу II в. до н. э.; или в это время центр объединенной Скифии еще не успел переместиться в Крым, или здесь, наряду с возвышением Неаполя, продолжал оставаться местный правитель.

В это же время территория малого акрополя как наиболее важной части города была обведена дополнительными укреплениями

в виде каменной стены и рва перед ней. Это строительство должно быть тесно связано с внешнеполитической обстановкой того времени. Ко II в. до н. э. усилился натиск сармат, которые появились на берегах Днепра и близ Крыма. Об опустошительном характере их нашествия красочно повествует Диодор⁶. На грани III и II вв. до н. э. сарматы были самым страшным врагом, который угрожал Каменскому городищу, и укрепления малого акрополя, несомненно, были связаны с его приближением. На эту же эпоху приходится возвышение скифского царства в Крыму и запустение поселка на Каменских кучугурах. Каменское городище перестало существовать как центр Скифии, но во II в. до н. э. на акрополе еще жила скифская знать, поддерживавшая связи с Крымом, как показывает погребение на земляном валу: черты обряда и инвентарь этого погребения имеют близкое сходство с аристократическими погребениями в мавзолее Неаполя скифского. Однако все поселение на акрополе не было сокращено до территории малого акрополя, так как во II—I вв. до н. э. заселенная часть большого акрополя доходила, — по крайней мере, в южной части, — почти до земляного вала.

Во II—I вв. до н. э. Знаменское городище жило полной жизнью: на нем шло интенсивное строительство, в том числе каменное, культурный слой насыщен находками. В то же время весь облик культуры этого поселения значительно изменился по сравнению с бытом скифов в IV—III вв. до н. э., отраженным в курганных погребениях этого времени, в нижнем слое Знаменского городища и в раскопках поселения на Каменских кучугурах. На бывшем Каменском акрополе с конца II в. до н. э. развивалась культура, однотипная культуре прочих «малых» городищ нижнего Днепра, с теми же формами домостроительства и керамики и тем же укладом жизни.

На рубеже нашей эры началось уже постепенное запустение города. Развалины прежних зданий забросаны позднейшими зольниками, улицы и дворы эллинистического времени прорезаны хозяйственными ямами. В это же время произошло разрушение стены малого акрополя, возможно, тоже

⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 172.

⁵ Геродот, IV, 79.

⁶ Диодор Сицилийский. Библиотека. II, 43. 7.

сарматами, и после этого город в целом, по-видимому, уже перестал существовать. I—II вв. н. э. в находках представлены очень мало, главным образом немногочисленными обломками светлоглиняных амфор с профилированными ручками, найденными большей частью в районе стены малого акрополя. Отчетливые следы жизни в III—IV вв. н. э. замечены на некоторых участках в юго-западной части городища, где прослежены строительные и культурные остатки населения этого времени. Стратиграфически этот слой не выделен — он растворен в нарушенном и перекопанном верхнем слое скифского времени, но существование его подтверждается вещевыми находками; наличие их под развалом каменного сооружения эллинистического времени на малом акрополе Н. Г. Елагина справедливо связывает с разрушением этого здания населением, употреблявшим керамику черняховского типа.

На других участках слой скифского времени непосредственно перекрывается культурным слоем татарского времени со строительными остатками XIV в. По-видимому, в продолжение промежуточных десяти веков городище представляло собой заброшенный пустырь, где никто не селился. Только позднекочевнические племена посещали его, возможно, останавливались здесь на зиму, иногда в культурном слое городища хоронили своих умерших (погребения на раскопе X).

Для датировки укреплений Гавриловского городища мы располагаем, к сожалению, менее надежным материалом (см. выше, стр. 179, 181).

Укрепление акрополя Гавриловского городища каменной стеной и рвом произошло чуть ли не на век позднее, чем Каменского малого акрополя, и было вызвано, видимо, другой военно-политической обстановкой. Если Каменское городище уже на грани III и II вв. до н. э. было поставлено в необходимость принимать меры обороны против сармат, являвшихся самым страшным врагом в то время на Левобережье, то на Правобережье, судя по имеющимся данным, основная масса сарматских племен переправилась лишь в I в. н. э.⁷ Беспокойная военная обстановка, создававшаяся на Правобе-

режье в эллинистическое время, была, скорее, связана с постоянными передвижениями и набегами различных племен с запада. О тяжелом положении Ольвии в III в. до н. э., над которой нависла угроза нашествия галатов и скиров, повествует декрет в честь Протогена, причем перед этим врагом испытывали страх не только ольвиополиты, но и окрестные скифы, спешившие укрыться под защиту ольвийских стен. Об этом эпизоде мы узнаем по случайно сохранившемуся эпиграфическому памятнику. Но сколько таких набегов, не зафиксированных в доступных нам для изучения материалах, должны были отражать защитники Ольвии! Подчинение Ольвии в той или иной форме скифскому царю Скилуру исследователи единодушно связывают с безвыходным положением этого города, который не мог справиться собственными силами с непрерывными волнами разнотемных завоевателей.

Показателен тот факт, что, согласно исследованиям М. С. Синицына и А. Л. Есипенко, Петуховское городище по ту сторону Ольвии на Днепро-Бугском лимане было укреплено в то же время, что и Гавриловка, — на рубеже II—I вв. до н. э.⁸ По-видимому, к последним векам до нашей эры относятся сооружение рвов и валов вокруг поселений Бугского лимана⁹, может быть, в связи с тем, что как раз на рубеже II и I вв. до н. э. происходили войны Митридата, всколыхнувшие все Северное Причерноморье от Боспора до Дуная. В Ольвии Митридат разместил свой гарнизон, а полководец Митридата Неоптолем построил оборонительные сооружения в устье Днестра¹⁰. Возможно, что близость военных событий заставила и местные поселения принять более серьезные меры для своей обороны не только в окрестностях Ольвии, но и выше по Днепру. Таким образом, скорее всего напряженная военная обстановка в междуречье Днепра и Дуная заставила построить на Гавриловском городище мощное

⁸ А. Л. Есипенко. Петуховская оборонительная система. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 25; М. С. Синицын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, 1952, № 2, стр. 245.

⁹ Ф. М. Штителмаи. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Автореферат канд. диссертации. М., 1952, стр. 9.

¹⁰ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 295.

⁷ М. И. Вязьмитица. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 242.

кольцо укреплений, хотя опустошительная деятельность сармат на левом берегу должна была тоже служить грозным предостережением.

По-видимому, несколько позднее, как показывает скудный материал I в. до н. э. — I в. н. э., Гавриловское городище было дополнительно укреплено второй каменной стеной. Это укрепление было связано, может быть, с нашествием гетского царя Буребисты, закончившимся, как известно, жестоким разгромом Ольвии. Возможно, что поток гетов докатился и до Днестра; по крайней мере, разрушение стены акрополя Гавриловского городища произошло как будто именно в это время, так же как и пожар, уничтоживший здания внутри акрополя. Однако город продолжал интенсивно существовать еще в I — II вв. н. э. Во II в. н. э. жизнь на нем, видимо, уже угасала. Тогда же, вероятно, начала разрушаться стена акрополя, может быть, в связи с набегом сармат; они к этому времени уже переправились на правый берег Днестра¹¹ и, судя по красочному описанию Овидия, жившего на крайнем западе Северного Причерноморья, непрерывно тревожили мирные поселения¹².

На некоторых раскопах Гавриловского городища наблюдаются следы жизни населения, употреблявшего керамику черняховского типа и амфоры III в. н. э., однако выделить культурный слой или стратиграфический комплекс, связанный с этим временем, нам пока не удалось. В III в. н. э., по-видимому, поселение окончательно погибло, так как от более позднего времени встречаются лишь незначительные обломки средневековой керамики и турецких курительных трубок XVIII в. Прямо или косвенно, окончательное запустение Гавриловского, как и Знаменского городищ, нужно, видимо, связывать с деятельностью готов, которые, проникнув на рубеже II и III вв. н. э. в Северное Причерноморье, в 30-х годах III в. н. э. захватили и разорили Ольвию, прервав ее связи с местным населением северо-западной части Северного Причерноморья¹³.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

В IV—III вв. до н. э. Каменское городище было единым мощным центром, объединявшим степную Скифию и снабжавшим степь продукцией металлургического производства. С перемещением центра Скифии в Крым усилилось значение небольших поселений на нижнем Днепре, являвшихся, по всей вероятности, центрами отдельных мелких племен. Политически все эти города, по-видимому, входили в состав Малой Скифии, о которой говорит Страбон, и были подчинены Крымскому царству; но при отдаленности центральной власти узы, связывавшие эти два района Малой Скифии, были, вероятно, не слишком крепки, и нижнеднепровские города должны были жить в значительной степени самостоятельной жизнью¹⁴. По-видимому, в начале изучаемого времени, т. е. в позднеллинистический период, эта связь с Крымом было более крепкой; в первые века нашей эры, под влиянием напряженной военной обстановки в степях, она могла уже и нарушиться.

О тесной связи в области материальной культуры со скифским Крымом в позднеллинистическое время свидетельствуют единство системы оборонительных сооружений (кладка из необработанных камней, панцирная система, увеличение мощности стены посредством наращивания дополнительных поясов) и сходство погребальных обычаев аристократии (захоронения у городских стен, наложение золотых наглазников, фигура конного всадника в изображениях, связанных с заупокойным культом). Однако оборонительная стена в Неаполе отличается большей мощностью и внушительностью, так же как и погребальные сооружения.

На материале керамики можно проследить общее сходство форм и самостоятельное развитие в деталях. В Крыму мы находим те же скифские горшки, но ямочный орнамент встречается очень редко, и то только в раннее время. В лощеной лепной керамике мы наблюдаем, с одной стороны, сходные формы — горшки с выступами, широкогорлые

¹¹ Страбон (VII, 3, 17) знает сарматское племя язвыгов в междуречье Днестра и Дуная.

¹² Овидий. Скорбные эллегии, *passim*.

¹³ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 65.

¹⁴ К этому же выводу пришла в своей диссертации Н. Г. Елагина (Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э. М., 1953, стр. 13). Автор связывает эту самостоятельность с территориальной разобщенностью Крыма и Нижнего Приднепровья, которую я, однако, не могу считать доказанной.

горшки-миски с ручкой, приподнятой над краем, кувшины латенских форм; другие же излюбленные на Днепре типы керамики в Крыму не находили распространения, — например лощеные остросереберные миски, — а корчаги с рельефным орнаментом и конические миски на полых ножках встречаются единицами. Широко распространенные на нижнем Днепре рогатые кирпичи с головками барана известны также и в Крыму, но имеют там, как правило, более крупные размеры.

По сравнению с Неаполем городища на нижнем Днепре отличаются более провинциальным характером. По существу ни Знаменское, ни Гавриловское городища не могут быть названы городами в собственном смысле этого слова, поскольку в них, как было показано выше, отсутствовало развитое ремесло, обслуживавшее рынок, хотя можно отметить начинавшуюся специализацию производственной деятельности населения. Правильнее считать их укрепленными поселениями, жители которых занимались земледелием, скотоводством и рыболовством (отчасти охотой, — в основном привилегированная часть населения) и сбывали свое сельскохозяйственное сырье — зерно, скот, кожи, рыбу и пр. в Ольвию в обмен на греческие товары — вино, гончарную керамику, предметы украшения. Поселения стали укрепленными, когда этого потребовала внешнеполитическая обстановка.

В обществе, населявшем городища, происходил, по-видимому, дальнейший процесс классообразования со значительной социально-имущественной дифференциацией. Уменьшение находок стрел в культурном слое, начиная со II в. до н. э., может быть, означает то, что вооруженным являлся уже не весь народ, и что оружие было в руках немногих. Знать жила в центральной, лучше укрепленной части городища и, видимо, богатели за счет торговли с Ольвией, оставляя в своих руках лучшую часть импорта. Здания общественно-хозяйственного характера во внешней части Гавриловского городища близ второй оборонительной стены, возможно, служили для заготовки и хранения продуктов, являвшихся основными предметами обмена.

Торговля с греками носила, видимо, характер натурального обмена. На Каменском городище встречены или греческие монеты

IV—III вв. до н. э., или уже римские и боспорские — II—III вв. н. э.¹⁵ К периоду существования позднеакропольского поселения не относится ни одна найденная до сих пор монета. Совсем не обнаружено монет и на Гавриловском городище, так же как и на других «малых» городищах, за исключением серебряной монеты императора Траяна на Любимовском городище, происходящей из последних раскопок Л. Д. Дмитрова¹⁶. Принимая во внимание примитивный характер торговли, трудно предположить, что она велась частными предпринимателями — купцами. По всей вероятности, торговля находилась в руках общины в целом или, вернее, ее правящей верхушки. Полученные товары, вероятно, распределялись между населением городища, причем львиная доля и притом самых высококачественных товаров, шла в пользу знати.

Как показывает главным образом керамический материал, греческий импорт на городища был очень значителен. Часть этого импорта шла из собственно Греции транзитом через города Северного Причерноморья (фасосские, гераклеийские, родосские, книдские, синопские и другие амфоры, синопская черепица, аттическая, делосская, пергамская и прочая малоазийская керамика, средиземноморское стекло и бусы); другая часть импорта была местного, северночерноморского происхождения (боспорские и херсонесские амфоры, херсонесская черепица, ольвийская керамика и пр.).

Наиболее существенным выводом из изучения керамической тары на Знаменском и Гавриловском городищах являются однородность импорта амфор в ранний период существования обоих городищ (IV—III вв. до н. э.) и определенное различие в ассортименте амфор во II в. до н. э. — I в. н. э.: в верхних слоях Знаменского городища, относящихся к этому времени, преобладают собственно косские и позднесинопские амфоры и близкие к последним, на Гавриловке же — амфоры псевдокосские (светлоглиняные с желудеобразными ножками и двустольными ручками) и красноглиняные амфоры с короткой округлой ножкой. Собственно косских и позднесинопских амфор на Гаври-

¹⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 146.

¹⁶ Л. Д. Дмитров. Раскопки Любимовского городища. КСИИ, вып. 4, 1955, стр. 68.

ловском городище отмечено крайне мало. В то же время на Каменском акрополе почти совсем нет светлоглиняных амфор с двухствольными ручками.

В какой-то мере это различие можно объяснить как хронологическое, поскольку основной культурный слой Гавриловского городища (I в. до н. э.—I в. н. э.) относится к более позднему времени, чем основной культурный слой на Каменском акрополе (II—I вв. до н. э.). Однако для какого-то периода в I в. до н. э. и на рубеже нашей эры можно говорить об одновременном существовании обоих городищ; кроме того, и на том, и на другом городище найдено некоторое количество профилированных ручек, светлоглиняных и красноглиняных амфор, датирующихся I—II вв. н. э. Поэтому дело здесь не только в хронологическом различии, но, по-видимому, и в различии торговых связей, осуществлявшихся обоими городами через разные торговые каналы.

Встает вопрос о том, не могло ли Каменское городище, расположенное на левом берегу Днепра, иметь более тесные связи с Боспором, чем с Ольвией. Широкая торговая экспансия Боспора вплоть до Средней Азии общеизвестна¹⁷. Изделия боспорской торевтики шли и к скифам степного Приднепровья, и к лесостепным племенам Подонья. Если в VI—V вв. до н. э. главным поставщиком греческих товаров скифам была Ольвия, то в IV—III вв. ее вытеснил Боспор¹⁸.

Опубликованный Б. Н. Граковым список пантикапейских монет, найденных на Каменском городище, превышает число обнаруженных там же монет Ольвии и Херсонеса¹⁹, а представленная в культурном слое Каменского городища группа амфор, которую И. Б. Зест считает боспорской по происхождению, как будто говорит о прямом импорте с Боспора в глубинную Скифию.

Однако преобладающая роль Боспора в торговых сношениях Каменского городища все же кажется невероятной. Наиболее есте-

ственный и удобный путь для доставки на Каменское городище товаров,— особенно таких громоздких, как амфоры с вином,— был, конечно, водный путь по Днепру; в этом смысле преимущества Ольвии, стоявшей при впадении Днепра в море, были неоспоримы. Даже в труднейшее для Ольвии время постоянной военной опасности, начиная с III в. до н. э., когда ей приходилось со страшным напряжением отбиваться от врагов и когда благосостояние города было сильно подорвано,— все же, несмотря на его общее обнищание, выделялись такие экономически мощные личности, как Протоген, не раз выручавший город из тяжелых материальных затруднений, и другие лица, упоминавшиеся в почетных декретах первых веков нашей эры. Экономическое благосостояние этих лиц могло создаться только на почве удачных торговых дел. По-видимому, никакие тяжелые военные события не могли надолго прерывать торговую деятельность ольвийских купцов.

Представление о преобладающей роли Боспора в скифских степях в IV—III вв. до н. э. основывается преимущественно на факте находок в скифских курганах изделий торевтики и монет боспорского происхождения. Такая портативная продукция, как ювелирные изделия, могла, действительно, идти из Боспора непосредственно в левобережную Скифию, вероятно, через Азовское море и дальше, может быть, по р. Молочной или по караванным путям. Однако об импорте таким же путем тяжелых амфор с вином или маслом и сколько-нибудь значительного количества гончарной керамики думать не приходится. Морской же путь вокруг Крыма и через Ольвию был слишком длителен и дорог, и эта торговля вряд ли могла занимать значительное место в общей экономике Боспора. Найденные на Каменском городище боспорские монеты также не означают еще налаженных торговых связей, а являются, скорее всего, случайным завозом, как, впрочем, и ольвийские монеты. Таким образом, основной импорт греческих товаров,— и заморских, и местных,— должен был идти через Ольвию, и она же являлась основным экспортером сельскохозяйственной продукции исследованных нами городищ.

Но ольвийский полис в целом не имел монополии на внешнюю торговлю. Вели торговлю отдельные купцы, и могло быть, что одни купцы имели связи с Каменским горо-

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 90.

¹⁸ Б. Н. Граков. Имела ли Ольвия торговые сношения с Поволжьем и Приуральем в архаическую и классическую эпохи? «Археология», т. I, 1947, стр. 36 (на укр. яз.).

¹⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 146 и сл.

дищем, а другие — с Гавриловским. При этом вполне возможно, что торговыми посредниками выступали и сами скифы. Еще Геродот рассказывал о скифах, ходивших далеко на восток и ведших свои, очевидно, торговые дела с нескифскими племенами, с которыми приходилось изъясняться при помощи переводчиков²⁰. Почему не предположить, что и в позднескифское время уполномоченные по торговым делам городской общиной или правителем города, а может быть, и частные лица отправлялись сами в Ольвию и закупали там для своего города вино и разные другие товары? Недаром скифы были заинтересованы в восстановлении Ольвии, разоренной гетским нашествием²¹, ибо с разгромом Ольвии они лишились постоянного торговища. При этом представители разных городов могли иметь сношения с различными торговыми фирмами. Население Знаменского городища, по-видимому, по традиции предпочитало коское и синопское вино, жители Гавриловского охотнее покупали вино других центров или фабрик. Таким образом, различия амфорного импорта на оба городища, вернее всего, объясняются различными торговыми связями населения городищ, ведших самостоятельную торговую политику.

После гетского разгрома характер импорта на изучаемые нами городища из восстановленной Ольвии резко изменился. Ввоз малоазиатской краснолаковой керамики значительно сократился, зато в такой же пропорции возрос импорт местной сероглиняной лощеной керамики, сделанной на гончарном круге. Если до гетского разгрома Ольвия была форпостом эллинской культуры и проводником ее в быт окружающих «варварских» племен, то в культуре, восстановленной после разгрома Ольвии, в частности в керамическом производстве, усилились местные элементы²². В эту эпоху в культурном слое Ольвии увеличилось количество лепной керамики скифо-сарматских форм и гончарной сероглиняной посуды неантичных типов, сходных с керамикой так называемой культуры полей погребений, с лощеным или резным ор-

наментом, не свойственным грекам. Производство такой керамики засвидетельствовано в Ольвии гончарными печами²³. В конце I в. до н. э. и в I—II вв. н. э. эта сероглиняная посуда заменила на исследуемых городищах импорт греческой чернолаковой и краснолаковой керамики. Единичные образцы ее были, может быть, и не ольвийского производства, а являлись продукцией каких-то местных племен из междуречья Днестра и Днестра. Вопрос о сероглиняной керамике с лощением, черняховского типа и времени (III в. н. э.), которая тоже обнаружена на обоих городищах, остается пока открытым, но не исключается возможность, что какая-то часть ее (особенно — грубые сероглиняные сосуды без лощения, выполненные на примитивном гончарном круге) является продукцией не среднечереповских, а гораздо более близких южных центров — Ольвии и местных поселений в междуречье Ингульца, Буга и Днестра, где эта керамика хорошо засвидетельствована²⁴. Во всяком случае, эти центры находились гораздо ближе к нижнеднепровским городищам, чем лесостепное Среднее Приднепровье.

3. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ

Перенесение центра Скифии в Крым на рубеже III и II вв. до н. э. еще не означало физического переселения туда всей массы населения нижнеднепровских скифов. Обрисованная Страбоном в I в. н. э. Малая Скифия, до которой сократилась скифская держава после поражения Атея, включает в себя степную часть Крыма и Нижнее Приднепровье²⁵. В другом месте Страбон помещает скифов вместе с сарматами выше Меотиды, т. е. к востоку от Днестра²⁶. Тот же автор знает скифов и к западу от Днестра, где они порой в союзе с бастарнами и сарматами нападали на фракийские племена, заставляя их

²³ Р. И. Ветштейн. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Автореферат диссертации. Киев, 1953, стр. 5—7.

²⁴ Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИИ, вып. 3, 1954, стр. 52.

²⁵ Страбон, VII, 4, 5: «Вся эта страна, а также, пожалуй, и [область] за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией».

²⁶ Страбон, II, 5, 7.

²⁰ Геродот, IV, 24.

²¹ Дион Хрисостом, XXXVI.

²² Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1951, стр. 391.

она определила характер их культуры. В конце концов, влияние эллинской культуры на изучаемые нами городища было очень относительно; оно выражалось главным образом в употреблении греческого вина всеми слоями населения и в использовании греческой тонкостенной керамики, преимущественно знатью.

В ранний период жизни обоих городищ влияние Ольвии могло сказаться на строительстве оборонительных и парадных сооружений. Так, возведение сырцовых стен на земляном валу Каменского акрополя было, по-видимому, копированием строительных приемов Ольвии, поскольку сырец был излюбленным материалом ольвиополитов и сырцовые кладки — характерная черта ольвийского строительства³⁶. Возможно, греческие мастера были привлечены к сооружению большого каменного здания из подтесанных квадров на территории малого акрополя, но, к сожалению, плохое состояние остатков этого здания не дает возможности понять его архитектуру и планировку.

Прямоугольные очертания рядовых каменных зданий и многокамерность некоторых из них находят близкие аналогии в планировке зданий в местных поселениях раннескифского времени близ Ольвии (Закисова Балка, Дидова Хата)³⁷. Характер двурядной кладки стен из необработанных камней с заполнением середины щебенкой, применение в основании стен плоских плит, поставленных на ребро, употребление закругленных камней на углах — все это местная традиция, восходящая через домостроительство раннескифских земледельческих поселений к традициям домостроительства еще эпохи бронзы³⁸.

³⁶ Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955.

³⁷ Вопреки Я. В. Доманскому, считающему в автореферате своей диссертации («Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э.», Л., 1955) поселение у Закисовой Балки и большинство других поселений V—IV вв. до н. э. в окрестностях Ольвии ольвийской хорой, мне кажется более убедительным мнение Ф. М. Штительман, доказавшей на основе подробного анализа этих поселений их принадлежность каллипидам. Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники..., стр. 10 сл.; ее же. Отчет о раскопках городища у маяка Дидова Хата в 1950 г. Архив ИА.

³⁸ А. В. Добровольский. Каменные сооружения в Надпорожье. АП, т. II, 1949 (на укр. яз.); О. Г. Шапошникова. Раскопки второго Михайловского поселения. КСИА, вып. 4, 1955.

Столь характерное для Знаменского и Гавриловского городищ отклонение внутри зданий кладовых, закромов и других небольших хозяйственных помещений при помощи каменных загоронок квадратной, прямоугольной или дугообразной формы является также, несомненно, традицией «варварской», которая проникла и в греческие города, но именно в результате их «варваризации». В классическое время в Ольвии и Херсонесе для хозяйственных надобностей устраивали подвалы под комнатами, не нарушающие чистоты жилых помещений. На поселениях Бугского лимана загородки прослежены в зданиях IV—III вв. до н. э.³⁹; в Ольвии же, так же как в Тиритаке и Илурате, они известны лишь в домах I—III вв. или II—III вв. н. э.⁴⁰, т. е. в эпоху всеобщей «варваризации» быта греческих городов Северного Причерноморья. Узкий чулан в доме на Знаменском городище (раскоп Ia 1952 г.) можно генетически связать даже с деревянными столбовыми домами жителей Каменских кучугур, с их пристрастием ко всякого рода закуткам и закоулкам, в частности — с узким глухим чуланом жилища № 1 раскопа IX из раскопок Б. Н. Гракова⁴¹.

Несомненно, «варварским» является также отмеченный на исследованных нами городищах дом легкого типа на каменном цоколе в один ряд камней, стены которого были, скорее всего, сделаны из глины с уложенными в нее для прочности мелкими камнями, как это до сих пор можно наблюдать на современных поселениях Нижнего Приднепровья⁴².

Тип наземного здания без каменного цоколя со стенами на обмазанном глиной плетневом каркасе, прослеженный на раскопах I и II 1952 г. Гавриловского городища, был широко распространен с древних времен в Восточной Европе и Северном Причерноморье — от Дуная до Кубани и Дона; по-видимому, этот тип здания являлся общей традицией «варварских» земледельческих племен. Наконец, полуземлянки (раскоп I 1952 г. Гав-

³⁹ Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники..., стр. 66.

⁴⁰ Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 245.

⁴¹ Б. Н. Граков. Каменское городище..., рис. 23, стр. 217.

⁴² На это мне указал в личной беседе покойный А. В. Добровольский.

риловского городища и раскоп XVIII малого Каменского акрополя 1954 г.; последняя по-луземлянка, по-видимому, — черняховского времени) тоже, конечно, ничего общего с греческим домостроительством не имеют.

Наконец, типы очагов в домах Знаменского и Гавриловского городищ также характерны для «варварского» быта. Такие очаги, как прокаленные глинобитные площадки и ямы-очаги, были, видимо, генетически связаны с бытом Каменских кучугур. Очаг-жаровня был распространен также в Крыму, но обкладка его камнями в Крыму мне не известна.

Другие детали быта, если и находят соответствие в греческих городах, то именно в быту «варваризованного» или просто «варварского» населения. Так, например, гавриловский жертвенник над погребением младенца (см. рис. 39, 4) как-то перекликается с жертвенником с отрубленной головой из Илурата⁴³. Мотив поднятых вверх рук на лощеной корчаге (см. рис. 31, 8) может быть поставлен в связь с поднятыми вверх руками на рельефных бюстах антропоморфных стел Херсонеса⁴⁴.

Таким образом, эллинизация обоих изучаемых нами городищ очень относительна и прослеживается главным образом в аристократическом быту раннего поселения на Каменском акрополе.

Поскольку эти городища существовали в эпоху, именуемую сарматской, и были со всех сторон окружены сарматскими племенами, которые с I в. н. э. появились уже на правом берегу Днепра, уместно было бы ожидать и сильной сарматизации культуры скифских городищ, и прямого внедрения сарматского элемента в их население. Однако археологические данные этого не подтверждают; по крайней мере, на исследованных мной двух городищах почти ничего специфически сарматского в их быту не выявляется.

В лепном керамическом комплексе собственно сарматские формы как будто отсутствуют. Лепные миски на полых ножках и горшки с налепным орнаментом вряд ли идут от сармат, так как в собственно сарматских комплексах они встречаются в основном уже

в первые века нашей эры. Обломки ручек с заостренными верхушками, отдаленно напоминающие зооморфные ручки сарматских сосудов, по-видимому, имеют больше связи с рогатыми ручками, известными в гето-фракийской керамике; четырехгранные сосуды, скорее, генетически связаны с коническими мисками на полых ножках, происходящими с запада. Форма горшка с отвесными плечиками и раздутым туловом внизу (см. рис. 41, 3, 4) имеет аналогии в Танаисе, но пока известна лишь в комплексах II—III вв. н. э.; покуда там не исследованы более ранние слои, выводить данную форму горшков отсюда — преждевременно.

Из гончарной сероглиняной лощеной керамики можно связать с сарматами прослеженную по фрагментам форму круглобокого кувшина с приподнятым сливом (см. рис. 45, 6) и резной орнамент в виде концентрических кружков, соединенных пучками параллельных линий (см. рис. 47, 11). Однако эти кувшины, судя по светлой глине и светло-серому лощению найденных фрагментов, являются продукцией ольвийского производства, несмотря на то, что формы их иногда очень сарматизированы. Укажем, например, венчик кувшина с глазками по бокам слива; этот сосуд выполнен в духе сарматских зооморфных кувшинов (см. рис. 45, 6). Характерно, что такая форма связана со строительным горизонтом I в. н. э., когда керамическое производство Ольвии сильно «варваризовалось» под влиянием, в частности, и сарматских племен. На изучаемые же нами городища эти сарматизированные формы керамики доходили, видимо, главным образом через посредство Ольвии.

Один лишь фрагмент круглобокого сосуда из Гавриловки (1952 г.; см. рис. 47, 11) с черным тусклым лощением, не похожим на ольвийское, с описанным выше резным орнаментом может быть связан с чисто сарматским производством. Однако, во-первых, он единичен, а во-вторых, такой же орнамент имеется на гончарной желтолощеной кастрюльке с внутренним упором для крышки, несомненно, ольвийского производства, что лишний раз подчеркивает сарматизацию ольвийской керамики.

Конечно, общая сарматизация быта Северного Причерноморья как явление эпохальное не могла не коснуться жизни обоих исследованных нами городищ. Она сказалась

⁴³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 198.

⁴⁴ М. И. Максимова и М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 320.

в распространении стрел сарматского образца, костюма сарматского покроя, закрепленного фибулами, некоторых деталей погребального обряда (например следы погребального костра в разрушенной скифской катакомбе кургана № 1а). Сюда же относится, может быть, антропоморфная статуэтка из зольника на раскопе I Каменского некрополя. Этнический же сарматский элемент археологически прослеживается очень слабо.

Больше всего данных связывать с сарматами детское «диагональное» погребение, открытое Б. Н. Граковым в культурном слое с южной стороны малого Каменского некрополя (см. выше, стр. 128). Как известно, положение покойника по диагонали — характерная черта роксоланского обряда⁴⁵. Б. Н. Граков полагает, что яма была вырыта не специально для этого покойника, но лишь использована для него⁴⁶. Вероятно, роксоланы появились здесь уже после прекращения жизни на скифском городище. Может быть, позволительно связать с поздними сарматами 3 погребения без инвентаря, впущенные в культурный слой скифского времени на раскопе I (см. выше, стр. 129). Некоторые детали погребального обряда имеют сарматский характер — северная ориентировка (характерная для аланов), скрещенные ноги (погребение № 3), положение руки на тазе (погребение № 1). Однако положение покойного из погребения № 2 — на правом боку, со слегка подогнутыми ногами — не похоже на сарматское. Может быть, это были разноплеменные рабы, захороненные по разному обряду? Погребения совершены, во всяком случае, после I в. н. э., когда скифское городище уже перестало существовать.

В кургане № 1 близ Гавриловского городища одно из впускных погребений (№ 4) имеет черты сарматского погребального обряда (небольшой подбой в головах, левая рука покойника на тазе, юго-восточная ориентировка), но отсутствие инвентаря не позволяет уточнить это предположение. Более определенно можно связывать с поздними сарматами, и именно с аланами, погребение № 3 в том же кургане (узкая и длинная мо-

гильная яма, северная ориентировка, в головах — кости барана с железным ножом, монголоидные черты черепа, указывающие, может быть, на присутствие гуннского элемента). Однако погребений городищенского времени в этом кургане не оказалось, и данные погребения, особенно второе, вероятно, связаны с кочевыми сарматами, проходившими здесь уже после гибели городища. Для времени же расцвета городища присутствие сарматского этнического элемента среди их населения пока что археологически не ощущается.

Значительно теснее, — во всяком случае, судя по керамическому комплексу, — связь культуры обоих исследованных нами городищ с культурами севера и запада. Эта связь прослеживается по тем новым формам лепной керамики, не свойственной степной скифской керамике предыдущего времени, которые появились на обоих городищах в послекучугурское время; ближайшие аналогии этим формам можно найти, с одной стороны, в зарубинецкой культуре Среднего Приднепровья, с другой стороны, — в культуре племен Карпато-Дунайского бассейна, занимавших северную окраину фракийского мира (гето-дакийская культура современной Румынии, липицкая культура современной Западной Украины, родственные им культуры Семиградья и Молдавии). Именно с керамикой племен Карпато-Дунайского бассейна связываются такие формы простой, нелощеной керамики на исследованных нами городищах, как кружки или чашки гето-липицкого типа с длинными ручками, прикрепленными ко дну, сосуды с ручками-упорами, горшки с резко отогнутым краем и резным зигзагообразным орнаментом.

Другие формы, главным образом лощеной керамики, встречаются и в Среднем Приднепровье, и в карпато-дунайском мире, но в целом ряде случаев прослеживается большее сходство с керамикой последнего. Например горшки с коническими выступами и корчаги с рельефным орнаментом известны и там, и здесь и восходят к более древним местным типам; однако в Среднем Приднепровье они, по-видимому, распространены не так широко или орнаментированы не так разнообразно. Рельефный орнамент в Среднем Приднепровье сводится главным образом к подковкам, в то время как в гето-фракийской керамике встречаются и спиральный, и лучеобразный

⁴⁵ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 218.

⁴⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 203.

орнамент, а также резная спираль, встреченная на сосуде Козацкого городища⁴⁷.

Лощеные остросеребряные миски очень распространены и являются специфическим видом лощеной керамики в зарубинецкой культуре, но эта форма миски свойственна вообще латенской керамике Средней Европы и, в частности, карпато-дунайской керамике латенского времени. При этом, пожалуй, ближе всего нижнеднепровским мискам — по внешнему облику и характеру светлого лощения — молдавский вариант этих мисок из раскопок А. И. Мелюковой 1954 г. (Выхватинское городище). Вообще зарубинецкой лощеной керамике свойственно больше черное лощение, а для керамики с нижнего Днестра (Гавриловское городище), как и для Молдавии, очень характерно светлое лощение — сероватое, желтоватое, красноватое, что связано с режимом обжига. Аналогии остросеребряным мискам с небольшими выступами по краю в виде ушков и чашам на высоких прорезных подставках я знаю только в гето-фракийской керамике.

Четкие формы лощеных биконических кувшинов находят ближайшие аналогии опять-таки в карпато-дунайском мире. Столь характерные для керамики нижнеднепровских городищ конические миски на полых ножках (крышки?) встречаются и в Среднем Приднепровье, и в карпато-дунайской керамике, но факт нахождения этих же мисок на скифских городищах IV—III в. до н. э. на Бугском лимане⁴⁸ заставляет думать, что эта форма пришла на наши городища, скорее всего, с юго-запада. На бугских городищах можно также встретить фрагменты горшков с уступами на плечиках, чашек с загнутым краем⁴⁹ и прочих форм, которые во II—I вв. до н. э. отмечены на исследованных нами городищах. Рогатые кирпичи, как мы видели, вероятно, происходят также из латенского мира. Ближе всего к зарубинецким формам горшки с широким венчиком, высокими плечиками и короткой ручкой типа горшка из здания № 2 на раскопе II Гавриловского городища (см. рис. 32, 4).

⁴⁷ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днестра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 131, рис. 22.

⁴⁸ Ф. М. Штителъман. Городища, поселения и могильники..., автореферат канд. дисс., М., 1952.

⁴⁹ Ф. М. Штителъман. Отчет о раскопках городища у маяка Дидова Хата в 1950 г. Архив ИА

Возможно, что в позднескифскую эпоху у населения нижнеднепровских городищ и были какие-то связи со Средним Приднепровьем, но пути и способы этого проникновения не совсем ясны. Ведь мы имеем дело с лепной керамикой, которая в большинстве своем является не импортным товаром, а продуктом местного производства, и сделана такой же техникой обжига, из той же глины, с теми же примесями, как и простая лепная керамика с изучаемых нами городищ. Почему же вдруг на нижнеднепровских городищах стали производиться эти, порой довольно сложные, новые формы? Если импорт исключается, видимо, нужно говорить о непосредственном контакте с людьми, умевшими изготавливать эту керамику. Непосредственно территориального контакта с племенами зарубинецкой культуры у нижнеднепровского населения не было, так как их разделяло значительное пространство, включавшее современные Кировоградскую и Днепропетровскую области, в которых до сих пор никаких следов зарубинецкой культуры не найдено⁵⁰. Предположить передвижение на Днестр какой-то части зарубинецких племен затруднительно, так как мало вероятно, что они, передвигаясь на юг, не оставили по пути никаких следов своего пребывания.

Другая картина открывается на запад от Днестра. Через западную часть Северного Причерноморья издавна осуществлялись непрерывные связи скифов с фракийцами, то мирные, то враждебные. Когда Дарий, собравшись в поход против скифов, переправился на европейский берег фракийского Босфора, из всех фракийских племен одни лишь геты оказали ему сопротивление, но, рассказывает Геродот, они «были покорены персами и последовали за остальным войском»⁵¹. Не исключена возможность, что геты таким же образом приняли участие в походе Дария в Скифию. После поражения Атея в борьбе с Филиппом Македонским геты перешли на правый берег Дуная и заняли Восточную Дакию⁵², а Страбон знает их на пространстве между Дунаем и Тирой на Днестре, где была

⁵⁰ См. карту к статье Е. В. Махно «Раннеславянские памятники в Среднем Приднепровье». СА, XXIII, 1955, рис. 1.

⁵¹ Геродот, IV, 97.

⁵² В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. ЖМНП, январь — апрель, 1887, стр. 74.

гетская пустыня⁵³. В последние три века до нашей эры в Северное Причерноморье вторгались с запада разные племена, среди которых были кельты (галаты — в декрете Протогена), а в I в. до н. э. произошла гетская экспансия, закончившаяся захватом и разгромом Ольвии гетским царем Буребистой.

Именно в последние века до нашей эры в Северное Причерноморье проникали вещи латенского типа, например предметы латенского вооружения и конского убора с Южного Буга, опубликованные Л. Якуниной-Ивановой⁵⁴, латенское вооружение из погребения II мавзолея Неаполя скифского⁵⁵, латенские фибулы и украшения, одна часть которых, вероятно, проникла вместе с кельтами, другая — с гето-фракийскими племенами. В первые века нашей эры, по свидетельству историков, племена гето-фракийского происхождения жили уже по левую сторону Днестра. Плиний Младший, основывающийся на карте Агриппы, знает тирагетов в устье Тиры (Днестра) и кробигов за р. Асиаком⁵⁶, которую Помпоний Мела локализует между Тирой и Гипанисом (Бугом)⁵⁷. В комментариях к Плинию (приложения к «Вестнику древней истории») Асиак отождествляется с Тилигулом, а кробиги — с гетским племенем кробизов⁵⁸. Птолемей, опирающийся на труд своего предшественника Марина Тирского, упоминает между Днестром и Днестром карпов, которые в нашей новейшей исторической литературе считаются «фракийцами, родственными дакам и гетам»⁵⁹.

Скифские племена, жившие к западу от Днепра, — потомки геродотовских алазонов и каллипидов, должны были непосредственно соприкасаться с кельтскими и гето-фракийскими племенами, проникавшими сюда в результате военных походов или оседавших в ближайшем соседстве со скифскими племена-

ми. По-видимому, в степном междуречье Днепра и Днестра наблюдалась большая этническая пестрота, а может быть, даже и известная культурная смешанность, естественная для пограничных районов. Страбон прямо говорит: «Эллины считали гетов фракийским народом; они жили по обеим сторонам Истра, равно и мисийцы, тоже народ фракийского происхождения...». Гомер «соединил с мисийцами доителей кобылиц, млекоедов и абиев, которые суть не иной кто, как живущие в кибитках скифы и сарматы. Ведь и ныне эти народы (т. е. скифы и сарматы — Н. П.) и племена бастарнов живут смешанно с фракийцами, главным образом, по ту (т. е. левую — Н. П.) сторону Истра, но отчасти и по сю сторону»⁶⁰. О смешении кельтов со скифами говорит Плутарх: «Кельтика... соприкасается о понтийской Скифией и... там произошло смешение народов... Поэтому-то, независимо от многих частных названий, они называли свои полчища общим именем кельто-скифов»⁶¹.

При всем критическом отношении к источникам, которое вызывается прежде всего высказыванием самого Страбона⁶², нельзя не учитывать, что племена западной скифской окраины должны были, действительно, иметь непосредственный контакт с племенами кельтского и гето-фракийского происхождения, являвшимися носителями латенской культуры в ее карпато-дунайском варианте, и что в этой пограничной зоне должно было существовать взаимное культурное проникновение. К сожалению, территория западных скифских племен очень слабо изучена археологически, поэтому сейчас можно только поставить вопрос о западных путях проникновения на нижний Днепр новых форм керамики, придавших позднескифской культуре своеобразный колорит. Необходимо также лучше исследовать вопрос о возможностях контакта с зарубинецкой культурой.

⁵³ Страбон. География, VII, 3, 14.

⁵⁴ L. Iakounina-Ivanova. Une trouvaille de l'âge de la Tène dans la Russie méridionale. ESA, I; см. также И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР, вып. 1, Киев, 1951, стр. 90, рис. 27—29.

⁵⁵ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, табл. VII и XIII.

⁵⁶ Плиний Младший, IV, 82.

⁵⁷ Помпоний Мела, II, 7.

⁵⁸ ВДИ, 1949, № 2, стр. 228.

⁵⁹ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954, стр. 8.

⁶⁰ Страбон. География, VII, 2.

⁶¹ Плутарх. Жизнеописание Марна, XI.

⁶² «Подобно тому, как известные [народы] северных стран назывались одним именем скифов или номадов, [как называет их] Гомер, а впоследствии, когда сделались известными и западные страны, [их обитатели] назывались кельтами и иберами или смешанно кельтиберами и кельтоскифами, ибо вследствие неведения [отдельные] народы в каждой [стране] подводились под одно общее имя — так, все южные страны у Океана назывались Эфиопией» (Страбон. География, I, 2, 27).

При всем разнообразии новых форм керамики основной фон керамического комплекса нижнеднепровских городищ составляет все же скифский горшок. Характер домостроительства, как мы видели, связывается с традициями скифских земледельческих племен. В погребальном обряде также господствует скифская традиция, и если можно говорить о появлении еще какого-то этнического элемента в могильниках других нижнеднепровских городищ (Золотая Балка, Козацкий некрополь), то, во всяком случае, — не фракийского и не зарубинецкого, так как трупосожжение, свойственное этим племенам, здесь отсутствует.

Таким образом, население нижнеднепровских городищ позднескифского времени, — хотя бы только тех двух, которые были мной исследованы, — мне представляется в основе своей скифским. Сарматизация коснулась их только самым общим образом; внедрение сарматского этнического элемента на Знаменском и Гавриловском городищах пока не прослеживается, по крайней мере, во время расцвета жизни на этих городищах. Связи с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья, может быть, и были, но культурное влияние со стороны племен Карпато-Дунайского бассейна мне представляется более сильным. На основе сочетания его с традициями степной скифской культуры предыдущего времени в эпоху страбоновой Малой Скифии на торгово-земледельческих поселениях Нижнего Приднепровья создалась своеобразная позднескифская культура, существовавшая с рубежа III и II вв. до н. э. до начала III в. н. э. Археологически изучение этой культуры только началось. Для того, чтобы ее правильно понять, необходимо, наряду с дальнейшим углубленным изучением ее памятников, продолжать исследование культурных и других связей с сарматскими, зарубинецкими и карпато-дунайскими племенами, а также со скифским Крымом.

В заключение — два слова об отношении Знаменского и Гавриловского городищ к

птолемеевским городам. Количество позднескифских городищ на нижнем Днепре значительно превышает те 5 городов, которые упоминает на Борисфене Птолемей (шестой город — Ольвия). Очевидно. Птолемей называет только наиболее крупные города. Самыми северными из них были Азагариион и Амадока. Но самым северным городищем на Нижнем Днепре сейчас являются остатки Каменского городища, которое Птолемей мог принять за два, считая акрополь отдельным городом (кстати, — расстояние в градусах между ними у Птолемея самое незначительное). В таком случае Знаменское городище можно, вслед за А. Д. Удальцовым и Б. Н. Граковым, считать Амадокой, принимая также во внимание, что племя амадоков размещается у Птолемея на левом берегу Днепра. Дальше у Птолемея идет Сарон; если производить это название, вместе с В. И. Абаевым, от иранского *saṃa* — «голова»⁶³, то это, по-видимому, будет указывать на его важное значение. В действительности вслед за Знаменским следуют 2 городища, расположенные одно против другого; Гавриловское — на правом берегу и городище в с. Большая Лепетиха — на левом; но Гавриловское гораздо крупнее Большелепетихинское и являлось, видимо, более значительным центром. Поэтому мне кажется возможным отождествить Гавриловское городище с птолемеевским Сароном.

Уже после сдачи в печать данной работы я имела возможность побывать в Румынии и посмотреть в натуре керамику гето-фракийских поселений из собраний румынских музеев. Результаты знакомства с этой керамикой не только подтвердили, но и усилили высказанное в данной работе предположение о тесной связи населения нижнеднепровских городищ с гето-дакийским миром. Разработке этого вопроса будет посвящена отдельная статья.

⁶³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 180.

О. Д. Дашевская

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА НЕАПОЛЯ И ДРУГИХ СКИФСКИХ ГОРОДИЩ КРЫМА

1. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА НЕАПОЛЯ

Среди археологических находок в Неаполе, как и на других скифских поселениях, лепная керамика составляет основную массу. В результате раскопок Неаполя, проводившихся Тавро-Скифской экспедицией ИИМК и КФ АН СССР совместно с музеями в течение 6 лет (1945—1950 гг.), накопился массовый керамический материал, который оставался неизученным. Между тем исследование его необходимо и для полноты представления о материальной культуре крымских скифов, и для введения этого материала в научный обиход археологов, изучающих Северное Причерноморье в античную эпоху. Потребность в последнем особенно чувствуется после недавнего выхода в свет специальных работ о местной керамике городов Боспора¹.

В работах, посвященных Неаполю и опубликованных за последние годы, лепная керамика особо не рассматривалась: мы находим здесь или общие замечания, или описание того или иного сосуда.

Еще в 1926 г. Н. Л. Эрнстом, на основании его раскопок, была сделана попытка определить соотношение местной и греческой керамики в связи со стратиграфией городи-

ща². По данным Н. Л. Эрнста, в нижних слоях Неаполя совсем не отмечалось местной керамики; выше, наряду с обильными находками краснолаковой керамики, появилось некоторое количество местной, а «еще выше расположенный горизонт отличался большим преобладанием местной варварской керамики и небольшим количеством греческой импортной».

Между тем раскопки Тавро-Скифской экспедиции показали, что во всех слоях Неаполя местная лепная керамика преобладает над привозной, если не принимать во внимание амфор, которые служили не посудой, а тарой. Это свидетельствует о том, что основное население города было скифским.

П. Н. Шульц отмечает, что в Неаполе встречаются скифские сосуды, изготовленные на гончарном круге, и делает отсюда вывод о значительном развитии гончарного ремесла у скифов и о производстве посуды на сбыт³. Исследователем высказано также мнение, что в гончарной печи, раскопанной в 1945 г. на городище Кермен-Кыр (Красном) около Симферополя, обжигалась скифская посуда,

² Н. Л. Эрнст. Неаполь скифский. 2-я конференция археологов в Херсонесе в 1927 г. Севастополь, 1927, стр. 27.

³ П. Н. Шульц. Тавро-Скифская археологическая экспедиция в Крыму. «Советский Крым», 1946, № 2, стр. 105 и 112; его же. Тавро-Скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», 1947, № 5, стр. 45; его же. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 18; его же. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 7.

¹ И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952; И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалея и ее значении в вопросе о составе населения этого города. МИА, № 33, 1954.

сделанная на гончарном круге⁴. Однако поскольку находки обломков гончарных сосудов грубой глины в Неаполе и на других городищах крайне редки и насчитываются единицами, мы считаем, что правильнее было бы сейчас ограничиться предположением о зачатках гончарного ремесла у крымских скифов. На позднескифских городищах Нижнего Приднепровья также отмечается отсутствие скифской посуды, сделанной на гончарном круге⁵.

В быту скифов Неаполя и других городищ Крыма употреблялась преимущественно лепная посуда домашнего производства, разнообразных форм, кухонная и столовая. Посуда же гончарного производства, сделанная на круге, была, безусловно, привозной. В слое, относящемся к раннему периоду жизни Неаполя — III—II вв. до н. э., она представлена единичными обломками чернолаковых сосудов и «мегарских» чаш, а со II в. до н. э. и до III в. н. э. — более многочисленной краснолаковой керамикой. Среди привозной посуды, кроме того, имеются небольшие группы тонкостенной красноглиняной и сероглиняной керамики, а также единичные сосуды типа античных кухонных кастрюль и сковород. Из привозной керамики, не являвшейся посудой, в Неаполе встречаются, помимо амфор, в очень небольшом количестве пифосы и лутерии.

Употребление в Неаполе привозной керамики надо связывать не только с торговлей скифов, но и с проживанием в городе некоторого количества греческого населения, как об этом свидетельствуют надписи⁶.

Сосудов сарматского типа, сделанных на гончарном круге, в Неаполе не найдено.

В настоящей работе дается систематизация лепной керамики Неаполя. Ввиду того, что эта керамика до сих пор не изучалась, мы останавливаемся подробно на описании каждого ее типа, рассматривая всю керамику по 3 хронологическим группам.

КЕРАМИКА III—II вв. до н. э.

III—II вв. до н. э. — ранний период существования Неаполя — представлен на горо-

дище нижним культурным слоем, содержащим, как правило, значительную примесь сырца от разрушенных построек. Этот слой, наиболее чистый и не перемешанный, хорошо датируется греческой керамикой. Самыми ранними находками здесь являются единичные обломки чернолаковой керамики, которые могут быть датированы серединой и концом III в. до н. э., а также клейма на синопской черепице, имеющие эмблему в виде орла на дельфине. Эту группу синопских клейм Б. Н. Граков относит ко времени от самого конца IV в. до н. э. до 270 г. до н. э. При этом Б. Н. Граков указывает на трудность хронологического членения внутри группы⁷. Амфорные же клейма из этого слоя (родосские, книдские и косские⁸) не могут быть датированы раньше, чем III в. до н. э., а, скорее, относятся и ко II в. до н. э. Здесь же встречаются обломки «мегарских» чаш III—II вв. до н. э.

Таким образом, датой основания Неаполя можно считать начало III в. до н. э., а ранний слой городища относить к III—II вв. до н. э. Лепная керамика этого слоя, как и следующего — среднего, дошла до нас почти исключительно в обломках; целых профилей сосудов почти нет, тогда как для позднего периода имеются целые сосуды из верхнего слоя городища и из некрополя.

Основные формы, насколько они восстанавливаются по фрагментам, следующие: горшки, миски, кувшины, ковши, курильницы. Для керамики рассматриваемого периода, как и последующих периодов, характерна серая или черная глина с примесью дресвы, шамота или толченой ракушки. Поверхность чаще всего серая, иногда черная, красная или желтая.

За исключением некоторых горшков, почти все сосуды лощеные; горшки же встречаются как лощеные, так и простые, нелощеные, и являются наиболее распространенным типом сосудов. Это относится не только к керамике раннего периода, но и ко всей керамике Неаполя⁹.

⁷ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 112, 113.

⁸ Последние клейма встречаются в Неаполе крайне редко.

⁹ Почти вся керамика из раскопок Неаполя хранится в фондах Крымского отдела Института истории и археологии Академии наук УССР. Часть ее находится в Крымском областном краеведческом музее в Симферополе и в ГМИИ в Москве.

⁴ П. Н. Шульц. Тавро-Скифская археологическая экспедиция..., стр. 112.

⁵ Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э. Автореферат канд. диссертации. М., 1953, стр. 7.

⁶ IOSPE, I², № 670—673.

Горшки

1. Горшки простые, нелощеные, средние и большие (диаметр венчика — 10—23 см), со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечиками. На некоторых горшках сохранились следы копоты. Эти горшки, очевидно, употреблялись для варки пищи (рис. 1, 1—4).

2. Горшки простые и лощеные среднего размера, с почти прямым краем, невысокой шейкой и раздутым туловом. Встречаются редко.

3. Горшки простые и лощеные, средние и большие, разных размеров и форм, с венчиком, отогнутым под углом (прямым или тупым) к плечикам (рис. 1, 12).

Орнамент на керамике Неаполя крайне редок. Именно к описанным 3 формам относятся единичные (немногим более 10) фрагменты нелощеных сосудов с так называемым ногтевым орнаментом.

Овальные или круглые вдавления располагаются, как правило, по краю венчика. Иногда встречается сочетание ногтевого орнамента, нанесенного, как обычно, по венчику, с украшением на плечиках горшка, например в виде групп из 3 вдавлений, расположенных треугольниками (рис. 1, 12, 13). Кроме ногтевого орнамента по венчику, горшки в некоторых случаях украшены налепными шишечками на плечиках (рис. 1, 11). Изредка встречается орнамент в виде узких вертикальных насечек по венчику (рис. 1, 15). Исключение представляет единственный пока фрагмент нелощеной миски с ногтевым орнаментом по краю (рис. 1, 14). Некоторые из горшков с ногтевым орнаментом закопчены, что позволяет считать их кухонными сосудами.

Ближайшие аналогии керамика с ногтевым орнаментом находит в довольно однородной керамике, которая была распространена в северопричерноморских степях от Буга до Дона в ту же и более раннюю эпохи (с V в. до н. э.)¹⁰, причем у скифов Нижнего При-

днепровья ногтевой орнамент бытовал и позже, вплоть до первых веков нашей эры¹¹.

Кроме Неаполя, в скифских памятниках Крыма горшки с ногтевым орнаментом были встречены пока только дважды: на городище Владимировка в Северо-Западном Крыму (2 обломка) и на селище Кара-Тобе около Евпатории (1 обломок)¹². Отметим также находку низкого баночного горшка с подобным орнаментом в кургане № 1 около селища Кара-Тобе¹³. В Крыму ногтевой орнамент встречается значительно чаще на городищах тавров, в предшествовавшей кизил-кобинской культуре¹⁴, чем у скифов. Он встречается в Крыму и на местной керамике Пантикапея, Нимфея и Мирмекия¹⁵, относящейся к той же предшествующей эпохе (VI—V вв. до н. э.).

4. Горшки простые и лощеные, большие, толстостенные (диаметр венчика — 22—35 см, толщина стенок — около 1,5 см), со слабо отогнутым венчиком. Такие сосуды могли применяться для хранения пищи (рис. 1, 8).

5. Горшки лощеные серые, небольшие и средние (диаметр венчика — 10—15 см), с сильно отогнутым венчиком и раздутым туловом. Внутренняя поверхность этих сосудов в верхней части бывает лощеная (рис. 1, 5, 6).

6. Горшки лощеные, обычно серые, небольшие и средние, баночной формы, с прямым краем. Внутренняя поверхность в верхней части иногда покрыта лощением. Эта форма встречается редко. На одном из фрагментов таких сосудов имеется вертикальный налп, идущий от края вниз (рис. 1, 32).

На стенках горшков, как простых, так и лощеных, изредка встречаются налепы или в виде шишечек, или плоские (вертикальные либо горизонтальные). На одном красном лощеном сосуде встречен налп в виде 2 острых шишечек (рис. 1, 10). Интересен и необычен лощеный тонкостенный горшок

и могильники Бугского лимана в VII—II вв. до н. э. Автореферат канд. диссертации. М., 1952, стр. 13.

¹¹ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 7.

¹² Разведки Северо-Крымской экспедиции КФ АН СССР в 1952 г. и разведки ТЭС в 1948 г. Хранятся в фондах крымского отдела Института истории и археологии АН УССР.

¹³ Архив ЛОИИМК, № 203/1934.

¹⁴ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 116, рис. 34, 1.

¹⁵ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея..., стр. 81 и табл. I, рис. 1 и 2.

¹⁰ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1935; е е же. Местная керамика раскопа И. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940; Б. Н. Граков. Рецензия на кн. «Ольвия» (т. I, Киев, 1940). ВДИ, 1946, № 1, стр. 160; е го же. Основные культуры скифского времени в Причерноморье и в лесостепной зоне. Доклады VI научной конференции ИА. Киев, 1953, стр. 158 и 160; Ф. М. Штительман. Городища, поселения

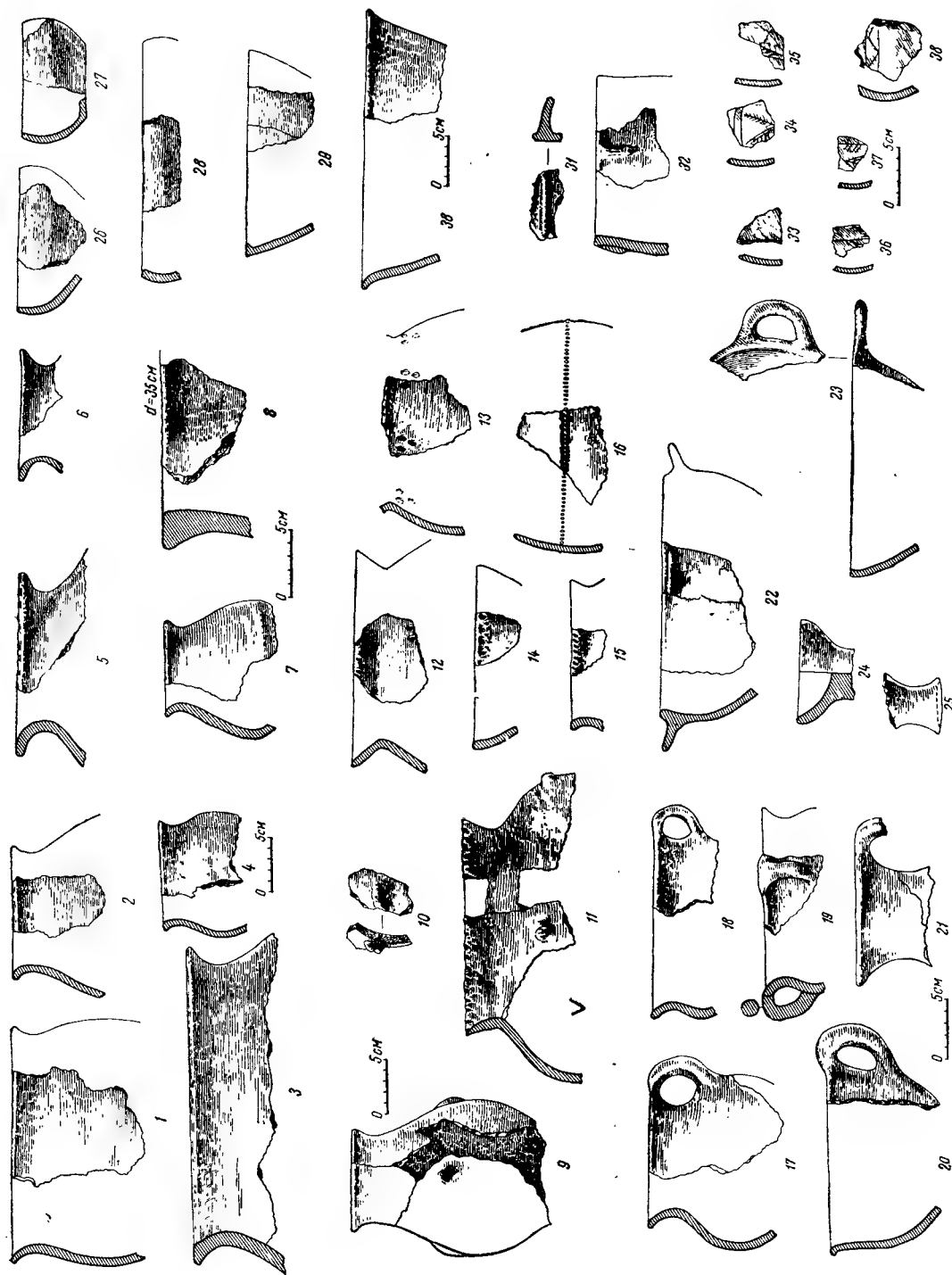

Рис. 1. Неолит. Керамика III—II вв. до н. э.

1—4 — горшки простые; 5—8 — горшки лощеные; 11—16 — горшки с «ногтевым» орнаментом; 9, 10, 31, 32 — сосуды с налпами; 18, 19 — горшки с ручками; 17, 21 — кувшины; 20 — ковш; 22—30 — миски; 33—38 — фрагменты лощеных сосудов с резным орнаментом.

прекрасного обжига, имеющий посреди тулова валик с насечками (рис. 1, 16).

7. Фрагменты лощеных сосудов, представляющие собой высокую шейку с отогнутым венчиком. Диаметр венчика — 10—15 см. Эти фрагменты могут принадлежать кувшинам или кувшинообразным горшкам.

К последнему типу относится почти целый горшок яйцевидной формы¹⁶, с серой лощеной поверхностью, имеющий по середине своей высоты 4 налепа, симметрично расположенных, — два в виде шишечек и два плоских, вертикальных (рис. 1, 9). Такой же горшок, но с 3 плоскими вертикальными налепами хранится в Крымском областном краеведческом музее¹⁷. По сообщению Б. Н. Гракова, такие сосуды находят аналогии на акрополе Каменского городища и относятся к той же эпохе.

Кувшины

Представлены кувшины лишь единичными фрагментами. Все они лощеные. Полностью форма не восстанавливается.

1. Кувшин с воронкообразно расширяющимся кверху горлом, отогнутым венчиком и овальной в сечении ручкой, верхний конец которой прикреплен к венчику. Ручка, не возвышаясь над венчиком, округло загибается вниз (рис. 1, 21).

2. Кувшин со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой и более или менее раздутым туловом. Ручка массивная, уплощенная (или более тонкая, овальная в сечении). Верхний конец ее прикреплен к краю венчика и слегка возвышается над ним (рис. 1, 17). Эта форма кувшина является как бы переходной между кувшинами и горшками с ручками, отличаясь от последних более высокой и узкой шейкой и, возможно, большей высотой.

Горшки с ручками

Все такие горшки лощеные, иногда с обеих сторон, с серой или черной поверхностью. Это небольшие или средние (диаметр венчика — 6—17 см) невысокие сосуды, с отогнутым венчиком, низкой шейкой и показными плечиками. Верхний конец ручки при-

креплен к венчику и слегка возвышается над ним, а нижний конец — к плечикам сосуда. Ручка в сечении овальная или круглая (рис. 1, 18, 19).

Ковш

Открытый сосуд, с обеих сторон лощеный, с почти прямым краем и массивной округлой ручкой. Верхний конец ручки прикреплен к краю сосуда и слегка возвышается над ним. Возможно, что дно было почти круглое. Сосуд встречен в нижнем слое Неаполя пока в единственном экземпляре (рис. 1, 20). В слое, относящемся к более позднему периоду, попадает довольно часто.

Миски

Это наиболее распространенный, после горшков, вид сосудов в рассматриваемой группе. Все они лощеные¹⁸ с обеих сторон. Размеры мисок различны: диаметр по краю — от 10 до 27 см. Преобладают большие миски — диаметром 21—23 см.

1. Миски полусферической формы, иногда с раздутыми плечиками, с прямыми или загнутыми внутрь краями (рис. 1, 26—28) или расширенным торцом (рис. 1, 29).

2. Миски, плавно расширяющиеся кверху, с загнутыми внутрь или слегка отогнутыми наружу краями (рис. 1, 30). Такие миски встречаются реже.

На некоторых мисках имеются горизонтальные или слегка приподнятые кверху ручки. Иногда их заменяют налепы (рис. 1, 22, 23). Вероятно, на мисках было по две таких ручки, но фрагментированный материал не дает соответствующих примеров.

Мисочки с поддонами

По единичным фрагментам восстанавливается тип маленькой полусферической nelloщенной (или с плохим лощением) мисочки (диаметр — 8 см) на цилиндрическом массивном поддоне, высотой 4—5 см (рис. 1, 24, 25). Снизу в поддоне — выемка. Один такой целый сосудик (нелощеный) из Неаполя хранится в Крымском областном краеведческом музее и предположительно отнесен нами к

¹⁶ Хранится в ГМИИ.

¹⁷ Сосуд не имеет паспорта, но, очевидно, происходит из Неаполя.

¹⁸ Единственным исключением является упомянутая выше миска с ногтевым орнаментом.

некрополю Неаполя (см. ниже). Подобные сосуды встречаются и во всей степной полосе Северного Причерноморья.

Маленький узкогорлый кувшинчик

Найден только один фрагмент горла маленького лощеного одноручного кувшинчика, узкогорлого, со слегка отогнутым венчиком. Диаметр горла — 1,7 см. Возможно, что сосуд является туалетным, и в форме его сказывается греческое влияние.

Курильницы

Своеобразными сосудами (вероятно, — ритуального характера) являются так называемые курильницы. Несколько отдельных фрагментов курильниц встречено в нижнем слое городища и в кургане, раскопанном в Неаполе В. П. Бабенчиковым в 1949 г. Полная их форма известна нам по курильницам из мавзолея Неаполя¹⁹ (рис. 2, 1, 2), из старых раскопок Неаполя²⁰ (рис. 2, 3, 4) и из кургана Черкеса № 2²¹.

Курильницы представляют собой лощенные толстостенные сосуды с черной или серой поверхностью, на массивном поддоне с выемкой снизу, с шаровидным туловом, переходящим кверху в узкое горло (несколько более широкое, чем поддон). Венчик сильно отогнут и имеет плоскую широкую торцовую часть; в нем сделаны 2 отверстия для подвешивания сосуда.

На одном из фрагментов курильниц имеется глубокий резной орнамент в виде горизонтальных поясков под венчиком и под горлом и вертикальных линий, спускающихся с плечиков и, по-видимому, расположенных группами (ср. курильницу из мавзолея — рис. 2, 2).

К этому типу сосудов относятся 2 лепных курильницы из мавзолея Неаполя (рис. 2, 1, 2); одну из них издала Н. Н. Погребова²², датирующая их II—I вв. до н. э.

Это массивные сосуды с черной лощеной поверхностью и глубоким резным орнаментом, заполненным белой массой. П. Н. Шульц видит в этом орнаменте изображение солнца и указывает на сходный мотив в керамике таврского поселения в Кизил-Кобе, отмечая, таким образом, черты связи культуры скифов Неаполя с культурой тавров²³.

В Крымском областном краеведческом музее имеется интересная небольшая курильница с орнаментом, происходящая из Неаполя²⁴ (рис. 2, 4). Поверхность ее желтовато-серая, лощеная. Диаметр тулова — 8 см, высота — 11 см. У курильницы шаровидное тулово на высоком, массивном, почти цилиндрическом поддоне, с плоским круглым основанием большого диаметра. Тулово в верхней части переходит в узкое горло, несколько более широкое, чем поддон, с сильно отогнутым венчиком, имеющим плоскую торцовую часть. На тулове курильницы расположены в шахматном порядке 6 круглых сквозных отверстий с глубокими резными ободками и между ними в 2 яруса — резной зигзагообразный орнамент. На горле и на поддоне имеется по 3 резных пояска. Заметны следы белой инкрустации, прежде заполнявшей резной орнамент.

К типу курильниц также, по-видимому, относятся и толстостенные сосуды с хорошим черным лощением, с вертикальными ребрами по всей поверхности. Обломки этих сосудов несколько раз попадались в нижнем слое Неаполя, а остатки одного такого сосуда были найдены в 1949 г. В. П. Бабенчиковым в так называемом кургане в Неаполе и датированы концом II в. до н. э.

По аналогичным целым сосудам, найденным в Ольвии²⁵, восстанавливается форма сосуда с шаровидным туловом, близкая к описанным выше курильницам Неаполя, но без высокого поддона. Обломки подобных же курильниц встречены на позднескифских городищах Нижнего Приднепровья.

Резной орнамент для керамики Неаполя не характерен и, кроме курильниц, встречен

¹⁹ Хранятся в ГМИИ.

²⁰ Коллекция Крымского областного краеведческого музея (раскопки 1926 г.).

²¹ Раскопки Н. И. Веселовского в 1895 г. Хранятся там же (инв. № А 2014; см. ОАК за 1895 г., стр. 9, 10).

²² Н. Н. Погребова. Находки в мавзолее Неаполя скифского. «Памятники искусства», ГМИИ, № 2, М., 1947, стр. 34, рис. 2.

²³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя скифского, стр. 20. Обе курильницы изданы П. Н. Шульцем («Мавзолей Неаполя скифского», стр. 32—34, 62 и табл. XX). В описании таблиц, составленном Н. Н. Погребовой, курильницы датируются концом II в. до н. э.

²⁴ Инв. № А-33.

²⁵ Материалы, подготовленные к печати С. И. Капошиной.

Рис. 2. Неаполь. Курияльницы II в. до н. э.

1—2 — из мавзолея; 3—4 — из некрополя.

всего лишь на 2 лощеных сосудах²⁶. На них орнамент не такой глубокий и широкий, как на курильницах, а тонкий. Первый из сосудов представлен несколькими обломками стенок (рис. 1, 33—37). Орнамент, располагавшийся, видимо, по всему тулову сосуда, представляет собой почти вертикальные, слегка наклонные «ёлочки» и горизонтальные пояски. Внешняя, лощеная поверхность сосуда имеет местами черный, местами серый цвет. Внутренняя поверхность нелощеная.

От второго сосуда (горшочка) сохранился обломок шаровидного тулова диаметром 9 см (рис. 1, 38). Орнамент состоит из 2 горизонтальных поясков и зигзагов между ними. Внутренняя поверхность сосуда нелощеная, внешняя — серая, лощеная.

КЕРАМИКА I в. до н. э. — I в. н. э.

Ввиду небольшой общей толщины культурного слоя в Неаполе (0,5—2,5 м) и обычной перемешанности верхних слоев в результате хищнической выборки камня очень трудно с уверенностью выделить лепную керамику, относящуюся к периоду, наступившему после бурных событий царствования Скилура и Палака. Основным датировующим материалом для рассматриваемого слоя I в. до н. э. — I в. н. э. являются обломки светлоглиняных амфор с двустольными ручками и краснолаковая керамика.

С наибольшей степенью вероятности к данному периоду можно отнести лепную керамику, включающую следующие типы.

Горшки

1. Горшки нелощеные, средние и большие (диаметр венчика — 12—26 см), со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечами. На некоторых горшках заметны следы копоти. Это, безусловно, кухонная посуда (рис. 3, 4).

2. Горшки нелощеные и лощеные, среднего размера, с почти прямым краем, невысокой шейкой и раздутым туловом (рис. 3, 2, 3).

3. Горшки лощеные небольшие (диаметр венчика — 10 см), со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечиками.

²⁶ Первый из сосудов, безусловно, относится к рассматриваемому периоду, второй же найден в перемешанном слое и отнесен сюда условно.

Внутренняя поверхность верхней части сосуда также лощеная (рис. 3, 1).

Сравнительно небольшое количество материала, выделенного для рассматриваемого периода, заставляет пока ограничить описание этими формами горшков. Конечно, и здесь есть различные промежуточные формы. Иногда как на простых, так и на лощеных сосудах встречаются налеты в виде небольших шишечек. Отметим простой, нелощеный сосуд, имеющий форму низкого открытого горшка с прямым краем, на торце которого сделан налест в виде вертикального зубца. Встречен также обломок горшка 1-го вида с налестным валиком на плечиках.

Кувшины

У всех кувшинов лощеная поверхность. По немногочисленным фрагментам намечаются следующие виды:

1. Кувшин большой, с широким и высоким цилиндрическим горлом (диаметр — 10 см, высота — 12 см), с широкими плечиками и отогнутым венчиком (рис. 3, 11).

2. Кувшин с широким (диаметр — 9,5 см) воронкообразно расширяющимся кверху горлом (рис. 3, 12).

3. Кувшин с узким (диаметр — 5,5 см) и очень высоким, постепенно расширяющимся книзу горлом и низким туловом. Приближается к биконической форме, причем верхний конус намного выше нижнего. Ручка небольшая, круглая в сечении, прикреплена верхним концом немного ниже венчика (рис. 3, 13).

4. Кувшин с узким (диаметр — 4,3 см), низким, воронкообразно и резко расширяющимся кверху и книзу горлом (рис. 3, 10).

5. Кувшин с узким, высоким горлом, воронкообразно расширяющимся кверху. Ручка, круглая в сечении, прикреплена верхним концом к средней части горла (рис. 3, 8).

6. Кувшин с высоким и узким (диаметр — 3,7 см), как у бутылки, горлом, слегка расширяющимся книзу, с отогнутым венчиком. Ручка, прямоугольная в сечении, прикреплена верхним концом чуть ниже венчика (рис. 3, 9).

Горшки с ручками

Сосуды этого типа в общем такие же, как и в предыдущий период. Они небольшие

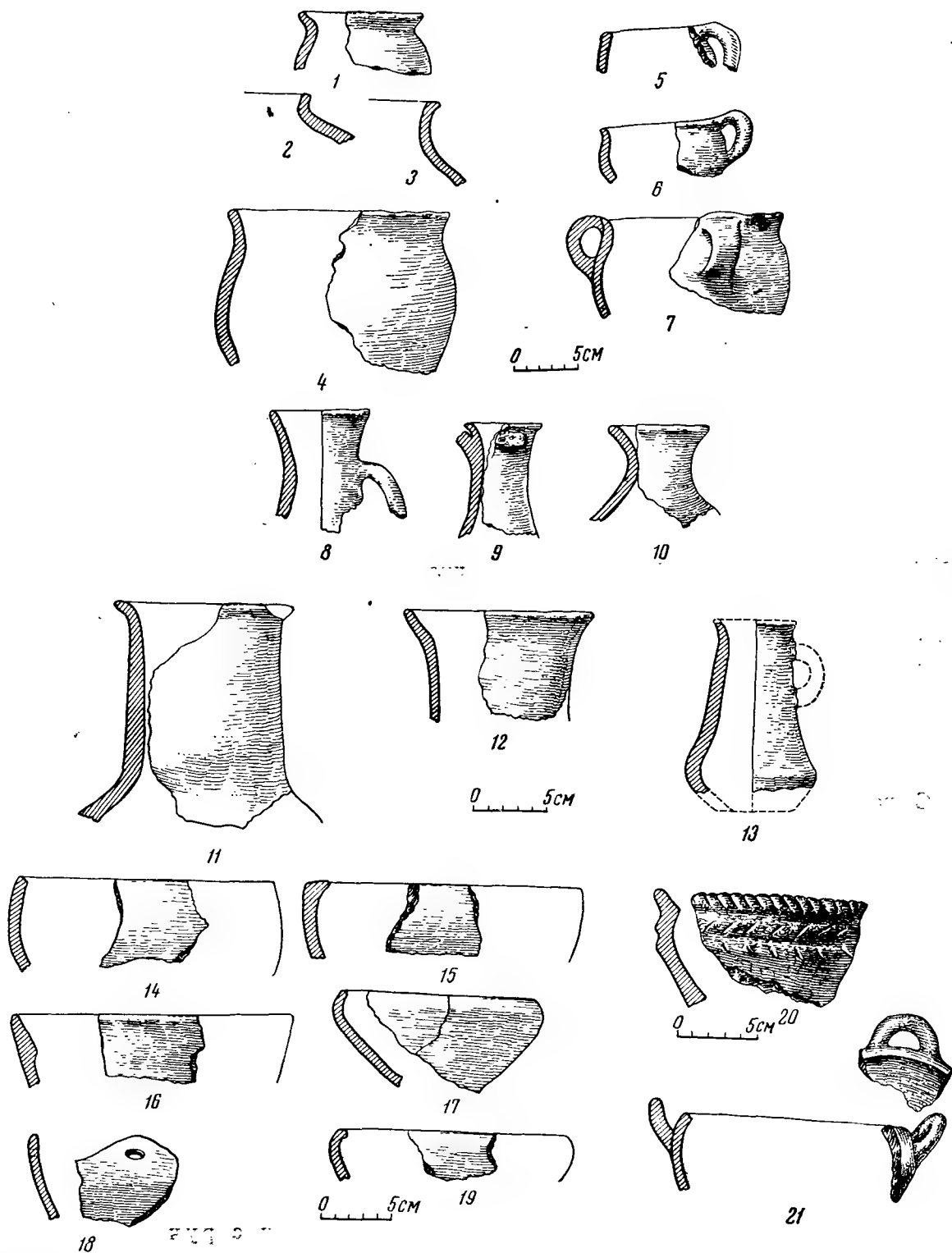

Рис. 3. Неаполь. Керамика I в. до н. э.— I в. н. э.

1—4—горшки простые и лощеные; 5, 6—ковши; 7—горшок с ручкой; 8—13—кувшины; 14—1—

(диаметр венчика — 10—14 см), с лощеной или — реже — хорошо сглаженной поверхностью, обычно имеют форму невысокого открытого горшка со слабо отогнутым венчиком и покатыми плечиками. В одном случае у горшка отмечены низкая, узкая шейка со слабо отогнутым венчиком и раздутые плечики. Верхний конец ручки прикреплен к венчику и слегка возвышается над ним; нижний конец прикреплен к плечикам сосуда. Ручка в сечении овальная, круглая или четырехугольная (рис. 3, 7).

Ковши

Сосудами, близкими к горшкам с ручками, являются ковши — открытые, лощеные с обеих сторон, с ручкой прикрепленной верхним концом к венчику и немного возвышающейся над ним. Ручки в сечении круглые или четырехугольные (рис. 3, 5, 6). Этот тип сосудов мы наблюдали уже в слое III—II вв. до н. э.

Миски

Как и в предыдущий период, миски являются наиболее распространенным после горшков типом сосудов. Все они лощеные с обеих сторон. Размеры различны: диаметр по краю — 14—25 см; преобладают миски диаметром 18—20 см.

1. Миски полусферические, иногда с раздутыми плечиками и загнутым внутрь краем. Встречаются миски с прямым, или округленным, или загнутым внутрь краем с расширенным торцом (рис. 3, 14, 15, 17, 19). Эти формы мы отмечали также в нижнем слое Неаполя. Характерные миски с расширенным торцом попадают и среди лепной керамики Херсонеса²⁷.

2. Миски, плавно расширяющиеся кверху, с прямыми стенками и характерным, утолщенным с внутренней стороны краем (рис. 3, 16). Такие миски встречаются реже.

Некоторые миски, как и в предыдущий период, имеют горизонтальные или приподнятые кверху и возвышающиеся над краем ручки (рис. 3, 21). Единственным пока является фрагмент миски с краем, переходящим кверху

в вертикальный выступ с отверстием — ушком (рис. 3, 18).

3. Миска с орнаментом в виде косых широких и глубоких насечек по венчику и по 2 валикам, опоясывающим сосуд. Ряды насечек расположены «ёлочкой» друг к другу. Этот оригинальный сосуд толстостенный, пре-красного обжига (рис. 3, 20).

В этот период встречаются также налпы на сосудах (главным образом — лощеных), обычно в виде небольших шишечек (по-видимому, по 2 или по 4 на сосуде). Один раз встречен налп в виде дугообразного валика с насечками²⁸.

КЕРАМИКА II—III вв. н. э.

Материал II—III вв. н. э., т. е. позднего периода существования Неаполя, мы находим в верхнем слое городища. Как уже упоминалось, верхние слои Неаполя часто оказываются перемешанными, перерытыми более поздними ямами; однако для данного периода на городище засвидетельствован целый ряд несомненных комплексов, хорошо датированных амфорами, главным образом черепчатыми, и поздней краснолаковой керамикой. К этому же периоду относится дошедшая до нас в значительном количестве лепная керамика некрополя Неаполя, представленная целыми сосудами. О ней будет сказано ниже.

Остановимся сначала на лепной керамике городища, в которой можно отметить ряд типов, не встреченных в некрополе.

Горшки

1. Большие, высокие горшки, распространение которых характерно для рассматриваемого периода в Неаполе. Они бывают лощеные и простые. Формы их во многих случаях восстанавливаются полностью. У этих горшков широкое горло, низкая шейка, слабо отогнутый (плавно или под углом) венчик, покатые или слабо выпуклые плечики. Книзу горшки суживаются; дно у них значительно меньшего диаметра, чем венчик. Размеры горшков: диаметр венчика — 24—35 см, высота — 40—50 см, диаметр дна — 10—15 см (рис. 4, 1—4).

В 1950 г. был найден *in situ* один подобный сосуд, отличавшийся особенно большой

²⁷ Государственный Херсонесский музей, инв. № 264/3—49, х 13

35943

²⁸ НС-48, А-1183.

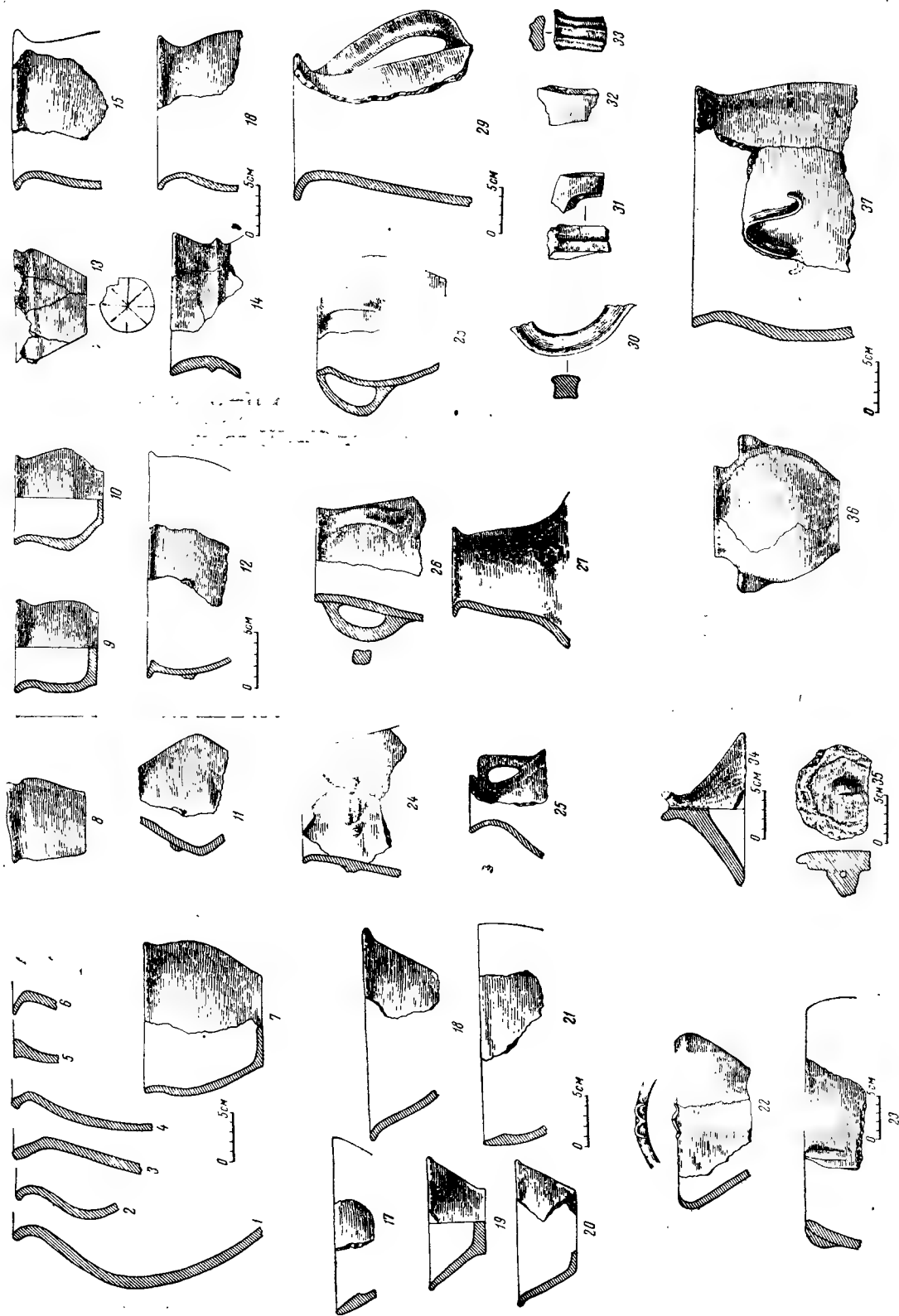

Рис. 4 Неаполь Керамика II—III вв. н. э.

1 - 10, 13 - 16 — горшки простые и лощенные; 17 - 23 — миски; 11, 12, 28 — горшки с ручками; 24 - 27, 29 — кувшины; 30 - 33 — ручки кувшинов; 34, 35 — крышки от сосудов; 36, 37 — горшки с дуговидными напедами-ручками,

высотой (65 см). Он стоял в специальном углублении около печи, что прямо указывает на его кухонное назначение.

Именно такие большие горшки иногда использовались в Неаполе в этот поздний период для погребений младенцев. Горшки этой формы встречаются и на скифских городищах Нижнего Приднепровья.

2. Горшки лощеные и простые среднего размера (диаметр венчика — 13—18 см), со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечиками (рис. 4, 15, 16).

3. Горшочки маленькие, к которым относится горшочек баночной формы, асимметричный, со слабыми следами лощения, со слегка отогнутым венчиком. Датируется по комплексу III в. н. э. (рис. 4, 8). Имеются еще два целых маленьких горшочка несколько другого профиля (рис. 4, 9, 10) и ряд обломков.

Характерной особенностью горшков II—III вв. н. э. являются встречающиеся иногда на них дуговидные ручки-налепы, имевшие в большинстве случаев орнаментальное значение. Таких налепов бывает на горшках по два; в некоторых случаях нижние концы их загнуты вверх. Чаще всего дуговидные налепы попадают на больших простых горшках I-го типа (рис. 4, 37). Один раз они встречены на маленьком шаровидном горшке со сглаженной поверхностью²⁹ (рис. 4, 36).

Подобные налепы во II—III вв. н. э. были распространены на керамике скифских городищ Крыма и Нижнего Приднепровья, а также городов Боспора (Тиритаки, Илурата, Нимфея³⁰, Феодосии, Пантикапея³¹).

Горшки с ручками

Встречено несколько обломков горшков с ручками разных форм. Все горшки, кроме одного, лощеные.

1. Горшок со слабо отогнутым венчиком, низкой шейкой, покатыми плечиками и сравнительно высоким туловом. Ручка широкая, плоская, нависающая книзу; верхний конец ее прикреплен к венчику (рис. 4, 28). Диаметр венчика — 12 см. Такие нависающие

ручки характерны для сосудов позднего периода (ср. материал из некрополя Неаполя).

2. Горшочек небольшой, лощеный, грушевидной формы. Венчик и ручка не сохранились, но уцелело основание ручки на плечиках. Диаметр шейки — 5 см, диаметр нижней, раздутой части — 11 см (рис. 4, 11).

3. Горшок с ручкой или ковш нелощеный, открытый, широкий и низкий, с резко отогнутым как бы для крышки венчиком и полусферическим туловом. От ручки сохранилось лишь основание нижнего конца. Диаметр венчика — 20 см (рис. 4, 12).

4. Обломок сосуда баночной формы, с хорошо черным лощением с обеих сторон, который, возможно, относится к этому же типу сосудов (найден в яме III в. н. э.). Ручки на этом фрагменте нет³² (рис. 4, 7).

5. Лощеный горшочек с сохранившимся основанием ручки, беспаспортный, условно относимый нами к данному периоду. Горшочек открытый, баночной формы, на плечиках — ребро, венчик слегка отогнут. Интересно дно сосуда, украшенное на наружной стороне резным орнаментом из 4 линий, проходящих по диаметру и пересекающихся в центре дна³³ (рис. 4, 13).

Кувшины

Все кувшины лощеные, с серой или красной поверхностью. На городище встречаются обломки больших широкогорлых кувшинов (диаметр горла — 10—12 см), иногда с прямым краем, иногда с отогнутым венчиком, с цилиндрическим или расширяющимся книзу горлом. Массивная ручка нависает книзу, верхний конец ее прикреплен ниже венчика. Ручка прямоугольная или квадратная в сечении (рис. 4, 24—33). Встречен кувшин с ручкой, изогнутой под прямым углом (рис. 4, 25).

Отдельно найдено много ручек, почти исключительно лощеных, относящихся, очевидно, к кувшинам. Некоторые из них сходны с теми, которые встречены на кувшинах. Для позднего периода характерны прямоугольная форма сечения ручек и массивность их. Иногда прямоугольник сечения имеет вогнутые стороны, причем чаще вогнутой бывает наружная сторона ручки. Встречаются желобчатые ручки, а также односторонние, прямоугольные или овальные в сечении, по-ви-

²⁹ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы ск.-сарм. археологии», М., 1952, стр. 229 и табл. II, 4.

³⁰ См. Е. Г. Кастанаян. Ук. соч., стр. 269, 270.

³¹ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея., табл. II, рис. 8 и 13.

³² НС-48, А-420.

³³ Из раскопок ТЭС. Хранится в ГМИИ.

димому, подражающие по форме ручкам амфор (рис. 4, 33).

Интересен венчик (от него найден лишь обломок) серого лощеного кувшина, воспроизводящий форму венчика греческой энохи. Подобный целый лепной сосуд обнаружен в некрополе Неаполя (см. ниже).

Встречен обломок большого кувшина с верхним основанием овальной в сечении ручки, нависающей книзу. По бокам ручки имеется по наклепной шишечке (рис. 4, 24). Сосуд с таким же расположением шишечек найден в Илурате³⁴.

Миски

Все миски, как и в предыдущие периоды, лощенные с обеих сторон.

1. Полусферические миски, на одной из которых имеется вертикальный налп, идущий от края вниз (рис. 4, 23).

2. Миски, расширяющиеся кверху, с прямыми или слегка выпуклыми стенками, с отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 18—20).

3. Миски с прямыми или слегка выпуклыми стенками, имеющие характерный для позднего периода край — утолщенный с внутренней стороны (рис. 4, 17, 21).

4. Высокая миска, расширяющаяся кверху, с прямыми стенками, раздутыми плечиками и загнутыми внутрь краями. На торцовой части края этого интересного сосуда имеется налп в виде цифры 3, положенной вдоль края на горизонтальной плоскости (рис. 4, 22). По-видимому, эта форма сосуда является подражанием краснолаковой керамике.

5. Миниатюрные мисочки, главным образом плоские, многочисленные аналогии которым имеются в некрополе. Эти мисочки, разумеется, не употреблялись для еды или питья, а могли служить или детскими игрушками, или для туалетных целей.

Крышки

В Неаполе найдены всего две более или менее целые крышки от сосудов: одна — в яме, другая — в перемешанном слое. Условно относим их к позднему периоду. Обе крышки нелощенные.

1. Крышка воронкообразной формы, с отверстием. Наверху имеются 2 выступа в виде шишечек. Диаметр крышки — 16 см (рис. 4, 34).

2. Крышка плоская, неправильно округлая, с утолщенной средней частью. В центре — толстое ушко с круглым отверстием. Диаметр крышки — 10 см, диаметр отверстия — 0,7 см (рис. 4, 35).

* * *

Представление о лепной керамике Неаполя в этот поздний период его существования в значительной мере дополняется материалом некрополя, о чем мы особо скажем ниже. Не все типы керамики, обнаруженной на городище (например большие горшки и другие кухонные сосуды), могут быть встречены в некрополе, тогда как керамика, найденная в некрополе, разнообразна, не имеет специфических черт и вполне может быть встречена на городище. Некоторые общие той и другой керамике типы уже прослежены, хотя пока еще их мало.

КЕРАМИКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕАПОЛЯ

В Крымском областном краеведческом музее хранится большая коллекция лепных сосудов из Неаполя, не имеющая, к сожалению, точных паспортов. О происхождении этих сосудов известно следующее. В конце 80-х годов прошлого века в Неаполе производились небольшие и нерегулярные раскопки склепов. Раскопки эти были вызваны и усилившимся интересом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) к изучению Неаполя, и случайным открытием древних могил рабочими при земляных работах и добытии камня.

Так, в 1888 и 1889 гг., по заявлению рабочих, наткнувшихся на погребения, ТУАК произвела раскопки 2 могил на восточном склоне Петровской балки, к юго-западу от городища Неаполя³⁵. Вещи из этих могил, в том числе и керамика, поступили в Музей ТУАК, позже преобразованный в Центральный музей Крыма, а теперь — Крымский областной краеведческий музей. Затем в разное время

³⁴ Хранится в фондах ЛОИИМК, инв. № $\frac{U=49}{30}$.

³⁵ Хр. Ящуржинский. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе. ИТУАК, 1889, № 7, стр. 46—55 и план.

от председателя ТУАК А. Х. Стевена, скупавшего у населения случайные находки из Неаполя, в дар Музею ТУАК поступил целый ряд предметов.

В 1889 г. Н. И. Веселовский, обследовавший Неаполь, обнаружил склепы, вырубленные в скале, по обрыву к долине р. Салгир, а также по обеим сторонам Петровской балки. «Кроме этих гробниц, оказалось еще сплошное и обширное кладбище в Собачьей балке, внизу, и уже не в скале, а в материке»³⁶. Раскопки Н. И. Веселовского сосредоточились главным образом на этом некрополе³⁷. Было раскопано свыше 10 могил. Исследователь датирует раскопанные им погребения II и III вв. н. э. По-видимому, некоторые сосуды из этих раскопок Н. И. Веселовского также вошли в состав коллекции Крымского областного краеведческого музея.

В 1945—1949 гг. Тавро-Скифская экспедиция, наряду с раскопками городища Неаполя, производила раскопки его некрополя, относящегося к I—III вв. н. э. Раскопки некрополя дали много античных сосудов — простых красноглиняных и краснолаковых, главным образом херсонесского происхождения, находившихся в каждом погребении. Целые лепные сосуды найдены только в 2 случаях; оба сосуда хранятся в ГМИИ.

1. Миска³⁸ серая лощеная с округлыми плечиками, двуручная. Одна ручка горизонтальная, обычная, другая представляет собой прямоугольный горизонтальный напел, несколько приподнятый кверху (рис. 5, 2).

2. Небольшой серый лощеный горшочек с нависающей книзу ручкой³⁹. Склеп датируется энарием Септимия Севера 210 г. до н. э. Здесь же найдена краснолаковая мисочка.

Перейдем к описанию типов керамики из некрополя Неаполя, хранящейся в коллекции Крымского областного краеведческого музея.

³⁶ См. ОАК за 1889 г., стр. 20—27.

³⁷ Кроме того, Н. И. Веселовским были произведены в то же лето небольшие раскопки на городище.

³⁸ Из земляного склепа № 13, относящегося к рядовому могильнику на средней террасе восточного склона городища (раскопки 1947 г.). В. П. Бабеичиков. Новый участок некрополя Неаполя скифского. ВДИ, 1949, № 1, стр. 114, рис. 4.

³⁹ Из земляного склепа с росписью (раскопки 1949 г.), расположенного на нижней террасе около Алуштинского шоссе. О. Д. Дашевская. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского. ВДИ, 1951, № 2, стр. 133, 134, рис. 3.

Горшки

Происходящие из некрополя Неаполя горшки — все небольшого или среднего размера, с серой лощеной поверхностью. Они существенно отличаются друг от друга по форме (рис. 5, 11, 12).

1. Маленький горшок⁴⁰, биконической формы, причем верхний конус несколько выше нижнего. Венчик отогнут наружу. Диаметр венчика — 8 см, высота — 8,5 см.

2. Горшок⁴¹ с тем же диаметром венчика, но значительно более высокий (14 см), также биконической формы. Верхний конус значительно выше нижнего. Венчик отогнут.

3. Горшок⁴² с сильно отогнутым венчиком, невысокой шейкой, покатыми плечиками и равномерно выпуклым туловом. Диаметр венчика — 11 см, высота — 13,5 см.

4. Горшок⁴³ в форме крынки, значительно расширяющийся в нижней части, с сильно отогнутым венчиком и высокой шейкой. Диаметр венчика — 9,5 см, диаметр в наиболее широкой части — 13 см, высота — 16 см (рис. 5, 12).

Миски

Встречены главным образом маленькие мисочки, диаметром 7—11 см (по венчику). У большинства из них лощеная серая поверхность. Среди них можно различить несколько форм:

1. Мисочки, плавно расширяющиеся кверху, с прямым или слегка отогнутым наружу краем. Диаметр их — 7,5—11 см (рис. 5, 20).

2. Мелкая мисочка или тарелочка⁴⁴, расширяющаяся кверху. Диаметр — 10 см, высота — 1,5 см (рис. 5, 15).

3. Полусферические мисочки с прямым или слегка загнутым внутрь краем, с выделенным от стенок дном (рис. 5, 19). У одной из мисочек⁴⁵ дно имеет снизу неглубокую выемку и образует, таким образом, низкий поддон. Диаметр таких мисочек — 7—10 см. Одна из них нелощеная⁴⁶.

⁴⁰ А-52.

⁴¹ А-2009.

⁴² А-21.

⁴³ А-2011.

⁴⁴ А-2000.

⁴⁵ А-35.

⁴⁶ А-1998.

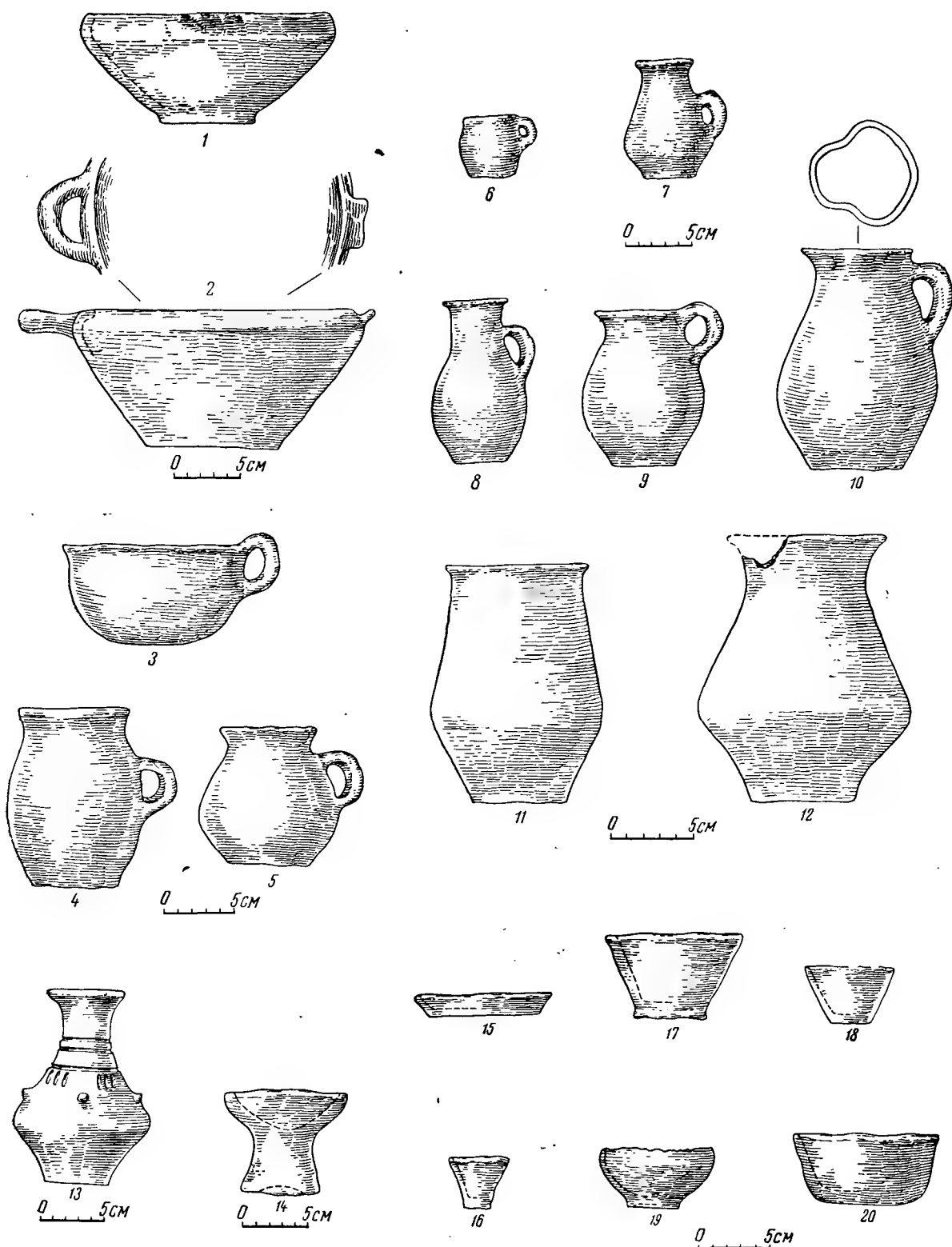

Рис. 5. Неаполь. Керамика из некрополя. II—III вв. н. э.

1, 2 — миски; 3 — ковш; 4—6 — горшки с ручками; 7—10 — кувшины; 11, 12 — горшки лощеные; 13 — кувшин без ручек; 14 — мисочка на высоком поддоне; 15—20 — маленькие мисочки.

4. Мисочка в форме усеченного конуса ⁴⁷. Дно выделено от стенок. Диаметр — 10 см (рис. 5, 17).

5. Мисочка на высоком массивном поддоне ⁴⁸. В нижней части поддона — неглубокая выемка. Мисочка толстостенная, поверхность ее лощеная. Диаметр по краю — 9,5 см. (рис. 5, 14).

6. Миска ⁴⁹, по форме близкая к 3-му типу, но значительно большего размера: диаметр — 19 см. Край слегка загнут внутрь, дно выделено. С двух сторон на урвне края имеется по налепу; каждый налест состоит из 3 горизонтальных выступов-зубцов, из которых средний больше крайних ⁵⁰ (рис. 5, 1).

Описанная выше миска из раскопок некрополя Неаполя 1947 г. относится к этому же виду. Основное различие между этими мисками состоит в форме ручек и дна.

Из всех перечисленных разновидностей мисок только последняя могла служить для еды. Некоторые из маленьких мисочек пригодны для питья, но, может быть, они имели и другое назначение, на что указывают остатки охры, сохранившиеся на дне одной из мисочек ⁵¹.

Миниатюрные стаканчики или мисочки

В погребениях некрополя Неаполя обнаружены сосуды еще меньшего размера, чем описанные выше мисочки. Это миниатюрные стаканчики или мисочки, имеющие форму усеченного конуса и, как правило, лощеные. Диаметр их по краю — 4,5—7 см (рис. 5, 16, 18).

Ковши

Это лощеные сосуды с туловом в виде миски, иногда почти круглодонные, с возвышающейся над краем ручкой. Верхний конец ручки прикреплен к краю. Ковши, имеющиеся в коллекции Крымского областного краеведческого музея, несколько различаются между собой.

1. Ковш ⁵² почти круглодонный, с низким полусферическим туловом и слегка отогну-

тым венчиком. Ручка, округлая в сечении, слегка возвышается над венчиком. Диаметр венчика — 14 см (рис. 5, 3).

2. Ковш ⁵³, отличающийся от предыдущего плоским дном и плоской ленточной ручкой. Диаметр венчика — 11,5 см.

Кружка

Найденная в Неаполе кружка ⁵⁴ по форме напоминает современные кружки. Это небольшой цилиндрический сосуд со слегка отогнутым венчиком. Ручка отбита. Кружка толстостенная. Поверхность ее желтая, лощеная. Диаметр — 6 см, высота — 7,5 см.

Горшки с ручками

Эти сосуды являются как бы переходной формой между горшками и кувшинами. Некоторые из них близки по форме к ковшам, но отличаются более высоким туловом и низко расположенной ручкой, верхний конец которой прикреплен ниже венчика. Тулова таких сосудов имеют форму различных горшков с низкими шейками. Все они — небольших размеров, поверхность лощеная.

1. Горшочек с плоской ручкой, невысоким полусферическим туловом, слегка суженным в верхней части, и прямым краем ⁵⁵. Ручка плоская, несколько нависающая книзу. Диаметр по краю — 10,8 см. Очень близок к нему по форме и размерам описанный выше горшочек из земляного склепа 1949 г.; он отличается только слабо отогнутым венчиком и округлым сечением ручки.

2. Низенький небольшой горшочек с плоской ручкой, сильно отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечиками ⁵⁶. Диаметр венчика — 8,5 см, высота — 7,3 см.

3. Горшок с массивной плоской ручкой, отогнутым венчиком, низкой шейкой и сильно расширяющимся в нижней части туловом ⁵⁷. Диаметр венчика — 7 см (рис. 5, 5).

4. Горшок с плоской, низко прикрепленной ручкой, отогнутым венчиком, низкой шейкой и покатыми плечиками ⁵⁸. Отличается

⁴⁷ А-28.

⁴⁸ А-41.

⁴⁹ А-2005.

⁵⁰ Такие налесты находят аналогию в Илурате. Фонды ЛОИИМК.

⁵¹ А-2013.

⁵² А-32.

⁵³ А-31.

⁵⁴ А-62.

⁵⁵ А-67.

⁵⁶ А-66.

⁵⁷ А-51.

⁵⁸ А-2008.

от других большей высотой — 13 см. Диаметр венчика — 8 см (рис. 5, 4).

5. Миниатюрный сосудик⁵⁹, который по форме можно отнести к этой же группе. Диаметр венчика — 4 см, высота — 4,5 см (рис. 5, 6).

Кувшины

Все кувшины — небольших размеров, с серой лощеной поверхностью. Различаются следующие формы.

1. Кувшин с яйцевидным туловом, невысокой шейкой и отогнутым венчиком⁶⁰. Ручка, овальная в сечении, немного возвышается над венчиком, к которому прикреплен ее верхний конец. Диаметр венчика — 9 см, высота — 12 см (рис. 5, 9).

2. Кувшин с яйцевидным или несколько раздутым туловом, высоким горлом, отогнутым венчиком и толстой ручкой, прямоугольной в сечении⁶¹. Верхний конец ручки прикреплен ниже середины горла, нижний конец — к плечикам. Диаметр венчика — 7—9 см, высота — 12—13 см (рис. 5, 8).

3. Кувшин⁶² с венчиком, имеющим тройной раструб, — подражание греческой энохое. Кувшин расширяется в нижней части, шейка невысокая, ручка почти квадратная в сечении. Диаметр венчика — 12 см, высота — 16,5 см (рис. 5, 10).

4. Маленький кувшинчик с туловом, расширяющимся в нижней части с короткой шейкой и сильно отогнутым венчиком⁶³. Толстая ручка неуклюже расположена в средней части тулова. Диаметр венчика — 6,5 см, высота — 8,5 см (рис. 5, 7).

Кувшин без ручки

Это серый, лощеный небольшой сосуд оригинальной формы, имеющейся в нашей коллекции в одном экземпляре⁶⁴. Диаметр венчика — 5,5 см, диаметр в наиболее широкой части — 10,5 см, высота — 14 см. Невысокое, резко раздутое в средней части тулово переходит в длинное, узкое горло с плавным отогнутым венчиком. Сосуд орнаментирован: нижнюю часть горла опоясывают три широких и глубоких горизонтальных желобка. От нижнего желобка отходят 4 группы вертикальных желобков, состоящих каждая из 3 коротких желобков. Чуть ниже вертикальных желобков, в промежутках между их группами, расположены 4 сосковидных налепа (рис. 5, 13). Это — сочетание обычного скифского орнамента (сосковидные налепы) с орнаментом, встречающимся на сарматской керамике (горизонтальные и вертикальные резные полосы)⁶⁵.

2. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ДРУГИХ СКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМА

В основу изучения лепной керамики скифских поселений Крыма нами положена керамика Неаполя, поскольку последняя представлена обширным материалом и систематизация ее возможна. Керамика большинства других поселений пока еще не может быть самостоятельно систематизирована потому, что она является большей частью поддельной, а также ввиду незначительного ее количества. Но все же некоторые формы сосудов могут быть выделены и датированы.

Обломки сосудов из подъемного материала датируются по аналогии с сосудами Неаполя. Так, 2 обломка горшков с ногтевым орнаментом, найденные на городище Владимировка, и один, обнаруженный на селище

Кара-Тобе, датируются III—II вв. до н. э. Первые два украшены орнаментом по венчику, третий — по плечикам (рис. 6, 15, 21).

На городище Красном (Кермен-Кыр), где в течение 3 лет производились раскопки, найден ряд хорошо датированных сосудов. Керамика III—II вв. до н. э. представлена здесь в основном горшками различных размеров и форм, преимущественно нелощеными (рис. 7, 1, 2; рис. 8, 2, 3). Два горшка восстановлены полностью. Один из них (рис. 8, 2), нелощеный, отличается сильно

⁵⁹ А-63.

⁶⁴ А-47.

⁶⁵ И. В. Силицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 85, рис. 10; Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского, Оренбургского уезда, по раскопкам 1927 г. ТСА РАНИОН, т. IV, 1930, стр. 150, рис. 4; М. И. Вязьмитина. Ук. соч., стр. 223 и табл. II, 2.

⁵⁹ А-56.

⁶⁰ А-1996.

⁶¹ А-2 и А-51.

⁶² А-45.

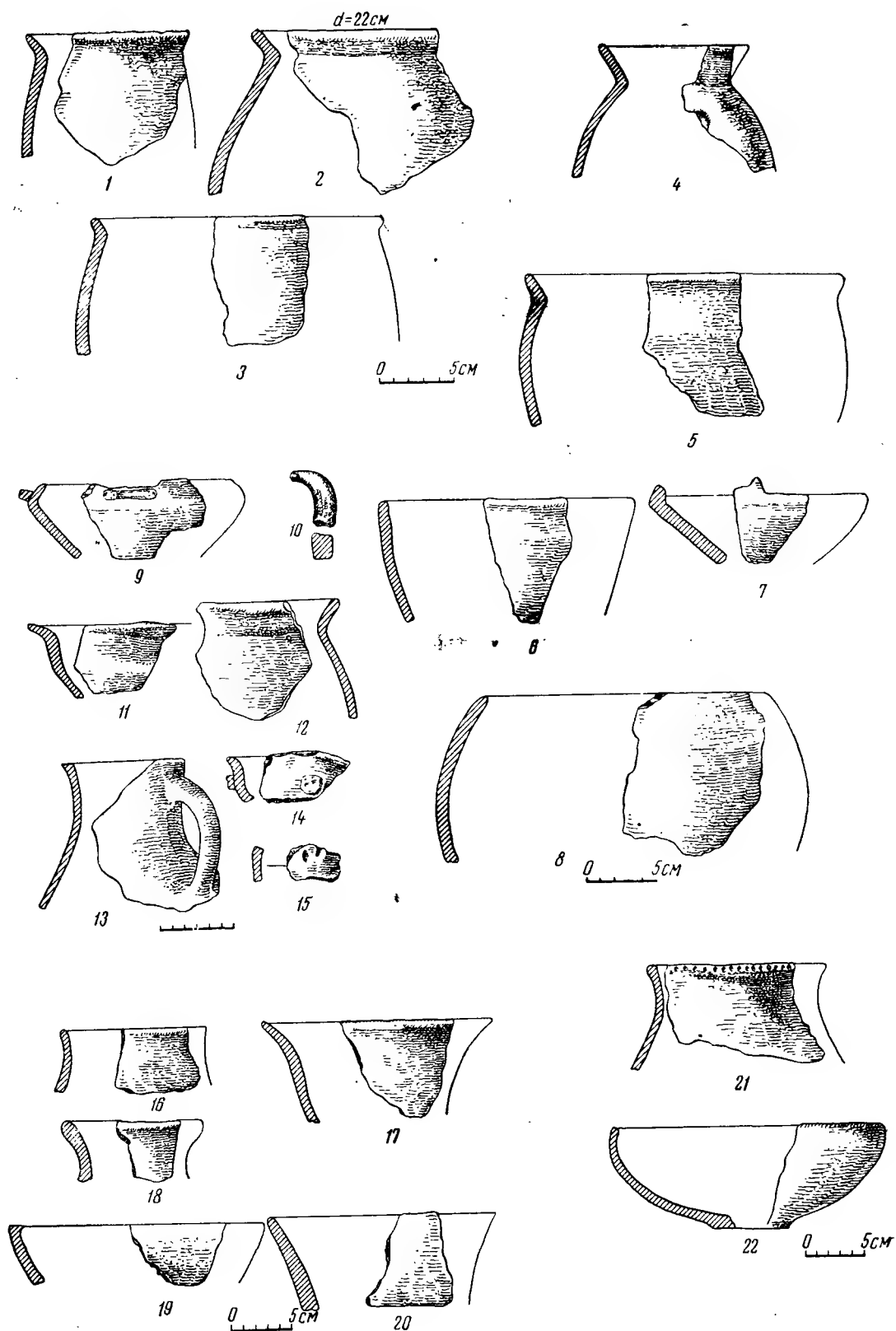

Рис. 6. Керамика скифских городищ Крыма.

1—8 — Альминское; 9—15 — Кара-Тобе; 16—20 — Залесье; 21, 22 — Владимировка.

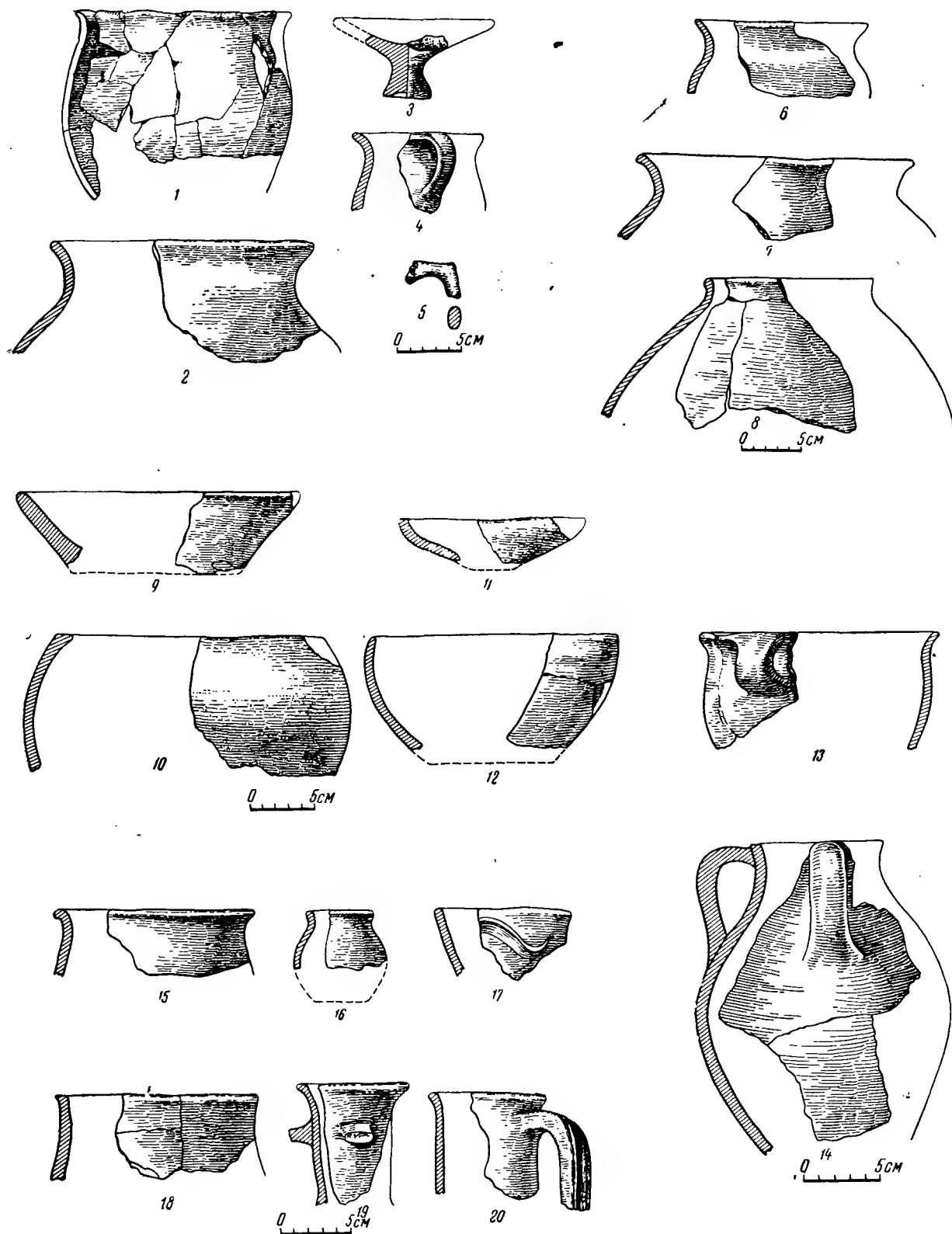

Рис. 7. Городище Красное (Кермен-Кыр). Керамика.

1-5—III—II вв. до н. э.; 6-14—I в. до н. э.—I в. н. э.; 15-20—II—III вв. н. э.

раздутым туловом и очень большими размерами (высота — 35 см; диаметр тулова — 35 см, диаметр венчика — 22 см); другой, с плоским лощением, также высокий, — яйцевидной формы, с очень узким дном (рис. 8, 3). Горшки подобной формы в Неаполе относятся ко II—III в. н. э. По-видимому, эта

найдена ручка от лощеного горшочка или кувшина, изогнутая под прямым углом, овальная в сечении. К этому же периоду относится маленькая мисочка на высоком поддоне (рис. 7, 3, 5).

Для следующего периода (I в. до н. э. — I в. н. э.) здесь также имеются комплексы,

Рис. 8.

1 — горшок из раскопок Неаполя, содержащий погребение младенца (III в. н. э.); 2—4 — сосуды с городища Красного (Кермен-Кыр), найденные в яме (III—II вв. до н. э.).

форма бытовала у крымских скифов в течение всего времени существования городищ. Полностью восстановлен также небольшой простой горшочек с ручкой — кружка (рис. 8, 4). Возможно, что к тому же времени относится найденный в подъемном материале обломок простого горшочка с ручкой, верхний конец которой также прикреплен к венчику (рис. 7, 4). В комплексе III—II вв. до н. э.

хорошо датированные по эллинистической керамике. Это различные горшки (рис. 7, 6—8) — простые и лощеные. Отметим простой горшок с низкой шейкой и сильно раздутым туловом (рис. 7, 8). Встречены лощеные кувшины и ковш (рис. 7, 13, 14). Один обломок лощеного горшочка с ручкой украшен орнаментом из вдавленных линий. Мисок найдено очень много: все они, кроме одной, лощеные

и более или менее полусферической формы. У некоторых мисок — характерный, встречающийся в Неаполе, расширенный торец края (рис. 7, 10). Одна миска (нелощеная) расширяется кверху и имеет форму усеченного конуса (рис. 7, 9). Обнаружены также отдельные горизонтальные ручки от мисок.

Керамика II—III вв. н. э. (рис. 7, 15—20) представлена горшками, кувшинами и мисками. Характерен лощеный кувшин с цилиндрическим горлом и желобчатой ручкой (рис. 7, 20). На одной простой миске имеется дуговидный налп (рис. 7, 17).

В общем керамика городища Красного очень близка к керамике Неаполя. Но здесь иногда встречаются не только нелощеные горшки, но и другие сосуды без лощения, что в Неаполе отмечается крайне редко.

На других поселениях встречена керамика тех же форм (рис. 6), как в Неаполе и Красном. Она образует единую крымскую группу скифской керамики.

* * *

Кроме сосудов, к лепной керамике скифских городищ Крыма надо отнести глиняные очаги-жаровни, служившие для выпечки лепешек. В 1948 г. в Неаполе была раскопана одна такая жаровня, сравнительно хорошо сохранившаяся, вмазанная в земляной пол здания II—III вв. н. э. Она представляет собой глиняную обожженную овальную плиту с закраиной, размером 0,9 × 0,69 м при толщине 0,08 м⁶⁶. Точно такие же жаровни были обнаружены здесь в 1926 г. Н. Л. Эрнстом. Ему удалось проследить над жаровней полусферический купол с отверстием вверху, сложенный из камней на глине⁶⁷.

Отдельные обломки жаровен найдены в большом количестве и в Неаполе, и на других городищах (в Красном, Залесье, Добром, Владимировке, Кара-Тобе и др.) в слоях различного времени, начиная с III в. до н. э. В глине, из которой сделаны жаровни, содержится значительная примесь соломы и шмота. У некоторых жаровен лощеная поверхность. Высота закраин — 0,1—0,12 м. Сходные с этими жаровни встречаются также на позднескифских городищах Нижнего Приднепровья⁶⁸.

⁶⁶ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. ВДИ, 1950, № 4, стр. 187.

⁶⁷ Н. Л. Эрнст. Ук. соч., стр. 26.

⁶⁸ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 5.

На 3 скифских городищах Крыма — в Неаполе, Красном и Добром (Мамут-Султан) — при раскопках неоднократно находили глиняные стилизованные головки барана, близкие по глине и обжигу к жаровням и являвшиеся украшениями очажных подставок для вертелов⁶⁹. Такие подставки имеют аналогии на скифских городищах в Нижнем Приднепровье.

На скифских городищах Крыма, как и повсюду на скифских и античных поселениях, часто встречаются округло оббитые черепки (которые иногда называют керамическими пробками), сделанные из стенок лепных сосудов и амфор. В Неаполе в 1948 г. было найдено скопление таких кружков (25 экземпляров), диаметром от 3 до 9 см. О назначении этих предметов высказывались различные мнения. Так, Н. Л. Эрнст отмечал, что они, по-видимому, предназначались для игры⁷⁰. В. Ф. Гайдукевич, не отрицая предположения Н. Л. Эрнста и допуская возможность различного применения подобных кружков, указывает, что большое скопление их (около 30) найдено около керченской керамической обжигательной печи и 2 кружка — в фанагорийской печи, и предполагает, что они могли служить прокладками между гончарными изделиями при укладке их в горн⁷¹. В пользу того, что эти кружки могли, действительно, применяться как пробки, говорит интересная находка экспедиции Центрального музея Крыма (Н. Л. Эрнст) в 1931 г. на Арабатской стрелке: здесь найдены 4 круглодонные амфоры позднееримского времени, горла которых были «прикрыты крышками из оббитых глиняных черепков»⁷².

* * *

Изучение лепной керамики Неаполя в хронологическом порядке показывает, что с течением времени она изменялась незначительно. Это свидетельствует об однородном составе основного (скифского) населения Неаполя. По-видимому, то же можно сказать и о других поселениях.

⁶⁹ П. Н. Шульц. Тавро-Скифская экспедиция..., стр. 62 и рис. 26; О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, рис. 44.

⁷⁰ Н. Л. Эрнст. Ук. соч., стр. 27.

⁷¹ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 50, 87, 88, рис. 45.

⁷² Архив ЛОИИМК, № 792/1931.

Довольно распространенная точка зрения о слиянии крымских скифов с таврами не находит подтверждения в керамике. В позднетаврской лепной керамике Херсонеса встречаются некоторые сходные со скифскими формы (горшки, миски с расширенным внутрь краем, миски с горизонтальными ручками, некоторые горшки с ручками)⁷³, что, возможно, было связано с проживанием в Херсонесе некоторого количества скифов. Наиболее характерные формы скифской и таврской керамики остаются различными.

Еще больше лепная керамика скифских поселений Крыма отличается от местной лепной керамики городов Боспора, где в классическое и эллинистическое время лепной керамики было очень мало, и она испытывала некоторое влияние античных форм, а в римское время появилось много сарматской керамики⁷⁴.

Сравнение лепной керамики скифских поселений Крыма с керамикой позднескифских нижнеднепровских городищ показывает, что, несмотря на общность ряда форм, эти две группы отличаются друг от друга. Сходство особенно наблюдается в широко распространенных типах горшков. Типичная для Нижнего Приднепровья — вплоть до первых веков нашей эры — керамика с ногтевым орнаментом на скифских поселениях Крыма почти отсутствует. Единичные экземпляры ее встречены в нижнем слое Неаполя, а также на некоторых других поселениях (Кара-Тобе, Владимировка). Лощеная керамика, характерная для крымских скифов, имеет отличия от керамики нижнеднепровских городищ: там среди лощеной керамики преобладают другие формы, главным образом миски, близкие к зарубинецко-корчеватовским⁷⁵. Сравнение же с предшествующей по времени керамикой Каменского городища на Днепре показывает, что если керамика поздних нижнеднепровских городищ продолжает

здесь традиции предшествующего периода⁷⁶, то керамика скифских поселений Крыма не может быть в целом выведена из скифской керамики Нижнего Приднепровья; корни ее, вероятно, следует искать в пока еще мало известной керамике из курганов кочевых скифов Крыма, которая, разумеется, не могла еще иметь, в условиях кочевой жизни, таких развитых, разнообразных форм, как керамика оседлых жителей поздних скифских поселений.

Итак, изучение лепной керамики скифских поселений Крыма выявило существование локальной группы крымской скифской керамики, отличающейся, несмотря на некоторые общие формы, как от нижнеднепровской скифской керамики, так и от местной керамики городов Боспора и Херсонеса. В отличие от боспорских городов, где в римское время появилось много сарматской керамики, на скифских поселениях Крыма сарматской керамики не обнаружено. Различия же между местной керамикой поселений скифского царства и Боспора в эллинистическое время, вероятно, следует объяснить различием населявших их племен.

Местная керамика Неаполя в течение всего длительного периода его существования изменялась мало. Общий характер керамики — преобладание лощеных сосудов (главным образом серого цвета) различных форм, качество лощения, состав глины — остается однородным. Это свидетельствует о более или менее постоянном составе населения Неаполя вплоть до конца его существования. Основным населением Неаполя были скифы. Во всех слоях Неаполя лепная скифская керамика заметно преобладает над греческой.

Сопоставление керамики скифских поселений Крыма со скифской керамикой предшествующего периода с нижнеднепровских городищ, в частности Каменского городища, не позволяет в целом выводить первую из Нижнего Приднепровья и тем самым не подтверждает предположения о переселении значительных масс скифов из Нижнего Приднепровья в Крым в период возникновения Неаполя и других скифских поселений в Крыму.

Распространено мнение, выдвинутое М. И. Ростовцевым, что ко II в. до н. э. сарматы «оттеснили скифов в глубь Крыма и

⁷³ Фонды и экспозиция Государственного Херсонесского музея.

⁷⁴ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Труды ОИПК Гос. Эрмитажа, I, Л., 1941; И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951; ее же. О местной керамике Пантикапея...; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритак с ручками в виде животных. СА, XV, 1951; ее же. Лепная керамика Мирмекия и Тиритак.

⁷⁵ Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 7 и 9.

⁷⁶ Б. Н. Граков. Основные культуры скифского времени..., стр. 160; Н. Г. Елагина. Ук. соч., стр. 8.

утвердились на всем протяжении их царства»⁷⁷. При этом обычно ссылаются на достоверное свидетельство Диодора Сицилийского (II, 43) о том, что савроматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»⁷⁸.

Однако сообщений древних авторов именно о вытеснении скифов в Крым, а также об ограничении их территории только Крымом у нас нет. Наоборот, Страбон указывает, что, кроме Крыма, Малой Скифией называлась «также, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена» (VII, 4, 5)⁷⁹. Нумизматические данные говорят о распространении власти скифов на Ольвию. Археологически скифы в Нижнем Приднепровье засвидетельствованы непрерывно вплоть до III в. н. э.

Самый факт переселения больших масс скифского населения в Крым и концентрация их на маленькой территории последнего более чем сомнителен. Это было справедливо отмечено М. И. Артамоновым⁸⁰.

Такое событие, как массовое переселение, непременно должно было бы найти яркое отражение в керамике.

В погребальном обряде, насколько сейчас можно судить по имеющимся данным, так же как и в керамике, не прослеживается появление нового населения в Крыму в эпоху массового сарматского вторжения в Северное Причерноморье⁸¹. Среди крымских скифских подкурганных погребальных сооружений известно (главным образом в Северо-Восточном Крыму) несколько катакомбных могил, аналогичных нижнеднепровским. Эти могилы в небольшом количестве появились в Крыму в IV—III вв. до н. э.⁸², т. е. еще до времени

предполагаемого вытеснения скифов сарматами в Крым. Вообще же типы погребальных сооружений в Крыму в это время разнообразны, что, по-видимому, свидетельствует о наличии здесь нескольких скифских (кочевых) племен. Вероятно, с консолидацией позднего скифского государства следует связывать последующее сравнительное однообразие погребального обряда в изучаемый нами период — III в. до н. э. — III в. н. э.⁸³.

Неаполь, как и многие другие скифские городища Крыма, возник в начале III в. до н. э., т. е. еще до сарматского нашествия на северопричерноморские степи. Тогда продолжал еще существовать центр скифского царства на Днепре — Каменское городище. По-видимому, первоначально Неаполь представлял собой рядовое, хотя и значительное скифское городище. К такому выводу приходит, в результате исследования оборонительных сооружений Неаполя, А. Н. Карасев, отмечая, что в III в. до н. э. Неаполь был укреплен относительно слабо и что мощной крепостью он стал лишь во II в. до н. э.⁸⁴. За это же говорит вывод И. Б. Зеест, сделанный на основании изучения керамической тары Неаполя, о том, что только во II в. до н. э. Неаполь сделался крупным торговым центром⁸⁵.

Во II в. до н. э., когда замирала жизнь на территории почти всего Каменского городища, кроме его акрополя⁸⁶, и границы скифского царства суживались, центр последнего переместился в Крым, и главным городом стал Неаполь, занимавший в Крыму весьма удобное центральное положение.

Однако перенесение столицы, вызванное натиском сармат⁸⁷, не означает перехода туда всего населения прежней столицы. Это хорошо подтверждается сравнением керамики обоих центров. Перемещение столицы следует понимать как возвышение нового центра в Крыму. Возможно, что какое-то количество скифов на рубеже III и II вв. до н. э. и переселилось в Крым, но основная масса их, уцелевшая от сарматского вторжения,

⁷⁷ М. И. Ростовцев. *Эллинизм и иранство на юге России*. Пгр., 1918, стр. 128. Ср. также: Ю. В. Готье. *Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы*, ч. I, М., 1925, стр. 250, 251; Г. Д. Белов. *Херсонес Таврический*. Л., 1948, стр. 91; В. Ф. Гайдукевич. *Боспорское царство*. М.—Л., 1949, стр. 531 (говорится о вытеснении кочевых скифов).

⁷⁸ ВДИ, 1947, № 2, стр. 251.

⁷⁹ ВДИ, 1947, № 2, стр. 205.

⁸⁰ М. И. Артамонов. *Скифское царство в Крыму*. ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 56.

⁸¹ М. И. Артамонов. *Ук. соч.*; его же. *Этногеография Скифии*. УЗЛГУ, № 13, 1949, стр. 140—142.

⁸² Т. Н. Троицкая. *Скифские курганы Крыма*. Изв. Крымск. отд. Геогр. о-ва СССР, 1951, вып. 1, стр. 98, 99; Б. Н. Граков. *Основные культуры скифского времени...*, стр. 159.

⁸³ Т. Н. Троицкая. *Ук. соч.*, стр. 112.

⁸⁴ А. Н. Карасев. *Оборонительные сооружения Неаполя скифского*. Архив КФ АН СССР.

⁸⁵ И. Б. Зеест. *К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора*. МИА, № 33, 1954, стр. 73.

⁸⁶ Б. Н. Граков. *Никопольская экспедиция*. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 73.

⁸⁷ Б. Н. Граков. *Никопольская экспедиция*, стр. 73, 74; его же. *Каменское городище на Днепре*. МИА, № 36, 1954.

по-видимому, осталась на той территории приднепровских степей, которая сохранилась за скифским царством. В связи с этим заслуживает внимания непрерывное существование в Нижнем Приднпровье с IV в. до н. э. до II в. н. э. целого ряда скифских селищ, связанных своей культурой с Каменским городищем, открытых в послевоенные годы Никопольской экспедицией ИИМК под руководством Б. Н. Гракова, а также продолжение жизни на акрополе Каменского городища до II в. н. э.⁸⁸

⁸⁸ Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция, стр. 73.

Причину образования скифских поселений в Крыму в начале III в. до н. э. мы, вслед за М. И. Артамоновым⁸⁹, видим в оседании кочевников на землю, но никак не можем связывать с сарматским нашествием и объяснять массовым переселением скифов. Такие выводы позволяют сделать изучение керамики скифских поселений Крыма в связи с другими археологическими материалами.

⁸⁹ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму, стр. 56.

К. Ф. Смирнов

МЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК У СТАНИЦЫ ПАШКОВСКОЙ

Большой заслугой советской археологии является исследование поселений и грунтовых могильников древнего населения Прикубанья. Благодаря этому получен обширный материал для постановки вопроса о расселении отдельных меотских и сарматских племен, составлявших основное население Прикубанья в античную эпоху, и для изучения их хозяйства, социально-экономического строя, культуры. Только в советский период по достоинству оценено значение для исторической науки того рядового археологического материала из грунтовых могильников и городищ, которым пренебрегал Н. И. Веселовский — основной исследователь древних кубанских памятников в дореволюционное время.

В результате систематического изучения Прикубанья, начатого с 1925 г. центральными и местными научными учреждениями и музеями, среди которых первое место занимает Краснодарский краеведческий музей, было зафиксировано более 150 прикубанских городищ и несколько десятков грунтовых могильников, содержащих погребения от VI в. до н. э. до V в. н. э. Исследования проводились под руководством А. А. Миллера¹, Н. А. Захарова², В. А. Городцо-

ва³, М. В. Покровского и Н. В. Анфимова⁴, К. Ф. Смирнова⁵ и других. Среди обнаруженных, кн. 1, т. III, вып. 3—4, Ростов-на-Дону, 1927—1928; его же. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатареиное городище. СА, II, 1937, стр. 229 и сл.

³ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, № 3, 1935, стр. 71—76; его же. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1936, стр. 171—185; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1937, стр. 210—213.

⁴ М. В. Покровский. Могильник станицы Пашковской (близ г. Краснодара). ПИДО, № 5-6, 1935, стр. 150; М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937; М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Труды Краснодарского пединститута, т. VI, вып. 1, 1927; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 215 и сл.; М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936, стр. 159—171; Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 148 и сл.; В. Гольмстен. Обзор археологических работ в 1937 г. ВДИ, 1938, № 3, стр. 249, 250; Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 258—266; его же. Городища восточной окраины Боспорского государства. Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. Историко-археологический сборник, М., 1948; его же. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 241 и сл.; его же. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 238 и сл.; его же. Земледеление у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 144 и сл.; его же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. Там же, стр. 155 и сл.

⁵ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 86 и сл.; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 113 и сл.; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 151 и сл.

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщения ГАИМК, вып. 1, 1926, стр. 71 и сл.

² Н. А. Захаров. Первые шаги систематического изучения кубанских городищ. Сборник статей по экономике и культуре, № 26. Северокавказск. ассоциация научно-исследовательск. ин-тов. Краснодар, 1927; его же. Краснодарское городище. Материалы по археологии юго-востока России. Ростов-на-Дону, 1928; его же. Общий обзор обследования и работ на городище в г. Краснодаре. Записки Северокавказского краеведческого о-ва археологии, истории и этногра-

ных памятников более или менее значительные раскопки производились на Семибратнем городище у станции Варенниковской, на городищах и могильниках у станций Елизаветинской, Пашковской, Усть-Лабинской, Ладожской и в районе г. Краснодара. В других

с учетом других многочисленных памятников Прикубанья (в том числе и курганов, исследованных в дореволюционное время) дало возможность наметить основные этапы развития меото-сарматского населения Прикубанья в античную эпоху⁷.

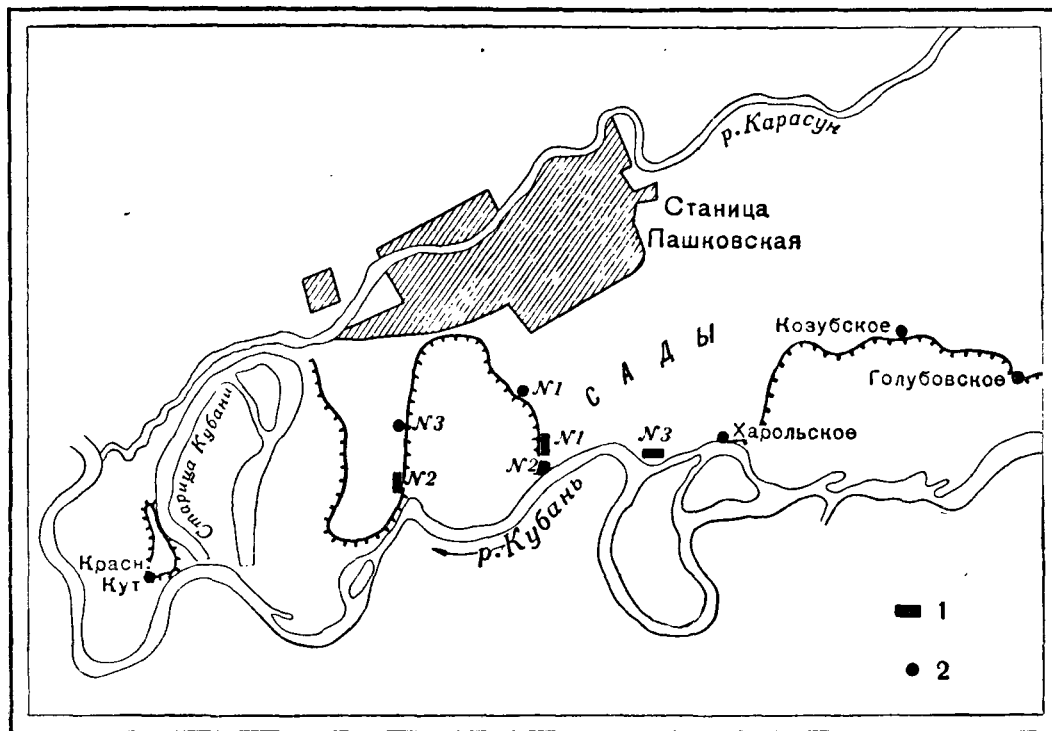

Рис. 1. Карта древних поселений и могильников по правому берегу Кубани в районе станции Пашковской.

1 — грунтовые могильники; 2 — городища и селища.

местах исследования ограничивались только сбором подъемного материала, небольшой разведочной шурфовкой культурного слоя городищ, раскопкой отдельных обнажившихся погребений и описанием зафиксированных поселений и могильников. Сведения об этих памятниках опубликованы в виде кратких сообщений; лишь недавно Н. В. Анфимовым опубликованы подробные результаты исследования Усть-Лабинского могильника № 2 в 1936—1938 гг.⁶ Изучение этого могильника, показавшее непрерывное развитие местного населения с VI в. до н. э. по II—III вв. н. э.,

В данной статье публикуются материалы раскопок наиболее древнего могильника в районе станции Пашковской (в 8 км к востоку от Краснодара), проведенных в 1947—1949 гг. Кубанской археологической экспедицией ИИМК и ГИМ под руководством автора этой статьи.

⁷ Н. В. Анфимов. Хронология грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени. Доклад на пленарном заседании сессии ИИМК и Гос. Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья (1948). КСИИМК, вып. XXIV. 1949, стр. 16, 17; его же. Меото-сарматский могильник...; К. Ф. Смирнов. Основные линии развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952.

⁶ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 155 и сл.

Район станции Пашковской в древности был густо заселен. Поселения и могильники скифо-сарматского времени здесь были открыты преимущественно М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым. Ими зафиксировано на правом берегу Кубани 7 городищ последних веков до нашей эры — первых веков нашей

эры. Систематические раскопки производились лишь на могильниках № 1 и 3.

Древнейший из могильников местного населения в районе станции Пашковской, за-

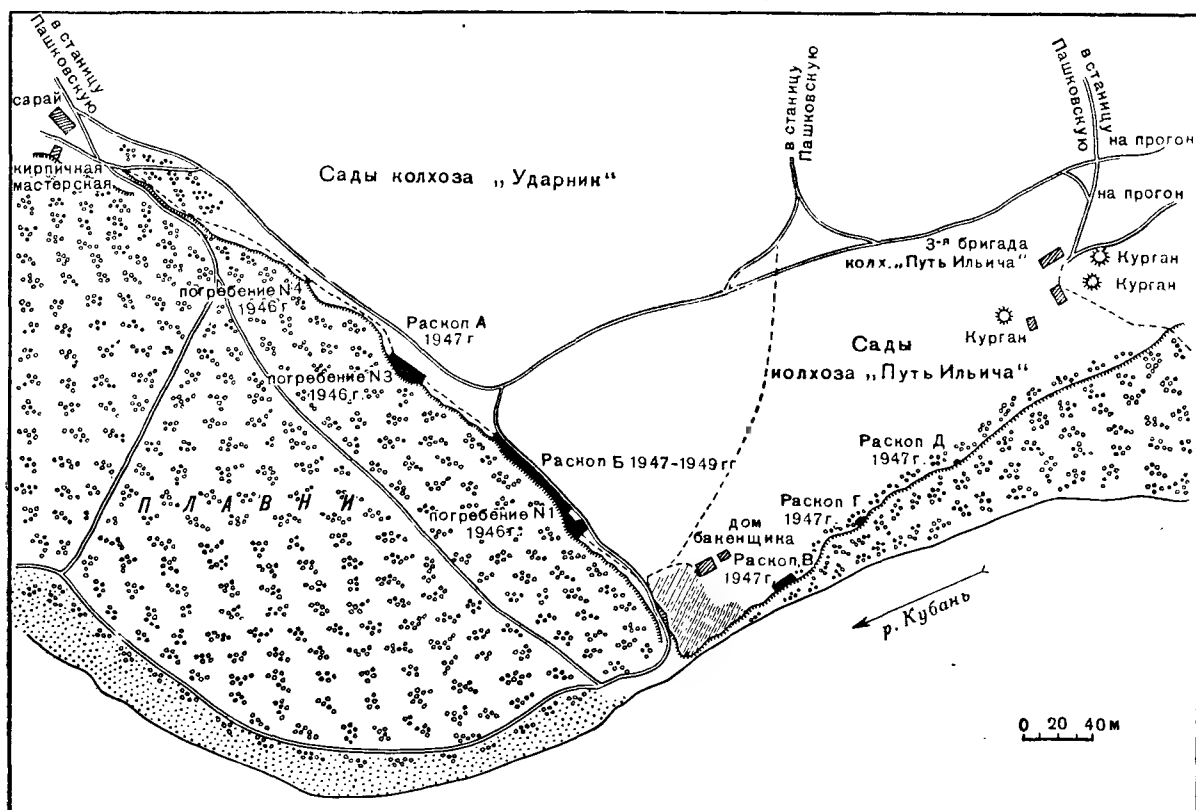

Рис. 2. План Пашковского могильника № 3.

эры и 3 могильника (рис. 1) ⁸. Краснодарский краеведческий музей в течение многих лет ведет наблюдение за древними памятниками этого района; в результате с поселений собран подъемный материал и дополнительно исследовались отдельные погребения, обнажившиеся в обрывах высокого пра-

фиксированный под № 3, был обнаружен М. В. Покровским в 1934 г. ⁹. Он расположен на правом высоком берегу Кубани в 3 км к юго-востоку от станции, на территории колхозных садов, напротив острова Закоп (рис. 2). В этом месте Кубань делает поворот, и ее воды, особенно в весеннее время, сильно подмывают берег, ежегодно обваливающийся. Во время этих обвалов уничтожались или обнажались древние погребения. В течение 1934 г. благодаря обвалам берега было обнаружено 5 частично разрушенных погребений.

⁸ М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений... Приношу благодарность Н. В. Анфимову за разрешение опубликовать здесь археологическую карту района станции Пашковской и использовать неопубликованные материалы его раскопок Пашковского могильника № 3, хранящиеся в Краснодарском краеведческом музее.

⁹ М. В. Покровский. Могильник станции Пашковской..., стр. 150.

ний, которые М. В. Покровский ориентировочно датировал III—II вв. до н. э. В инвентаре могил найдены 4 эллинистических амфоры, среди которых две имели фасосские клейма.

Осенью 1936 г. Н. В. Анфимов на расстоянии 530 м на восток от этих погребений, т. е. выше по течению Кубани, исследовал еще 3 погребения того же типа¹⁰. Полукилометровый разрыв между крайним к востоку погребением могильника № 3 и вновь исследованными погребениями дал право предполагать, что здесь находится новый могильник, названный Пашковским могильником № 4. Однако дальнейшие исследования Н. В. Анфимова и М. В. Покровского показали, что это был один большой могильник, протяженностью по прямой линии более 400 м, а по обрыву береговой террасы — более 500 м.

В 1937 г. экспедиция Краснодарского краеведческого музея под руководством Н. В. Анфимова исследовала еще 5 погребений на восточном участке могильника и одно — на западном. Летом 1946 г. я вместе с Н. В. Анфимовым впервые посетил этот могильник. Обнаружено еще 6 погребений, из которых четыре (в западной части) вскоре были исследованы М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым¹¹.

Таким образом, в результате охранных наблюдений на Пашковском могильнике № 3 в 1934—1946 гг. исследовано 18 древних погребений, частично или целиком сохранившихся.

Большое значение этого памятника в ряду других меото-сарматских памятников Прикубанья было установлено в результате систематических его раскопок, начатых Кубанской экспедицией ИИМК и ГИМ в 1947 г. под руководством К. Ф. Смирнова¹². В том

году было изучено 6 погребений, из них четыре — на западном участке (раскопы А и Б) и два, открытых в 1946 г., — на восточном участке (раскопы Г и Д; рис. 2). В 1948 г. был расширен раскоп Б, где обнаружено 18 погребений, а в 1949 г. — еще 10 погребений¹³. Таким образом, за период 1934—1949 гг. на Пашковском могильнике № 3 было исследовано 52 погребения.

Наши раскопки 1947—1949 гг. окончательно подтвердили, что восточный и западный участки составляют единый большой могильник, о чем свидетельствуют не только незначительный разрыв между ними, но и единство погребального обряда и инвентаря могил обоих участков. Некоторые различия в инвентаре объясняются разновременностью отдельных групп погребений. Наиболее древней частью могильника надо считать участок раскопа Б, где открыты наиболее ранние погребения. Здесь же обнаружены 2 погребения эпохи бронзы. В восточной части могильника, близ построек 3-й бригады колхоза «Путь Ильича», расположены 3 невысоких кургана; один из них был ранее исследован М. В. Покровским, и там оказался тот же инвентарь, что и в грунтовых могилах (вещи хранятся в Краснодарском краеведческом музее).

Население, хоронившее умерших на этом могильнике, по культуре и частично по времени, было связано с городищами этого района. Однако могильник, к сожалению, нельзя непосредственно объединить с каким-либо известным городищем в районе станицы Пашковской. Обычно древние могильники правобережья Кубани расположены около самого городища, почти непосредственно за рвом и валом. Ближайшее к Пашковскому могильнику № 3 Харольское городище (см. рис. 1) находится в 1/2 км выше по Кубани и не может быть связано с ним. Городище, относящееся к исследованному некрополю, по-видимому, уже давно уничтожено водами Кубани, и на его месте находятся плавни (см. рис. 2).

¹⁰ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 218.

¹¹ Результаты исследований 1936, 1937 и 1946 гг. не опубликованы; коллекции вещей из исследованных погребений хранятся в Краснодарском краеведческом музее.

¹² В раскопках могильника принял участие: в 1947 г. — А. В. Гусаркина и В. П. Шилов, студенты историко-филологического факультета Казанского гос. университета имени В. И. Ленина Ю. Откупщиков, П. Михайлов, М. Стенченко, А. Салимьянова, А. Навицкая, О. Страдомская; в 1948 г. — старший научный сотрудник ГИМ Ю. С. Крушквал, младший научный сотрудник ИИМК О. Н. Мельниковская и младший научный сотрудник ГИМ З. П. Попова; в 1949 г. —

О. Н. Мельниковская, лаборантка ИИМК Т. М. Смирнова и З. П. Попова.

¹³ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3; его же. Новые данные по сарматской культуре...; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры... Коллекции вещей из погребений раскопок 1947—1949 гг. хранятся в ГИМ.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ ПАШКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 3

Раскоп А

Первый раскоп — раскоп А — был заложен в 1947 г. вдоль обрыва в западной части могильника, около погребения № 3 1946 г. на расстоянии 220 м на юго-восток от кирпичной мастерской колхоза «Ударник» (рис. 2). Первоначальная длина раскопа — 22 м, ширина — от 2 м и более (рис. 3), в за-

вить могильные пятна и форму могил в грунтовых могильниках Прикубанья, как правило, невозможно. Это отметил еще А. А. Миллер при исследовании Усть-Лабинского могильника № 1 в 1945 г.¹⁴ Н. В. Анфимову лишь несколько раз удалось проследить форму могил в их нижней части¹⁵. Это возможно только в том случае, когда могила перерезает пласт гумированного суглинка и углубляется в чистый лёсс. Так, на Пашковском могильнике, на восточном участке,

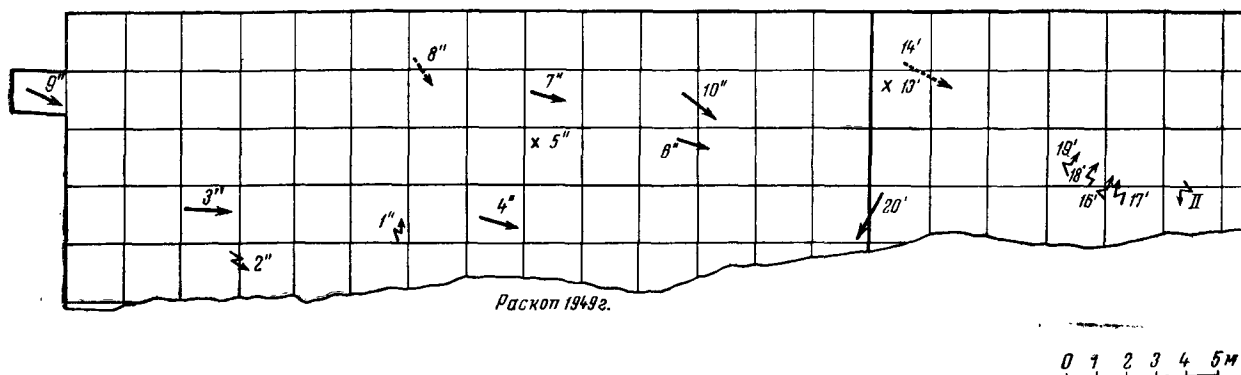

Рис. 3. Схематический план раскопов 1947—1949 гг. (Цифры I, II — раскопки Н. В. Анфимова 1946 г.; 3, 4 — раскопки

висимости от кривизны обрывистого юго-западного края раскопа. Небольшой размер площади раскопа был обусловлен недостатком рабочей силы, которую представляли 6 студентов Казанского университета. Площадь раскопа была разбита на квадраты 2×2 м. Работа велась послойно, со сброской земли под обрыв. Верхний слой чернозема (толщина — до 1,2 м) постепенно светлел и переходил в чистый лёссовидный суглинок желтого цвета. Черноземный слой могильника содержал культурные остатки — обломки керамики, кости животных и отдельные металлургические веюи; чем глубже, тем их становилось меньше, и они почти совсем исчезли на границе с чистым лёссом (отдельные мелкие фрагменты керамики и костей животных встречались и глубже — они были занесены сюда грызунами, чьи норы часто встречались при раскопках).

Почти все погребения обнаружены в слое гумированного суглинка; поэтому выя-

Н. В. Анфимов в 1936 г. проследил контуры могилы № 3 в ее нижней части на высоту 0,2 м.

Раскоп был углублен до 2,05 м. Общая площадь раскопа около 50 кв. м. В его средней части было вскрыто лишь одно целиком сохранившееся погребение.

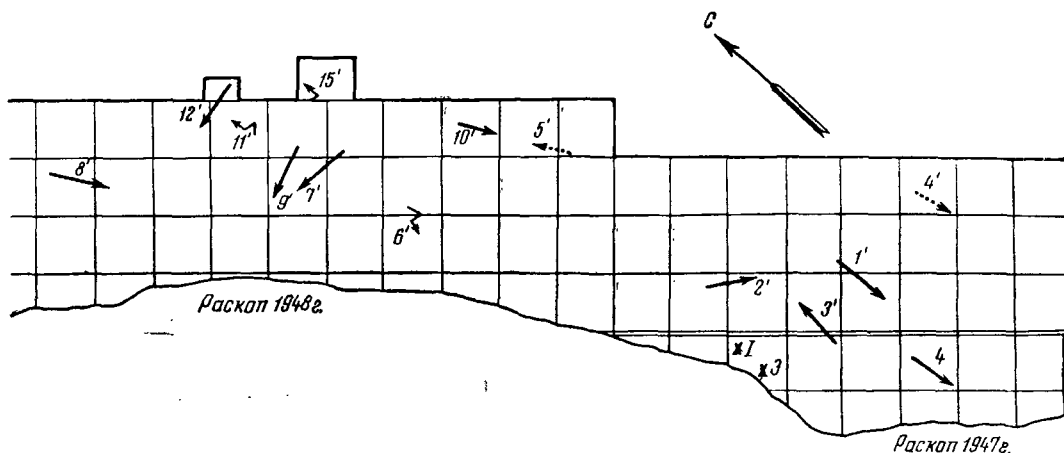
Погребение № 1 (глубина — 1,26 м). Кости погребенного — очень плохой сохранности (рис. 4, I). Судя по инвентарю, здесь был похоронен мужчина пожилого возраста; костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на юг (к реке); череп лежал на своем основании, лицом к востоку. Под черепом оказалась положенная вверх дном миска с загнутым внутрь бортиком, служившая изголовьем покойнику. На запястье правой руки сохранился бронзовый браслет

¹⁴ А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 71.

¹⁵ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени..., стр. 148.

(рис. 5, 1); другой, подобной же формы, найден выше погребения, куда он, по-видимому, был затащен грызунами. Слева от погребенного обнаружено его оружие. На уровне черепа параллельно костяку находились 4 железных наконечника копий (рис. 5, 2—5): два — сверху и два — снизу, один из верхних наконечников — на ребре, остальные плашмя. Ниже копий, ближе к костяку, вдоль него, лежал короткий железный меч (рис. 5, 6) острием к голове (острие — у ле-

ный кувшин из светло-серой глины (рис. 5, 11), а около кувшина находились зубы жеребенка. В ногах покойника стояли: раздавленные землей амфора (рис. 6, 1) и большой черноглиняный лощеный сосуд грушевидной формы; рядом лежали: трубчатая кость животного и мелкие обломки костей. Тут же обнаружена часть нижней челюсти жеребенка с обломком железного ножа, а под обломками черноглиняного сосуда — плоско-овальная галька.

11, 3, 4, 1'—20' и 1''—10'' обозначают номера погребений).

1947 г.; 1'—20' — раскопки 1948 г.; 1''—10'' — раскопки 1949 г.

вого локтя, рукоятка — на уровне колена). Между копьями и левой рукой была положена кучка втульчатых железных наконечников стрел (рис. 5, 7), из них три — параллельно друг другу, остриями к голове покойника, один — ниже, острием к костяку, другой — еще ниже, острием к копьям. Два таких же наконечника стрел найдены справа от головы погребенного, занесенные сюда сурками.

Справа от погребенного и в его ногах стояли сосуды: на уровне головы — красноглиняный лутерий, сделанный на гончарном круге (рис. 5, 8); на уровне таза — гончарный красноглиняный горшок с ушками (рис. 5, 9); правее — лепная сероглиняная мисочка (рис. 5, 10); около миски найдена часть трубчатой кости крупного животного, с другой стороны миски — железный ножичек. Между лутерием и миской лежала нижняя челюсть поросенка с зубами, ближе к костяку — округлый камень; на уровне берцовых костей стоял двуручный, гончар-

Кучка округлых галек найдена над головой покойника, на 26 см выше черепа. По-видимому, камни лежали на земляной ступеньке. Один из камней скатился вниз и был найден на черепе погребенного.

К западу от погребения № 1, на глубине 0,87—1,1 м была сосредоточена группа фрагментов керамики и костей животных, представлявшая собой, вероятно, разрушенное погребение или остатки тризны. Эта группа, названная нами «группа № 2», включала: части плечевой кости лошади на глубине 0,87 м; а поблизости, на глубине 1 м — трубчатую кость лошади и фрагмент стенки лепного сосуда из черной глины; на глубине 1,1 м найдены обломки тулова и часть горла амфоры из крупнозернистой желто-оранжевой глины с массой слюдяных блесков и мелких белых частиц; тут же лежали черепки сосудов из темной глины, среди них — 2 обломка бортика лепного сосуда; между обломком амфоры и погребением (на его уровне) найдена малая фаланга лошади.

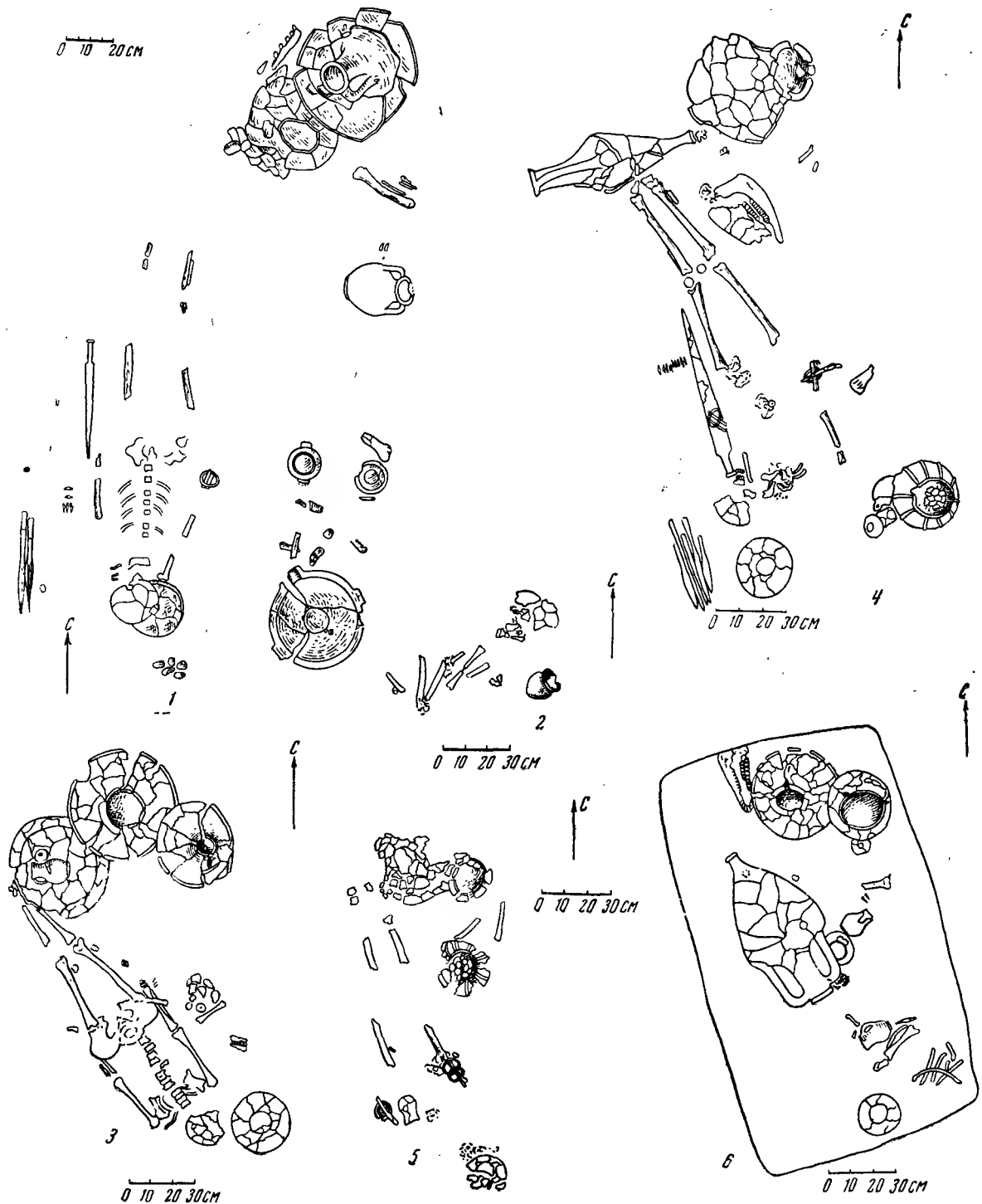

Рис. 4. Планы отдельных погребений Пашковского могильника № 3.

1 — погребение № 1 1947 г.; 2 — погребение № 1 1949 г.; 3 — погребение № 3 1949 г.; 4 — погребение № 4 1949 г.;
5 — погребение № 9 1949 г.; 6 — погребение № 10 1949 г.

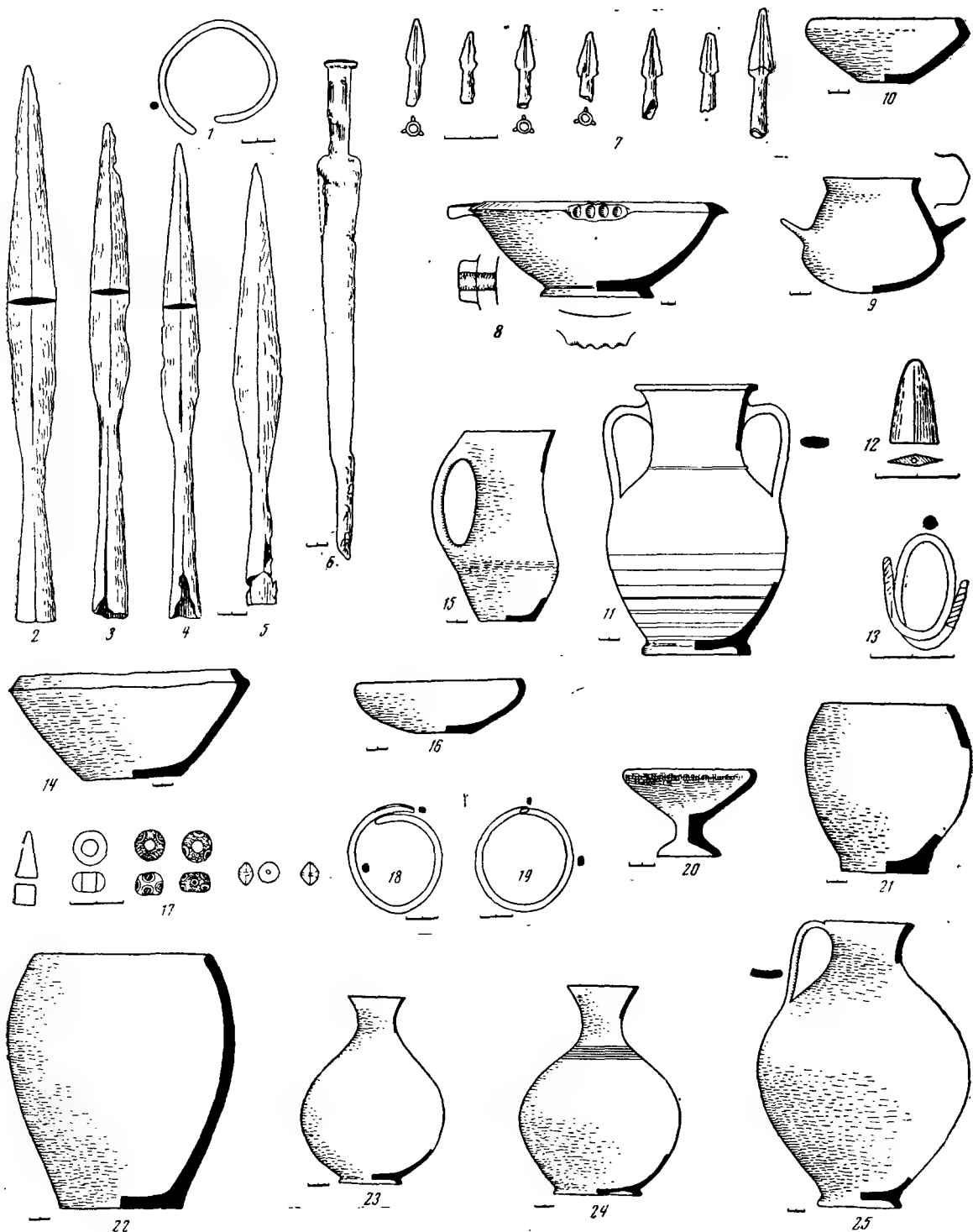

Рис. 5. Инвентарь погребений № 1, 3, 4, 5 1947 г.

1 — бронзовый браслет; 2—5 — железные наконечники копий; 6 — железный меч; 7 — железные наконечники стрел; 8 — глиняный лутерий; 9 — горшок; 10 — мисочка; 11 — кувшин (погребение № 1); 12 — обломок бронзового наконечника стрелы; 13 — бронзовое височное кольцо (раскоп В, в слое могильника); 14 — миска; 15 — кубок; 16 — миска (погребение № 3); 17 — стеклянные бусы; 18, 19 — бронзовые браслеты; 20 — мисочка на ножке (погребение № 4); 21, 22 — горшки; 23—25 — кувшины (погребение № 5).

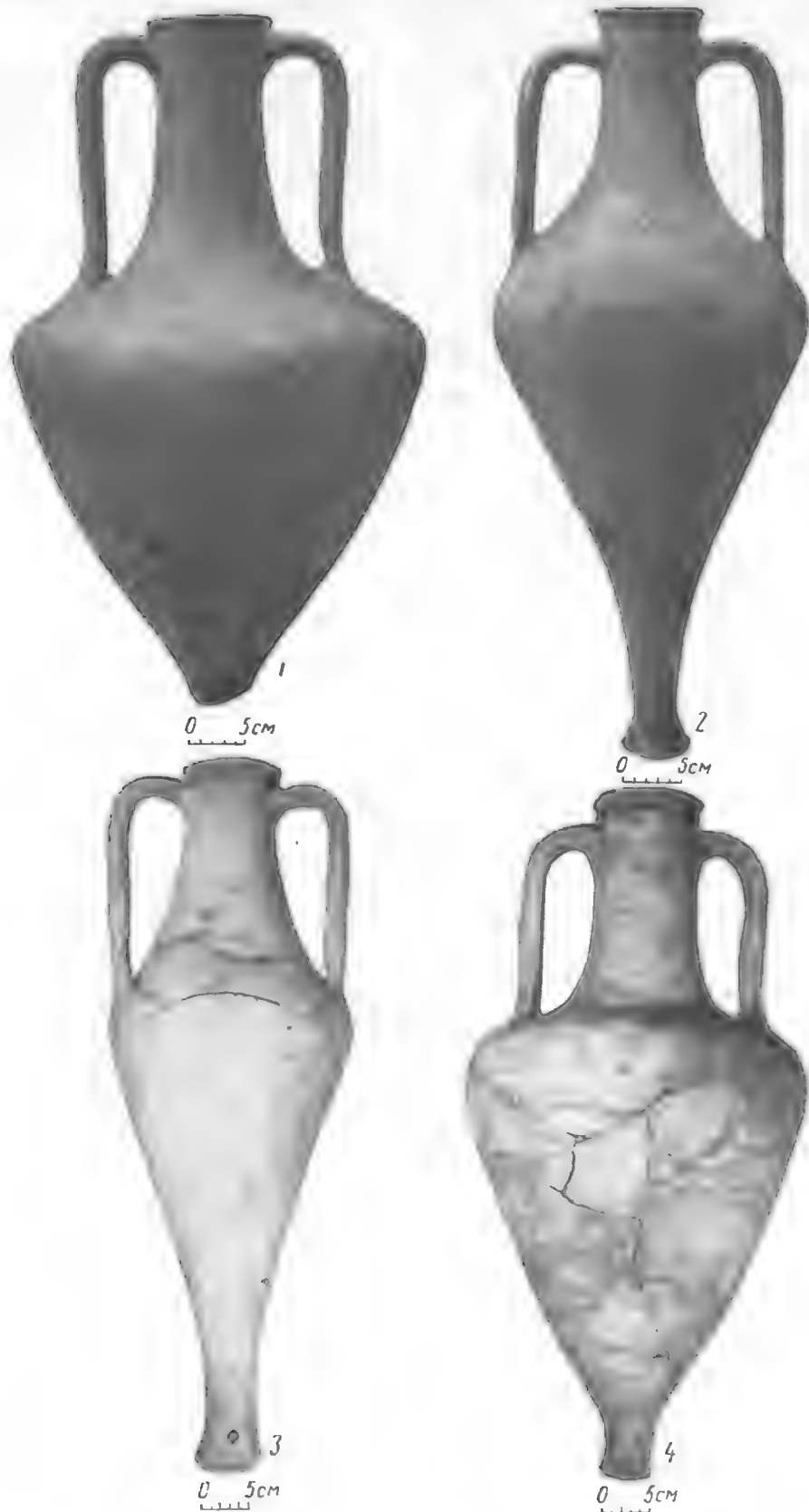

Рис. 6. Амфоры.

1 — из погребения № 1 1947 г.; 2 — из погребения № 1 1948 г.; 3 — из погребения № 4 1949 г.; 4 — из погребения № 10 1949 г.

Подобные группы на территориях грунтовых могильников Прикубанья встречаются довольно часто (например в Усть-Лабинском могильнике № 3; раскопки Н. В. Анфимова). Чаще всего они содержат керамику, бусы, кости животных и разрозненные части человеческих костяков.

Раскоп Б

На раскопе Б (1947 г.), заложенном на расстоянии 112 м от раскопа А в юго-восточном направлении, обнаружены еще 2 погребения (№ 3 и 4; рис. 3). Раскоп, вплотную примыкавший к северо-западной стенке раскопа 1946 г., где М. В. Покровский и Н. В. Анфимов доследовали погребение № 1, шел вдоль обрыва с северо-запада на юго-восток; длина раскопа — 10 м, ширина — от 2 м и более (5 квадратов; рис. 3). На первых же штыках стали встречаться вещи, свидетельствующие о погребениях на этом участке: обломок бронзового наконечника стрелы архаического типа, с плоской головкой, ромбической в сечении (рис. 5, 12); пирамидальная бусинка из прозрачного синего стекла (такая же, как на рис. 5, 17); бронзовое височное кольцо (рис. 5, 13); коренной зуб человека.

В отличие от раскопа А, в слое гумированного суглинка раскопа Б встречались фрагменты главным образом местной керамики: 1) из серой глины, хорошо отмученной, с серебристыми блестками, с розовой внешней поверхностью; 2) из желтой глины, такой же отмучки, с серебристыми блестками; 3) из черной грубой глины с песком, со следами черного лощения; 4) из серой грубой глины с примесью шамота или песка. Найден только один более или менее крупный фрагмент амфорной стенки из крупнозернистой желтой глины с примесью песка и красноватых включений.

Погребение № 3 (на самом краю обрыва, на глубине 1,25 м; рис. 3). От человеческого костяка ничего не сохранилось, так как он ранее обвалился вместе с частью берега. Находившееся рядом погребение № 1 (раскопки М. В. Покровского и Н. В. Анфимова 1946 г.) не может быть связано с найденным нами, так как первое имеет значительно большую глубину (1,4 м). Сохранившаяся группа керамики находилась справа от костяка, вероятно, — у головы; на это указы-

вала лежавшая вверх дном у самого обрыва чернолощенная лепная миска (рис. 5, 14) и служившая, как и в первом погребении, изголовьем покойнику. С восточной стороны миски стояли 2 чернолощенных высоких кубка (рис. 5, 15). На север от сосудов лежали ребра коровы. Внутри полукруга, образованного ребрами, стояла темноглиняная лепная миска плохой сохранности (рис. 5, 16), а около нее к востоку — обломок трубчатой кости животного. Около одного из ребер находился обломок железного ножа в вертикальном положении. На расстоянии 0,7 м к северо-востоку от второй миски лежал обломок трубчатой кости животного. При снятии погребения, под ребрами коровы (с их южной стороны) найдена половина копыта коровы.

Погребение № 4 (глубина — 1,1 м). Костяк женщины (судя по инвентарю) лежал на спине, головой на юго-юго-восток (рис. 3). Череп — плохой сохранности, раздавлен. Большинство костей скелета отсутствует. Слегка заметны ребра; сохранились также обломки лучевых и локтевых костей (у бронзового браслета). Судя по этим костям, руки были несколько раскинуты и слегка согнуты в локтях. По положению остатков таза и бедренных костей можно заключить, что скелет лежал с вытянутыми ногами.

С северо-восточной стороны к черепу примыкала лепная плоскодонная глубокая миска из черной глины, очень плохой сохранности. Она лежала вверх дном и служила изголовьем для покойницы. У шейных позвонков (с восточной стороны) найдена пирамидальная бусина из синего стекла (рис. 5, 17); еще 2 таких же бусины и одна битрапециодная из прозрачного стекла оказались восточнее затылка, одна битрапециодная из зеленоватосинего стекла — на грудных позвонках. На запястьях рук были надеты бронзовые браслеты с заходящими друг на друга концами (рис. 5, 18, 19). Под браслетом правой руки лежали 2 зонные бусинки из синего стекла и 6 глазчатых бусин тоже из синего стекла, образовавших целую низку, надетую на руку, как второй браслет (рис. 5, 17). Между бедренными костями, ниже таза, найдены еще 3 глазчатых бусины из синего стекла. На головке левой бедренной кости лежал продолговатый кусок мела.

Все сосуды находились по правую руку от погребенной. На восток от черепа стояла лепная мисочка на высокой ножке

(рис. 5, 20), а северо-восточнее мисочки — кубкообразный сосудик плохой сохранности, с вертикальной ручкой, подобный кубкам из погребения № 3, но малого размера. К востоку от кубка, несколько выше уровня погребения, лежала часть трубчатой кости животного. Рядом обнаружены фрагменты миски из черной глины, устьем кверху, а между миниатюрным кубком и локтем — железный ножичек. Между мисочкой на ножке и кубком оказался обломок серого камня.

Около правой ноги погребенной лежала группа лепных сосудов в сильно разрушенном состоянии: темноглиняный горшок баночной формы, кверху дном; ближе к ногам — большой узкогорлый горшок с отогнутым венчиком, из серо-желтой глины; рядом — другая половина крупного, подобного по венчику и глине сосуда с плоским дном (вероятно, от этого же горшка).

При снятии погребения у шейных позвонков была найдена еще одна битрапецидная бусина из прозрачного желтоватого стекла, а под правой рукой — пирамидальная бусина из синего стекла.

Раскоп В

Этот раскоп был заложен между западным участком могильника и восточным участком, где ранее были вскрыты погребения (Пашковский могильник № 4, по М. В. Покровскому). Он находился на расстоянии 110 м от раскопа Б, выше по течению реки, за огородом бакенщика В. П. Савченко (рис. 2). В этом месте правобережная терраса повышается, образуя мыс, который почти вплотную подходит к водам Кубани. В обрыве торчали отдельные кости животных (лошади и др.), были видны какие-то золистые пятна. Раскоп заложен на несколько метров к северо-востоку от этого скопления костей и золы, где в обрыве на глубине 0,65 м выступала из земли амфорная ручка. Площадь раскопа — 12 × 2 м. В слое гумированного суглинка встречались мелкие обломки костей животных, фрагменты лепной и гончарной посуды, стенок амфор, 2 амфорные ручки, обломок железного ножичка с небольшим узким черенком. Погребений на этом участке не было.

В 1947 г. были также дополнительно исследованы погребения, открытые в 1946 г. на восточном участке могильника в обрыве бере-

га. На расстоянии 45 м к северо-востоку от раскопа В в обрыве были видны сероглиняный и красноглиняный сосуды (раскоп Г; рис. 2).

Погребение № 5. Сохранилось целиком. Остатки человеческого костяка обнаружены на глубине 1,4 м; он лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Кости — очень плохой сохранности. Частично сохранился тлен черепа. У черепа заметны остатки шейных и некоторых грудных позвонков. Уцелел также тлен от правой плечевой кости (параллельно позвоночнику), бедренной и правой берцовой костей и обеих берцовых костей левой ноги. Ноги покойника лежали параллельно. Все сосуды погребения раздавлены землей и повреждены тонкими корнями акаций. Несколько выше головы, к востоку, находилась группа из 4 сосудов: ближе к голове на боку лежал лепной горшок из красноватой глины, дном к югу (такой же, как на рис. 5, 21), а рядом — обломки более крупного горшка той же формы и из такой же глины (рис. 5, 22); за этим сосудом стоял небольшой гончарный сероглиняный тонкостенный кувшин (рис. 5, 23; последние 2 сосуда были видны в обрыве берега); северо-западнее кувшина лежал на боку, устьем на север, другой гончарный сероглиняный кувшин большого размера (рис. 5, 24). Вся группа сосудов находилась несколько глубже костяка, по-видимому, в результате некоторого сползания земли у обрыва.

Северо-западнее этой группы, также справа от костяка, на уровне его локтя, лежал на боку, устьем к костяку, гончарный тонкостенный кувшин из желтоватой глины, с орнаментом из параллельных бороздок по плечикам (рис. 5, 25). Несколько к северу от него находились черепки от неполного сосуда из розовой глины. Около дна последнего кувшина находилась челюсть животного, очень плохо сохранившаяся; остатки зубов больше всего напоминают зубы свиньи. Возле локтя левой руки найдена бусинка из прозрачного желтоватого стекла. В ногах костяка лежали небольшая галька и обломок серого камня. Между черепом и горшком баночной формы в земле встречались мелкие обломки лепного сосуда из темно-серой глины, — может быть, от миски, служившей изголовьем покойнику. У устья горла большого кувшина найден обломок кости животного.

Погребение № 6. Находилось запад-

нее, у обрыва берега, также заросшего акацией (раскоп Д; рис. 2). На глубине 1,6 м у самого обрыва террасы лежали крупные фрагменты стенок амфоры (горло и ножка не сохранились). Под фрагментами амфоры находился лепной, сильно фрагментированный горшок; рядом с ним к югу, также вдоль обрыва, стоял гончарный сероглиняный кувшин с отбитым горлом (рис. 7, 1). С северной стороны горшка лежал на боку другой лепной горшок с 2 горизонтальными ручками-выступами (рис. 7, 2). Внутри сосуда найдены маленькая галька, песок и древесные угольки. Другая галька лежала вне сосуда, у его устья. Около устья горшка найдена бронзовая ворворка (рис. 7, 3). Вдоль северной стенки этого горшка лежало четырёхгранное железное шило (рис. 7, 4), а еще севернее оказался фрагментированный серповидный ножичек (рис. 7, 5) в вертикальном положении.

У северо-восточной стенки раскопа над обрывом лежала челюсть коровы с остатками зубов. К юго-западу от группы сосудов, близ обрыва, найдены железный серп (рис. 7, 6) и под ним — железная втулка с остатками дерева в ней, очевидно, от копья или дротика. Во время разборки остатков челюсти коровы в земле были обнаружены ржавчина (по-видимому, от железного ножичка) и кусочки древесного угля. Следов костяка не оказалось — он обрушился ранее в обрыв берега.

В 1948—1949 гг. раскопки могильника производились на одном участке: был значительно расширен раскоп Б, в котором открыты наиболее древние погребения (рис. 3). В 1948 г. здесь было исследовано на площади около 330 кв. м 18 древних погребений и 2 новых христианских — XIX или XX вв. (№ 9 и 20).

Погребение № 1 (глубина — 1 м; рис. 3). От костяка сохранились лишь мелкие трухлявые косточки. Судя по расположению инвентаря, погребенный лежал головой на юг. В головах стояла миска из голубовато-серой глины, сделанная на гончарном круге (рис. 7, 7). Слева от головы покойника, параллельно ему, лежали 4 железных наконечника копий (рис. 7, 8—10): один — на ребре, остальные — плашмя. Близ копий, немного выше черепа, найдены продолговатая галька, а справа от головы — фрагменты лепного сосуда очень плохой сохранности. С правой стороны костяка на уровне кисти руки оказались

фрагменты неполного лепного сосуда с широкой плоской ручкой, а около него — зубы овцы. В ногах погребенного стояла лепная миска из темно-серой глины (рис. 7, 11), возле нее найден зуб овцы. Севернее миски, на боку, устьем к юго-западу лежала фасосская амфора (рис. 6, 2), а около ее ножки — продолговатая галька. Западнее амфоры на боку лежали лепной горшок с плоским дном и отгнутым венчиком и рядом — кувшин из серой глины, сделанный на гончарном круге (рис. 7, 12). Все глиняные сосуды раздавлены землей. Ниже уровня погребения найден бронзовый браслет (рис. 7, 13), затащенный в нору грызунами. Судя по инвентарю, это было мужское погребение.

Погребение № 2 (глубина — 1 м; рис. 3). Костяк мужчины находился в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости плохо сохранились. Череп лежал на своем основании, лицом к северо-западу, несколько сместившись влево, а справа от черепа, параллельно ему, — небольшой железный наконечник копья (рис. 7, 14); правее стояла лепная миска из черной глины, вверх дном (рис. 7, 15). У кисти правой руки найден лепной кувшинчик с отбитым верхом, а рядом — черенок от железного ножичка. У берцовой кости правой ноги лежали обломки лепного кубка с ручкой (рис. 7, 16).

Погребение № 3 (глубина — 1,45 м; рис. 3). Здесь находился прекрасно сохранившийся костяк молодой женщины, вытянутый на спине, головой на север. Череп лежал на своем основании, лицом к юго-юго-востоку. Руки были протянуты вдоль тела, из них правая лежала под тазом, левая — кистью на бедре. Позвоночник искривлен так, что поясничные позвонки оказались смещенными. Впечатление от позы погребенной таково, что последняя была положена в очень тесную и узкую могилу, может быть, — подбой (?).

Череп покойницы искусственно деформирован с помощью 2 повязок — лобной и теменной. Вдоль плечевой кости левой руки найдено 15 мелких стеклянных и пастовых бусинок (рис. 7, 17).

Погребение № 4 (глубина — 1 м; рис. 3). От костяка почти ничего не сохранилось, кроме мелких фрагментов челюсти, головки бедра и небольшого фрагмента бедренной или берцовой кости. Судя по положению вещей, погребенный воин лежал головой на юг. У его головы стояла лепная миска вверх

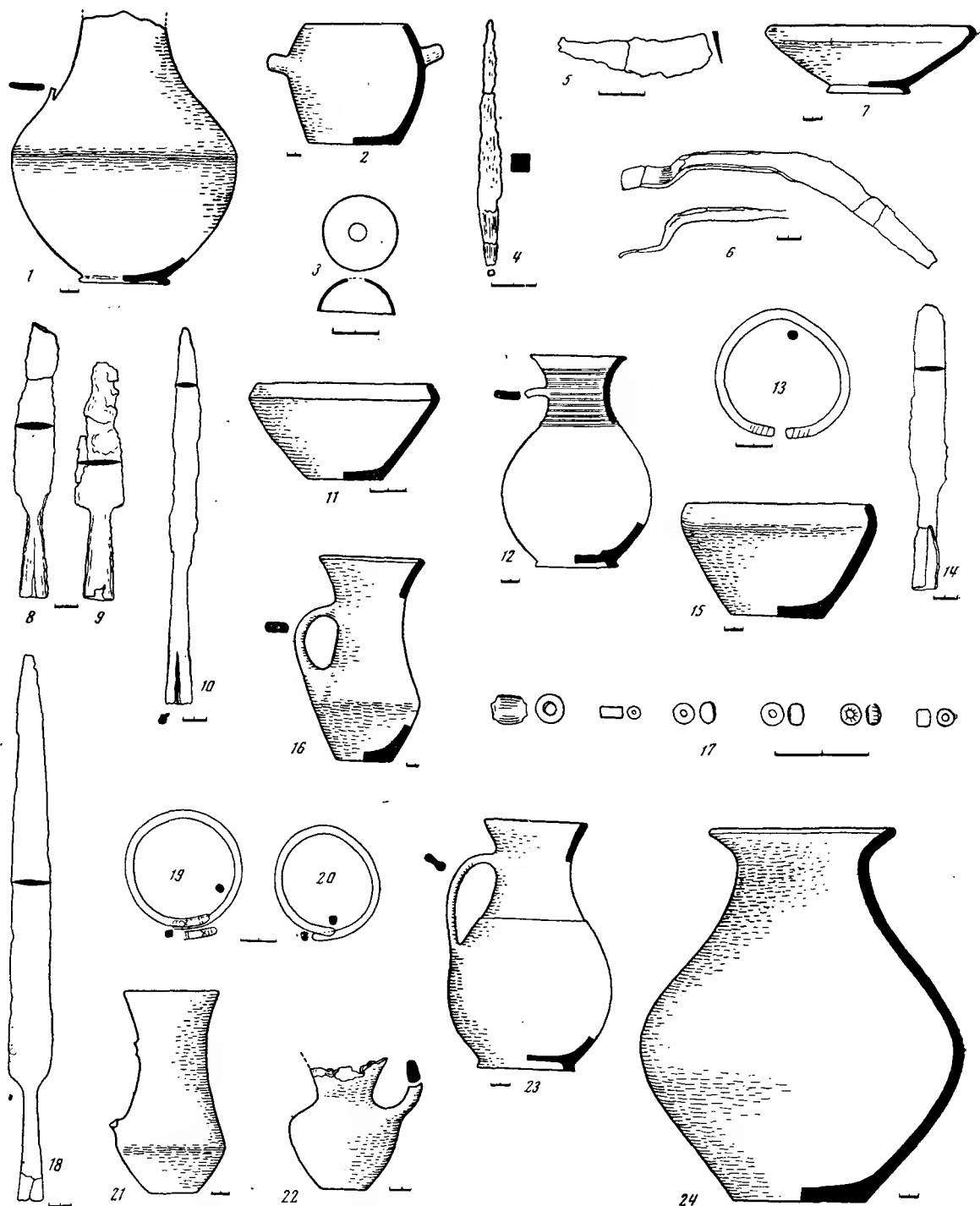

Рис. 7. Инвентарь погребений № 6 1947 г. и № 1—4 1948 г.

1 — кувшин; 2 — горшок; 3 — бронзовая ворворка; 4 — железное шило; 5 — железный ножик; 6 — железный серп; 7 — миска; 8—10 — железные наконечники копий; 11 — миска; 12 — кувшин; 13 — бронзовый браслет; 14 — железный наконечник копья; 15 — миска; 16 — кубок; 17 — стеклянные и пастовые бусы; 18 — железный наконечник копья; 19—20 — бронзовые браслеты; 21 — кубок; 22 — кувшинчик; 23 — кувшин; 24 — корчага (1—6 — из погребения № 6; 7—13 — из погребения № 1; 14—16 — из погребения № 2; 17 — из погребения № 3; 18—24 — из погребения № 4).

дном; слева от черепа находился железный наконечник копья (рис. 7, 18). На месте левой руки — бронзовый браслет (рис. 7, 19); другой браслет найден глубже, в норе грызуна (рис. 7, 20). Справа от головы обнаружены кости крупного животного (коровы?), еще правее — группа глиняных сосудов: лепной кубок с отбитой ручкой (рис. 7, 21), рядом с ним — кувшин из серой глины, сделанный на гончарном круге (рис. 7, 23), а около его устья — лепной кувшинчик (рис. 7, 22), возле которого находились другой лепной кувшинчик и фрагменты лепной мисочки. Севернее этой группы сосудов найдены кости коровы (?) и фрагменты челюсти барашка с зубами. В ногах, устьем к погребенному, лежала большая лепная корчага с узким горлом (рис. 7, 24). Почти все сосуды раздавлены землей.

Погребение № 5 (глубина — 1,05 м; рис. 3). Обнаружены раздавленный лепной сосуд, плоскодонный, с небольшим отогнутым венчиком, а к северу от сосуда — бусинка из синего стекла. Сохранились лишь мелкие куски костей человека, среди них — фрагменты черепа (детского) и трубчатых костей. Ориентировка погребенного не вполне ясна; возможно, — головой на северо-запад, так как фрагменты черепа лежали к северо-западу от лепного сосуда, а трубчатые кости ног — у горшка. В выкидной земле поблизости найдены 3 бусинки из синего стекла, вероятно, от этого же погребения (рис. 8, 1).

Погребение № 6 (глубина — 0,95 м; рис. 3). Кости человека почти целиком истлели; сохранились лишь отдельные фрагменты черепа, зубы и бедренные кости. Судя по ним и по положению инвентаря, погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. У черепа обнаружены фрагменты лепной миски, стоявшей вверх дном, а справа от черепа — бронзовое овальное височное кольцо (рис. 8, 2) и возле шеи — 5 мелких биконических бусин из синего стекла (рис. 8, 3). С правой стороны черепа стояла тонкостенная лепная мисочка с загнутым внутрь бортиком, на высокой ножке и рядом — обломки бронзовой иглы или булавки. Севернее мисочки лежал на боку лепной кубок из розоватой глины (рис. 8, 4) и около него — фрагмент лепной глубокой мисочки с острым ребром по плечу. Близ правого бедра найден бронзовый браслет с заходящими друг на друга концами (рис. 8, 5), в котором сохранились

фрагменты лучевой и локтевой костей и, вероятно, остатки кожи; около браслета правильным рядом лежали 11 глазчатых бус из синего стекла (рис. 8, 3). Кости бедер находились на плитке прямоугольной формы из слежавшегося речного песка, а рядом с ними — группа фрагментов лепного сосуда. В ногах покойника лежали на боку 2 больших лепных узкогорлых и плоскодонных горшка, раздавленных землей.

Близ сосудов оказались фрагменты черепа взрослого человека и половинка глиняного пряслица эллипсоидной формы, вероятно, от другого разрушенного погребения.

Погребение № 7 (глубина — 1 м; рис. 3). Костяк женщины был вытянут на спине, головой на запад — северо-запад; череп лежал на правом виске. Справа от плечевой кости стоял небольшой лепной сосуд с ручкой (рис. 8, 6).

Погребение № 8 (глубина — 1,18 м; рис. 3). От костяка воина сохранились незначительные фрагменты черепа, челюсти, бедренных и берцовых костей. Костяк лежал вытянуто, вероятно, на спине, головой на юго-восток. У головы стояла лепная миска вверх дном и севернее ее — сильно фрагментированный кувшинчик. Слева от черепа параллельно лежали 3 железных наконечника копий (рис. 8, 7—9). Недалеко от шеи и груди покойника найдены 3 бусинки из синего стекла — биконические и шаровидная (такие же, как на рис. 8, 3). Поперек левого бедра лежал железный меч длиной 58 см, с брусковидным навершием, без перекрестия (рис. 8, 10); около меча — 7 мелких железных втульчатых наконечников стрел (рис. 8, 11). Справа, на уровне таза погребенного, находились лепная мисочка, возле нее — железный ножичек (рис. 8, 12) и неподалеку — фрагменты лепного сосуда. В ногах лежали 2 больших лепных узкогорлых сосуда, устьем к погребенному (рис. 8, 13).

Погребение № 10 (глубина — 1,05 м; рис. 3). Скелет человека лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, череп — на левом виске. Кости плохо сохранились. Справа от черепа стояла лепная миска, дном кверху (плохой сохранности), а с той же стороны на уровне руки — мисочка из голубовато-серой глины, сделанная на гончарном круге (рис. 8, 14). К северу от мисочки найдены фрагменты лепного сосуда и рядом с ними — большая узкогорлая лепная корчага.

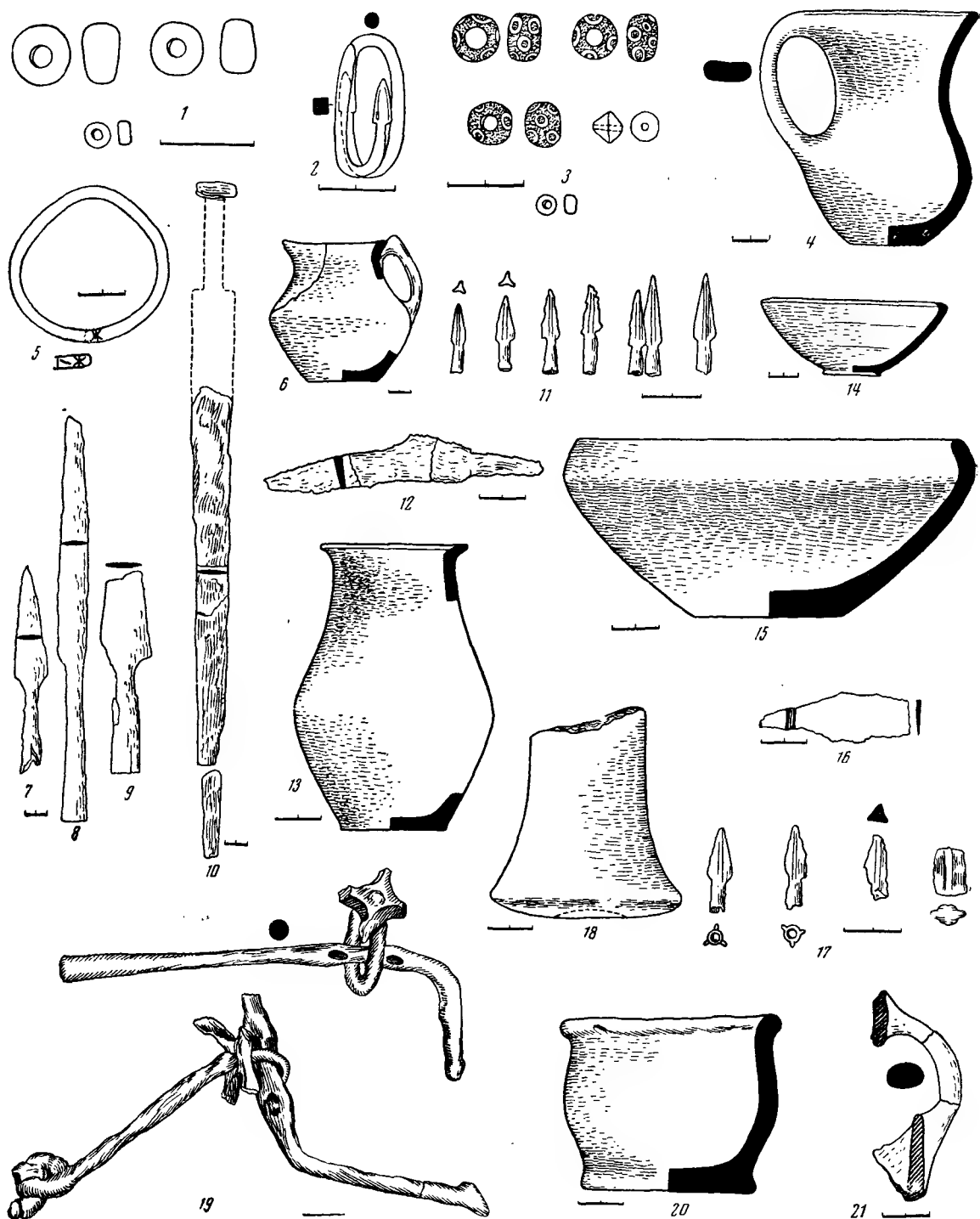

Рис. 8. Инвентарь погребений № 5—8, 10, 11, 13, 14, 17 и 19 1948 г.

1 — стеклянные бусы (из погребения № 5); 2 — бронзовое височное кольцо; 3 — стеклянные бусы; 4 — кубок; 5 — бронзовый браслет (2—5 из погребения № 6); 6 — кувшинчик (из погребения № 7); 7—9 — железные наконечники копий; 10 — железный меч; 11 — железные наконечники стрел; 12 — железный ножик; 13 — горшок (7—13 — из погребения № 8); 14 — мисочка (из погребения № 10); 15 — миска (из погребения № 11); 16 — железный ножик; 17 — железные наконечники стрел (16, 17 — из погребения № 13); 18 — ножка амфоры; 19 — железные удила (18, 19 — из погребения № 14); 20 — горшочек (из погребения № 17); 21 — ручка кувшинчика (из погребения № 19).

Погребение № 11 (глубина — 0,92 м; рис. 3). Здесь найден костяк взрослого человека, плохо сохранившийся, в скорченном положении на левом боку, головой на север. Руки были согнуты в локтях, кисти правой руки находились у подбородка; бедра согнуты под прямым углом. Перед лицом покойника стояла лепная миска с загнутым внутрь краем (рис. 8, 15); у кисти лежал небольшой фрагмент лепной керамики, возле затылка — половинка тонкого бронзового колечка, у локтя левой руки — кусочек реалгары. В ногах обнаружены фрагменты лепного сосуда очень плохой сохранности, рядом — маленькая галька.

Погребение № 12 (глубина — 1,1 м; рис. 3). Костяк взрослого мужчины лежал на спине вытянуто, головой на запад. Выше локтя правой руки оказались фрагменты лепной мисочки с горизонтальным краем и днище другого лепного сосуда, у кисти левой руки — фрагменты лепной мисочки, у левого колена — осколки лепного узкогорлого сосуда из розовато-желтой глины.

Погребение № 13. Это погребение было нарушено. Остатки его обнаружены на глубине 1 м (рис. 3). Сохранились лишь фрагменты лепного кувшинчика, миски и зуб человека. Вероятно, из этого же погребения происходят наконечник копья, фрагменты железного ножа (рис. 8, 16), а также 4 железных наконечника стрел (рис. 8, 17).

Погребение № 14. Рядом с предыдущим погребением на глубине 0,95 м найдены остатки, вероятно, еще одного погребения, тоже нарушенного. От костяка почти ничего не сохранилось, кроме нескольких фрагментов костей ног, лежавших под обломками лепного сосуда; здесь же оказалась ножка греческой амфоры (рис. 8, 18). К юго-востоку от этой группы лежал лепной кувшинчик из черной глины, а южнее его, — очевидно, в головах покойника, — находились фрагменты лепной миски, стоявшей вверх дном. По положению вещей можно с уверенностью определить ориентировку погребенного: он лежал головой на юго-юго-восток (миска — в головах, крупные сосуды и амфора — в ногах). Очевидно, слева от погребенного находился железный наконечник копья — почти в вертикальном положении, острием вниз.

К востоку от группы вещей погребения № 4, на глубине 0,7 м найдены остатки чере-

па лошади с железными удилами в зубах (рис. 8, 19).

Погребение № 15 (глубина — 1,07 м; рис. 3). Скелет лежал скорченно, на правом боку, головой на северо-северо-запад. Одна рука была согнута в локте, кисть ее находилась перед лицом; возле кисти лежали остатки лепного сосуда, а выше таза — 2 осколка бусины из желтого прозрачного стекла.

Погребение № 16 (глубина — 0,9 м; рис. 3). От него сохранились лишь фрагменты бедренных и берцовых костей и части плечевой кости. Судя по положению этих костей, погребенный лежал на правом боку с согнутыми ногами, головой на северо-восток. Вещей при нем не найдено. Это погребение было частично разрушено при устройстве могилы № 17, чем и объясняется отсутствие верхней части скелета.

Погребение № 17 (глубина — 1,3 м; рис. 3). Костяк, принадлежавший взрослому мужчине, довольно хорошо сохранился. Он лежал на левом боку, головой на северо-восток. Ноги были сильно подогнуты; руки также согнуты, их кисти находились у подбородка. На кисти левой руки стоял целый лепной горшочек баночной формы (рис. 8, 20).

Погребение № 18. К северу от предыдущего погребения, на глубине 1,13 м обнаружен костяк взрослого человека, плохо сохранившийся. Он также лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Перед лицом стояло днище лепного сосуда.

Погребение № 19. Еще севернее, на глубине 1,08 м открыто еще одно скорченное погребение. Сохранились лишь фрагменты бедер и берцовых костей, а также части челюсти с зубами. Судя по этим костям, скелет лежал на правом боку, головой на восток. К востоку от ног погребенного, — вероятно, перед лицом, — лежали обломки лепного кувшинчика с ручкой (рис. 8, 21).

В 1949 г. раскоп, заложенный в 1948 г., был расширен на северо-запад, т. е. вдоль высокого правого берега Кубани в сторону раскопа А 1947 г. (рис. 3). Его размеры — 10 × 28 м. В 1949 г. вскрыта площадь 245 кв. м. На данном участке обнаружено 10 грунтовых могил.

Погребение № 1 (глубина — 0,9 м; рис. 3 и рис. 4, 2). Плохо сохранившийся костяк (вероятно, — мужчины) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на

северо-восток. Руки были согнуты в локтях. Перед лицом погребенного стоял лепной круглодонный горшочек с отогнутым венчиком (рис. 9, 1).

Погребение № 2 (глубина — 1,2 м). Скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг, с согнутыми в локтях руками. Кости — плохой сохранности, тонкие, очевидно, — женщины или подростка. Вещей при погребении не было.

Погребение № 3 (глубина — 1,2 м; рис. 3 и рис. 4, 3). Здесь обнаружен костяк женщины, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на юго-восток. Кости плохо сохранились, но почти все оказались налицо. С правой стороны у головы погребенной лежала вверх дном лепная лощеная миска, у плечевой кости — челюсть барана. Около локтя правой руки найдены фрагменты небольшого лепного сосуда (мисочки) и венчик чернолакового арибаллического лекифа III в. до н. э. (рис. 9, 2). У кисти правой руки оказались обломок тонкого бронзового перстня с плоским овальным щитком, на котором был выгравирован рисунок (рис. 9, 3) и 6 стеклянных бусинок, вероятно, составлявших браслет (рис. 9, 4). Возле правого бедра снаружи лежал зуб коровы. Справа в ногах стояли раздавленный большой кувшин из голубоватой глины, сделанный на гончарном круге (рис. 9, 5), лепная корчага с лощеной поверхностью и большая, глубокая лепная миска, в которой лежал на боку кувшин, сделанный на гончарном круге (рис. 9, 6), и рядом — 2 глиняных пряслица (рис. 9, 7, 8).

Погребение № 4 (глубина — 1,4 м; рис. 3 и рис. 4, 4). Костяк мужчины находился в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кости плохо сохранились. Слева у головы погребенного найдены повернутая вверх дном лепная миска и 7 железных наконечников копий (рис. 9, 9—13). Копья были положены целой связкой, параллельно погребенному. Вдоль левой плечевой и бедренной костей лежал железный меч длиной не менее 0,75 м, с плоской ручкой и брусковидным навершием, без перекрестия, с широким клинком (рис. 9, 14). Около меча лежало в ряд до 50 железных втульчатых стрел, головками к ногам (рис. 9, 15); судя по их положению, в могиле находился целый колчан, где стрелы помещались наконечниками вниз.

В ногах погребенного лежала на боку фассская амфора с клеймом на ручке (рис. 6,

3), а на дне амфоры оказался сильно деформированный железный втульчатый наконечник стрелы. Возле ножки амфоры найдена большая лепная корчага с лощеной поверхностью. Справа от головы, — очевидно, в восточном углу могилы — стоял большой лепной горшок с вертикальными валиками по всему тулову и двумя массивными выступами-ручками (рис. 9, 16). Горшок был в употреблении длительное время, так как ручки сломались и края были сильно сбиты уже в древности. На дне сосуда найдены 11 округлых камней. Около этого сосуда лежали на боку низкий круглодонный сосудик с горизонтальным ушком-ручкой, сделанный на гончарном круге (рис. 9, 17), лепной кувшинчик и маленький шаровидный сосуд (рис. 9, 18). У шейных позвонков обнаружены 3 бусинки из зеленого прозрачного стекла (рис. 9, 19) и одна желтая — возле поясницы, а около нижней челюсти — обломки бронзовой проволоки, может быть, от булавки. Вблизи от правой плечевой кости найден фрагмент кости крупного домашнего животного. На костях обеих рук погребенного находилось 2 бронзовых браслета с незамкнутыми концами (рис. 9, 20, 21). Поперек правой локтевой кости лежал железный нож (рис. 9, 22), около правого колена — целый череп лошади; отдельные кости животных найдены у ножки амфоры и близ корчаги, а под корчагой — зуб барана.

Погребение № 5 (глубина — 1,1 м). Сохранились только незначительные фрагменты черепной крышки ребенка, тлен от тазовых костей или головки бедра. Костяк, вероятно, лежал головой на юг в скорченном положении. К западу от фрагментов черепа найдены обломки лепного плоскодонного сосуда с ручкой.

Погребение № 6 (глубина — 1,5 м; рис. 3). Никаких признаков костяка не обнаружено, однако весь инвентарь погребения расположен в обычном для основной группы погребений порядке. Здесь лежали вверх дном высокая лепная миска с узким дном (рис. 10, 1), рядом с ней, к западу — железный наконечник копья, пером на юг (рис. 10, 2); около втулки копья — стеклянные бусины в виде амфорок (рис. 10, 3). К северу, на расстоянии 0,5 м от втулки колья, стояли 2 глиняных сосуда: большой — из голубоватой глины, сделанный на гончарном круге (рис. 10, 4), и крышковидный небольшой лепной сосуд (рис. 10, 5). Справа от предпола-

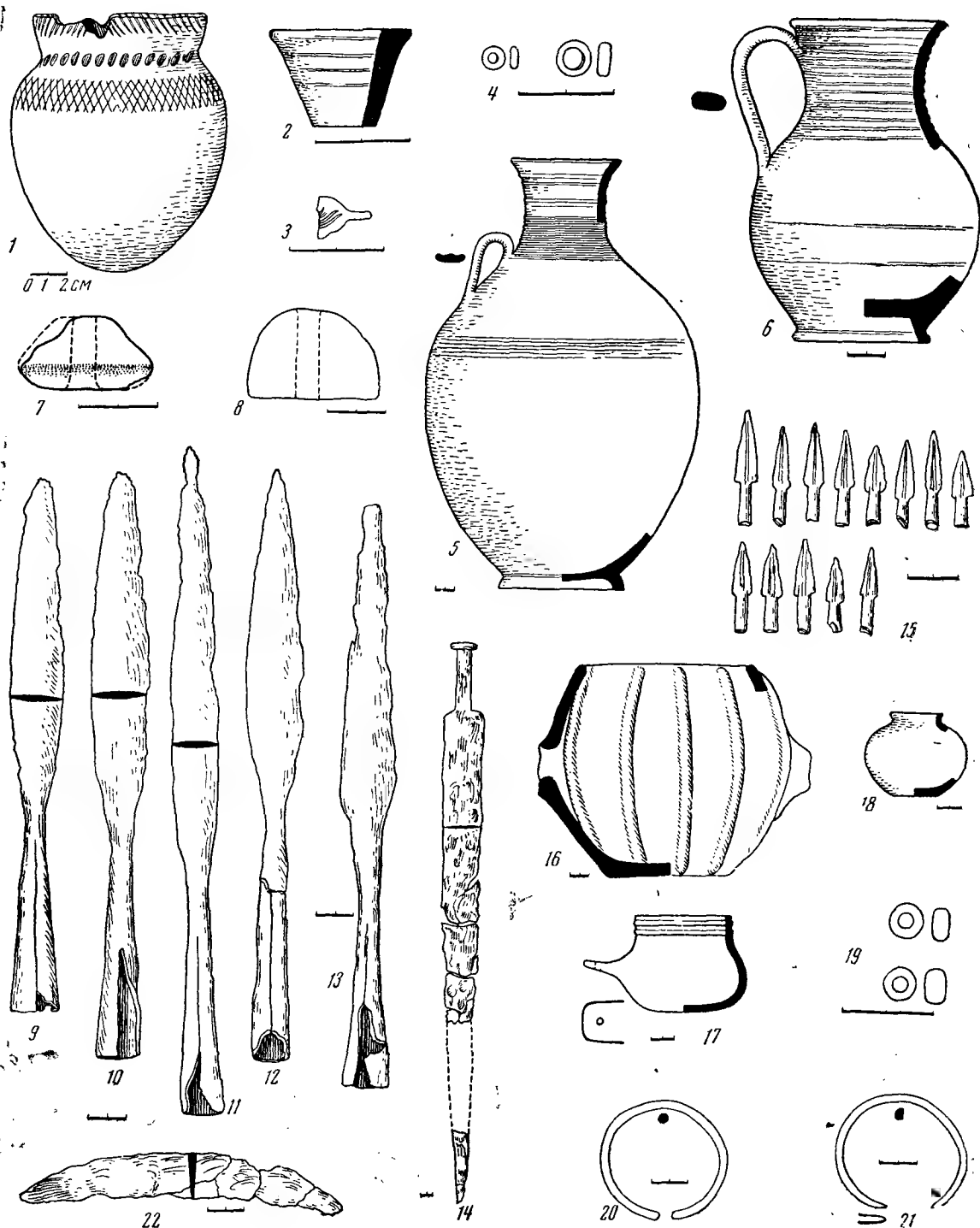

Рис. 9. Инвентарь погребений № 1, 3 и 4 1949 г.

1 — горшок (из погребения № 1); 2 — венчик чернолакового лекифа; 3 — обломок бронзового перстия; 4 — стеклянные бусы; 5, 6 — кувшины; 7, 8 — глиняные пряслица (2—8 — из погребения № 3); 9—13 — железные наконечники копий; 14 — железный меч; 15 — железные наконечники стрел; 16 — горшок; 17, 18 — сосудики; 19 — стеклянные бусы; 20, 21 — бронзовые браслеты; 22 — железный нож (9—22 — из погребения № 4).

гаемого костяка лежали хорошо сохранившиеся кости барана (ребра, зубы, астрагал) и среди них — серповидный железный ножичек. Судя по расположению вещей, погребенный должен был лежать головой на юг. Вызывает удивление отсутствие каких-либо признаков костяка при хорошей сохранности костей животных и всего погребального инвентаря.

Погребение № 7 (глубина — 1,2 м; рис. 3). Обнаружена группа глиняных сосудов в раздавленном состоянии: небольшая лепная миска, лежавшая вверх дном: к северо-востоку от нее — фрагменты горшочка с узким горлом и лепная небольшая миска, стоявшая на доннышке; далее к северу, на расстоянии около 0,4 м от этой миски, лежали на боку кувшин из серой глины, сделанный на гончарном круге (рис. 10, 6), и горшок грушевидной формы с узким горлом.

От костяка почти ничего не сохранилось, кроме одного коренного зуба близ миски и фрагмента трубчатой кости (вероятно — руки), лежавшей в направлении с севера на юг около миски. Судя по этим остаткам, а также по расположению сосудов на небольшом пространстве (в длину немного более 1 м) и по незначительным размерам самих сосудов (особенно миски, лежавшей вверх дном и обычно служившей изголовьем погребенному), — погребение было детское; погребенный лежал головой на юг, вероятно, — в вытянутом положении. К этому погребению относились найденные в кротовине, на некотором расстоянии от группы сосудов, 2 синие глазчатые бусины (рис. 10, 7).

Погребение № 8 (глубина — 1 м; рис. 3). Сохранились лишь обломок бедренной кости человека и поблизости фрагменты лепной мисочки из розовой глины и маленького баночного сосуда из такой же глины. Севернее этой группы, на расстоянии около 0,6 м, лежали параллельно фрагменты 2 трубчатых костей человека. Вероятно, это остатки разрушенного грызунами скорченного погребения, обращенного головой на юго-юго-запад.

Погребение № 9 (глубина — 1,1 м; рис. 3 и рис. 4, 5). Скелет был вытянут на спине, головой на юго-юго-восток. Около черепа лежала вверх дном лепная миска и возле нее — черенок железного ножа с заклепкой. На руках, от которых сохранились лишь фрагменты лучевых и локтевых костей, нахо-

дились бронзовые браслеты: на правой — спиральный, проволоочный в 3 оборота, с уплощенными и заостренными концами (рис. 10, 8), на левой — 2 массивных браслета с несомкнутыми концами (рис. 10, 9, 10). На браслетах лежали фрагменты ножа или кинжала и лепной кувшинчик (рис. 10, 11). Возле левой бедренной кости найден обломок железного стерженька. Справа у колена находился раздавленный лощеный сосуд с горизонтальными налестками по тулову, той же формы, что и сосуд в погребении № 4 (такой же, как и на рис. 9, 16). В нем лежало 19 камней. Около этого сосуда оказались бедренные кости детского костяка. Судя по костям, ребенок лежал вытянуто, головой на юго-юго-восток. В ногах взрослого (справа) находилась очень плохо сохранившаяся, раздавленная лепная корчага с лощеной поверхностью.

Погребение № 10 (глубина — 1,9 м; рис. 3 и рис. 4, 6). При зачистке на глубине 1,6 м, на фоне желтого суглинка обнаружилось темное пятно прямоугольной могильной ямы, ориентированной с юго-юго-востока на северо-северо-запад, размером 1×1,8 м. Очертания могилы прослежены на 0,3 м выше ее дна. Это первый случай фиксации древней могильной ямы на Пашковском могильнике № 3 во время наших раскопок 1947—1949 гг.

Как и в погребении № 6, при хорошо сохранившихся костях животных, здесь не было человеческого костяка, кроме 2 коленных чашечек, попавших сюда, вероятно, случайно при засыпке могилы, — может быть, из разрушенного захоронения более раннего времени.

Расположение погребального инвентаря — обычное для основной группы погребений этого могильника (рис. 4, 6). У юго-юго-восточной стенки могилы, т. е. в головах, лежала вверх дном лепная миска (рис. 10, 12). В юго-восточном углу оказалась кучка свиных костей — ребра, кость ноги, пяточная, лопатка взрослой свиньи и плечевая косточка поросенка; около них — лепной кубок (рис. 10, 13) и обломок железного ножичка (рис. 10, 14). Почти по середине могилы лежала греческая амфора, устьем по направлению к миске (рис. 6, 4). Здесь найдены: внутри амфоры — округлый камень, под ней — коленная чашечка человека, под ручкой амфоры — череп и ребра поросенка, около чере-

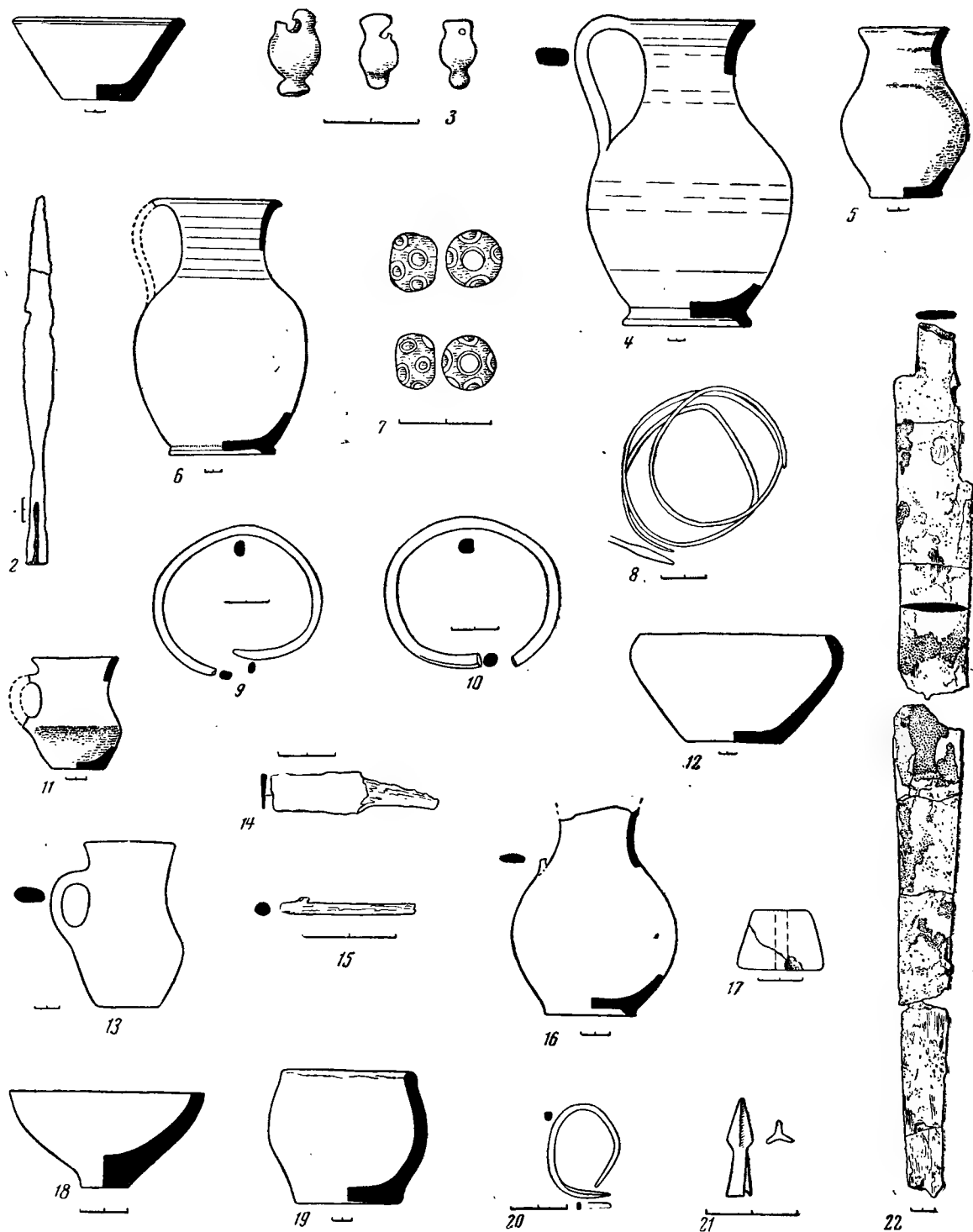

Рис. 10. Инвентарь погребений № 6, 7 и 9 1949 г.

1 — миска; 2 — железный наконечник копья; 3 — стеклянные бусы; 4, 5 — кувшины (1—5—из погребения № 6); 6 — кувшин; 7 — стеклянные бусы (6, 7 — из погребения № 7); 8—10 — бронзовые браслеты; 11 — глиняный кубок (8—11 — из погребения № 9); 12 — миска; 13 — кубок; 14 — железный ножик; 15 — железное шило; 16 — кувшинчик; 17 — глиняное пряслице; 18 — вазочка; 19 — горшок (12—19 — из погребения № 10); 20 — бронзовый браслет из раскопа 1949 г.; 21 — образец железного наконечника стрелы из кургана № 1 у Ульского аула (1896 г.); 22 — железный меч из кургана № 15 у станции Воронежской (1903 г.).

па — обломок железного шила (рис. 10, 15). Тут же стоял лепной горшок с округлыми боками (рис. 10, 19), в котором оказалась коленная чашечка человека. Рядом лежали гончарный кувшинчик с отбитым горлышком (рис. 10, 16), около его устья — 2 железных втульчатых наконечника стрел и возле них — обломок ножной кости крупного жи-

вотного (коровы?). Под боком амфоры найдено глиняное пряслице (рис. 10, 17). В северо-восточном углу стояли: большой лепной горшок с округлыми боками, а около него — глиняная вазочка ножкой вверх (рис. 10, 18) и большая лепная лощеная корчага; среди обломков последней найдена трёхгранная головка железного наконечника стрелы.

ОСНОВНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПАШКОВСКОГО РАЙОНА

По данным раскопок 1947—1949 гг., на Пашковском могильнике выделяются 3 основные погребальные группы: 1) погребения на боку, в скорченном положении (рис. 4, 2); 2) погребения в вытянутом положении, ориентированные на запад, с бедным инвентарем; 3) погребения в вытянутом положении, ориентированные на юг и юго-восток, с разнообразным погребальным инвентарем (рис. 4, 1, 3—6). В последней, самой большой группе, погребения, не отличаясь в целом по обряду, разделяются на 2 подгруппы — с лепной чернолощеной керамикой и с гончарной сероглиняной керамикой, причем сохраняются старые формы лепных чернолощенных сосудов.

Одиннадцать скорченных погребений Пашковского могильника № 3 (табл. 1) мало отличаются друг от друга по обряду. Их ориентировка разнообразна, хотя преобладают восточная и северо-восточная. Отсутствует западная ориентировка. Покойники лежат на правом или левом боку. Руки вытянуты к коленям или, чаще, согнуты в локтях; кисти рук лежат у подбородка.

Инвентарь скорченных погребений очень беден, однако он позволяет высказать определенное мнение о датировке данной группы. Это первый в Прикубанье случай находки погребений эпохи бронзы в грунтовом бескурганном могильнике. К этому времени относятся 2 погребения: погребение № 2 1946 г. и погребение № 1 1949 г. В первом из них был найден круглый, плоский с обеих сторон каменный терочник, характерный для курганных погребений Прикубанья второй половины II тысячелетия до н. э. Очевидно, к еще более раннему времени относится погребение № 1 1949 г., в котором найден очень архаический круглодонный горшок с яйцевидным туловом и четко выраженным,

вытянутым наружу венчиком (рис. 9, 1). Размеры горшка: высота — 13,6 см, диаметр устья — 9,4 см. Глина сосуда в изломе черная, поверхность желтовато-серая, неровная, с темно-серыми пятнами по плечикам от неравномерного обжига. В нижней части тулова заметны отпечатки травы (вероятно, поверхность сосуда сглаживалась травой). По краю венчика сосуда — косая нарезка; по верхней части венчика нанесен такой же орнамент, по основанию венчика — ряд ямок, сделанных ногтем, по плечикам — резной сетчатый орнамент.

Мне не известны точные аналогии для этого сосуда среди керамики эпохи бронзы. По форме он очень близок горшкам степной ямной культуры, однако отличается от них и формой венчика, и орнаментом.

Большой хронологический разрыв между этими 2 погребениями (№ 2, 1946 г. и № 1, 1949 г.) и прочими погребениями Пашковского могильника не дает нам основания говорить о длительном и непрерывном использовании могильника, начиная с эпохи бронзы. Скорее можно предполагать существование в древности на этом месте отдельных небольших курганов, насыпи которых не сохранились (оба погребения находятся поблизости от обрывистого края берега р. Кубани).

С другой стороны, эти погребения позволяют поставить вопрос о генетической связи населения этого района с местным населением эпохи бронзы. Все остальные скорченные погребения датируются значительно более поздним временем, но они свидетельствуют о продолжении старой погребальной традиции, выраженной в сохранении прежней позы погребенных, в положении сосуда перед лицом покойника. Но пока не будут исследованы погребения предскифского времени правобережья Кубани, нельзя оконча-

Таблица 1

Скорченные погребения

№ по пор.	№ погребения и год раскопок	Глубина, м	Ориентировка погребенного	Поза погребенного	Особые черты погребального ритуала
1	№ 2, 1946 г. (Раскопки М. В. Покровского и Н. В. Анфимова)	1,33	Юго-западная	На правом боку, бедра — под прямым углом к позвоночнику, руки — к коленям	Вещи в ногах
2	№ 11, 1948 г.	0,92	Северная	На левом боку, бедра — под прямым углом к позвоночнику, кисти рук — у подбородка	1) миска перед лицом, 2) кусок ре-альгара у локтя, 3) галька в ногах
3	№ 15, 1948 г.	1,07	Северо-северо-западная	На правом боку, бедра — под прямым углом к позвоночнику, кисти рук — у лица	Сосуд перед лицом, у кисти рук
4	№ 16, 1948 г.	0,9	Северо-восточная	На правом боку, скорчен так же	Вещей нет
5	№ 17, 1948 г.	1,3	То же	На левом боку, ноги — под острым углом к позвоночнику, кисти рук — у подбородка	Сосуд перед лицом, в руке
6	№ 18, 1948 г.	1,13	Восточная	На левом боку, скорчен так же	Сосуд перед лицом
7	№ 19, 1948 г.	1,08	"	На правом боку	То же
8	№ 1, 1949 г.	0,09	Северо-восточная	На левом боку, бедра — под тупым углом к позвоночнику, руки — к коленям	" "
9	№ 2, 1949 г.	1,2	Южная	На правом боку, руки согнуты в локтях, бедра — под тупым углом к позвоночнику	Вещей нет
10	№ 5, 1949 г.	1,1	"	По остаткам костей можно лишь предполагать, что погребенный был скорчен	Сосуд около обломков черепа
11	№ 8, 1949 г.	1,0	Юго-юго-западная	То же	Сосуды у ноги

тельно решить вопрос о непосредственной генетической связи прикубанского населения эпохи бронзы с жившим в этом районе раннемеотским населением, в погребальном обряде которого скорченное положение скелетов встречается довольно часто.

Остальные скорченные погребения Пашковского могильника относятся уже к раннежелезному веку. Скорченные раннемеотские погребения нам известны и в других грунтовых могильниках Прикубанья VI—IV вв. до

н. э., например в Усть-Лабинском¹⁶ и отчасти в Елизаветинском¹⁷ (усть-лабинская группа скорченных погребений в целом более древняя, чем елизаветинская). Сравнивая пашковские скорченные погребения с усть-лабинскими, мы отмечаем их большое сходство в позах погребенных, в обряде положения га-

¹⁶ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 159, 161, рис. 1, 1.

¹⁷ В. А. Городцов. Елизаветинское городище..., стр. 184.

лек при погребенных (в частности — в ногах, как в погребении № 11 1948 г.). Усть-лабинские скорченные костяки имеют довольно устойчивую, в основном южную ориентировку, в Пашковском же могильнике лишь 2 скелета обращены головой на юг (см. табл. 1). Погребения Усть-Лабинского могильника отличаются от пашковских и по керамике (см. ниже).

Обряд погребений в скорченном виде на правом или левом боку весьма характерен для VI—IV вв. до н. э. на обширной территории степей Северного Кавказа, начиная от Краснодара и вплоть до предгорных районов Дагестана: подобные погребения известны в Моздокском¹⁸ и Нестеровском¹⁹ могильниках, в могильниках Урус-мартана²⁰ и Истису²¹; наконец, в 1951 г. нами было обнаружено несколько подобных погребений раннежелезного века у с. Карабудахкент в Дагестане. Во всех этих погребениях отмечаются небольшая глубина могил, близость в позах погребенных, расположение сосудов часто перед лицом, неустойчивая ориентировка. Все это, вероятно, объясняется одинаковыми религиозными представлениями древнего населения на Северном Кавказе, пестрого по своему этническому составу. У этих племен создались и многие общие формы материальной культуры в результате межплеменных сношений, в частности — формы чернолощеной керамики, о чем мы скажем ниже, при разборе основной группы пашковских погребений.

Нельзя пройти мимо факта большой близости скорченных погребений Пашковского могильника и некоторых курганов бассейна р. Маныча. Я имею в виду погребения в насыпях курганов, исследованных М. И. Артамоновым и Г. В. Подгаецким у хутора Веселого²². В обеих группах мы наблюдаем одинаковый характер скорченности, руки обычно согнуты в локтях и кисти их находятся перед

лицом; также перед лицом иногда стоят примитивные сосуды баночной формы. Эта группа погребений в насыпи степных курганов, широко распространенная в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье, не может быть точно датирована. М. И. Артамонов склонен отнести эти погребения к первой половине I тысячелетия до н. э.²³, однако в пределах этой широкой датировки большинство из них, вероятно, относится еще к концу эпохи бронзы (по В. А. Городцову). Последнее хорошо подтверждается раскопками Сталинградской экспедиции ИИМК в 1951—1955 гг. В манычской группе преобладает восточная ориентировка, иногда с отклонением к северу; в 5 случаях из девяти такая же ориентировка, — а чаще с отклонением к северу, — известна в Пашковском могильнике. Обе группы погребений бедны по инвентарю. В целом пашковские скорченные погребения ближе стоят к манычским, чем к усть-лабинским.

Для уточнения датировки пашковских скорченных погребений важны керамические находки. В этом отношении интересно лучше всего сохранившееся погребение № 17 1948 г. с баночным сосудиком (рис. 8, 20). Небольшой горшочек грубой лепки сделан из плохо промешанной темно-серой глины; его поверхность неровная, бугристая, серого цвета. Бортик и плоское дно слегка выступают. Размеры: высота — 7,2—7,6 см; диаметр устья — 9,5 см, диаметр дна — 7,6 см. Этот тип горшочка не встречается в других грунтовых могильниках Прикубанья VI—IV вв. до н. э.; зато он весьма близок баночным сосудам из манычских впускных могил со скорченными скелетами. Так, например, близкий описанному нами по форме сосуд стоял у головы женщины, лежавшей в той же позе, что и скелет пашковского погребения, головой также на северо-восток, в кургане № 1 у хутора Веселого (раскопки 1933 г.)²⁴. Горшочек такой формы был найден в одном из таврских каменных ящиков Крыма, датируемом по рукоятке железного акинака и бронзовым наконечникам стрел V в. до н. э.²⁵

¹⁸ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940.

¹⁹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 25 и сл.

²⁰ ОАК за 1900 г., стр. 54 и сл.; ОАК за 1901 г., стр. 89 и сл.

²¹ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20 и сл.

²² М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 305 и сл.; стр. 317, рис. 12; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93 и сл.

²³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., стр. 333.

²⁴ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 206, рис. 190, 8, стр. 207; рис. 191, 8. Очень близок по форме описанному нами сосуд из кургана Шахаев — см. там же, рис. 191, 9.

²⁵ ИАК, вып. 30, 1909, стр. 144, рис. 20.

Маленький баночный сосудик в обломках обнаружен также в погребении № 8 1949 г. В погребении № 18 1948 г., по соседству с погребением № 17, сохранилось плоское днище сосуда, возможно, такой же баночной формы.

Все сосуды, сопровождавшие скорченные погребения, сделаны из грубо промешанной темно-серой глины с примесью шамота того же цвета. Обжиг их неравномерный; в изломе черепок темно-серый, сглаженная поверхность — серого или розоватого цвета.

Кроме сосудов баночной формы, мы находим в этой группе сосуды в виде небольших мисок с загнутым внутрь краем (рис. 8, 15) и кувшинчики с массивной, овальной в сечении ручкой (рис. 8, 21). Форма последних полностью не восстанавливается. Подобные ручки имеются у чернолощенных кувшинов или вернее, кубков раннескифского времени из различных районов Северного Кавказа — из Усть-Лабинского, Моздокского и Нестеровского могильников. Очевидно, в погребении № 19 1948 г. находился небольшой кубкообразный сосуд, близкий по форме кубкам следующей хронологической группы пашковских погребений (рис. 5, 15; рис. 8, 4). В отличие от последних, этот кубок — без черного лощения, его поверхность лишь хорошо сглажена. В этой группе погребений есть только 2 небольших сосудика со следами темного лощения: из погребения № 11 1948 г. (здесь сосуд найден в мелких фрагментах, и форма его совершенно не восстанавливается) и из погребения № 5 1949 г. (сосуд с овальной в сечении ручкой, форму его восстановить невозможно).

Миски с загнутыми внутрь бортиками также характерны для указанных памятников раннескифского времени на Северном Кавказе. Эта форма лепной миски (рис. 8, 15) встречается и в основной группе меотских погребений Пашковского могильника (рис. 5, 10, 16; рис. 7, 15; рис. 10, 12).

Таким образом, наряду с архаическими баночными формами сосудиков, очень напоминающих еще баночные сосуды срубной культуры, в группе скорченных погребений Пашковского могильника мы встречаем и те формы, которые в общих чертах характерны для раннескифского времени степной полосы Северного Кавказа и представлены в лепной чернолощенной керамике основной группы погребений Пашковского могильника. Однако в этих погребениях почти отсутствует черно-

лощенная керамика и совсем нет характерных для ранних погребений Усть-Лабинского могильника больших корчаг и чарок с высокими ручками. При небольшом числе скорченных погребений этого могильника, трудно еще сказать, случайное ли это явление или же оно объясняется хронологическими либо локальными различиями скорченных погребений Усть-Лабинского и Пашковского могильников.

Кроме керамики, в группе скорченных погребений Пашковского могильника найдены только обломок стеклянной бусины из желтого прозрачного стекла (погребение № 15 1948 г.), кусочек реальгара и круглое колечко из очень узкой и тонкой бронзовой полоски. Подобные колечки не встречались в других погребениях Пашковского могильника. Такое же кольцо было найдено в одном из скорченных погребений кургана № 1 у хутора Веселого (раскопки 1933 г.), о котором мы уже упоминали²⁶.

Итак, привлекая для сравнения наиболее близкие типы скорченных погребений, с одной стороны из Усть-Лабинского могильника № 2, с другой — из Манычских курганов, мы можем убедиться, что с последними пашковские погребения имеют больше общих черт. Небольшой вещественный материал дает основание отнести эту группу погребений уже к раннежелезному веку, определив верхнюю дату этой группы не позже V в. до н. э. Косвенным доказательством присутствия в Пашковском могильнике погребений, относящихся к более раннему времени, чем V в. до н. э., является находка в раскопе Б 1947 г. обломка бронзового наконечника стрелы с плоской головкой архаического скифского времени (VII—VI вв. до н. э.).

В порядке постановки вопроса хотелось бы высказать мнение, не восходит ли еще к эпохе бронзы устанавливаемая пока по фрагментарным материалам культурная общность древнего населения Пашковского района Прикубанья и бассейна Маныча? Наибольшая группа скорченных погребений расположена дальше на запад Елизаветинского могильника, судя по краткой публикации В. А. Городцова²⁷, также имела в основном восточную и северо-восточную ориентировку.

²⁶ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала, стр. 206, рис. 190, 6.

²⁷ В. А. Городцов. Елизаветинское городище..., стр. 184.

Последнее заслуживает внимания потому, что основная группа пашковских погребений с вытянутым положением скелетов чрезвычайно близка елизаветинским погребениям IV—II вв. до н. э. и по обряду, и по основному составу инвентаря, особенно — керамики, изготовленной уже на гончарном круге.

Четыре скорченных погребения Пашковского могильника (№ 16—19, 1948 г.) сосредоточены в одном месте близко друг от друга (рис. 3). Все костяки в погребениях этой группы ориентированы на восток и северо-восток. Также поблизости друг от друга находились погребения № 11 и 15 1948 г., с северной ориентировкой костяков. Недалеко друг от друга расположены и погребения № 5 и № 8 1949 г., в которых погребенные были ориентированы на юг. Такое расположение погребений в могильнике не случайно: оно, вероятно, выражает не только хронологическую, но и семейно-родовую связь погребенных в каждой группе.

К основной группе погребений с вытянутым положением скелетов, ориентированных головой на юг или юго-восток, относятся 36 исследованных погребений (табл. 2). В этой группе лишь в погребении № 6 1948 г. скелет лежал на спине с подогнутыми ногами; возможно, это случайное явление, если только не пережиток древней погребальной традиции. Связь с группой скорченных погребений устанавливается не столько по этому единичному факту, сколько по формам керамики.

Все эти погребения тесно связаны между собой исключительным единством погребального обряда, что выражается не только в позе погребенных и устойчивой ориентировке, но также в наборе и расстановке самого погребального инвентаря (табл. 2 и рис. 4, 1, 3—5); во всех могилах, где целиком сохранились костяки, небольшие сосуды были поставлены справа от погребенного; в ногах обязательно стояли большие лепные сосуды (корчаги); все найденные амфоры также находились в ногах. Оружие было расположено всегда слева от погребенного: наконечник копья или целая связка наконечников лежали у черепа параллельно скелету, меч — вдоль левого бедра или плеча воина, поблизости — кучка наконечников стрел. Очень часто в ногах и головах клали гальки; иногда они находились в сосудах — амфорах или лепных сосудах местных форм.

Мы располагали главным образом косвен-

ными данными о форме самих могил Пашковского могильника. Лишь дважды удалось проследить в нижней части контуры могил. В 1936 г. Н. В. Анфимов установил ширину могилы (№ 3) — немного более 1 м, длина же ее, судя преимущественно по расположению вещей, составляла около 2 м (или немного более); в 1949 г. мы проследили контуры могилы № 10, имевшей прямоугольную форму, длиной 1,8 м и шириной 1 м (рис. 4, 6). В самой богатой могиле № 1 1947 г. погребенный и его инвентарь занимали площадь приблизительно 2×3 м (рис. 4, 1)²⁸. Очевидно, простая прямоугольная яма, размеры которой зависели от степени богатства погребенного, представляла единственную форму могилы. Современная глубина могил различна — от 0,95 до 1,95 м, причем глубина большинства более древних могил этой группы — немного более 1 м, а все самые глубокие могилы относятся к более молодой подгруппе могил с гончарной керамикой. Постепенное увеличение глубины могил, в зависимости от их хронологии, прослежено и Н. В. Анфимовым в Усть-Лабинском могильнике № 2. Никаких деревянных конструкций в пашковских могилах не обнаружено.

Во многих могилах сохранились остатки заупокойной пищи. Это чаще всего черепа, реже — рёбра или отрубленные трубчатые кости коровы, барана, лошади и свиньи. Очень часто клали части туш молодых животных. Кости барана найдены в 9 могилах, свиньи — в 6, коровы — в 5, лошади — в 4 могилах. Остатки мясной пищи обычно лежали около сосудов.

По обряду описываемая группа пашковских погребений имеет некоторые черты сходства с усть-лабинскими погребениями VI—IV вв. до н. э.²⁹: там и тут мы наблюдаем одинаковую форму могил, положенные с ритуальными целями гальки, господство южной и юго-восточной ориентировки, часто одинаковое расположение инвентаря (в Усть-Лабинском могильнике лишь изредка встречаются случаи использования миски в качестве «подушки» для погребенного³⁰), приблизительно одинаковый вид заупокойной пищи — передние и задние конечности (главным

²⁸ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 159 и сл.

²⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 158—169.

³⁰ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 163, рис. 2, 8.

Выявленные погребения с южной и юго-восточной ориентировкой

№ по пор.	№ погребения и год раскопок	Глубина, м	Ориентировка	Пол погребенного	Поза погребенного	Особые черты погребального ритуала			
						миска под головой	кости животных	гальки и камни	другие особенности ритуала

А. Погребения с лепной керамикой

1	№ 1, 1937 г. (западный участок)	1,6	Южная или юго-восточная	?	Костяк не сохранился	?	Кости животных (не определены)	—	Сосуды в ногах и справа от погребенного
2	№ 3, 1947 г. (западный участок)	1,25	Юго-восточная	?	То же	+	Кости коровы	—	Сосуды — справа
3	№ 4, 1947 г. (западный участок)	1,1	Юго-юго-восточная	Ж	Вытянут на спине, руки слегка согнуты в локтях или раздвинуты	+	Трубчатая кость животного	Кусок мела у левой бедренной кости; среди керамики — обломок камня	Сосуды — справа, крупные — в ногах
4	№ 2, 1948 г. (западный участок)	1,0	Юго-восточная	М	Вытянут на спине	+	—	—	Сосуды — справа; наколечник копья — слева у головы
5	№ 6, 1948 г. (западный участок)	0,95	Южная	Ж	На спине, с подогнутыми ногами	+	—	Плитка из спрессованного песка	Сосуды — справа, крупные в ногах
6	№ 8, 1948 г. (западный участок)	1,18	Юго-восточная	М	Вытянут на спине	+	—	—	Оружие — слева, сосуды — справа, большие — в ногах
7	№ 13, 1948 г. (западный участок)	1,0	Юго-восточная (?)	М	Костяк не сохранился	+(?)	—	—	Оружие — слева (?)
8	№ 9, 1949 г. (западный участок)	1,1	Юго-юго-восточная	Ж	Вытянут на спине	+	—	19 галек в горшке	Сосуды — справа и в ногах

Б. Погребения с гончарной керамикой и амфорами

9—13	5 погребений 1934 г. (западный участок)	1,2—1,05	Юго-восточная	?	Вытянут на спине	?	Кости животных, в том числе череп барана	?	Сосуды — справа, большие корчаги и амфоры в ногах
14	№ 1, 1936 г. (восточный участок)	1,7	То же	Под-росток	То же	+	Кости свиньи, коня с остатками удила (?)	—	Оружие — слева, сосуды — справа, корчага и амфора — в ногах
15	№ 2, 1936 г. (восточный участок)	1,95	Южная или юго-восточная	?	Костяк не сохранился	?	Мелкие кости животных	Камни в горшке	Сосуды — в ногах
16	№ 3, 1936 г. (восточный участок)	1,85	Юго-юго-восточная	?	Вытянут на спине	?	Кости свиньи	—	То же
17	№ 4, 1937 г. (восточный участок)	?	Южная или юго-восточная	?	Костяк не сохранился	?	Челюсти барана	Обломок	„ „

Таблица 2 (продолжение)

№ по пор.	№ погребения и год раскопок	Глубина, м	Ориентировка	Пол погребенного	Поза погребенного	Особые черты погребального ритуала			
						миска под головой	кости животных	гальки и камни	другие особенности ритуала
18	№ 5, 1937 г. (восточный участок)	?	Южная или юго-восточная	?	Костяк не сохранился	?	Кости барана	—	Сосуды, — вероятно в ногах
19	№ 6, 1937 г. (восточный участок)	1,35	Юго-восточная	?	Вытянут на спине	?	?	?	Сосуды — слева
20	№ 7, 1937 г. (восточный участок)	1,35	То же	?	То же	?	Кости барана и свиньи	Гальки в горшке	Сосуды — в ногах
21	№ 8, 1937 г. (восточный участок)	1,4	Южная или юго-восточная	?	Костяк не сохранился	?	?	?	То же
22	№ 1, 1946 г. (западный участок)	1,4	То же	?	То же	?	Череп барана	?	" "
23	№ 3, 1946 г. (западный участок)	1,5	" "	?	" "	?	?	?	" "
24	№ , 1946 г. (западный участок)	1,1	Юго-восточная	?	" "	?	?	?	Сосуды — справа и в ногах
25	№ 1, 194 г. (западный участок)	1,26	Южная	М	Вытянут на спине	+	Кости лошади и поросенка	Гальки — у головы и в ногах	Оружие — слева, сосуды — справа и в ногах (амфора и корчага)
26	№ 5, 1947 г. (западный участок)	1,4	Юго-восточная	?	То же	+	Челюсть свиньи	Галька — в ногах	Оружие — справа (главным образом у головы)
27	№ 6, 1947 г. (восточный участок)	1,6	Южная (?)	?	?	?	Челюсть коровы	Галька в сосуде (вместе с угольками)	Сосуды — в ногах (?)
28	№ 1, 1948 г. (западный участок)	1,0	Южная	М	Вытянут на спине	+	Кости овцы	Галька — у головы и в ногах	Оружие — слева, сосуды — справа и в ногах (крупные, в том числе амфора)
29	№ 4, 1948 г. (западный участок)	0,95	То же	М	То же	+	Кости коровы (?) и овцы	—	То же
30	№ 10, 1948 г. (западный участок)	1,05	Юго-восточная	?	" "	+	—	—	Сосуды — справа, корчага — в ногах
31	№ 14, 1948 г. (западный участок)	0,95	Юго-юго-восточная	М	Вытянут на спине (?)	?	Череп коня с удилами	—	Оружие — слева, мелкие сосуды — справа, крупные в ногах
32	№ 3, 1949 г. (западный участок)	1,2	Юго-восточная	Ж	Вытянут на спине	+	Кости коровы	—	Сосуд — справа, большие сосуды — в ногах

Таблица 2 (окончание)

№ по пор.	№ погребения и год раскопок	Глубина, м	Ориентировка	Пол погребенного	Поза погребенного	Особые черты погребального ритуала			
						миска под головой	кости животных	гальки и камни	другие особенности ритуала
33	№ 4, 1949 г. (западный участок)	1,4	Юго-восточная	М	Вытянут	+	Кости крупного животного, череп лошади, зуб барана	11 галек в сосуде	Мелкие сосуды — справа, крупные — в ногах
34	№ 6, 1949 г. (западный участок)	1,5	С северо-запада на юго-восток	М(?)	Костяк отсутствует	+	Кости барана	—	Оружие — слева, сосуды — в ногах
35	№ 7, 1949 г. (западный участок)	1,2	Южная	Ребенок	Вытянут на спине (?)	+	—	—	Сосуды — справа и в ногах
36	№ 10, 1949 г. (западный участок)	1,9	С северо-северо-запада на юго-юго-восток	?	Костяк отсутствует	+	Кости свиньи, поросенка, коровы (?)	Галька в амфоре	Мелкие сосуды — справа, крупные — в ногах

образом коровы), черепá (преимущественно свиньи) и грудные кости различных домашних животных.

Почти все указанные черты обряда характерны также для 2 других меотских могильников Прикубанья, расположенных западнее Пашковского: могильника у хутора Зеленского к западу от г. Краснодара³¹ и Елизаветинского могильника, хотя в последнем преобладает восточная ориентировка погребенных (50%) при наличии и южной и юго-восточной. Наиболее типичной общей чертой Пашковского, Елизаветинского и Зеленского могильников является положенная под голову покойника миска. В. А. Городцов насчитывал в Елизаветинском могильнике около 50% костяков с черепами на краю миски³². Для погребений с гончарной керамикой в этих могильниках весьма характерно наличие амфоры в ногах покойника. Одинаково также расположение оружия с левой стороны покойника, а керамики — справа и в ногах в Пашковском и Зеленском могильниках.

Наконец, следует сравнить обряд Пашков-

ского могильника и группы курганных погребений меотской аристократии, исследованных Н. И. Веселовским у станицы Воронежской, расположенной по правому берегу Кубани между Пашковской и Усть-Лабинской станицами. В неограбленном кургане № 16 погребенные были положены в неглубоких и небольших по размеру прямоугольных могилах с деревянным перекрытием, головой на юг; сосуды стояли в ногах, а кости коровы как остатки заупокойной пищи и связка из 6 наконечников копий лежали у головы³³, т. е. здесь мы видим все черты обряда Пашковского могильника. Погребения отдельных конских черепов с удилами в этом кургане также соответствуют обряду Пашковского могильника, где дважды зафиксированы подобные захоронения конских голов с удилами. На большом сходстве погребального инвентаря Воронежских курганов и Пашковского могильника мы остановимся ниже. К сожалению, плохая фиксация и лишь суммарное описание исследованных Н. И. Веселовским курганных погребений Среднего Прикубанья не позволяют сделать более детальных сравнений этих памятников.

В предварительных сообщениях о раскопках Пашковского могильника я уже обоснов-

³¹ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меотско-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 72—74.

³² В. А. Городцов. Елизаветинское городище..., стр. 184; М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья, стр. 26, 27, рис. 21, 22.

³³ ОАК за 1903 г., стр. 71—73, рис. 131.

ывал датировку группы вытянутых погребений с южной и юго-восточной ориентировкой в пределах времени с конца V в. до н. э. по III в. н. э. включительно³⁴. Более подробный анализ погребального инвентаря убеждает меня в правильности предварительных выводов и позволяет уточнить дату выделенных мной 2 подгрупп, тесно связанных друг с другом единством погребального обряда. Наиболее ранней является наибольшая подгруппа погребений с чернолощенной лепной керамикой местных форм. Ее сменяет основная группа погребений с привозными амфорами и сероглиняной гончарной керамикой меотского производства, которая существовала параллельно с лепной, сохранявшей архаические формы, но в ряде случаев уступавшей древней керамике по качеству лощения. Глина чернолощенных сосудов грубо промешана, содержит примесь шамота, реже — примесь песка. Черепок в изломе — сплошь черного цвета, рыхлый. В погребениях с одной лепной керамикой лощение ровное, черного или коричневатого тона. Более поздние экземпляры (особенно крупные сосуды) лощены хуже; их поверхность часто покрыта пятнами темного и светло-коричневого тона. Основные формы этой лощеной керамики представляют дериваты, развившиеся из общераспространенной в раннескифское время (начиная с VII—VI вв. до н. э.) чернолощенной керамики лесостепной полосы Северного Причерноморья, а также степных и предгорных районов Северного Кавказа. Пашковский могильник является пока единственным памятником Прикубанья, который сохранил до III в. до н. э. некоторые архаические формы чернолощенной керамики, и в этом — его существенное отличие от соседних и одновременных ему прикубанских могильников, в первую очередь Усть-Лабинского № 2 и Елизаветинского.

Почти в каждом погребении описываемой группы Пашковского могильника мы находим большую корчагу биконической или грушевидной формы, с узким горлом и резко отогнутым, почти горизонтальным венчиком. Корчаги всегда стоят в ногах погребенных

(рис. 7, 24). Форма их везде одинакова — как в погребениях с одной лепной керамикой, так и в погребениях с амфорами. Иногда плечики корчаг украшены сосцевидными налепами (например в погребении № 1 1947 г.); высота корчаг достигает 40 см. По форме они тождественны сосудам усть-лабинских погребений VI—V вв. до н. э.³⁵ и Моздокского могильника³⁶.

Часто наряду с грушевидными чернолощенными корчагами встречаются похожие на них горшки с вытянутым, почти биконическим туловом и узким горлом с отогнутым краем (рис. 8, 13). Поверхность таких сосудов сглажена, лишь слегка приложена и имеет желтовато-серый цвет. Горшки подобной формы известны в погребениях V в. до н. э. Усть-Лабинского могильника № 2³⁷. В Пашковском могильнике такие горшки стоят в ногах погребенных, заменяя иногда чернолощенные грушевидные корчаги (например в погребении № 4 1947 г.).

Обязательная принадлежность пашковских погребений — лепные миски, служившие «подушкой» для погребенных. Все они весьма стандартны: глубокие, с коротким загнутым внутрь бортиком, образующим острое ребро в верхней части миски (рис. 5, 14; рис. 7, 11); реже бортик плавно загнут внутрь (рис. 5, 16; рис. 7, 15; рис. 10, 12). Миска с острыми плечиками известна в Марьевском кургане (раскопки Н. И. Веселовского в 1912 г.)³⁸; миски с отогнутыми плечиками более распространены в ранней группе погребений Усть-Лабинского могильника³⁹. Средние размеры этих мисок: высота — около 10 см, диаметр устья — около 20 см.

В погребении № 6 1949 г. у изголовья стояла высокая миска в виде усеченного конуса, с прямыми стенками, без лощения; ее желтоватая поверхность сглажена (рис. 10, 1). Среди мелких сосудов справа от погребенных ставились небольшие мисочки, с плавно загнутым внутрь бортиком, чаще всего без лощения с хорошо сглаженной по-

³⁴ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3, стр. 56 и сл.; его же. Новые данные по сарматской культуре..., стр. 119 и сл.; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры..., стр. 151 и сл.

³⁵ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 163, рис. 2, 2.

³⁶ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук соч., табл. III, 1, 2.

³⁷ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 163, рис. 2, 19.

³⁸ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 72 (верхний ряд справа).

³⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 161, рис. 1, 5, 6.

верхностью желтовато-серого цвета (рис. 5, 10). Мисочки этого вида найдены лишь в погребениях с гончарной керамикой.

Как правило, в ногах покойников миски не ставились. Исключение составляет женская могила № 3 1949 г., в которой найдена очень большая лощеная миска с плавно загнутым внутрь краем (сосуд не реставрирован; диаметр его устья — более 40 см).

Особенностью чернолощеной керамики Пашковского могильника являются также высокие, стройных пропорций, блоковидные клубки с очень небольшим, неустойчивым дном и суженным в середине туловом. Их высота в среднем — 20—22 см. У таких кубков — по одной высокой ручке, овальной или прямоугольной в сечении, начинающейся или от самого края кубка, или несколько ниже края (рис. 5, 15; рис. 7, 16, 21; рис. 10, 13). Вместе с ними встречаются небольшие кувшинчики-кубки той же формы, но более приземистых пропорций (рис. 8, 4; рис. 10, 11). Все они тщательно лощены. Эти кубки не находят аналогий в ранних погребениях Усть-Лабинского могильника, но очень похожи на кувшины из Моздокского могильника, differing от последних более вытянутой формой и отсутствием резного орнамента⁴⁰. Самые поздние варианты моздокских кубков без орнамента по форме наиболее близки к мелким кубкам из Пашковского могильника.

Другой тип небольших кувшинчиков из Пашковского могильника — с шаровидным туловом, невысоким горлом в виде раструба и ручкой, идущей от края горла (рис. 7, 22), — аналогичен кувшинчикам первой хронологической группы (VI—V вв. до н. э.) Усть-Лабинского могильника⁴¹.

Среди мелких лощеных сосудов, преимущественно в погребениях с лепной керамикой (погребения № 4 1947 г. и № 6 1948 г.), встречались вазочки на высоких конических полых ножках с загнутым внутрь бортиком (рис. 5, 27). Они слабо залощены, причем поверхность — темного или светло-коричневого тона.

В погребениях № 4 и 9 1949 г. найдены оригинальные плоскодонные сосуды с раздутыми боками, украшенными вертикальными налепными валиками или ребрами, которые

идут сверху до дна и придают сосуду тыквообразную форму. У такого сосуда, обнаруженного в погребении № 4, на широкой части тулова имеется массивная горизонтальная ручка-упор (рис. 9, 16). Эти сосуды покрыты хорошим лощением черного цвета. В погребения их ставили с ритуальной целью, так как в них лежали гальки. Горшки с вертикальными налепными валиками известны в пашковском погребении № 2 1936 г. и в Зеленском могильнике⁴².

Среди лепной кухонной посуды без лощения преобладают горшки баночной формы, с довольно сильно раздутыми боками и обращенным внутрь бортиком без венчика (рис. 5, 21, 22); лишь у нескольких намечается небольшой прямо стоящий венчик. Размеры их различны; у наиболее крупных высота достигает 25 см. Вылеплены они из грубо промешанной глины с примесью шамота, иногда — песка. В изломе черепок — почти черного цвета, поверхность розовато-красная или желтовато-серая, бугристая, с пятнами нагара. Все они найдены в погребениях с гончарной керамикой и главным образом на восточном участке могильника. На западном участке лишь в могиле № 10 1949 г. был обнаружен большой горшок с раздутыми боками (рис. 10, 19), по пропорциям стоящий ближе к чернолощеному сосуду с налепными валиками из погребения № 4 1949 г. (рис. 9, 16).

Банкообразные горшки без венчика довольно широко распространены в Среднем Прикубанье, начиная с IV в. до н. э. и значительно позже. Аналогичные пашковским формы мы находим и в Усть-Лабинском⁴³, и в Елизаветинском могильниках. Подобные сосуды из Елизаветинского могильника тождественны пашковским не только по форме, но и по фактуре, и по качеству глины. Такой горшок из погребения № 35 (раскопки В. А. Городцова 1935 г.) датируется медной пантикапейской монетой IV в. до н. э. Такие же горшки известны в Марьевском кургане конца IV в. — III в. до н. э.⁴⁴

Среди горшков баночной формы в Пашковском могильнике были найдены два небольших, с горизонтальными массивными

⁴² Н. В. Анфимов. Новые материалы по меотосарматской культуре Прикубанья, стр. 73, рис. 19, 5.

⁴³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 165, рис. 3, 7; стр. 171, рис. 5, 4.

⁴⁴ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 72 (верхний ряд слева).

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., табл. II, 1; табл. X, XI, XIII.

⁴¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 161, рис. 1, 7.

ручками-упорами (рис. 7, 2). В обоих сосудах лежали гальки. Кроме горшков, в составе лепной нелощеной керамики встречались изредка небольшие миски с загнутым внутрь бортиком, шаровидные миниатюрные сосудики (рис. 9, 18) и кувшинчики малого размера, с одной ручкой или без нее (рис. 10, 5), которые по форме подражают местным кувшинам, изготовленным на гончарном круге.

Почти все виды лепных сосудов без черного лощения обнаружены в могилах с гончарной керамикой; это свидетельствует о постепенной замене архаических форм чернолощеной посуды новыми, появившимися на Кубани с IV—III вв. до н. э. В целом же лепная, особенно лощеная, керамика Пашковского могильника придает ему архаические черты, которых мы в столь резко выраженной форме не наблюдаем в одновременных погребениях (IV—III вв. до н. э.) Елизаветинского или Усть-Лабинского могильников. Такие формы, как грушевидные корчаги, узкогорлые горшки с яйцевидным туловом, вазочки и горшки с ручками-упорами, глубокие миски, более или менее находят аналогии в керамике скифского времени не только на Северном Кавказе, но и в широкой лесостепной полосе Северного Причерноморья — на Днестре, Южном Буге и в Приднпровье, в частности в бассейне Сулы и Ворсклы. Это сходство керамики не случайно, а явилось в результате тех реальных взаимосвязей, которые были установлены в раннескифское время населением Прикубанья с населением Приднпровья, в особенности его левобережья, что уже неоднократно отмечалось исследователями⁴⁵.

Не будь вместе с чернолощеной керамикой находок посуды, сделанной на гончарном круге, и амфор, можно было бы допустить значительную ошибку в датировке основной группы погребений. Большинство форм гончарной керамики аналогично сосудам елизаветинских грунтовых погребений и Марьевского кургана конца IV в.— III в. до н. э.; более отдаленное сходство мы наблюдаем с сероглиняной керамикой из погребений IV—III вв. до н. э. Усть-Лабинского могильника.

Пашковские гончарные сосуды не только по форме, но и по глине близки елизаветинским и марьевским. Сосуды, особенно кувшины, — тонкостенные и сделаны из прекрасно отмученной глины с серебристыми блестками, иногда с примесью мелких известковых частиц. Цвет глины серовато-голубой, желтовато-серый и, реже, красный. Сосуды из голубой и красной глины в изломе ровного цвета; желто-серые сосуды в изломе имеют более темную прослойку. Глина этих сосудов легко режется и пачкается. Поверхность сосудов лощеная, но вследствие мягкости глины на многих сосудах следы лощения лишь едва сохранились.

Судя по сходству ряда форм и качеству глины, можно думать, что многие сосуды Пашковского могильника были изготовлены гончарами Елизаветинского городища.

Большинство сосудов сделано на низком кольцевидном поддоне. Определенная зависимость гончарной лощеной посуды от боспорского гончарного производства сказывается в довольно многих формах, представляющих собой сильно переработанные на свой манер реплики греческой, точнее — боспорской посуды. К этой группе сосудов Пашковского могильника относится красноглиняный лутерий из погребения № 1 1947 г. (рис. 5, 8). Его местное меотское происхождение несомненно, судя по глине и общей грубоватости формы. Сюда же следует отнести «амфору» из голубой глины с 2 лентовидными ручками, найденную в том же погребении и представляющую собой отдаленную копию боспорских акварельных пелик (рис. 5, 11). Один из вариантов амфоровидных сосудов, — более вытянутых пропорций, чем пашковский экземпляр, — найден в Марьевском кургане⁴⁶.

Разнообразны по форме кувшины с одной лентовидной ручкой, начинающейся или от самого края невысокого цилиндрического горла с воронкообразным венчиком, или от его середины (рис. 5, 25; рис. 7, 1, 12, 23; рис. 9, 5, 6; рис. 10, 4, 6, 16). Их грушевидное тулово с покатыми плечиками очень похоже на тулово пелик (рис. 7, 12, 23; рис. 9, 6, рис. 10, 4, 6). Плечики некоторых сосудов отмечены легким ребрышком, горло часто украшается рядом параллельных бороздок (рис. 7, 12; рис. 9, 5, 6). Различные варианты кувшинов этого типа известны в Марьевском

⁴⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925; Б. Н. Граков. Скифи. Київ, 1947; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947; В. А. Іллінська. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 187.

⁴⁶ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 71 (в середине).

кургане⁴⁷ и Елизаветинском могильнике⁴⁸. Другая, не менее распространенная форма одноручных кувшинов имеет яйцевидное тулово с округлыми или слегка ребристыми плечиками; форма горла и ручек у этих кувшинов та же. Аналогичные формы встречены в том же Марьевском кургане⁴⁹ и Елизаветинском могильнике. Подобные сосуды известны и в группе усть-лабинских погребений IV в.—начала III в. до н. э.⁵⁰

У одного из самых больших кувшинов (высота — 34 см), найденных на восточном участке Пашковского могильника (погребение № 5 1947 г.), правильное яйцевидное тулово (наибольший диаметр в средней части) и небольшое воронкообразное горло, от края которого слегка наклонно к плечикам идет широкая лентовидная ручка (рис. 5, 25). На этом же участке были обнаружены небольшие кувшины с шаровидным туловом и узким воронкообразным горлом, без ручки или с лентовидной ручкой, идущей от края горла; некоторые из них по плечикам украшены параллельными бороздками (рис. 5, 23, 24). Эти кувшинчики характерны для сероглиняной керамики Елизаветинского могильника. Один подобный кувшинчик (такой, как на рис. 5, 24) найден в елизаветинском погребении № 35 (раскопки 1935 г), датированном пантикапейской монетой IV в. до н. э.

Сероглиняные миски на кольцевидном поддоне, столь распространенные в могильниках Прикубанья, особенно с III в. до н. э., в Пашковском могильнике встречались редко. Здесь мы нашли 2 самых обычных и простых типа: 1) с резко наклоненным внутрь прямым бортиком (рис. 8, 14) и 2) с мягко загнутым внутрь бортиком (рис. 7, 7). Возможно, что их прототипами явились лепные чернолощенные миски. В Елизаветинском могильнике наиболее ранние экземпляры таких мисок датируются IV—III вв. до н. э. Среди елизаветинской керамики IV—III вв. до н. э. мы находим много маленьких мисочек с коротки-

ми загнутыми внутрь бортиками. Одна такая мисочка из обычной голубой глины найдена в погребении № 10 1948 г. Пашковского могильника (рис. 8, 14).

Без сомнения, для пашковских гончарных сероглиняных вазочек на высокой полой ножке, найденных Н. В. Анфимовым в погребении № 7 1937 г., образцами послужили лепные чернолощенные формы (рис. 5, 20).

Своеобразной местной формой являются 2 круглодонных сосуда с коротким прямым бортиком и горизонтальными широкими ручками-выступами: у сосуда из красной глины, найденного в погребении № 1 1947 г., были 2 ручки (рис. 5, 9), у сероглиняного сосуда из погребения № 4 1949 г. — одна широкая ручка с дырочкой (рис. 9, 17). По форме ручек эти сосуды переключаются с лепными горшками, имеющими ручки-упоры (рис. 7, 2). Близкие пашковским образцам круглодонные сероглиняные сосуды с одной или двумя горизонтальными ручками были обнаружены в Марьевском кургане⁵¹. Более отдаленные аналогии мы находим в керамике из погребений III—II вв. до н. э.⁵² Усть-Лабинского могильника.

Таким образом, вся сероглиняная и красноглиняная керамика Пашковского могильника, тесно связанная с елизаветинским и соседним с ним марьевским погребальными комплексами, датируется в целом IV—III вв. до н. э. В ней отсутствуют наиболее характерные для III—II вв. до н. э. местные кубанские формы, выделенные Н. В. Анфимовым по материалам Усть-Лабинского и Ладожского могильников.

Тем же временем датируется и привозная керамика. В могильнике было найдено около 20 целых и разбитых амфор, среди которых имеются синопские, фасосские (рис. 6, 2, 3) и преимущественно из неизвестных керамических центров (рис. 6, 1, 4). Амфора из погребения № 1 1947 г. с раздутым коническим туловом и крутыми плечиками (рис. 6, 1) относится к типу амфор с рюмкообразной ножкой⁵³. Ее массивная высокая ножка сколота. На верхней части широкой, оваль-

⁴⁷ ОАК за 1912 г., стр. 71 (слева), рис. 72 (нижний ряд слева).

⁴⁸ Труды Краснодарского гос. педагогического института, т. VI, вып. 1, 1937, стр. 24, рис. 19 (верхний ряд справа).

⁴⁹ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 71 (справа); Труды Краснодарского гос. педагогического института, т. VI, вып. 1, стр. 24, рис. 19 (верхний ряд слева).

⁵⁰ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 165. рис. 3, 8, 9.

⁵¹ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 73 (нижний ряд справа).

⁵² Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 176, рис. 8, 12; стр. 175, рис. 7, 11; стр. 178, рис. 9, 10, 11.

⁵³ И. Б. Зеев. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 111, рис. 2, 6.

ной в сечении, ручки имеется врезанное клеймо в виде незамкнутого кружка. По форме эта амфора аналогична амфорам такого типа из находок в Фанагории конца IV в.—III в. до н. э., как мне любезно указала И. Б. Зеест. Глина описываемой нами амфоры, как и фанагорийских, содержит значительную примесь белого кварцевого песка, хотя и отличается ярким красно-оранжевым цветом. Центр производства амфор не установлен.

Очевидно, того же типа амфора была поставлена в ноги погребенного воина в разрушенной могиле № 14 1948 г. От амфоры сохранилась лишь массивная ножка с большой выемкой на дне (рис. 8, 18). Глина — с блестками кварца и белыми частицами. Судя по сохранившимся обломкам амфор, найденных в погребениях № 1 и 3 при раскопках Н. В. Анфимова и М. В. Покровского⁵⁴, эти сосуды также относятся к типу амфор на рюмкообразной ножке.

Фасосские амфоры из наших раскопок (погребения № 1 1948 г. и № 4 1949 г.) — это ранние образцы, относимые И. Б. Зеест к IV в. до н. э.⁵⁵ Подобно тому как в местной сероглиняной керамике Пашковского могильника отсутствуют образцы II в. до н. э., так и среди амфорного материала нет экземпляров II в. до н. э., в частности родосских амфор, довольно часто находимых на городищах и в могильниках Прикубанья.

Кроме амфор, нами обнаружен только один предмет греческого керамического импорта: в женской могиле № 3 1949 г. среди погребального инвентаря находился венчик чернолакового арибаллического лекифа (рис. 9, 2). По определению В. Д. Блаватского, лак — III в. до н. э. Нижняя часть венчика хорошо отшлифована; возможно, его использовали в качестве пряслица.

Все мужские погребения Пашковского могильника сопровождаются оружием, что говорит о воинственности населения. Очевидно, мужчины данного меотского племени составляли основной контингент пехоты, вооруженной прежде всего копьями и луком со стрелами. Как и у скифов, мечи встречаются у рядового меотского населения довольно редко и главным образом у более зажиточных представителей племени. Материалы из мо-

гильников Прикубанья IV—III вв. до н. э. свидетельствуют о выработке своеобразных форм наступательного оружия, отличавшихся от оружия скифов Северного Причерноморья и присущих в основном синдо-меотскому населению Таманского полуострова и Кубани.

У синдо-меотских мечей IV—III вв. до н. э. — короткая плоская рукоятка, выкованная из одной полосы с клинком и снабженная коротким брусковидным (реже — «антенным») навершием, без металлического перекрестья. В Пашковском могильнике найдены 3 экземпляра такого меча с коротким брусковидным навершием (рис. 5, 6; рис. 8, 10; рис. 9, 14). Мечи синдо-меотского типа известны и в грунтовых могильниках, и в курганах в следующих пунктах: в одном из Семибратских курганов, в каменном ящике близ станицы Анальской⁵⁶, в погребении № 2 Елизаветинского могильника (раскопки 1934 г.), в Елизаветинских курганах, Курджипском кургане, в кургане № 15 у станицы Воронежской (раскопки Н. И. Веселовского 1903 г.; рис. 10, 22), в погребении № 3 1938 г. Усть-Лабинского могильника № 2⁵⁷. За пределами меотского расселения мне известны лишь 2 находки такого меча: в кургане близ Ставрополя (по материалам из Эрмитажа) и в одной из развееванных могил Грозненской области по раскопкам Е. И. Крупнова в 1955 г.

Пашковские мечи из погребений № 8 1948 г. (с лепной керамикой) и № 1 1947 г. (с гончарной керамикой) — короткие: длина первого — 58 см, второго — 46,5 см. У них плоские треугольные обоюдоострые клинки (рис. 5, 6; рис. 8, 10), похожие на клинки акинаков из скифских курганов Солоха и Чертомлык. Функционально они, вероятно, ничем не отличались от скифских акинаков. Это преимущественно колющее оружие вспомогательного значения для пешего боя. Меч из Ставропольского кургана (Эрмитаж) подобен этим пашковским экземплярам. Сам курган датируется началом IV в. до н. э., а может быть, и концом V в. до н. э., судя по форме бронзового трёхлопастного наконечника стрелы и зеркала с большим круглым диском и длинной плоской ручкой, оканчи-

⁵⁴ Краснодарский краеведческий музей, инв. № 2893 и 2895.

⁵⁵ И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 114, рис. 3, 1.

⁵⁶ Об этой находке 1951 г. мне любезно сообщил Н. В. Анфимов.

⁵⁷ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 167, рис. 4, 5.

вающейся круглым дисковидным навершием. Короткий меч этого типа, отличающийся «антенным» навершием (длина — 63 см), из погребения № 2 Елизаветинского могильника 1934 г.⁵⁸, представляет собой, вероятно, один из поздних вариантов этого типа. Могила датируется пантикапейской монетой второй половиной III в. до н. э.

Меч из погребения № 4 1949 г., датированный фасосской амфорой, отличается от первых 2 экземпляров своей длиной и формой клинка (рис. 9, 14). Общая длина меча — 75—78 см. Клинок обоюдоострый, плоский и широкий (ширина — до 6 см); лишь в последней трети длины клинок суживается и заостряется, причем конец его слегка изогнут и заточен с одной стороны. Этот меч тождествен массивному мечу (длина его — не менее 90 см) из Грозненской области (раскопки Е. И. Крупнова 1955 г.). Безусловно, это оружие было предназначено прежде всего для сильного рубящего удара. Рубящие мечи с широким и длинным клинком существовали у меотов параллельно с короткими мечами для колющего удара; они найдены в погребальных комплексах Прикубанья IV в. — начала III в. до н. э. Такие мечи мне известны в Елизаветинском кургане из раскопок Н. И. Веселовского 1913 г. (Эрмитаж), в погребении № 3 1938 г. Усть-Лабинского могильника (Краснодарский краеведческий музей) и в кургане № 15 у станицы Воронежской. Длина меча из Усть-Лабинского могильника — не менее 70 см (его конец плохо сохранился) при наибольшей ширине клинка 5 см. Особенно поразителен меч из упомянутого кургана № 15 у станицы Воронежской (рис. 10, 22)⁵⁹. Меч найден в обломках, в ограбленном кургане. Длина целевших частей меча — 73 см; верхняя часть ручки и конец клинка не сохранились. Общая длина меча была не менее 90 см. Ширина его плоского клинка у основания ручки — около 7 см, затем он постепенно суживается к концу. На клинке меча сохранились остатки дерева и сверху — куски тонкой кожи (с рябой поверхностью) от ножен. Этот меч служил оружием богатого конного воина, защищенного чешуйчатым панцирем (конское по-

гребение и остатки панциря найдены в кургане). Следовательно, уже в IV в. до н. э. меотские конные воины были вооружены длинными рубящими мечами; более короткие мечи использовала, очевидно, и меотская пехота.

За исключением обломка бронзового наконечника стрелы архаического типа (рис. 5, 12), найденного в слое Пашковского могильника (раскоп Б 1947 г.), все наконечники стрел из пашковских погребений железные, втульчатые, трехгранные (рис. 5, 7; рис. 8, 11, 17; рис. 9, 15). В большинстве могил они найдены всего по несколько экземпляров, лишь в погребении № 4 1949 г., с длинным мечом, было около 50 наконечников (рис. 9, 15); они лежали плотной массой рядом с мечом у левого бедра воина, обращенные головками к его ногам. Безусловно, наконечники лежали в колчане, остатки которого не сохранились. В могиле № 1 1947 г. наконечники стрел, не растащенные грызунами, также были положены в ряд с мечом, параллельно левой руке воина и, как меч, были обращены остриями к голове. Очевидно, здесь стрелы тоже были в колчане (рис. 5, 7).

Известно, что на Кубани железные наконечники стрел распространились очень рано. Они известны в большом количестве в Ульском кургане № 1, раскопанном Н. И. Веселовским в 1898 г. (VI в. до н. э.)⁶⁰. Их общая длина — 2 см, причем трехгранная головка составляет половину всей длины наконечника (рис. 10, 21).

Образцы наконечников стрел, приближающиеся по форме и размеру к ульским, в Пашковском могильнике найдены только в погребениях с лепной, чернолощеной керамикой (№ 8 и 13, 1948 г.). В первом из этих погребений (с коротким мечом) 7 наконечников стрел имели длину от 2 до 3,3 см (рис. 8, 11). В погребении № 13 у двух хорошо сохранившихся наконечников (из четырех) длина составляла 2,7 см; третий был крупнее. У четвертого наконечника, очевидно, была плоская головка, характерная для скифского архаического времени (рис. 8, 17). В погребениях с гончарной керамикой (№ 1, 1947 г.; № 4 и 10, 1949 г.) формы наконечников стрел тоже трёхгранные, головки их составляют половину или немного больше длины самого наконечника, зато больше их общая длина (рис. 5, 7; рис. 9, 15). Длина самых мелких

⁵⁸ Музей антропологии и этнографии, инв. № 5266/13.

⁵⁹ ГИМ, инв. № 48478, Оп. III/286, № 1.

⁶⁰ ОАК за 1898 г., стр. 31, рис. 43.

наконечников стрел (их немного) составляет 2,7 см, а большинства наконечников — 3,5—3,8 см; длина самых крупных достигает 4,5—5 см. У крупных экземпляров хорошо выражены лопасти. Такие наконечники стрел широко применялись в Прикубанье с IV в. до н. э.

Наиболее распространенным видом наступательного оружия меотского населения Пашковского района было легкое копье. В мужских погребениях IV—III вв. до н. э. Пашковского могильника наконечники копий встречались в количестве от 1 до 7 экземпляров. Их число, судя по погребальному инвентарю в целом, зависело от степени зажиточности погребенного. Воины, имевшие меч и колчан со стрелами, были также обязательно вооружены и несколькими копьями.

Наконечники копий найдены преимущественно в могилах с гончарной керамикой и лишь в 3 погребениях с лепной керамикой (№ 2, 8 и 13, 1948 г.). В последних преобладают небольшие наконечники, длиной не более 25 см (рис. 7, 14; рис. 8, 7—9). Плоское (без срединного ребра) перо копий составляет от половины до двух третей длины всего наконечника. Перо такого копья изредка имеет узкую ланцетовидную форму (рис. 8, 8), чаще — треугольную, и в таком случае втулка копья резко переходит в перо под тупым или почти прямым углом (рис. 8, 7, 9). Последний тип особо характерен для Закавказья и, вероятно, заимствован меотами из этой области. Оба типа этих небольших наконечников копий встречаются и в погребениях с гончарной керамикой (например в могиле № 1 1948 г.; рис. 7, 8—10). Любопытно, что в обоих погребениях оказался одинаковый набор копий. Небольшие наконечники копий с ланцетовидным пером, близкие по форме пашковским, найдены Н. В. Анфимовым в группе могил IV в. — начала III в. до н. э. Усть-Лабинского могильника № 2⁶¹.

Однако основной формой наконечника копья в могилах с гончарной керамикой является длинный наконечник (от 32 до 46 см длиной) с узким и плоским ланцетовидным пером, составляющим не менее $\frac{2}{3}$ всей длины наконечника (рис. 5, 2—5; рис. 9, 9—13; рис. 10, 2). Этот тип копья, удобный для борьбы с противником, вооруженным чешуйчатым

панцирем, встречается вместе с небольшими, описанными выше наконечниками копий в одних и тех же погребальных комплексах (например в погребении № 1 1948 г.; рис. 7, 8—10). Сочетание таких же типов копий мы находим в группе курганов у станицы Воронежской (раскопки Н. И. Веселовского 1903 г., курган № 16)⁶². Наиболее длинным является наконечник копья (длина — более 46 см) закавказского типа из погребения № 4 1948 г. (рис. 7, 18). Он отличается от прочих длинных и узких наконечников резким переходом от втулки к перу. Вообще следует отметить разнообразие типов копий у древнего населения Прикубанья, отличающихся от скифских копий Приднепровья, и, очевидно, большую роль копейщиков-пехотинцев в меотском войске.

Редкие случаи захоронения верховых коней или части конской сбруи в меотских грунтовых могильниках Прикубанья свидетельствуют о том, что основная часть меотского рядового населения составляла пехоту. В курганах же, начиная с VI в. до н. э., мы встречаем захоронения преимущественно конной военной аристократии прикубанского населения.

Предметы конского убора были обнаружены в Пашковском могильнике лишь дважды, вместе с черепом коня. Как я отмечал выше, захоронения конских голов со сбруей известны в группе курганов у станицы Воронежской (курган № 16 1903 г.)⁶³.

В Пашковском могильнике близ погребения № 14 1948 г. при конском черепе найдены обломки железных удил с двудырчатыми псалиями (рис. 8, 19). Тип пашковских удил с 4 крестообразно расположенными шипами у основания колец, игравшими роль трензеля, хорошо известен в богатых скифских курганах Приднепровья IV в. до н. э. (Чертомлык, «Козел», Краснокутский курган и др.), одно-временных меотских курганах (курганы у станиц Елизаветинской и Воронежской⁶⁴) и других грунтовых могильниках Прикубанья (Елизаветинский и Усть-Лабинский)⁶⁵.

У пашковских псалиев — 2 отверстия. Длинный конец одного псалия имеет вид про-

⁶² ГИМ, инв. № 48479.

⁶³ ОАК за 1903 г., стр. 71—72.

⁶⁴ Там же, стр. 75, рис. 152, 153.

⁶⁵ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 183, рис. 12, 11.

⁶¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 167, рис. 4, 12.

стого, слегка утолщенного к концу стержня, короткий же согнут под прямым углом. Такой тип псаля известен в Семибратних курганах. У другого псаля конец трактован как копыто лошади. Плохая сохранность костей в пашковских могилах не всегда позволяет точно определить пол погребенных и уверенно считать все могилы с оружием мужскими. Есть основание думать, что изредка оружие клали в женские могилы, как у сармат. Так, в могиле № 10 1949 г. в составе инвентаря найдены 2 железных наконечника стрел вместе с глиняным пряслицем, обычно сопровождающим женские захоронения. Оружие в женских могилах, по аналогии с сарматскими погребениями, является одним из признаков пережитков матриархата, которые, по свидетельству античных авторов, были в какой-то степени присущи и меотскому населению Приазовья. Могила № 10 интересна еще в одном отношении: в ней, при наличии богатого погребального инвентаря и при хорошей сохранности костей животных, отсутствует человеческий скелет. То же — в могиле № 6 1949 г., где в составе инвентаря имеется наконечник копья с ланцетовидным пером (рис. 10, 2). Обе могилы, вероятно, представляют собой кенотафы, сооруженные для погибших на стороне меотских воинов.

Предметы труда — орудия и инструменты — встречаются в пашковских могилах значительно реже, чем оружие. В меото-сарматских могильниках Прикубанья довольно часто попадаются железные серпы, свидетельствующие о земледельческом характере древнего прикубанского населения. Н. В. Анфимов выделил 2 основных типа меото-сарматских серпов⁶⁶. Наибольшее количество ранних меотских серпов IV—III вв. до н. э. найдено в Елизаветинском могильнике (6 экземпляров). Все они имеют слабо изогнутое лезвие и длинный массивный черенок, конец которого загнут для прикрепления деревянной рукоятки. Такой же серп обнаружен в могиле воина (№ 6 1947 г.) Пашковского могильника вместе с наконечником копья (рис. 7, 6).

Из предметов труда в пашковских могилах чаще всего встречаются, вместе с костью

ми животных, небольшие железные ножички (рис. 7, 5; рис. 8, 12, 16; рис. 10, 14), служившие для разрезания заупокойной пищи. У них короткие черенки с остатками деревянных рукояток и серповидное или прямое лезвие. В одной из могил найден большой нож с серповидным лезвием (рис. 9, 22). Ножички с серповидным лезвием характерны главным образом для погребений с лепной керамикой.

Изредка встречаются железные шилья с четырехгранным или круглым в сечении стержнем (рис. 7, 4; рис. 10, 15). В женских могилах найдены глиняные пряслица 3 типов: битрапецеидные (рис. 9, 7), полусферические (рис. 9, 8) и в виде усеченного конуса (рис. 10, 17). Подобные пряслица известны в Елизаветинском и Усть-Лабинском могильниках.

Среди украшений в Пашковском могильнике обнаружены бронзовые браслеты, височные кольца, перстни и стеклянные бусы. Предметы украшения, особенно браслеты и бусы (в небольшом количестве) найдены и в мужских могилах с оружием. Браслеты были предметами туземного производства, формы которых, очевидно, развились из древних местных украшений.

Наиболее распространенным типом браслетов, найденных в могилах и с лепной, и с гончарной керамикой, являются браслеты, согнутые из массивных — круглых или овальных в сечении — бронзовых прутков (обычно внутренняя сторона слегка уплощена) с несомкнутыми или заходящими друг на друга концами, чаще тупыми, реже заостренными (рис. 5, 1, 18, 19; рис. 7, 13, 19, 20; рис. 8, 5; рис. 9, 20, 21; рис. 10, 9, 10). Некоторые браслеты украшены несложным резным орнаментом в виде поперечных борозд и крестиков (рис. 7, 13, 19, 20; рис. 8, 5). Подобные браслеты известны также в таврских каменных ящиках Крыма V—IV вв. до н. э.⁶⁷ Это сходство не случайно. Многие исследователи⁶⁸ уже отмечали поразительное сходство

⁶⁷ Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909.

⁶⁸ Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948 стр. 29; А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 123.

⁶⁶ Н. В. Анфимов, Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья, стр. 150, рис. 1, 1, 2.

ряда северокавказских вещей, особенно бронзовых, с крымскими, что объясняется тесными межплеменными связями Северного Кавказа с Крымом, в результате которых древнее крымское население, лишенное своего сырья для производства медных или бронзовых предметов, получало бронзовые изделия из разных районов Северного Кавказа, в том числе и из Закубанья.

Кроме массивных браслетов, в Пашковском могильнике найдены браслеты, согнутые из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 10, 8, 20). Среди них имеется спиральный браслет в 3 оборота с расплюснутыми концами в виде змеиных головок; он обнаружен вместе с массивными браслетами с несомкнутыми концами (могила № 9 1949 г.; рис. 10, 8).

В женском погребении № 3 1949 г. найден обломок перстня из тонкой бронзовой пластинки с овальным щитком, на котором выгравирован рисунок (рис. 9, 3). Такие перстни известны и в Усть-Лабинском могильнике⁶⁹.

Височные кольца из Пашковского могильника — овальные, согнутые из массивной круглой проволоки в полтора оборота. Концы кольца украшены нарезкой (рис. 5, 13) или имеют пирамидальные утолщения (рис. 8, 2). Последний тип представляет упрощенную схему золотых височных колец Пантикапея, из которых ранние относятся к V в. до н. э. Подобные украшения характерны также для Прикубанья и Тамани, главным образом для погребений IV в. до н. э. В таманских богатых курганах встречены такие браслеты, сделанные из золота или из бронзы с золотой обкладкой. Бронзовая подвеска с пирамидальными утолщениями на концах, обложенная золотом, найдена Н. И. Веселовским в 1903 г. в кургане у станицы Гастагаевской⁷⁰.

Стеклянные бусы обнаружены главным образом возле шеи и груди погребенных, реже — около кистей рук, где они составляли обшивку рукавов или браслеты. Подобные браслеты из крупных зонных глазчатых бус синего прозрачного стекла встречены в 2 погребениях с лепной керамикой (погребения

№ 4 1947 г. и № 6 1948 г.; рис. 5, 17; рис. 8, 3). Такие же бусы находились около шеи. Кроме того, в могилах обеих подгрупп попадались мелкие бусы — кольцевидные и битрапециодные — из синего, реже — из зеленого и желтого прозрачного стекла (рис. 5, 17; рис. 8, 3; рис. 9, 4, 19).

В погребении № 4 1947 г. (с лепной керамикой) вместе с битрапециодными и зонными глазчатыми бусами из синего стекла найдены подвески из такого же стекла в виде пирамидок (рис. 5, 17). Эта группа бус встречается в погребальных комплексах V—IV вв. до н. э. и на других территориях Северного Причерноморья. В погребении № 6 1949 г. обнаружены бусы из прозрачного белого стекла в виде амфорок (рис. 10, 3). Такие бусы известны в кубанских погребениях не ранее III в. до н. э., например в Усть-Лабинском могильнике⁷¹ и в курганах Бесленевской станицы⁷². Могила № 6 1949 г., где найдены эти бусы, — одна из самых поздних. Лепные сосуды из этой могилы не имеют архаических черт и черного лощения, характерного для остальных могил IV—III вв. до н. э.

В целом, основная группа погребений Пашковского могильника, судя по их инвентарю, датируется главным образом IV в. и началом III в. до н. э. Среди них группа погребений с лепной керамикой относится к IV в. и, возможно, к концу V в. до н. э. Приблизительно с середины IV в. до н. э. в Прикубанье, под воздействием Боспорского царства, широко распространились местная сероглиняная керамика и греческий импорт (преимущественно амфоры). Большинство погребений с гончарной керамикой и архаическими чернолощеными местными сосудами должны быть датированы второй половиной IV в. — началом III в. до н. э. Никакого резкого хронологического разрыва между этими подгруппами погребений нет, судя по единству погребального обряда и местных форм лепной посуды, оружия и украшений.

Особую группу составляют погребения № 5, 7 и 12 (раскопки 1948 г.), где костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Погребения

⁶⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 187, рис. 14, 1.

⁷⁰ ГИМ, инв. № 48478.

⁷¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 187, рис. 14, 6.

⁷² ОАК за 1895 г., стр. 29.

бедные: как правило, при скелетах найдены лишь небольшие лепные сосуды в виде мисочки, кувшинчика или горшочка, стоявшие в ногах или у руки покойника; миски под головой нет. По глине сосуды эти не отличаются от лепной керамики основной меотской группы погребений. Почти все сосуды найдены в мелких обломках, и их форма целиком не восстанавливается. Одни обломки — из черной глины с примесью песка, их поверхность лощеная; другие имеют в изломе розовый цвет, а сверху — желто-серый. Удалось целиком восстановить лишь один кувшинчик из погребения № 7 1948 г. (рис. 8, б); по форме он напоминает сосуды из позднекобанских погребений и близок кувшинчику из могильника Закуты у с. Советское (Кашкатау) Кабардинской АССР, исследованного Е. И. Крупновым в 1948 г., который относит могильник к VII—VI вв. до н. э.⁷³ Некоторое сходство кувшинчик из погребения № 7 1948 г. имеет и с мелкими сосудами первой хронологической группы погребений Усть-Лабинского могильника (VI—V вв. до н. э.), особенно по характеру массивной, овальной в сечении ручки, верхний конец которой выступает над краем сосуда⁷⁴.

В этом же погребении найдены обломки небольшой миски с загнутым внутрь краем. Фрагменты подобных мисок встречены и в погребении № 12 1948 г. вместе с небольшим кувшинчиком, имеющим плоское дно, округлое тулово и невысокий прямой, слегка отогнутый венчик. В погребении № 5 обнаружены фрагменты чернолощенных сосудов: плоскодонного баночной формы с выступающим днищем; обломок стенки сосуда с горизонтальными бороздками; часть короткого, резко отогнутого наружу бортика. Три зонных бусины из синего прозрачного стекла (рис. 8, 1), найденные в этом же погребении, также объединяют эту группу и основную группу погребений с лепной керамикой; поэтому хронологически они близки к ранней подгруппе вытянутых погребений с южной и юго-восточной ориентировкой и, вероятно, относятся к V—IV вв. до н. э. Возможно, что это погребения представителей другой этни-

ческой и социальной группы, жившей в составе основной массы меотского населения и в какой-то мере находившейся в зависимости от него.

В 1948 г. в Пашковском могильнике обнаружено погребение (№ 3), хронологически и по культуре не связанное с другими погребальными группами этого могильника. В погребении находился женский костяк, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на север. Череп погребенной был искусственно деформирован. По всем признакам — ориентировке, положению кисти одной из рук на тазовых костях, по деформации черепа, находке мелких бус, составлявших, очевидно, обшивку одежды, — мы здесь встретили сарматское погребение поволжского типа III—V вв. н. э. Набор мелких бус соответствует набору бус из позднесарматских погребений Поволжья (рис. 7, 17). Среди них имеются: шаровидная с внутренней позолотой, цилиндрические из красной стекловидной пасты, зонные из зеленого, синего и желтого полупрозрачного стекла.

В первые века нашей эры искусственная деформация головы у различных племен была распространена не только в Поволжье, но и в степях Северного Причерноморья, в Крыму, на Северном Кавказе, в частности на Кубани и Таманском полуострове. Одним из основных районов распространения этого обычая было Нижнее Поволжье, заселенное сарматскими племенами аланов и аорсов.

На Кубани нам известны пока лишь 4 пункта, где были обнаружены отдельные погребения первых веков нашей эры с искусственной деформацией головы у покойников: указанное погребение № 3 1948 г., Пашковского могильника № 3, одно из погребений IV—V вв. н. э. Пашковского могильника № 1⁷⁵, несколько погребений у станицы Ново-Лабинской, дополнительно исследованных Н. В. Анфимовым в 1947 г. (дата этих погребений не совсем ясна из-за отсутствия надежного для датировки погребального инвентаря) и в районе древней Фанагории⁷⁶.

⁷³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 99.

⁷⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 171, рис. 1, 7, 10.

⁷⁵ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры..., стр. 155.

⁷⁶ ОАК за 1870 г., стр. VII—VIII; В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 293.

МЕСТО ПАШКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 3 СРЕДИ ДРУГИХ МОГИЛЬНИКОВ ПРИКУБАНЫЯ И ЕГО ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Изучение грунтовых могильников Прикубанья показало, что оседлые земледельческие племена, оставившие эти могильники, были близки друг другу по материальной культуре. Локальные различия намечаются прежде всего по отдельным чертам погребального обряда, причем среди наиболее древних скорченных погребений этих различий значительно меньше. Уже при настоящем состоянии изучения прикубанских могильников можно выделить отдельные группы их, где мы встречаем в основном один и тот же обряд. При дальнейшем исследовании грунтовых могильников станет возможным выделение — по общим признакам погребального обряда и инвентаря — отдельных племенных групп древнего населения Среднего Прикубанья. В настоящее время все исследователи кубанских древностей приходят к единодушному заключению, что при общем единстве культуры прикубанского населения VI в. до н. э. — первых веков нашей эры городища и могильники к западу от одного из самых крупных притоков Кубани — р. Лабы несколько отличаются от одновременных памятников, расположенных восточнее этой реки. Эти различия особенно четко намечаются, начиная с III—II вв. до н. э. Для более раннего времени пока трудно говорить о различиях, поскольку почти все грунтовые погребения VI—IV вв. до н. э. обнаружены в могильниках к западу от р. Лабы.

Городища и могильники Восточного Приазовья и Среднего Прикубанья, культурное единство которых впервые отметил Н. В. Анфимов⁷⁷, могут быть связаны с группой меотских племен. Античные авторы называли мётами племена, жившие близ Меотиды (Азовского моря); этническое единство этих племен не доказано. В данную группу племен входило, очевидно, и древнее население района Пашковской станицы.

Сравнивая наиболее изученные могильники Среднего Прикубанья, расположенные западнее Лабы, — Усть-Лабинский, Пашковский и Елизаветинский, мы можем говорить

об исключительной близости (по признакам обряда и предметам материальной культуры, особенно керамики) погребений IV—III вв. до н. э. Пашковского, Елизаветинского и Зеленского могильников. Безусловно, здесь мы имеем дело с одним и тем же меотским населением, имевшим ряд родовых поселений — городищ по правобережью Кубани на участке от станицы Елизаветинской до Пашковской. Древнее население района Усть-Лабинской станицы, вероятно, входило в другую племенную группу, родственную елизаветинско-пашковской группе.

Материалы Пашковского, Елизаветинского и Зеленского могильников убеждают нас в том, что курганные могильники IV—III вв. до н. э. по правобережью Кубани, особенно в районе станиц Марьевской, Елизаветинской и Воронежской, были тесно связаны с соседними городищами и грунтовыми могильниками и также принадлежали различным меотским племенам. Я выше уже отмечал близость погребального обряда и инвентаря Пашковского могильника и отдельных погребений Воронежской группы курганов. Различия между ними — социальные: в Пашковском могильнике хоронили рядовое меотское население, в курганах погребены представители меотской военной племенной аристократии.

Исключительной особенностью Пашковского могильника, которая отличает его и от Елизаветинского могильника, является сохранение вплоть до III в. до н. э. архаической лепной чернолощеной посуды. Отсутствие этой керамики в одновременных погребениях Елизаветинского могильника, возможно, объясняется тем фактом, что население Елизаветинского городища, подвергшееся более сильному влиянию со стороны Боспорского царства, интенсивнее развило производство своей сероглиняной гончарной керамики, которая целиком вытеснила производство чернолощеной лепной посуды. Вполне вероятно, что в IV в. до н. э. население Пашковского района получало высококачественную гончарную посуду с Елизаветинского городища, производством которой на этом городище доказано находками гончарных печей и керамического производственного брака. Это под-

⁷⁷ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 86.

тверждается не только общностью форм гончарной керамики обоих могильников, но и одинаковым составом глины сосудов.

Учитывая исключительно устойчивые и единообразные погребальные признаки (в том числе и одинаковую ориентировку покойников) почти всей группы погребений Пашковского могильника с конца V в. по III в. до н. э., нельзя оставить без внимания выделяющиеся 3 могилы с западной ориентировкой. Эти могилы по погребальному инвентарю относятся в целом к тому же времени и даже, точнее, к V—IV вв. до н. э. В меотских могильниках Прикубанья VI—III вв. до н. э. западная ориентировка покойников и по материалам Усть-Лабинского могильника⁷⁸ встречается довольно редко; она не является характерным погребальным признаком для меотов этого времени. Зато с III—II вв. до н. э. западная ориентировка заметно учащается, а в первые века нашей эры в некоторых могильниках начинает преобладать⁷⁹; она распространяется параллельно с сарматскими признаками культуры, которые становятся особенно заметны в памятниках Прикубанья с III—II вв. до н. э. При ярко выраженных чертах сарматского обряда и инвентаря западная ориентировка характерна и для захоронений Zubовско-Воздвиженской группы курганных погребений I в. до н. э.—I в. н. э., которые, вероятно, принадлежали сарматским племенам сираков⁸⁰, расселившихся к тому времени, по свидетельству Страбона⁸¹, из предкавказских степей к югу — до Кавказских гор.

Основным районом кочевий сираков, по видимому, с давних пор были задонские степи и, в частности, бассейн Маныча (Ахардея античных писателей). Почти все известные сарматские погребения этих степных районов как последних веков до нашей эры, так и более позднего времени, имеют западную ориентировку в отличие от поволжской группы сармат, где с III в. до н. э. в течение 3—4 столетий господствовала южная ориентировка погребенных.

⁷⁸ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 158, 162.

⁷⁹ Там же, стр. 192.

⁸⁰ К. Ф. Смирнов. Основные линии развития меото-сарматской культуры Прикубанья. КСИИМК. XLVI, 1952.

⁸¹ Страбон. География, XI, 2, 1; ВДИ, 1947. № 4, стр. 209.

Вероятно, постепенное распространение в Прикубанье западной ориентировки покойников, чуждой его древнему земледельческому населению, следует связывать с воздействием соседних сиракских кочевых племен, постепенно проникавших в состав меотского населения. В последние века до нашей эры кочевые сиракские племена заняли отдельные районы Прикубанья, особенно западнее Лабы, где ярче и раньше всего проявляются археологические признаки сармат.

Отдельные погребения с западной ориентировкой, появившиеся с V—IV вв. до н. э. в Пашковском и Усть-Лабинском могильниках, видимо, можно считать одним из наиболее ранних признаков проникновения сираков в меотскую среду. Однако наиболее характерные признаки сарматской культуры — оружие (мечи прохоровского типа), звериный стиль, обряд битья или деформации зеркала, подбойная или катакомбная форма могилы, куски мела и меловая подсыпка в могиле и т. д., — чуждые населению всего Прикубанья, начали постепенно распространяться здесь только с III—II вв. до н. э.

Признавая довольно раннее проникновение на Кубань отдельных сарматских элементов культуры и даже отдельных сарматских этнических групп, я не могу согласиться с мнением Н. В. Анфимова, который считает савроматов, наряду с меотами, основным населением Прикубанья уже с VI в. до н. э.⁸² Это не вяжется не только с археологическими признаками сарматских племен и их культуры, хорошо известными в степях между Доном и Волгой, но и со свидетельствами ранних античных писателей (Геродота, Псевдо-Гиппократ, Псевдо-Скилака). Последние помещали савроматов непосредственно около Меотиды и главным образом в степях за Танаисом (Доном). Следовательно, основной массив савроматских кочевых племен в VI—IV вв. до н. э. находился севернее Прикубанья.

Нельзя забывать свидетельства Страбона о происхождении переднекавказских сармат — аорсов и сираков — из областей, лежащих севернее. Ныне известно, что типичные савроматские погребения VI—IV вв. до н. э., которые целиком соответствуют задонским и поволжским, в степях Предкавказья

⁸² Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху, стр. 259, 260; его же. Меото-сарматский могильник..., стр. 204.

распространены только в бассейне Маныча и в районе г. Степного. Кроме того, отдельные савроматские группы с поволжским погребальным обрядом и инвентарем довольно рано проникли в более восточные районы Северного Кавказа, судя по раскопкам Е. И. Крупнова 1955 г. в Грозненской области. Перемещение значительной части сарматских племен из северных степей к Кавказским го-

рам в последних веках до нашей эры, отмеченное Страбоном, сопровождалось широким распространением сарматской культуры на Северном Кавказе, в том числе и по всему Прикубанью; здесь она расцвела в первые века нашей эры в среде синдо-меотских и сарматских племен как одна из наиболее ярких культур древнего населения нашей страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИА — Институт археологии Академии наук УССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КФ АН СССР — Крымский филиал Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТСЭ — Тавро-Скифская экспедиция
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
ZOW — Z otchłani wiekow
ZWAK — Zbiór wiadomości do antropologij krajowji

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья	5
Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское)	103
О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма	248
К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской	272
Список сокращений	313